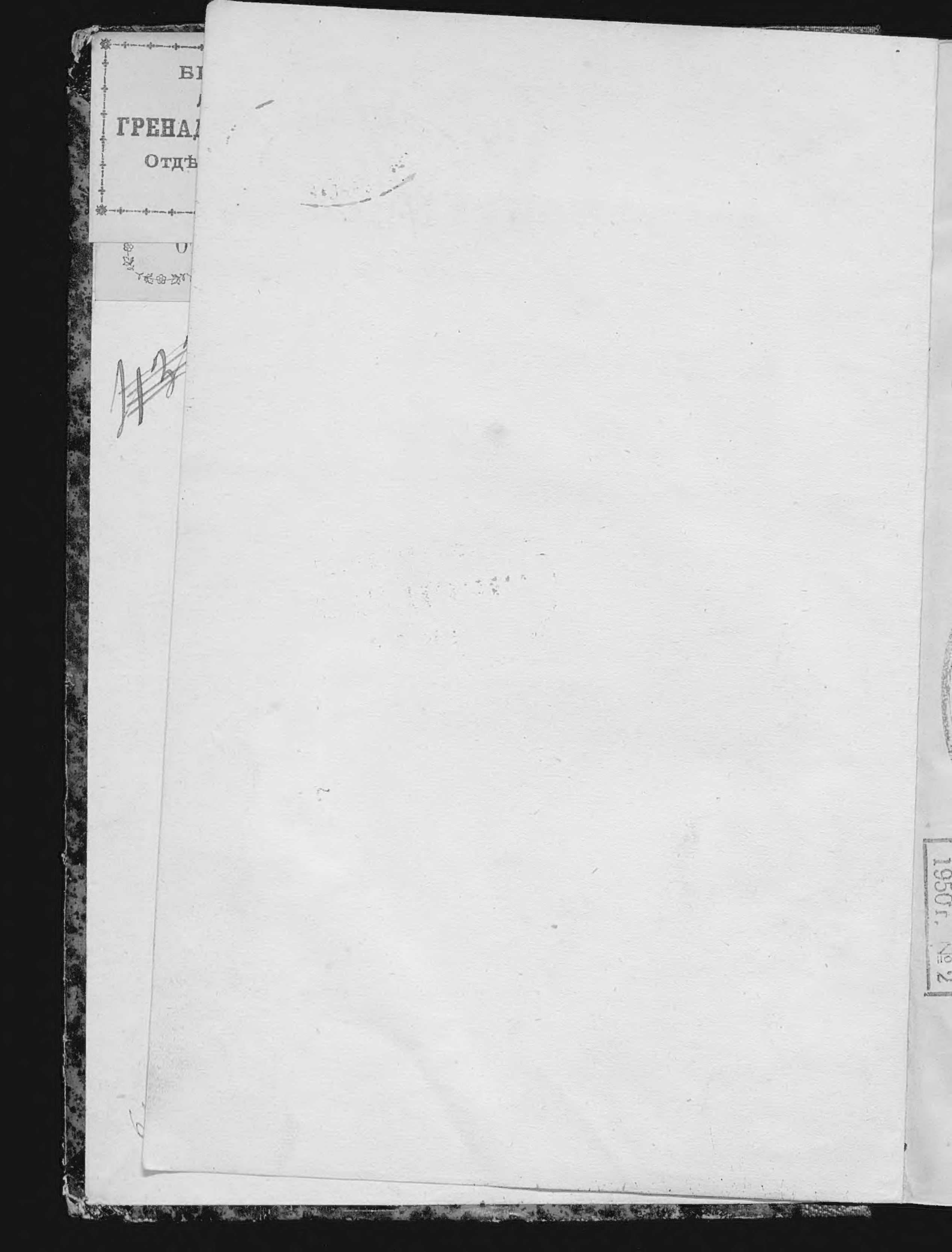
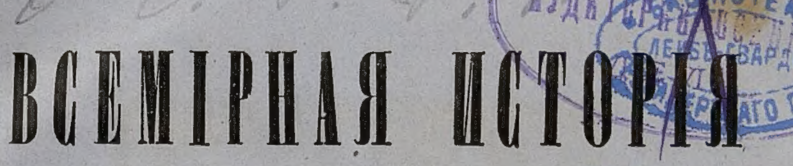

13

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ТОМЪ XIII.

Изданіе книгопродавца-типографа Маврикія Осиповича Вольфа.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, въ Гостиномъ Дворѣ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА, на Кузнецкомъ Мосту, д. Рудакова.

1867.

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

ИСТОРІЯ XVI СТОЛѢТІЯ.

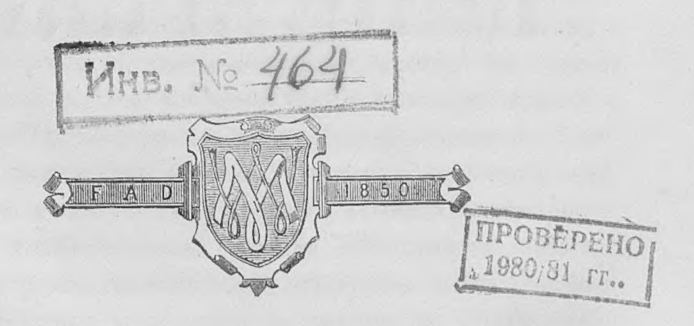
ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

Переведено подъ редакціей

В. ЗАЙЦЕВА.

ТОМЪ XIII.

Изданіе книгопродавца-типографа Маврикія Осиповича Вольфа.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, въ Гостиномъ Дворѣ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА, на Кузнецкомъ Мосту, д. Рудакова.

1867.

ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., КАРАВАННАЯ, № 24).

XI. ФИЛИППЪ II,

КОРОЛЬ ИСПАНСКІЙ; НИДЕРЛАНДЫ И ФРАНЦУЗСКІЯ ВОЙНЫ ДО ГЕНРИХА III.

---

1. Филиппъ II и капуданъ-паша Піале.

Филиппъ II и Солиманъ Великій отличались равнымъ рвеніемъ къ распространенію своихъ религій и истребленію еретиковъ и прибѣгали для этого къ одинаковымъ средствамъ. Но разница между ними была та, что испанскій король былъ христіаниномъ, а основатель христіанства порицалъ насильственное обращеніе (Compelle intrare), тогда какъ основатель ислама, напротивъ того, обращалъ почти исключительно мечемъ и истреблялъ невѣрныхъ вмѣсто того, чтобы поборать невѣріе убѣжденіемъ. Оба эти монарха, столь ревностные къ вѣрѣ, поступали почти одинаково въ войнахъ, которыя вели другъ съ другомъ на Средиземномъ морѣ и на берегахъ его; но, какъ мы видѣли, Солиманъ и его вассалы, владѣтели африканскихъ разбойничьихъ государствъ, были счастливѣе Филиппа. Берега Испаніи, Италіи и Сициліи были жестоко опустошены турками, и милліоны людей звѣрски умерщвлены или отведены въ рабство.

Хайреддинъ Барбаросса, какъ мы уже говорили (т. XII, стр. 192), основалъ въ Алжирѣ владѣніе, которымъ послѣ него

правилъ сынъ его, Гассанъ. Гассанъ былъ еще молодъ и не имѣлъ опытности своего отца, такъ что слава Хайреддина и должность великаго адмирала турецкаго флота перешли къ Піале. Піале одержалъ блистательную побѣду надъ большимъ флотомъ Филиппа и вновь отнялъ у испанцевъ островъ Джербе съ построенною на немъ крѣпостью (т. XII, стр. 414). Филиппъ отмстилъ за это пораженіе походомъ на африканскій берегъ, гдѣ взялъ крѣпость Пиньонъ де Велесъ (т. XII, стр. 415) и такимъ образомъ пріобрѣлъ въ Африкѣ прочную опору. Тогда Солиманъ рѣшился овладѣть островомъ Мальтой и изгнать оттуда рыцарей, которые, согласно своей присягѣ, постоянно тревожили мусульманъ и нападали на богомольцевъ, ѣздившихъ въ Мекку.

Въ Константинополѣ, Пелопоннесѣ, Малой Азіи и въ Египтѣ долго шли приготовленія къ этому предпріятію. Всѣ разбойничьи владѣтели получили приказаніе явиться со всѣми своими морскими и сухопутными силами. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1565 выступилъ большой флотъ подъ начальствомъ капуданъ-паши Піале. На этомъ флотѣ было болѣе 30,000 человѣкъ дессанта, которымъ командовалъ третій визирь Солимана, Мустафа. Султанъ желалъ, чтобы флотъ подождалъ прибытія триполисскаго бея Торгута; но Піале, изъ соревнованія съ Торгутомъ, не дождался его, хотя остальнымъ призваннымъ владѣтелямъ далъ время собраться и ожидалъ ихъ въ Пелопоннесѣ. Торгутъ не успѣлъ присоединиться къ флоту даже подъ Мальтой. Рыцари были уже давно предупреждены о походѣ турокъ, и гросмейстеръ Ла-Валетъ Паризо, увѣнчавшій себя въ этомъ случаѣ въ борьбѣ со всѣми турецкими силами безсмертною славою, приготовился защищать островъ; но ему не удалось вдоволь снабдить свѣжею водою водоемы, такъ что подъ конецъ осады вода отпускалась защитникамъ мѣрою, какъ на корабляхъ. Если бы испанскій вице-король Сициліи, донъ Гарсіасъ де Толедо, выполнилъ свое и королевское обѣщаніе и прислалъ Мальтѣ помощь, то турецкій флотъ и его многочисленный дессантъ очутились бы въ величайшей опасности; но донъ Гар-

сіасъ и его король были слишкомъ осторожны и боялись рискнуть. Толедо еще до прихода турокъ пріѣзжалъ на короткое время въ Мальту, гдѣ собирались рыцари и много волонтеровъ изъ всѣхъ странъ, и повторилъ обѣщаніе прислать помощь. Въ Испаніи, Италіи и Сициліи уже дѣлались большія военныя приготовленія; но вице-король больше всего думалъ о сбереженіи Тунисской крѣпости, которой испанцы владѣли со временъ Карла V. Девятнадцатаго мая 200 турецкихъ кораблей бросили якорь въ юго-западной гавани Мальты, прежде чѣмъ подоспѣлъ христіанскій флотъ. Мустафа высадилъ 20,000 человѣкъ войска и направилъ первое нападеніе на фортъ Сентъ-Эльмо. Цѣлый мѣсяцъ турки дрались за этотъ фортъ и только въ концѣ іюня взяли его приступомъ съ огромнымъ урономъ. Во время осады они лишились 4,000 человѣкъ; но за то и христіане потеряли 1,300 воиновъ, бо́льшею частью членовъ знатнѣйшихъ фамилій Европы. Іюня 2 прибылъ, наконецъ, Торгутъ съ 23 галерами и 2,000 человѣкъ войска и остался очень недоволенъ осадою Сентъ-Эльмо. На приступѣ этого форта онъ былъ смертельно раненъ осколкомъ скалы, который былъ оторванъ ядромъ, и вскорѣ умеръ; тѣло его было перевезено въ Триполи. Турецкій главнокомандующій Мустафа-паша и христіанскій гросмейстеръ Ла-Валетъ совершали одинаковыя звѣрства. Мустафа приказалъ перерѣзать до послѣдняго человѣка весь гарнизонъ Сентъ-Эльмо за его неслыханное упорство и велѣлъ даже опозорить тѣла убитыхъ; гросмейстеръ съ своей стороны распорядился отрубить головы всѣмъ турецкимъ плѣннымъ и выстрѣлить ими изъ пушекъ въ турецкій лагерь.

Ла-Валетъ уже давно послалъ генуэзца Сельваго въ Сицилію къ дону Гарсіасу де Толедо, а побочнаго сына Медичи Миланскаго, маркиза де Мариньяно, къ папѣ — представить имъ, что ему невозможно держаться безъ подкрѣпленія; но испанцы остались вѣрны своей политикѣ. Наконецъ, дѣло, повидимому, стало принимать лучшій оборотъ. Испанскій флотъ подъ начальствомъ Кардоны показался у береговъ, готовясь высадить

подкрѣпленія; впрочемъ, Кардона и на этотъ разъ не рѣшился бы измѣнить политикѣ своего короля, если бы его не обманулъ одинъ французскій рыцарь. Испанскій адмиралъ имѣлъ отъ вице-короля повелѣніе не рѣшаться на рискованныя предпріятія и, если найдетъ Сентъ-Эльмо уже во власти турокъ, немедленно возвратиться, не дѣлая высадки. Къ счастію, рыцарь Эспри Брюнизэ де Кенси узналъ объ этомъ приказѣ. Поэтому когда Кардона послалъ Мартинеса развѣдать о положеніи Сентъ-Эльмоо Кенси поспѣшилъ на встрѣчу посланному, сказалъ ему, что Сентъ-Эльмо еще держится и уговорилъ всѣхъ, кого Мартинесъ могъ спросить, подтвердить это извѣстіе. Такимъ образомъ испанское войско высадилось при Піетра Негра, откуда, окруженное ликующими рыцарями и мальтійцами, вступило окольною дорогою въ городъ.

Но въ это время и къ туркамъ подоспѣлъ Гассанъ, сынъ Хайреддина и зять Торгута, со всѣми своими морскими и сухопутными силами. Борьба возобновилась съ удвоенною яростью. Вся Европа изумлялась мужеству и стойкости Ла-Валета въ опасной борьбѣ съ непріятелемъ, несравненно многочисленнѣйшимъ и разъяреннымъ рѣзкимъ отвѣтомъ гросмейстера на предложеніе сдаться, которое турки послали ему по взятіи Сентъ-Эльмо. Къ счастію, Ла-Валетъ узналъ отъ одного перебѣжчика изъ турецкаго лагеря планъ аттаки Мустафы. Перебѣжчикъ этотъ, Филиппъ Ласкарисъ, потомокъ византійскихъ императоровъ, былъ въ дѣтствѣ взятъ въ плѣнъ въ Патрасѣ, осыпанъ почестями и богатствомъ и служилъ въ спагахъ. Онъ страстно желалъ возвратиться въ христіанство и къ его защитникамъ, бросился въ море и подплылъ къ берегу. Тутъ онъ объявилъ, что Мустафа готовитъ нападеніе на фортъ св. Михаила и заложилъ сильныя батареи на высотѣ Сентъ-Эльмо. Ла-Валетъ принялъ всѣ мѣры сообразно этому намѣренію непріятеля. Расчитывая на сдѣланную брешь, Гассанъ пошелъ 12 іюля на приступъ, но, послѣ долгаго боя былъ отбитъ и изъ 6,000 человѣкъ, съ которыми началъ аттаку, вывелъ только 500.

Вице-король все еще медлилъ и выискивалъ новыя отговорки на настоятельныя просьбы повѣреннаго Ла-Валета, хотя и самъ король Филиппъ по временамъ торопилъ его. Джіованни Андреа Доріа предлагалъ отправиться съ тремя кораблями въ Мальту и доставить въ крѣпость 1,200 отборныхъ воиновъ; но Толедо изъ зависти не согласился на это. Онъ далъ Доріи другое порученіе и послалъ другихъ генераловъ, у которыхъ не было ни опытности, ни энтузіазма Доріи и которые были принуждены вернуться ни съ чѣмъ. Наконецъ, осаждающіе рѣшили одновременно аттаковать и главную крѣпость св. Михаила, и Сентъ-Анжело; Піале долженъ былъ напасть на цитадель, Гассанъ на фортъ. Два мѣсяца сряду фанатическая ярость турокъ и ихъ страшная артиллерія поражали рыцарей день и ночь. Въ теченіе этого времени было дано десять приступовъ, но всѣ были отбиты съ огромнымъ урономъ съ обѣихъ сторонъ.

Въ отношеніи мальтійскаго ордена, Толедо слѣдовалъ той же робкой и себялюбивой политикѣ, какой его король держался въ отношеніи французскихъ религіозныхъ войнъ. Онъ поддерживалъ осажденныхъ, какъ Филиппъ французскихъ католиковъ, но не хотѣлъ предпринять для нихъ ничего рѣшительнаго и боялся чѣмъ бы то ни было рискнуть. Доріа хотѣлъ аттаковать турецкій флотъ, но вице-король не согласился на это, потому что у испанцевъ было только 60, а у турокъ 80 галеръ; Доріа хотѣлъ сдѣлать высадку, но и это Толедо откладывалъ весь августъ; наконецъ, уже въ началѣ сентября къ Мальтѣ прибылъ испанскій флотъ и высадилъ привезенныя войска. Тогда было рѣшено произвести нападеніе на турецкій флотъ. Но Піале и Мустафа не дождались этого. Они сняли осаду и 11 сентября посадили свое войско на корабли. Весь христіанскій міръ прославилъ героизмъ Ла-Валета и его рыцарей. Осада стоила, говорятъ, мальтійскимъ рыцарямъ 5,000, а туркамъ 20,000 человѣкъ.

2. Филиппъ II и Нидерланды до взятія Бриля.

Король Филиппъ, какъ сказано выше (т. XII, стр. 425), послалъ герцога Альбу съ 14,000 человѣкъ итальянскихъ и испанскихъ войскъ, предводимыхъ лучшими генералами Европы, уничтожить религію и конституцію Нидерландовъ и замѣнить тамошніе суды инквизиціею, а конституцію военнымъ деспотизмомъ. Филиппъ и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, дѣйствовалъ не прямо и открыто, а втихомолку. Побочную сестру Филиппа, Маргариту Пармскую, не удалили, а обошли. Альба разставилъ по всей странѣ испанскія войска, велѣлъ укрѣпить Антверпенъ, поступалъ, какъ въ завоеванной странѣ, не обращая вниманія на правительницу, которая уѣхала въ Парму, когда убійства и пытки превысили всякую мѣру. Еще до отъѣзда ея въ 1568 всюду загорѣлись костры, начались неслыханныя пытки и казни, постигавшія всѣхъ, у кого Альба и его помощники хотѣли отнять имѣнія. Трехъ нидерландскихъ вельможъ, равнявшихся по сану и значенію нѣмецкимъ владѣтельнымъ князьямъ, Эгмонта, Горна и Вильгельма Нассаускаго еще въ 1567 стали преслѣдовать, какъ простыхъ преступниковъ. Двухъ первыхъ вѣроломно заманили и заключили въ тюрьму. Вильгельмъ Нассаускій съ своими братьями, Лудовикомъ и Іоанномъ, бѣжалъ въ Германію тотчасъ по отъѣздѣ герцогини Маргариты. Альба, вопреки конституціи, учредилъ новый верховный судъ, въ основаніе рѣшеній котораго были приняты не законы, дѣйствовавшіе въ странѣ, а декреты испанской инквизиціи и кабинетные приказы короля Филиппа. Судъ этотъ Альба назвалъ *совѣтомъ смутъ* (Consejo de las altercaciones); но нидерландцы называли его *кровавымъ судомъ* (Blœtrædt). Онъ состоялъ изъ двѣнадцати членовъ. Между ними не было ни одного члена тайнаго совѣта или даже брабантскаго совѣта; всѣ судьи были креатуры Альбы, частію

испанцы, частію слѣпые фанатики изъ валлоновъ. При томъ они имѣли только совѣщательный голосъ, а рѣшеніе принадлежало президенту, которымъ былъ самъ Альба. Впрочемъ, онъ не разъ поручалъ предсѣдательство донъ Хуану де Варгасу, не уступавшему ему самому въ грубости, жестокости, высокомѣріи, алчности и злости. Нидерландцы мѣтко охарактеризовали невѣжество этого испанца и кровавую логику его смертныхъ приговоровъ, приписавъ ему ломанное латинское изрѣченіе *), котораго, вѣроятно, Варгасъ никогда не говорилъ, равно какъ не говорилъ и той приписываемой ему безграмотной фразы, которой онъ будто бы отвѣчалъ депутатамъ чиновъ, когда тѣ ссылались на свои древнія льготы **). Достойными помощниками этого изверга были Луисъ дель Ріо, Яковъ Гессельсъ и секретарь де ла Торре; они завели неслыханныя преслѣдованія и старались, чтобы такъ же поступали и низшіе суды. Странно, что недавно такой достойный человѣкъ, какъ Грёнъ ванъ Принстерэръ, взялся защищать Филиппа II и всѣ его именемъ совершенныя злодѣйства. Это объясняется только тѣмъ, что писатель этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ ханжей, которые считаютъ необходимымъ защищать все, что́ бы ни дѣлали государи, какъ дѣла самого божества. Однако, даже католикъ Борнье не рѣшается на такой неблагодарный трудъ, хотя, очевидно, не прочь бы попытаться сдѣлать это ***). Это необходимо замѣтить, потому что (чего Борнье и не подозрѣвалъ) въ наше время явились всевозможные софисты, готовые защищать и поступки

---

*) Онъ будто бы сказалъ: Hæretici fraxerunt templa, catholici nihil fecerunt contra; ergo omnes debent patibulare. (Еретики разрушили храмы, католики ничего противъ нихъ не сдѣлали, слѣдовательно, всѣхъ должно истребить).

**) Non curamos vestros privilegios. (Что намъ за дѣло до вашихъ вольностей).

***) Борнье говоритъ въ своемъ „Resumé de l'histoire de la revolution belge" (въ „Mémoires de l'academie de Bruxelles"): „Grâce au progrès de la civilisation, la justification de Philippe II est devenue impossible aujourd'hui. Elle n'obtiendrait pas de crédit même parmi les catholiques; car les idées de

французскихъ генераловъ противъ африканцевъ и парижанъ, и варѳоломеевскую ночь.

Уже въ 1568 тысячи нидерландцевъ были принуждены покинуть свое отечество. По словамъ ванъ деръ Винкта, въ цвѣтущемъ прежде Гентѣ вскорѣ опустѣла половина домовъ. 17 января 1568 въ Гентѣ былъ всенародно прочтенъ первый списокъ 47 лицъ, приглашаемыхъ въ Брюссель, а 4 февраля — второй. Приглашенные были все богатые, знатные патриціи или владѣтели дворянскихъ имѣній. Они были такъ увѣрены въ своей невинности, что 17 изъ нихъ явились по приглашенію въ судъ. Но всѣ они и еще одинъ, восемнадцатый, были 1 апрѣля публично казнены, имѣнія ихъ и прочихъ бѣжавшихъ конфискованы, а семьи пущены по міру. Бѣгство сдѣлалось общимъ. Утверждаютъ, что въ одинъ годъ болѣе 100,000 нидерландцевъ покинули отечество. Люди зажиточные, особенно шерстяные фабриканты, бѣжали въ Англію и въ сѣверные приморскіе города, что впослѣдствіи принесло большую выгоду англійской націи. Торговля и мореплаваніе англичанъ столько же выигрывали, сколько нидерландскія падали съ тѣхъ поръ, какъ дѣятельнѣйшіе нидерландцы переселились въ Англію и перевели туда свои капиталы. Нидерландская эмиграція и благосостояніе, вызванное оживленіемъ торговли и промышлености, придали необыкновенный блескъ царствованію королевы Елисаветы и высоко подняли англійскую буржуазію. Уже королева Елисавета съ трудомъ удерживала нижнюю палату въ прежнемъ повиновеніи, а ближайшій преемникъ ея не могъ сохранить прежней строго-монархической системы. Фламандцы бѣжали толпами и во Францію; эмигранты изъ сѣверныхъ провинцій шли въ Германію или

---

tolerance réligieuse, avec lesquelles il lutta pendant toute sa vie, ont prévalu en fait là même, où elles ne forment pas encore le droit". (Благодаря успѣхамъ цивилизаціи, защита Филиппа II сдѣлалась невозможною. Сами католики не повѣрили бы ей теперь, потому что идеи религіозной терпимости, противъ которыхъ онъ боролся всю свою жизнь, господствуютъ даже тамъ, гдѣ еще не признаны закономъ).

занимались на своихъ мелкихъ судахъ и лодкахъ разбоемъ у мелководныхъ побережьевъ, на озерахъ и болотахъ. Ихъ нападенія очень вредили испанцамъ тѣмъ болѣе, что пиратовъ нельзя было преслѣдовать. Они были злѣйшими врагами испанцевъ, страшно досаждали имъ и побуждали на дорогія предпріятія. Впослѣдствіи, организовавшись и получивъ отъ принца Оранскаго каперскія грамоты, они были названы водяными гёзами или дикими. Подобно малайцамъ, они были смѣлые пираты и вскорѣ сдѣлались въ высшей степени страшны колоніямъ и владѣніямъ испанцевъ и португальцевъ въ обѣихъ Индіяхъ. Они составили зародышъ голландскаго флота, который въ XVII столѣтіи получилъ такое развитіе, что сравнялся съ англійскимъ.

Графы Нассаускіе, Вильгельмъ, Лудовикъ, Іоаннъ и Адольфъ, обратились къ императору и къ имперіи. Императоръ Максимиліанъ II дѣятельно вступился за нихъ; но Филиппъ не послушалъ его и отвѣчалъ ему оскорбительно. Многіе протестантскіе государи дали вспомогательныя войска; но на содержаніе ихъ не достало всѣхъ пожертвованій Вильгельма. Сына Вильгельма, графа Бюрена, увезли изъ Левена, гдѣ онъ учился, въ Испанію, чтобы воспитать въ католицизмѣ. Едва ли это обстоятельство такъ огорчило его отца, какъ разсказываютъ: Вильгельмъ самъ былъ воспитанъ въ лютеранствѣ; потомъ все время службы своей при дворѣ Карла V оставался католикомъ и лишь впослѣдствіи, изъ политическихъ видовъ, сдѣлался протестантомъ-реформатомъ и сталъ обнаруживать рвеніе, которое Грёнъ ванъ Принстереръ считаетъ искреннимъ. Вскорѣ число эмигрантовъ стало такъ значительно, что Вильгельмъ и его братья начали надѣяться, съ помощью войскъ, которыми ихъ снабдили ландграфъ гессенскій, курфирстъ пфальцскій и другіе не фанатическіе лютеранскіе государи, вторгнуться въ Нидерланды, вытѣснить испанцевъ, собрать своихъ приверженцевъ и возвратить странѣ независимость. При этомъ они болѣе всего разсчитывали на нѣмцевъ, которые должны были присоединиться въ восточной

Фрисландіи къ Лудовику, а въ Брабантѣ къ Вильгельму, и въ то же время ждали поддержки со стороны французскихъ гугенотовъ, между тѣмъ, какъ водяные гёзы надѣялись на Англію. Въ самой странѣ они были увѣрены въ содѣйствіи даже католиковъ, которые не хотѣли принимать участія въ подавленіи независимости страны, во введеніи инквизиціи и испанскаго самовластья. Эмигранты попытались сначала напасть на Рюремонде и овладѣть имъ, но потерпѣли неудачу. Тогда Вильгельмъ съ гугенотами двухъ французскихъ пограничныхъ городовъ рѣшился вторгнуться въ Брабантъ; а изгнанные изъ Голландіи гёзы въ союзѣ съ англичанами должны были сдѣлать нападеніе съ моря. Лудовикъ Нассаускій набралъ въ восточной Фрисландіи значительное войско, которое предполагалось соединить въ Брабантѣ съ войскомъ Вильгельма.

Для выполненія этого новаго плана Бредероде обнародовалъ второе соглашеніе, въ которомъ каждый подписавшійся принималъ на себя извѣстныя обязательства. Это второе соглашеніе заключало въ себѣ такой же рѣзкій протестъ противъ герцога Альбы и товарищей его по грабежу и убійствамъ, какъ первый противъ инквизиціи и религіозныхъ преслѣдованій. Но Бредероде былъ неспособенъ вести это дѣло, такъ что для провинціи Голландіи, гдѣ онъ изъ зависти старался ослабить вліяніе Вильгельма, смерть, постигнувшая его въ Клеве, на возвратномъ пути изъ Эмдена и Бремена, была счастьемъ.

Если бы лютеранскіе фанатики, авторы нелѣпыхъ катихизисовъ и догматическихъ книгъ, издававшихся въ то время въ Саксоніи и Виртембергѣ, не писали и не проповѣдовали тогда въ пользу испанцевъ противъ кальвинистовъ, то испанцы еще въ 1568 были бы поставлены въ большое затрудненіе. Но лютеранская агитація такъ замедляла вербовку въ Германіи, что Альба успѣлъ уничтожить предпріятіе графа Лудовика прежде, чѣмъ Вильгельмъ явился со своимъ войскомъ. Это не простая догадка, а несомнѣнный фактъ, какъ доказываетъ письмо Вильгельма отъ декабря 1569

къ его брату, Іоанну *). Лудовикъ, отъ природы не только вспыльчивый, но даже дикій и грубый, двинулся изъ восточной Фрисландіи въ Гренингенскую область, гдѣ графъ Аренбергъ командовалъ небольшимъ испанскимъ отрядомъ. Испанскій генералъ принудилъ принца дать противъ воли сраженіе, не дождавшись подкрѣпленій, которыя уже приближались къ нему. Это сраженіе произошло при Виншотенѣ и кончилось пораженіемъ Аренберга, который погибъ самъ съ 600 человѣкъ своего отряда; вся его артиллерія, обозъ и военная касса достались нидерландцамъ, потерявшимъ при этомъ младшаго брата Лудовика, Адольфа Нассаускаго. Но Вильгельмъ былъ еще не готовъ дѣйствовать, такъ что герцогъ Альба могъ тотчасъ обратить всѣ свои силы противъ Лудовика и, такимъ образомъ, разрушить весь планъ нидерландцевъ.

Но предварительно Альба хотѣлъ истребить всѣхъ, кто вліяніемъ своимъ могъ произвести у него за спиною возстаніе и, кромѣ того, казнями распространить всеобщій ужасъ. Съ полнымъ презрѣніемъ къ нидерландскимъ законамъ онъ призвалъ 1 и 2 іюня 1568 сначала восемнадцать человѣкъ, а потомъ дважды по пяти важнѣйшихъ нидерландцевъ къ своему кровавому суду и казнилъ ихъ за нарушеніе указовъ Филиппа, какъ людей, давно уже осужденныхъ испанскою инквизиціею. Ходатайство императора и многихъ государей и владѣте-

*) Это письмо помѣщено въ III томѣ „Оранскихъ архивовъ“ Грёна ванъ Принстерера (стр. 333). Въ примѣчаніи издатель приводитъ еще нѣсколько подобныхъ мѣстъ. Въ письмѣ говорится: „Bien est vrai, que les prédicans preschent auvertement en présence de nos ambassadeurs et de ceux de François réformés, que ceux de la réligion de France et des Pais-Bas ne sont que mutins, rebelles, sacramentères, briseurs d'images, et que l'on ferait gran service à Dieu et bien à toute la Crestiencté de les abolir et ruiner“. (Достовѣрно извѣстно, что проповѣдники, въ присутствіи нашихъ пословъ и уполномоченныхъ французскихъ реформатовъ, открыто проповѣдуютъ, что французскіе и нидерландскіе протестанты — бунтовщики, мятежники, святотатцы, иконоборцы и что было бы хорошо для Бога и для всего христіанства уничтожить и раззорить ихъ въ конецъ).

лей, которымъ Эгмонтъ и Горнъ равнялись саномъ, богатствомъ и военною славою, не могло спасти ихъ: 3 іюня они были всенародно казнены. Жестокость, алчность при конфискаціяхъ и дикая грубость испанскаго правительства очень напоминают въ разсказахъ историковъ современную полицію и юстицію королевства Неаполитанскаго. Папа Пій V, самъ бывшій нѣкогда великимъ инквизиторомъ, наградилъ герцога Альбу за эти подвиги освященною шпагою, какъ истиннаго защитника католической церкви.

Послѣ этихъ казней герцогъ Альба выступилъ противъ графа Лудовика съ 15,000 человѣкъ войска. Хотя армія графа была многочисленнѣе, но солдаты въ ней были новобранцы, а офицеры неопытны, такъ что онъ предпочелъ вернуться изъ Греннингена въ восточную Фрисландію. Альба послѣдовалъ за нимъ и при Іемгутѣ между Эмденомъ и Лееромъ аттаковалъ непріятеля въ крѣпкой позиціи, прикрытой укрѣпленіями. Кровопролитное сраженіе продолжалось два дня, 20 и 21 іюля. Въ немъ войска Лудовика были разбиты на голову, 7,000 убито, а самъ Лудовикъ съ трудомъ спасся бѣгствомъ. Послѣ того Альба обратился противъ Вильгельма, который, наконецъ, явился съ сильнымъ нѣмецкимъ войскомъ на Маасѣ и Шельдѣ; къ нему присоединился и Лудовикъ. Армія Вильгельма была такъ многочисленна, что Альба не рѣшился прямо напасть на нее. Онъ сталъ выжидать, чтобы она разсѣялась по недостатку денегъ, такъ какъ ни Вильгельмъ, ни его союзники не могли долго платить своимъ войскамъ. Императоръ Максимиліанъ черезъ сына вторично и серьезно протестовалъ въ Испаніи противъ неслыханныхъ поступковъ Альбы, так какъ публичная казнь графовъ Эгмонта и Горна сильно оскорбила многихъ нѣмецкихъ князей. Жена Эгмонта была сестра курфирста Фридриха III пфальцкаго, жена Горна — графиня Заарверденъ, а самъ Вильгельмъ былъ князь германской имперіи. Разсчетъ герцога Альбы былъ очень вѣренъ. Онъ съумѣлъ удерживать братьевъ Нассаускихъ и мѣшать всѣмъ ихъ предпріятіямъ, пока войска ихъ не разсѣялись и сами они не удалились во Францію, а оттуда

въ Германію. Въ это время Альба показалъ примѣръ такой африканской жестокости, что современники прозвали его марраномъ. Онъ велѣлъ казнить присланнаго къ нему въ Мастрихтъ герольда Нассаускихъ принцевъ. Возвратясь изъ этого похода, Альба устроилъ себѣ торжественный въѣздъ въ Брюссель, какъ будто послѣ побѣды надъ грознымъ врагомъ. Изъ мѣди взятыхъ пушекъ онъ велѣлъ вылить колоссальную статую и поставилъ ее на зло и на смѣхъ нидерландцамъ въ антверпенской цитадели. Впрочемъ, спустя четыре года, она была снята по приказанію Филиппа.

Мы не будемъ подробно разсказывать ни о жестокостяхъ и разбояхъ, совершавшихся испанцами по всей странѣ, ни о пыткахъ и убійствахъ, производившихся по опредѣленіямъ судовъ. Все это подробно разсказано Метереномъ, Брандомъ и другими нидерландскими историками. Мы замѣтимъ только, что еще до похода Альбы противъ Лудовика было казнено до 1,800 человѣкъ. Однако, не смотря на вымогательства и конфискаціи недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ казненныхъ и подозрѣваемыхъ, королевская казна находилась въ такомъ жалкомъ положеніи, что солдатамъ не выдавалось жалованья. Испанская государственная казна была такъ же пуста. Поэтому для веденія нидерландской войны приходилось занимать у итальянскихъ банкировъ. Не будемъ повѣрять, простирался ли заемъ до 400,000 дукатовъ, какъ утверждаетъ Бентиволіо, или только до половины этой цифры, какъ говоритъ Страда. Но заемъ этотъ важенъ потому, что изъ-за этихъ денегъ Испанія дошла до разрыва съ Англіею. Такъ какъ проѣздъ по морю, по рѣкамъ и даже по каналамъ былъ небезопасенъ отъ водяныхъ гёзовъ, то корабли, на которыхъ везли эти деньги, искали спасенія въ англійской гавани, гдѣ деньги были захвачены англійскимъ правительствомъ. Королева Елисавета утверждала, что такъ какъ деньги эти не испанскія, а итальянскія, то она беретъ ихъ себѣ на проценты. Изъ этого возгорѣлся долгій споръ. Альба послалъ въ Англію д'Ассонвиля доказывать, что деньги принадлежатъ ему; но королева

была непоколебима. Тогда Альба прибѣгнулъ къ насильственнымъ мѣрамъ; онъ сталъ задерживать англійскіе корабли, конфисковать товары и брать въ плѣнъ купцевъ. Эта безразсудная ярость испанскаго паши сдѣлалась причиною разрыва, который принесъ пользу торговлѣ и морской силѣ Англіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нидерландскому возмущенію.

Недостатокъ въ деньгахъ заставилъ Альбу прибѣгнуть къ нидерландскому сейму. Въ апрѣлѣ 1569 года онъ созвалъ въ Брюссель собраніе штатовъ, но не могъ добиться общаго согласія ихъ на обременительные налоги, которыхъ онъ требовалъ съ провинцій. Нѣсколько городовъ, испугавшись угрозъ, согласились заплатить новыя пошлины; но большинство упорствовало въ отказѣ. Испанскій родъ налоговъ, который Альба хотѣлъ ввести въ Нидерландахъ, долженъ былъ погубить и послѣднюю льготу ихъ, а именно, право самимъ утверждать назначаемые съ нихъ налоги. Съ этой минуты Альба поссорился и съ нидерландскими католиками, такъ какъ здѣсь дѣло шло не о религіи и національныхъ правахъ, а объ имуществѣ и собственности. Мелочные торговцы, хлѣбопеки, пивовары и другіе ремесленники даже заперли въ Брюсселѣ свои лавки, чтобы не платить испанской алькавалы, т. е. пошлины съ каждой покупки и продажи. Альба издалъ противъ нихъ уголовный законъ и уже хотѣлъ распорядиться съ ними, какъ съ еретиками, когда его одновременно аттаковали съ моря водяные гёзы, а на сушѣ принцы Нассаускіе.

Нидерландскіе морскіе разбойники обратились къ принцу Вильгельму Оранскому, который жилъ тогда въ качествѣ нѣмецкаго владѣтельнаго князя въ Дилленбургѣ, и получили отъ него каперскія грамоты, признанныя Англіей, куда они привозили свою добычу. Но число морскихъ разбойниковъ скоро до того возрасло и нарушеніе международнаго права стало такъ явно, что королева Елисавета была принуждена отказать имъ въ своемъ покровительствѣ. Однако, принцу удалось переговорами доставить изгнаннымъ изъ Англіи нидерландцамъ помощь и

поддержку въ Голландіи и Зеландіи. Гёзы формально признали Вильгельма законнымъ штатгальтеромъ Голландіи и Зеландіи и уже завели сношенія съ своими земляками въ прибрежныхъ городахъ и островахъ, недоступныхъ большимъ кораблямъ. Но въ это время они были принуждены удалиться изъ англійскихъ гаваней и подъ начальствомъ графа де ла Марка искать убѣжища въ своемъ отечествѣ. Въ концѣ марта 1572 изъ англійскихъ гаваней вышелъ флотъ въ 28 кораблей подъ предводительствомъ этого графа и попытался сначала овладѣть городомъ Энкгуйзеномъ, но потомъ отправился на Воорне, самый сѣверный островъ Зеландіи, гдѣ занялъ укрѣпленную гавань Бриль, куда впослѣдствіи собралось множество рыболововъ и изгнанниковъ, сдѣлавшихся морскими разбойниками. Они разъѣзжали оттуда во всѣ стороны, перевозили добычу въ Бриль и даже завоевали укрѣпленные города Энкгуйзенъ и Флиссингенъ.

Въ то время Филиппъ затѣвалъ очень опасную истребительную войну съ религіозною цѣлью противъ морисковъ, или перекрещенныхъ мавровъ, которыхъ было еще очень много въ Гранадѣ и во всей южной Испаніи, не смотря на всѣ преслѣдованія и изгнанія. Поэтому онъ притворился, что намѣренъ послѣдовать наговорамъ принца Эболи и другихъ враговъ Альбы и лишить герцога своей благосклонности. Въ дѣйствительности же это было просто уловка. Филиппу хотѣлось угодить многочисленнымъ бельгійскимъ католикамъ въ гражданскихъ дѣлахъ, чтобы пріобрѣсти ихъ содѣйствіе въ религіозныхъ. Впрочемъ, и самъ Альба уже пробовалъ сдѣлать это. Онъ обѣщалъ облегчить налоги, а именно десяти и двадцати процентную подать съ движимаго и недвижимаго имущества и алькавалу, но не сдержалъ обѣщанія, потому что всѣ доходы его прекратились бы, а расходы ежедневно возрастали. Вице-король Сициліи, герцогъ Медина-Сели, былъ назначенъ Филиппомъ на мѣсто Альбы. Онъ отправился съ флотомъ противъ водяныхъ гёзовъ и 11 іюля 1572 далъ разбойничьимъ кораблямъ сраженіе у мелководныхъ береговъ Фландріи, но былъ разбитъ, потому что у нидерландцевъ было 150

мелкихъ судовъ, а у него 50 большихъ кораблей, неудобныхъ на мелководьѣ. Онъ съ трудомъ укрылъ остатки своего флота въ гавани Слюйса. Вслѣдствіе этого его не сдѣлали намѣстникомъ Нидерландовъ, и чѣмъ кончилось его назначеніе, до сихъ поръ не разъяснено. Сначала онъ оставался при Альбѣ, находился у него въ лагерѣ при осадѣ Монса и подписался подъ капитуляціей этого города.

Впрочемъ, положеніе дѣлъ въ Нидерландахъ въ 1572 было такого рода, что герцогу Медина-Сели естественно не хотѣлось принимать на себя намѣстничества. Зеландія была совершенно потеряна; сѣверная Голландія такъ же отпала. Энкгуйзенъ, Медембликъ, Эдамъ, Пурмерендъ и другіе голландскіе города возстали; вскорѣ примѣру ихъ послѣдовали Лейденъ, Гуда, Дордрехтъ и Гарлемъ; на Амстердамъ и Роттердамъ надежда была такъ же плоха. Всѣ эти города объявили, что впредь признаютъ правительствомъ только голландскіе штаты, а намѣстникомъ принца Оранскаго. Тоже самое было въ Оверъ-Исселѣ, Фрисландіи и Утрехтѣ. При такихъ обстоятельствахъ герцогъ Медина-Сели нашелъ, быть можетъ, управленіе Нидерландами слишкомъ тягостнымъ и предпочелъ предоставить герцогу Альбѣ самому успокоивать безпорядки, имъ возбужденные. Дѣйствительно, Альба попытался достигнуть этого мирнымъ путемъ; трудно рѣшить, предпринялъ ли онъ это по собственному побужденію, или по тому, что предвидѣлъ намѣреніе короля, который до сихъ поръ одобрялъ всѣ его распоряженія. Нидерландскіе католики послали къ Филиппу депутацію и поддерживаемые принцемъ Эболи и другими совѣтниками Филиппа, бывшими съ самаго начала противниками герцога Альбы, представили королю, что новые налоги совершенно раззорятъ страну; вслѣдствіе этого Филиппъ велѣлъ отмѣнить ихъ. Но въ то же время (27 іюня 1572) и самъ Альба отмѣнилъ десяти и двадцати процентную подать и созвалъ общее собраніе штатовъ въ Брюссель, чтобы при ихъ содѣйствіи придумать другіе источники доходовъ.

3. Истребленіе испанскихъ мусульманъ.

Мы уже говорили (см. т. XI) о неоднократныхъ изгнаніяхъ и жестокихъ преслѣдованіяхъ испанскихъ мавровъ. Часть мавровъ тщетно старалась спастись тѣмъ, что для виду приняла христіанство; шпіоны инквизиціи проникали всюду, кромѣ Гранады, Валенсіи и дикихъ горъ. Этихъ мнимыхъ христіанъ-мавровъ называли марранами, а некрещеныхъ морисками. Фердинандъ Католикъ, а главное, кардиналъ Хименесъ съ такою жестокостью преслѣдовали остатки мавровъ и умѣли возбудить такую страшную взаимную ненависть между мавританскимъ и христіанскимъ населеніямъ Испаніи, что религіозный фанатизмъ надолго остался чертою испанскаго національнаго характера; но преслѣдованія не доходили еще до военнаго погрома. При Карлѣ V строгость нѣсколько уменьшилась. Привычки, одежда, языкъ и имена мавровъ были терпимы, и цѣлые города, какъ напримѣръ Альбайсинъ близъ Гранады, и цѣлые округи, какъ Альпухары, и всѣ горныя долины оставались при своихъ древнихъ обычаяхъ. Но преслѣдованія не прекращались совершенно и при Карлѣ V, и неоднократно даваемыя морискамъ клятвенныя обѣщанія терпимости постоянно нарушались. Кровь лилась рѣкою, и въ теченіе сорока лѣтъ Испанія была опустошена изгнаніемъ богатѣйшей, дѣятельнѣйшей и трудолюбивѣйшей части своего населенія.

Мы не будемъ говорить о частныхъ случаяхъ преслѣдованій; всѣ они недавно собраны графомъ Альбертомъ де Сиркуромъ въ трехъ томахъ его интереснаго сочиненія. Но необходимо упомянуть о преслѣдованіяхъ Филиппа, потому что они вовлекли его въ войну съ морисками именно въ то время, когда нидерландскія смуты дошли до междоусобной войны. Въ началѣ казалось, что Филиппъ и даже его великій инквизиторъ, Фернандо де Вальдесъ, добровольно отказались отъ жестокой инкви-

зиціи и гоненій, особенно въ Гранадѣ и Валенсіи, т. е. въ провинціяхъ, гдѣ цѣлые города и деревни исповѣдовали христіанство только для виду. Въ іюнѣ 1556 папа издалъ даже бреве, которымъ лишилъ инквизиторовъ права рѣшать дѣла объ отпаденіи отъ вѣры и далъ духовникамъ позволеніе прощать свѣтскія и духовныя наказанія за подобныя преступленія и разрѣшать грѣхи этого рода. Притомъ и мавры, повидимому, мало-по-малу сживались съ христіанствомъ; въ Гранадѣ христіанская одежда стала почти всеобщею; въ Кастиліи ее носили тоже всѣ, и всѣ говорили по-испански; изъ коллегіи св. Михаила выходили хорошіе священники, и даже архіепископъ гранадскій, донъ Педро Гверреро, велѣлъ іезуиту Альбутодо проповѣдовать на арабскомъ языкѣ. Но непріятности, возникшія между гранадскимъ губернаторомъ, донъ Иньиго де Мендоза и предсѣдателемъ канцеляріи, Алонзо де Сантильяна, возбудили случайно новыя гоненія, вызвавшія въ Гранадѣ возстаніе.

Поводъ къ этому возстанію явился еще въ 1560; но только въ 1564 и 1565 король особеннымъ, дотолѣ неслыханнымъ распоряженіемъ ограничилъ право носить оружіе и въ то же время издалъ предписаніе касательно одежды и обычаевъ марравовъ. Предписаніе это было такого рода, какъ будто духовенство, которое внушило его королю, имѣло въ виду, издавая его, истребить не только обычаи мавровъ, но и ихъ самихъ. Донъ Педро Гверреро и помощникъ великаго инквизитора, донъ Эспиноза, епископъ сигуэнскій и впослѣдствіи кардиналъ, съ жаромъ принялись за дѣло. Они надѣялись непремѣнно достигнуть своей цѣли посредствомъ устава, составленнаго собраннымъ по этому случаю духовенствомъ и подписаннаго Филиппомъ 17 ноября 1566; но они упустили изъ виду, что обнародованіе этого устава вызоветъ общее возстаніе. Вице-король маркизъ де Мондехаръ (такъ назывался Мендоза по смерти своего отца), былъ противъ всего этого и не принялъ никакихъ предупредительныхъ мѣръ; президентъ же, донъ Пе-

дро де Деса, на котораго они всѣ полагались, былъ неспособенъ выпутать ихъ изъ бѣды, которую они накликали.

Новый уставъ о маврахъ не понравился не только свѣтскимъ совѣтникамъ, созваннымъ для обсужденія его, но даже и самому Филиппу. Король согласился подписать его только вслѣдствіе убѣжденій духовенства, что уничтоженіе мавровъ составляетъ его нравственную обязанность. Мы приведемъ отрывокъ изъ письма Отадина, профессора богословія въ Алкалѣ (письмо это находится во второй части книги Сиркура), чтобы показать, какія преступленія внушаютъ государямъ фанатики изъ религіознаго рвенія и дипломаты изъ политическихъ видовъ. Отадинъ пишетъ Филиппу: «Чѣмъ болѣе будетъ убито мавровъ, тѣмъ лучше; потому что чѣмъ больше ихъ убьютъ, тѣмъ меньше у насъ враговъ». 4 января 1567 донъ Педро де Деса противъ воли вице-короля торжественно при трубныхъ звукахъ обнародовалъ въ Гранадѣ новый уставъ. Онъ былъ направленъ не противъ магометанской религіи и ея обрядовъ, потому что все это было уже давно уничтожено, а противъ древнихъ обычаевъ и привычекъ мавровъ. Подъ страхомъ смертной казни морискамъ было запрещено говорить на своемъ родномъ языкѣ и слѣдовать мавританскимъ обычаямъ и костюму, хотя очевидно было, что уничтожить все это вдругъ невозможно. Имъ было приказано держать двери домовъ своихъ постоянно открытыми; женщинамъ ходить безъ покрывалъ; отказаться отъ всѣхъ мавританскихъ именъ и прозвищъ и замѣнить ихъ кастильскими. Морискамъ было запрещено покупать въ Африкѣ рабовъ и вообще держать ихъ. Изреченія изъ корана и другія надписи, начертанныя, по восточному обычаю, на зданіяхъ, должны быть уничтожены. Общественныя бани велѣно было закрыть и новыхъ не заводить. Мавританскіе танцы и музыка воспрещались.

Это распоряженіе возбудило сильное волненіе во всей Испаніи, особенно въ Гранадѣ. Многочисленные депутаты просили короля отмѣнить законъ, направленный не противъ религіи,

а противъ принятыхъ обычаевъ, и важнѣйшіе придворные Филиппа поддерживали эти просьбы. Но всѣ хлопоты ихъ привели только къ тому, что введеніе новаго закона было отложено до начала слѣдующаго года, хотя самъ герцогъ Альба, уѣзжавшій тогда въ Италію и Нидерланды, выразилъ королю опасеніе. Филиппъ увѣрялъ, что въ этомъ дѣлѣ совѣсти онъ обратится за совѣтомъ къ лучшимъ и ученѣйшимъ богословамъ и будетъ сообразоваться съ ихъ мнѣніемъ. Самъ Филиппъ не давалъ никакого отвѣта и отсылалъ всѣ депутаціи къ любимцу своему, епископу, впослѣдствіи кардиналу Эспинозѣ.

Съ этого времени въ городѣ Гранадѣ, а главное, въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Альбайсинѣ, знатные и богатые члены фамилій, происходившихъ отъ мавританскихъ царей, составили заговоръ, съ цѣлью поднять всѣхъ перекрещенныхъ мавровъ. Рѣшившись возбудить возстаніе, заговорщики послали тайно пословъ къ турецкому султану, къ дею алжирскому, Гасану, и къ марокскому владѣтелю. Для возбужденія своихъ одновѣрцевъ въ Испаніи противъ христіанъ, они воспользовались богоугоднымъ христіанскимъ учрежденіемъ; между новообращенными гранадскими христіанами было учреждено благочестивое братство, устроившее на собственныя средства госпиталь у воротъ Гранады, при церкви св. Лазаря, и выхлопотавшее черезъ директора этого заведенія, патера Романуса, позволеніе дѣлать по всей Испаніи сборъ въ пользу этой больницы. Начальники альбайсинскаго заговора воспользовались этимъ позволеніемъ, чтобы втайнѣ извѣстить всѣхъ испанскихъ мавровъ о своихъ намѣреніяхъ и заготовить для своего предпріятія кассу. Подъ предлогомъ сбора милостыни двое заговорщиковъ объѣзжали всѣ провинціи, посѣтили 110,000 домовъ и сообщили свой планъ ихъ хозяевамъ. Никто изъ нихъ не измѣнилъ общему дѣлу. Между тѣмъ испанцы стали подозрѣвать горныхъ мавровъ въ тайныхъ замыслахъ. Вслѣдствіе этого отъ мавровъ потребовали выдачи оружія и произвели домовые обыски; но оружіе было спрятано въ многочисленныхъ горныхъ пещерахъ, которыя служили мо-

рискамъ арсеналами и магазинами для склада боевыхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ.

Возстаніе еще долго не вспыхнуло бы, еслибы донъ Педро де Деса, противъ воли королевскаго государственнаго совѣта и не взирая на представленія благоразумныхъ людей, не пошелъ еще далѣе ненавистнаго устава. Онъ учредилъ полицію, которая отравляла существованіе всѣмъ перекрещеннымъ маврамъ. Подъ страхомъ смертной казни воспрещалось принимать въ домъ или имѣть сношеніе съ какимъ-либо туркомъ или мавромъ. Смертная казнь полагалась даже сыну за сношенія съ отцомъ, и наоборотъ. Кто зналъ о чьихъ-нибудь сношеніяхъ этого рода и не доносилъ о нихъ правительству такъ же подлежалъ смерти. Наконецъ вышло распоряженіе, которое обличало намѣреніе переселить въ Кастилію всѣхъ дѣтей перекрещенныхъ мавровъ. 8 января 1568 было приказано внести въ списокъ всѣхъ дѣтей отъ трехъ до пятнадцати лѣтъ, подъ предлогомъ записать ихъ въ школы. Съ апрѣля 1568 жители суровой горной Альпухарской области, 17 миль длиною и 10 шириною, лежащей у самаго подножія хребта Вѣчнаго Снѣга (Sierra Nevada) и потому почти неприступной, первые взялись за оружіе. Эта провинція раздѣлялась на двѣнадцать таговъ, или уѣздовъ и имѣла, множество деревень и нѣсколько тысячъ жителей. Но, не снесясь съ столицею гранадскаго королевства и съ альбайсинскими заговорщиками, альпухарскіе мятежники не могли ничего предпринять. Въ Альбайсинѣ же было много настоящихъ христіанъ, такъ что мориски не могли явно возстать до 27 сентября 1568. Даже избраніе главнаго предводителя, предпринятое въ этотъ день, приходилось держать сперва въ глубокой тайнѣ. Двадцать седьмаго числа главы заговорщиковъ и регидаторы большей части деревень Альпухары собрались въ альказаму Альбайсина, чтобы избрать главнаго предводителя изъ рода древнихъ калифовъ. Выборъ ихъ палъ на двадцати-двухъ-лѣтняго юношу, происходившаго отъ Омейядскихъ калифовъ. То былъ донъ Фернандо Мулей де Валоръ и Кордова, главный

судья валорскій. По избраніи его кастильянцы прозвали его Фернандильо (Фердинадчикъ), а мориски стали величать его Мулей Абдалла Махмедъ бенъ Омейа король гранадскій и андалузскій, то есть по-арабски всей Испаніи; мы будемъ называть его короче, какъ звали его современники, Бенъ-Гумейя, (т. е. потомокъ Омейядовъ). Онъ былъ расточителенъ и запутанъ въ долгахъ, но смѣлѣе другихъ, потому что терять ему было нечего, а выиграть могъ онъ много.

Зимою Бенъ-Гумейя отправился въ Альпухары черезъ хребетъ Сіерра Невада. Но тамошнее возстаніе было совершенно безполезно, пока мятежники не владѣли Гранадою. Поэтому изъ Альпухаръ было послано нѣсколько тысячъ человѣкъ въ Альбайсинъ, чтобы оттуда напасть на Гранаду. Но посланные отряды были задержаны въ горахъ снѣгами, такъ что въ Альбайсинъ прибыло только нѣсколько сотъ человѣкъ. Тамошніе христіане и кастильянцы напали на нихъ, а заговорщики не поспѣли подать имъ помощь, и нападеніе на Гранаду не состоялось. Тогда въ Альпухарахъ стали совершаться всевозможныя злодѣйства и опустошенія противъ христіанъ, и заговорщики надѣялись отстоять горные проходы противъ испанскихъ войскъ, собранныхъ вице-королемъ, маркизомъ де Мондехаромъ. Испанская пѣхота, наводившая въ то время ужасъ на весь свѣтъ и завоевавшая Мексику, Перу и Чили, скоро взяла приступомъ высоты, покрытыя глубокими снѣгами, и жестоко отмстила мавританскому населенію Альпухаръ. Бенъ-Гумейя укрылся съ частію своихъ вѣрныхъ приверженцевъ въ самыхъ высокихъ и недосягаемыхъ мѣстностяхъ Сіерры Невады. Еслибы король Филиппъ послѣдовалъ въ это время совѣту маркиза де Мондехара и далъ амнистію, то война кончилась бы или въ декабрѣ 1568, или въ январѣ 1569; но онъ слушался только духовенства, и въ гранадской области начались такія страшныя опустошенія и неслыханныя жестокости противъ мавровъ, что война длилась цѣлые полтора года, и прекрасная страна обратилась въ пустыню. Несчастные горцы лишились всего достоянія,

были истреблены или обращены въ рабовъ. Вмѣсто амнистіи Филиппъ объявилъ, что всѣ плѣнные старше одиннадцати лѣтъ будутъ продоваемы въ рабство.

Война на Сьерра-Невадѣ и въ окрестностяхъ ея, особенно борьба съ Бенъ-Гумейей, очень подробно описывалась даже драматическими писателями. Мы приведемъ лишь нѣсколько фактовъ, чтобы показать, какимъ образомъ несчастный религіозный фанатизмъ испанскаго короля въ одно и то же время опустошалъ и нидерландскія, и испанскія провинціи. Съ ноября 1568 по апрѣль 1569 война нѣсколько разъ, казалось, была окончена но всякій разъ возобновлялась съ новымъ ожесточеніемъ, какъ скоро кастильцы начинали новыя жестокости, по приказанію духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, присланныхъ содѣйствовать маркизу де Мондехару. Алчные солдаты, которымъ не платили ни въ Испаніи, ни въ Нидерландахъ, разсѣялись и разбойничали по всей странѣ, врываясь въ жилища, выгоняя или хватая хозяевъ и продавая ихъ въ рабство. Мориски мстили за это по восточному. Всѣ попытки овладѣть Бенъ-Гумейей въ Сіерра-Невадѣ были тщетны; онъ быстро оправлялся послѣ каждаго пораженія, снова спускался въ долины, овладѣвалъ своимъ царствомъ и возобновлялъ жестокія опустошенія. Въ февралѣ 1569 маркизъ де Мондехаръ взялъ горное укрѣпленіе Геварасъ (pegnon) и приказалъ перерѣзать всѣхъ взятыхъ при этомъ морисковъ до послѣдняго человѣка, такъ что даже солдаты его ужаснулись такому звѣрству. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что потушитъ этимъ пламя возстанія и писалъ королю, что теперь маврамъ надѣта на шею петля, которую, смотря по желанію, можно отпустить или затянуть. Тогда Эспиноза, Деса и инквизиторы начали новыя жестокости, продолжавшіяся съ февраля до апрѣля, вслѣдствіе которыхъ король уже въ маѣ увидѣлъ неизбѣжность третьей войны.

Для всеобщей исторіи война эта замѣчательна главнымъ образомъ потому, что окончаніе ея было поручено побочному брату Филиппа, д о н ъ Х у а н у А в с т р і й с к о м у. Донъ Хуанъ

былъ сынъ Карла V и Варвары Бломбергъ, (мы не считаемъ нужнымъ объяснять, что матерью его считаютъ одну высокородную принцессу). Прибывъ въ 1559 въ Испанію, Филиппъ II, по желанію отца, взялъ донъ Хуана ко двору, призналъ его сводным братомъ и воспиталъ съ своимъ сыномъ отъ перваго брака, несчастнымъ донъ Карлосомъ. Теперь ему была предназначена честь во главѣ собранной со всѣхъ сторонъ въ горы арміи однимъ ударомъ покончить мавританскую войну. Ему долженъ былъ содѣйствовать великій командоръ ордена Сан-Яго де Кастилья, великій адмиралъ Испаніи донъ Луисъ де Реквезенсъ съ полкомъ ветеранъ, присланнымъ изъ Неаполя. Мондехаръ еще въ мартѣ получилъ повелѣніе оставить свои позиціи въ горахъ, и тотчасъ по возвращеніи его въ Гранаду Бенъ-Гумейя покинулъ горы и овладѣлъ всею окрестною страною. Робость Филиппа и недовѣріе его къ своему 22-хъ-лѣтнему сводному брату были причиною бездѣйствія донъ Хуана въ первый годъ его начальствованія. Король обязалъ его не предпринимать ничего безъ совѣта Мондехара и людей, которые все время портили всѣ распоряженія маркиза, а именно архіепископа гранадскаго, президента де Деса и герцога де Сессы; впослѣдствіи, кромѣ нихъ, совѣтниками главнокомандующаго были назначены донъ Луисъ де Реквезенсъ и уголовный судья (auditor) Діего Вирвьеско де Муньятаресъ. Каковъ былъ этотъ послѣдній, видно уже изъ того, что Филиппъ пользовался его услугами въ процесѣ противъ своего сына, донъ Карлоса, когда подъ видомъ правосудія хотѣлъ избавиться отъ него. Эти совѣтники воспрепятствовали донъ Хуану немедленно аттаковать непріятеля всѣми своими силами; при томъ оказалось, что всѣ сдѣланныя для него приготовленія отличаются болѣе внѣшностью, чѣмъ дѣйствительнымъ значеніемъ. Войска не знали дисциплины, не имѣли опытности, не было ни боевыхъ, ни съѣстныхъ припасовъ, ни денегъ. Поэтому рѣшено было послать пока маркиза де Лосъ Велеса съ однимъ отрядомъ. Отрядъ этотъ былъ отраженъ, и возстаніе распространилось по долинамъ и по рав-

нинѣ къ Велесъ, Малагѣ и далѣе. Если бы Реквезенсу не посчастливилось удачно высадить пѣхотный полкъ и оттѣснить непріятеля, то весь берегъ очутился бы въ рукахъ морисковъ и ихъ африканскихъ и турецкихъ союзниковъ; сраженіе это было упорно, и Реквезенсъ съ трудомъ отстоялъ поле битвы противъ войскъ Бенъ-Гумейя. Затѣмъ Бенъ-Гумейя безпрепятственно овладѣлъ своею резиденціею въ Лаухарѣ д'Андарахинѣ и поселился во дворцѣ послѣдняго короля Гранады. Но его окружали измѣнники, и даже его любимая жена, прекрасная Сахара, была въ сношеніяхъ съ его врагами. Противъ него составился заговоръ при содѣйствіи турецкаго отряда. Ночью заговорщики напали на него, овладѣли имъ, произвели надъ нимъ для вида судъ, приговорили къ казни и немедленно удавили. На его мѣсто былъ избранъ Бенъ-Абу. Онъ воевалъ съ кастильцами въ октябрѣ и ноябрѣ 1569 тѣмъ же способомъ, какъ и предшественникъ его; во все это время не произошло ничего рѣшительнаго.

Еще въ сентябрѣ маркизъ де Мондехаръ былъ отозванъ, потому что враги его сваливали на него вину дурнаго веденія войны; но и послѣ него она шла не лучше. Филиппъ не только не показалъ маркизу неудовольствія, но назначилъ его вице-королемъ Валенсіи, а потомъ Неаполя. Остальные военные члены государственнаго совѣта герцогъ де Сесса, донъ Луисъ Квихата и маркизъ де Лосъ Велесъ постоянно ссорились другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего все не удавалось. Тридцать два полковника были отставлены за кражу денегъ и неплатежъ жалованья войску, но точно также поступали и преемники ихъ. Подрядчики ничего не доставляли, такъ что подъ конецъ начальники перестали производить смотры, чтобы непріятель не могъ узнать, до какой степени войска правительства нуждаются во всемъ необходимомъ. До 1570 ходомъ войны вполнѣ распоряжался маркизъ де Лосъ-Велесъ. Онъ такъ все запустилъ, что, наконецъ, въ декабрѣ 1569 донъ Хуанъ Австрійскій потерялъ терпѣніе и обратился къ королю съ просьбою уполномочить его

дѣйствовать по-своему. Донъ Луисъ де Реквезенсъ, перевезшій осадныя орудія изъ Картеги въ Галеру и занявшій свое мѣсто въ совѣтѣ, сдѣлалъ по внушенію донъ Хуана очень подробный докладъ о веденіи войны маркизомъ де Лосъ Велесомъ и настоятельно представлялъ королю, что нельзя надѣяться на окончаніе ея, если донъ Хуану не будетъ дано неограниченное и безусловное полномочіе вести ее. Лучшія войска Филиппа были тогда въ Нидерландахъ, и онъ чувствовалъ, какъ опасно было бы, еслибы въ эту минуту турки высадились и подкрѣпили широко развившееся возстаніе. На этотъ разъ онъ подавилъ свое обычное недовѣріе, согласился на все и даже послалъ въ Андалузію собственныхъ придворныхъ собирать ополченіе. Новые провіантмейстеры снабдили гранадскую армію припасами, добыли денегъ, и донъ Хуанъ объявилъ, что самъ станетъ во главѣ всего ополченія и займетъ Ріо д'Альмансору въ то самое время, какъ герцогъ де Сесса вступитъ въ Альпухары.

Съ арміей въ 24,000 регулярнаго войска и множествомъ волонтеровъ, собравшихся со всей Испаніи на защиту вѣры, донъ Хуанъ явился въ январѣ 1570 передъ крѣпостью Галерой и окружилъ ее со всѣхъ сторонъ. Это укрѣпленіе, выстроенное въ формѣ галеры, было очень слабо, но его защищали 5 или 6,000 мавровъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей, готовыхъ сопротивляться до послѣднихъ силъ, хотя уже знали, что нельзя разсчитывать на турокъ, на помощь которыхъ они прежде надѣялись. Съ 19 января по 10 февраля донъ Хуанъ нѣсколько разъ предпринималъ приступы, при чемъ потерялъ множество людей. 10 февраля при новомъ приступѣ онъ былъ и самъ раненъ. Войско отмстило за рану своего полководца ожесточеннымъ натискомъ, и городъ былъ, наконецъ, взятъ, причемъ всѣ защитники были изрублены безъ разбора пола и возраста. Этимъ ударомъ окончилась опасная внутренняя война. Альпухары не могли долѣе держаться, и въ то же время самъ Бенъ-Абу захворалъ и умеръ.

За эту побѣду испанцы съ свойственнымъ имъ неумѣреннымъ хвастовствомъ провозгласили донъ Хуана передовымъ бойцемъ христіанства. Онъ позволялъ совершать такія жестокости съ плѣнными женщинами и дѣтьми, что послѣ этого странно слышать разсказы объ его кротости и благодушіи. По его приказанію Галера была разрушена до основанія; жалкое мѣстечко, которое носитъ теперь это имя, построено у подножія той скалы, гдѣ она прежде стояла. Съ февраля до конца марта были покорены на капитуляцію крѣпости Серонъ, Тиjола, Пурчасъ и вся Ріо д'Альмансора. Страна была опустошена, а мавры частію сосланы на галеры, какъ государственные рабы, частію проданы въ рабство частнымъ лицамъ. Весь 1570 годъ продолжалось систематическое уничтоженіе множества городовъ и мѣстечекъ. Въ январѣ 1571 мщеніе дошло и до Альпухаръ. Тамъ въ одинъ мѣсяцъ было истреблено или обращено въ рабство болѣе 10,000 человѣкъ.

Вслѣдъ за тѣмъ отъ двора пришло повелѣніе изгнать изъ страны всѣхъ морисковъ, къ какому бы званію или сословію они ни принадлежали, не исключая и тѣхъ, которые вели себя во время возстанія смирно. Перваго ноября было сдѣлано начало исполненію этого приказа. Жители Гранады, долины Лекринъ и округа Малаги, и 1,200 человѣкъ, взятыхъ въ округѣ Роада, были выселены въ Эстремадуру, Толедо, Эсиху и Кармону. Населеніе Гадикса и Ріо д'Альмансоры было принуждено переселиться въ пустыни Ла-Манча, такъ какъ фанатическіе жители обѣихъ Кастилій не хотѣли принимать этихъ враговъ церкви и грозили умертвить ихъ. Изгнанные изъ Басы остались въ Альбасетѣ въ королевствѣ Мурсіи, а населеніе округа Альмеріи сослано въ Севилію на галеры. Не смотря на строгій надзоръ, множество мавровъ успѣло бѣжать въ Алжиръ и къ фецкому султану, которому они оказали важныя услуги при его блестящей побѣдѣ надъ Себастіаномъ, королемъ португальскимъ. Донъ Хуанъ и помощникъ его, донъ Луисъ де Реквезенсъ, пріобрѣли въ этой истребительной войнѣ, по нашему мнѣнію, очень дешево, славу отличныхъ полководцевъ. Тотчасъ

по окончаніи войны, въ 1571 году, Филиппъ послалъ Реквезенса намѣстникомъ во Фландрію, а брата назначилъ главнокомандующимъ въ морской войнѣ съ оттоманскими турками. Война эта находится въ связи съ исторіей Венгріи и Италіи; мы перейдемъ къ ней, разсказавъ предварительно исторію междоусобій въ Нидерландахъ и во Франціи.

4. Война въ Нидерландахъ съ 1572 до Гентскаго замиренія (1576).

Предпріятіе такъ называемыхъ водяныхъ гёзовъ, какъ мы уже знаемъ, вызвало отпаденіе многихъ значительныхъ городовъ и гаваней въ Голландіи и Зеландіи и заставило герцога Медину Сели отказаться отъ предложеннаго ему намѣстничества. При распространеніи возстанія въ сѣверной Голландіи, Альба не принялъ энергическихъ мѣръ въ самомъ началѣ; считая болѣе необходимымъ свое присутствіе въ Геннегау, гдѣ Лудовикъ Нассаускій въ союзѣ съ французскими гугенотами грозилъ важнѣйшимъ городамъ. Послѣ неудачной попытки взять Валансьенъ, принцъ овладѣлъ 25 мая 1572 городомъ Монсомъ, или Бергеномъ. Герцогъ Альба былъ еще занятъ подъ Бергеномъ, когда Вильгельмъ Оранскій, въ началѣ не одобрявшій (какъ видно изъ напечатанныхъ нынѣ писемъ его) смѣлаго предпріятія демократическихъ гёзовъ, одумался и явился на Маасѣ съ прибывшимъ изъ Германіи войскомъ. Нѣмецкіе князья были такъ извѣстны своимъ безконечнымъ строченіемъ, переговариваніемъ и обдумываніемъ, что Альба отзывался объ этихъ гордыхъ и сильныхъ государяхъ крайне презрительно, тогда какъ въ то же время высказывалъ опасеніе по поводу предпріятій демократическихъ голландцевъ и зеландцевъ, которые смѣло разбойничали на морѣ на мелкихъ судахъ. Мнѣніе Альбы и всѣхъ другихъ современниковъ о нѣмецкихъ князьяхъ ясно видно изъ письма, писаннаго шесть лѣтъ спустя пфальцграфомъ Іоганомъ Казиміромъ ландграфу

гессенскому. Въ этомъ письмѣ, напечатанномъ Грёномъ ванъ Принстереромъ въ его «Оранскихъ архивахъ» (т. VII, стр. 300), пфальцграфъ пишетъ: «Дюкъ д'Альба имѣлъ случай хорошо узнать курфирстовъ и князей нѣмецкой націи и говорилъ, что нѣмецкіе владѣтели—знатныя особы, что въ гербахъ и щитахъ у нихъ разные большіе и страшные звѣри, львы, грифы, орлы и другіе, что у нихъ большія лапы и когти, но что кусаться и царапаться они не умѣютъ. Испанцамъ, французамъ и другимъ чужестраннымъ націямъ, къ несчастію, хорошо извѣстно, что мы, нѣмцы, занимаемся больше писаніемъ, бумагомараніемъ, праздными съѣздами и разговорами, чѣмъ дѣломъ, и они разсчитываютъ на это, что̀ ведетъ къ великому униженію нѣмецкой націи» [*]).

Нѣмецкія войска мало помогли Вильгельму, потому что состояли изъ ревностныхъ лютеранъ или изъ разныхъ авантюристовъ. Вильгельмъ не могъ даже заставить ихъ щадить своихъ католическихъ земляковъ, которыхъ было очень много въ занятыхъ имъ мѣстахъ. Онъ взялъ Рюремонде, овладѣлъ черезъ посредство ванъ Дорпа Мехельномъ и взялъ контрибуцію съ жителей Левена; но повсюду поднялись крики противъ буйства безпутныхъ нѣмецкихъ солдатъ и рыцарей, которымъ не доплачивали жалованья. Они обнаруживали фанатическую ярость противъ священниковъ, богослуженія и вѣры католиковъ, особенно въ городахъ Дондермондѣ и Уденардѣ, которые Вильгельмъ взялъ, чтобы выручить своего брата, осажденнаго въ Монсѣ.

---

*) „Der Düc d'Alba hat der Chur und Fürsten Teutscher Nation gelegenheit zu seiner Zeit wol gewust, da er sich verlauten lassen, die Teutsche Fürsten weren grosze Herrn, die in ihren schildern und wappen füreten viel grosze thier als lewen, greiffen, adler und andere, hätten grosze zehen und klauwen, bissèn aber und kratzeten nicht. Den Spaniern, Franzosen und anderen frembden nationen ist leider wohlbekannt, dasz unserer, der Teutschen, handlungen mehr auf dem schreiben, papier, vergebentlichen zusammenkünften und taglestungen denn wirklicher verrichtung bestehen und beruhen, darnach sie ihre anschläg richten und rechnungen machen, welches zwar der Teutschen Nation zu höchster verkleinerung reichen thut“.

Только въ сентябрѣ 1572 Вильгельмъ достигъ окрестностей Монса, который былъ осажденъ всею испанскою арміею, но въ то же время убѣдился въ невозможности содержать долѣе свое многочисленное войско наемниковъ и платить имъ жалованье, потому что надежды, которыя онъ возлагалъ на французскихъ гугенотовъ, были разрушены ужасами Варѳоломеевской ночи, т. е. тѣмъ неслыханнымъ злодѣйствомъ короля Карла IX, которое въ наше время разные софисты принялись восхвалять, какъ благодѣтельную мѣру. Вильгельмъ увидѣлъ, что ему остается только поспѣшить нападеніемъ на непріятельскій лагерь, хотя Альба въ то время былъ подкрѣпленъ нѣмецкими войсками многихъ католическихъ князей. Альба съ трудомъ удержалъ свое войско отъ нападенія; архіепископъ кёльнскій, изъ графовъ Изенбурговъ, находившійся въ испанскомъ лагерѣ и болѣе кровожадный, чѣмъ самъ Альба, былъ очень недоволенъ нерѣшительностью герцога. Но Альба былъ твердо увѣренъ, что Монсъ, тѣсно обложенный, не замедлитъ сдаться и потому, находя всякій рискъ безразсуднымъ, рѣшительно уклонился отъ боя. Ожиданіе его сбылось. Вильгельмъ долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ выручить городъ и двинуться черезъ Мехельнъ въ Орсуа, гдѣ ему пришлось распустить войско, вслѣдствіе вспыхнувшаго въ немъ неудовольствія и мятежа. Братъ его, продержавшись въ Монсѣ три мѣсяца, сдался на почетную капитуляцію, которая обезпечивала ему отступленіе и была соблюдена.

Военное предпріятіе принца Оранскаго неудалось, но за то онъ вполнѣ достигъ своей цѣли, какъ глава республиканской партіи, своею политическою и дипломатическою ловкостью въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ находилась большая часть его имѣній. Въ свое отсутствіе, Вильгельмъ поручилъ провинцію Голландію своему тамошнему вице-штатгальтеру, Сонуа. Въ Гельдернѣ, Утрехтѣ и Фрисландіи возстаніе было организовано графомъ де Бэ, женатымъ на сестрѣ Вильгельма, которая совершенно распоряжалась мужемъ. Когда, наконецъ, Вильгельмъ лично при-

былъ въ Голландію, то возмутившіеся города и сословія формально признали его намѣстникомъ и назначили къ нему государственный совѣтъ. Онъ овладѣлъ въ Голландіи Гертруденбургомъ, но, вѣроятно, былъ бы принужденъ уступить герцогу Альбѣ и его сыну донъ Фредриго де Толедо, еслибы они не вели войну такъ, что голландцы, извѣстные своимъ упорствомъ и стойкостью, предпочитали скорѣе погибнуть до послѣдняго человѣка, чѣмъ сдаться. Альба послалъ своего сына противъ голландцевъ, и города Цютфенъ и Нарденъ, устрашась его, отворили испанцамъ свои ворота, но испанцы позволили себѣ въ нихъ страшныя жестокости. Голландскимъ городамъ грозила, повидимому, та же судьба, которая постигла маррановъ въ Испаніи; но голландцы были счастливѣе. Войско донъ Фредриго грабило и неистовствовало еще въ Мехельнѣ; въ Цютфенѣ, гдѣ ему было меньше добычи, оно рубило встрѣчныхъ и поперечныхъ. 500 человѣкъ было убито или ранено и брошено въ рѣку; остальные должны были выкупать свою жизнь всѣмъ своимъ имуществомъ. Въ Нарденѣ всѣ безъ различія были перебиты, и самый городъ сожженъ. Эти злодѣйства побудили городъ Гарлемъ къ такому отчаянному сопротивленію, что вся Европа была изумлена мужествомъ и любовью къ свободѣ голландскаго народа, считавшагося флегматическимъ.

Исчислять жестокости, совершенныя съ обѣихъ сторонъ при осадѣ Гарлема и потомъ при осадѣ Алькмара, мы предоставляемъ историкамъ республики семи провинцій или нынѣшняго королевства Нидерландскаго. Мы ограничимся только двумя замѣчаніями о герцогѣ Альбѣ и королѣ Филиппѣ, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ такъ удивительно похожъ на своего полководца. Большинство историковъ, особенно ванъ деръ Винктъ, обвиняютъ Альбу въ томъ, что главною цѣлью всѣхъ его злодѣйствъ въ Нидерландахъ было желаніе обогатиться добычею казненныхъ и убитыхъ. Говорятъ, что онъ былъ алченъ и, не смотря на всѣ свои грабежи, никогда не платилъ своимъ солдатамъ, которые производили за то всевозможныя безчинства.

Но Метеренъ отрицаетъ это, хотя вообще далеко не щадитъ герцога; въ этомъ отношеніи онъ прямо говоритъ, что Альба не былъ корыстолюбивъ. Поэтому мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ и доказательствами Борнье (стр. 59 и 60) относительно грабежей и дисциплины въ арміи Альбы. Второе замѣчаніе относится къ любопытному явленію, которое представляетъ религіозность испанскихъ и восточныхъ фанатиковъ, въ родѣ короля Филиппа и герцога Альбы, и мнѣніе ихъ объ отношеніяхъ Богомъ поставленной власти къ подданнымъ. Всѣ риторическія характеристики такихъ людей неудачны, потому что написаны въ поэтическомъ духѣ, или людьми, воспитанными въ исключительномъ протестантизмѣ. Чтобы понять этихъ людей, надо послушать, что они сами говорятъ о себѣ. Тогда будетъ ясно, какимъ образомъ они могли по долгу совѣсти отрицать всякое человѣческое чувство, не будучи, однако, совершенно безчувственными. Сохранилось письмо духовника Альбы, въ которомъ онъ описываетъ герцогинѣ послѣднія минуты ея мужа. Оно писано 14 декабря 1582, и Грёнъ ванъ Принстереръ приводитъ изъ него слѣдующій отрывокъ (ч. VI, стр. 262): «Герцогъ очень боялся смертнаго грѣха, не изъ страха адскихъ наказаній, ибо о нихъ онъ и не думалъ (que nada le novian), но изъ уваженія къ щедротамъ, которыми осыпалъ его Господь. Нѣкоторые говорили, будто онъ былъ слишкомъ строгъ (demasiamente entero) въ отправленіи правосудія; но я скажу на это, что онъ совершенно искренно говорилъ мнѣ, что не чувствуетъ ни малѣйшаго угрызенія совѣсти (no lo remordia la consciencia) и не сознаетъ за собою во всю свою жизнь ни единой капли крови, пролитой напрасно, потому что казненные имъ во Фландріи были бунтовщики и еретики». При томъ, какъ доказалъ Борнье, казни Эгмонта, Горна и другихъ совершенно невинныхъ людей послѣдовали по прямому приказу изъ Мадрида, и Альба, говорятъ, проливалъ надъ этимъ приказомъ слезы василиска. Филиппъ былъ безспорно хуже Альбы. Вся-

кій разъ, какъ дѣло шло плохо, онъ сваливалъ вину на свои орудія, которыя извѣстное время считались въ немилости, но потомъ снова входили въ милость. Это положительно извѣстно изъ депеши, которую французскій посланникъ въ Мадридѣ, Сенъ Гоаръ, писалъ въ апрѣлѣ 1574 своему королю Карлу IX. Въ ней говорится, что Филиппъ вызвалъ президента «совѣта смутъ» донъ Хуана де Варгаса и обращался съ нимъ сначала такъ, какъ будто знать его не хочетъ, а вслѣдъ затѣмъ пригласилъ его на тайное совѣщаніе и отправилъ съ тайнымъ посольствомъ къ герцогу Альбѣ *).

Во время осады Гарлема, длившейся семь мѣсяцъ (съ декабря 1572 по 13 іюля 1573), Фредриго де Толедо нѣсколько разъ хотѣлъ покинуть ее, и его удержали только грозныя приказанія отца. Онъ потерялъ почти все свое войско отъ безпримѣрной стойкости осажденныхъ, отъ голода, стужи и болѣзней, произведенныхъ болотными испареніями и недостаткомъ свѣжей пищи. Послѣ безусловной сдачи Гарлема, Толедо пред-

*) Мы приведемъ одно мѣсто изъ этого письма, помѣщеннаго въ „Оранскихъ архивахъ“ Грёна ванъ Принстерера, ч. IV, стр. 358: „Le premier seoir Iehan de Vargas feut assés bon temps avecques le roi, et le lendemain au matin il y retourna, où il feut aussy ung bon temps, et y feut aussy bien accompagné. L'on dict, qu'il s'en partira bientost pour s'en aller à Albe, et que le roy fera demonstration d'estre trés mal content de luy, et d'avoire désagréable tout ce qu'il a faict en Flandres; et tiensje de bon lieu, que cela se faict pour contenter les Flamans et leur donner par tels depportements à entendre, que ce n'a estè de la vollunté du roy que le dit duc les ayt mal traictezi lui ayant persuadé, que tenant ceste mode ce seroit chemain pour entrer à pacifier et adoucir les volluntez altérées, que ne sont tournées si ce n'est á ceului qui les assurent les faire jouir du repos“. (Въ первый вечеръ Жанъ де Варгасъ пробылъ довольно долго у короля и на другой день опять приходилъ съ значительною свитою и снова пробылъ довольно долго. Говорятъ, что скоро онъ поѣдетъ къ Альбѣ, и что король сдѣлаетъ видъ, что очень недоволенъ всѣми его дѣйствіями во Фландріи; я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что все это дѣлается, чтобы задобрить фламандцевъ и показать имъ, будто король вовсе не желалъ, чтобы съ ними такъ дурно обращались; короля убѣдили, что это вѣрнѣйшій путь усмирить и укротить недовольныхъ, которые обратятся только къ тому, кто обезпечитъ имъ спокойствіе).

принялъ осаду Алькмара, но былъ принужденъ снять ее, потому что нѣмецкіе, испанскіе и фламандскіе отряды его войска которымъ ничего не платилось уже двадцать восемь мѣсяцевъ, отказались служить долѣе. Въ это время въ Голландіи Вильгельмъ Оранскій былъ офиціально избранъ намѣстникомъ короля испанскаго, противъ котораго было направлено возстаніе; самъ Вильгельмъ былъ такъ хитеръ, что прикрывалъ всѣ свои распоряженія именемъ короля для противодѣйствія демократамъ, которыхъ боялся не меньше испанцевъ, и для соблюденія консервативнаго характера. Уѣзжая изъ страны, Вильгельмъ назначилъ вмѣсто себя намѣстника и сдѣлалъ въ старой конституціи нѣкоторыя измѣненія въ демократическомъ смыслѣ. Впрочемъ, они были совершенно ничтожны и состояли только въ томъ, что право посылать депутатовъ на собраніе штатовъ, принадлежавшее лишь шести городамъ, было предоставлено еще двѣнадцати. Но Вильгельмъ въ письмахъ къ брату жалуется на голландцевъ, которые будто бы лишены мужества, и на прерваніе сообщенія между двумя частями провинціи, по случаю завоеванія Гарлема.

Между тѣмъ водяные гёзы на своихъ мелкихъ судахъ разоряли испанцевъ. Они плавали по рѣкамъ и каналамъ, какъ нѣкогда норманы, и, заходя вовнутрь страны, производили грабежи и опустошенія. Они составили даже флотъ изъ своихъ небольшихъ судовъ и намѣревались завоевать Миддельбургъ, чтобы освободить всю Зеландію. Это предпріятіе было имъ также трудно, какъ испанцамъ осада Гарлема. Оно еще продолжалось, когда великій командоръ донъ Луисъ де Реквезенсъ пріѣхалъ на смѣну герцога Альбы. Незадолго до того онъ былъ вице-адмираломъ донъ Хуана Австрійскаго, и Филиппъ послалъ его, разсчитывая, что онъ своею личною кротостью привлечетъ къ себѣ нидерландскихъ католиковъ. Въ декабрѣ 1573 онъ прибылъ въ Нидерланды и вступилъ въ управленіе страною. Тотчасъ по прибытіи онъ черезъ Марникса де Сентъ Альдегонда сталъ устраивать попытки примиренія; но онѣ не удались, по-

тому что Вильгельмъ питалъ непреодолимое недовѣріе къ мавританскому коварству Филиппа. При томъ Реквезенсъ не могъ исполнить ни одного требованія нидерланцевъ, потому что король былъ слишкомъ мало расположенъ къ умѣренности, и Реквезенсъ, котораго вообще черезчуръ хвалятъ, не могъ добиться ни уничтоженія кроваваго совѣта смутъ, ни смягчить установленные Альбою налоги; впрочемъ, лично онъ выказывалъ кротость, благородство и справедливость. Съ его прибытіемъ грабежи и убійства прекратились, и онъ выполнилъ всѣ свои обѣщанія. Конечно, Реквезенсъ далеко уступалъ Альбѣ военными талантами; но предшественникъ его оставилъ ему отличныхъ генераловъ и превосходныя войска. Занявъ мѣсто Альбы, Реквезенсъ немедленно вооружилъ флотъ, чтобы аттаковать голландцевъ на морѣ. Шестьдесятъ кораблей, подъ начальствомъ Санчо д'Авилы, Юліана Ромеро и адмирала Глимеса, отправились на выручку Миддельбурга. Главнокомандующій зеландскаго флота Лудовикъ Буазо пошелъ имъ на встрѣчу, и въ концѣ января 1574 произошло кровопролитное сраженіе, на которое Реквезенсъ смотрѣлъ съ высокой плотины. Испанцы были разбиты, и вслѣдствіе этого пораженія Миддельбургъ принужденъ былъ сдаться. На сушѣ въ новомъ предпріятіи Лудовика Нассаускаго республиканцы были не такъ счастливы, какъ на морѣ. Графъ предводительствовалъ тогда новымъ войскомъ, набраннымъ въ Германіи; но ни онъ, ни братъ его, Вильгельмъ, не могли тягаться съ испанскими генералами, служившими у Реквезенса въ Нидерландахъ, равно какъ и войска ихъ не могли противиться испанскимъ ветеранамъ Альбы. Лудовикъ хотѣлъ на этотъ разъ двинуться къ Нимвегену, а Вильгельмъ долженъ былъ соединиться съ нимъ изъ Зеландіи. Чтобы не допустить братьевъ до соединенія, въ Нимвегенъ было послано испанское войско подъ начальствомъ Санчо д'Авилы. Испанцы встрѣтили войска принца Лудовика за нѣсколько миль отъ Нимвегена на Моокерскомъ полѣ, взяли приступомъ его укрѣпленный лагерь и въ два часа одержали блистательную побѣду (14 апрѣля

1574). Армія Лудовика была частію уничтожена, частію разсѣяна; самъ онъ, братъ его Генрихъ и Христофоръ, сынъ курфирста Фридриха III пфальцкаго, лишились жизни. Но нидерландцы возвратили себѣ на водѣ то, что́ потеряли на сушѣ; 30 мая водяные гёзы подъ предводительствомъ Буазо разбили испанскій флотъ между Лиллоо и Каллоо, взяли въ плѣнъ адмирала и, овладѣвъ тремя кораблями, прогнали остальные назадъ въ антверпенскую гавань.

Въ іюнѣ 1574 Реквезенсъ предпринялъ осаду Лейдена, хотя послѣ битвы на Моокерскомъ полѣ испанскія войска трудно было удерживать въ порядкѣ. Осада продолжалась до октября: стойкость и храбрость голландцевъ заслужили уваженіе всей Европы. Испанцы все ближе и ближе обступали городъ, гдѣ недостатки и нужда доходили до высшей степени, такъ что 6,000 жителей умерли отъ голода и отъ употребленія нездоровыхъ припасовъ. Но не смотря на все, граждане держались. При этомъ отличились знаменитые ученые археологи и латинскіе поэты, братья Іанъ и Яковъ ванъ деръ Дузъ изъ Норвика, болѣе извѣстные подъ латинизированнымъ именемъ Дуза. Они обнаружили удивительное самопожертвованіе ради политической и религіозной свободы своего отечества и пріобрѣли себѣ великую славу. Испанцы сдѣлали шестьдесятъ шесть окоповъ въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ города. Вильгельмъ Оранскій самъ явился въ Голландію, чтобы, если можно, доставить въ городъ подкрѣпленіе. Съ этою цѣлью онъ предложилъ отчаянную мѣру—прокопать плотины и, затопивъ всю страну, дать судамъ гёзовъ возможность добраться до города. Испанцы, видя себя окруженными и угрожаемыми со всѣхъ сторонъ водою, покинули свои окопы. Къ счастію, они не замѣтили, что при этомъ разрушилась большая часть городской стѣны, размытая водою. Такимъ образомъ геройскіе защитники города были, наконецъ, спасены. Впослѣдствіи Вильгельмъ самъ читалъ своимъ соотечественникамъ въ дельфтской церкви письма объ ихъ чудесномъ

спасенія, и голландцы постарались вознаградить Лейденъ учрежденіемъ въ немъ университета.

Въ слѣдующемъ 1575 году король Филиппъ прикинулся готовымъ принять посредничество императора Максимиліана II, которое такъ оскорбительно отвергнулъ въ 1569 г. Въ Бредѣ начались переговоры и продолжались съ марта до іюня; но дѣло не могло подвигаться уже по той причинѣ, что Филиппъ и слышать не хотѣлъ о терпимости. Поэтому война началась съ удвоеннымъ жаромъ. Положеніе республиканцевъ было очень сомнительно, когда непріятель, занявъ острова Шувенъ и Дуйвеландъ, прекратилъ сообщеніе между Голландіей и Зеландіей и когда въ то же время разсѣялась надежда на англійскую помощь. Тогда-то Вильгельмъ Оранскій высказалъ великую мысль, достойную благороднаго и свободнаго человѣка, которую мы приведемъ въ выноскѣ его собственными словами и которую позднѣе наслѣдникъ его, Вильгельмъ III, готовъ былъ привести въ исполненіе, не задолго до спасенія его страны отъ рукъ французскаго деспота Лудовика XIV *).

Вильгельмъ Молчаливый, подобно Вильгельму III, былъ выученъ изъ гибели въ то время, когда всего менѣе ожидалъ этого. Реквезенсъ не могъ платить своимъ солдатамъ и продолжать дорогую защиту двухъ острововъ; поэтому онъ отозвалъ испанцевъ съ Шувена и Дуйвеланда. Такимъ образомъ сообще-

---

*) Хотя Грёнъ ванъ Принстереръ упорно и, повидимому, основательно отрицаетъ („Archives“, ч. V, стр. 272), что Вильгельмъ имѣлъ, когда бы то ни было намѣреніе затопить всю страну и покинуть ее; но вотъ что Вильгельмъ писалъ своему брату Іоанну (т. V, стр. 27): „Si les princes d'Allemagne ne veuillent aucunement prester l'oreille, nous remettrons notre cause en dieu, avec ferme espoir, qu'il ne nous abandonnera point, comme aussi de nostre coté nous sommes isy résoluz de ne quitter la deffence de sa parolle et de nostre liberté jusqu'au dernier homme“. (Если германскіе князья не захотятъ помочь намъ, мы возложимъ наше упованіе на Бога съ твердою увѣренностію, что онъ не покинетъ насъ, какъ и мы, съ своей стороны, твердо рѣшились до послѣдняго человѣка не покидать защиту его слова и нашей свободы).

ніе между Голландіей и Зеландіей было возстановлено. Вслѣдъ затѣмъ въ мартѣ 1576 Реквезенсъ умеръ, не оставивъ никого, кто бы могъ удержать совершенно одичалыхъ испанцевъ, ожесточенныхъ безъ различія противъ всѣхъ нидерландцевъ. Филиппъ далъ, правда, Реквезенсу бланкъ съ своею подписью, чтобы онъ самъ написалъ на немъ имя своего преемника; но Реквезенсъ этого не сдѣлалъ. Такимъ образомъ управленіе перешло къ нидерландскому государственному совѣту, котораго испанцы не хотѣли слушаться и члены котораго были между собою въ разладѣ. Испанскіе солдаты стали бунтоваться еще тотчасъ послѣ моокерской побѣды и даже прогнали Санчо д'Авилу, который доставилъ имъ эту побѣду. Послѣ осады Лейдена они заняли Утрехтъ и притѣсняли гражданъ этого города, пока Вальдесъ не уплатилъ имъ жалованья. По смерти же Реквезенса, они стали распоряжаться какъ единственные хозяева страны.

Гопперусъ, завѣдывавшій въ Испаніи нидерландскими дѣлами, объявилъ, что только самъ король можетъ предотвратить послѣдствія вражды испанцевъ съ нидерландцами; но Филиппу не хотѣлось покидать Испанію. Поэтому онъ назначилъ намѣстникомъ своего брата, донъ Хуана Австрійскаго; а такъ какъ принцъ не могъ выѣхать немедленно, то король послушался другаго совѣта Гоппеpуса и постарался привлечь на свою сторону нидерландскихъ католиковъ, выказавъ имъ полное довѣріе. Онъ далъ положительное согласіе на то, чтобы государственный совѣтъ управлялъ дѣлами намѣстничества и одобрилъ принятыя имъ мѣры, распорядившись даже, чтобы государственный совѣтъ продолжалъ завѣдывать дѣлами до прибытія донъ Хуана. Это распоряженіе было сдѣлано съ непривычною въ Испаніи, особенно при Филиппѣ II, быстротою: оно помѣчено 24 марта. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ, при полнѣйшей всеобщей разнузданности, это распоряженіе предавало всю королевскую власть въ руки нидерландской аристократіи, такъ какъ король милостиво выразилъ свое одобреніе на всѣ дѣйствія государ-

ственнаго совѣта, прелатовъ, дворянства и городовъ провинцій. Такимъ образомъ въ южныхъ провинціяхъ Нидерландовъ правленіе было въ рукахъ штатовъ, тогда какъ въ Голландіи и Зеландіи, напротивъ, Вильгельмъ Оранскій, въ силу старыхъ правъ намѣстниковъ, былъ почти неограниченнымъ правителемъ *), хотя наружно все еще признавалъ Филиппа государемъ. Такъ какъ испанцы и начальники ихъ, занимавшіе множество фортовъ, устроенныхъ Альбою, и даже сами избравшіе себѣ предводителей, совершали неслыханныя злодѣянія, то государственный совѣтъ велѣлъ возвратить жителямъ оружіе и, наконецъ, одною изъ своихъ прокламацій возбудилъ кровопролитную схватку между гражданами и солдатами. Не смотря на сильное сопротивленіе Виліуса, Барлемона и другихъ преданныхъ испанцамъ членовъ, онъ издалъ прокламацію, возбудившую междоусобіе и въ тѣхъ провинціяхъ, которыя до сихъ поръ оставались вѣрноподданными. Въ этомъ воззваніи, сочиненномъ Филиппомъ де Круа герцогомъ Аршотомъ, намѣстникомъ Фландріи, нидерландцы призывались отражать силу силою. Между тѣмъ принцъ Оранскій дѣятельно старался воспользоваться своимъ вліяніемъ и связями въ фламандскихъ провинціяхъ и удалить изъ государственнаго совѣта всѣхъ членовъ, преданныхъ Испаніи. Однако, испанскіе солдаты господствовали въ Нидерландахъ до осени 1576. Они заняли цитадели Гента, Антверпена, Утрехта и Валансьена; взяли и совершенно разграбили Алостъ, откуда, наконецъ, отправились въ Мастрихтъ, гдѣ съ ними соединились стоявшіе тамъ нѣмецкіе наемники испанцевъ. Мастрихтъ былъ также разграбленъ, и населеніе подверглось самому возмутительному обращенію. Вслѣдъ затѣмъ и Антверпенъ, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ тогдашней Европы, сталъ добычею испанскихъ солдатъ, которые грабили и опустошали его въ продолженіе трехъ дней. Итога убытковъ, нанесенныхъ ими гражда-

*) См. Groen van Prinsterer „Archives". T. V, p. 270.

намъ этого города, мы не приводимъ, потому что показанія писателей объ этомъ слишкомъ разногласны; но все доказываетъ, что неистовства испанскихъ войскъ наносили богатымъ нидерландцамъ громадные убытки. Такъ въ Антверпенѣ погибло 7,000 гражданъ и была разграблена огромная сумма наличными деньгами, отъ 4 до 8 милліоновъ гульденовъ. Обри въ своихъ дѣльныхъ запискахъ цѣнитъ весь убытокъ зданій, товаровъ и наличныхъ денегъ въ 24 милліона гульденовъ.

Какъ видно изъ свѣдѣній, собранныхъ Грёномъ ванъ Принстереромъ въ пятой части его «Актовъ Нассаускаго дома», принцъ Вильгельмъ мастерски воспользовался этимъ временемъ, чтобы побудить государственный совѣтъ, начавшій уже бояться и за Брюссель, на поступокъ, который долженъ былъ взбѣсить короля. По его стараніямъ государственный совѣтъ рѣшился, вопреки положительному приказанію короля, созвать общее собраніе штатовъ. Сначала чины были созваны въ Брабантѣ и Геннегау, а потомъ и въ другихъ провинціяхъ, кромѣ одного Люксембурга. Собраніе штатовъ тотчасъ сообразило, что Нидерланды не безопасны, пока гентская цитадель въ рукахъ испанцевъ. Не смотря на нерасположеніе аристократическихъ владѣтелей южныхъ провинцій къ принцу Оранскому и на недовѣріе ихъ къ его честолюбію и политикѣ, походившей на испанскую, они нуждались въ его военномъ содѣйствіи. Вильгельмъ обѣщалъ помочь имъ съ условіемъ, чтобы они чистосердечно соединились съ сѣверными провинціями; другими словами, онъ устроилъ союзъ между собою и южными, т. е. католическими провинціями. Переговоры были кончены уже въ концѣ сентября 1576, такъ быстро, что уже 23 сентября Вильгельмъ отправилъ изъ Зеландіи нѣсколько тысячъ человѣкъ въ Гентъ, а за ними и другіе отряды. Испанцы подъ начальствомъ Мондрагона храбро отстаивали гентскую цитадель противъ гражданъ, а въ отсутствіе своего начальника упорно держались подъ предводительствомъ его героини-жены. Вообще въ этомъ столѣтіи они во всѣхъ странахъ свѣта обнаруживали удивительный героизмъ;

но защита ихъ продолжалась только до прибытія войскъ Вильгельма. По прибытіи ихъ они сдали цитадель послѣ двухъмѣсячной обороны.

Ближайшимъ слѣдствіемъ этой сдачи было созданіе эфемерной республики, которая все еще признавала верховную власть испанскаго короля, имѣла многоголовое правительство и нуждалась въ помощи принца Оранскаго, хотя въ то же время очень боялась его. Какъ выше сказано, въ сентябрѣ чины южныхъ провинцій заключили союзъ съ принцемъ Оранскимъ, какъ представителемъ сѣверныхъ провинцій, признававшихъ его намѣстникомъ и правителемъ. Въ силу этого союза ему была уступлена гавань Ньюпортъ, въ замѣнъ чего онъ далъ свои войска. Этотъ союзъ былъ впослѣдствіи облеченъ формальностью, и союзный договоръ былъ заключенъ въ пятнадцатидневный срокъ. Для переговоровъ объ условіяхъ его сѣверныя провинціи назначили девять депутатовъ, и столько же послали чины католическихъ провинцій, засѣдавшіе въ Гентѣ. Вильгельмъ хлопоталъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы заключить договоръ до прибытія донъ Хуана Австрійскаго; вслѣдствіе чего актъ, названный гентскимъ замиреніемъ, былъ подписанъ 8 ноября 1576. Сущность договора заключалась въ томъ, что чины, дѣйствовавшіе отъ имени короля, утвердили своимъ согласіемъ, не спросивъ его, факты, которыхъ онъ никакъ не могъ признать. Такимъ образомъ они подтвердили эдиктъ объ удаленіи изъ Нидерландовъ испанскихъ войскъ *). Далѣе, они обѣщали уничтожить всѣ распоряженія, изданныя противъ протестантской религіи и созвать общее собраніе штатовъ сѣверныхъ и южныхъ провинцій, чтобы не только устроить общія и частныя дѣла, но и установить (что́ должно было крайне не понравиться королю) «терпимость и свободное отправленіе протестант-

*) „Puisqu'ils ont esté declarez ennemis de sa Majesté par les commis du gouvernement". (Потому что коммиссары правительства объявили ихъ врагами его величества.

ской религіи въ Голландіи и Зеландіи». Между тѣмъ донъ Хуанъ былъ вызванъ изъ Милана въ Испанію и оттуда безъ денегъ и безъ войскъ прибылъ черезъ Францію въ Люксембургъ, единственную провинцію, не принявшую участія въ гентскомъ договорѣ. Но еще до прибытія его въ Нидерланды испанцы потеряли всѣ пріобрѣтенныя ими выгоды. Цитадели Гента, Канбрэ, Валансьена и Утрехта были разрушены. Голландія и Зеландія по договору 8 ноября 1576 тѣсно соединились съ Брабантомъ, Артуа, Фландріею, Геннегау, Валансьеномъ, Дуэ, Орши, Намюромъ, Турнэ, Утрехтомъ и Мехельномъ. Новому королевскому намѣстнику пришлось вступать въ переговоры, чтобы быть допущеннымъ въ страну.

Здѣсь мы прервемъ исторію Нидерландовъ, полагая, что изложеніе ея будетъ болѣе умѣстно въ связи съ слѣдующей исторіей Франціи, Испаніи и Англіи.

5. Французскія религіозныя войны до Сенъ-Жерменскаго мира.

Тотчасъ по заключеніи такъ называемаго Краткаго Мира (т. XII, стр. 406), обнаружилось, что король Карлъ IX и мать его поторопились заключить его только для того, чтобы поскорѣе избавиться отъ пфальцграфа Іоганна Казиміра и нѣмецкихъ войскъ, пришедшихъ на помощь гугенотамъ. Условія этого мира не были выполнены, и король не только требовалъ съ протестантовъ сумму, занятую ими для уплаты пфальцграфу, но не хотѣлъ даже согласиться, чтобы деньги эти были собраны вождями реформатовъ, какъ налогъ съ своей партіи. Притомъ довольно взглянуть на выраженія договорнаго акта Краткаго Мира, чтобы видѣть, что онъ никакъ не могъ успокоить реформатовъ *). И точно, все, что

*) Тамъ, между прочимъ, сказано: „Миръ будетъ продолжаться jusqu'à ce que par la misericorde de dieu tous le sujets du roi se trouvassent réunis

дѣлалось при дворѣ, должно было удерживать принца Конде, адмирала Колиньи и брата его, д'Андело, отъ распущенія своихъ войскъ. Это доказываютъ всѣ многочисленныя тогдашнія распоряженія и между прочимъ отставка честнаго, неспособнаго ни къ какому насилію или низости канцлера л'Опиталя, а также позволеніе, данное королю папой, продать церковныхъ имуществъ на значительную сумму.

Читая у очевидца Ла-Ну, что толковали обѣ стороны до переговоровъ объ этомъ мирѣ, во время и послѣ нихъ, и какое страшное взаимное ожесточеніе и ненависть были возбуждены войною между католиками и протестантами, легко понять, почему уже въ сентябрѣ обѣ стороны снова взялись за оружіе. Въ августѣ поступки правительства внушали все болѣе и болѣе сомнѣнія и адмиралу, который съ своимъ войскомъ и приверженными дворянами находился въ шатильонской крѣпости, и принцу Конде, жившему въ бургундскомъ укрѣпленномъ городѣ Нойе. Однажды адмиралъ поѣхалъ съ небольшою свитою въ Нойе, или, вѣрнѣе, въ сосѣдній за́мокъ. Провѣдавъ объ этомъ, намѣстникъ Бургундіи Тавань, ярый врагъ еретиковъ, тотчасъ распорядился захватить обоихъ вождей гугенотовъ. Это и удалось бы, если бы Конде не получилъ во-время предостереженія. Войска намѣстника окружили на далекое разстояніе всѣ за́мки, заняли всѣ броды на Луарѣ и уже приближались къ Нойе, когда принцъ получилъ увѣдомленіе. Тогда Конде, адмиралъ и всѣ ихъ спутники и свита, не медля, пустились въ бѣгство и ночью на первое сентября пробрались въ Ла-Рошель, перейдя Луару въ бродъ въ неизвѣстномъ непріятелю мѣстѣ *). Радушно принятые жителями этого города, они призвали къ себѣ всѣхъ своихъ друзей и сторонниковъ. Въ Ла-Рошелѣ находилась и вдова Антуана де Бурбона, Жанна д'Альбрэ. Эта женщина,

---

dans la profession d'une seule et même réligion", т. е., пока по благости Божіей всѣ подданные короля не соединятся въ исповѣданіи единой вѣры.

*) Passant la Loire en un lieu inaccoustumé.

мужество которой такъ странно хвалитъ одинъ изъ ея современниковъ *), привезла съ собою сына своего, будущаго короля Генриха IV, и дочь, и привела отрядъ войска подъ начальствомъ опытныхъ офицеровъ. Протестантское войско быстро возрасло до 18,000 человѣкъ пѣхоты и 3,000 конницы. Тогда Жанна послала письмо королю, его матери, герцогу Анжуйскому и кардиналу де Бурбону, оправдывая въ немъ враждебное положеніе, принятое противъ короля ею и другими вождями протестантовъ. Екатерина Медичи, безразсудно подавшая поводъ къ разрыву, испугалась угрожавшихъ ей значительныхъ силъ Конде, Колиньи и д'Андло. Поэтому она старалась обмануть противниковъ предложеніями мира, но протестанты не пошли на удочку.

Конде занялъ Сенъ-Жанъ д'Анжели и Ангулемъ, и стоялъ въ Пуату. Король Карлъ снова назначилъ своимъ намѣстникомъ (lieutenant du roi) брата своего, герцога Анжуйскаго; но какъ герцогъ самъ не могъ командовать войсками, то въ помощники ему были даны Тавань и Сансакъ. Въ послѣдніе мѣсяцы 1568 обѣ арміи маневрировали между Луарой и Гаронной, не вступая въ битву. Онѣ совершали ужасныя злодѣянія, такъ какъ и протестанты, и католики были воодушевлены тѣмъ фанатизмомъ, къ которому такъ склонны жители южной Франціи. При томъ въ королевской арміи не было никого, кто бы пользовался уваженіемъ солдатъ. Тавань въ «Запискахъ» своихъ горько жалуется на герцога Анжуйскаго. Протестанты же постоянно нуждались въ деньгахъ, такъ что въ началѣ 1569 Конде предоставилъ на нѣкоторое время главное командованіе адмиралу, а самъ поѣхалъ въ Ла-Рошель, чтобы достать денегъ. Правительство облегчило ему это предпріятіе своими эдиктами въ духѣ Альбы и рѣшительнымъ отказомъ протестантамъ въ терпимости, вслѣдствіе чего гугеноты готовы были жертвовать и жизнію, и имуществомъ, лишь бы отстоять себя отъ своихъ

*) Qui n'avoit de femme que le sexe. (Была женщиною только по полу).

ожесточенныхъ враговъ. Король новыми эдиктами отмѣнилъ всѣ свои прежнія распоряженія въ пользу протестантовъ и запретилъ во всемъ государствѣ какую-либо другую религію, кромѣ католическо-апостольско-римской. Онъ грозилъ ослушникамъ этого эдикта лишеніемъ жизни и имущества. Кромѣ того, онъ велѣлъ протестантскому духовенству выѣхать изъ страны въ теченіе двухъ недѣль, а другимъ декретомъ, обнародованнымъ въ то же время въ Парижѣ, объявилъ всѣмъ чиновникамъ, что если они останутся при новомъ ученіи, то лишатся должностей. Въ то же время принцъ Конде получилъ 100,000 червонцевъ, или, какъ ихъ тогда называли, англоновъ отъ королевы англійской. Пока такимъ образомъ адмиралъ занималъ вниманіе непріятеля, Конде, при которомъ находилась королева Наваррская съ своими дѣтьми, въ два мѣсяца образовалъ значительную силу, или, какъ говоритъ Ла-Ну, изъ простаго партизана сдѣлался главою могущественнаго союза *). Въ февралѣ Конде снова прибылъ къ арміи. Протестанты медлили и маневрировали, стараясь удержать непріятеля до прибытія пфальцграфа цвейбрюкенскаго съ нѣмецкими войсками. Но королевская армія уже получила подкрѣпленіе нѣмецкой конницы, и ей хотѣлось поскорѣе рѣшить дѣло. Конде и адмиралу удавалось нѣсколько времени уклоняться отъ боя, удерживая королевское войско по ту сторону Шаранты. Но 12 марта 1569, когда Конде ночевалъ въ Жарнакѣ, а адмиралъ въ доминиканскомъ монастырѣ въ Бассакѣ, главныя же силы стояли при Коньякѣ, отряды, оберегавшіе переходъ черезъ Шаранту, находя неудобнымъ спать подъ открытымъ небомъ или въ палаткахъ и не найдя удобнаго помѣщенія въ мѣстечкѣ, куда были посланы, пренебрегли своею обязанностію и отошли отъ рѣки. Королевская армія вос-

---

*) Somme qu'en moins de deux mois de pauvres vagabonds, qu'ils étoient, ils se trouvèrent ès mains de moyens suffisans pour la continuation d'une longue guerre. (Итакъ, изъ жалкихъ бродягъ въ два мѣсяца они обратились въ распорядителей силъ, достаточныхъ для продолжительной войны).

пользовалась этимъ, перешла рѣку и быстро двинулась впередъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Коньяка, въ доминиканскомъ монастырѣ Бассакѣ стояли Колиньи, д'Андело и другіе, а Конде на нѣсколько часовъ пути далѣе, въ Жарнакѣ. Герцогъ Анжуйскій атаковалъ Колиньи при Бассакѣ и опрокинулъ его. Тогда Конде во главѣ высшаго дворянства и рыцарства своей партіи съ жаромъ бросился на непріятеля и вначалѣ отразилъ и оттѣснилъ его, но, увлекшись натискомъ, обнажилъ свои фланги, чѣмъ тотчасъ воспользовался Тавань, руководившій герцогомъ Анжуйскимъ, и атаковалъ протестантовъ съ фланга. Конде былъ опрокинутъ съ лошади и взятъ въ плѣнъ. Упавъ на землю, онъ подозвалъ офицера королевской арміи, д'Аржанса, и вручилъ ему свою шпагу. Но когда д'Аржансъ уводилъ его плѣннымъ, мимо проѣзжалъ гвардейскій капитанъ герцога Анжуйскаго, Монтескью; узнавъ принца, онъ, какъ убійца́, застрѣлилъ его сзади. Убитый оставилъ сына, Генриха де Конде, который впослѣдствіи былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ полководцевъ. Въ этомъ сраженіи при Жарнакѣ или, какъ называетъ его д'Авила, при Бассакѣ, участвовалъ и молодой Генрихъ де Гизъ, вскорѣ сдѣлавшійся знаменитѣе даже своего отца, Франциска. Реформаты потерпѣли въ этомъ третьемъ сраженіи, проиграномъ принцемъ Конде, небольшой уронъ по числу — всего только нѣсколько сотъ человѣкъ; но онъ былъ важенъ по значенію убитыхъ. Однихъ дворянъ, павшихъ при Жарнакѣ, Кастельно́ насчитываетъ больше ста. Тотчасъ послѣ сраженія адмиралъ очистилъ Жарнакъ, который былъ занятъ герцогомъ Анжуйскимъ на другой же день, 13 марта. Колиньи, д'Андло́ и другіе начальники протестантовъ имѣли при себѣ въ первое время очень мало людей, потому что были атакованы неожиданно, и сраженіе было конное; но вскорѣ къ нимъ снова собралось цѣлое войско въ Ксентѣ, гдѣ находились сынъ убитаго принца, Генрихъ де Конде, и сынъ Жанны д'Альбрэ, Генрихъ Наваррскій. Сраженіе это не принесло правительству никакихъ выгодъ. Жанна д'Альбрэ,

адмиралъ Колиньи и братъ его д'Андло, вскорѣ умершій (8 мая), возстановили духъ своихъ приверженцевъ, признавъ Генриха Наваррскаго и Генриха Конде вождями своей партіи. Оба принца, изъ которыхъ Генриху Наваррскому было тогда только 15 лѣтъ, въ слѣдующихъ мѣсяцахъ 1569 формально были избраны всѣми протестантами въ главнокомандующіе, а адмиралъ сдѣлался ихъ наставникомъ и руководителемъ въ военномъ дѣлѣ.

Почтенный старый адмиралъ принесъ большія жертвы дѣлу, которымъ руководилъ. На него не произвело никакого впечатлѣнія ни лишеніе его званія генералъ-адмирала Франціи, ни опала, ни конфискація его имуществъ, ни разрушеніе его за̀мковъ. Въ 1569 онъ велъ войну тѣмъ удачнѣе, что его осторожнымъ и благоразумнымъ распоряженіямъ уже не мѣшалъ храбрый, но часто слишкомъ опрометчивый и горячій принцъ, Людовикъ де Конде. Въ королевской арміи былъ только одинъ человѣкъ, равнявшійся ему въ военной опытности. То былъ маршалъ де Таванъ, которому герцогъ Анжуйскій былъ обязанъ побѣдою при Жарнакѣ и тѣмъ, что выигралъ еще одно сраженіе въ октябрѣ. Но вскорѣ придворныя интриги удалили его отъ арміи.

Протестантская армія почти равнялась тогда числомъ королевской. Но послѣдняя имѣла тяжелую артиллерію, въ которой у протестантовъ былъ совершенный недостатокъ. Армія правительства состояла, кромѣ французскихъ войскъ, изъ итальянскихъ (папскихъ), испанскихъ и нѣмецкихъ. Маркграфъ баденскій прислалъ конницу, а вскорѣ Кастельно́ привелъ еще испанскій отрядъ, присланный герцогомъ Альбою. Отрядъ этотъ присоединился къ королевской арміи въ то же время, какъ герцогъ Вольфгангъ Вильгельмъ цвейбрюкенскій спѣшилъ на помощь протестантамъ. Герцогъ въ соединеніи съ войсками принца Людовика нассаускаго совершилъ мастерской переходъ по непріятельской странѣ и, взявъ за́мокъ Ла-Шарите, благополучно достигъ Лиможа. Здѣсь къ нему долженъ былъ примкнуть адмиралъ; но когда Колиньи 11 іюня прибылъ въ Лиможъ, Вольфганга Вильгельма уже не было на свѣтѣ. Графъ Фольра́тъ

фонъ-Мансфельдъ, которому онъ передъ смертію передалъ начальство, не могъ удержать множества наемниковъ отъ намѣренія покинуть армію. Это поставило адмирала въ большое затрудненіе. Между тѣмъ маршалъ Таванъ, еще командовавшій тогда отъ имени герцога Анжуйскаго арміей правительства, принудилъ его 3 октября къ сраженію при Монконтурѣ, мѣстечкѣ на югъ отъ Луары и на сѣверъ отъ Пуатье. Королевская армія одержала блистательную побѣду: по достовѣрнымъ извѣстіямъ, протестанты потеряли до 10 или 12,000 человѣкъ. Но вслѣдъ затѣмъ обстоятельства перемѣнились въ пользу побѣжденныхъ. Таванъ лишился должности; изъ побѣды не извлекли никакихъ выгодъ, занявшись, вмѣсто преслѣдованія разбитаго непріятеля, осадою крѣпостей; папа, не довѣряя лживой и непостоянной Екатеринѣ Медичи, отозвалъ свои войска; тоже сдѣлалъ и король испанскій, который давалъ деньги и войска только для того, чтобы поддерживать, а не прекращать безпокойства; наконецъ, въ видахъ экономіи была распущена и часть собственнаго войска. Екатерина, король и герцогъ Анжуйскій отправились въ Анжеръ и принялись веселиться. Протестанты были, правда, очень ослаблены необходимостью держать гарнизоны во многихъ мѣстахъ и вслѣдствіе ежедневной убыли солдатъ и офицеровъ; но слабость правительства дала имъ возможность собраться въ Ла-Рошель для совѣщанія о продолженіи войны. Колиньи убѣдилъ собраніе въ необходимости, во избѣжаніе скораго пораженія, покинуть открытую плоскую мѣстность Пуату и отступить въ горы Лангедока.

Тогда Жанна д'Альбрэ выказала геройство, прославляемое всѣми историками и внушенное ею и сыну своему, добродушному принцу Беарнскому. Одушевленная, подобно адмиралу, рвеніемъ къ чистому евангелическому ученію, Жанна говорила вдохновенныя рѣчи небольшому вѣрному кружку, который не покидалъ ее и адмирала и сопровождалъ послѣдняго въ его походѣ по юговосточнымъ провинціямъ Франціи черезъ горы. Здѣсь войско протестантовъ снова усилилось, тогда какъ

роялисты занимались осадою замковъ и мѣстечекъ, а король завидовалъ славѣ, заслуженной въ войнѣ братомъ его, герцогомъ Анжуйскимъ. Ла-Ну, одинъ изъ лучшихъ протестантскихъ генераловъ, взятый въ плѣнъ при Жарнакѣ, но потомъ размѣненный, порицаетъ въ своихъ «Запискахъ», очень важныхъ для исторіи этой войны и замѣчательныхъ скромностью автора, начальниковъ королевской арміи, которые не преслѣдовали и не уничтожили остатковъ войскъ адмирала и дали ему возможность уйти. Еще въ Гаскони энтузіамъ, который молодые принцы умѣли возбудить въ воинственномъ и преданномъ имъ дворянствѣ юга, скоро превратилъ небольшую горсть людей въ цѣлое войско *). Мы не будемъ подробно разсказывать искусные маневры адмирала на пути до Руссильона и оттуда по неприступнымъ горамъ до Бургундіи.

Все это время Екатерина Медичи переписывалась съ Жанной д'Альбрэ. Она даже послала Кастельно въ Ла-Рошель склонить королеву наваррскую къ миру. Жанна сказала послу, чтобы онъ обращался къ предводителямъ войска и прямо объявила, что не довѣряетъ совѣтникамъ королевы Екатерины. Она высказала, что ей извѣстны переговоры кардинала лотарингскаго съ Филиппомъ II и папой и что они-то и присовѣтовали правительству постараться обмануть протестантовъ. Адмиралъ разсчитывалъ тогда на войско, которое хотѣлъ привести ему пфальцграфъ Іоганъ-Казиміръ, впослѣдствіи администраторъ Пфальца. Онъ воспитывался во Франціи при Генрихѣ II, зналъ всѣ тамошнія отношенія и уже пріобрѣлъ репутацію грознаго полководца. Поэтому самъ кардиналъ лотарингскій совѣтовалъ заключить миръ, когда, въ апрѣлѣ 1570 Колиньи пошелъ прямо на Парижъ, чтобы потомъ соединиться съ пфальцграфомъ. Домъ

*) „Laissant couler sans empêschement ceste petite pelote de neige; en peu de temps elle se fit grosse comme une maison". (Они не препятствовали катиться этому клубочку снѣга, который вскорѣ сдѣлался огромной лавиной, величиной въ цѣлый домъ).

Гизовъ былъ тогда могущественнѣе короля. Кардиналъ интриговалъ съ Испаніей и папой, а два племянника его, Генрихъ Гизъ и маркизъ, впослѣдствіи герцогъ де Майенъ, отличились на войнѣ. Время это послѣ битвы при Монконтурѣ выказало Колиньи во всемъ его величіи. Черезъ Перигоръ, Лимузенъ, Керси, Гасконь, Дофинэ, Ліонэ, Форэ, Виварэ и Шампань онъ прошелъ сначала въ Бургундію, а потомъ съ удивительною смѣлостью, почти безъ артиллеріи, подступилъ къ самому Парижу, посадивъ пѣхоту на лошадей вмѣстѣ съ конницею. Оттуда онъ уже готовился соединиться съ Іоганномъ-Казиміромъ въ Лотарингіи; но въ это время начали серьезно помышлять о мирѣ и заключили перемиріе.

Мирные переговоры, которые Колиньи продолжалъ во все время этого похода, болѣе всего затрудняло то обстоятельство, что протестанты требовали неограниченной терпимости для своей религіи и нѣсколькихъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ видѣ обезпеченія съ тѣмъ, чтобы имъ дозволено было занять ихъ своими гарнизонами. Для правительства это требованіе было очень непріятно. Еслибы оно исполнило его, то этимъ самымъ дало бы вождямъ протестантовъ самостоятельную силу и доставило бы недовольнымъ вельможамъ готовую прочную опору. Въ концѣ мая дворъ еще отказывался допустить протестантскую религію во всемъ королевствѣ, соглашаясь терпѣть ее только въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и городахъ. Изъ укрѣпленій же онъ соглашался передать протестантамъ только два. Но въ іюнѣ онъ сталъ уступчивѣе въ обѣщаніяхъ, впрочемъ, съ твердымъ намѣреніемъ не выполнять ихъ. 7 іюля 1570 Телиньи, ла-Нокль, совѣтникъ тулузскаго парламента Арно де Кавань и секретарь Генриха Наваррскаго, Ла-Шастьеръ, отправились ко двору въ качествѣ протестантскихъ уполномоченныхъ. Со стороны правительства для переговоровъ съ ними были назначены генералъ, впослѣдствіи маршалъ де Биронъ, Анри де Мемъ сеньёръ де Малассисъ и де Руасси. Но папскіе депутаты въ союзѣ съ могущественной ультрамонтанской и антинаціональной партіей, которую они

уже успѣли образовать, замедлили заключеніе мира на цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, 8 августа 1570 былъ заключенъ миръ въ Сенъ-Жермень-анъ-Лэ. Сенъ-Жерменскій миръ предоставлялъ реформатамъ полную свободу совѣсти и всеобщую амнистію. Имъ были возвращены отнятыя у нихъ права, имѣнія и должности, и всѣ судебные процессы противъ нихъ прекращены. Кромѣ того, имъ было дозволено исповѣдовать свою вѣру вездѣ, гдѣ она исповѣдывалась фактически до 1 августа. Въ тѣхъ же округахъ, гдѣ до этого срока не было реформатскаго богослуженія, оно дозволялось въ предмѣстьяхъ двухъ городовъ въ каждомъ округѣ; только въ Парижѣ и на 10 миль въ окружности, а также въ мѣстопребываніяхъ двора и на двѣ мили вокругъ реформатское богослуженіе воспрещалось. Наконецъ, для обезпеченія реформатамъ предоставлялись на два года четыре города: Ла-Рошель, Монтобанъ, Коньякъ и Ла-Шаритэ; принцы Наваррскій и Конде и двадцать назначенныхъ королемъ дворянъ должны были обѣщать подъ присягою что по истеченіи этого срока города эти будутъ возвращены.

6. Французскія религіозныя войны до смерти Карла IX.

Условія Сенъ-Жерменскаго мира были невыполнимы уже потому, что выполненіе ихъ зависѣло не отъ двора, а отъ парламентовъ, отъ фанатическаго народа, отъ вельможъ, въ то время еще почти независимыхъ, отъ дворянъ-помѣщиковъ и отъ городскихъ магистратовъ. При томъ само правительство, заключая миръ, имѣло въ виду только успокоить протестантовъ и заманить ихъ предводителей въ извѣстныя мѣста, чтобы, два года спустя, истребить ихъ тысячами ночною рѣзнею во всемъ королевствѣ. Долго сомнѣвались, дѣйствительно ли таково было намѣреніе правительства, не смотря на свидѣтельства Брантома, де Ту и другихъ писателей, приводимыхъ въ примѣчаніи къ «Запискамъ»

герцога де Бульона *); но теперь мы имѣемъ оригинальные документы, а именно переписку короля Карла IX въ 1572 году съ ліонскимъ губернаторомъ Мандло **). Эта переписка, изданная въ Парижѣ въ 1830, а до тѣхъ поръ хранившаяся въ рукописи въ библіотекѣ, совершенно одинакова съ перепискою короля съ другими намѣстниками. Она ужасаетъ своимъ лицемѣріемъ. Король Карлъ и его сановное орудіе, губернаторъ Мандло, притворяются и ханжатъ другъ передъ другомъ до того, что королю удалось обмануть и современниковъ, и потомство, такъ что всѣ, говоря о немъ, даже Ла-Кретель, называютъ его благороднымъ человѣкомъ, не соглашавшимся на убійства.

Король, его братъ и мать цѣлыхъ полтора года обдумывали противъ своихъ подданныхъ и ближайшихъ родственниковъ кровожадный и вѣроломный планъ рѣзни. Слѣдить подробно за коварствомъ и злодѣяніями правительства въ теченіе 1571 года, предшествовавшаго выполненію этого плана, мы не можемъ и потому изложимъ только въ общихъ чертахъ самый планъ, чтобы показать, каково было двухлѣтнее притворство правительства. Какъ показываетъ королевская корреспонденція, вначалѣ считали необходимымъ не сообщать ничего ни испанцамъ, ни папѣ, ни даже Гизамъ и обманывать самыя орудія убійствъ (большая часть писемъ къ Мандло — циркуляры); по крайней мѣрѣ Мандло прикидывается недоумѣвающимъ до самой послѣдней минуты и лицемѣритъ даже еще и тутъ. Всего ужаснѣе, что, замышляя убійства, король особенно разсчитываетъ на смерть богатыхъ, велитъ дѣлать описи имуществъ и не запутывать бѣдняковъ, а Мандло и подобные только и помышляютъ о будущей поживѣ изъ добычи. Мы на основаніи несомнѣнныхъ до-

*) Collection universelle des mémoires relatifs à l'histoire de France. Vol. 48, Observ. 7, p. 413 — 417.

**) Correspondance du roi Charles IX et du sieur de Mandelot, gouverneur de Lyon, pendant l'année 1572, époque du massacre de la Saint-Barthélémy. Paris, chez Crapelet, libraire-éditeur, MDCCCXXX.

кументовъ покажемъ, какъ обманывали протестантовъ и какъ завлекали ихъ въ западню, потомъ представимъ въ нѣсколькихъ примѣрахъ превосходящую всякое вѣроятіе безнравственность двора и, наконецъ, возьмемъ изъ исторіи 1572 года нѣкоторые факты придворной политики такъ называемаго нынѣ „coup d'état", которая и въ наше время находитъ защитниковъ. Какъ теперь, такъ и тогда убійства, грабежъ и презрѣніе божескихъ и человѣческихъ правъ совершенно оправдывались успѣхомъ, и считалось, что цѣль освящаетъ средства.

Главною цѣлью правительства было внушить протестантамъ безпечность и привлечь королеву наваррскую, сына ея, Генриха, принца Конде и адмирала Колиньи въ такія мѣста, гдѣ фанатическіе католики были бы сильнѣе реформатовъ. Для достиженія этой цѣли не побоялись открыто оскорбить испанскаго короля нападеніемъ на Монсъ, притворнымъ приготовленіемъ къ войнѣ, о которой вовсе не помышляли и даже громко высказаннымъ предложеніемъ составить противъ Испаніи англо-французскій союзъ. Все это дѣлалось только для того, чтобы захватить въ расплохъ реформатовъ. Герцогъ де Гизъ, хотѣвшій жениться на безнравственной сестрѣ короля, Маргаритѣ де Валуа, ужасно на все это разсердился и даже удалился отъ двора, когда королевѣ наваррской обѣщали выдать принцессу за ея сына. Гизъ, правда, прослышалъ стороною о планѣ убійствъ, но уже гораздо позже. Папа послалъ въ Парижъ кардинала Алессандро съ цѣлью разстроить бракъ Маргариты. Пріѣхавъ во Францію, кардиналъ былъ посвященъ въ кровавую тайну. Наконецъ, въ тѣхъ самыхъ циркулярныхъ письмахъ, гдѣ король самъ распоряжается подробностями таинственныхъ приготовленій въ провинціяхъ, онъ постоянно выражаетъ искреннее желаніе соблюдать условія мира и полную терпимость.

Чтобы понять, какимъ образомъ могъ Карлъ IX еще съ мая 1572 заманивать несчастныхъ въ сѣти и хладнокровно разсчитывать впередъ на убійство и грабежъ, стóитъ только вспомнить, что въ то же самое время онъ и братъ его не стыди-

лись совершать воровства и убійства, которыхъ не могли оправдать никакими политическими цѣлями. Король и его братъ обѣдали у парижскаго префекта (по тогдашнему купеческій голова — prevost des marchands), Нантулье, и послѣ обѣда велѣли своимъ людямъ забрать всю серебряную посуду и унести съ собою. Нантулье жаловался парламенту на участниковъ такого грабежа среди бѣлаго дня. Первый президентъ хотѣлъ принять жалобу, но король велѣлъ ему сказать, чтобы онъ не трудился, потому что Нантулье обокрали слишкомъ высокія особы. Далѣе, когда молодой герцогъ де Гизъ слишкомъ настойчиво ухаживалъ за сестрой Карла, рукою которой хотѣли приманить ко двору Генриха Наваррскаго и его мать, король потребовалъ, чтобы герцогъ д'Ангулемъ убилъ его на охотѣ. Онъ показалъ герцогу двѣ шпаги и сказалъ, что одна назначена для него, если онъ не умертвитъ на охотѣ герцога де Гиза. Линьероль, приближенный герцога Анжуйскаго, имѣлъ неосторожность показать, что знаетъ кое-что о предстоящемъ истребленіи протестантовъ, и былъ умерщвленъ. На убійство его король назначилъ его смертельнаго врага, Вилькье де ла-Герша. Призвавъ его къ себѣ, онъ былъ крайне удивленъ, когда Вилькье поколебался отдѣлаться отъ врага безнаказаннымъ убійствомъ. Король грубо разругалъ его и добился таки, что убійство было совершено. Циркуляры къ католическимъ губернаторамъ провинцій, извѣстныя намъ изъ переписки съ Мандло, отличаются истинно дьявольскою злобою и лживостью. Въ нихъ рядомъ съ самыми святыми увѣреніями въ сохраненіи мира идутъ приказанія и распоряженія съ цѣлью привлечь протестантовъ въ мѣста, гдѣ они были бы во власти враговъ, и приготовить солдатъ и убійцъ для ихъ истребленія.

Чтобы обмануть адмирала, намѣревались исполнить его любимую мечту — начать войну съ Испаніей. Съ этою цѣлью завели даже переговоры съ Англіей, и англійской королевѣ предлагали въ мужья сначала одного Карлова брата, герцога Анжуйскаго, а потомъ другаго, герцога Алансонскаго. 19 апрѣля 1572

былъ даже заключенъ въ Блуа формальный договоръ съ Англіей противъ Испаніи. Все это дѣлалось торжественно, но королевы. Екатерина и Елисавета, устроившія это дѣло, хотѣли только провести другъ друга. Французское правительство, чтобы успокоить реформатовъ и обмануть стараго адмирала, пожертвовало въ маѣ 1572 жизнью многихъ храбрыхъ французовъ при предпріятіи Лудовика Нассаускаго на Валансьенъ и Монсъ (стр. 29). Далѣе, реформатамъ позволили помогать ихъ единовѣрцамъ въ Нидерландахъ; содѣйствовали адмиралу въ отправленіи въ Нидерланды волонтеровъ и регулярныхъ войскъ; наконецъ, даже собрали войско и намѣревались отправить его моремъ изъ Ла-Рошели во Фландрію. Но въ то же время выдали свои собственныя войска испанцамъ. Попытка овладѣть Валансьеномъ, какъ мы видѣли, не удалась, и Лудовикъ Нассаускій съ Ла-Ну, не смотря на все свое мужество, не могли удержать за собою Монсъ. Причину этой неудачи мы узнаемъ изъ замѣчательныхъ «Коментаріевъ» Мендозы. Онъ говоритъ, что Екатерина Медичи и ея сынъ послали къ герцогу Альбѣ одного изъ своихъ придворныхъ; вслѣдъ за тѣмъ герцогъ сообщилъ своему сыну Фредриго де Толедо, что Жанъ Анже сеньёръ де Жанли выступилъ въ походъ съ частью войскъ, собранныхъ адмираломъ на границѣ. Этотъ отрядъ былъ истребленъ, Жанли взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Антверпенъ, гдѣ, вѣроятно, его извели тайно.

Въ апрѣлѣ 1572 былъ заключенъ договоръ о бракѣ молодаго Генриха Наваррскаго съ сестрою короля, Маргаритой де Валуа. Въ маѣ королева Жанна пріѣхала въ Парижъ со всѣми реформатскими вельможами. 10 іюня она скончалась послѣ пятидневной болѣзни. По увѣренію д'Авилы, ее отравили; но сочиненіе этого историка до того наполнено ошибками и намѣренными выдумками, что мы не можемъ придавать его свидѣтельству ни малѣйшей цѣны. Правда, и Де-Ту говоритъ о ходившей тогда молвѣ, будто Жанну отправили на тотъ свѣтъ по итальянскому способу — надушенными перчатками. Тѣмъ не менѣе намъ это кажется сомнительнымъ, хотя король велѣлъ

вскрыть и изслѣдовать только тѣло покойной, а не голову, и потому стали толковать, что она умерла отъ яда, который дѣйствуетъ только на мозгъ. Сынъ ея, Генрихъ, тотчасъ по смерти матери принялъ титулъ короля наваррскаго.

Адмиралъ де Колиньи, обманутый приготовленіями къ войнѣ съ Испаніей, былъ заманенъ въ Парижъ, но все-таки жилъ не въ самомъ городѣ, а въ за́мкѣ Мадридѣ въ Булонскомъ лѣсу; нужно было какъ-нибудь побудить его пріѣхать въ городъ. Это было тѣмъ труднѣе, что его со всѣхъ сторонъ уговаривали не вѣрить двору, потому что имъ держалась вся протестантская партія. Чтобы подѣйствовать король послалъ къ нему маршаловъ де Коссе и де Монморанси, извѣстныхъ своею храбростью и честностью. Адмиралъ безусловно довѣрился имъ, да и сами они далеко не воображали, что король затѣваетъ убійство и вѣроломство. Полагаясь на ихъ клятвы, адмиралъ рѣшился пріѣхать въ Парижъ. Здѣсь при появленіи его и потомъ, адмиралу выказывалось такое вниманіе, что онъ и реформаты совершенно успокоились въ то самое время, когда правительство собиралось воспользоваться этимъ спокойствіемъ и наслать на нихъ шайки убійцъ. Король послалъ Шомберга въ Германію, какъ бы для найма войскъ къ предстоящей войнѣ съ Испаніей; кромѣ того назначилъ пенсію младшему пфальцкому принцу, ненавистному для него Христофору, а старшаго, Іогана-Казиміра, назначилъ главнокомандующимъ. Глава реформатовъ, адмиралъ де Колиньи, былъ совершенно очарованъ лестью и двоедушіемъ двора, и король Карлъ еще въ маѣ въ циркулярѣ къ Мандло высказалъ мысль, что реформаты питаютъ къ нему такое безграничное довѣріе, что крѣпости, уступленныя имъ по мирному договору, будутъ скоро возвращены. Но ожиданіе его не сбылось, и только благодаря этому реформаты могли тотчасъ послѣ убійствъ Варѳоломеевской ночи начать новую войну и еще разъ вынудить миръ.

18 августа 1572 торжественно совершилось бракосочетаніе сестры короля съ Генрихомъ Наваррскимъ. Все было уже

готово къ избіенію протестантовъ. Гизы давно возвратились, кромѣ кардинала, который остался въ Римѣ; сначала ихъ извѣстили о составленномъ планѣ, а потомъ подъ предлогомъ войны съ Испаніей и примиренія съ Колиньи, которому, какъ извѣстно, приписывалось участіе въ убійствѣ герцога Франциска де Гиза, вызвали въ Парижъ. Здѣсь молодой герцогъ де Гизъ и дядя его, герцогъ д'Омаль, разыграли въ присутствіи короля трогательную комедію примиренія. Папа (уже не Пій V, а Григорій XIII) былъ такъ же посвященъ въ тайну. Еще при Піѣ V король Карлъ успокоилъ его посланника, кардинала Алессандро, пріѣхавшаго помѣшать браку Маргариты, на счетъ своихъ истинныхъ намѣреній, такъ что Алессандро даже способствовалъ браку, предъявивъ подложное папское разрѣшеніе, котораго папа никогда не выдавалъ *).

Тотчасъ послѣ бракосочетанія Генриха въ королевскомъ совѣтѣ было окончательно рѣшено избіеніе протестантовъ. Для этой цѣли въ городъ собрали кровожадную сволочь и подъ предлогомъ охраненія адмирала и съ его согласія перевели въ Парижъ королевскую гвардію, съ намѣреніемъ воспользоваться ею при рѣзнѣ. Было признано необходимымъ прежде всего убить адмирала. Единственно съ этой цѣлью тайну убійствъ довѣрили мстительному личному врагу адмирала, Генриху де Гизу, который до сихъ поръ ничего не зналъ о заговорѣ правительства. Герцогъ досталъ убійцу, Морвеля, которому поручили убить адмирала 22 августа, когда тотъ пойдетъ изъ Лувра домой. Король лично ободрялъ убійцу, а Генрихъ де Гизъ далъ ему ружье. Его спрятали близъ монастыря Сенъ-Жермень л'Оксе-

---

*) Іеронимъ Катена въ своемъ жизнеописаніи папы Пія V передаетъ слова короля Карла, которыми тотъ успокоивалъ его относительно своихъ намѣреній. Карлъ говорилъ его послу: „Assurez bien Sa Saintété, que le tout se fait en bonne intention et pour le service et la grandeur de la foi catholique“. (Увѣрьте его святѣйшество, что все дѣлается съ добрымъ намѣреніемъ на пользу и величіе католической вѣры).

руа, рядомъ съ Лувромъ, въ домѣ де Пиль де Вильмюра, бывшаго воспитателя герцога де Гиза. Морвель выстрѣлилъ оттуда въ проходившаго адмирала черезъ рѣшетку окна, но ранилъ его только въ руку. Двери въ домъ тотчасъ выломали, но убійцу не нашли. Протестанты были такъ встревожены этимъ покушеніемъ, что Генриха Наваррскаго, который только четыре дня тому назадъ обвѣнчался съ сестрою короля, съ трудомъ удержали въ Парижѣ, такъ какъ и онъ, и двоюродные братья его, Конде и Конти, считали это покушеніе дѣломъ двора. Поэтому пришлось поторопиться дѣломъ, которое считалось спасительнымъ для католичества. Оно было рѣшено на 24 августа (день св. Варѳоломея). Въ совѣщаніяхъ о жертвахъ, обреченныхъ на смерть, единогласно рѣшили пощадить молодого короля наваррскаго; но принца Конде и нѣкоторыхъ другихъ лицъ согласились выключить изъ списка обреченныхъ только послѣ продолжительнаго спора. Зная весь ходъ этого дѣла и въ то же время помня, что король, впослѣдствіи самъ хвалился имъ, съ отвращеніемъ читаешь его письма къ Мандло о покушеніи на жизнь адмирала. Въ письмахъ этихъ Карлъ притворяется, что ничего не знаетъ, выражаетъ самыя благія намѣренія, кротость и милосердіе, а между тѣмъ Мандло, черезъ его агентовъ, получалъ словесныя приказанія на счетъ рѣзни. По распоряженію короля извѣстили Гиза и его приверженцевъ, откомандировали гвардейцевъ и швейцарцевъ католическихъ кантоновъ и составили разбойничьи отряды изъ разной фанатической сволочи. Они должны были окружить всѣ дома, гдѣ жили протестанты, и по удару въ колоколъ Сенъ-Жерменъ л'Оксеруа кинуться рѣзать всѣхъ по домамъ, на улицахъ и площадяхъ. Фанатическіе общинные совѣтники (echevins), попы и монахи приняли на себя обязанность подстрекать къ рѣзнѣ рѣчами. Вечеромъ 23 августа они начали проповѣдовать на площадяхъ и дворахъ собиравшимся толпамъ, говоря, что убіеніе еретиковъ сочтется заслугою передъ государствомъ, королемъ, Богомъ и церковью. Гизъ ручался за швейцарцевъ и за вооруженныхъ гражданъ парижскихъ кварталовъ (les bour-

geois des quartiers), а король велѣлъ нанять на работу 2,000 человѣкъ изъ низшаго класса. Убійцы были разставлены по улицамъ и площадямъ въ боевомъ порядкѣ. Они отличались бѣлыми перевязями на рукахъ и бѣлыми крестами на шляпахъ; знаки эти должны были имѣть всѣ католики. Гизъ, Таванъ и другіе фанатики приняли на себя управленіе рѣзнею, и всѣ начали кровожадно ожидать сигнала съ колокольни сенъ-жерменской церкви.

Кровавыя сцены такъ называемой Парижской кровавой свадьбы или Варѳоломеевской ночи были такъ часто драматически описаны, и особенно Лакретель такъ хорошо собралъ для любопытныхъ читателей всѣ вѣрные и невѣрные анекдоты, оставленные намъ въ такомъ множествѣ о злодѣйствахъ этого событія, что мы, имѣя въ виду только научную сторону дѣла, считаемъ себя въ правѣ сослаться на сочиненіе Лакретеля и ограничиться самымъ короткимъ разсказомъ. Убійства начали съ адмирала де Колиньи. Гизъ самъ руководилъ его умерщвленіемъ. Онъ ждалъ внизу на дворѣ, пока Бемъ съ убійцами входилъ въ домъ Колиньи. Совершивъ убійство, Бемъ велѣлъ выбросить въ окно тѣло убитаго, и фанатики дико и гнусно позорили трупъ достойнаго, честнаго и заслуженнаго старца. Эти неистовства можно объяснить грубостью и фанатизмомъ черни; но мы долго сомнѣвались въ возможности такого чудовищнаго факта, какъ-то, будто голову адмирала послали въ Римъ кардиналу лотаринскому; однако, послѣ изданія писемъ Карла IX сомнѣнія быть не можетъ. Король, какъ видно, понималъ, до чего отвратительно, что особенный посолъ везетъ голову черезъ Ліонъ въ Римъ, и по своему обыкновенію, предупредивъ объ этомъ ліонскаго губернатора черезъ своихъ агентовъ, самъ писалъ ему, прикидываясь возмущеннымъ и предписывая воспрепятствовать этому. Мандло въ своемъ отвѣтѣ королю также дѣлаетъ видъ, будто вѣритъ искренности королевскаго приказанія задержать посланнаго съ головою. Имъ обоимъ хотѣлось только обмануть всѣхъ, кто будетъ читать ихъ переписку, и увѣрить, что они не при-

нимали участія въ убійствѣ *). Но въ той же перепискѣ оба они выказываютъ одинаковую алчность къ имуществу убитыхъ. Изъ числа арестованныхъ всѣ бѣдняки освобождались, и смерть постигала только богатыхъ, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ; еще до убійствъ король предписывалъ произвести всюду точную опись имущества избранныхъ жертвъ, чтобы ничто не прошло мимо его рукъ. Мандло же убѣдительно проситъ не забыть и его въ дѣлежѣ **).

Рѣзня началась въ Луврѣ, и во дворѣ его было убито болѣе двухъ сотъ знатнѣйшихъ протестантовъ. Отсюда убійства разлились и свирѣпствовали по всему городу въ продолженіе двухъ ночей и двухъ дней. Король старался свалить всю вину на Гизовъ, но самъ предписывалъ продолжать рѣзню во всѣхъ провинціяхъ и городахъ вплоть до сентября. Изъ переписки съ Мандло видно, что, только спустя нѣсколько дней послѣ рѣзни въ Парижѣ, онъ рѣшился объявить по всей странѣ то, что еще 27 августа высказалъ въ парижскомъ парламентѣ о мнимомъ заговорѣ. Фанатизмъ народа, до крайности ожесточеннаго противъ протестантовъ, пролилъ больше всего крови въ городахъ Ліонѣ, Руанѣ, Бордо, Кастрѣ, Тулузѣ, Мо, Орлеанѣ, Анжерѣ и Буржѣ. Въ одномъ Ліонѣ было убито около 1,800 человѣкъ. Въ числѣ лицъ, не послѣдовавшихъ кровавому приказу короля, Де-Ту и Лакретель ошибочно называютъ кровожаднаго, алчнаго, невообразимо коварнаго Мандло. Мы назовемъ изъ нихъ брать-

---

*) Мандло пишетъ королю (lettre XVIII): „J'ay aussi reçeu, Sire, la lettre qu'il a pleu à Votre Majesté de m'escrire, par laquelle elle me mande avoir esté advertie, qu'il y a ung homme, qui est party par de là avec la teste, qu'il auroit prise du dict admiral après avoir été tué, pour la porter à Rome“. (Я получилъ, государь, письмо, которое ваше величество соблаговолили написать мнѣ, извѣщая меня о человѣкѣ, отправленномъ въ Римъ съ головою убитаго адмирала).

**) „M'asseurant que, si elle a commencé par quelques autres, elle me fait tant d'honneur de ne m'oublier“. (Если в. в. наградили уже кого-нибудь, то надѣюсь, что не забудете и меня).

евъ Монморанси и Жана Анньюйэ, епископа Лизье. Онъ громко высказался противъ ученія своихъ единовѣрцевъ о томъ, что истребленіе еретиковъ — дѣло доброе. Намѣстникъ Дофинэ, Бертранъ де Симіанъ, Сентъ Эранъ, губернаторъ Оверни, Ла-Гишъ — Макона и Шабо Шарни — Бургундіи также воспротивились рѣзнѣ. Всего болѣе прославился своимъ нравственнымъ мужествомъ комендантъ Байоны, виконтъ д'Ортезъ. Онъ писалъ королю, что прочелъ письмо его горожанамъ и войскамъ, но встрѣтилъ въ нихъ только добрыхъ граждан и честныхъ солдатъ, а не палачей. За это онъ былъ впослѣдствіи отравленъ. Въ Провансѣ, гдѣ число протестантовъ было слишкомъ значительно, графъ де-Тандъ не согласился на убійство, но, пріѣхавъ въ Авиньонъ, былъ за это убитъ. Папа Григорій XIII, хотя возмущенный рѣзнею, душевно скорбя и плача, былъ принужденъ, однако, отслужить въ Римѣ торжественное молебствіе во славу варѳоломеевской ночи, причемъ кардиналы Алессандро и лотарингскій выказали въ высшей степени неприличную радость объ успѣхѣ заговора противъ реформатовъ. Мы не рѣшаемся приводить точнаго числа убитыхъ въ Парижѣ съ 24 по 28 августа, потому что его очень трудно опредѣлить достовѣрно. Всѣ извѣстія преувеличены; особенно преувеличиваетъ Лакретель, какъ видно по свѣдѣніямъ объ общемъ числѣ всѣхъ убитыхъ. Де-Ту, описавшій такъ подробно всю эту ужасную исторію, считаетъ, что во всемъ государствѣ было убито 30,000; но и это число онъ приводитъ съ оговоркой (quamvis aliquanto minorem numerum credo). Маркизъ де Рони, бывшій впослѣдствіи, подъ именемъ герцога де Сюльи, министромъ Генриха IV, насчитываетъ 70,000, а Перфиксъ въ «Жизнеописаніи Генриха IV» даже 100,000. Патеръ Греффэ въ примѣчаніи къ исторіи Даніэля давно уже показалъ, что числа убитыхъ опредѣлить нельзя. Притомъ убійцы имѣли въ виду не столько количество, сколько положеніе и богатство жертвъ.

Жизнь короля наваррскаго и принца Конде была пощажена; король только грубо обругалъ ихъ, велѣлъ арестовать и мучилъ требованіями перемѣнить религію. Относительно перемѣны религіи они выказали совершенно различные взгляды. Генрихъ Наваррскій при жизни отца своего, живя при дворѣ, былъ католикомъ и потому безъ труда согласился перемѣнить одинъ христіанскій культъ на другой (такъ какъ рѣчь только и была объ этомъ). Принцъ Конде долго сопротивлялся и согласился только тогда, когда король грубый, дикій и бѣшеный до невѣроятія позвалъ его къ себѣ и крикнулъ ему коротко и ясно: «Бастилія, месса, смерть!» Впрочемъ переходъ молодыхъ принцевъ къ католицизму былъ такъ явно вынужденъ, что, какъ скоро имъ удалось уѣхать отъ двора, они снова возвратились къ протестантству.

Послѣдствія всѣхъ этихъ злодѣяній оказались болѣе пагубными ихъ виновникамъ, чѣмъ жертвамъ. Ожесточеніе протестантовъ достигло высшей степени, и они увидѣли, что остается только защищать свою жизнь и имущество до послѣдней капли крови и искать спасенія за стѣнами занятыхъ ими южныхъ городовъ. Елисавета англійская, швейцарскіе реформатскіе кантоны и нѣмецкіе князья предлагали имъ свою помощь, окончательно убѣдившись теперь въ существованіи союза между Филиппомъ II и Екатериною Медичи, съ цѣлью истребленія протестантской религіи, хотя самъ Филиппъ больше помышлялъ о политическихъ, чѣмъ о религіозныхъ цѣляхъ, и старался ослаблять, а не усиливать французское правительство. Награбленное добро не пошло французскому двору въ прокъ и было все промотано. Каждый благоразумный человѣкъ удалялся отъ него, и во всемъ правительствѣ господствовала анархія. Даже между королемъ и его матерью не было согласія. Со старшимъ братомъ своимъ, герцогомъ Генрихомъ Анжуйскимъ, Карлъ также постоянно ссорился, а Генрихъ въ свою очередь не могъ терпѣть младшаго брата, герцога Алансонскаго.

Изъ трехъ крѣпостей юга, занятыхъ уцѣлѣвшими реформатами, Ла-Шаритэ, Монтобана и Ла-Рошели, герцогъ Алансонскій долженъ былъ осадить важнѣйшую — Ла-Рошель; но завистливый герцогъ Анжуйскій не могъ допустить этого и въ февралѣ 1573 г. отправился самъ противъ этого города. Изъ протестантскихъ крѣпостей была взята только Ла-Шаритэ. Монтобанъ былъ спасенъ почти сказочнымъ героизмомъ сеньёра де-Ренье. Де-Ренье и виконтъ де-Гурдонъ хотѣли войти въ городъ, когда Монлюкъ двинулся противъ Монтобана съ 480 чел. конницы; но городъ не принялъ ихъ. Тогда Ренье бросился на отрядъ Монлюка, не разсчитывая, конечно, на побѣду, а съ тѣмъ, чтобы подороже продать свою жизнь; но ему удалось съ горстью людей разбить гораздо сильнѣйшаго непріятеля. Пристыженные этимъ подвигомъ граждане Монтобана приняли Ренье и защищались противъ войскъ правительства съ такимъ отчаяніемъ и такъ удачно, что примѣру ихъ послѣдовало еще тридцать городовъ. Даже маленькое укрѣпленное мѣстечко Сансеръ оказало храброе сопротивленіе. Герцогъ де Жойёзъ, посланный противъ Нима, повидимому, и не помышлялъ о завоеваніи его да и не могъ бы сдѣлать этого, потому то туда собралось со всѣхъ сторонъ множество протестантовъ. Въ Севеннахъ много укрѣпленій было занято протестантами. Въ Швейцаріи, въ пограничныхъ нѣмецкихъ городахъ и въ Англіи толпились эмигранты, которымъ тамошніе единовѣрцы обѣщали помощь.

Противъ сильнаго города или, вѣрнѣе, республики Ла-Рошели послали сперва Филиппа Строцци, который только издали угрожалъ ей. Наконецъ, послѣ долгаго колебанія Ла-Рошель осадилъ герцогъ Анжуйскій со всѣми силами правительства и дворянства, которое предложило ему свои услуги. Герцогъ де-Бульонъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, что герцогъ Анжуйскій капризно жертвовалъ тысячами людей въ аттакахъ противъ города и посылалъ своихъ солдатъ толпами на убой, а самъ съ дворянствомъ пировалъ тѣмъ временемъ въ лагерѣ, гдѣ его окружалъ блестящій придворный штатъ. Онъ

девять разъ штурмовалъ городъ и взорвалъ семьдесятъ подкоповъ; но осада отъ этого не подвигалась, потому что дѣла въ военномъ совѣтѣ рѣшались большинствомъ голосовъ, а Монморанси, Конде, Генрихъ Наваррскій и многіе другіе, насильно вынужденные перемѣнить вѣру, увѣдомляли осажденныхъ о его рѣшеніяхъ. Де-Ту подробно описалъ защиту Ла-Рошели и стойкость осажденныхъ, которые были сильно стѣснены и терпѣли большую нужду. Изъ описанія его мы видимъ, что всѣ реформаты безъ исключенія были одушевлены героизмомъ. Даже женщины и дѣти принимали участіе въ оборонѣ. Особенно первыя выказывали фанатическую ярость, варварски избивая раненыхъ на приступахъ солдатъ. Въ королевскомъ войскѣ дисциплина совершенно исчезла, всякій уходилъ и приходилъ, какъ ему вздумается; безпорядокъ, по описанію герцога де-Бульона, былъ такъ великъ, что понятна радость королевы и герцога Анжуйскаго при извѣстіи объ успѣхѣ интриги, которую Екатерина вела въ Польшѣ. Успѣхъ этотъ далъ имъ поводъ съ честью выпутаться изъ дѣла и побудить короля заключить новый миръ, который возвратилъ реформатамъ большую часть выгодъ, бывшихъ въ ихъ рукахъ до варѳоломеевской ночи.

Въ Польшѣ въ правленіе литовской династіи ягеллоновъ существовало національное правительство, устранявшее неудобства тамошней полумонархической, полуреспубликанской системы и избирательнаго правленія. Послѣдній король изъ дома ягеллоновъ, Сигизмундъ II Августъ, царствовавшій съ 1548 до 1572 г., распространилъ границы и увеличилъ силу королевства, пріобрѣтя Лифляндію и принудивъ герцоговъ курляндскихъ признать надъ собой верховную власть Польши. Въ то время въ Польшѣ уже была сильная протестантская партія. Курляндія и Лифляндія вполнѣ принадлежали протестантству. Терпимость была выговорена, но многочисленное, вліятельное въ сенатѣ духовенство и папскіе нунціи постоянно возбуждали раздоры. Генрихъ Анжуйскій, котораго мать желала на время удалить изъ Франціи, затѣялъ увеличить въ Польшѣ анархію, ко-

ренившуюся въ основныхъ учрежденіяхъ королевства и которую впослѣдствіи онъ водворилъ и во Франціи. Узнавъ, что по смерти Сигизмунда поляки не могутъ согласиться въ выборѣ короля, Екатерина послала младшаго сына канцлера своего Бирага, воспитывавшагося въ Падуѣ, въ Польшу предложить въ короли ея любимаго сына.

Затѣя эта увѣнчалась успѣхомъ, потому что Бирагъ доказалъ сенаторамъ, что при такомъ государѣ, какъ Генрихъ, они могутъ ограничить права короля и народа. При томъ Генрихъ пользовался славой побѣдителя при Жарнакѣ и Монконтурѣ, гдѣ былъ главнокомандующимъ. Начатое Бирагомъ было окончено Монлюкомъ епископомъ валансскимъ, котораго подозрѣвали прежде за его терпимость въ ереси, а потомъ за тоже самое назначили посланникомъ въ Польшу. Чтобы составить въ пользу Генриха сильную партію, Монлюкъ воспользовался несогласіями въ польскомъ сенатѣ, взаимною завистью магнатовъ, которые не хотѣли возводить на престолъ кого-нибудь изъ своей среды (т. е. ни одного изъ Пястовъ), и желаніемъ народа сохранить католическую религію. На избирательномъ полѣ на Волѣ собралось, говорятъ, до 30,000 польскихъ дворянъ, и послѣ десяти-мѣсячнаго междуцарствія въ короли былъ выбранъ герцогъ Анжуйскій. Между тѣмъ въ Польшѣ узнали, что Монлюкъ лгалъ, увѣряя въ религіозной терпимости Генриха; стало извѣстно, что Генрихъ принималъ дѣятельное участіе въ ужасахъ варѳоломеевской ночи. Поэтому поляки потребовали, чтобы Генрихъ еще до отъѣзда изъ Парижа подписалъ рѣшеніе польскихъ чиновъ на конвокаціонномъ сеймѣ; Генрихъ подписалъ этотъ актъ 7 апрѣля 1573, обязавшись не наказывать и не преслѣдовать никого за религію; но епископства и другія церковныя должности оставались за католической партіей. Впрочемъ новый король былъ ограниченъ не въ одномъ этомъ отношеніи. Онъ былъ принужденъ подписать сначала избирательную капитуляцію (pacta conventa), которая, какъ въ Германіи, съ каждымъ новымъ царствованіемъ все болѣе и болѣе ограничивала власть

королей и усиливала могущество магнатовъ, что законно учреждало анархію. Избирательная форма правленія стала еще пагубнѣе, когда было постановлено не избирать при жизни короля его преемника; притомъ ни форма, ни порядокъ избранія не были точно опредѣлены. Какъ скоро Генрихъ подписалъ актъ, Монлюкъ совершилъ блистательный въѣздъ въ Парижъ. Его сопровождала цѣлая толпа польскихъ магнатовъ, пріѣхавшихъ за своимъ королемъ. Они въѣхали въ Парижъ въ пятидесяти каретахъ цугомъ. Драгоцѣнные мѣха и каменья въ ихъ нарядахъ возбуждали удивленіе парижанъ, а страшныя ихъ физіономіи и рыжія бороды наводили на нихъ ужасъ. Самому Генриху не хотѣлось покидать Франціи; онъ оставлялъ тамъ свою возлюбленную, принцессу Конде, къ которой потомъ писалъ изъ Польши письма своею кровью, что́ достаточно свидѣтельствуетъ о его сумасбродствѣ. Онъ получилъ извѣщеніе о своемъ избраніи въ лагерѣ передъ Ла-Рошелью и охотно отклонилъ бы его отъ себя, ссылаясь на болѣзнь брата своего, короля Карла, еслибы этому не воспротивилась мать. Въ то время Сансеръ былъ уже готовъ сдаться на капитуляцію. Но необходимость отъѣзда Генриха дала королю и его матери поводъ согласиться на снисходительныя условія съ ла-рошельскими протестантами, чтобы терпимостью въ отношеніи французскихъ протестантовъ внушить полякамъ увѣренность, что Генрихъ, какъ король польскій, сдержитъ свое слово. Въ лагерѣ при Ла-Рошели былъ заключенъ миръ. По формѣ это была просто капитуляція городовъ Нима, Монтобана и Ла-Рошели; но основанный на ней королевскій мирный эдиктъ, подписанный въ іюлѣ 1572 въ Булоньскомъ за́мкѣ, имѣлъ гораздо болѣе обширное значеніе. Протестантскіе города признавали наружно королевскую власть, но въ сущности оставались независимыми. Ла-Рошель, хотя и согласилась признать королевскаго намѣстника, но выговорила себѣ право не впускать ни герцога Анжуйскаго, ни его войскъ. Всѣ три города должны были, однако, дать двору на два года четырехъ заложниковъ. Всеобщая терпимость, дарованная эдиктомъ, была

очень ограничена. Только лица, имѣвшія судебную власть, могли отправлять богослуженіе въ своихъ домахъ и то лишь для себя и десяти постороннихъ особъ. За то амнистія и забвеніе всего прошлаго были дарованы всѣмъ безъ исключенія.

Не смотря на его любовь къ принцессѣ Конде, Генриху пришлось, наконецъ, ѣхать въ Польшу. Весь скандальный французскій дворъ провожалъ его до Лотарингіи. Въ это время захворалъ король; Генрихъ уѣхалъ, а больной король былъ окруженъ неописанной сумятицей и безпутствомъ. Генрихъ отправился въ Польшу черезъ Гейдельбергъ, гдѣ при дворѣ встрѣтилъ много знатныхъ французскихъ протестантовъ, которые смотрѣли на него очень грозно. Ему пришлось выслушать не мало непріятныхъ словъ и отъ курфирста за свое участіе въ ужасахъ варѳоломеевской ночи.

Во Франціи партіи размножились. Даже жалкій младшій братъ короля, герцогъ Алансонскій, старался выбраться въ люди, и два фаворита его составили въ его пользу родъ заговора. Королева приняла всѣ мѣры, чтобы не допустить герцога Алансонскаго захватить регентство во время болѣзни своего брата, Карла, или по смерти его. Поэтому двое пріятелей и вѣтреныхъ товарищей принца, Л а-М о л ь и графъ А н н и б а л ь д е К о к о н а, затѣяли во время болѣзни короля заговоръ противъ Екатерины Медичи. Они устроили союзъ между важнѣйшими вельможами, въ которомъ, между прочимъ, приняли участіе маршалы де Монморанси и де Коссе, принцъ Конде и король Генрихъ Наваррскій. Цѣлью союза было соединеніе друзей герцога Алансонскаго съ протестантами. Былъ уже назначенъ день, когда герцогъ Алансонскій и Генрихъ Наваррскій должны были покинуть дворъ, находившійся тогда въ Сенъ-Жерменѣ. Но Екатерина Медичи узнала объ ихъ планѣ и привела больнаго короля въ ярость противъ брата. Самого герцога Алансона она такъ запугала угрозами, что онъ выдалъ всѣхъ участвовавшихъ въ заговорѣ въ его пользу. Вслѣдствіе этого онъ возбудилъ противъ себя такое же общее презрѣніе, какимъ уже давно пользовался братъ его, король поль-

скій. Королева учредила надъ герцогомъ Алансонскимъ и королемъ наваррскимъ полицейскій надзоръ (donnoit leur une guarde). Конде бѣжалъ въ Германію; Монморанси и Коссе были арестованы. Ихъ нельзя было ни въ чемъ обвинить, но за то осудили другихъ. Ла-Моль и Коконà были обезглавлены; Франсуа де Турте, не взирая на доказательства его дворянства, попалъ на висѣлицу за то, что слишкомъ вѣрно служилъ своему герцогу.

Протестанты давно уже жаловались, что условія мира не соблюдаются и что преслѣдованія снова начались всюду. Они заняли нѣкоторыя укрѣпленныя мѣста въ Нормандіи и другихъ провинціяхъ и воспользовались общей неурядицей и болѣзнью короля, чтобы произвести значительное возстаніе на югѣ. Ла-Ну, миролюбивѣйшій изъ протестантскихъ полководцевъ, былъ убѣжденъ, что протестантамъ необходимо взяться за оружіе. Ему хотя съ большимъ трудомъ удалось уговорить на это жителей Ла-Рошели, и большая часть Пуату, Сентъ-Онжа и Лангедока неожиданно снова очутились во власти протестантовъ. Это такъ называемое масляничное возстаніе (prise d'armes du mardi gras) передало Лузиньянъ, Мель, Фонтенэ, Понсъ, Тонэ-Шарантъ, Ройанъ, Тальмонъ и Рошфоръ во власть протестантскихъ вельможъ, соединившихся съ Ла-Ну для новой войны за вѣру. Всюду началась страшная рѣзня. Протестанты хотѣли отомстить за варѳоломеевскую ночь; католики платили имъ тѣмъ же. Въ эту минуту, когда никто уже не зналъ, кто правитъ государствомъ, умеръ король Карлъ IX 30 мая 1574. Между тѣмъ поляки стерегли наслѣдника его во дворцѣ, какъ плѣнника, чтобы не дать ему возможности покинуть ихъ тронъ и бѣжать во Францію.

XII. СУЛТАНЪ СЕЛИМЪ II,

АНГЛІЯ, ФИЛИППЪ II, НИДЕРЛАНДСКІЯ И ФРАНЦУЗСКІЯ МЕЖДОУСОБІЯ ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ГЕНРИХА IV.

---

1. Султанъ Селимъ II; войны венгерская и итальянская.

По завоеваніи султаномъ Солиманомъ II Венгріи, вдова Іоанна Заполья, которому онъ прежде покровительствовалъ, была такъ стѣснена въ Венгріи и Трансильваніи, что предпочла оставить эти страны и вымѣнять свои владѣнія императору за герцогства Оппельнъ и Ратиборъ (т. XII, стр. 222). Но, едва вступивъ во владѣніе этими герцогствами, она стала жаловаться на нарушеніе со стороны императора нѣкоторыхъ пунктовъ договора, на дурное состояніе зданій, гдѣ ей приходилось жить, и на ограниченность доходовъ уступленныхъ ей герцогствъ. Она отправилась съ сыномъ своимъ, Іоанномъ Сигизмундомъ, къ польскому королю Сигизмунду II, который тщетно старался помирить ее съ императоромъ. Она поддерживала постоянныя сношенія съ недовольными венграми и трасильванцами, а черезъ нихъ съ молдавскимъ господаремъ. Господарь и самъ турецкій султанъ обѣщали ей помочь ея сыну возвратить себѣ отцевское наслѣдіе. Это произвело въ Венгріи войну, которая лишила

императора Фердинанда Трансильваніи, хотя въ 1556 турецкія силы были отражены отъ Шигета, гдѣ Маркъ Хорватъ во главѣ гарнизона цѣлые два мѣсяца храбро отбивалъ всѣ приступы султана. Чтобы положить конецъ страшнымъ опустошеніямъ турокъ въ пограничныхъ провинціяхъ своей имперіи, Фердинандъ нѣсколько лѣтъ сряду велъ съ Солиманомъ переговоры о мирѣ и выслушивалъ отъ него самыя обидныя грубости, пока, наконецъ, въ 1562 не добился черезъ своего посланника Бусбека (т. XII, стр. 441) мира на восемь лѣтъ. Онъ былъ принужденъ обязаться платить ежегодную дань въ 30,000 дукатовъ, уступить Трансильванію Іоанну Сигизмунду и принять много другихъ тяжелыхъ условій. Но разбойничьи набѣги турокъ не прекратились. Безпокойства въ Венгріи тоже продолжались. Іоаннъ Сигизмундъ не хотѣлъ ни сложить съ себя титула избраннаго короля Венгріи, ни признать верховную власть Фердинанда, ни отказаться отъ владѣній внѣ Трансильваніи.

Сынъ Фердинанда, Максимиліанъ II, наслѣдовалъ въ іюлѣ 1564 своему отцу; онъ былъ еще менѣе въ силахъ противиться страшной силѣ турокъ. Фердинандъ сдѣлалъ большую ошибку, допустивъ раздѣлъ владѣній своего дома и тѣмъ уменьшивъ его силы, которыя и безъ того были недостаточны для хорошаго устройства и управленія подвластныхъ ему земель. Максимиліанъ II получилъ Австрію, Венгрію и Богемію; братъ его, Фердинандъ, — Тироль; третій братъ — Штирію, Каринтію, Крайнъ и Гёрцъ, почти ежегодное опустошаемые турками. Замѣтимъ, что второй сынъ Фердинанда, Фердинандъ Тирольскій, возстановилъ противъ себя своего отца женитьбой на дочери одного аугсбургскаго патриція, Филиппинѣ Вельзеръ. Исторія красавицы Филиппины Вельзеръ и примиренія отца съ сыномъ была особенно разукрашена тирольцами и увѣковѣчена художниками въ Инспрукѣ.

Солиманъ II воспользовался ослабленіемъ Австріи по смерти Фердинанда I и, не смотря на заключенный за два года передъ тѣмъ миръ, предъявилъ его преемнику новыя требованія

для себя и для своего вассала, Іоанна Сигизмунда Заполья. Весь остатокъ 1564 и большую часть 1565 Максимиліанъ и великій князь Трансильваніи, поддерживаемый турками, вели войну, а въ августѣ 1565 беглербегъ Босніи опустошительно вторгнулся въ Кроацію на помощь сильно стѣсненному Заполью. Война ограничивалась пока опустошеніемъ страны, осадой укрѣпленій, истребленіемъ храбрыхъ гарнизоновъ и порабощеніемъ жителей. Посланники Максимиліана не могли добиться возстановленія мира, хотя при вступленіи на престолъ императоръ внесъ неуплаченную за два года дань и подарилъ верховному визирю 30,000 дукатовъ. Солиманъ былъ въ то время огорченъ неудачею мальтійскаго похода (стр. 3) и сердился на императора за взятіе Токая и за отказъ возвратить его. Въ февралѣ 1566 султанъ провозгласилъ войну противъ имперіи и объявилъ походъ на Венгрію. Онъ хотѣлъ самъ стать во главѣ своихъ военныхъ силъ, чтобы взятіемъ Эрлау и Шигета, которые до тѣхъ поръ отражали всѣ нападенія турокъ, отмстить за потери, понесенныя при осадѣ Мальты. Онъ взялъ крѣпости Бѣлградъ и Темесваръ, а Офенъ уже раньше былъ въ турецкой власти; занятіемъ Эрлау и Шигета онъ надѣялся облегчить для себя осаду Рааба и Коморна и овладѣть такимъ образомъ всею Венгріею: Іоаннъ Сигизмундъ Заполья и ханъ Крымскій Девлетъ-Гирей получили приказаніе овладѣть одновременно Шатмаромъ и Токаемъ.

Походъ Солимана былъ направленъ на Шигетъ. 3 августа 1566 турецкое войско достигло этого городка, расположеннаго на островѣ рѣки Альмы. Турки явились передъ нимъ уже въ тринадцатый разъ. Какъ и прежде, они нашли владѣтеля замка, Црини, готовымъ сопротивляться до послѣдней крайности. Четырнадцать дней вся турецкая армія съ невыразимою яростью штурмовала эту небольшую крѣпость; четырнадцать дней громила ее колоссальная артиллерія султана. Девятнадцатаго августа внѣшніе форты были, наконецъ, взяты Солиманомъ, но внутренніе (цитадель) все еще держались. Султанъ Солиманъ не

дожилъ до сдачи цитадели и умеръ въ ночь съ 5 на 6 сентября. Смерть его скрыли, желая взять сначала Шигетъ. Восьмаго сентября Црини убѣдился въ невозможности защищать долѣе цитадель. Но и тутъ онъ не сдался, а одѣлся въ великолѣпную одежду и, ставъ во главѣ 600 своихъ воиновъ, бросился съ ними на наступающаго непріятеля, предварительно выпаливъ изъ поставленныхъ при входѣ на мостъ пушекъ и поваливъ этимъ залпомъ множество нападающихъ. Онъ и вѣрный товарищъ его, Юраничъ, пали первыми, а за ними и всѣ воины ихъ. Црини былъ найденъ турками еще живымъ; они отрѣзали ему голову на его собственной пушкѣ.

Великій визирь, Мухаммедъ Соколли, еще нѣсколько недѣль скрывалъ отъ войска смерть султана, пока сынъ и наслѣдникъ его не прибылъ изъ своего мѣстопребыванія Кутаджи въ Константинополь. 24 сентября 1566 султанъ Селимъ II торжественно вступилъ на престолъ; онъ не обладалъ ни однимъ изъ великихъ качествъ своего отца. Новый падишахъ прямо отправился къ арміи, но по совѣту визиря не поѣхалъ въ лагерь, а дождался въ Бѣлградѣ возвращенія войска. Къ удивленію всѣхъ знакомыхъ съ варварами, составлявшими турецкое войско, визирь съумѣлъ удержать его въ порядкѣ и повиновеніи однимъ именемъ умершаго повелителя. По возвращеніи въ Константинополь, Селимъ былъ принужденъ сдѣлать разбушевавшемуся войску и улемамъ, т. е. законовѣдамъ и богословамъ, огромные подарки; это вошло съ тѣхъ поръ въ обычай, какъ нѣкогда у римскихъ императоровъ въ отношеніи преторіанцевъ.

Во время осады Шигета императоръ Максимиліанъ съ арміею въ 80,000 человѣкъ пѣхоты и 20,000 конницы стоялъ въ бездѣйствіи при Раабѣ. Должно думать, что онъ не довѣрялъ своей арміи, въ которой не было ни общаго начальствованія, ни однообразія въ вооруженіи, ни строгой дисциплины, ни качествъ, которыми были такъ страшны турецкія войска того времени. Впрочемъ, нѣкоторые австрійскіе генералы со-

вершили нѣсколько удачныхъ набѣговъ: Іобстъ фонъ Турнъ и Гербартъ фонъ Ауерсбергъ отмстили въ Кроаціи и Крайнѣ за злодѣйства турокъ, а Швенди завоевалъ Мункачъ. Тѣмъ не менѣе, императоръ охотнѣе согласился бы униженно выпрашивать у султана миръ, чѣмъ терпѣть страшныя опустошенія въ Венгріи, Каринтіи, Крайнѣ и Кроаціи. Весною 1567 Селимъ согласился на переговоры о мирѣ, въ теченіе которыхъ война тѣмъ не менѣе продолжалась. Съ одной стороны Гассанъ-паша взялъ Пельнокъ и Кёваръ въ Трансильваніи, съ другой Швенди покорилъ Мункачъ и Шатмаръ. Чтобы склонить султана къ переговорамъ, Максимиліанъ предложилъ чрезъ своихъ посланниковъ великому визирю предварительный подарокъ въ 4,000 дукатовъ, четыре серебряныхъ кубка и часы. Впослѣдствіи, чтобы воспрепятствовать князю Трансильванскому получить свою долю выгодъ. Максимиліанъ долженъ былъ еще разъ заплатить дань рабамъ Селима. Кромѣ обычнаго почетнаго дара султану въ 30,000 дукатовъ, 20 вызолоченныхъ кубковъ и нѣсколькихъ часовъ, было обѣщано великому визирю ежегодно по 2,000 дукатовъ, другому сановнику столько же денегъ единовременно, два кубка и часы, третьему 1,000 дукатовъ и два кубка, тремъ другимъ пашамъ по тысячѣ талеровъ ежегодно, толмачу, польскому ренегату Ибрагиму, 500 талеровъ, и 300 талеровъ нѣмецкому ренегату Махмуду. Кромѣ того, еврейскій банкиръ донъ Микесъ и нѣкоторые другіе сильные чиновники Порты получили по 2,000 талеровъ каждый.

Такимъ образомъ устроили, наконецъ, миръ. Заключеніе его протянулось, однако, еще семь мѣсяцевъ. Только 17 февраля 1568 заключили новый миръ на восемь лѣтъ. Мы упомянемъ о главныхъ условіяхъ его, потому что изъ нихъ ясно видны отношенія Турціи къ христіанскимъ государствамъ и безсиліе габсбургскаго дома, который долженъ былъ бы служить оплотомъ христіанства. Селимъ предоставилъ императору и его обоимъ братьямъ владѣніе Венгріей, Далмаціей, Кроаціей и Славоніей; но взамѣнъ этого Максимиліанъ и братья его уступили князю Трансиль-

ванскому, господарямъ молдавскому и валахскому все, чѣмъ они въ то время владѣли; за это султанъ обѣщалъ наблюдать, чтобы они не нарушали мира. Далѣе, въ договорѣ постановлялось, что турецкія власти будутъ удерживать отъ грабежей шайки гайдуковъ, азабовъ, мартолозовъ, левендовъ и гарамиджей, т. е. разбойниковъ, что всѣ похищенія ихъ будутъ возвращаемы, а грабители наказываемы. Поединки на границахъ также воспрещались. Разбирать возникающія ссоры должны были или турецкій правитель Офена, или главнокомандующій Максимиліана въ Венгріи, или, наконецъ, коммиссары обѣихъ сторонъ.

Затѣмъ Селимъ заключилъ миръ и съ королемъ польскимъ. Потомъ онъ обратилъ свое вниманіе на работы по соединенію Дона съ Волгою и, наконецъ, предпринялъ походъ въ Аравію. Во всѣхъ этихъ славныхъ предпріятіяхъ Селимомъ руководилъ его мудрый великій визирь, оставленный ему отцемъ. Но великій визирь не могъ удержать султана отъ войны съ Венеціей, возгорѣвшейся за обладаніе Кипромъ. Султана подговорилъ къ этой войнѣ португальскій еврей, Іосифъ Насси или донъ Микесъ, который, выѣхавъ на встрѣчу султану въ Бѣлградъ, получилъ титулъ герцога Наксоса и двѣнадцати главныхъ Цикладъ. Онъ совершенно овладѣлъ Селимомъ, когда послѣдній еще при жизни отца былъ губернаторомъ Кутаджи, и по вступленіи его на престолъ переселился съ нимъ въ Константинополь. Селимъ былъ горькій пьяница, и донъ Микесъ плѣнилъ его кипрскимъ виномъ, чѣмъ и склонилъ его на попытку отнять у венеціанцевъ островъ Кипръ.

Венеціанцы много потеряли вслѣдствіе завоеванія турками Константинополя. Сначала они были принуждены очистить Негропонтъ и много другихъ мѣстъ въ Албаніи и въ Мореѣ. Потомъ въ войнѣ съ Баязедомъ II они лишились многихъ другихъ городовъ на греческихъ берегахъ. Но особенно разорительна была для нихъ война 1538 года. Они потеряли тогда Мальвазію, Наполи ди Романію и большую часть маленькихъ островковъ Архипелага. Всѣ три войны, веденныя ими по за-

воеваніи Константинополя турками, стоили имъ многихъ владѣній, и кромѣ того они сдѣлались данниками султана. Единственнымъ выигрышемъ ихъ въ этихъ войнахъ было пріобрѣтеніе острововъ Кефалоніи и Кипра, изъ коихъ послѣдній своимъ положеніемъ былъ для нихъ особенно важенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ это время еврей донъ Микесъ подстрекнулъ Селима, пренебрегавшаго заповѣдью Мухаммеда противъ вина, овладѣть Кипромъ, главный продуктъ котораго имѣлъ для него такое важное значеніе.

Еще Солиманъ ссорился съ венеціанской республикой изъ-за ускоковъ и ихъ пиратства; венеціанцы успокоили его гнѣвъ, вооруживъ флотъ для преслѣдованія разбойниковъ. Но пираты укрывались между утесами въ бухтахъ и островахъ и безпрепятственно продолжали свое дѣло. Это дало Селиму поводъ къ разрыву. Хотя онъ возобновилъ союзъ съ республикой, но единственно съ цѣлью обмануть венеціанцевъ. Въ 1569 венеціанцевъ постигло важное несчастіе, которое много способствовало тому, что Селимъ, вопреки совѣту своего великаго визиря подать лучше помощь марранамъ, возставшимъ въ Испаніи противъ Филиппа II, потребовалъ отъ Венеціи Кипра, какъ древняго владѣнія калифовъ и египетскихъ владѣтелей. Несчастіе это заключалось въ томъ, что главный венеціянскій арсеналъ, одно изъ величайшихъ и замѣчательнѣйшихъ строеній новѣйшаго времени, наполненный матеріалами и снарядами для постройки множества кораблей, разнымъ оружіемъ и боевыми припасами для войска и флота, внезапно взлетѣлъ на воздухъ отъ пороховаго взрыва и развалинами своими разрушилъ много церквей, монастырей, дворцевъ и цѣлый рядъ домовъ. Неизвѣстно, было ли это сдѣлано умышлено, по турецкому подкупу, или случайно; во всякомъ случаѣ, гибель венеціанскаго арсенала съ его несмѣтными запасами какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала планамъ Селима.

Въ то время султанъ былъ уже готовъ къ войнѣ. Прежде чѣмъ отправить войско и флотъ, онъ послалъ въ Венецію чауша или посла и съ угрозою требовалъ уступки Кипра. Венеціанскій

сенатъ отказалъ султану въ требованіи и сталъ готовиться къ войнѣ, но не могъ ничего приготовить такъ скоро. Онъ долженъ былъ ограничиться посылкою въ Кипръ 3,000 человѣкъ, и то, благодаря предувѣдомленію, которое получилъ отъ своего константинопольскаго повѣреннаго (bailo). Кромѣ того, 90 галеръ, стоявшія въ венеціанской гавани, были исправлены и поставлены на военное положеніе. Затѣмъ венеціанцы прибѣгли къ тѣмъ средствамъ, къ которымъ всегда обращались въ большихъ опасностяхъ; они продали патриціямъ, достигшимъ законнаго возраста, почетныя должности, а тѣмъ, которые были слишкомъ молоды для общественныхъ должностей, позволеніе принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Кромѣ того, они обратились за помощью ко всему христіанскому міру, видя невозможность однимъ сопротивляться колоссальной силѣ турокъ. Но французскій король былъ слишкомъ занятъ истребленіемъ протестантовъ, чтобы помышлять еще о туркахъ; генуэзская республика дала только одну галеру; другія итальянскія государства и даже папа были не въ состояніи оказать большой помощи. Оставалась надежда лишь на испанскаго короля Филиппа II, владѣвшаго тогда Неаполемъ, Сициліей и Миланомъ. Его осаждали просьбами не только венеціанцы, но и папа Пій V, умоляя прислать скорѣе войско и флотъ; но какъ прежде, при осадѣ Мальты, онъ оказался скупымъ, осторожнымъ и медлилъ помощью. Къ тому же папа Пій V оскорбилъ его и императора, возведя собственною властью герцога Косьму I въ достоинство великаго герцога Тосканскаго и короновавъ его въ Римѣ (т. XII, стр. 327). Кромѣ того, онъ послалъ въ Сицилію, гдѣ свѣтское правительство съ титуломъ церковной монархіи имѣло папскія права (т. XII, стр. 325), своего нунція (Павла Одескалько). Наконецъ, папа принялъ сторону народовъ противъ государей, прибавивъ къ буллѣ противъ еретиковъ (in coena domini), которая читалась каждый великій четвергъ, проклятіе противъ всѣхъ монарховъ и королей, налагающихъ на подданныхъ новые налоги и подати.

Турки вооружались въ теченіе всего 1570 года и перваго іюля высадились на Кипрѣ у города Лимазоля. Они не встрѣтили при этомъ никакого сопротивленія, такъ какъ венеціанскій проведиторъ и его помощники не выполнили своего долга. Турецкимъ флотомъ начальствовалъ извѣстный Піале, осаждавшій Мальту въ званіи капуданъ-паши, а теперь бывшій визиремъ. Десантомъ командовалъ Лала-Мустафа-паша, предводительствовавшій въ должности сераскира аравійскимъ походомъ, послѣ котораго попалъ было въ немилость, но потомъ опять удостоился расположенія султана. Снявъ съ кораблей тяжелую артиллерію, Лала-Мустафа началъ 22 іюля осаду города Никозіи, хотя Піале совѣтовалъ взять прежде Фамагусту. Никозію защищалъ десятитысячный гарнизонъ съ 250 пушками. Турецкая армія имѣла 50,000 человѣкъ регулярнаго войска и почти столько же иррегулярнаго. Въ рядахъ венеціанскаго гарнизона было очень мало итальянцевъ, и отъ него нельзя было ожидать долгаго сопротивленія; однако, Никозія выдержала до сдачи въ сентябрѣ тринадцать приступовъ. Варвары поступили съ завоеваннымъ городомъ по своему всегдашнему обыкновенію. Тѣмъ не менѣе, жители острова приняли ихъ какъ освободителей, потому что венеціанцы, владѣвшіе Кипромъ 80 лѣтъ, обратили было ихъ въ рабовъ и крѣпостныхъ дворянства и вообще обращались съ ними жестоко. Другіе города были завоеваны безъ труда. Только столица острова Фамагуста не сдавалась туркамъ. Турецкая армія простояла передъ этимъ городомъ всю зиму, пока, наконецъ, Піале съ флотомъ неушелъ въ Константинополь и въ апрѣлѣ 1571 невозвратился съ подкрѣпленіями.

Въ кипрской войнѣ турки дѣйствовали быстро и согласно, воспользовались всѣми выгодами, которыя представляетъ для войны военно-деспотическая система. Безъ всякихъ недоумѣній и проволочекъ они продолжали свое предпріятіе, тогда какъ три христіанскія государства, Венеція, Испанія и папа, сначала долго переписывались другъ съ другомъ, разсылали пословъ, толковали о заключеніи союза и о предстоящихъ мѣрахъ; а потомъ, когда

союзъ былъ, наконецъ, заключенъ и союзный флотъ собранъ, принялись спорить о томъ, кому изъ трехъ адмираловъ быть главнокомандующимъ. Къ счастію для венеціанцевъ, ихъ неспособный дожъ, Піетро Лоредано, умеръ въ маѣ 1570, и на мѣсто его былъ избранъ умный и дѣятельный Лодовико Мончениго. Онъ подалъ помощь Фамагустѣ во время бездѣйствія союзнаго флота, пославъ туда, въ половинѣ января 1571 Марка Антоніо Квернни съ четырьмя транспортными и двѣнадцатью военными кораблями; корабли прорвали блокаду гавани, гдѣ у турокъ по уходѣ главнаго флота оставались однѣ галеры; венеціанцы потопили у нихъ три галеры, а остальныя разогнали. Конечно, Квернни не могъ спасти города, но ему удалось высадить 1,700 человѣкъ дессанта и выгрузить столько провіанта и снарядовъ, что Фамагуста могла держаться до іюня. Этотъ успѣхъ венеціанскаго адмирала такъ раздосадовалъ султана, что сначала онъ грозилъ смертью визирю Піале, но потомъ удовольствовался его увольненіемъ и на мѣсто его назначилъ главнокомандующимъ капуданъ-пашу Али. Два съ половиною мѣсяца съ одинаковою храбростью велись и осада, и защита Фамагусты, пока, наконецъ, въ городѣ не истощился пороховой запасъ. Тогда гарнизонъ былъ принужденъ капитулировать 1 августа. По взятіи города турки поступали въ немъ, какъ дагомейскіе негры: измѣннически нарушивъ капитуляцію Фамагусты, они совершили надъ проведиторомъ и подчиненными его дьявольски-дикія жестокости. Всѣ эти злодѣйства турокъ на Кипрѣ описаны подробно по источникамъ новѣйшимъ историкомъ османовъ, Гаммеромъ; но мы содрогаемся подобныхъ поступковъ людей, стоящихъ до такой степени ниже дикихъ звѣрей.

Между тѣмъ венеціанцы, папа и король Филиппъ II никакъ не могли согласиться на счетъ своего союза, который назвали священнымъ союзомъ, и въ Адріатическомъ морѣ не являлось испанскаго флота. Али и калабрійскій ренегатъ, пиратъ Оккіале, грабили и злодѣйствовали отъ береговъ Малой Азіи и Сиріи до Далмаціи. Кандія, Чериго (Цитера), Занте и Кефало-

нія были опустошены, и турецкій флотъ господствовалъ изъ Наварина надъ моремъ и на итальянскихъ берегахъ. Наконецъ, испанскій король, окончивъ войну съ маврами въ Испаніи, началъ серьезно помышлять о поданіи помощи Венеціи. Въ маѣ 1571 въ Венеціи былъ подписанъ актъ священнаго союза, а въ іюлѣ обнародованъ въ церкви св. Марка. По этому договору Филиппъ принималъ на себя половину издержекъ на предстоящую священную войну, венеціанцы три осьмыхъ, а папа остальную восьмую часть. Послѣ того въ Сициліи явился испанскій флотъ, состоявшій изъ восьмидесяти галеръ, подъ командою брата Филиппа, донъ Хуана Австрійскаго. Впослѣдствіи онъ пожалъ (не знаемъ, имѣлъ ли онъ, впрочемъ, на то право) всю славу этой счастливой для христіанъ войны. Кромѣ того, Филиппъ нанялъ генуэзца Джіованни-Андреа Доріа съ принадлежавшими ему галерами. Доріа былъ отличный морякъ, но славы въ этой войнѣ пріобрѣлъ мало. Венеціанцы послали сто восемь галеръ подъ начальствомъ адмирала Себастьяно Веніеро; папа — двѣнадцать подъ командой Марка Антоніо Колонны.

Въ концѣ сентября 1571 всѣ эти силы соединились, а донъ Хуанъ съ венеціанскимъ адмираломъ согласились идти въ Архипелагъ противъ турецкаго флота. Это движеніе скоро привело къ рѣшительной битвѣ. Турецкій флотъ изъ 300 судовъ съ значительнымъ дессантомъ стоялъ въ заливѣ Лепанто. Имъ командовалъ капуданъ-паша Музинъ-Заде-Али, имѣя подъ своимъ начальствомъ много славныхъ моряковъ, въ томъ числѣ дея алжирскаго Улуджъ-Али или Оккіале и сына Барбароссы, Али Гассана. Дессантомъ предводительствовалъ визирь-сераскиръ Пертевъ-паша. Пертевъ-паша и Оккіале тщетно отговаривали капуданъ-пашу избѣгать сраженія. Оно произошло 8 октября 1571 при Лепанто. Христіане были расположены такъ, что Доріа занималъ самое опасное мѣсто, закрытое въ началѣ отъ непріятеля островами. Впереди боевой линіи стали три адмирала съ своими адмиральскими кораблями; за ними стоялъ

Гекторъ Спинола съ генуэзской «капитаной», а подлѣ него герцогъ Пармскій, Александръ Фарнезе, съ своей галерой; ди Леньи съ савойской «капитаной» занялъ мѣсто подлѣ венеціанскаго адмирала. За донъ Хуаномъ на вице-адмиральскомъ кораблѣ «Патронѣ» находился великій командоръ Кастиліи, донъ Луисъ де Реквезенсъ. Битва была самая страшная изъ всѣхъ морскихъ сраженій со временъ Греціи и Рима; нѣсколько разъ бой переходилъ въ рукопашный, потому что корабли сходились бортами. Сначала былъ взятъ корабль капуданъ-паши, и самъ онъ убитъ. Какъ обыкновенно разсказываютъ, его голову воткнули для устрашенія турокъ на его галеру; но новый историкъ османовъ справедливо отрицаетъ это, говоря, что донъ Хуанъ оттолкнулъ офицера, который хотѣлъ передать ему голову непріятельскаго адмирала, и приказалъ бросить ее въ море. Послѣднюю битву выдержалъ Доріа противъ Оккіале. Изъ всѣхъ адмираловъ султана только Оккіале и спасъ часть турецкаго флота, всего, впрочемъ, 40 галеръ. Изъ остальныхъ девяносто были выброшены на берегъ и сожжены, 130 достались союзникамъ, которые овладѣли, кромѣ того, 117 большихъ и 256 малыхъ пушекъ. Лучшимъ трофеемъ этого сраженія было освобожденіе отъ цѣпей и тяжелаго рабства у варваровъ 15,000 христіанъ. Побѣдителямъ досталось также 3,468 рабовъ для галеръ. Стоитъ упомянуть, что въ числѣ раненыхъ въ этой битвѣ испанцевъ находился авторъ «Донъ Кихота», Сервантесъ. Такъ какъ мы вообще не ручаемся за числа, то замѣтимъ только мимоходомъ, что по однимъ извѣстіямъ турки лишились 30,000, а по другимъ, болѣе вѣроятнымъ, 15,000 человѣкъ.

Слава побѣды и торжество всего христіанства были неописанны, но выгоды весьма незначительны. Венеціанцы справедливо опасались, что король Филиппъ хочетъ на ихъ счетъ ловить рыбу въ мутной водѣ, какъ обвиняли его и относительно помощи, оказываемой имъ Карлу IX противъ протестантовъ. Послѣ битвы донъ Хуану очень хотѣлось вести весь союзный

флотъ къ Дарданелламъ и вызвать возстаніе грековъ, отправившихъ къ нему посольство, но на первое венеціанцы не согласились, а второе сдѣлалось невозможно, потому что Филиппъ, получивъ объ этомъ вопросъ, такъ долго медлилъ отвѣтомъ, что потомъ было уже поздно. Вскорѣ оказалось, что, не смотря на пораженіе, какого османы не терпѣли со временъ Тамерлана, и, не смотря на то, что султанъ былъ такой неспособный пьяница, какъ Селимъ II, Турція превосходила союзныя христіанскія силы. Оккіале и Піале въ два мѣсяца возстановили турецкій флотъ; первый, спася послѣ битвы часть флота, усилилъ его потомъ на возвратномъ пути въ Константинополь до 87 галеръ, за что султанъ назначилъ его капуданъ-пашей и приказалъ ему именоваться не Улуджъ-Али, а Калиджъ-Али, т. е. Мечъ-Али. Въ слѣдующую зиму было выстроено 150 новыхъ кораблей, такъ что къ веснѣ 1572 турецкій флотъ былъ въ прежнемъ своемъ составѣ, а въ іюнѣ вышелъ въ море въ числѣ 250 галеръ.

Преемникъ умершаго въ маѣ 1572 папы Пія V Григорій XIII, казалось, рѣшился сохранить союзъ противъ турокъ; но венеціанцы, согласно своему знаменитому дипломатическому такту, воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы заключить хотя сносный миръ. Хитрый Оккіале въ 1572 году рѣшительно избѣгалъ сраженія, а тѣмъ временемъ союзные адмиралы успѣли перессориться. Поэтому турки справедливо отвѣчали венеціанскому повѣренному Антоніо Барбаро, говоря о битвѣ при Лепанто: «Завоеваніемъ Кипра мы отрубили вамъ руку; вы же побѣдою надъ нашимъ флотомъ обрѣзали намъ бороду. Отрубленная рука не выростетъ, а обрѣзанная борода отростетъ гуще прежняго». Антоніо Барбаро оставался въ Константинополѣ во все время войны, и великій визирь допускалъ это, потому что и въ продолженіе войны постоянно шли переговоры, особенно когда французы, все еще тѣсно связанные съ врагами христіанства и завидовавшіе славѣ Филиппа, приняли на себя посредничество. Дѣло велъ французскій посланникъ, епископъ

акскій, де Ноайль; венеціанцы, во что бы то ни стало, хотѣли мира. Поэтому Совѣтъ Десяти приказалъ Барбаро соглашаться на всякія условія. Турецкій министръ узналъ это, и, когда честный Барбаро настойчиво торговался и добился условій не совершенно невыгодныхъ, паша воспользовался этимъ приказаніемъ Совѣта и позволилъ себѣ насиліе, которое венеціанцамъ пришлось стерпѣть. Когда мирный договоръ былъ представленъ турецкому государственному секретарю, этотъ турокъ сдѣлалъ въ немъ разныя измѣненія и принудилъ уполномоченнаго подписать его въ такомъ видѣ, строго пригрозивъ ему за то, что онъ, какъ ему извѣстно, дѣйствуетъ противъ приказанія своего правительства. Миръ былъ подписанъ 7 марта 1573, и семь условій его были такъ же тягостны, какъ были бы и безъ битвы при Лепанто. Венеціанцы должны были не только уступить Кипръ, но и обязаться выплатить туркамъ въ теченіе трехъ лѣтъ 300,000 дукатовъ военныхъ издержекъ. Кромѣ того, они отдали Сипото въ Албаніи, единственное ихъ пріобрѣтеніе въ эту войну, со всѣмъ оружіемъ и обѣщали платить ежегодной дани вмѣсто 500 1,500 дукатовъ. Но для Венеціи всего важнѣе было возвращеніе всѣхъ своихъ торговыхъ привилегій; кромѣ того, она сохранила свои границы въ Албаніи и Далмаціи.

Папа очень сердился на Венецію за этотъ миръ. Король испанскій, всегда холодный, спокойный, нерѣшительный, робкій и медленностью своею разрушавшій всѣ свои предпріятія, напротивъ того, ни мало не разсердился и скорѣе хвалилъ венеціанцевъ за то, что они остались вѣрны своему дипломатическому характеру. Правда, онъ дозволилъ донъ Хуану завоевать Триполи, гдѣ господствовалъ злодѣй, возстановившій противъ себя всѣхъ; но не согласился на планъ его преобразовать Триполи въ христіанское королевство, хотя папа сильно добивался исполненія этого плана. Впослѣдствіи оказалось, что Филиппъ былъ совершенно правъ. Не далѣе какъ черезъ годъ Селимъ послалъ флотъ и армію, которые тотчасъ снова отняли у христіанъ это завоеваніе.

2. Война въ Нидерландахъ съ 1576 до смерти донъ-Хуана Австрійскаго (1578).

Слава, пріобрѣтенная въ кипрской войнѣ донъ Хуаномъ Австрійскимъ, возбудила зависть его брата, Филиппа II, хотя король, по своему обыкновенію, тѣмъ больше показывалъ благосклонности, чѣмъ болѣе сердился. Онъ назначилъ донъ Хуана миланскимъ намѣстникомъ, но опасался его. Какъ всегда, онъ портилъ свои собственные планы тѣмъ, что, ввѣривъ исполненіе ихъ своему сводному брату, лишалъ его потомъ средствъ, безъ которыхъ ему нельзя было достигнуть цѣли. Повидимому, король былъ очень доволенъ, когда въ 1576 представился случай дать донъ Хуану новое трудное порученіе въ Нидерландахъ. Иначе онъ, по совѣту Гранвеллы, по смерти Реквезенса снова послалъ бы намѣстницей въ Брюссель Маргариту Пармскую. Это было бы для него гораздо выгоднѣе, потому что тогда Нидерландскіе штаты не могли бы взять управленіе въ свои руки; Гентскій договоръ не былъ бы заключенъ и смертельный врагъ Филиппа, Вильгельмъ Оранскій, не пріобрѣлъ бы такого сильнаго вліянія въ католическихъ провинціяхъ. Но Филиппъ рѣшился назначить въ Нидерланды брата; впрочемъ, даже рѣшившись, онъ, по обыкновенію, долго еще колебался, медлилъ и обдумывалъ.

Передъ отъѣздомъ въ Нидерланды донъ Хуанъ жилъ нѣкоторое время въ Миланѣ, потомъ отправился въ Испанію и оттуда внезапно и съ большою поспѣшностью поѣхалъ въ Нидерланды черезъ Францію подъ видомъ слуги герцога Оттавіо Фарнезе. Филиппъ посылалъ его безъ войскъ и безъ денегъ въ страну, которая по Гентскому договору признавала его своимъ государемъ только по имени, а въ сущности была уже республикой. Только въ Парижѣ донъ Хуанъ узналъ, что можетъ ѣхать прямо въ Люксембургъ, такъ какъ эта провинція не участво-

вала въ гентскомъ союзѣ. Онъ прибылъ въ Люксембургъ въ тотъ самый день, когда испанскіе солдаты совершали въ Антверпенѣ тѣ ужасныя злодѣйства, о которыхъ мы говорили выше (стр. 39). Поэтому штаты, засѣдавшіе въ Брюсселѣ, отказались признать его власть, пока онъ не согласится вывести изъ страны всѣ испанскія войска и очистить всѣ крѣпости. Хотя старыя испанскія войска и въ небольшомъ числѣ были страшны южнымъ провинціямъ, но донъ Хуанъ согласился исполнить требованіе штатовъ; солдаты повиновались его приказанію и выступили. Послѣ того католико-аристократическая партія штатовъ охотно допустила бы принца въ Брюссель съ званіемъ королевскаго намѣстника, безъ всякихъ дальнѣйшихъ условій, потому что Вильгельму Оранскому и протестантамъ довѣряла еще менѣе, чѣмъ испанскому правительству; но она не могла сдѣлать этого, потому что голосъ народа слишкомъ громко протестовалъ противъ испанцевъ. Такимъ образомъ ей пришлось обратиться за совѣтомъ къ самому принцу Оранскому, который все еще былъ въ Голландіи. Вильгельмъ сначала не совѣтевалъ заключать какихъ бы то ни было компромиссовъ съ Испаніей; но, видя, что подобный совѣтъ покажется католикамъ слишкомъ смѣлымъ, предложилъ условія, на которыхъ можно было бы пустить донъ Хуана въ Брюссель. Онъ совѣтовалъ предложить ему, если онъ хочетъ быть признанъ намѣстникомъ, подтвердить всѣ привилегіи нидерландцевъ, такъ нагло нарушенныя Альбою; признать отъ имени и по полномочію короля Гентское соглашеніе и удалить изъ страны испанскія и всѣ прочія войска, которыя еще недавно вели себя такъ злодѣйски. Кромѣ того, собранія генеральныхъ штатовъ должны были происходить ежегодно два или три раза съ тѣмъ, чтобы вѣдѣнію ихъ подлежали всѣ государственныя дѣла. Штаты, собравшіеся въ Брюсселѣ, приняли эти условія въ основаніе переговоровъ, открытыхъ съ донъ Хуаномъ въ началѣ 1577; принцъ самъ пріѣхалъ для этихъ переговоровъ на границу. Совѣщанія происходили въ Люксембургѣ, въ Гуи и въ Маршъ-анъ-Фаменѣ. Епископъ лю-

тихскій, на котораго императоръ Рудольфъ II возложилъ роль посредника, и герцогъ Вильгельмъ юлихскій, ревностно содѣйствовавшій епископу, всѣми силами старались примирить враждующихъ; но донъ Хуанъ тянулъ дѣло, пока на выручку къ нему не подоспѣлъ его секретарь Эсковедо, нарочно посланный къ нему Филиппомъ. Не извѣстно, какія вѣсти привезъ онъ принцу изъ Испаніи; какъ бы то ни было, но вторичные переговоры, происходившіе въ февралѣ 1577 въ Маршъ-анъ-Фаменѣ, кончились счастливѣе январскихъ. Донъ Хуанъ уступилъ и издалъ такъ называемый вѣчный эдиктъ. Онъ состоялъ изъ девятнадцати статей, изъ которыхъ мы упомянемъ только важнѣйшія. Въ немъ отъ имени короля была обѣщана полная амнистія, признавался Гентскій договоръ, обѣщалось вывести изъ страны всѣ иностранныя войска и созвать штаты. Но въ эдиктѣ коварно умалчивалось о срокѣ этого созванія и объ участіи штатовъ въ управленіи. Этотъ такъ называемый вѣчный, но нарушенный уже черезъ три мѣсяца эдиктъ былъ подписанъ Филиппомъ къ удивленію всего міра 7-го апрѣля 1577. Вильгельмъ Оранскій не могъ признать и обнародовать его въ Голландіи и Зеландіи уже по той причинѣ, что брюссельскіе штаты обязались въ немъ поддерживать католическую вѣру. Не смотря на то, эти провинціи, представителемъ которыхъ былъ Вильгельмъ, не отпали отъ остальныхъ, потому что и католическіе штаты плохо вѣрили миролюбію испанцевъ. Донъ Хуанъ совершилъ 1 мая торжественный въѣздъ въ Брюссель, но штаты не отдали ему цитаделей. Притомъ кичливость этихъ титулованныхъ господъ была такъ велика, что даже по прибытіи донъ Хуана въ Брюссель они не признавали его первенства надъ собою.

Не имѣя ни войскъ, ни крѣпостей, онъ не имѣлъ дѣйствительной силы и пользовался только призракомъ правительственной власти. Поэтому онъ вскорѣ сбросилъ маску и уже въ іюлѣ выѣхалъ изъ Брюсселя подъ предлогомъ посѣтить развратную королеву наваррскую, ѣхавшую на воды въ Спа; онъ отпра-

вился въ Намюръ, гдѣ сыновья графа Барлемона начальствовали въ цитадели, которую и передали ему. Вслѣдъ затѣмъ онъ занялъ Шарлемонъ и Маріенбургъ. Донъ Хуанъ оправдывалъ это нарушеніе вѣчнаго эдикта тѣмъ, что ему приходится принимать мѣры для огражденія себя отъ заговоровъ на его жизнь. Онъ послалъ своего секретаря Эскоѣдо обратно въ Испанію, чтобы объяснить королю необходимость занять всѣ нидерландскія крѣпости и для этой цѣли опять прислать въ Нидерланды итальянскія и испанскія войска. Во всемъ этомъ онъ былъ вполнѣ правъ, потому что едва Намюръ попалъ въ руки донъ Хуана, какъ принцъ Оранскій сталъ совѣтовать штатамъ аттаковать его всѣми силами. Разумѣется, осторожнымъ брюссельскимъ дипломатамъ и аристократамъ совѣтъ этотъ показался слишкомъ смѣлымъ и дерзкимъ, такъ что Іоаннъ Нассаускій писалъ ландграфу гессенскому, что онъ и братъ его могутъ полагаться только на демократію, которая болѣе помышляетъ объ истинномъ евангелическомъ ученіи, чѣмъ о сохраненіи дворянскихъ привилегій и о мамонѣ *). Гранвелла, зная очень хорошо, что изъ аристократовъ одинъ Вильгельмъ возбуждаетъ движеніе противъ донъ Хуана, не могъ понять, какимъ образомъ такая высокая особа можетъ поступать такъ недипломатично и опрометчиво **).

---

*) Archives, vol. p. 311: «So ist auch bis dahero von den General-Staden und Fürnembsten derselben Landenn niemands dan allein der Herz Prinz und beneben Seiner Gnaden die von Holland und Zeeland und hin und wieder in der Provinzien der arm gemeine man gewesen, der so sich zu der Religion öffentlich erklärt und derselben ernstlich angenommen hette. (До сихъ поръ за религію заступились и открыто возстали на защиту ея изъ всѣхъ чиновъ и дворянъ этой страны только господинъ принцъ, штаты Голландіи и Зеландіи, да въ другихъ провинціяхъ кое-гдѣ бѣдный простой народъ.)

**) Reposant sur ses épaules chose de si grand poix et doibt craindre d'estre abandonné et de faire aussi malvaise fin que tous ceux qui s'élévent contre son prince naturel". (Взявъ на себя такое бремя, онъ долженъ страшиться быть покинутымъ и погибнуть плачевнымъ образомъ, какъ всѣ возстающіе противъ своего законнаго государя).

Вильгельмъ Оранскій и друзья его поддерживали попытки гражданства, которое зорко наблюдало за стремленіями аристократіи и желало господствовать надъ штатами. Съ этимъ намѣреніемъ были избраны особенныя коммисіи изъ гражданъ или коллегія изъ восемнадцати лицъ, которыя предъявляли требованія народа. Они принудили католическихъ чиновъ согласиться на вступленіе голландскихъ и зеландскихъ депутатовъ въ брюссельское собраніе, въ которомъ тѣ скоро стали первенствовать. Кромѣ того, народные депутаты предупреждали штаты не поддаваться обману переговоровъ съ донъ Хуаномъ. Благодаря ихъ стараніямъ, брюссельское собраніе вошло въ сношенія съ курфирстомъ пфальцскимъ, котораго католики такъ боялись. Переговоры между донъ Хуаномъ и брюссельскими штатами все еще продолжались, хотя испанскія войска уже возвращались изъ Италіи въ Нидерланды и достигли Мезьера. Штаты требовали прежде всего уничтоженія цитаделей Гента и Антверпена. Впрочемъ, республиканская партія, не дожидаясь согласія донъ Хуана, принялась всѣмъ населеніемъ этихъ городовъ, — мужчины, женщины и дѣти, — за работу и срыла цитадели до основанія. Вторымъ требованіемъ было, чтобы донъ Хуанъ снова очистилъ занятые имъ города: Намюръ, Шарлемонъ, Маріенбургъ и другіе. Принцъ былъ, повидимому, готовъ согласиться, и католическая партія уже надѣялась на примиреніе, какъ вдругъ Вильгельмъ пробудилъ демократовъ, фактически доказавъ имъ, что ихъ хотятъ обмануть. Онъ доказалъ это корреспонденціею донъ Хуана съ его секретаремъ, перехваченною Генрихомъ Наваррскимъ, который переслалъ ее принцу Оранскому. Борнье, которому мы много обязаны по нидерландской исторіи, увѣряетъ, что республиканецъ Марниксъ де Сентъ-Альдегондъ, объяснявшій по порученію Вильгельма эту переписку штатамъ, придалъ ей своими комментаріями вѣроломный смыслъ, совершенно ей чуждый. Но мы другаго мнѣнія. Партія Аршота охотно заключила бы миръ съ донъ Хуаномъ, чтобы устранить Вильгельма, который былъ несравненно дальновиднѣе ея; но она не по-

смѣла сдѣлать этого и была принуждена даже согласиться пригласить Вильгельма изъ Антверпена въ Брюссель. Въ декабрѣ 1577 Вильгельмъ въѣхалъ въ Брюссель при громкомъ ликованіи народа. Въ собраніи штатовъ, гдѣ засѣдали депутаты Голландіи и Зеландіи, онъ далъ дѣламъ такой оборотъ, что о примиреніи съ донъ Хуаномъ съ тѣхъ поръ не могло быть и рѣчи; штаты издали формальный манифестъ о разрывѣ и распорядились приготовленіями къ войнѣ съ Испаніей, чему католическая аристократія не могла воспрепятствовать. За то она постоянно подкапывалась подъ значеніе Вильгельма Оранскаго. Многіе титулованные члены этой партіи завидовали значенію и довѣрію, которымъ пользовался протестантъ. Врагами Вильгельма въ собраніи штатовъ, кромѣ аббатовъ, были Филиппъ де Круа герцогъ Аршотъ, братъ его, графъ Гавренъ и графъ Лаленъ. Герцогъ Аршотъ и его единомышленники были, конечно, далеки отъ чистаго патріотизма Вильгельма и его готовности къ самопожертвованію для родины. Такъ, когда Альба жестоко преслѣдовалъ и грабилъ благороднѣйшихъ нидерландцевъ, герцогъ Аршотъ былъ такъ безстыденъ, что принялъ отъ него ренту въ 4,000 ливровъ изъ конфискованныхъ имѣній своихъ несчастныхъ соотечественниковъ. Поэтому народъ былъ правъ, считая принца Вильгельма Оранскаго единственнымъ человѣкомъ, который могъ защитить его и отъ тираніи испанцевъ, и отъ корыстолюбія высшей аристократіи. По требованію народа, Вильгельмъ былъ возведенъ въ достоинство рюварта брабантскаго, что дало ему диктаторскую власть *).

Усиленіе власти принца Оранскаго побудило аристократію противопоставить ему свою креатуру, призвавъ въ Брюссель, не спросясь штатовъ, двадцатилѣтняго австрійскаго принца Мат-

*) Борнье говоритъ: «Ruwart de Brabant, dignité essentiellement révolutionnaire, qui ne s'accordait d'ordinaire qu'en cas de conflit avec le souverain». (Рювартъ брабантскій — должность вполнѣ революціонная, дававшаяся только при столкновеніяхъ съ монархомъ).

ѳія, брата императора Рудольфа II. Матѳій согласился принять это приглашеніе безъ вѣдома брата. Онъ поспѣшилъ въ Брюссель, но роль его тамъ была самая жалкая. Вильгельмъ могъ легко устроить такъ, чтобы штаты не допустили аристократическую партію до этой продѣлки; но онъ не сдѣлалъ этого, а напротивъ, позаботился даже о хорошемъ пріемѣ эрцгерцогу, не желая, какъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ, чтобы подобныя дрязги мѣшали въ рѣшительную минуту общественному дѣлу.

Старыхъ испанскихъ войскъ или такъ называемыхъ черныхъ отрядовъ уже не существовало; они много пострадали въ Нидерландахъ, а по возвращеніи въ Италію ихъ помѣстили въ глухихъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ они быстро исчезли. Но ветерановъ все-таки оставалось еще довольно. Филиппъ подкрѣпилъ ихъ новобранцами и миланскими полками и послалъ въ Нидерланды подъ начальствомъ сына Маргариты Пармской, Алессандро Фарнезе. Испанскія и итальянскія войска вступили въ Нидерланды въ числѣ 20,000 человѣкъ. Нидерландцы тоже навербовали войско. Оно состояло изъ людей неопытныхъ, но командовалъ ими генералъ, со славою служившій въ войнахъ Карла V. Поэтому Вильгельмъ совѣтовалъ, не дожидаясь прихода испанцевъ, немедленно напасть на принца донъ Хуана или на Намюръ. Аристократамъ это показалось слишкомъ смѣлымъ. Они дожидались, чтобы донъ Хуанъ самъ первый сдѣлалъ шагъ, и въ ту самую минуту, когда отъ него слѣдовало ежечасно ожидать нападенія, уѣхали въ Брюссель на свадьбу, хотя штаты уже окончательно отказались повиноваться испанскому правительству, и донъ Хуанъ съ своей стороны объявилъ имъ 25 января 1578 войну. Донъ Хуанъ воспользовался отсутствіемъ многихъ предводителей нидерландскаго войска, чтобы аттаковать его. Сраженіе произошло въ намюрскомъ графствѣ при Жанблюрѣ, гдѣ намѣстникъ одержалъ полную побѣду. Въ Брюсселѣ всѣ были до того убѣждены, что донъ Хуанъ немедленно двинется на столицу, что штаты, государственный совѣтъ и

принцъ Оранскій бѣжали въ Антверпенъ. Защита Брюсселя была ввѣрена графу де Боссю съ его корпусомъ. Но донъ Хуанъ не пошелъ на Брюссель, а взялъ частью на капитуляцію, частью приступомъ нѣсколько крѣпостей, какъ-то: Жанблюръ, Левенъ, Жюдуань, Діестъ, Нивель и Бовинъ. Въ Левенѣ онъ основалъ на короткое время свою резиденцію. Но уже въ августѣ ему пришлось снова удалиться въ Намюръ, вслѣдствіе одной важной стратегической ошибки.

Вильгельмъ воспользовался этими военными дѣйствіями въ Брабантѣ, чтобы привлечь въ союзъ и тѣ изъ голландскихъ городовъ, которые до сихъ поръ еще оставались вѣрны испанскому королю, особенно Амстердамъ. Въ то же время нидерландцы получили и внѣшнюю помощь. Елисавета Англійская не только позволила своимъ подданнымъ вступить въ нидерландскую службу, но и дала значительную сумму денегъ на наемъ нѣмецкихъ войскъ. Къ несчастію, они обратились въ Пфальцъ, гдѣ братъ курфирста, пфальцграфъ Іоганъ-Казимиръ болѣе славился своимъ барышничествомъ въ вербовкѣ войскъ и разбойничествомъ, чѣмъ военными способностями. Гранвелла справедливо смѣется въ одномъ письмѣ надъ страннымъ героемъ, избраннымъ голландцами *). Между тѣмъ католико-аристократическая партія, видя, что Матѳій совершенно ей безполезенъ, стала искать себѣ другой опоры и выбрала человѣка, негодность котораго была довольно извѣстна всему свѣту. Эта партія искала помощи во Франціи и обратилась къ герцогу Алансонскому, принявшему съ мая 1576 титулъ герцога Анжуйскаго. Вся Европа и особенно Вильгельмъ Оранскій знали, до чего этотъ глупый принцъ неспособенъ ни къ какому серьезному дѣлу; но Вильгельмъ, какъ ловкій дипломатъ и политикъ школы Карла V, справедливо думалъ, что ни-

---

*) „N'ay“, пишетъ онъ, „jusqu'oyres entendu, qu'il aye faict exploit de guerre d'importance; — robbé et pillé — si“. (До сихъ поръ я еще не слыхалъ о его великихъ военныхъ подвигахъ; — развѣ только на счетъ грабежа и разбоя).

дерландскіе реформаты могутъ такъ же удобно воспользоваться тщеславіемъ герцога Анжуйскаго, какъ воспользовались имъ реформаты французскіе. Такимъ образомъ въ іюлѣ 1578, когда нидерландское войско подъ предводительствомъ графа Боссю возобновило непріязненныя дѣйствія, нидерландцы были въ сношеніяхъ съ тремя принцами, изъ коихъ двое, эрцгерцогъ Матвій и герцогъ Анжуйскій не годились, какъ говоритъ Гомеръ, ни въ совѣтъ, ни на войну, а третій, Вильгельмъ Оранскій, будучи великимъ государственнымъ человѣкомъ, далеко не могъ тягаться, какъ полководецъ, съ испанскимъ главнокомандующимъ Алессандро Фарнезе.

Въ концѣ іюля донъ Хуанъ рѣшился атттаковать Боссю, вопреки совѣту Алессандро Фарнезе и всѣхъ опытныхъ генераловъ, которые указывали на выгоду позиціи Боссю, прикрытой съ одной стороны рѣкою Демеръ, съ другой лѣсомъ, а съ третьей насыпями. Пренебрегая всѣми совѣтами, 1 августа 1578 донъ Хуанъ аттаковалъ нидерландскую армію при Рименанѣ. Нападеніе его было отбито, и испанская армія потерпѣла бы еще болѣе, если бы принцъ Пармскій, командовавшій конницей, не прикрылъ ея отступленія. Этимъ неудавшимся предпріятіемъ кончилось поприще лепантскаго побѣдителя, котораго съ тѣхъ поръ снѣдала тайная скорбь. Онъ отступилъ отъ Рименана подъ пушки Намюра; братъ не посылалъ ему подкрѣпленій и велѣлъ даже убить въ Испаніи секретаря донъ Хуана, Эскаведо, вѣроятно, за то, что тотъ слишкомъ ревностно принялся хлопотать о химерическомъ проектѣ бракосочетанія принца съ Маріей Стюартъ. Вести войну съ каждымъ днемъ становилось для донъ Хуана труднѣе. Герцогъ Анжуйскій собралъ войско въ Монсѣ и принялъ титулъ протектора Нидерландовъ, подобно тому, какъ прежде титуловался во Франціи протекторомъ протестантовъ. Его положеніе подлѣ Вильгельма было разумѣется очень странно; хотя нидерландцы и даже принцъ Оранскій соглашались признать герцога Анжуйскаго протекторомъ и правителемъ (souverain) Нидерлан-

довъ, но власть его ограничивалась одною внѣшностью и титуломъ *). Наконецъ, донъ Хуанъ двинулся противъ Боссю, когда тотъ вознамѣрился самъ аттаковать его и сталъ угрожать Нивели; но на пути намѣстникъ захворалъ и черезъ шесть дней умеръ въ жалкой деревушкѣ Бужи близъ Намюра (въ началѣ октября 1578). Передъ смертью онъ назначилъ принца Алессандро Фарнезе Пармскаго своимъ преемникомъ, если на то будетъ согласіе короля.

Такъ какъ мы пишемъ исторію не основанія республики Соединенныхъ Провинцій, а всеобщее обозрѣніе событій шестнадцатаго столѣтія, то должны перейти теперь къ тѣсно-связаннымъ между собою происшествіямъ во Франціи, Испаніи и Англіи, отъ которыхъ зависѣла и судьба Нидерландовъ.

3. Французскія религіозныя войны со смерти Карла IX до мирнаго эдикта Пуатье (1577).

Мы довели исторію смутъ во Франціи (стр. 68) до того времени, когда Екатерина Медичи, по смерти своего сына, Карла IX, снова захватила управленіе государствомъ въ свои руки и вмѣсто того, чтобы возстановить миръ именемъ Генриха III, призваннаго на польскій престолъ, усилила безпорядки, партіи и интриги, раздиравшіе страну; Ла-Моль и Коконà составили-было заговоръ съ цѣлью похитить больнаго короля, и въ этомъ заговорѣ принимали участіе принцъ Конде, Генрихъ Наваррскій и братъ короля, герцогъ Алансонскій. Это дало королевѣ-матери поводъ посадить въ бастилію маршаловъ де Монморанси и де Коссе, знавшихъ объ этомъ дѣлѣ. Конде убѣжалъ въ Германію, а герцогъ Алансонскій и король на-

---

*) „Qu'il ne s'entre mestroit pas en ce qui concerne le faict de la police et du gouvernement du pays". (Онъ не будетъ мѣшаться въ политику и администрацію страны).

варрскій содержались при дворѣ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Съ Ла-Молемъ, Коконá и нѣкоторыми другими, не принадлежавшими къ высшему дворянству, расправились, какъ мы уже знаемъ, очень строго. Семейство Монморанси и другіе, не одобрявшіе злодѣйствъ ни католиковъ, ни протестантовъ, образовали третью партію, которую называли партіею политиковъ, такъ какъ они имѣли въ виду исключительно политическую цѣль. Члены этой партіи назывались и просто недовольными (les malcontents). Главою этой партіи сдѣлался герцогъ Алансонскій, между тѣмъ какъ Конде и король Наваррскій все еще стояли во главѣ протестантовъ.

Положеніе короля Генриха въ Польшѣ было очень затруднительно: онъ нашелъ тамъ такія же партіи, какія оставилъ во Франціи. Ребяческіе, легкомысленные пріятели, пріѣхавшіе съ нимъ изъ Франціи, не понравились полякамъ, а образъ жизни поляковъ не нравился французамъ, привыкшимъ къ развратной жизни французскаго двора. Получивъ въ Краковѣ черезъ двѣ недѣли (что для того времени было поразительно скоро) вѣсть о смерти брата, Генрихъ не медля собрался въ дорогу. Какъ скоро это замѣтили, то собственные придворные короля стали стеречь его день и ночь, какъ узника. Для его бѣгства французскій посланникъ въ Краковѣ, де Бельльевръ, возвращавшійся во Францію, заготовилъ лошадей по всей дорогѣ до австрійской границы. Затѣмъ Генрихъ романически скрылся отъ своихъ каммергеровъ и польской стражи и благополучно убѣжалъ, отчаянно проскакавъ верхомъ почти до самой границы и уже неподалеку отъ нея сѣлъ въ плохой экипажъ. Вся эта исторія бѣгства короля, убѣжавшаго отъ одного престола, чтобы взойти на другой, въ высшей степени комична. Для преслѣдованія и поимки его было поставлено на ноги все сельское населеніе, какъ будто для ловли какого-нибудь бѣглаго арестанта; вооруженные поселяне гнались за французами изъ королевской свиты, такъ что одинъ французъ со страху попалъ въ болото и просидѣлъ въ немъ по горло въ водѣ, пока погоня не разсѣялась.

Дорогою Генрихъ не думалъ ни о чемъ, кромѣ развлеченій и удовольствій, ни мало не помышляя о несчастномъ положеніи Франціи. Сначала онъ прожилъ нѣсколько времени въ Вѣнѣ, потомъ отправился въ Венецію, которая еще и въ восемнадцатомъ столѣтіи была любимымъ мѣстопребываніемъ важныхъ особъ, потому что нигдѣ не велось такой высокой игры, не было такого разврата и не задавалось такихъ баловъ и оперъ. Изъ Венеціи Генрихъ отправился въ Туринъ, гдѣ герцогъ и герцогиня савойскіе тщетно старались отстранить отъ него вліяніе сумасбродной и легкомысленной молодежи, которая всюду сопровождала его и управляла имъ, и въ то же время предостеречь его противъ властолюбія его матери. Добродушный императоръ Максимиліанъ II, исполненный вѣротерпимости, старался въ пребываніе новаго короля Франціи въ Вѣнѣ отвлечь его отъ фанатиковъ и убѣждалъ постараться потушить войну, которая снова вспыхнула послѣ масляничнаго возстанія.

Когда, наконецъ, король Генрихъ III возвратился во Францію, католическая партія этой страны была раздѣлена на двѣ стороны; одни слѣдовали за Гизами, а другіе относились къ протестантамъ дружественнѣе. Послѣдняя, къ которой принадлежали заключенные маршалы Коссе и Монморанси, называлась, какъ мы уже знаемъ, партіею политиковъ, нейтраловъ или недовольныхъ. Партія эта разсчитывала на герцога Алансонскаго, котораго какъ и короля наваррскаго, королева-мать все еще держала подъ полицейскимъ надзоромъ. Эта партія состояла изъ католиковъ и была тѣмъ опаснѣе, что пока явно не принимала никакихъ враждебныхъ мѣръ. Очень многіе члены этой партіи были намѣстниками въ провинціяхъ или комендантами въ городахъ, содержали у себя въ помѣстьяхъ солдатъ и въ намѣстничествахъ распоряжались, какъ самостоятельные владѣтели. Поэтому отвсюду доходили слухи о нападеніяхъ на крѣпости, о мирныхъ переговорахъ и частныхъ мирныхъ трактатахъ между вождями партій. Временами иныя мѣстности успокоивались, между тѣмъ какъ въ другихъ продолжались враждебныя дѣйствія. Дѣла

пошли еще хуже, когда герцогъ Алансонскій ушелъ изъ-подъ ареста и открыто объявилъ себя защитникомъ протестантовъ.

Чѣмъ ниже падалъ въ общественномъ мнѣніи новый король, вызывая презрѣніе своимъ малодушіемъ, гнуснѣйшимъ развратомъ, ребячествами и постыдными любимцами (mignons), тѣмъ болѣе возвышалось значеніе Лотарингскихъ принцевъ. Старшій изъ нихъ, Генрихъ де Гизъ, своими блестящими качествами походилъ во многихъ отношеніяхъ на своего отца, Франциска, и своимъ рвеніемъ къ папизму представлялъ противоположность индиферентизму короля и его брата, равно какъ и протестантскимъ принцамъ Бурбонской линіи, имѣвшимъ послѣ нихъ ближайшее право на престолъ.

По прибытіи Генриха III во Францію, принцъ Конде былъ еще въ Германіи, гдѣ надѣялся получить войско и пройти во главѣ его къ Луарѣ. Между тѣмъ въ іюлѣ и августѣ 1574 протестанты созвали общій конвентъ въ Мильо въ Руергѣ. Здѣсь принцъ Конде былъ признанъ главою протестантовъ, такъ какъ Генрихъ Наваррскій все еще содержался при дворѣ; протестанты рѣшили собрать денегъ на уплату войскамъ принца. Актъ союза, заключеннаго протестантами въ Мильо, вскорѣ былъ подписанъ и вторымъ сыномъ коннетабля де Монморанси, маршаломъ герцогомъ Данвилемъ, котораго король безразсудно побудилъ пристать къ союзу протестантовъ, имѣвъ случай привлечь на свою сторону. При Карлѣ IX Данвиль удалился отъ двора, потому что Екатерина хотѣла арестовать его, какъ арестовала его брата; онъ уѣхалъ въ свое намѣстничество Лангедокъ, гдѣ былъ почти независимъ, какъ вообще всѣ почти намѣстники провинцій до Лудовика XIV. Когда Генрихъ III, возвращаясь изъ Польши, прибылъ въ Туринъ, герцогъ и герцогиня савойскіе вызвали къ себѣ маршала Данвиля, чтобы примирить его съ королемъ. Но жалкіе любимцы короля испортили все дѣло, и маршалъ уѣхалъ въ Лангедокъ, гдѣ подписалъ Мильоскій союзный актъ протестантовъ.

Съ этого времени во Франціи исчезъ, казалось, всякій порядокъ, и разные союзы вели между собой войны во всѣхъ провинціяхъ. Власть короля и судовъ упала такъ глубоко, что безъ оружія нигдѣ ничего не значила. Союзы, не обращая на короля вниманія, хотя и признавая его государемъ, назначали офицеровъ и чиновниковъ, собирали налоги, расходовали ихъ и распоряжались законами и судопроизводствомъ, военными дѣлами, торговлею, а главное всѣмъ, что̀ касалось внѣшняго строя реформатской религіи.

Едва Генрихъ III успѣлъ взойти на свой новый престолъ, какъ грязные любимцы его своими ребяческими шутками оскорбили его мелочнаго, капризнаго, какъ баба, брата, герцога Алансонскаго, который такъ же вознегодовалъ на короля, какъ и маршалъ Данвиль; взаимная ненависть братьевъ дала окружавшимъ ихъ возможность злоупотреблять ею для своихъ безчисленныхъ интригъ и козней, которыми наполнены всѣ «Записки» того времени; но разсказывать ихъ мы предоставляемъ французскимъ историкамъ. Наконецъ, Отмеръ де Фервакъ совершенно раззорилъ герцога Алансонскаго съ братомъ, выдумавъ, будто герцогъ задумалъ покушеніе на жизнь короля. Король хотѣлъ начать процессъ противъ брата, обвинивъ его въ намѣреніи убить своего государя. Хотя королева-мать, повидимому, успѣла примирить сыновей, однако, такъ какъ герцогъ Алансонскій показалъ на допросѣ, что слышалъ о какомъ-то заговорѣ, но подробностей его не зналъ, то ненависть короля къ нему и обратно еще болѣе усилилась. Когда Данвиль вступилъ въ союзъ съ протестантами, протестантскимъ депутатамъ, находившимся послѣ Ла-Рошельскаго мира заложниками при дворѣ, было не трудно подговорить пустаго принца убѣжать отъ двора.

Эти депутаты играли вообще странную роль; они ѣздили по порученію короля въ Германію уговаривать Конде отстать отъ своихъ намѣреній и въ то же время вели переговоры съ пфальцграфомъ Іоганомъ-Казиміромъ о нѣмецкихъ войскахъ, которыя должны были вступить подъ начальствомъ Конде во Францію.

Іоганнъ Казимиръ дорого продалъ себя французамъ, хотя не имѣлъ никакихъ военныхъ дарованій. Онъ выговорилъ себѣ, что помимо его никто не будетъ распоряжаться военными дѣйствіями, ни заключать миръ, и что относительно уплаты войскамъ онъ будетъ совершенно обезпеченъ. Но особенно важно было то условіе, впрочемъ, весьма патріотическое для нѣмца, по которому онъ хотѣлъ возвратить своему отечеству черезъ религіозныя междоусобія Франціи все, чего оно лишилось черезъ свои собственныя. Пфальцграфъ требовалъ, чтобы въ случаѣ примиренія враждующихъ партій во Франціи король отдалъ ему въ намѣстничество Мецъ, Туль и Верденъ. Союзники согласились на это условіе, и Конде принялъ титулъ намѣстника герцога Алансонскаго, который въ то же время тайно удалился отъ двора (15 сентября 1576). Герцогъ Алансонскій отправился сначала въ Дрё, принадлежавшій къ его удѣлу, а потомъ въ Пуату къ арміи.

Въ 1575 король поручилъ Гизамъ вести войну. Полутора-тысячный отрядъ французскихъ кирасировъ, предводимый Генрихомъ Гизомъ, герцогомъ Майеномъ, старшимъ Бирономъ, Таванемъ и его братомъ, разбилъ въ сраженіи при Дормансѣ 1,500 нѣмецкихъ рейтаровъ. Въ январѣ слѣдующаго 1576 года въ Бургундію вступили Іоганнъ Казиміръ и принцъ Конде съ 6,000 нѣмецкихъ войскъ. Но когда войска реформатовъ и католиковъ стояли уже другъ противъ друга, Екатерина Медичи хлопотала о томъ, чтобы удалить герцога Алансонскаго отъ протестантовъ. Съ этою цѣлью она освободила маршаловъ Коссе и Монморанси и просила ихъ о посредничествѣ въ мирныхъ переговорахъ, которые хотѣла начать. Это заставило всѣхъ думать, что королева и ея сынъ, Генрихъ, столько же боятся торжества ультракатоликовъ, которые имѣли собственное войско, предводимое Генрихомъ Гизомъ, сколько побѣды протестантовъ надъ католиками. Когда Генрихъ Гизъ, бывшій намѣстникомъ Шампани, разбилъ при Лангрѣ конницу, пытавшуюся, подъ начальствомъ Торе, перейти къ союзникамъ на ту сторону Луары, то, по

общему мнѣнію, дворъ нарочно не далъ ему возможности воспользоваться побѣдой, и всѣ были убѣждены, что король опасается его военной славы и популярности между католиками. Намѣреніе королевы обмануть младшаго сына и реформатовъ не удалось; она успѣла заключить только перемиріе на семь мѣсяцевъ (съ 22 ноября 1575 по 25 іюня 1576), и притомъ на условіяхъ, которыя должны были возбудить въ ультракатоликахъ сильное подозрѣніе противъ двора. Король обѣщалъ заплатить значительныя деньги не только для уплаты войскамъ пфальцграфа, но и за то, чтобы онъ не шелъ во Францію. Далѣе, онъ обѣщалъ отдать реформатамъ и политикамъ шесть крѣпостей, а именно: Ангулемъ, Ніоръ, Ла-Шарите́, Буржъ, Сомюръ и Мезьеръ и содержать на свой счетъ гарнизоны, которые поставятъ туда принцъ Конде и герцогъ Алансонскій. Кромѣ того онъ обязался выдать брату нужную сумму для содержанія гвардіи, швейцарцевъ, стрѣлковъ и жандармовъ.

Пока такимъ образомъ родственники, маршалы и чиновники принуждали Генриха III къ позорному перемирію, другіе подданные его, поляки, требовали его возвращенія, какъ бѣглеца, и когда онъ по требованію не явился, они со срамомъ отрѣшили его отъ престола и приступили къ избранію другаго короля. Нравы короля и его любимцевъ были таковы, что все жившее при дворѣ было развращено до послѣдней степени, въ томъ числѣ особенно Генрихъ Наваррскій и жена его, сестра короля. Послѣдняя была до того безстыдна, что завлекла къ себѣ въ спальню королевскаго любимца (Дюньяста), который неограниченно управлялъ Генрихомъ III, и приказала наемному убійцѣ зарѣзать его почти въ глазахъ короля. Мужъ ея утѣшался въ ея скандальномъ поведеніи безчисленными любовными похожденіями, которыя дали французамъ богатый матеріялъ для романическихъ разсказовъ.

Перемиріе не соблюдалось ни съ одной стороны. Король хотѣлъ было отдать протестантамъ Буржъ и Ангулемъ, но коменданты не послушались его приказанія. За то протестанты

получили Сенъ Жанъ д'Анжели и Коньякъ. О Мезьерѣ не могло быть и рѣчи, потому что онъ былъ слишкомъ близокъ къ опасной границѣ. Обѣ стороны наняли нѣмецкія войска — король католическія, а гугеноты и политики—протестантскія. Въ февралѣ 1576 Конде и пфальцграфъ Іоганъ-Казимиръ вступили съ войскомъ въ Шампань, прошли Бургундію, перешли Луару и Алье, соединились перваго марта съ союзными войсками въ Бурбонэ и провозгласили герцога Алансонскаго генералиссимусомъ. Наступило время и Генриху Наваррскому вернуться къ своимъ. Его друзья, д'Обиньи, Арманьякъ и Фервакъ помогли ему уйти отъ двора. Чтобы обмануть придворную полицію, ему пришлось часто ѣздить на охоту за оленями, пока, наконецъ, съ одной изъ такихъ охотъ онъ внезапно уѣхалъ въ Гіэнь, которая была его намѣстничествомъ; онъ хотѣлъ занять ее прежде, чѣмъ тамъ узнаютъ, что онъ пріѣхалъ бѣглецомъ. 23 февраля онъ достигъ Гіэни и овладѣлъ въ ней властью, потому-что еще никто не зналъ, что онъ пріѣхалъ безъ позволенія короля. Но онъ не соединился съ войсками генералиссимуса и ограничился пока отправленіемъ депутатовъ на конгресъ въ Муленъ, гдѣ протестанты и политики намѣревались уговориться на счетъ условій, которыя слѣдовало предписать королю.

Король никакъ не могъ принять этихъ условій, не доставивъ торжества честолюбію нѣкоторыхъ лицъ надъ монархическою властью. Условія эти ясно показываютъ, что и вожди реформатовъ, и такъ называемые недовольные вовсе не думали о родинѣ и религіи. Всякому хотѣлось только извлечь личную пользу изъ временныхъ затрудненій короля. Генрихъ съ своей стороны старался выиграть время обѣщаніями, а королева — удовлетворить своего слабаго сына, герцога Алансонскаго. Кромѣ своихъ удѣловъ, онъ получилъ три провинціи: Турень, Берри и Анжу со всѣми почетными правами и полною правительственною властью въ гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ, со всѣми доходами, и кромѣ того пенсію въ 100,000 талеровъ. Съ этого времени онъ сталъ титуловаться герцогомъ Анжуйскимъ. Удовлетворивъ такимъ

образомъ главнаго предводителя, дворъ разными льготами задобрилъ и остальныхъ. Принцу Конде была обѣщана Пикардія; Іоганъ-Казиміръ получилъ значительную сумму денегъ и обѣщаніе на 4 милліона.

Въ переговорахъ о пятомъ религіозномъ мирѣ, за которымъ долженъ былъ слѣдовать четвертый эдиктъ терпимости, всѣ важныя особы хлопотали только о томъ, чтобы получить побольше денегъ, почестей и провинцій. Но Жильберъ де Леви графъ де Вантадуръ стремился къ болѣе высокой цѣли и старался о болѣе прочномъ мирѣ, который былъ бы утвержденъ на конституціонныхъ началахъ, необходимыхъ для успокоенія государства. Онъ требовалъ созванія національнаго собора для разбора религіозныхъ несогласій; созванія государственныхъ чиновъ для прекращенія политическихъ смутъ, и изданія закона, по которому они собирались бы постоянно каждые два года. Онъ предлагалъ, чтобы каждому было предоставлено выбрать себѣ какое хочетъ исповѣданіе съ тѣмъ, чтобы потомъ уже не мѣнять его. Для прекращенія продажности должностей онъ совѣтовалъ, чтобы провинціи представляли королю на всякую высшую должность трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ долженъ былъ выбирать. Наконецъ, по его проекту четвертая часть доходовъ съ церковныхъ имуществъ во всѣхъ провинціяхъ должна была идти на содержаніе школъ и больницъ. Разумѣется, все это осталось проектомъ, и мы упоминаемъ о немъ только для того, чтобы показать, что и тогда очень хорошо понимали, какъ пособить жалкому положенію народа, но что тѣ, которымъ зло приносило пользу, не хотѣли исполнять этого.

14 мая 1676 Генрихъ III самъ представилъ парламенту на утвержденіе четвертый религіозный эдиктъ. Король и мать его и не думали придавать ему серьезнаго значенія и соблюдать дарованную эдиктомъ терпимость. Тѣмъ не менѣе онъ возбудилъ фанатизмъ іезуитовъ и всѣхъ ярыхъ враговъ протестантизма и вызвалъ такое негодованіе предоставленіемъ принцу Конде намѣстничества Пикардіи, что съ этой минуты

изъ незначительной католической партіи образовался страшный союзъ, поддерживаемый Испаніей. Изъ 63 пунктовъ эдикта мы приведемъ только нѣкоторые. Имъ даровалась полная свобода богослуженія безъ всякихъ ограниченій мѣстомъ и временемъ. Протестантовъ разрѣшено было допускать ко всѣмъ должностямъ. Въ каждомъ парламентѣ должна была быть палата изъ протестантскихъ и католическихъ членовъ поровну (chambre mi-partie). Всѣ приговоры, произнесенные противъ протестантскихъ вельможъ, отмѣнялись. Въ залогъ мира королю наваррскому, герцогу Анжуйскому, принцу Конде и маршалу Данвилю было дано восемь крѣпостей для протестантовъ. Разумѣется, обѣ стороны не считали этого мира прочнымъ, и условія эдикта никѣмъ и нигдѣ не выполнились; не смотря на это, короля съ негодованіемъ обвинили за дарованіе ихъ.

Значеніе, потерянное королемъ, перешло къ Гизамъ, и въ основаніи образовавшейся въ это время и быстро распространенной духовными братствами Лиги безспорно лежала мысль возвести на престолъ герцога Генриха де-Гиза. Генриха III не столько ненавидѣли, сколько презирали и не хотѣли знать; братъ его, герцогъ Алансонскій, объявилъ себя защитникомъ протестантовъ; Генрихъ Наваррскій и принцъ Конде, имѣвшіе послѣ нихъ ближайшія права на престолъ, были сами протестанты. Поэтому всѣ желавшіе сохраненія господства католической церкви безпокоились о будущности страны и тѣснѣе сближались между собою. Самъ Генрихъ III давно покровительствовалъ католическимъ союзамъ и братствамъ въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ; вслѣдствіе ихъ многочисленности, лига, которая образовалась въ это время, сдѣлалась потомъ такъ же могущественна, какъ революція 1791, благодаря клубамъ. Духовныя братства пріобрѣли значеніе и при дворѣ, вслѣдствіе распространившейся тогда моды на ханжество, церковныя комедіи, процессіи и покаянія; всѣ эти религіозныя церемоніи своею пышностью привлекали толпы любопытныхъ, пріучая такимъ образомъ народъ къ праздности.

Итакъ, на защиту древней религіи, которую король былъ не въ состояніи защитить, образовалась такъ называемая Священная Лига. Мы скажемъ о ней подробнѣе, потому что ея основная мысль въ наше время не совсѣмъ понятна. Охраненіе католицизма было предлогомъ къ смѣлому заговору, которымъ ловко воспользовались Испанія, папа, монахи и парламенты, чтобы возстановить противъ короля всѣхъ католиковъ. Герцогъ де Гизъ хотя по личному характеру не имѣлъ ничего общаго съ Филиппомъ Эгалите, игралъ, однако, относительно Генриха III такую же роль, какъ герцогъ Орлеанскій въ революціи 1789. Настоящею цѣлью лиги было отстранить законнаго наслѣдника престола; но прежде всего нельзя было допустить, чтобы двоюродный братъ его, Конде, былъ намѣстникомъ Пикардіи и владѣлъ крѣпостью Пероныо. Впрочемъ, совершенно несправедливо утверждать, будто еще послѣ битвы при Дрё, кардиналъ лотарингскій составилъ въ Тридентѣ планъ лиги, чтобы, воспользовавшись своимъ вліяніемъ на католиковъ и образовавъ во всѣхъ городахъ цѣпь католическихъ клубовъ, посредствомъ нхъ возвести свой родъ на престолъ. Въ то время объ этомъ еще никто не думалъ.

Возникновеніе лиги, глава которой, герцогъ де Гизъ, сдѣлался впослѣдствіи столь могущественнымъ, приписываютъ обыкновенно личнымъ отношеніямъ губернатора Пероны, Мондидье, и Ла-Руа-Юмьера къ принцу Конде и семейству Монморанси. Юмьеръ ненавидѣлъ Конде, и ему очень не хотѣлось, чтобы принцу, по условіямъ послѣдняго мира, досталась Пикардія. Онъ воспользовался множествомъ проектовъ, составлявшихся для защиты религіи и образовалъ союзъ. Актъ былъ облеченъ въ законную форму и, какъ настоящій трактатъ, начинался формулой: «Во имя Святой Троицы». Юмьеръ собралъ къ нему подписи многихъ дворянъ, глубоко преданныхъ ему и католической религіи. Апленкуръ взялся развозить этотъ документъ и собирать всюду подписи. Текстъ этого акта можно найти у Де-Ту и у Да-

виля *). Мы упомянемъ только, что уже здѣсь было обѣщано безграничное повиновеніе непоименованному, правда, главѣ союза, учрежденнаго для истребленія протестантства.

Король узналъ объ этомъ тайномъ обществѣ довольно поздно, когда къ нему успѣло уже присоединиться множество дворянъ, духовенства, гражданъ, юристовъ, городовъ и цѣлыхъ провинцій. Время было выбрано очень удачно; собраніе чиновъ было созвано на декабрь въ Блуа, и можно было опасаться, что тамъ будутъ сдѣланы протестантамъ выгодныя предложенія. Когда 6 декабря собраніе открылось, братства начали уже вербовать для лиги людей во всѣхъ шестнадцати кварталахъ Парижа. Вскорѣ къ союзу пристали города Пуату и Турень, и какъ только собраніе чиновъ съѣхалось, лигисты начали противъ короля такія выходки, что можно было подумать, что герцогъ де Гизъ подъ предлогомъ религіозныхъ цѣлей прокладываетъ себѣ путь къ престолу. Сначала король старался отклонить заявленныя ему требованія, но, видя, что это не удается, былъ до того слабъ, что рѣшился офиціально признать заключенную противъ него лигу и даже провозгласить себя ея главою. Этимъ поступкомъ онъ лишилъ себя всякаго значенія, потому что всѣ приписали его трусости; чины отказали королю въ субсидіяхъ, которыхъ онъ требовалъ, и не согласились даже на отчужденіе коронныхъ имуществъ, но настаивали на уничтоженіи протестантства. Впрочемъ, этотъ неожиданный поступокъ короля, который, вопреки всякому смыслу, сдѣлался главою партіи въ собственномъ государствѣ, сначала смутилъ Гизовъ и ихъ приверженцевъ. Они думали, что имъ болѣе ничего не остается, какъ, собравшись въ большемъ числѣ и пользуясь отсутствіемъ въ собраніи протестантовъ, потребовать, чтобы гугенотамъ предложили на выборъ или отказаться отъ своей религіи, или готовиться къ войнѣ.

---

*) Въ „Mémoires de Nevers“ I, 627 (изд. „Collection universelle des Mémoires“ и въ „Mémoires de Victor Palma Cayet ou Chronique Novennaire“, v. 55, p. 34, помѣщены и самый актъ, и его объясненіе.

Слабый король приказалъ возвѣстить протестантамъ это условіе. Послѣдніе еще стояли въ полѣ и, не смотря на миръ, брали и занимали своими войсками много городовъ и укрѣпленій въ Гіэни, Пуату и сосѣднихъ провинціяхъ. Маршалъ Данвиль, командовавшій въ Лангедокѣ войсками политиковъ, также не прекращалъ военныхъ дѣйствій. Рѣшеніе чиновъ не произвело никакого впечатлѣнія на протестантскихъ предводителей, такъ какъ всѣ они давно объявили, что блуаское собраніе не чины, а сборище ихъ враговъ. Данвиль и Конде сурово отвѣтили посланнымъ: «Мы хотимъ мира; если сдержатъ данное намъ слово, то все будетъ спокойно. Впрочемъ, мы не признаемъ чинами ваше собраніе и протестуемъ противъ всѣхъ рѣшеній, которыя будутъ приняты противъ насъ». Король наваррскій отвѣчалъ мягче и даже выразилъ готовность перемѣнить вѣру. «Скажите собранію», сказалъ онъ, «что я всегда просилъ и прошу Господа отъ глубины души направить меня къ познанію истины. Я молю Его, если иду по истинному пути, удержать меня на немъ; если же по ложному, то раскрыть мнѣ глаза, и, не смотря ни на кого, я готовъ не только отречься отъ заблужденія, но пожертвовать всѣмъ имуществомъ и жизнію, чтобы изгнать ересь не только изъ государства, но, если возможно, со всего свѣта». Выслушавъ эти отвѣты, чины потребовали, чтобы король началъ войну; онъ объявилъ имъ, что для этого они должны дать ему значительныя суммы; тогда они возобновили переговоры, хотя въ то же время было снаряжено войско подъ начальствомъ герцога Анжуйскаго и кромѣ того другое. Назначеніемъ герцога Анжуйскаго въ подобную минуту вполнѣ обрисовывается характеръ того времени. Онъ не сдѣлалъ ничего, что, конечно, слѣдовало предвидѣть, но за то истратилъ очень много денегъ. Его измѣна очень повредила протестантамъ, потому что вслѣдъ за принцемъ ихъ покинулъ и другой предводитель ихъ, маршалъ герцогъ Данвиль. Маршалъ, человѣкъ военный, уже давно былъ недоволенъ, что ему приходится подчиняться рѣшеніямъ бурныхъ собраній и нахо-

диться въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ чѣмъ-то въ родѣ демократическо-іерархической республики, какую представляла протестантская партія; такимъ образомъ его, какъ и всякаго вождя партіи того времени, было легко переманить разными выгодами. Онъ объявилъ, что предпочитаетъ повиноваться одному королю, чѣмъ толпѣ буяновъ. Однако, не смотря на измѣну герцога Анжуйскаго и маршала Данвиля, Генрихъ Наваррскій былъ непоколебимъ; Бирону и Вильруа, посланнымъ къ нему, пришлось нѣсколько разъ возвращаться прежде, чѣмъ его уговорили уступить нѣкоторыя выгоды, полученныя протестантами при послѣднемъ мирѣ. Результатомъ переговоровъ былъ новый, изданный въ сентябрѣ 1577, Пуатьерскій мирный эдиктъ, дополненный тайными статьями, утвержденными королемъ наваррскимъ въ Бержеракѣ въ Перигорѣ.

Эдиктъ этотъ заключалъ въ себѣ 64 статьи, а тайный договоръ 48, и король распоряжался въ немъ, какъ будто пользовался въ государствѣ полною властью. Такъ какъ изъ всего этого очень немногое было выполнено, то мы упомянемъ лишь о томъ, что снова возбудило подозрѣніе и злобу католиковъ противъ короля, подняло вопли фанатиковъ и усилило Гизовъ. Реформатской церкви предоставлялась свобода богослуженія, не смотря на то, что римско-католическая религія объявлялась господствующей. Король дозволялъ всѣмъ приверженцамъ новаго ученія снова вступить во всѣ ихъ гражданскія права и такимъ образомъ занимать, стало-быть, и мѣста даже въ парламентѣ. Онъ призналъ, что протестанты не были неправы, взявшись за оружіе, и что все сдѣланное ими имѣло цѣлью пользу государства. Онъ даровалъ имъ особый судъ, за исключеніемъ парламентовъ: парижскаго, дижонскаго, руанскаго и бретанскаго, гдѣ смѣшанныхъ палатъ (chambres mi-parties) не полагалось. Кромѣ того, реформатамъ отдавалось девять городовъ, но только на четыре года и съ условіемъ выплачивать десятину, возвратить церковныя имущества, которыми они завладѣли, почитать католическіе праздники воздержаніемъ отъ

работъ и ни въ какомъ случаѣ не подавать католикамъ поводовъ къ соблазнамъ. Реформатамъ было запрещено вести переговоры и вообще имѣть тайныя сношенія съ иностранцами. Этою статьею король хотѣлъ воспользоваться, чтобы прекратить и сношенія папистовъ съ Испаніей и особенно положить конецъ лигѣ *).

4. Англія при Эдуардѣ VI.

Мы не имѣемъ намѣренія подробно разсказывать классическій періодъ исторіи англійскаго народа, промышленость, торговля, морская сила и литература котораго приняли въ это время такое неслыханное развитіе; для этого нужно спеціальное сочиненіе. Мы хотимъ только вкратцѣ обозрѣть исторію Англіи въ связи съ исторіей остальной Европы.

Въ 1547 умеръ король Генрихъ VIII, оставивъ наслѣдникомъ девятилѣтняго сына Эдуарда VI. Тогда немедленно началась лютеранская реакція противъ католиковъ, которая до этой минуты задерживалась Генрихомъ, такъ какъ онъ преслѣдовалъ лютеранство и покровительствовалъ католикамъ. Прежде всего это выразилось въ измѣненіи завѣщанія короля относительно регентства. Генрихъ опредѣлилъ совершеннолѣтіемъ своему сыну восемнадцатый годъ и назначилъ шестнадцать человѣкъ своими

---

*) Въ 56-мъ параграфѣ говорится: „Seront toutes ligues et associations et confrairies faites et à faire, sous quelques prétexte que ce soit, au préjudice de notre présent édit cassées et annullées, comme nous les cassons et annullons défendant expressement à tous nos sujets de faire dorénavant aucunes cotisations ou levées de deniers, fortifications, enrolements d'hommes, congregations et assemblées, sous peine d'être punis rigoureusement comme contempteurs et infracteurs de nos ordonnances". (Всякія лиги, общества и братства существующія и будущія, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, въ противорѣчіи съ настоящимъ эдиктомъ, уничтожаются и отмѣняются, съ запрещеніемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ дѣлать отнынѣ складчины, денежные сборы, укрѣпленія, наборы, устроивать сборища и сходки—подъ страхомъ строгаго наказанія, какъ нарушителей нашихъ указовъ).

душеприкащиками, ввѣривъ имъ на время несовершеннолѣтія Эдуарда управленіе государствомъ; они могли править или всѣ вмѣстѣ, или поочередно. Кромѣ того, въ завѣщаніи было поименовано еще нѣсколько лицъ, которыхъ въ случаѣ нужды можно было призывать въ совѣтъ. Изъ шестнадцати регентовъ главными были: Эдуардъ Сеймуръ, братъ матери Эдуарда VI, котораго Генрихъ возводилъ отъ одной почести къ другой и, наконецъ, сдѣлалъ графомъ Гертфордомъ, и Томасъ Кранмеръ, архіепископъ кентерберійскій; они отличались излишнимъ рвеніемъ къ протестантству и желали, какъ можно скорѣе, произвести церковную реформу; противъ нихъ былъ канцлеръ Райотесли, ревностный католикъ. Онъ былъ сдѣланъ графомъ Соутемптономъ, а Эдуардъ Сеймуръ получилъ титулъ герцога Сомерсета. Канцлеръ возсталъ противъ предложенія назначить герцога протекторомъ государства, но оппозиція его была безуспѣшна. Такъ какъ отъ него, какъ отъ ревностнаго католика, можно было ожидать противодѣйствія затѣваемой Кранмеромъ и Эдуардомъ Сеймуромъ реформѣ, то было положено исключить его изъ среды шестнадцати правителей. Враги его воспользовались небольшою ошибкою въ формальностяхъ, которую Соутемптонъ сдѣлалъ по своей должности и заставили судей постановить рѣшеніе, по которому можно было удалить канцлера отъ должности. Протекторъ возбудилъ этимъ противъ себя неудовольствіе. Онъ завѣдовалъ политическими дѣлами, а Кранмеръ духовными. Знать съ завистью видѣла возвышеніе всего рода Сеймуровъ. Эдуардъ уже былъ герцогомъ и взялъ себѣ вакантныя послѣ осужденія герцога Норфока (т. XII, стр. 161) коронныя должности великаго казначея и великаго маршала; братъ его, Томасъ, былъ сдѣланъ великимъ адмираломъ. Все это совершилось въ февралѣ, еще до торжественныхъ похоронъ короля. Даже Томасъ былъ недоволенъ братомъ протекторомъ, находя, что онъ слишкомъ возвысился надъ нимъ. Тотчасъ послѣ коронаціи ребенка-короля, дядя его, Сомерсетъ, выдалъ самъ себѣ формальный патентъ на регентство и съ этого времени сталъ обращаться съ своими со-

правителями, какъ съ подчиненными совѣтниками. Вслѣдъ за тѣмъ онъ предпринялъ походъ въ Шотландію, о которомъ намъ необходимо упомянуть, потому что впослѣдствіи вся политика Англіи до самой смерти королевы Елисаветы была направлена почти исключительно на Шотландію и на ея несчастную королеву. Чтобы лучше выяснить эту связь, намъ необходимо еще разъ вернуться назадъ къ разсказанному выше (т. XII, стр. 160 и 234 и сл.).

Генрихъ VIII былъ въ постоянной враждѣ съ своимъ племянникомъ, шотландскимъ королемъ Іаковомъ V, женатымъ сперва на французской принцессѣ, а потомъ на сестрѣ Франциска де Гиза; причиною вражды было то, что шотландцы съ давнихъ поръ склонялись къ союзу съ Франціей, предпочитая его союзу съ Англіей. Послѣ блистательной побѣды Генриха надъ шотландцами и по смерти Іакова V, англійскій король сталъ стремиться присоединить Шотландію къ Англіи мирнымъ путемъ. Онъ предлагалъ выгодныя мирныя условія съ тѣмъ, чтобы дочь Іакова V, рожденная черезъ семь дней по смерти отца, была обручена съ пятилѣтнимъ сыномъ его, Эдуардомъ и отдана въ Англію на воспитаніе. Этому воспротивились вдовствующая королева и двое людей, изъ которыхъ одинъ стоялъ во главѣ католической, а другой во главѣ протестантской партіи Шотландіи. То были кардиналъ де Бетюнъ, данный вдовствующей королевѣ въ помощники ея братьями, герцогомъ Францискомъ де Гизомъ и кардиналомъ Лотарингскимъ и присвоившій себѣ всю правительственную власть, и Джемсъ Гамильтонъ графъ Арранъ, имѣвшій ближайшія права на престолъ, если бы королева Марія умерла бездѣтною. Арранъ былъ человѣкъ слабый и самъ не достигъ бы ничего; но когда въ Шотландію вернулись послѣ пятнадцатилѣтняго изгнанія Арчибалдъ Дугласъ графъ Ангусъ и братъ его, Вильямъ Дугласъ, то по ихъ старанію парламентъ ввѣрилъ Аррану правительственную власть. Сдѣлавшись регентомъ, онъ уступилъ желанію Генриха VIII и заключилъ договоръ о бракѣ Маріи съ Эдуардомъ. Кардиналъ де Бетюнъ, стоявшій во главѣ

французско-католической партіи, довольно сильной, чтобы воспрепятствовать этому браку, возсталъ противъ него; договоръ не былъ утвержденъ, и принцессу не отдали Англіи. Это вызвало новое опустошительное вторженіе англичанъ въ Шотландію.

Вдовствующая королева, Бетюнъ и католическая партія были не въ состояніи бороться въ одно и то же время и съ англичанами, и съ регентомъ; поэтому они вызвали человѣка, котораго намѣревались противопоставить соперникомъ Аррану. То былъ Матѳій Стюартъ, графъ Ленноксъ, давно проживавшій во Франціи, смертельный врагъ Гамильтоновъ, убійцъ его отца. Графъ Ленноксъ обезпечилъ себѣ содѣйствіе французскаго короля, прибылъ въ Шотландію и черезъ свою партію добился, что молодую королеву вмѣсто того, чтобы отдавать англичанамъ, перевезли въ укрѣпленный замокъ Стирлингъ. Своимъ преобладающимъ значеніемъ между протестантами, Ленноксъ лишилъ регента главной его опоры, такъ что Арранъ рѣшился отреченіемъ отъ своей религіи купить поддержку кардинала Бетюна и королевы матери. 8 августа 1543 Арранъ отрекся въ Стирлингѣ отъ протестантства, вслѣдствіе чего Бетюнъ и король французскій отшатнулись отъ графа Леннокса, ненавистнаго имъ за протестантизмъ, и лишили его возможности держаться въ южной Шотландіи. Ленноксъ отправился въ сѣверную Шотландію, гдѣ ему были совершенно преданы комендантъ важной крѣпости Домбартона и многія вліятельныя лица.

Такимъ образомъ католическая партія и кардиналъ де-Бетюнъ снова совершенно овладѣли правленіемъ, когда въ 1544 г. король Генрихъ VIII послалъ въ Шотландію армію, подъ начальствомъ графа Гертфорда и великаго адмирала Джона Додли, чтобы принудить Шотландію возобновить брачный договоръ. Англійскія войска совершали страшныя злодѣянія и опустошенія. Они совершенно раззорили города Эдинбургъ и Лейтъ, но не успѣли взять Эдинбургскую цитадель и такъ быстро покинули Шотландію, что уже 18 мая 1544 снова расположились лаге-

ремъ въ Англіи при Бервикѣ. Отсюда открылись — было переговоры съ графомъ Леннoксомъ, который надѣялся убѣдить коменданта Домбартонской крѣпости передать ее той партіи, къ какой онъ пристанетъ. Соединясь съ графомъ Гленкарномъ, Леннoксъ предложилъ королю англійскому поддержать его своимъ вліяніемъ на протестантовъ, и король заключилъ въ Карлейлѣ формальный договоръ съ врагами регента Шотландіи. Изъ шести обѣщаній, данныхъ въ этомъ договорѣ графу Леннoксу, мы упомянемъ лишь объ одномъ, такъ какъ изъ всего этого ничего не вышло; король, между прочимъ, обѣщалъ ему регентство съ условіемъ, чтобы Леннoксъ ничего не предпринималъ противъ воли Генриха VIII. Партія графа Леннoкса обѣщала заботиться о повсемѣстной проповѣди чистаго слова Божія; всѣми силами препятствовать, чтобы противники не увезли молодую королеву во Францію, и стараться, чтобы ее ввѣрили англійскому королю; всѣми силами поддерживать послѣдняго, хлопотать о предоставленіи ему управленія Шотландіей съ титуломъ протектора; дать Генриху въ заложники двухъ епископовъ и, наконецъ, впустить въ Домбартонъ англійскій гарнизонъ. Но Леннoксъ не могъ выполнить послѣдняго условія, потому что ошибся въ разсчетѣ на коменданта. Вслѣдствіе этого война немедленно возобновилась, но не привела ни къ какимъ результатамъ, потому что, какъ мы говорили (т. XII, стр. 235), Генрихъ VIII, увлеченный Карломъ V въ войну съ Франціей, ослабилъ свое войско, назначенное противъ Шотландіи. На помощь шотландцамъ французскій король прислалъ графа Монгомери съ значительнымъ французскимъ корпусомъ. До конца 1545 война велась на старый ладъ, т. е. по способу казаковъ и турокъ. Шотландцы были при этомъ въ двойномъ выигрышѣ; во-первыхъ, королева ихъ не досталась англійскому тирану; во-вторыхъ, французскій король, заключая въ слѣдующемъ 1546 году миръ съ Генрихомъ, могъ включить въ него и Шотландію. Король англійскій долго не соглашался на это, и дѣло устроилось только потому, что обоимъ королямъ война одинаково надоѣла. Генриху были обѣщаны

денежныя суммы, но не выплачены. По заключеніи мира съ Франціей Генрихъ продолжалъ еще нѣкоторое время войну съ Шотландіей, но, наконецъ, отозвалъ свои войска, ничего не добившись.

По заключеніи мира Джонъ Ноксъ, Кальвинъ Шотландіи, возбудилъ народъ къ дикому фанатическому рвенію въ пользу своей демократической церковной реформы; кардиналъ де Бетюнъ, съ своей стороны, жестоко преслѣдовалъ протестантовъ, проповѣдуя, что для славы Божіей дозволены всякія средства. Бетюнъ жегъ людей, а Ноксъ взывалъ къ мести, и кончилось это тѣмъ, что послѣдователи Нокса убили кардинала въ его собственномъ домѣ. Совершивъ это убійство, фанатическая реформатская партія обратилась къ англійскому протектору Сомерсету и призвала его въ Шотландію. Въ мартѣ 1547 предводители этой партіи, преслѣдуемые за убійство Бетюна, заключили два договора съ Сомерсетомъ. Въ первомъ они обѣщали всячески стараться устроить бракъ своей молодой королевы съ Эдуардомъ, а укрѣпленный за́мокъ, которымъ они овладѣли по умерщвленіи Бетюна, не передавать правительству, пока не получатъ на то письменнаго приказанія отъ Эдуарда или Сомерсета. Вторымъ договоромъ они обязывались оказать сильное содѣйствіе англійскому войску, когда оно вступитъ въ Шотландію, и передать помянутый за́мокъ англійскимъ коммиссарамъ. Но правительство узнало объ этихъ замыслахъ прежде, чѣмъ Сомерсетъ успѣлъ приготовиться къ войнѣ, и, когда, наконецъ, въ августѣ онъ выступилъ въ походъ, то нашелъ въ Шотландіи все населеніе призваннымъ къ сопротивленію. Это ополченіе было, правда, вскорѣ распущено; но тѣмъ не менѣе шотландское войско было гораздо многочисленнѣе англійскаго. Не смотря на это, въ сраженіи при Пинкенклейгѣ или Муссельбургѣ, 10 сентября 1547, шотландцы потерпѣли такое пораженіе, что ужасъ распространился по всей странѣ, хотя трудно повѣрить, будто они лишились 14,000 или, какъ говорятъ другіе, 8,000 убитыми и 1,500 плѣнными. Несомнѣнно, что если бы Сомерсетъ немедленно

послѣ побѣды двинулся на Стирлингъ, королева была бы отдана въ невѣсты королю Эдуарду; но Сомерсетъ не сдѣлалъ этого и, не смотря на свою побѣду, черезъ двѣ недѣли пошелъ назадъ, тогда какъ шотландцы и не думали о сопротивленіи. Скоро обнаружилось, что́ побудило его къ возвращенію.

Родной братъ протектора, великій адмиралъ Томасъ Сеймуръ, составилъ въ его отсутствіе безумный планъ захватить какимъ нибудь способомъ въ свои руки управленіе и черезъ племянника своего, ребенка короля, дѣтскою привязанностью котораго онъ пользовался, удалить протектора. Черезъ нѣсколько дней по смерти короля Генриха, Сеймуръ женился на его вдовѣ, Екатеринѣ Парръ; но теперь вознамѣрился развестись съ нею, чтобы жениться на сестрѣ короля, Елисаветѣ. Поэтому, протектору слѣдовало спѣшить предупредить планы своего брата. Когда братъ заговорилъ о заключеніи его въ Тоуэръ, Сеймуръ струсилъ, и дѣло казалось конченнымъ. Въ слѣдующемъ 1548 году умерла жена его, и онъ снова началъ задумывать женитьбу на сестрѣ короля; поступки его были весьма сомнительны, и его выдалъ одинъ монетчикъ, котораго онъ подкупилъ чеканить для него монету, когда заговоръ его удастся. Сеймуръ уже привлекъ на свою сторону многихъ и хотѣлъ при помощи своихъ приверженцевъ дѣйствовать силою. Но въ это время его обвинили въ государственной измѣнѣ, посадили 16 или 19 января 1549 въ Тоуэръ и нѣсколько разъ призывали къ допросу въ совѣтъ регентства и въ особую коммисію. Генрихъ VIII такъ пріучилъ народъ къ произволу и казнямъ безъ суда, что и въ этомъ важномъ процессѣ поступали совершенно произвольно; было рѣшено осудить великаго адмирала не судомъ, а особымъ закономъ (bill of attainder). Это возмутило въ немъ чувство справедливости, и онъ выказалъ въ своемъ процессѣ твердость, дѣлающую ему честь. Ему пришлось оправдываться по тридцатитремъ пунктамъ передъ присланной къ нему въ Тоуэръ коммисіей; но онъ доказывалъ, что его должны гласно допрашивать перы. Когда обѣ палаты парламента послали къ нему дру-

гую коммиссію отъ себя, онъ продолжалъ стоять на своемъ, не хотѣлъ отвѣчать и требовалъ очной ставки съ обвинителями. Онъ отказался давать и письменныя показанія и, когда, наконецъ, удалось убѣдить его взяться за перо, отвѣтилъ только на три пункта и затѣмъ бросилъ перо.

Въ этомъ процессѣ нижняя палата выказала больше нежеланія осуждать безъ суда, чѣмъ верхняя. Нижняя палата только въ половинѣ царствованія Елисаветы начала выходить изъ того унизительнаго и ничтожнаго положенія, въ которое ее поставилъ терроризмъ Генриха VIII. Когда верхняя палата, трижды прочтя обвинительный законъ (the bill of attainder), передала его въ нижнюю палату, послѣдняя согласилась на вторичное чтеніе закона, но, не смотря на настоянія верхней палаты, требовала, чтобы великаго адмирала выслушали прежде, чѣмъ осуждать. Сомерсетъ не хотѣлъ этого; онъ объявилъ парламенту отъ имени молодаго короля, что адмирала не нужно призывать къ отвѣту въ палату. Тогда всякія возраженія замолкли; 5 марта билль былъ принятъ, а 20 марта осужденнаго казнили. Братъ его въ продолженіе всего процесса игралъ очень странную роль. Онъ постоянно присутствовалъ при всѣхъ преніяхъ въ верхней палатѣ, но потомъ не хотѣлъ одинъ подписывать смертнаго приговора, требуя, чтобы съ нимъ подписались всѣ члены совѣта регентства. Лингардъ увѣряетъ, что въ числѣ тридцати трехъ пунктовъ не было ни одного важнаго, такъ какъ адмиралъ ничего не затѣвалъ явно противъ короля, а дѣйствовалъ только противъ своего брата. Онъ порицаетъ также Кранмера и Сомерсета за то, что они подписали смертный приговоръ: со стороны герцога это было неприлично и неполитично, а со стороны Кранмера совершенно непозволительно, потому что духовному лицу нельзя марать рукъ кровавыми приговорами.

Настоящимъ виновникомъ всей этой интриги противъ адмирала былъ злобный Додли графъ Варвикъ. Онъ надѣялся погубить протектора, поссоривъ его съ братомъ, который былъ гораздо

энергичнѣе его. Лишивъ протектора помощи брата и возбудивъ противъ него всеобщее неудовольствіе, Варвикъ сталъ открыто дѣйствовать противъ него. Протекторомъ всѣ были недовольны. Совѣтъ регентства и знать были оскорблены его гордостью и высокомѣріемъ. Католики ненавидѣли его и Кранмера за излишнее рвеніе ихъ къ реформаціи. Кромѣ того, эта партія негодовала на Сомерсета за то, что онъ внушалъ молодому королю фанатическую ярость противъ папистовъ; и дѣйствительно, нельзя не подивиться, что такой молодой мальчикъ, какъ король, могъ принимать столь живое участіе въ религіозныхъ несогласіяхъ. Наконецъ, народъ былъ до того недоволенъ, что возсталъ почти во всѣхъ графствахъ. Во Франціи война шла очень неудачно, такъ что пришлось уступить Булонь. Безпокойства въ странѣ произошли большею частію отъ слишкомъ торопливыхъ реформъ Кранмера и Сомерсета въ литургіи, потому что народъ вообще всегда видитъ и любитъ въ религіи только внѣшность; но Варвикъ возстановилъ противъ Сомерсета и дворянство, приписавъ возстанія проискамъ протектора, который будто бы хочетъ поднять изъ своихъ видовъ народъ противъ дворянства. Вскорѣ для намѣреній Варвика представился благопріятный случай и далъ ему возможность пріобрѣсти партію, отвлечь дворянство отъ Сомерсета и свергнуть протектора. Сомерсетъ хотѣлъ сперва самъ идти во главѣ войска противъ мятежниковъ графства Норфокскаго, но потомъ раздумалъ и передалъ начальство графу Варвику, который, усмиривъ возстаніе, расположилъ этимъ къ себѣ все дворянство. Даже большинство членовъ совѣта регентства такъ увѣрилось въ демократическихъ замыслахъ протектора и въ связяхъ его съ бунтовщиками, что въ сентябрѣ 1549 многіе изъ нихъ соединились съ Варвикомъ, и регентство открыто распалось на двѣ враждебныя партіи. Сомерсетъ, архіепископъ кентерберійскій и сэръ Вильямъ Паджетъ держали 6 октября совѣтъ съ королемъ въ Гамптонкортѣ, а остальные члены регентства съ Варвикомъ и толпою вооруженнаго народа на Эли-Плесѣ. Первые издали манифестъ, призывая страну

возстать на защиту короля, а вторые распространяли прокламаціи, полныя злобныхъ, бездоказательныхъ обвиненій противъ протектора. Наконецъ, протекторъ бѣжалъ въ Виндзоръ, куда 12 октября за нимъ послѣдовалъ весь совѣтъ. Если бы онъ не былъ такъ слабъ, не пришелъ бы въ отчаяніе и не отступился бы самъ отъ себя, аристократія, руководившая всемъ этимъ движеніемъ, не посмѣла бы зайти такъ далеко, потому что то, за чтó такъ его ненавидѣло дворянство, привлекало къ нему крестьянъ. Онъ сильно заступался за бѣдныхъ, которыхъ очень обижали богатые общинными лугами и обращеніемъ общинной земли въ частную собственность (enclosures). Но въ рѣшительную минуту онъ растерялся; друзья же его, Кранмеръ и Паджетъ, были неспособны дать въ этомъ дѣлѣ благоразумнаго совѣта. Онъ вызывалъ дворянство прокламаціей въ Виндзоръ, но на зовъ никто не явился. Тогда онъ рѣшился подчиниться всѣмъ требованіямъ своихъ враговъ, къ числу которыхъ принадлежали всѣ члены совѣта регентства. Они пріѣхали въ Виндзоръ и на другой день 13 октября силою отняли короля отъ Сомерсета, арестовали протектора, составили противъ него обвинительный актъ въ 29 пунктахъ и отправили подъ сильнымъ конвоемъ въ Тоуэръ; казалось, они намѣрены были поступить съ нимъ, какъ онъ поступилъ съ своимъ братомъ. Однако, чтобы погубить его окончательно, имъ пришлось долго ждать и хитрить.

Всей этой интригой противъ Сомерсета руководилъ графъ Варвикъ. Будучи совершенно равнодушенъ къ реформаціи, которой король былъ такъ преданъ, Варвикъ счелъ нужнымъ сообразжаться съ желаніями дитяти Эдуарда и народа и потому не хотѣлъ доводить врага своего до крайности, удовольствовавшись его униженіемъ. Сомерсетъ былъ до того малодушенъ, что согласился прочитать въ совѣтѣ, стоя на колѣняхъ, унизительное сознаніе въ лихоимствахъ, нерадивости и неспособности, признать справедливыми составленные противъ него обвинительные пункты и просить пощады. Тогда былъ созванъ парламентъ, который отнесся къ экс-протектору довольно благосклонно,

что́ дало Сомерсѐту поводъ протестовать противъ наложенныхъ на него пеней и конфискаціи имѣнія; за это онъ получилъ отъ совѣта такой нагоняй, что былъ принужденъ согласиться на худшее еще униженіе, чѣмъ прежде. Впрочемъ, у него было столько друзей, что уже въ февралѣ 1550 была собрана на уплату его пени значительная сумма, послѣ чего его выпустили изъ заключенія и возвратили все имѣніе.

Во время этихъ внутреннихъ раздоровъ при Сомерсетѣ и Варвикѣ Англія совершенно утратила свой перевѣсъ въ войнѣ съ Франціей и Шотландіей. Война съ Шотландіей все еще продолжалась будто бы изъ-за брака между королевой Маріей и Эдуардомъ Англійскимъ; но уже въ 1548 Марію съ согласія шотландцевъ увезли во Францію, гдѣ она стала вести впослѣдствіи такой образъ жизни и пріобрѣла такія качества, за которыя сдѣлалась потомъ ненавистна строгимъ кальвинистамъ Шотландіи, но за то очень полюбилась французамъ (т. XII, стр. 297). Шотландцы уже въ 1548 году стали раскаиваться, что обратились за помощью къ французамъ; командиры вспомогательныхъ французскихъ войскъ держали себя въ Шотландіи очень высокомѣрно и даже хотѣли навязать шотландцамъ въ канцлеры честолюбиваго епископа валансскаго, который ѣздилъ въ то время въ Константинополь, а потомъ устроивалъ избраніе Генриха III въ короли польскіе (стр. 66). Внутреннія смуты, возбужденныя въ Англіи церковною реформою и потребовавшія вооруженной силы для усмиренія ихъ, препятствовали Сомерсету обратить вниманіе на войну съ Франціей и Шотландіей; Варвикъ, свергнувшій его, также не могъ ничего сдѣлать. Ему пришлось дѣлать уступки королю Генриху II, которыхъ Англія никогда не сдѣлала бы въ спокойное время. Варвикъ былъ принужденъ даже прибѣгнуть къ помощи одного флорентинскаго интригана (за что́ англичане страшно негодовали на него), чтобы согласить короля Генриха II на открытіе мирныхъ переговоровъ. Раймеръ актами доказываетъ, что за это флорентинецъ и его сынъ были награждены пенсіею. Англичане предла-

гали уступить французамъ Булонь и взамѣнъ этого требовали брака Маріи Шотландской съ ихъ королемъ; но Генрихъ II грубо отвѣчалъ имъ, что уже помолвилъ королеву шотландскую за своего сына, дофина Франциска. Когда зашла рѣчь объ уплатѣ пенсіи, обѣщанной Франциском I Генриху VIII, французы съ неудовольствіемъ отвергли это требованіе. Такимъ образомъ миръ состоялся на условіяхъ, весьма невыгодныхъ для Англіи. Булонь была возвращена французамъ со всею артиллеріею, боевыми припасами и всѣми матеріалами. За это Генрихъ II обязался выплатить Англіи при передачѣ Булони 200,000 кронъ и столько же черезъ пять мѣсяцевъ, если шотландцамъ будутъ отданы крѣпости Донгласъ и Лаудеръ или, въ случаѣ, если онѣ уже не будутъ къ тому времени во власти англичанъ, то англійское правительство обязуется срыть крѣпости Роксборо и Эймутъ. Но Шотландія не была включена въ этотъ договоръ, и англичане обязались непремѣнно заключить съ ней особый миръ и не возобновлять войны, если не получатъ на то новаго повода.

Между тѣмъ Кранмеръ, ни мало не заботясь о политическихъ дѣлахъ, старался очистить ученіе и обряды церкви отъ послѣднихъ остатковъ папизма. Варвикъ мало мѣшался въ эти дѣла, завѣдываемыя Кранмеромъ. Архіепископъ былъ принужденъ утверждать повелѣніями или рѣшеніями парламента всѣ религіозныя реформы, потому что духовенство и народъ вовсе не сочувствовали имъ. Онъ принималъ и призрѣвалъ въ Англіи изгоняемыхъ изъ Германіи, Италіи и Франціи ученыхъ и просвѣщенныхъ людей. Даже демократическій радикалъ Джонъ Ноксъ сдѣлался въ Англіи королевскимъ капелланомъ; странствующіе проповѣдники Петръ Мартиръ Вермиліо и Оккино получили профессорскія каѳедры (т. XII, стр. 433); Буцеръ, Фагіусъ, Тремеліонъ, Ласко, Кавалье, Валерандусъ Полланусъ и Анджело Флоріо пользовались покровительствомъ. Но сѣмена, посѣянныя этими людьми, не могли быстро разростись въ средѣ англичанъ, привыкшихъ къ прежней вѣрѣ. Поэтому въ царствованіе Эдуарда VI, какъ и въ правленіе отца его, обряды и религія,

литургія и догматы предписывались указами, и кто не подчинялся имъ, подвергался гоненію. Важнѣйшіе епископы, временъ Генриха VIII, Гардинеръ и Боннеръ (т. XII, стр. 129), а также епископы Дей и Гитъ были отрѣшены и арестованы за старовѣрство; сводная сестра короля, католичка Марія, терпѣла сильное гоненіе за свою вѣру; нѣсколько иноземныхъ учителей (нидерландцевъ) и одна женщина были казнены, какъ еретики. Не смотря на свою молодость, король принималъ живое участіе въ распространеніи евангелическаго ученія, но, впрочемъ, противился преслѣдованіямъ, такъ что, напримѣръ, его съ трудомъ уговорили подписать смертный приговоръ этой еретичкѣ. Отвращеніе принцессы Маріи, дочери Генриха VIII и Екатерины Арагонской, къ реформаціи не сулило долговѣчности церковнымъ реформамъ Кранмера и молодаго короля. Марія оставалась вѣрна строгой испанской религіи, въ которой ее воспитала мать; ни угрозы, ни просьбы не могли убѣдить ее выслушать протестантскаго проповѣдника. Мы не будемъ говорить о реформахъ въ церкви, предпринятыхъ при Эдуардѣ VI, потому что онѣ были слишкомъ непрочны; но необходимо разсказать, почему разстроились планы Варвика относительно отрѣшенія Маріи отъ престолонаслѣдія.

Варвикъ достигъ того, что всѣ остальные члены совѣта регентства совершенно предоставили ему вести всѣ дѣла и признали его чѣмъ-то въ родѣ протектора, хотя онъ не имѣлъ никакихъ формальныхъ правъ на такую власть и офиціально стоялъ наравнѣ съ своими сочленами. Изъ нихъ ему былъ опасенъ только герцогъ Сомерсетъ, который еще въ февралѣ 1550 получилъ полное прощеніе и позволеніе возвратиться ко двору, а въ концѣ марта снова вступилъ даже въ тайный совѣтъ и былъ пожалованъ въ каммергеры. Молодой король снова обратилъ всю свою благосклонность на своего дядю и бывшаго воспитателя, такъ что можно было предвидѣть, что честолюбіе Сомерсета опять разгорится, а съ нимъ и вражда къ нему Варвика. Ожиданія эти сбылись. Мы не можемъ подробно разсказывать

о всѣхъ планахъ, предположеніяхъ и мѣрахъ, изобрѣтаемыхъ соперниками другъ противъ друга. Восторжествовалъ, конечно, тотъ, кто былъ рѣшительнѣе и энергичнѣе.

Молодой король очень желалъ, чтобы Сомерсетъ возвратилъ себѣ все свое прежнее значеніе, но противъ этого былъ весь совѣтъ регентства и особенно Варвикъ. Однако, видя это, Варвикъ рѣшился взвести на Сомерсета вторичное обвиненіе и въ сентябрѣ 1551 началъ противъ него новый процессъ. Герцога обвиняли въ намѣреніи убить графа вооруженной стражей, спрятанной въ его большомъ лондонскомъ дворцѣ, донынѣ носящемъ его имя, и овладѣть особою короля. Былъ изданъ приказъ объ арестованіи герцога, который опять попалъ въ Тоуэръ. Въ то же время Варвикъ получилъ отъ короля чрезвычайное достоинство хранителя (warden) шотландской границы и титулъ герцога Нортомберленда; графъ Дорсетъ былъ сдѣланъ герцогомъ Софолькомъ, и множество другихъ креатуръ Варвика получили разныя другія достоинства, что увеличило его значеніе. Гибель герцога Сомерсета была заранѣе рѣшена. Его обвинили въ государственной измѣнѣ, будто онъ хотѣлъ похитить короля и увезти его на сѣверъ Англіи и будто похищенію короля воспрепятствовало только назначеніе герцога Нортомберленда хранителемъ границъ. Процессъ Сомерсета вели, какъ велись всѣ подобные процессы въ два послѣднія царствованія. Такъ какъ нельзя было доказать обвиненіе въ государственной измѣнѣ, то для смертнаго приговора сочли достаточнымъ умыселъ его противъ Нортомберленда. Въ Тоуэръ посадили жену Сомерсета и шестерыхъ друзей его и неожиданно взволновали гражданъ Лондона, какъ въ 1792 жителей Парижа, слухомъ о тюремномъ заговорѣ. Отъ имени короля обнародовали, будто друзья заключенныхъ въ Тоуэрѣ освободили ихъ, похитивъ при этомъ государственную печать и даже самого короля и увезли всѣхъ на островъ Уайтъ. Выдумка была нелѣпа, да притомъ, если бы даже и существовалъ подобный умыселъ, то не былъ бы уголовнымъ преступленіемъ. Судьи были заранѣе

подобраны такіе, на которыхъ можно было положиться, что они осудятъ герцога Сомерсета; въ числѣ двадцати семи перовъ, засѣдавшихъ въ этомъ судѣ, находились герцогъ Нортомберлендъ и трое другихъ смертельныхъ враговъ Сомерсета. Процессъ начался 1 декабря 1551, и обвиненному не дали очной ставки съ обвинителями и свидѣтелями. Осужденіе было неизбѣжно, такъ какъ Сомерсетъ сознался, что злоумышлялъ противъ Нортомберленда и его друзей. Поведеніе подсудимаго, который на колѣнахъ молилъ о помилованіи, доказываетъ нечистую совѣсть. Онъ вспоминалъ о своемъ поступкѣ съ братомъ, но надѣялся избѣгнуть смерти. Онъ обманулся. Смертный приговоръ былъ подписанъ черезъ шесть недѣль по осужденіи, и 22 января, за день до собранія созваннаго еще имъ самимъ парламента, онъ былъ казненъ.

Народъ былъ очень недоволенъ всѣми дѣйствіями противъ Сомерсета, тѣмъ болѣе, что кромѣ него были казнены еще четверо мнимыхъ соумышленниковъ его. Парламентъ, созванный еще въ управленіе Сомерсета и поэтому состоявшій частью изъ его друзей, громко выразилъ свое неудовольствіе. При этомъ въ первый разъ было запрещено произвольно осуждать за политическія преступленія, и парламентъ постановилъ, чтобы впредь никого не предавали суду, не обвиняли, не судили и не приговаривали за политическія преступленія безъ свидѣтелей, обязанныхъ давать показанія подъ присягой и подтверждать въ судѣ свои обвиненія. Это показалось Нортомберленду явнымъ порицаніемъ его образа дѣйствій, вслѣдствіе чего онъ немедленно гнѣвно распустилъ парламентъ. Созванный затѣмъ послѣдній въ царствованіе Эдуарда VI (1553) парламентъ собирался, какъ въ наше время палаты нѣмецкихъ государствъ и какъ въ 1852 законодательный корпусъ во Франціи. Англійскимъ шерифамъ были разосланы циркуляры, какъ нынче нѣмецкимъ мѣстнымъ властямъ и французскимъ префектамъ; въ нихъ предписывалось избирать лишь серьезныхъ и способныхъ (grave and able) людей, руководствуясь рекомендаціями членовъ тайнаго совѣта.

Сверхъ того король самъ назначилъ въ парламентъ шестнадцать членовъ изъ своихъ придворныхъ, которые, конечно, пользовались полнымъ довѣріемъ министра.

Если бы король Эдуардъ прожилъ дольше, то съ такимъ парламентомъ можно было бы сдѣлать многое. Теперь онъ послужилъ къ устраненію всякаго сопротивленія распоряженіямъ Кранмера, изъ которыхъ впослѣдствіи при Елисаветѣ образовалась полукатолическая, полупротестантская англиканская церковь, основанная на авторитетѣ, а не на разумѣ, просвѣщенномъ писаніемъ. Кранмеръ установилъ порядокъ литургіи (Prayer book). Такимъ образомъ онъ составилъ для своей церкви законы и достигъ того, къ чему, по счастію, безуспѣшно стремились нѣмецкіе богословы: онъ далъ англичанамъ въ религіозномъ отношеніи, кромѣ библіи, извѣстную обязательную для всѣхъ норму вѣры. Всѣмъ англичанамъ было предписано вѣрить въ 24 статьи официальной религіи Кранмера, и вмѣсто стараго папскаго каноническаго устава былъ изданъ новый церковный судебникъ.

Нортомберлендъ скоро убѣдился, что все созданное имъ и Кранмеромъ, уже и безъ того ненавидимое народомъ, рушится въ случаѣ смерти короля, который съ дѣтства былъ хилаго здоровья. Съ весны 1553 Эдуардъ началъ серьезно хворать; тогда Нортомберлендъ сталъ принимать мѣры для огражденія себя отъ неизбѣжной гибели, грозившей ему со стороны наслѣдницы Эдуарда, католической принцессы Маріи. Увѣряютъ, что онъ и прежде сблизился съ графомъ Дорсетомъ герцогомъ Софолькомъ въ видахъ устраненія сестры Эдуарда отъ престолонаслѣдія. Мы сомнѣваемся, чтобы это была правда, потому что въ то время еще никто не могъ предвидѣть, что Эдуардъ умретъ бездѣтнымъ. Но несомнѣнно, что Нортомберлендъ, покровительствуя графу Дорсету, имѣлъ въ виду происхожденіе его жены. Жена его была дочерью младшей сестры Генриха VIII, Маріи, которая по смерти своего перваго мужа, Лудовика XII французскаго, вышла замужъ за англичанина Брандона, и черезъ этотъ неравный бракъ ли-

шилась права на престолъ. Братъ ея, Генрихъ VIII, сдѣлалъ ея втораго мужа герцогомъ Софолькомъ и въ своемъ завѣщаніи предоставилъ потомкамъ ея право на престолъ, тогда какъ права старшей сестры своей, Маргариты, жены Іакова IV шотландскаго, не обозначилъ въ точности. Дочь герцогини Софолькъ, Франциска, вышла замужъ за графа Грея маркиза Дорсета, котораго Нортомберлендъ, ради его жены, сдѣлалъ герцогомъ Софолькомъ, такъ какъ оба брата Францискн, носившіе одинъ за другимъ этотъ титулъ, умерли скоро другъ за другомъ. У Франциски было три дочери, изъ которыхъ старшая, Дженъ или Іоанна Грей, соотвѣтствовала планамъ герцога Нортомберленда *). Когда болѣзнь Эдуарда VI стала опаснѣе, Нортомберленду пришла несчастная мысль воспользоваться расположеніемъ короля къ Іоаннѣ Грей и безпокойствомъ его, чтобы Марія, католичка и ультрамонтанка, дочь Катарины Арагонской, не уничтожила протестантизмъ. Нортомберлендъ старался лишить Марію права на престолъ, которое отецъ закрѣпилъ за ней завѣщаніемъ. Съ этою цѣлью герцогиня Софолькъ уступила своей старшей дочери, Іоаннѣ Грей, права, которыя могли имѣть вѣсъ развѣ только по смерти обѣихъ сестеръ Эдуарда, Маріи и Елисаветы. Тогда Іоанна Грей была помолвлена за четвертаго сына Нортомберленда, Джильфорда Додли и тотчасъ обвѣнчана. Во всей Англіи не было четы прекраснѣе и невиннѣе. Іоанна Грей, не смотря на то,

---

*) Родословная сестеръ Генриха VIII:

Маргарита, замужемъ за Іаковомъ IV Шотландскимъ.
Іаковъ V, женатый: 1) на Мадленѣ Французской.
2) на Маріи Лотарингской.
Марія Стюартъ.

Марія, замужемъ 1) за Лудовикомъ XII Французскимъ.
2) за Брандономъ, первымъ герцогомъ Софолькомъ.
Франциска, за графомъ Греемъ герцогомъ Софолькомъ.
Іоанна, Екатерина, Марія.

что ей было только шестнадцать лѣтъ, основательно знала древніе языки и богословіе и была такъ знакома съ Библіей и съ Платономъ, какъ мало ученыхъ въ ея да и въ наше матеріальное время. Она вела латинскую переписку съ швейцарскими реформатами, и письма ея сохраняются въ Цюрихѣ, какъ рѣдкость.

Король Эдуардъ, любившій и уважавшій ее не за красоту; а за благочестіе и невинность, согласился, когда болѣзнь его въ теченіе 1553 года стала неизлечимою, распорядиться государствомъ, какъ частною собственностью. Хотя Генрихъ VIII точно также распорядился престолонаслѣдіемъ въ своемъ завѣщаніи; но на это его уполномочилъ парламентъ и возвелъ въ статутъ его распоряженіе о престолонаслѣдіи. Завѣщаніе же Эдуарда было утверждено только тайнымъ совѣтомъ, да и то очень неохотно. Многіе изъ членовъ тайнаго совѣта долго не соглашались подписывать завѣщаніе Эдуарда, по которому престолъ передавался Іоаннѣ Грей. Верховные судьи Англіи объявили даже, что тайный совѣтъ совершитъ государственную измѣну, если нарушитъ статутъ. Однако, они рѣшились, наконецъ, подписаться. Двадцать четыре члена тайнаго совѣта и верховные судьи скрѣпили завѣщаніе, продиктованное Эдуардомъ. Только одинъ верховный судья Гальсъ, Кентскаго округа, рѣшительно отказался нарушить права принцессы Маріи. Впослѣдствіи онъ былъ первою жертвою ея кровожаднаго фанатизма. Кромѣ членовъ тайнаго совѣта, двѣнадцати верховныхъ судей, за исключеніемъ Гальса, лорда мера и членовъ лондонскаго совѣта, устраненіе законной наслѣдницы отъ престола было одобрено многими изъ первыхъ государственныхъ сановниковъ.

5. Англія при Маріи.

Едва 6 іюля 1553 скончался король Эдуардъ VI, какъ обнаружилось, что многочисленные враги Нортомберленда не замедлятъ

принять сторону Маріи. Марія всю свою жизнь подвергалась гоненіямъ, мученіямъ и страданіямъ изъ-за своей несчастной матери и за свою фанатическую преданность римской религіи; поэтому она смотрѣла на протестантовъ, какъ на своихъ личныхъ враговъ. Передъ смертью короля ее пригласили пріѣхать въ Лондонъ, но дорогой графъ Арондель предупредилъ ее и отвезъ назадъ въ замокъ Кенинголь въ Норфокскомъ графствѣ, гдѣ она до сихъ поръ жила. При содѣйствіи лорда Паджета, Арондель помогъ ей ниспровергнуть планы Нортомберленда. Іоанна къ чести своей не знала ничего о его интригахъ; когда Эдуардъ умеръ, она жила въ Челси и была вызвана въ Лондонъ только 8 іюля. Здѣсь Нортомберлендъ и нѣсколько другихъ членовъ тайнаго совѣта сообщили ей 10 іюля послѣднюю волю Эдуарда; сначала она очень испугалась, но потомъ приняла предлагаемую корону. Сцена предложенія и принятія короны риторически и драматически разукрашена писателями, которые справедливо восхищаются Іоанной и сочувствуютъ ея печальной участи. Рапенъ Туара и Юмъ слѣдуютъ этимъ драматическимъ разсказамъ; но мы возьмемъ въ основаніе Лингарда, который разсказываетъ эти событія по письмамъ Іоанны къ Маріи.

Одиннадцатаго іюля Іоанна Грей была торжественно провозглашена королевой. Но царствованіе ея продолжалось только девять дней. Въ тотъ самый день, когда Іоанна сдѣлалась королевой, въ Лондонѣ явился манифестъ Маріи, которая уѣхала между тѣмъ въ Фрамлингемскій замокъ; въ этомъ манифестѣ она упрекала тайный совѣтъ въ нарушеніи ея законныхъ правъ. Вскорѣ къ ней съѣхалось множество приверженцевъ, и Арондель, бывшій втайнѣ католикомъ, извѣщалъ ее обо всемъ происходившемъ въ Лондонѣ. Въ Норвичѣ она провозгласила себя королевой. Весь Норфокъ и Софолькъ приняли ея сторону; дворянство стекалось подъ ея знамена; графы Батъ и Соссексъ, лордъ Мордаунтъ и нѣкоторые другіе набирали для нея войска. Нортомберлендъ тоже собралъ войско и хотѣлъ поручить на-

чальство герцогу Софольку, а самому остаться въ Лондонѣ, на жителей котораго не слишкомъ полагался; но Арондель уговорилъ его принять лично командованіе. Едва онъ выступилъ изъ города, какъ Арондель отрѣзалъ его отъ сообщенія съ Іоанной. Въ его отсутствіе герцогъ Софолькъ правилъ дѣлами Іоанны Грей, и тайный совѣтъ засѣдалъ съ нимъ въ Тоуэрѣ; между тѣмъ Арондель получилъ извѣстіе, что большая часть войска покинула Нортомберленда. Тогда онъ вызвалъ тайный совѣтъ въ городъ и уговорилъ его, лорда мера и городской совѣтъ отказаться отъ Іоанны Грей. Затѣмъ въ Лондонѣ провозгласили Марію королевой, и лорды Арондель и Паджетъ лично поспѣшили въ Фрамлингемъ извѣстить ее, что Софолькъ сдалъ Тоуэръ и что Іоанна добровольно сложила съ себя корону. Герцогъ Нортомберлендъ при извѣстіи объ этихъ происшествіяхъ показалъ себя низкимъ и малодушнымъ. Сначала онъ сталъ заискивать расположеніе Маріи, провозгласивъ ее съ своей стороны королевой и выразивъ даже при этомъ большую радость; потомъ на колѣняхъ молилъ о пощадѣ герцога Аронделя, присланнаго арестовать его. Все это не помогло: самъ онъ, его сыновья, Іоанна Грей и мужъ ея со множествомъ друзей ихъ были посажены въ Тоуэръ. Герцогъ Софолькъ былъ также арестованъ, но потомъ освобожденъ.

Въ концѣ іюля Марія въ сопровожденіи сестры Елисаветы вступила въ Лондонъ, а въ октябрѣ короновалась. Царствованіе ея было во многихъ отношеніяхъ въ высшей степени несчастно для Англіи, будучи преимущественно богословскимъ, а не политическимъ. Два епископа, Гардинеръ и Боннеръ, гонимые въ прошлое царствованіе за преданность папизму, сдѣлались совѣтниками королевы; сама она съ нетерпѣніемъ ожидала той минуты, когда Англія примирится съ Римомъ; наконецъ, предполагаемый бракъ ея съ Филиппомъ II долженъ былъ привязать ее къ интересамъ Испаніи. Итакъ, Марія сдѣлалась представительницей полнѣйшей реакціи и дѣйствовала противъ духа своего времени вмѣсто того, чтобы пользоваться имъ для блага Англіи.

Мы не будемъ останавливаться на частностяхъ царствованія Маріи, потому что до Елисаветы Англія играла второстепенную роль, и все, что въ исторіи ея касается общей исторіи Европы, уже изложено выше. Мы коснемся лишь нѣкоторыхъ сторонъ, которыя выказываютъ внутреннее состояніе и управленіе страны.

Во-первыхъ, упомянемъ о реакціи въ религіозномъ отношеніи, которая сопровождалась столь же кровавыми явленіями и точно также шла въ разрѣзъ съ направленіемъ и потребностями того времени, какъ политическая реакція нашего времени, съ тою только разницею, что была нѣсколько грубѣе и откровеннѣе. Марія съ женскимъ упрямствомъ хотѣла возвратить Англію подъ сѣнь римской церкви. Сама она не находила удовольствія мучить и терзать людей несогласныхъ съ нею въ вѣрѣ; но она напустила на нихъ юристовъ и богослововъ, пострадавшихъ въ прошлое царствованіе и освобожденныхъ ею отъ преслѣдованій и заключенія. Они предложили ей сначала кроткія, потомъ жестокія и кровавыя мѣры для спасенія душъ ея подданныхъ. Изъ богословскихъ совѣтниковъ Маріи Боннеръ былъ безпощадно жестокъ; Гардинеръ же, занимавшій должность канцлера, былъ мягче. Впрочемъ, казни еретиковъ массами начались только съ прибытіемъ въ Англію Реджинальда Поля (т. XII, стр. 151) и короля Филиппа II; но и тогда не только Гардинеръ удалялся отъ религіознаго кроваваго суда, но даже духовникъ Филиппа, Альфонсъ де Кастро, публично проповѣдовалъ противъ истребленія еретиковъ, особенно когда казнь протестантскихъ священниковъ, Роджерса, Саундерса, Гупера и Тайлора произвела сильное волненіе въ народѣ; осужденіе ихъ было единственное, при которомъ присутствовалъ Гардинеръ. Королева ревностно старалась о соединеніи съ Римомъ, и хотя Гардинеръ противился возвращенію церкви имуществъ, распроданныхъ при Генрихѣ VIII, но Марія пожелала возвратить церкви, по крайней мѣрѣ, тѣ имѣнія, которыя перешли отъ нея въ казну. Кардинала Реджинальда Поля задерживала за границей политика Карла V, хотя онъ былъ уже назначенъ папскимъ легатомъ въ Англіи.

Карлъ V боялся, что присутствіе его въ Англіи разстроитъ бракъ его сына, Филиппа II, съ Маріей. Когда, наконецъ, Поль прибылъ въ Англію, преслѣдованія поднялись сильнѣе, хотя самъ онъ былъ человѣкъ мягкій, высоко образованный и часто высказывался въ пользу терпимости. Кранмеръ былъ, разумѣется, смѣненъ, послѣ чего англійская церковь торжественно примирилась съ римской, и англійская нація была разрѣшена отъ отлученія. Реджинальдъ Поль былъ назначенъ архіепископомъ кентерберійскимъ. Потомъ, съ согласія парламента, противъ протестантовъ обратили всѣ страшные уставы, изданные противъ еретиковъ Ричардомъ II, Генрихомъ IV и Генрихомъ V. Большинство народонаселенія принадлежало къ протестантству, и многіе ярые противники католицизма открыто и рѣзко выражались противъ папизма, сдѣлавшагося опять господствующей религіей. Вслѣдствіе этого было объявлено, что молитва о томъ, чтобы Господь тронулъ сердце королевы и отклонилъ ее отъ идолопоклонства и т. п. выходки будутъ наказываемы, какъ государственныя преступленія. Преслѣдованія съ каждымъ днемъ усиливались, и англійскіе протестанты толпами бѣжали въ протестантскіе города Германіи и Швейцаріи, гдѣ основывали свои собственныя церкви, но, къ сожалѣнію, своимъ сектаторскимъ духомъ возбуждали всюду раздоры.

Мы не будемъ излагать въ подробности исторію англійскихъ мучениковъ за евангеліе и жестокостей, которымъ они подвергались; однако, необходимо упомянуть о печальной участи трехъ ученѣйшихъ и достойнѣйшихъ прелатовъ протестантской Англіи, Латимера, Ридли и Кранмера, которыхъ сначала обвинили въ государственной измѣнѣ, потомъ помиловали, но впослѣдствіи опять стали преслѣдовать за вѣру. Всѣ трое были сперва посажены въ Тоуэръ по политическому подозрѣнію. Въ мартѣ 1554 ихъ перевезли изъ Тоуэра въ Оксфордъ на диспутъ съ депутатами университета и собраніемъ духовенства (convocation). Латимеръ не хотѣлъ вступать въ споръ, ссылаясь на свою глубокую старость; Ридли, по обыкновенію, блистательно выдержалъ

это испытаніе; Кранмеръ сталъ ссылаться на отцевъ церкви, а такъ какъ рѣчь шла только объ евангеліи, то былъ опровергнутъ. Вслѣдъ затѣмъ ихъ признали закоснѣлыми еретиками, потому что они не признали себя побѣжденными. Но прошло еще восемнадцать мѣсяцевъ прежде, чѣмъ судьба ихъ рѣшилась. Въ сентябрѣ 1555 отъ нихъ потребовали наконецъ чрезъ папскаго и королевскаго коммисаровъ полнаго отреченія отъ ереси. Латимеръ и Ридли были непреклонны, и потому въ октябрѣ ихъ сожгли, какъ еретиковъ. Кранмеръ пока уцѣлѣлъ. Какъ основателя англиканской церкви, его хотѣли поглубже унизить, чтобы придать больше блеску тріумфу католицизма. Съ этою цѣлью его такъ напугали, что онъ рѣшился не только отречься отъ своихъ убѣжденій, но дать пять письменныхъ объясненій, какъ того требовали его противники, и даже прочесть послѣднее изъ нихъ публично. Если бы фанатики серьезно обѣщали ему за это прощеніе, какъ обѣщали товарищамъ его, Латимеру и Ридли, и если бы они сдержали свое слово, то, дѣйствительно, могли бы восторжествовать и лишить Кранмера уваженія потомства; но ихъ мстительность принесла этому доброму, но слабому человѣку великую славу, а ихъ только опозорила передъ всей Англіей. Они дали ему ясно понять, что никакія униженія съ его стороны не спасутъ его; поэтому объясненіе, которое онъ долженъ былъ прочесть всенародно, онъ написалъ такъ, что, хотя оно начиналось, казалось, полнымъ отреченіемъ, но въ концѣ выходило совершенно противное. Тогда 21 марта 1556 его сожгли; умирая онъ обнаружилъ такое благородное и достойное мужество, что этимъ совершенно загладилъ прежнюю свою слабость.

Другая сторона исторіи царствованія Маріи касается бракосочетанія королевы. По словамъ историковъ, Марія постоянно обращалась за совѣтами и помощью къ племяннику своей матери, императору Карлу V; но въ бракосочетаніи своемъ она не оказала ему обычнаго довѣрія, когда онъ предложилъ ей въ мужья сына своего, Филиппа II. Говорятъ, она хотѣла вознаградить своей рукой за всѣ прошлыя гоненія одного изъ двухъ послѣд-

нихъ потомковъ Іоркскаго дома, Эдуарда Куртнея или Реджинальда Поля (т. XII, стр. 151). Куртней былъ освобожденъ ею изъ Тоуэра, гдѣ до сихъ поръ содержался, какъ государственный узникъ, и возведенъ въ достоинство графа Девоншира. Но это былъ грубый и безпутный малый, такъ что скоро обнаружилась невозможность сдѣлать изъ него что-либо путное. Что касается другаго потомка Іоркскаго дома, кардинала Реджинальда Поля, то Карлъ V, кажется, серьезно боялся, чтобы онъ не отвлекъ королеву отъ его сына. Поэтому онъ препятствовалъ его поѣздкѣ въ Англію, пока не заключилъ договоръ о бракосочетаніи Маріи съ Филиппомъ. Хотя Лингардъ увѣряетъ, будто Марія не могла думать о замужествѣ съ Полемъ, потому что онъ былъ старъ и хворъ, но едва ли это такъ. Полю было немного болѣе пятидесяти лѣтъ, а Маріи самой было подъ сорокъ; хворость Поля была также, должно быть, не сильна, потому что не помѣшала ему совершить весьма въ то время утомительное путешествіе изъ Рима черезъ Апеннины и Альпы въ южную и сѣверную Германію и въ Нидерланды.

Договоръ о бракосочетаніи сына Карла V, Филиппа II, получившаго тогда отъ отца титулъ короля неаполитанскаго и управленіе Миланомъ, былъ заключенъ со стороны англичанъ весьма осмотрительно, потому что они смертельно ненавидѣли все испанское. Хотя мужу Маріи былъ данъ впослѣдствіи титулъ короля Англіи, но въ договорѣ было положено, чтобы каждый изъ бракосочетающихся носилъ титулъ лишь своихъ владѣній. Далѣе было постановлено, что Филиппъ долженъ содѣйствовать королевѣ въ управленіи государствомъ, но съ условіемъ соблюдать всѣ законы, права, привилегіи и обычаи націи. Только королева могла распоряжаться церковными приходами, должностями, помѣстьями, доходами и притомъ раздавать ихъ только туземцамъ. Филиппъ долженъ былъ дать клятву, что не нарушитъ правъ и привилегій сословій, не будетъ раздавать иностранцамъ придворныхъ должностей и не увезетъ изъ Англіи ни королеву, ни дѣтей ея иначе, какъ первую по собственной ея просьбѣ,

а вторыхъ по предварительному согласію дворянства. Прочія статьи договора мы пропускаемъ.

Какъ ни враждебно смотрѣли въ Англіи на испанцевъ, но обѣ палаты парламента безъ возраженій согласились на бракъ; впрочемъ, онѣ снова подтвердили, что по заключеніи брака Марія одна будетъ пользоваться верховною властью и не уступитъ Филиппу никакого права или преимущества. И точно, парламентъ, соглашавшійся на все, не согласился впослѣдствіи на коронованіе Филиппа и отказалъ ему въ помощи противъ Франціи. Прибывъ 19 или 20 іюля 1554 изъ Ла-Коруньи въ Соугемптонъ, Филиппъ велъ себя съ англійскими вельможами гораздо вѣжливѣе, чѣмъ прежде съ нѣмецкими и нидерландскими (т. XII, стр. 272 и 418). Онъ привѣтствовалъ ихъ не по-испански, а по-латыни, велѣлъ своимъ придворнымъ быть вѣжливыми съ англичанами и усвоивать англійскіе нравы и обычаи и въ первый разъ въ жизни выпилъ за здоровье англичанъ большой кубокъ эля (пива); вскорѣ, однако, Англія наскучила ему, и онъ не могъ долѣе оставаться въ ней. Излишняя привязанность къ нему жены была ему также въ тягость; Лингардъ никакъ не могъ убѣдить насъ, будто Филиппъ былъ нѣжнымъ супругомъ. Наконецъ, онъ покинулъ жену и, не смотря на всѣ ея просьбы, цѣлые годы жилъ съ ней розно. Марія, напротивъ того, такъ любила мужа, что въ 1557, когда онъ, наконецъ, возвратился къ ней, чтобы уговорить англичанъ принять участіе въ его войнѣ съ Франціей, она дала ему то, въ чемъ до сихъ поръ парламентъ отказывалъ. Семь тысячъ англійскаго войска были посланы во Францію и не мало способствовали побѣдѣ при Сенъ-Кантенѣ (т. XII, стр. 329). Вмѣшательство Англіи въ войну испанцевъ и французовъ повлекло за собою вышеупомянутое (т. XII, стр. 335) нападеніе Гиза на Кале и потерю этой крѣпости, завоеванной англичанами нѣсколько столѣтій тому назадъ. Англичане живѣе чувствовали и больше оплакивали эту потерю, чѣмъ многочисленныя жертвы кровожадныхъ религіозныхъ гоненій Маріи, которыхъ насчитываютъ отъ 500 до 800.

Говоря о царствованіи Маріи, мы упомянемъ еще о политическихъ дѣйствіяхъ ея и о произволѣ юстиціи. Самъ Карлъ V, къ которому Марія такъ часто обращалась за совѣтами, уговаривалъ ее быть помягче, а впослѣдствіи, когда она заключила въ тюрьму свою сводную сестру, Елисавету, и намѣревалась, повидимому, казнить ее, даже Филиппъ былъ принужденъ усовѣщавать жену и отклонять ее отъ этого намѣренія. Вначалѣ своего царствованія она освободила герцога Софолька, арестованнаго при іюльскомъ переворотѣ со всѣми сторонниками Нортомберленда. Изъ двадцати семи человѣкъ, посаженныхъ въ Тоуэръ съ Нортомберлендомъ, она приказала многихъ выпустить, за исключеніемъ одиннадцати. Но вскорѣ она обнаружила такую же кровожадность, какой отличался отецъ ея, и, подобно ему, пользовалась драконовскимъ, уголовнымъ уставомъ Англіи смягченнымъ только въ послѣдніе года новѣйшаго времени. Изъ одиннадцати человѣкъ, арестованныхъ за намѣреніе лишить ее престола, были казнены сначала герцогъ Нортомберлендъ и двое его друзей. Красота, невинность и молодость Іоанны Грей и ея мужа тронули даже черствое сердце Маріи, и она сперва пощадила ихъ. Но когда, при извѣстіи о предстоящемъ бракѣ Маріи съ Филиппомъ, въ разныхъ концахъ государства начались заговоры и смуты, 13 февраля 1554 былъ выполненъ давно произнесенный приговоръ надъ Іоанной Грей и Джильфордомъ Додли. Додли былъ казненъ публично внѣ Тоуэра: Іоанна же въ Тоуэрѣ, въ присутствіи немногихъ лицъ, потому что была королевской крови.

Герцогъ Софолькъ также не избѣжалъ казни. Онъ хотѣлъ воспользоваться народнымъ движеніемъ, вспыхнувшимъ въ его помѣстьяхъ въ Варвикскомъ графствѣ; съ этою цѣлью онъ покинулъ дворъ, собралъ множество народа и готовился къ вооруженному возстанію, но дѣйствовалъ очень неловко. За нимъ была послана погоня, которая, разогнавъ его скопище, арестовала его. Взятый съ оружіемъ въ рукахъ, онъ былъ казненъ безъ всякаго суда, и это никого не удивило. Онъ и братъ его

были казнены 23 февраля 1554, и парламентъ, по обычаю царствованія Генриха VIII, одобрилъ казнь закономъ, признавъ герцога виновнымъ уже по исполненіи приговора. Процессъ Николая Трокмортона былъ замѣчательнѣе, особенно если припомнить, что уже вначалѣ слѣдующаго столѣтія громко выразилось желаніе возстановить конституцію въ ея древней силѣ. Дѣло въ томъ, что подсудимый доказалъ присяжнымъ свою совершенную невинность и былъ оправданъ; это вызвало весьма непріятную сцену между судьями и присяжными, которую можно найти въ подробности въ «Государственныхъ процессахъ» (state trials). Судьи получили строгій выговоръ за то, что не могли найти противъ обвиняемаго лучшихъ уликъ. Присяжнымъ досталось еще хуже. Сначала ихъ выбранили судьи, потомъ, не смотря на ихъ униженныя моленія, посадили въ тюрьму и, наконецъ, потребовали въ Звѣздную Палату. Четверо изъ нихъ, унизившись, какъ только можно, выпутались довольно сносно; остальные восемь должны были заплатить огромную денежную пеню и просидѣть въ тюрьмѣ. Поэтому, когда впослѣдствіи Джонъ Трокмортонъ былъ обвиненъ въ подобномъ же преступленіи, какъ Николай, присяжные, рѣшавшіе его дѣло, конечно, не задумались признать его виновнымъ.

Наконецъ, королева принялась преслѣдовать и графа Куртнея. Сестру свою Елисавету она держала въ заточеніи, потому что ей приходилось бороться со множествомъ заговоровъ и возстаній, происходившихъ оттого, что, подобно отцу, она жестоко преслѣдовала всѣхъ, не принадлежавшихъ къ ея мрачной испанской вѣрѣ. Послѣ каждаго подавленнаго возстанія она становилась еще кровожаднѣе. Мы упомянемъ только о трехъ возстаніяхъ, изъ которыхъ опасно было лишь одно. Первое было только что упомянутое предпріятіе герцога Софолька. Второе хотѣлъ возбудить въ Корнуэльсѣ нѣкто Керью, но оно не удалось, подобно первому, потому что народъ не послушалъ воззваній Керью. Третье было опаснѣе. Т о м а с ъ У а й т ъ изъ Кента ворвался во главѣ народной толпы въ Лондонъ и навелъ ужасъ на столицу; но скоро онъ

былъ побѣжденъ, потому что Софолькъ и Керью, на помощь которыхъ онъ расчитывалъ, не явились, всѣ начальники исполнили свой долгъ, а сама королева выказала твердое мужество и необыкновенное присутствіе духа.

Марія приписывала всѣ эти смуты протестантамъ. Къ счастію ихъ, въ то самое время, когда ожесточеніе ея противъ нихъ возрастало съ каждымъ днемъ и грозило опустошить Англію страшными преслѣдованіями и казнями, королева неизлечимо захворала и 17 ноября 1558 умерла. Ея холодный мужъ поспѣшилъ жениться на французской принцессѣ Елисаветѣ, назначенной сначала въ невѣсты его сыну; этимъ онъ доказалъ, какъ мало его огорчила смерть жены. Въ политическомъ отношеніи смерть ея была для него даже выгодна; ею очень облегчалось заключеніе мира между Франціей и Испаніей (т. XII, стр. 337). Завѣщаніемъ Генриха VIII порядокъ престолонаслѣдія былъ установленъ, и лишь сомнѣніе въ искренности перехода къ католицизму сестры покойной королевы, Елисаветы, могло лишить ее наслѣдія. Но Елисавета во время болѣзни сестры постаралась разсѣять это сомнѣніе. Поэтому Марія на смертномъ одрѣ признала Елисавету своей преемницей и приказала еще при жизни своей передать ей государственныя регаліи. Такимъ образомъ въ самый день смерти сестры Елисавета была провозглашена королевой, хотя всѣ сомнѣвались еще на счетъ ея вѣры. Сколько можемъ судить, Елисавета изъ монархическихъ принциповъ и изъ опасенія господствовавшаго въ Шотландіи пуританства, т. е. демократическаго кальвинизма, подобно многимъ монархамъ нашего времени, склонялась болѣе къ положительной, не допускающей никакого мудрствованія и сомнѣнія римской религіи, чѣмъ къ вольнодумному протестантству; но папы Павелъ IV и Пій V много способствовали къ возвращенію ея къ полу-католической, полу-протестантской церкви, сочиненной ея отцемъ и возстановленной ею.

6. Королева Елисавета Англійская до 1570 года.

Елисавета знала древніе языки и обладала всѣмъ просвѣщеніемъ своего времени. При томъ судьба ея въ царствованіе отца и преслѣдованія при Маріи развили въ ней твердость характера и сужденія, какой рѣдко обладаютъ только что начинающіе правители. Кромѣ того она имѣла министровъ, соединявшихъ опытность съ безкорыстіемъ, какъ-то: Вилліамъ Сесиль, впослѣдствіи лордъ Борлэ, Николай Бэконъ, а съ 1573—сэръ Френсисъ Вольсингемъ, безкорыстнѣйшій человѣкъ, какой когда-либо былъ министромъ въ странѣ плутократовъ. При ихъ содѣйствіи Елисавета удачно воспользовалась благопріятнымъ для Англіи временемъ своего правленія.

Первыя дѣйствія ея правленія доказываютъ, что она не хотѣла ни разрывать связи съ папскою церковью, ни оскорблять или раздражать короля испанскаго. Съ одной стороны она увѣряла датскаго короля, герцога Гольштинскаго и протестантскихъ князей Германіи, что будетъ держаться протестантства; съ другой же стороны пыталась сойтись съ папою, потому что не хотѣла терпѣть республиканской церкви и допускать какой бы то ни было религіи свободной отъ предписаній закона. Кернъ, завѣдывавшій еще въ царствованіе Маріи дѣлами англійскаго правительства въ Римѣ, получилъ порученіе увѣдомить папу, что Елисавета вступила на престолъ по смерти сестры и не намѣрена тревожить никого изъ подданныхъ своихъ за религіозныя убѣжденія. Но Павелъ IV началъ дѣйствовать относительно Елисаветы точно такъ же, какъ дѣйствовалъ въ отношеніи императора Фердинанда (т. XII, стр. 325). Онъ заявилъ такія притязанія, что признать ихъ было бы крайнею нелѣпостью. Папа объявилъ англійскому повѣренному, что, по его мнѣнію, Елисавета незаконная дочь Генриха VIII, и потому право на пре-

столъ принадлежитъ королевѣ Маріи шотландской; при этомъ онъ совѣтовалъ взять его въ суперарбитры для рѣшенія этого дѣла и увѣрялъ, что разсудитъ по всей справедливости. Елисавета, разумѣется, не могла послѣ этого оставаться вѣрною римской церкви, тѣмъ болѣе, что и прежде, въ царствованія брата и отца, была протестанткой. Кромѣ того, папа своими притязаніями поставилъ въ неблагопріятныя отношенія къ королевѣ англійскихъ католиковъ и былъ отчасти причиною гоненій, которымъ Елисавета подвергла несчастную королеву шотландскую.

Собственно говоря, Елисавета не любила внѣшнихъ формъ чистаго протестантства. Но ея хитрый министръ Сесиль, игравшій роль въ реформаціонныхъ дѣлахъ при Эдуардѣ VI и всѣми правдами и неправдами уцѣлѣвшій въ царствованіе Маріи, желалъ удержать Елисавету при реформатской церкви и доказалъ ей, что того требуетъ ея политика. Англійскіе католики раздѣляли мнѣніе папы на счетъ сомнительности правъ ея и были не прочь отъ заговоровъ въ пользу Маріи Стюартъ. За то Елисавета могла положиться на протестантовъ. Однако, Елисавета смотрѣла враждебнѣе на ярыхъ реформатовъ или пуританъ, чѣмъ на католиковъ. Поэтому она дѣйствовала съ большою осторожностью. Въ 1558 году она запретила всякія измѣненія во внѣшнемъ богослуженіи, пока объ этомъ не состоится парламентскаго рѣшенія. Въ 1559 она издала черезъ парламентъ цѣлый рядъ узаконеній, которыя не понравились ни ярымъ кальвинистамъ, т. е. пуританамъ, ни приверженцамъ папы. Одно изъ нихъ устанавляло богослуженіе на англійскомъ языкѣ. Второе было возобновленіемъ распоряженія Генриха VIII, что монархъ Англіи есть въ то же время глава англійской церкви. Третьимъ возстановлялись всѣ указы по дѣламъ религіи, изданные при Эдуардѣ VI (все въ чисто реформатскомъ духѣ). Четвертымъ королевѣ предоставлялось право назначать епископовъ. Пятымъ предписывалась общая форма богослуженія для всей страны. Наконецъ, множествомъ другихъ постановленій опредѣлялись многіе другіе обряды совершенно въ деспотическомъ духѣ Генриха VIII. Всѣ

духовныя лица, не желавшія слѣдовать этимъ предписаніямъ, должны были отказаться отъ своихъ мѣстъ. Такъ поступили четырнадцать епископовъ, двѣнадцать архидіаконовъ, пятьдесятъ канониковъ и пятнадцать настоятелей коллегій. Священники изворачивались, какъ могли, и только восемьдесятъ изъ нихъ сложили съ себя свое званіе. Такъ легко было въ Англіи командовать въ религіозныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ въ Шотландіи это было совершенно невозможно, хотя общины очень недовѣряли своимъ священникамъ, а фанатики проповѣдовали противъ правительственной церкви и ея служителей и, не смотря на страшное правосудіе, преслѣдовавшее ихъ, всюду находили себѣ приверженцевъ. Елисавета пріобрѣла такое неограниченное вліяніе на духовенство, что могла предписывать закономъ даже вѣрованія. Мы говоримъ о тридцати девяти статьяхъ, которыя до сихъ поръ остаются основнымъ закономъ англійской церковной религіи. Ничего подобнаго нельзя было дѣлать въ Германіи, какъ доказали безуспѣшныя попытки сочинителей символическихъ книгъ, гейдельбергскихъ катихизисовъ и т. п. Ни лютеране, ни реформаты не приняли ихъ за религіозныя законоположенія. Въ 1562 королева созвала духовный парламентъ (the convocation), раздѣлявшійся, подобно свѣтскому, по званію членовъ на верхнюю и нижнюю палаты (т. XII, стр. 134 и 149). 23 января 1562 этому парламенту (или синоду) былъ предложенъ на утвержденіе церковный законъ, состоявшій изъ положеній, принятыхъ при Эдуардѣ VI за норму исповѣданія англиканской церкви (см. выше стр. 121), съ небольшими, впрочемъ, измѣненіями; 29 января этотъ парламентъ утвердилъ тридцать девять статей, которыя доселѣ составляютъ сущность англійскаго правовѣрія. Духовенство хотѣло сдѣлать еще добавленіе, въ которомъ присуждалось бы строгое наказаніе всякому, кто будетъ стараться отмѣнить, унизить или преступить эти статьи. Если бы предложеніе это было принято, оно породило бы новыя безконечныя гоненія; но тайный совѣтъ отвергнулъ его.

Елисавета со всѣми своими достоинствами и недостатками была такая истая англичанка, такъ домовита, положительна и практична, что англійскій народъ долженъ былъ видѣть въ ней свой прототипъ; но если большинство любило ее за это, то католики, пресвитеріане и пуритане ненавидѣли ее смертельно. Дочь Іакова V Шотландскаго, Марія Стюартъ, имѣла притязанія на англійскій престолъ; ея религія и красота давали ей много приверженцевъ, и кромѣ того, она разсчитывала на содѣйствіе изъ Франціи всемогущихъ Гизовъ. Это увлекло королеву Елисавету въ шотландскія дѣла, и вражда двухъ королевъ пріобрѣла большую извѣстность и разсказывается обыкновенно очень подробно; но мы коснемся только главнаго дѣла и не будемъ подражать сантиментальнымъ романтикамъ и риторамъ, драматически изображающимъ судьбу Маріи Стюартъ. Впрочемъ, мы далеки отъ того, чтобы оправдывать Елисавету въ поступкахъ ея съ Маріей и считаемъ софизмомъ извинять ее тѣмъ, что, казнивъ ее, она содѣйствовала сыну ея вступить на англійскій престолъ.

Мать Маріи Стюартъ, сестра Гизовъ, управляла, какъ извѣстно (см. 108), по смерти мужа Шотландіей при помощи французскихъ вспомогательныхъ войскъ: маленькую королеву шотландскую увезли во Францію, гдѣ она воспитывалась, какъ невѣста короля Франциска II. Еще до бракосочетанія ея съ нимъ, между ней и шотландцами возникла непримиримая вражда. Шотландскій реформаторъ и радикальный демагогъ, Джонъ Ноксъ (стр. 110 и 117), обладавшій сильнымъ и потрясающимъ народнымъ краснорѣчіемъ проповѣдовалъ въ Англіи мрачный и жестокій фанатизмъ Кальвина, его ученіе о грѣховности всякаго чувственнаго наслажденія и всякой радости. По смерти Эдуарда VI онъ вторично явился въ Шотландію и возбудилъ тамъ дикую ярость противъ всякаго проявленія римскаго богослуженія, покровительствуемаго регентшею. Множество англійскихъ учениковъ его, преслѣдуемые преемницею Эдуарда, отправились за нимъ въ Шотландію и пріобрѣли безчисленное множество прозели-

товъ въ этой странѣ, гдѣ со временъ Фингала и Оссіана климатъ и туманы способствовали развитію мрачныхъ ученій и даже поэтовъ, вооруженныхъ противъ житейскихъ радостей. Ноксъ какъ Кальвинъ, проповѣдовалъ республиканскіе принципы. Хотя ему пришлось снова бѣжать изъ Шотландіи, но своими письмами изъ Женевы онъ поддерживалъ фанатизмъ своихъ послѣдователей. Они продолжали проповѣдовать грозными библейскими изрѣченіями противъ идолопоклонства, противъ всѣхъ римскихъ церемоній, противъ святыхъ и поклоненія имъ, и, гдѣ сила была на ихъ сторонѣ, изгоняли священниковъ, жгли церковныя украшенія, а иногда и самыя церкви.

Между тѣмъ молодая королева шотландская жила во Франціи, при дворѣ Екатерины Медичи, гдѣ только и помышляли, что о весельи и забавахъ, и проводила цѣлые дни въ позволительныхъ и непозволительныхъ удовольствіяхъ, окруженная легкомысленными французскими придворными. Она привыкла любить и исповѣдовать религію блеска, обѣщавшую легкое отпущеніе всѣхъ плотскихъ прегрѣшеній всѣмъ, кто соблюдалъ предписанія церкви и почиталъ папу непогрѣшимымъ; она не могла примириться съ строгимъ пресвитеріанскимъ ученіемъ и соотвѣтственнымъ ему шотландскимъ образомъ жизни. Ея мать, регентша, своею уступчивостью добилась согласія шотландцевъ, какъ католиковъ, такъ и протестантовъ на бракъ королевы съ дофиномъ Франдискомъ. Бракъ былъ заключенъ 24 апрѣля 1558; но еще въ декабрѣ предшествовавшаго года, графы Арджайль. Мортонъ и Гленкарнъ заключили союзъ (Convenant) противъ католической церкви, которую называли дьявольскимъ учрежденіемъ (the congregatio of Satan). Поступки демократическихъ пуританъ побудили регентшу преслѣдовать ихъ. Одинъ изъ яростнѣйшихъ проповѣдниковъ ихъ, бывшій монахъ Мильнъ, былъ сожженъ, а трое другихъ, не явившихся въ судъ, были объявлены лишенными всѣхъ правъ (outlaws). Вся Шотландія взволновалась этими событіями: въ маѣ 1559 Ноксъ въ третій разъ появился въ Шотландіи и возбудилъ открытую междо-

усобную войну. Союзные пуритане (the convocation) заняли большую часть Шотландіи и, наконецъ, даже самый Эдинбургъ; но регентша и графъ Арранъ, которому французы дали титулъ герцога Шательро, призвали французское вспомогательное войско; мятежники были загнаны въ горы, и Эдинбургъ снова перешелъ во власть правительства.

Лукавый министръ Елисаветы, Сесиль, гораздо болѣе преданный протестантству, чѣмъ сама королева, уговорилъ ее дать помощь шотландскимъ пуританамъ или такъ называемымъ конгрегаціонистамъ. Елисавета неохотно согласилась на это, хотя Марія Стюартъ и мужъ ея оскорбили ее, не признавая, по примѣру Павла IV, законности брака ея матери и считая себя по смерти королевы Маріи законными наслѣдниками англійскаго престола, вслѣдствіе чего приняли титулъ и гербъ Англіи. Чтобы не нарушать мира съ Франціей, Елисавета поддерживала вначалѣ шотландскихъ мятежниковъ втайнѣ деньгами, но потомъ рѣшилась открыто помочь имъ флотомъ и войсками. Когда французы послали въ Шотландію флотъ и войско, Елисавета вошла въ сношенія съ французскими гугенотами и воспользовалась даже извѣстнымъ амбуазскимъ заговоромъ Ла-Реноди (т. XII, стр. 346), что было явнымъ нарушеніемъ международнаго права. Ла-Реноди, человѣкъ довольно двусмысленныхъ свойствъ, какъ мы видѣли въ исторіи французскихъ религіозныхъ войнъ, ѣздилъ въ Англію и получилъ обѣщаніе помощи въ случаѣ успѣха его замысла противъ двора. Въ то же время герцогу Норфоку было поручено заключить договоръ съ протестантскими лердами Шотландіи. Договоръ этотъ былъ заключенъ въ февралѣ въ Бервикѣ; но такъ какъ союзное англійское и шотландское войско дѣйствовало неудачно, то Елисавета приказала Сесилю уже въ іюнѣ заключить миръ.

Въ это самое время умерла регентша Шотландіи, и Шотландія очутилась въ очень сомнительномъ положеніи. Правленіе перешло къ французской королевѣ, ревностной католичкѣ Маріи; а между тѣмъ вся страна находилась во власти фанатичныхъ

протестантовъ. Поэтому, когда англичане и французы, заключивъ между собою въ іюлѣ 1560 договоръ, примирили вмѣстѣ съ тѣмъ и шотландцевъ съ ихъ королевой, то въ договорѣ, заключенномъ съ Маріей подданными, королевская власть была ограничена, а власть лордовъ, стоявшихъ во главѣ протестантовъ, напротивъ того, расширена. Этотъ договоръ утвердилъ въ Шотландіи аристократическое и пуританское правительство на мѣсто прежняго монархическаго и католическаго. Въ силу его, французскія войска, кромѣ гарнизоновъ Донбара и Іечкейта, должны были удалиться. Собраніе (convention) трехъ сословій должно было избрать двадцать четыре члена, изъ которыхъ королевѣ слѣдовало выбрать семь, а собранію пять правителей, которымъ поручалось управленіе государствомъ. Наконецъ, постановлялось, что высшія государственныя должности могутъ занимать только туземцы, а король съ королевой безъ согласія членовъ не имѣютъ права начинать войны. Пуритане пошли еще дальше; они требовали, чтобы во всей странѣ было введено новое ученіе; но люди, заявлявшіе это требованіе, были слишкомъ ненавистны полукатоличкѣ королевѣ Елисаветѣ, такъ что министръ ея не посмѣлъ настаивать на этомъ условіи. Мирный договоръ, заключенный между Англіей и Франціей по шотландскимъ дѣламъ, заключалъ въ себѣ одно условіе, которое могло бы положить конецъ враждѣ королевъ Англіи и Шотландіи, если бы Марія Стюартъ подписала этотъ договоръ такъ же искренно, какъ Елисавета. Францискъ II и Марія Стюартъ обязались въ немъ сложить титулъ и гербъ Англіи и Ирландіи и признать Елисавету законной наслѣдницей этихъ государствъ. Но король и королева французскіе отказались утвердить этотъ договоръ, приводя пустую отговорку, будто посланники ихъ не были уполномочены рѣшать вопросъ объ англійскомъ престолонаслѣдіи. Фанатическіе католики скоро доставили имъ болѣе благовидный предлогъ. Правители Шотландіи (lords of the congregation), не спрося согласія королевы, созвали сеймъ, уничтожили, вопреки договору, во всемъ государствѣ католи-

ческую религію, не давъ обиженнымъ никакого вознагражденія, и такимъ образомъ на мѣсто королевскаго правительства утвердили свое революціонное.

Въ это время (въ декабрѣ 1560) умеръ король Францискъ II, и Марія осталась въ неловкомъ положеніи между партіями Франціи (т. XII, стр. 359); это не позволяло ей оставаться долго во Франціи. Мы не станемъ разсказывать о ея образѣ жизни въ Лотарингіи въ то время, когда она ожидала устройства своего вдовьяго состоянія; судьба ея во всякомъ случаѣ была трагическая и справедливо возбуждаетъ сожалѣніе. Однако, не смотря на это и хотя она любимая героиня романистовъ, нельзя отрицать, что она была въ высшей степени развратна. Ея тогдашнія любовныя похожденія, которыхъ она не прекращала и въ то время, когда сочиняла въ Лотарингіи элегіи на смерть мужа, не имѣютъ, впрочемъ, отношенія къ политической исторіи, подобно ея позднѣйшимъ преступленіямъ въ Шотландіи; они только характеризуютъ нравы большаго свѣта. Елисавета продолжала настаивать, чтобы королева утвердила вышеупомянутый договоръ; при этомъ онѣ выражались другъ о другѣ съ женскою запальчивостью и необдуманностью, такъ что скоро стало ясно, какъ сильно онѣ ненавидятъ другъ друга. Елисавета не позволила шотландской королевѣ, которая возвращалась въ Шотландію въ сопровожденіи трехъ дядей и другихъ французовъ, проѣхать черезъ Англію и даже послала корабли, чтобы захватить ее дорогою въ плѣнъ. Марія случайно избѣгла встрѣчи съ англійскимъ адмираломъ и 20 августа благополучно прибыла въ Шотландію, гдѣ при господствѣ олигархіи и іерархіи Елисавета имѣла гораздо больше вліянія, чѣмъ она.

Впрочемъ, вначалѣ Марію, какъ водится, приняли въ Шотландіи съ восторгомъ; но скоро красота и вѣтренность ея, презиравшая всѣ приличія, увлекли ее въ худшую опасность, чѣмъ всѣ англійскія интриги. Елисавета поддерживала безпокойства и неудовольствія въ Шотландіи противъ Маріи и, кромѣ того, интриговала во Франціи противъ Гизовъ, единственной

опоры шотландской королевы. Королева Елисавета или, скорѣе, ея старый, вѣрный, но дипломатически безсовѣстный министръ Сесиль играли въ 1562 году недостойную роль въ тогдашней войнѣ французскихъ протестантовъ противъ двора и Гизовъ. Съ одной стороны, черезъ министра своего Трокмортона Елисавета подстрекала французскихъ гугенотовъ и главу ихъ, принца Конде, къ войнѣ обѣщала имъ денегъ и войскъ и давала даже субсидіи; но съ другой стороны, она хотѣла соблюдать договоръ Шато-Камбрези и увѣряла французское правительство въ своемъ дружескомъ расположеніи къ нему. Правительства Франціи и Испаніи платили ей тѣмъ же, стараясь побудить къ отчаяннымъ покушеніямъ англійскихъ католиковъ, особенно многочисленныхъ защитниковъ правъ Маріи Стюартъ на престолъ. Но интриги ихъ были не такъ удачны, какъ происки англичанъ во Франціи и Шотландіи, и они вызвали ими только строгіе уголовные законы противъ католиковъ и побудили Елисавету преслѣдовать тяжкими наказаніями всѣхъ, кто не признавалъ ея духовной суприматіи.

Все это время англичане занимали Гавръ де Грасъ, данный имъ французскими реформатами въ залогъ за полученныя субсидіи и въ обезпеченіе возвращенія Кале или вознагражденія англійскимъ войскамъ, оказавшимъ въ Нормандіи важную помощь реформатамъ (т. XII, стр. 383). Все это измѣнилось, когда въ февралѣ 1563 былъ убитъ Францискъ де Гизъ. Предводители протестантовъ помирились тогда съ дворомъ, и, когда англичане не хотѣли уступать Гавра до выполненія данныхъ имъ обѣщаній, протестанты не могли отказать двору соединить свои войска съ правительственными для отнятія Гавра. Послѣ долгихъ переговоровъ французы ревностно принялись за осаду, и въ концѣ іюля англійскій комендантъ Гавра, Варвикъ, долженъ былъ сдать крѣпость французамъ съ условіемъ свободнаго возвращенія гарнизона въ Англію (т. XII, стр. 394). Послѣ примиренія партій во Франціи, Англіи не было болѣе причины враждовать съ французскимъ правительствомъ, и Елисаветѣ пришлось за-

быть понесенные убытки и постараться сойтись съ Екатериною Медичи. Такъ какъ военныя дѣйствія совершенно прекратились съ обѣихъ сторонъ, то миру не трудно было состояться, и въ апрѣлѣ 1564 онъ былъ заключенъ.

Въ Шотландіи вліяніе Елисаветы было по прежнему сильно, и сношенія ея съ государственными чинами не прекращались, хотя въ то же время она поддерживала дружбу съ Маріей Стюартъ и даже признала и взялась защищать ея права на наслѣдство англійскаго престола. Послѣднее дало ей поводъ стараться учредить надъ Маріей родъ опеки и начать разныя недостойныя интриги, бросающія очень непривлекательный свѣтъ на ея характеръ. Мы не хотимъ изслѣдовать, на сколько зависть Елисаветы ко множеству любовниковъ и къ красотѣ Маріи королевы шотландской или ея цѣломудренное негодованіе на ея предосудительное поведеніе играли роль въ жестокомъ преслѣдованіи, которое она вела противъ нея съ того времени; мы не можемъ также входить въ подробности о любовникахъ самой Елисаветы.

Шотландская королева, покинутая Франціей, совершенно довѣрилась своему побочному брату, Іакову Стюарту, и бывшему государственному секретарю Майтленду, которые пользовались большимъ вліяніемъ среди олигархіи конгрегаціонистовъ; она стала къ Елисаветѣ въ совершенную зависимость. Ея повѣренные состояли въ перепискѣ съ Сесилемъ и съ любовникомъ королевы Елисаветы, Робертомъ Додли графомъ Лейстеромъ, и при всякомъ случаѣ спрашивали совѣта англійской королевы. Когда вслѣдствіе интриги, затѣянной въ Инспрукѣ, эрцгерцогъ Карлъ просилъ руки Маріи, Елисавета не одобрила этого брака и черезъ посла своего дала Маріи понять, что, признавъ ее своей наслѣдницей въ Англіи, она не можетъ согласиться на бракъ ея съ габсбургскимъ принцемъ. Такимъ образомъ, Марія отказалась отъ этого брака; но Сесиль, не желавшій продолженія дружбы королевъ, склонилъ Елисавету предложить Маріи выйти замужъ за одного англійскаго вельможу, котораго это сватовство смутило не меньше самой Маріи. Это

былъ никто иной, какъ самъ любовникъ Елисаветы, Робертъ Додли графъ Лейстеръ, котораго Елисавета, разумѣется, сватала не серьезно. Всякому было ясно, что Сесиль придумалъ это въ надеждѣ разссорить этимъ Лейстера съ Елисаветой. Марія не посмѣла дать прямаго отказа и предпочла выйти за одного шотландскаго вельможу, возвратившагося въ Шотландію съ дозволенія Елисаветы послѣ продолжительнаго изгнанія. Этотъ избранникъ былъ Генрихъ Дарнлей графъ Ленноксъ, мать котораго была дочь сестры Генриха VIII, Маргариты, отъ втораго брака ея съ Матѳіемъ Стюартомъ графомъ Ленноксомъ. Дарнлей принадлежалъ къ реформатской церкви, и въ Англіи, гдѣ онъ жилъ все время своего изгнанія, думали одно время отдать его болѣе отдаленнымъ правомъ на престолонаслѣдіе предпочтеніе передъ несомнѣнными правами католички Маріи Стюартъ; бракъ ихъ разсѣялъ всѣ сомнѣнія, и права ихъ дѣтей на наслѣдіе англійскаго престола стали неоспоримы. Елисавета знала о намѣреніи Маріи и, не смотря на это, дозволила отцу Дарнлея уѣхать изъ Англіи въ Шотландію. Слѣдовательно, сватовство любовника ея Лейстера была пустая продѣлка. Она увѣряла, однако, что дозволила графу Ленноксу ѣхать потому, что Марія изъявила намѣреніе возвратить ему его имѣнія, а о сватовствѣ его сына будто бы ничего не знала.

Весь образъ дѣйствій англійской королевы былъ оскорбителенъ для Маріи и клонился къ тому, чтобы раздражить ее; съ другой стороны и поведеніе Маріи, какъ до брака ея, такъ и послѣ него, было въ высшей степени неприлично; мы не станемъ, однако, входить ни въ англійскія, ни въ шотландскія придворныя интриги, любовныя приключенія и скандалы. Елисавета всѣми силами старалась воспрепятствовать браку Маріи съ потомкомъ дома Стюартовъ и въ этомъ ей содѣйствовалъ сводный братъ Маріи, Яковъ Стюартъ, возведенный своей королевой въ достоинство графа Мёрри и со времени ея возвращенія въ Шотландію управлявшій всѣми государственными дѣлами. Благодаря его проискамъ, фанатическіе бароны (lairds) заключили между собою родъ священнаго союза и торжественно утвердили

его клятвою. Говорятъ (чему мы, впрочемъ, не вѣримъ), будто они составили даже планъ похитить королеву и такимъ образомъ не допустить ее до брака съ Дарнлеемъ; во всякомъ случаѣ, они по шотландскому обычаю вышли въ поле съ своими вассалами. Народное ополченіе, созванное Маріей, было, однако, сильнѣе ихъ, такъ что они были принуждены бѣжать въ Англію, гдѣ Елисавета принимала съ распростертыми объятіями всѣхъ недовольныхъ шотландцевъ. Марія стала дѣйствовать быстро и рѣшительно, пренебрегая всѣми англійскими интригами, хотя сначала употребляла большія усилія, чтобы добиться согласія англійской королевы на свой бракъ. Дарнлей также горячо принялся за дѣло и черезъ любимца Маріи убѣждалъ ее торопиться бракосочетаніемъ съ нимъ. Этотъ любимецъ, уже имѣвшій тогда большое вліяніе на Марію, а потомъ сдѣлавшійся причиною всѣхъ послѣдующихъ несчастій ея, былъ Д а в и д ъ Р и ч і о изъ Турина. Ричіо обладалъ превосходнымъ басомъ и пріѣхалъ въ Шотландію съ посланникомъ своего государя, герцога Савойскаго; здѣсь онъ вступилъ въ придворную службу, сперва пажемъ, а потомъ секретаремъ королевы для ея французской корреспонденціи. Марія была съ нимъ на такой короткой ногѣ, что чопорные шотландцы были въ высшей степени возмущены этимъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ онъ сталъ вмѣшиваться въ важнѣйшія дѣла. Дарнлей былъ еще ранѣе сдѣланъ графомъ Россомъ, а въ 1565 герцогомъ Альбани, и, наконецъ, 22 іюля 1565 совершилось его бракосочетаніе съ Маріей. Марія обвѣнчалась съ нимъ по римскому обряду въ капеллѣ своего дворца (Holyrood-House). Еще до свадьбы королева манифестомъ даровала своему мужу титулъ короля и объявила, что впредь всѣ рескрипты будутъ издаваться именемъ Генриха и Маріи, короля и королевы шотландскихъ.

Елисавета съ своей стороны все время съ 1562 до 1567 была подъ вліяніемъ своего любовника Лейстера, какъ слабые государи бываютъ подъ вліяніемъ любовницъ; однако, она не рѣшилась выйти за него замужъ. Лейстеръ долженъ былъ

сносить причуды своей далеко непривлекательной и очень скучной королевы; за это она во многихъ случаяхъ дозволяла ему управлять собою, хотя очень хорошо знала, что славой своей обязана единственно своимъ превосходнымъ министрамъ, Сесилю (лорду Борлэ) и Вольсингему. Елисавета вступала въ переговоры о бракѣ со многими принцами; но всякій разъ обнаруживалось, что она лукавила; иногда же и женихи находили для себя препятствіемъ ту роль, которую игралъ при ея дворѣ Лейстеръ. Впрочемъ, по наружности у ней все было совершенно нравственно и прилично. При шотландскомъ дворѣ, напротивъ, особенно послѣ того, какъ въ 1566 году Марія родила сына, впослѣдствіи короля Іакова VI или, какъ онъ назывался въ качествѣ короля англійскаго, Іакова I, совершенно пренебрегали нравственностью, достоинствомъ и приличіемъ. Мужъ Маріи былъ человѣкъ грубый, вспыльчивый и преданный пьянству, какъ вообще всѣ шотландцы и большая часть тогдашней англійской знати; кромѣ того, онъ былъ очень взбалмошенъ. Марія, привыкшая во Франціи къ итальянскому тону, къ литературному и художественному лоску, къ лести и обожанію, охотнѣе проводила время съ Ричіо, чѣмъ съ мужемъ. Это, разумѣется, бѣсило Дарнлея. Сначала она страстно любила его и даже провозгласила королемъ; но потомъ вдругъ измѣнилась и не хотѣла болѣе раздѣлять съ нимъ власти. Особенно разсердило Дарнлея то, что Марія, изгнавъ всѣхъ, поднявшихъ противъ нея оружіе, сдѣлала исключеніе въ пользу враговъ его, Гамильтоновъ. Это было сдѣлано съ политическою цѣлью, недоступною пониманію Дарнлея, а онъ приписывалъ все вліянію Ричіо, котораго заставалъ всегда въ кабинетѣ королевы, гдѣ тотъ велъ ея тайную переписку. Къ несчастію, Ричіо при бракосочетаніи Маріи былъ сдѣланъ частнымъ казначеемъ королевы и ея мужа; поэтому ему часто приходилось отказывать королю въ деньгахъ, въ ожиданіи разрѣшенія королевы на выдачу. Кромѣ того, Ричіо, какъ иностранецъ, католикъ и приверженецъ личнаго монархическаго правленія, былъ ненавистенъ и шотландскому народу, особенно изгнаннымъ изъ Шотландіи и прожи-

вавшимъ на границѣ лердамъ и самому королю; поэтому Дарнлей нашелъ себѣ опору въ знати. Дарнлей заключилъ союзъ съ самыми отважными и отчаянными противниками своей жены и подписалъ два договора, которыми, подобно разбойникамъ, соединялся съ ними на убійства и злодѣйства.

Страшное злодѣяніе, которое мы сейчасъ разскажемъ, достаточно доказываетъ, на какія варварства были способны король и его грубые товарищи; по поступкамъ ихъ можно будетъ судить о содержаніи заключенныхъ ими договоровъ.

Въ концѣ февраля и 1 марта 1566, за три съ половиною мѣсяца до рожденія Іакова I, король заключилъ союзъ съ предводителями протестантовъ. Этотъ союзъ былъ направленъ не только противъ жизни Ричіо, но и противъ всѣхъ друзей и защитниковъ королевы и даже противъ ея свободы. Графъ Мёрри не подписалъ, однако, этого договора. Девятаго марта 1566 разбойники-рыцари, подобные тѣмъ, которыми восхищается Вальтеръ Скотъ: Мортонъ, Рётвенъ, Дугласъ, Баллентайнъ и Керръ, напали на королеву въ ея дворцѣ, Голрудѣ. Марія съ своимъ сводньмъ братомъ и сводной сестрой сидѣла въ своемъ кабинетѣ за столомъ; Ричіо, начальникъ гвардіи и гофмейстейръ двора королевы тоже находились въ комнатѣ, какъ вдругъ Мортонъ съ восемьюдесятью товарищами занялъ дворецъ, и грубые друзья короля ворвались въ комнату королевы. Самъ король вошелъ въ комнату, сѣлъ подлѣ жены и обнялъ ее. Вслѣдъ за нимъ вошелъ Рётвенъ съ другими заговорщиками и объявилъ, что Ричіо долженъ умереть. Ричіо спрятался за кресломъ королевы. Марія тщетно умоляла грубыхъ заговорщиковъ пощадить ея секретаря, котораго, какъ и королеву, мы вовсе не считаемъ безгрѣшнымъ, но котораго дерзкіе піэтисты все-таки не имѣли права убивать. Баллентайнъ грозилъ королевѣ кинжаломъ; Керръ приставилъ ей къ груди пистолетъ; Дугласъ выхватилъ у короля кинжалъ (dirk) и черезъ плечо Маріи ударилъ въ спину лежавшаго у ногъ королевы Ричіо. Столъ, за которымъ Марія сидѣла, былъ опрокинутъ; Ричіо вытащили изъ кабинета въ

смежную комнату и тамъ закололи пятьюдесятью шестью ударами кинжаловъ. Во время этого убійства приверженцы королевы: Гёнтли, Ботвель, Майтлендъ, Арджайль и Бальфуръ находились въ другихъ комнатахъ за́мка. Они бросились на помощь королевѣ, и тогда завязалась страшная борьба, въ которой защитники королевы должны были, наконецъ, уступить убійцамъ. Заговорщики немедленно призвали съ границы въ столицу Мёрри и его друзей и рѣшили отвезти королеву въ Стирлингъ и держать тамъ ее въ заключеніи, пока она не одобритъ всего случившагося, не отмѣнитъ всѣхъ льготъ, дарованныхъ католикамъ, не установитъ церкви на строгихъ началахъ, проповѣдуемыхъ Ноксомъ, и не предоставитъ мужу одинаковыхъ съ собою правъ (the matrimonial crown). Предпріятіе ихъ, однако, не удалось, потому что Дарнлей образумился, а Мёрри, сводный братъ королевы, оказалъ ей дружеское расположеніе, такъ что даже приготовленія Гёнтли и Ботвеля къ освобожденію королевы оказались ненужны. Марія нашла средство бѣжать въ крѣпость Донбаръ, куда къ ней стеклось приглашенное ею рыцарство. Она пошла съ нимъ на Эдинбургъ и принудила заговорщиковъ и ихъ приверженцевъ возвратиться въ Англію, гдѣ они расположились на границѣ.

Англійская королева дѣйствовала въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ относительно французскихъ реформатовъ, т. е. очень политично и дипломатично, но очень безсовѣстно. Съ одной стороны, она дѣлала видъ, будто судьба Маріи очень безпокоитъ ее, а съ другой — посылала Мёрри и его друзьямъ деньги. Агентъ Сесиля, котораго министръ держалъ на шотландской границѣ, писалъ ему, какъ мы видимъ у Чальмерса, въ самый вечеръ задуманнаго убійства, «что теперь все пойдетъ хорошо». Въ этомъ случаѣ можно, кажется, вѣрить разсказамъ писателей, нерасположенныхъ къ Елисаветѣ; но что касается новѣйшихъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ бумагъ Симанкскаго архива, то они заслуживаютъ полнаго довѣрія, пока не будутъ найдены лучшія доказательства. Въ числѣ

этихъ бумагъ находится письмо испанскаго посланника Гусмана де Сильвы, въ которомъ утверждается, будто заговорщикамъ было заплачено 8,000 кронъ, и будто англійскій министръ смотрѣлъ на это дѣло, какъ на случай доставить своей королевѣ шотландскую корону. Во всякомъ случаѣ характеръ великой англійской королевы, какъ и всѣхъ почти великихъ правителей и государственныхъ людей, въ высшей степени гнусенъ. Елисавета, если не принимала непосредственнаго участія въ томъ, что случилось съ Маріей, то непремѣнно знала о замыслѣ и интригахъ Сесиля и, не смотря на то, велѣла поздравить шотландскую королеву съ благополучнымъ избавленіемъ отъ заговора. По просьбѣ Маріи она велѣла убійцамъ выѣхать изъ своихъ владѣній, но при этомъ дала имъ знать, чтобы они только нѣсколько отъѣхали отъ границы. По возстановленіи власти Маріи до рожденія ею сына, Іакова I, Елисавета постоянно втайнѣ покровительствовала недовольнымъ шотландцамъ.

Марія вела себя непостижимо легкомысленно. Примирившись съ мужемъ, она относилась къ нему съ оскорбительнымъ презрѣніемъ, обращалась съ нимъ, какъ съ подданнымъ и умышленно оскорбляла его. Впрочемъ, разсказы Буханана, неисчерпаемаго въ анекдотахъ о проступкахъ Маріи противъ мужа, слѣдуетъ читать осмотрительно и не забывать, что Дарнлей не только участвовалъ въ убійствѣ Ричіо, но и вообще былъ человѣкъ грубый и въ пьяномъ видѣ часто велъ себя, какъ пьяные ирландцы въ Лондонѣ. Марія съ своей стороны, родивъ 19 іюня 1566 принца Іакова, удостоила графа Ботвеля такой же довѣренности, какъ прежде Ричіо, что́ показалось крайне неприличнымъ строгимъ кальвинистамъ Шотландіи и Англіи. Это не подлежитъ сомнѣнію. Лингардъ и Чальмерсъ отвергаютъ, что отношенія Маріи къ Ботвелю были безнравственны; правда, это очень деликатный и трудно рѣшимый вопросъ; несомнѣнно, однако, что Марія довѣряла Ботвелю, бывшему наслѣдственнымъ адмираломъ Шотландіи, государственныя дѣла, до которыхъ не допускала мужа. Ботвель былъ личный врагъ

графа Мёрри, но, не смотря на это, завѣдывалъ вмѣстѣ съ нимъ, съ Гёнтли и съ зятемъ Мёрри, графомъ Арджайлемъ, государственными дѣлами. Король такъ тяготился своимъ устраненіемъ отъ дѣлъ, что по своему грубому обычаю объявилъ, что убьетъ графа Мёрри. Онъ этого, правда, не сдѣлалъ; но оставилъ дворъ, объяснивъ, что не вернется, пока не будутъ удалены эти три человѣка. Онъ отправился въ Стирлингъ и совершенно покинулъ бы Шотландію, если бы отецъ его не убѣдилъ королеву написать ему и пригласить его въ Эдинбургъ. Происшедшее вслѣдствіе этого свиданіе Дарнлея съ Маріей не привело ни къ чему, и королева открыто оставалась въ ссорѣ съ мужемъ, хотя въ совѣтѣ согласилась по возможности удовлетворить короля.

Изъ историковъ одни стараются всячески оправдать Марію, чтобы усилить трагическій эффектъ ея судьбы и показать въ ней мужественную защитницу римско-католической религіи противъ протестантства; другіе, напротивъ того, сваливаютъ всю вину на шотландскую королеву, чтобы оправдать Елисавету и доказать, что участь Маріи была справедливымъ наказаніемъ небесъ за ея пороки. Мы же ограничимся фактами. Несомнѣнно, что Марія, жившая полтора года въ открытомъ разрывѣ съ мужемъ, если не принимала прямаго участія въ заговорѣ, составленномъ въ концѣ 1566 года противъ его жизни, то во всякомъ случаѣ очень хорошо знала, что сводный братъ ея, Мёрри и его пріятели, способные на всякое злодѣяніе, рѣшились погубить Дарнлея. При этомъ, какъ при убійствѣ Ричіо, былъ составленъ и подписанъ формальный договоръ (bond). Его подписали: Гёнтли, Арджайль, Ботвель, Майтлендъ и Бальфуръ, обязавшись отдѣлаться отъ короля и взаимно защищать другъ друга, особенно того изъ нихъ, кто будетъ исполнителемъ замысла. Мёрри и тутъ остался вѣренъ своему обычаю — не выставляться слишкомъ впередъ и держаться въ сторонѣ. Онъ не подписалъ договора. Ботвель, напротивъ, вызвался даже совершить убійство.

Съ этой минуты образъ дѣйствій королевы Маріи становится въ высшей степени подозрительнымъ; ея поступки въ январѣ и въ февралѣ 1567 г. и то обстоятельство, что вызванное ея интригами уединеніе короля какъ разъ совпадало съ кровавыми замыслами заговорщиковъ, выказываютъ Марію въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Что касается ея легкомыслія, то и поклонники ея согласны, что она перешла въ это время всѣ предѣлы приличія и нравственности. Она полтора года причиняла мужу всевозможныя огорченія, не жила съ нимъ и не пустила его даже на крестины сына. Но вдругъ она стала къ нему необыкновенно нѣжна, когда Дарнлей въ концѣ 1566 года захворалъ оспою въ Гласгоу. Сначала она послала къ нему своего доктора, а потомъ пріѣхала сама и въ послѣднихъ дняхъ января 1567 взяла его даже съ собой въ Эдинбургъ, такъ что, казалось, они совершенно примирились. Вслѣдъ затѣмъ было рѣшено, что Дарнлей поселится въ загородномъ домѣ, недалеко отъ городской стѣны. Домъ этотъ принадлежалъ какому-то священнику и носилъ духовное названіе (the kirk of fields). Дарнлей поселился въ немъ, чтобы пользоваться здоровымъ воздухомъ, и чтобы, какъ говорила Марія, его не безпокоилъ шумъ дворца. Тридцать перваго января Дарнлея перевезли въ этотъ домъ. Лишь только онъ переѣхалъ туда, какъ соучастники Ботвеля принялись за работу и, какъ послѣ говорили, проводили мину и подкладывали въ нее и въ погреба дома порохъ. Королева выказывала мужу большую нѣжность и приказала даже поставить свою постель въ комнату, находившуюся подъ его спальней. Вечеромъ 9 февраля она возвратилась въ городъ во дворецъ на блистательную свадьбу одной изъ своихъ придворныхъ дамъ, а на слѣдующій день рано поутру страшный грохотъ возвѣстилъ всему городу, что домъ, гдѣ жилъ ея мужъ, взлетѣлъ на воздухъ. Трупы короля и одного пажа были найдены въ саду сосѣдняго дома безъ всякихъ признаковъ обжога; казалось, что ихъ осторожно положили туда; даже туфли лежали подлѣ мертваго короля. Трупы трехъ другихъ человѣкъ

и мальчика были найдены подъ развалинами зданія. Марія высказывала сильное огорченіе, но этого нельзя было считать доказательствомъ ея невинности, особенно, зная исторію столь частыхъ въ Англіи, Франціи и Германіи политическихъ убійствъ. Большинство подданныхъ Маріи заключило изъ обстоятельствъ дѣла, что король и пажъ его были задушены и вынесены изъ дома, который взорвали уже по совершеніи убійства.

Послѣ первыхъ же розысковъ стало ясно, что Ботвель былъ непосредственнымъ участникомъ въ убійствѣ, и противъ него возникло формальное обвиненіе. Отецъ убитаго, графъ Ленноксъ, потребовалъ, чтобы королева созвала парламентъ и передъ нимъ формально обвинилъ Ботвеля и нѣкоторыхъ другихъ въ убійствѣ сына. Судъ былъ назначенъ 12 апрѣля, но Ленноксъ не явился, узнавъ, что соучастники убійства собрали нѣсколько тысячъ вооруженныхъ людей. Вмѣсто себя онъ прислалъ изъ Стирлинга письмо отъ 11 апрѣля, прося сорока-дневной отсрочки и требуя, чтобы разсѣяли угрожающую ему вооруженную шайку. Просьба его была отвергнута, и, не смотря на его отсутствіе, судъ происходилъ въ назначенный день. Ленноксъ еще прежде обращался къ заступничеству Елисаветы, которая немедленно отправила къ Маріи посла съ дѣльнымъ и разсудительнымъ письмомъ. Посолъ ея прибылъ въ Эдинбургъ 12 апрѣля, какъ разъ въ тотъ день, когда былъ назначенъ судъ. Его даже не приняли и на письмо королевы не дали никакого отвѣта. Предсѣдателемъ въ засѣданіи суда 12 апрѣля былъ товарищъ обвиняемыхъ, графъ Арджайль (hereditary justiciary of Scotland); поэтому должно было заранѣе предвидѣть рѣшеніе. На прошеніе графа Леннокса объ отсрочкѣ было отказано, и, такъ какъ обвинитель не явился, то Ботвель былъ оправданъ. Но междоусобная война уже грозила; народъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что королева сама не назначила тотчасъ судебнаго слѣдствія объ убійствѣ мужа; раздраженіе усилилось еще болѣе, когда она прекратила слѣдствіе на половинѣ и по прежнему продолжала оказывать расположеніе Бот-

велю. Тогда для своей безопасности Марія потребовала, чтобы графъ Марръ передалъ ей Эдинбургскую цитадель, довѣренную ему чинами. Марръ исполнилъ ея требованіе, но съ тѣмъ, чтобы она дала ему въ залогъ сына, котораго онъ увезъ съ собою въ Стирлингъ.

Нельзя упрекать современниковъ и тѣхъ изъ потомства, которые называли поведеніе Маріи въ этомъ дѣлѣ преступнымъ и не колеблясь приписывали ей участіе въ убійствѣ. Событія, послѣдовавшія за смертью Дарнлея, показываютъ королеву въ еще худшемъ свѣтѣ. Созванный парламентъ рѣшилъ черезъ два дня послѣ суда возвратить Гёнтли конфискованное у него имѣніе и оставить за заговорщиками всѣ жалованныя имъ награды, которыя, по шотландскому праву, могли быть отобраны. Такимъ образомъ, Мёрри, Ботвель, Мортонъ, Крауфордъ, Кайтнесъ, Ротсъ, Семпль, Геррисъ и Майтлендъ сохранили всѣ несправедливо присвоенныя государственныя имущества, а королева и наслѣдники ея были лишены права когда-либо ограничить льготы этихъ господъ. Вслѣдъ затѣмъ, 20 апрѣля, когда парламентъ былъ распущенъ, члены верхней палаты возбудили противъ себя страшное негодованіе своихъ соотечественниковъ, строгихъ пуритан. Всѣ епископы, за исключеніемъ одного, всѣ графы, за исключеніемъ двухъ, и всѣ бароны, за исключеніемъ пяти, всего двадцать четыре пера, подписали актъ, которымъ удостовѣряли невинность Ботвеля, обязывались защищать его противъ всѣхъ клеветниковъ и, наконецъ, даже всячески содѣйствовать браку его съ королевой. Наконецъ, событіе 24 апрѣля довершило скандалъ. Въ этотъ день королева подъ предлогомъ навѣстить сына поѣхала въ Стирлингъ и на пути была взята въ плѣнъ Ботвелемъ, который съ отрядомъ въ тысячу человѣкъ устроилъ на дорогѣ засаду. Она и свита ея были отправлены Ботвелемъ въ Донбаръ. Здѣсь онъ отпустилъ захваченныхъ съ нею Гёнтли и Майтленда, а королеву держалъ въ заключеніи десять дней и выпустилъ ее не иначе, какъ взявъ

съ нея согласіе на бракъ съ нимъ. Тогда возникло весьма правдоподобное предположеніе, что все это дѣло было устроено заранѣе, и что убійство короля находится въ непосредственной связи съ похищеніемъ королевы. Марія и ея защитники и поклонники опровергали это и увѣряли даже, что Ботвель въ Донбарѣ прибѣгалъ къ насилію и потомъ привезъ Марію плѣнницей въ Эдинбургъ; но такъ какъ Ботвелю надо было еще развестись съ женою прежде, чѣмъ думать о бракѣ съ Маріей, то намъ кажется невозможнымъ оправдать королеву въ преступномъ участіи въ злодѣяніи Ботвеля, тѣмъ болѣе, что англійскій и французскій посланники настойчиво отговаривали ее отъ этого скандальнаго брака. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Ботвель былъ призванъ въ судъ за убійство, королева явилась съ нимъ въ собраніе шотландскихъ судей (court of session) и дала ему формальное прощеніе за насильственное похищеніе и обращеніе съ нею, прибавивъ еще, что теперь она совершенно свободна. На слѣдующій день (13 мая) она сдѣлала его герцогомъ Оркни и простила всѣхъ участвовавшихъ съ нимъ въ покушеніи противъ нея. Наконецъ, 15 мая 1567 она обвѣнчалась съ нимъ въ Голирудъ-Гоузѣ. Но и послѣ вѣнца ее строго стерегли, и разбойничій атаманъ, которому она отдалась, обходился съ нею самымъ грубымъ образомъ.

Послѣдующія шотландскія событія мы просмотримъ мелькомъ, не вдаваясь въ лабиринтъ интригъ, злодѣйствъ и коварствъ достохвальнаго шотландскаго дворянства. Убѣдившись, что Ботвель хочетъ быть тираномъ королевы, а черезъ нее всѣхъ шотландцевъ, единомышленники его испугались. Уже въ іюнѣ они заключили союзъ противъ своего бывшаго пріятеля и товарища, съ которымъ вмѣстѣ грабили и злодѣйствовали; Мёрри, дѣйствовавшій за одно съ нимъ, но постоянно державшійся въ сторонѣ, вдругъ явился мстителемъ. Онъ игралъ съ самаго начала главную роль во всѣхъ смутахъ, но всегда во время сходилъ со сцены; онъ ѣздилъ во Францію и теперь надѣялся получить

регентство и воспитаніе молодаго принца. Заговорщики *) сначала намѣревались напасть на Марію и ея мужа въ Эдинбургѣ, гдѣ могли разсчитывать на народъ. Но это не удалось, потому что Ботвель съ королевою, которую всюду таскалъ за собою, бѣжалъ въ Бортвикъ; заговорщики послѣдовали за нимъ туда, но онъ поспѣшилъ оттуда въ Донбаръ. Тогда мятежники вступили въ Эдинбургъ и издали прокламацію къ народу, обвиняя Ботвеля въ убійствѣ Дарнлея, въ измѣнническомъ насиліи противъ королевы, въ принужденіи ея къ браку и въ намѣреніи овладѣть молодымъ принцемъ, чтобы убить его, какъ убилъ его отца. Королева, повидимому, совершенно добровольно слѣдовала за Ботвелемъ; бѣжавъ въ Донбаръ изъ Бортвика по утру, онъ оставилъ тамъ королеву совершенно одну съ ея прислугою, а вечеромъ она сама пріѣхала къ нему въ Донбаръ. Въ Донбарѣ Ботвель собралъ своихъ и королевскихъ вассаловъ и пошелъ на Эдинбургъ, гдѣ мятежники хотѣли учредить правительство, устранивъ отъ правленія Марію и Ботвеля. Они собрали войско и выступили противъ Ботвеля на возвышенность Керберри близъ Эдинбурга. 15 іюня оба войска стали другъ противъ друга и простояли такъ съ ранняго утра до девяти часовъ вечера. До битвы дѣло не дошло, такъ какъ Ботвель не рѣшился аттаковать сильнѣйшаго непріятеля, а мятежники, быть можетъ, хотѣли только захватить королеву, не губя своего стараго товарища. Наконецъ, согласились, что Ботвель можетъ отправляться, куда ему угодно, а королева должна слѣдовать въ Эдинбургъ за мятежниками, лицемѣрно оказывавшими ей почтеніе и преданность.

Мортонъ, которому ее поручили, оказывалъ ей сначала должное почтёніе; но, въѣхавъ въ городъ, она тотчасъ почувствовала, что́ ее ожидаетъ. Народъ встрѣтилъ ее страшными кри-

*) Графы Мортонъ, Марръ и Атоль, бароны Юмъ, Семпль и Линдсей и лерды Толибардайнъ и Грейнджъ, къ которымъ потомъ присоединились Монтрозъ, Гленкарнъ, Рётвенъ и Синклеръ.

ками и несъ передъ нею знамя съ изображеніемъ ея убитаго мужа и передъ нимъ на колѣняхъ сына, восклицающаго: «Господи! не оставь дѣла моего безъ отмщенія!» Марію привезли не во дворецъ, а въ домъ уголовнаго судьи и не допускали къ ней никого, даже служанокъ. Послѣ двадцати двухъ часовъ, проведенныхъ въ совершенномъ одиночествѣ, въ смертельномъ страхѣ, въ слезахъ и рыданіяхъ, она была отправлена подъ строгимъ военнымъ конвоемъ въ укрѣпленный замокъ Лохлевенъ, принадлежавшій сводному брату Мёрри, Вильяму Дугласу. Тамъ съ 24 по 30 іюня ее мучилъ Линдсей, глава піэтистовъ, совершившихъ все это предпріятіе, пока, наконецъ, она не подписала акта, которымъ обязалась сложить съ себя правленіе и вполнѣ предоставить воспитаніе сына пуританамъ.

Въ это время Елисавета была опять на сторонѣ Маріи противъ бунтовщиковъ, а министръ ея, Сесиль, стоялъ за послѣднихъ противъ шотландской королевы. Елисавета ненавидѣла всѣ пуританскіе принципы, а главное возмущеніе противъ верховной власти и потому смотрѣла враждебно на шотландскихъ мятежниковъ, хотя Ноксъ уже умеръ, и народнымъ папой шотландцевъ былъ менѣе ярый демократъ Ле-Крокъ. Но Сесилю хотѣлось совершенно подавить католицизмъ, а слѣдовательно, и королеву Марію. Мёрри игралъ ту же роль, какъ и Елисавета, постоянно выражавшая негодованіе противъ шотландскихъ піэтистовъ и готовность помочь королевѣ Маріи, но въ сущности не дѣлавшая ничего. Мёрри оставался во Франціи, пока не пришла его пора, по назначеніи его регентомъ и по коронованіи тринадцати-мѣсячнаго короля Іакова VI (I). Тогда онъ поспѣшилъ въ Шотландію и еще до принятія регентства, 15 августа 1567, посѣтилъ сводную сестру свою, королеву, въ ея тяжеломъ заключеніи въ Лохлевенѣ. Посѣщеніе это продолжалось одинъ день и одну ночь. То, что сообщаетъ о Мёрри англійскій посланникъ Трокмортонъ, показываетъ, что это былъ истый дипломатъ, считавшій, что власть стоитъ всякой жертвы, и въ то же время человѣкъ искусившійся въ священномъ писаніи, способ-

ный изъ любви къ Богу заглушить въ своемъ сердцѣ всякую любовь и сострадавіе къ роднымъ и ближнимъ. Надо сознаться, что Марія вела себя въ это время въ высшей степени недостойно. Мы говоримъ не о жалобахъ, слезахъ и рыданіяхъ слабой женщины, а о нѣжномъ письмѣ, которое она, находясь во власти враговъ, написала изъ Эдинбурга къ Ботвелю, и за которымъ слѣдовало множество другихъ такихъ же писемъ къ этому злодѣю. Мёрри увѣрялъ даже иностранныя державы, что только слезы и просьбы Маріи побудили его въ пребываніе въ Лохлевенѣ принять регентство. Шотландскіе піэтисты вытребовали отъ Мёрри такую присягу, которая ясно доказывала, что нетерпимостью и фанатизмомъ въ кальвинизмѣ они не уступаютъ ни іезуитамъ въ папизмѣ, ни нынѣшнимъ піэтистамъ. Марія отличалась полною терпимостью; Мёрри же долженъ былъ обѣщать не только всѣми силами стараться доставить господство истинной церкви, то есть ученію Нокса, но и истребить всѣхъ еретиковъ и еретичекъ *).

Мёрри поручилъ своей матери, бывшей любовницѣ Іакова V, должность тюремщицы при его сводной сестрѣ, заключенной въ Лохлевенѣ. Но братъ Мёрри, Джорджъ Дугласъ, влюбился въ нее и помогъ ей бѣжать 25 марта 1568. Марія уже выбралась изъ за̀мка, но гребцы, переправлявшіе ее черезъ рѣку, возъимѣли подозрѣнія и привезли ее назадъ. Тогда Джорджъ Дугласъ бѣжалъ, но вскорѣ, 2 мая, окончательно освободилъ королеву черезъ шестнадцатилѣтняго юношу, извѣстнаго въ окрестностяхъ подъ именемъ маленькаго Дугласа. Онъ благополучно привезъ Марію изъ Лохлевена къ Джорджу Дугласу, который перевезъ ее въ за̀мокъ Гамильтонъ. Очутившись въ безопасности, королева не

*) And out of this realme of Scotland and impyre thairof i sall be caire to ruite out all hereticks and enemies to the trew worship of God, that sall be convict by the trew kirk of God of the foresaid crimes. (И буду заботиться объ уничтоженіи во всемъ Шотландскомъ королевствѣ и его владѣніяхъ всѣхъ еретиковъ и враговъ истиннаго богопочитанія, обличенныхъ истинною церковью Божіею въ вышеупомянутыхъ преступленіяхъ).

медля объявила свое отреченіе отъ престола вынужденнымъ насиліемъ. Тогда девять графовъ, девять епископовъ и восемнадцать бароновъ предложили ей помощь, и вокругъ нея собралось много приверженцевъ. Съ ними она выступила изъ Гамильтона и пошла на Донбартонъ, какъ вдругъ на пути передъ ней на высотахъ неожиданно показался Мёрри съ отборнымъ отрядомъ. Спутники Маріи, надѣясь на свою многочисленность, бросились на слабый отрядъ регента, но были разбиты и разсѣяны. Королева бѣжала, но не знала, куда укрыться, потому что путь въ горы былъ занятъ. Шотландія не представляла ей убѣжища. Потому она рѣшилась обратиться къ королевѣ англійской.

Елисавета въ этомъ случаѣ поступила согласно своему хваленому дипломатическому и политическому такту. Она предоставила шотландской королевѣ жить въ Карлейлѣ на шотландской границѣ, что́ привело Мёрри и его шотландцевъ въ большое смущеніе; они были принуждены согласиться принять посредничество королевы англійской въ своихъ несогласіяхъ съ Маріей. Елисавета относилась къ Маріи очень дружески и любезно, но велѣла строго смотрѣть за нею въ Карлейлѣ и объявила, что не можетъ принять сторону Маріи, пока она не оправдается въ убійствѣ мужа. Это дало англійской королевѣ средство во всякое время уничтожить свою соперницу. Сесиль (лордъ Борлэ) и на этотъ разъ дѣйствовалъ втайнѣ. Этотъ врагъ Маріи и ея религіи издавна строилъ противъ нея ковы, то возстановляя противъ нея свою Елисавету, то сочиняя непредвидѣнныя затрудненія и запутывая королеву Марію, ея друзей и единовѣрцевъ въ опасныя сѣти личными интригами и дипломатіей своихъ креатуръ, которымъ поручалъ переговоры съ нею. Весь 1568 годъ онъ держалъ Марію и шотландцевъ въ страхѣ и доставилъ своей королевѣ торжество: шотландскій регентъ Мёрри, устрашенный безпокойствами въ своей странѣ, пріѣзжалъ въ Англію и предсталъ передъ министрами Елисаветы обвинителемъ своей королевы; Марія съ своей стороны

согласилась признать англійское правительство судьей въ своемъ дѣлѣ.

Іоркское и Гамптонкуртское совѣщанія касательно шотландской королевы не привели ни къ какому положительному результату. Мёрри, съ своей стороны, воспользовался честолюбіемъ протестантскаго герцога Норфока и дружбою его съ графами Аронделемъ и Пемброкомъ, герцогами Нортомберлендомъ и Вестморлендомъ, съ членами тайнаго совѣта, Дерби, Соссексомъ и Комберлендомъ, чтобы подстрекнуть его на бракъ съ Маріей; но въ то же время изъ своихъ дипломатическихъ цѣлей онъ еще до возвращенія въ Шотландію извѣстилъ объ этомъ планѣ королеву Елисавету. Она пришла въ негодованіе и приказала перевезти шотландскую королеву въ зáмокъ Тотбёри въ Страффордскомъ графствѣ, гдѣ съ тѣхъ поръ графъ Шрьюсбери содержалъ ее плѣнницей. Въ маѣ 1569 проектъ о бракосочетаніи Маріи съ Норфокомъ, отвергнутый сперва имъ самимъ, былъ возобновленъ, и въ пользу его былъ даже любовникъ англійской королевы, графъ Лейстеръ. Норфокъ, Арондель и Пемброкъ подписали договоръ изъ четырехъ условій, обѣщая выхлопотать черезъ Елисавету и черезъ Мёрри возстановленіе Маріи на престолѣ. Въ іюнѣ и въ іюлѣ 1569 шли объ этомъ переговоры съ Маріей. Члены тайнаго совѣта сообщили даже своей королевѣ три первыя условія заключеннаго ими договора, состоявшія въ томъ, чтобы возстановить при помощи Елисаветы и Мёрри права Маріи; но они умолчали о четвертомъ, въ которомъ говорилось о бракѣ Маріи съ герцогомъ Норфокомъ. Однако, Елисавета узнала черезъ Мёрри объ этомъ намѣреніи своихъ сановниковъ; негодованіе ея усилилось, когда она узнала, что безъ ея вѣдома уже успѣли сдѣлать всѣ приготовленія къ браку. Ботвель, занимавшійся сначала пиратствомъ на Оркнейскихъ островахъ, потомъ долго просидѣвшій въ тюрьмѣ въ Даніи, гдѣ влачилъ самое презрѣнное существованіе, далъ уже письменное согласіе на разводъ, и черезъ посланниковъ было уже испрошено согласіе на бракъ королей Франціи и Испаніи.

Но вдругъ Мёрри, затѣявшій все это дѣло, разстроилъ его вторичнымъ предательствомъ. Вмѣсто того, чтобы помочь выхлопотать отъ шотландскаго парламента необходимое согласіе на разводъ, онъ постарался, чтобы парламентъ отказалъ въ этомъ. Лейстеръ признался Елисаветѣ, что и онъ дѣйствовалъ въ пользу брака Маріи съ Норфокомъ. Тогда на послѣдняго обрушился весь гнѣвъ королевы, которая скоро простила Лейстеру. Она приказала герцогу Норфоку не думать болѣе объ этомъ бракѣ и когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ явился ко двору, велѣла посадить его въ Тоуэръ (октябрь 1569). Хотя въ 1570 онъ былъ освобожденъ, но въ 1571 его опять запутали изъ-за Маріи въ процесъ, погубившій его, Нортомберленда, Вестморленда и другихъ. Конецъ исторіи Маріи мы разскажемъ частью при случаѣ въ слѣдующихъ главахъ, а частью когда будемъ говорить о воцареніи Іакова I.

7. Англія при Елисаветѣ въ семидесятыхъ годахъ.

Пока англійскіе и шотландскіе вельможи затѣвали заговоры въ пользу Маріи Стюартъ, съ другой стороны папа, Филиппъ II и фанатическая французская партія разжигали неудовольствіе шотландцевъ и англичанъ и поддерживали его тайными агентами, деньгами и даже войсками. Тогда и Елисавета стала отплачивать своимъ врагамъ тѣмъ же. Мы уже говорили (стр. 15, 55, 62 и 90) о поступкахъ англійской королевы въ этомъ духѣ и о непріятностяхъ, возникшихъ вслѣдствіе этого у нея съ французскимъ правительствомъ и съ Филиппомъ. Поэтому здѣсь мы только вкратцѣ напомнимъ ихъ.

Елисавета давно уже помогала французскимъ протестантамъ деньгами и войскомъ (т. XII, стр. 381, 383), а въ 1568 году захватила испанскія деньги, посланныя герцогу Альбѣ; за это испанскій посланникъ распространилъ въ Лондонѣ злобные пасквили, а королева нѣсколько дней продержала его подъ до-

машнимъ арестомъ. Съ этого времени Испанія и Англія безпрерывно задѣвали другъ друга; но выгода была вся на сторонѣ англичанъ, которые грабили испанскія колоніи и посредствомъ изгнанныхъ изъ Франціи и Нидерландовъ протестантовъ, купцевъ и фабрикантовъ, забирали въ руки всю промышленость и торговлю Европы. Не слѣдуй Филиппъ II относительно Англіи той осторожной и подозрительной политикѣ, съ какою онъ дѣйствовалъ противъ Франціи, онъ могъ бы въ 1570 году очень повредить королевѣ Елисаветѣ. Регентъ Мёрри палъ въ Шотландіи жертвою частной мести, и сильная партія, соединившись съ богатыми католическими графами, Нортомберлендомъ, Вестморлендомъ и другими, составила планъ освободить Марію и снова воцарить ее въ Шотландіи. Союзники сообщили о своемъ намѣреніи герцогу Альбѣ, который, вмѣсто того, чтобы послать въ Шотландію войска, послалъ туда только полковника Вителло, правда, очень опытнаго и дѣльнаго офицера. Мятежники собрали нѣсколько тысячъ пѣхоты и кавалеріи; но Вителло не могъ ничего предпринять съ ними, потому что они разсѣялись, едва графъ Соссексъ съ сѣвера, а графъ Варвикъ съ юга двинулись на нихъ съ регулярными войсками. Вестморлендъ бѣжалъ въ Нидерланды, гдѣ и умеръ. Нортомберлендъ бѣжалъ къ шотландцамъ, которые выдали его, и онъ былъ казненъ; брата его посадили въ Тоуэръ, гдѣ онъ въ 1584 самъ лишилъ себя жизни.

Жестокія казни, произведенныя правительствомъ на сѣверѣ, множество конфискацій и юридическихъ убійствъ утвердили власть англійскаго правительства, но за то уничтожили могущество вассаловъ, которое именно въ это время такъ усиливалось во Франціи. Коммиссары королевы Елисаветы дѣйствовали въ 1570 — 72 гг. такъ, что запутали въ дѣло всѣхъ богачей и помѣщиковъ сѣвера и запада Англіи, чтобы обогатить государственную казну; число казненныхъ католиковъ простиралось до 800, и въ цѣломъ округѣ между Ньюкастлемъ и Ветерби, на шестьдесятъ англійскихъ миль длины и на сорокъ ширины, не было

мѣста, гдѣ не было бы кого-нибудь повѣшено. Возстаніе это повредило шотландской королевѣ еще тѣмъ, что съ тѣхъ поръ ее могли обвинять, справедливо или несправедливо, въ сношеніяхъ съ внутренними врагами Елисаветы и съ иностранными католическими державами, а также тѣмъ, что ее перевезли изъ Тотбёри въ Ковентри, гдѣ за нею смотрѣли еще строже, чѣмъ прежде. Герцогъ Альба тоже вредилъ несчастной королевѣ, поддерживая ея шотландскихъ приверженцевъ и помогая Шотландіи сдѣлаться совершенно независимой отъ Англіи. Чтобы защититься отъ испанцевъ и папистовъ, пресвитеріане и пуритане должны были искать помощи въ Англіи. По умерщвленіи Мёрри регентомъ Шотландіи сдѣлался графъ Ленноксъ, но вскорѣ подвергся той же участи, какъ и предшественникъ его. Преемникъ его, графъ Марръ, также палъ жертвою борьбы партій. Ему наслѣдовалъ Мортонъ, состоявшій въ совершенной зависимости отъ Англіи. Забавный процессъ, начатый въ Римѣ противъ Елисаветы, и участіе герцога Альбы въ обнародованіи обвинительной папской буллы по этому поводу усилили власть королевы Елисаветы и обратились на пагубу католикамъ. Папа Пій IV благоразумно считалъ англійскую королеву принадлежащей къ католическому вѣроисповѣданію, посылалъ къ ней посланниковъ и написалъ письмо, приглашая ее открыто возвратиться въ лоно церкви и прося даже отправить уполномоченныхъ на тридентскій соборъ. Но преемникъ его, Пій V, былъ совершенно инаго образа мыслей. Онъ требовалъ отъ королей Франціи и Испаніи энергическаго заступничества за королеву шотландскую, какъ за опору католицизма среди британцевъ; узнавъ, что Елисавета учредила въ Іоркѣ и Вестминстерѣ слѣдственныя коммиссіи надъ Маріей, онъ началъ противъ англійской королевы духовный процессъ. Процессъ этотъ кончился судебнымъ приговоромъ, по которому папа долженъ былъ изготовить противъ Елисаветы особую буллу. Въ буллѣ исчислялись всѣ проступки англійской королевы, и она объявлялась виновною въ ереси и лишенною своего мнимаго права на англійскій престолъ, а подданные ея освобождались

отъ присяги. Булла была написана, но долго не обнародовалась. Пій объявилъ ее только тогда, когда въ Римъ пришла вѣсть о неудачномъ возстаніи Нортомберленда и Вестморленда и объ ужасныхъ казняхъ, которымъ вслѣдствіе этого подверглись англійскіе католики. Тогда 25 февраля 1570 папа рѣшился обнародовать буллу. Онъ послалъ экземпляры ея герцогу Альбѣ, который отправилъ ихъ испанскому послу въ Лондонъ, гдѣ 15 мая буллу нашли прибитою на дверяхъ епископскаго двора. Вслѣдствіе этого нѣсколько человѣкъ подверглись жестокимъ пыткамъ, а нѣкто Фельтонъ, сознавшійся, что прибилъ буллу, былъ 8 августа казненъ, какъ государственный преступникъ. Папская булла возбудила только новыя гоненія на католиковъ. При тогдашнихъ англійскихъ уголовныхъ законахъ и при легкости добыть лжесвидѣтелей, множество невинныхъ лишились жизни, и противъ католиковъ были изданы самые жестокіе законы; народъ былъ очень недоволенъ, что папа сомнѣвается въ законности рожденія его королевы и въ правахъ ея на престолъ. Притомъ, такъ какъ папа провозглашалъ права Маріи, то съ этой минуты Елисавета и протестанты стали считать жизнь шотландской королевы опасною для себя и для своей религіи, особенно, судя по тому, что имъ разсказывали тысячи французскихъ и нидерландскихъ эмигрантовъ объ іезуитахъ и инквизиціи на континентѣ.

Новая затѣя въ пользу Маріи, придуманная папою, великимъ герцогомъ Флорентинскимъ и Альбою, стоила жизни протестанту; герцогу Норфоку. Норфокъ взялся доставить въ Шотландію деньги, назначенныя тамошнимъ приверженцамъ Маріи и посланныя въ Англію черезъ одного флорентинскаго банкира, Ридольфи. Дѣло это было открыто, множество людей подверглось пыткамъ, много важныхъ лицъ было арестовано, Ридольфи казненъ; самъ Норфокъ въ концѣ 1571 года былъ приговоренъ къ смерти за то, что изъ сожалѣнія и любви хотѣлъ помочь плѣнной королевѣ. Его казнили только въ январѣ 1572 послѣ нѣсколькихъ попытокъ освободить его силою.

Съ 1572 протестантское законодательство Англіи и ея парламента, въ которомъ, къ великому огорченію королевы, пуритане (піэтисты) пріобрѣтали все болѣе и болѣе мѣстъ и голосовъ, стало столь же грознымъ для католиковъ, сколько въ другихъ странахъ іезуитская юстиція была страшна для протестантовъ. Въ томъ же году парламентъ объявилъ государственнымъ преступникомъ всякаго, кто назоветъ королеву еретичкой; кто скажетъ, что парламентъ не въ правѣ установить порядокъ престолонаслѣдія; кто приметъ отъ папы буллу или какое-нибудь другое порученіе. Дѣло дошло до того, что было назначено вѣчное тюремное заключеніе тому, кто осмѣлится привезти въ Англію освященныя въ Римѣ четки или облатку (Agnus Dei). Въ ноябрѣ 1581 были осуждены и публично казнены восемь священниковъ за связь съ папою и іезуитами. Въ слѣдующемъ году было объявлено государственнымъ преступленіемъ обращеніе или участіе въ обращеніи протестанта въ католицизмъ. Въ то же время посѣщеніе англиканской церкви вмѣнялось въ обязанность такъ строго, что и новѣйшіе нѣмецкіе фанатики вѣрно не пожелали бы ничего лучшаго. Кто въ теченіе мѣсяца не былъ въ церкви, подлежалъ штрафу въ 200 марокъ. Въ 1584 г. жестоко пытали двухъ человѣкъ, чтобы только добиться, какого рода была ихъ связь съ католиками, выслали изъ государства испанскаго посланника и приговорили къ смерти семьдесятъ священниковъ. Эти дѣйствія богословскихъ юристовъ не понравились, наконецъ, самой королевѣ; она порицала судей за употребленіе пытки и не велѣла казнить этихъ священниковъ, замѣнивъ казнь изгнаніемъ изъ страны.

Не смотря на эти гоненія, Англія процвѣтала и была первенствующею державою; смуты и войны во Франціи и Нидерландахъ привлекли тогда въ Англію торговлю, промышленость, мореплаваніе и ремесла. Первоклассные ученые и поэты распространяли славу дипломатической и практической, но совершенно чуждой романтизма и сантиментальности королевы. Фрэнсисъ Дрекъ съ ея флотомъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе; Фро-

бишеръ искалъ въ Ледовитомъ Океанѣ сѣверовосточнаго проѣзда въ Индію, и кровожаднѣйшій изъ русскихъ царей предлагалъ королевѣ Елисаветѣ свою руку и поощрялъ англійскую торговлю въ Россіи.

8. Французскія религіозныя войны съ 1577 до 1589.

Исторія французскихъ религіозныхъ войнъ доведена выше до эдикта Пуатьерскаго и до Бержеракскаго договора. Но прежде, чѣмъ перейти къ послѣдующимъ событіямъ, необходимо сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. Передъ пятымъ религіознымъ миромъ была заключена Священная Лига. Филиппъ II испанскій воспользовался этимъ союзомъ, чтобы уничтожить европейское значеніе Франціи. Самъ французскій король Генрихъ III только и дѣлалъ, что забавлялся крестными ходами и другими церковными торжествами или потѣшался съ собаками и глупыми дворянчиками, товарищами его разврата и нелѣпаго препровожденія времени. Своимъ покровительствомъ духовнымъ братствамъ онъ много способствовалъ тому, что самъ того не подозрѣвая, сдѣлался рабомъ фанатическаго духовенства. Лига была заключена противъ правъ Генриха Наваррскаго на наслѣдство французскаго престола, и монахи подняли націю противъ правительства, какъ въ 1793 якобинскіе клубы. Всего вѣрнѣе слѣдовать во взглядѣ на сущность этого фанатическаго союза извѣстной книгѣ «Духъ Лиги» (Esprit de la ligue). Въ ней сказано, что еще съ 1563 года образовались частные союзы для защиты римско-католической вѣры, причемъ зачинщики пользовались особенно цехами, духовными братствами и другими гражданскими корпораціями. Нельзя, однако, рѣшить, продолжаетъ авторъ, гдѣ возникла заключенная въ 1576 г. Священная Лига: въ Парижѣ ли, или въ Пикардіи; достовѣрно только, что самый странный документъ о ней составленъ въ Пикардіи. Документъ этотъ — союзный актъ, составленный

д'Юмьеромъ. Онъ, подобно всѣмъ договорамъ того времени, начинается формулою: «Во имя Пресвятой Троицы». Съ перваго взгляда союзъ казался вполнѣ благонамѣреннымъ и полезнымъ, такъ какъ въ этомъ договорѣ подписавшіе его обязывались присягою только пребывать до самой смерти въ заключаемомъ священномъ союзѣ, основанномъ во имя Пресвятой Троицы на защиту католической вѣры, короля Генриха III и преимуществъ, которыми французское государство пользовалось со временъ Хлодвига. Послѣдній пунктъ показывалъ уже, что основатели лиги имѣли намѣреніе обратить свою дѣятельность на дѣла, совершенно чуждыя религіи; намѣренія ихъ были сверхъ того высказаны совершенно ясно въ самомъ текстѣ акта. Въ немъ было вмѣнено въ обязанность всѣмъ членамъ безпрекословно повиноваться главѣ лиги, не поименованному и еще только имѣющему быть избраннымъ; его диктаторская власть должна была совершенно затмить власть слабаго короля. Искорененіе протестантства было прямо объявлено главною цѣлью лиги. Братства распространяли союзный актъ по всѣмъ городамъ и провинціямъ и собирали подписи. Шестнадцать кварталовъ Парижа, давно образовавшіе нѣчто въ родѣ демократической власти, подъ руководствомъ своихъ цеховыхъ старшинъ и бургомистровъ, едва услышавъ о союзѣ противъ правъ короля наваррскаго, немедленно приступили къ нему, подписали актъ договора и принесли присягу. Примѣру парижанъ и пикардійцевъ послѣдовали все Пуату и вся Турень.

Уже цѣлые города, провинціи и корпораціи, множество частныхъ лицъ, вельможъ, дворянъ и гражданъ успѣли вступить въ лигу, когда протестанты увѣдомили о ней короля; въ то же время онъ получилъ извѣстіе отъ своего посланника при дворѣ Филиппа II, что основатели лиги послали въ Испанію тайныхъ агентовъ просить содѣйствія испанскаго короля. Протестанты перехватили бумаги посланнаго въ Римъ адвоката Давида, изъ которыхъ ясно было, что герцога Генриха де Гиза прочатъ въ диктаторы лиги. Папа Григорій XIII, выразившій

благородныя и христіанскія чувства по поводу рѣзни варѳоломеевской ночи, остался и теперь вѣренъ себѣ: онъ не хотѣлъ вступать въ сношенія съ союзомъ, направленнымъ противъ французскаго короля. Филиппъ II думалъ иначе. Онъ и іезуиты, устроившіе лигу и продолжавшіе хлопотать о ней, думали, что цѣль оправдываетъ средства; поэтому Филиппъ сталъ покровителемъ лигистовъ. Лига пугала Генриха III тѣмъ болѣе, что большинство депутатовъ генеральныхъ штатовъ, созванныхъ имъ въ это время въ Блуа, оказалось ярыми врагами протестантовъ и горячо оспаривало всѣ мѣры, предлагаемыя королемъ для отвращенія грозившей ему опасности отъ распространенія лиги и отъ избранія главы ея. Чтобы разстроить замыслы Филиппа II и Гизовъ, король счелъ всего лучшимъ предложить въ вожди лиги самого себя. Онъ не сообразилъ, что королю неприлично провозглашать себя вождемъ партіи, т. е. одной части своихъ подданныхъ противъ другой; кромѣ того этимъ поступкомъ онъ принималъ на себя обязательство воевать съ протестантами, чего онъ никакъ не могъ выполнить по неимѣнію денегъ, которыхъ штаты не хотѣли ему давать. Но хуже всего было для него то, что онъ могъ быть вполнѣ увѣренъ, что партія, орудіемъ которой онъ добровольно дѣлался, никогда не довѣрится ему. Вступленіемъ въ лигу онъ достигъ только того, что прежде, чѣмъ подписался и присягнулъ ей, договоръ ея былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что изъ него было выключено все, казавшееся опаснымъ королевской власти. Затѣмъ король предложилъ договоръ лиги на утвержденіе штатамъ и приказалъ собирать подписи въ Парижѣ и во всей Франціи. Тогда Гизы и ихъ партія поспѣшили въ Блуа и заодно съ чинами объявили королю, что въ силу союзнаго акта онъ долженъ возобновить войну съ протестантами. Однако, Генриху удалось найти увертку. Онъ сказалъ, что сначала надо попробовать, не согласятся ли вожди протестантовъ мирно возвратиться къ римской церкви. Вслѣдствіе этого, какъ мы уже говорили, къ королю наваррскому, принцу

Конде и маршалу Данвилю, которые съ своими войсками все еще сохраняли военное положеніе, были посланы депутаты. Принцъ и маршалъ на требованіе депутаціи дали, какъ было сказано, грубый и рѣзкій отказъ; за то уклончивый, хотя исполненный достоинства отвѣтъ Генриха Наваррскаго показывалъ, что, какъ наслѣдникъ католическаго престола, онъ не прочь обратиться къ католицизму, если не теперь, то при другихъ обстоятельствахъ.

Получивъ эти отвѣты, королю ничего не оставалось, какъ возобновить войну, хотя штаты не только не дали денегъ, но разошлись, не назначивъ даже коммиссіи. Король выставилъ двѣ арміи, одну подъ начальствомъ брата своего, герцога Анжуйскаго, другую подъ предводительствомъ герцога де Майена, брата Генриха де Гиза. Первый очень нуждался въ деньгахъ, а второму король справедливо не довѣрялъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ король выпутывался интригами, искусно воспользовавшись, чтобы перессорить реформатовъ и сломить ихъ силу, разногласіемъ частныхъ интересовъ вождей протестантовъ и высшаго дворянства, бывшаго съ ними за одно, и раздорами Данвиля съ двумя другими предводителями гугенотовъ.

Вслѣдствіе этого въ сентябрѣ 1577 состоялся новый договоръ, гласные пункты котораго должны были удовлетворить католиковъ и лигистовъ, а тайные протестантовъ. Этотъ мирный трактатъ, состоявшій изъ шестидесяти-четырехъ гласныхъ пунктовъ и сорока восьми тайныхъ, былъ заключенъ въ Бержеракѣ; результаты его были обнародованы вскорѣ въ Пуатьерскомъ эдиктѣ, который Генрихъ III всегда называлъ потомъ своимъ эдиктомъ. Имъ отмѣнялись смѣшанныя палаты (chambres mi-partes) въ парламентахъ парижскомъ, дижонскомъ, руанскомъ и реннскомъ, и протестанты, вмѣсто восьми крѣпостей, получали только четыре; за то въ другомъ отношеніи они пріобрѣтали такія выгоды, какими до сихъ поръ никогда не пользовались. Богослуженіе ихъ было освобождено отъ всѣхъ прежнихъ ограниченій и получало почти полную свободу; ко-

роль возвращалъ имъ всѣ гражданскія права; они могли занимать впредь всѣ мѣста, даже судебныя; наконецъ, имъ было обѣщано назначить во всѣ парламенты особыхъ судей для разбора ихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ король, казалось, былъ расположенъ къ протестантамъ. Но въ то же время его дѣтское суевѣріе, смѣшное тщеславіе и расточительность усиливали Гизовъ, враговъ какъ его самого, такъ и реформатовъ. Относительно суевѣрія довольно сказать, что его окружали, кромѣ его пустыхъ и нелѣпыхъ миньоновъ, только монахи и іезуиты, которыхъ онъ осыпалъ щедротами въ благодарность за религіозные праздники, торжественные крестные ходы и блестящія церковныя торжества, которыми они забавляли его. Относительно его тщеславія и мотовства современники разсказываютъ, что Генрихъ и дворъ его своими безумными тратами какъ будто издѣвались надъ нищетою народа, что̀ случается иногда и въ наше время. Герцогъ де Неверъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что на открытіи собранія чиновъ король былъ наряженъ, какъ дама, въ бриліантовыя серьги. Потомъ 17 января онъ снова появился въ нарядѣ очень смѣшномъ, но стоившемъ очень дорого *).

Мая 15 король далъ пиръ своему брату въ за̀мкѣ Ла-Туръ дю Плесси, причемъ прислуживали полунагія женщины въ мужскихъ костюмахъ, съ развѣвающимися волосами, и одна зеленая матерія, изъ которой было сшито ихъ платье, стоила 60,000 ливровъ. Екатерина Медичи въ свою очередь дала балъ въ Шенонсо, который стоилъ 100,000 франковъ. Чтобы понять,

---

*) „Il se montra vêtu fort richement d'un petit manteau et non grand ni royal, mais bien de drap d'or doublé de toile d'argent passementé d'or si richement, qu'on disoit, que sur ledit manteau et sur le pourpoint et chausses de même y en avoit quatre mille aunes etc." (Онъ явился въ богатѣйшемъ нарядѣ, состоявшемъ изъ короткой, вовсе не королевской мантіи, изъ золотой парчи, подбитой серебряной парчей и такъ роскошно вышитой золотымъ аграмантомъ, что, какъ говорили, на плащъ этотъ, на камзолъ и на штаны его пошло четыре тысячи локтей).

что значили тогда такія суммы, надо сравнить съ ними цѣны на хлѣбъ. Видя это мотовство, неудивительно, что деканъ Труа, добиваясь согласія чиновъ на продажу части государственныхъ имуществъ, показалъ долги короля въ такую огромную сумму *).

Королю всего больше было хлопотъ съ лотарингскими принцами, особенно съ Генрихомъ Гизомъ и съ собственнымъ братомъ, герцогомъ Анжуйскимъ. Гизовъ поддерживала Испанія, и втайнѣ они по-прежнему руководили страшною лигою, тогда какъ король былъ ея предводителемъ только для вида. Они всѣми силами старались возобновить войну съ протестантами. Мать короля, Екатерина Медичи, напротивъ того, старалась теперь сохранить миръ. Съ этою цѣлью она ѣздила въ южныя провинціи, выхлопотавъ предварительно кальвинистамъ, кромѣ четырехъ большихъ крѣпостей, предоставленныхъ имъ послѣднимъ миромъ, еще четыре второстепенныя. При личномъ свиданіи съ зятемъ, Генрихомъ Наваррскимъ, въ его резиденціи Неракѣ, главномъ городѣ герцогства Альбрэ, она по уполномочію сына сдѣлала протестантамъ еще нѣкоторыя уступки. Соглашеніе, заключенное ею съ зятемъ 24 февраля 1579, было въ мартѣ утверждено королемъ въ Парижѣ, но обнародовано только въ 1581. Это соглашеніе частію объясняло, частью расширяло договоръ Бержеракскій и эдиктъ Пуатьерскій; въ силу его протестантамъ позволялось строить новыя церкви и дѣлать между собою денежные сборы; кромѣ того имъ было обѣщано пятнадцать крѣпостей. Тѣмъ не менѣе уже въ слѣдующемъ году миръ былъ снова нарушенъ изъ-за самыхъ вздорныхъ поводовъ, которые прекрасно характеризуютъ легкомысленность тогдашней эпохи и вообще французской націи. Впрочемъ, король наваррскій слиш-

---

*) „Enfin la necessité n'a point de loi; or cette necessité est toute manifestée en la personne du roy, lequel est endetté de cent un millions, six cent et tant de mille livres.“ (Наконецъ, на нѣтъ и суда нѣтъ; нужда, столь настоятельная, олицетворяется въ самой особѣ короля, на которомъ долгу сто одинъ милліонъ шестьсотъ слишкомъ тысячъ ливровъ).

комъ хорошо зналъ Екатерину Медичи и ея итальянское коварство, чтобы, видя, какъ она хлопочетъ о мирѣ, не подумать, что она хочетъ только усыпить протестантовъ. Поэтому онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы при первой надобности имѣть возможность тотчасъ собрать предводителей своихъ наемниковъ.

Непродолжительная седьмая религіозная война или, какъ ее называли, война влюбленныхъ (la guerre des amoureux), возгорѣлась изъ-за совершенно случайнаго и пустаго повода. Хотя католическіе и протестантскіе вельможи все время не переставали воевать между собою и, какъ въ средніе вѣка, отнимать другъ у друга зàмки, но настоящій поводъ къ войнѣ дало сплетничество короля и зависть его къ брату своему. Сестра его, Маргарита, и мужъ ея, Генрихъ Наваррскій, всегда терпѣть не могли другъ друга. Маргарита открыто предпочитала своему мужу герцога де Гиза, но кромѣ того, по словамъ собственныхъ ея записокъ, имѣла цѣлый легіонъ любовниковъ. Это не мѣшало ей быть фанатичною ненавистницею протестантизма и поклонницею римской церкви. Когда въ 1576 мужъ ея убѣжалъ изъ-подъ полицейскаго надзора, въ которомъ его держали при дворѣ, то смѣясь говорилъ, что совершенно равнодушенъ къ двумъ вещамъ, которыя оставилъ при дворѣ — къ обѣднѣ и къ женѣ. Разставшись съ нимъ, Маргарита продолжала вести ту же развратную жизнь, какъ и прежде; наконецъ, мать отвезла ее къ мужу, который изъ политическихъ разсчетовъ счелъ нужнымъ терпѣть ее у себя въ Неракѣ. Тамъ, по собственнымъ ея словамъ, она, не стѣсняясь сосѣдствомъ своего веселаго и равнодушнаго къ ея похожденіямъ мужа, вела жизнь, какую и въ наше время знать считаетъ величайшимъ земнымъ счастіемъ *). Мужъ ея былъ безъ памяти влюбленъ

---

*) „Je jouissois d'une félicité, qui me dura l'espace de quatre ou cinq ans, que je fus en Gascogne avec mon mari, faisant pour la pluspart de ce temps là notre séjour à Nérac, où notre cour estoit si belle et si plaisante, que nous n'envions point celle de France, y ayant Madame la princesse de Navarre, sa

въ четырнадцатилѣтнюю дѣвушку де Фесёзъ; а сама она была въ связи съ виконтомъ де Тюреннемъ и прямо говорила своему мужу, что только бездушный мужчина не имѣетъ любовныхъ связей. Между тѣмъ брату ея, королю французскому, вдругъ вообразилось, что она пользуется своими любовными похожденіями при неракскомъ дворѣ, чтобы подстрекать противъ него враговъ и доставлять друзей брату его, герцогу Анжуйскому. Онъ насолилъ ей, насплетничавъ на нее мужу, который, окруженный цѣлою толпою дѣвушекъ, былъ какъ нельзя довольнѣе своею судьбою. Маргарита и виконтъ де Тюрень воспылали негодованіемъ и местью. Виконтъ возбудилъ реформатскую молодежь, а Маргарита расположила къ себѣ Фесёзъ и другихъ любовницъ своего мужа и увѣрила его, что братъ ея хотѣлъ только рассорить ихъ. Тогда обѣ партіи возобновили взаимныя нападенія на города и крѣпости.

Въ то же время герцогъ Анжуйскій снова вступилъ въ сношенія съ протестантами и поручился имъ за успѣхъ новой войны. Онъ вовсе не имѣлъ намѣренія помогать протестантамъ, своей сестрѣ и зятю; ему хотѣлось только поставить въ затруднительное положеніе своего брата, короля, и заставить его помочь ему деньгами и войсками въ его нидерландскомъ предпріятіи, тогда какъ король, чтобы не оскорбить Испанію, за-

---

sœur, qui depuis a esté mariée à M-r le duc de Bar, mon neveu, et le roi mon mary estant suivi d'une belle troupe de seigneurs et gentilshommes, aussi honnestes gens, que les plus galans que j'ai vu à la cour, et n'y avoit rien à regretter en eux, si non qu'ils estoient huguenots. Mais de cette diversité de réligion il ne s'en oyait parler". (Я была очень счастлива эти четыре или пять лѣтъ, проведенныхъ съ мужемъ въ Гаскони, живя по большей части въ Неракѣ, гдѣ дворъ нашъ былъ такъ веселъ и блестящъ, что мы вовсе не завидовали французскому. При немъ жила принцесса наваррская, сестра мужа, впослѣдствіи вышедшая за племянника моего, герцога де Бара. Короля, моего супруга, окружала прекрасная свита вельможъ и дворянъ, очень любезныхъ и вѣжливыхъ кавалеровъ, которыхъ ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, кромѣ того, что всѣ они были гугеноты. Но о религіозныхъ разногласіяхъ никогда не было и помина).

претилъ ему предпринимать походъ въ Нидерланды и отказалъ въ содѣйствіи. Герцогъ разсчитывалъ совершенно вѣрно, что отъ трусливаго короля страхомъ можно добиться всего. Генрихъ Наваррскій открылъ военныя дѣйствія. Принцъ Конде, утвердившійся въ Пикардіи, не смотря на лигу, съѣздилъ сначала въ Германію, чтобы возбудить своихъ пфальцскихъ единовѣрцевъ, потомъ просилъ помощи въ Англіи и, наконецъ, явился въ Лангедокѣ съ войскомъ. Король послалъ противъ протестантовъ три арміи, и реформаты были всюду разбиты; но тѣмъ не менѣе, по своему обыкновенію, онъ прибѣгнулъ къ малодушному коварству. Онъ завелъ переговоры съ братомъ и обѣщалъ помочь ему въ его нелѣпомъ предпріятіи во Фландріи. За это герцогъ Анжуйскій принялъ на себя хлопоты о мирѣ. И точно, въ 1580 въ Флексѣ былъ заключенъ договоръ, которымъ кончилась седьмая война высокородныхъ господъ и принцевъ, воевавшихъ подъ мнимымъ предлогомъ религіи. Седьмой религіозный миръ принесъ реформатамъ нѣсколько новыхъ выгодъ. Затѣмъ тщеславный, пустой и честолюбивый герцогъ Анжуйскій снова обратилъ свои виды на Англію, сошелся съ фламандцами и тотчасъ по заключеніи мира отправился въ Парижъ взять къ себѣ на службу протестантскихъ господъ и ихъ наемниковъ.

9. Нидерланды со смерти донъ-Хуана Австрійскаго до прибытія герцога Анжуйскаго.

Послѣ скоропостижной смерти донъ-Хуана намѣстничество Нидерландовъ и главнокомандованіе испанскою арміею перешло къ наслѣдному принцу, впослѣдствіи герцогу Пармскому, Александру Фарнезе (стр. 92). Онъ далеко превосходилъ достоинствами полководца и принца Вильгельма Оранскаго, не говоря уже о герцогѣ Анжуйскомъ и кромѣ того былъ такой же ловкій дипломатъ, какъ самъ Вильгельмъ. Какъ Вильгельмъ сумѣлъ

воспользоваться протестантскою религіею и довѣріемъ сѣверныхъ провинцій, такъ Александръ расположилъ къ себѣ южныя провинціи, сумѣвъ искусно воспользоваться ихъ ненавистью къ демократіи и религіи сѣвера. Въ то время, какъ на сѣверѣ Нидерландовъ господствовала демократія, валлоны, жившіе на югѣ, находились, кромѣ фабричныхъ городовъ подъ властью сильной аристократіи. Эта аристократія опасалась почти безграничной власти, какую пріобрѣлъ Вильгельмъ Оранскій, умно пользовавшійся для своихъ цѣлей довѣріемъ народа. Принцу Александру Фарнезе помогали при этомъ двое приверженцевъ Вильгельма Оранскаго, которые своимъ демократическимъ рвеніемъ открыли испанцамъ путь къ уничтоженію Гентскаго союза; благодаря имъ, принцу Пармскому удалось снова привлечь къ Испаніи валлоновъ, которые были такіе же фанатическіе католики, какъ и сами испанцы.

То были дворяне Имбизенъ и Ригове. Когда герцогъ Аршотъ, назначенный намѣстникомъ Фландріи, колебался утвердить всѣ древнія привиллегіи города Гента, они воспользовались этимъ и возбудили въ Гентѣ возстаніе. Въ октябрѣ 1577 они захватили герцога съ десятью человѣками его свиты и учредили городское демократическое управленіе изъ восемнадцати выборныхъ гражданъ. Эти восемнадцать членовъ получили исполнительную власть, а законодательная была ввѣрена деканамъ пятидесяти двухъ цеховъ и ткачей и военному совѣту гражданскаго ополченія. Примѣру гентцевъ скоро послѣдовали и другіе города, гдѣ господствовалъ пролетаріатъ ткачей и другихъ рабочихъ. Принцъ Оранскій не одобрялъ затѣй своихъ приверженцевъ, но не могъ пренебрегать вліяніемъ ихъ на массы. Поэтому, пріѣхавъ въ концѣ декабря въ Гентъ, онъ оставилъ двухъ демагоговъ во главѣ гражданства и только освободилъ герцога Аршота, оставивъ прочихъ арестованныхъ въ заключеніи. Это сильно способствовало разрыву между Вильгельмомъ и валлонами. Въ 1578 безпорядки въ Гентѣ дошли до того, что валлонская аристократія стала опасаться за свою религію и даже за самое свое

существованіе. Восемнадцать правителей Гента распоряжались совершенно по-революціонному общественными кассами и имуществами, зданіями и правами монастырей, аббатствъ и епископствъ и, какъ французское правительство 1793, предоставляли народу исполненіе своихъ разрушительныхъ приказаній, а народъ своимъ пренебреженіемъ ко всему освященному древностью или религіей приводилъ высшія сословія въ негодованіе и трепетъ. Имбизенъ руководилъ демократіей въ Гентѣ, а Ригове пользовался своимъ вліяніемъ и связями, чтобы и въ другихъ городахъ водворять тотъ же порядокъ. Города: Дендермонде, Куртрэ, Гульстъ, Уденарде и, наконецъ, Брюгге ниспровергли старыя формы правленія и ввели правительство по образцу Гента. Такимъ образомъ валлонскимъ городамъ приходилось подумать о рѣшительномъ противодѣйствіи, чтобы не допустить у себя развиться демократіи. За это противодѣйствіе ихъ прозвали съ 1579 партіей недовольныхъ. Подъ предводительствомъ француза Пардье де Ла-Мота и при помощи его отряда, они проникли, грабя, убивая и опустошая на пути все, до самыхъ воротъ Гента, а между тѣмъ Ригове и храбрый Ла-Ну, приведшій на помощь французскихъ реформатовъ, опустошали валлонскую область.

Все это совершалось противъ воли и желанія принца Оранскаго. Вильгельмъ съ свойственною ему проницательностію убѣдился въ это время, что новый союзъ, устроенный имъ въ декабрѣ 1577, не годится для его цѣлей. Онъ понялъ, что ему никогда не соединить подъ своею властію католическія и протестантскія провинціи; поэтому онъ убѣдилъ генеральные штаты, собравшіеся въ Брюсселѣ, замѣнить Гентскій договоръ новымъ союзомъ, который и состоялся 18 декабря 1577, слѣдовательно, еще при донъ-Хуанѣ; надѣялись, что онъ будетъ прочнѣе прежняго, такъ какъ полагали, что въ немъ предупреждены всякія недоразумѣнія, особенно въ религіозныхъ дѣлахъ. Въ союзномъ договорѣ была клятвенно обѣщана взаимная терпимость, дабы соединенными силами бороться противъ общаго

врага; католическое и протестантское богослуженіе могли совершаться всюду открыто. Двадцатаго января 1578 Матѳій въ качествѣ генералъ-штатгальтера Нидерландовъ присягнулъ новой конституціи, по которой онъ былъ подчиненъ государственному совѣту и генеральнымъ штатамъ. Принцъ Оранскій былъ назначенъ его главнымъ намѣстникомъ и штатгальтеромъ Брабанта; но въ дѣйствительности, какъ всѣ знали, онъ одинъ управлялъ всѣмъ неограниченно. Притомъ послѣ сраженія при Жанблурѣ, которое было вскорѣ дано (стр. 89), значеніе эрцгерцога Матѳія совершенно пало; за то почти въ это же время присоединеніе къ союзу Амстердама, богатство котораго превышало богатства цѣлой провинціи, доставило Вильгельму еще болѣе вѣса. Впрочемъ, весьма немногія провинціи приняли брюссельскія постановленія, да и тамъ они просуществовали недолго. Въ сѣверной Голландіи, особенно въ Амстердамѣ, въ отношеніи католиковъ и ихъ культа поступали точно такъ же, какъ во Фландріи гентскіе демократы. Поэтому валлоны справедливо жаловались на нарушеніе данныхъ имъ обѣщаній и вошли въ сношенія съ Александромъ Фарнезе, который раздѣлялъ ихъ религіозныя вѣрованія, а относительно политическихъ вопросовъ обѣщалъ имъ разныя уступки.

Пока католическія провинціи вели переговоры съ Александромъ, Вильгельмъ Оранскій поспѣшилъ соединить протестантскія въ отдѣльный союзъ. Онъ достигъ этого посредствомъ такъ называемаго вѣчнаго соединенія, обнародованнаго въ Утрехтѣ 29 января 1579 и потому названнаго Утрехтскою Уніею. Депутаты Голландіи, Зеландіи, Гельдерна, Утрехта и Грёнингенскихъ округовъ (Оммеланда) подписали унію 23 января 1579, и въ теченіе того же года къ ней приступили Фрисландія, Оверъ-Иссель, Дренте и городъ Грёнингенъ, которые, подобно принцу Вильгельму, сначала колебались и рѣшились подписаться только въ маѣ, когда подписался и самъ принцъ. Цѣлью этого союза была защита противъ нападенія, ожидаемаго со стороны Александра, и учрежденіе общей кассы на содержаніе войска и

пограничныхъ укрѣпленій. Вопросы о войнѣ, мирѣ, перемиріи и о новыхъ налогахъ должны были рѣшаться съ общаго согласія; прочія дѣла могли рѣшаться большинствомъ голосовъ. Право заключать съ иностранными владѣтелями отдѣльные союзы, погубившее старую нѣмецкую имперію, не было даровано городамъ и штатамъ утрехтской уніи.

Пятнадцатаго января 1579 католическіе валлоны, управляемые своею аристократіею, тоже заключили въ Аррасѣ отдѣльный союзъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя католическія провинціи совершенно отпали отъ протестантскихъ и снова признали, по крайней мѣрѣ, номинально, верховную власть Испаніи. Но еще до этого распаденія была сдѣлана попытка удержать всѣ провинціи въ союзѣ. Ее предпринялъ императоръ и другія главныя державы Европы. Императоръ Рудольфъ II, братъ котораго Матѳій все еще числился главою всѣхъ Нидерландскихъ штатовъ, устроилъ въ Кельнѣ по поводу нидерландскихъ дѣлъ большой конгрессъ, открытый въ апрѣлѣ 1579. Кромѣ императора, посредничество приняли и прислали на конгрессъ уполномоченныхъ Англія и Франція, а также, по просьбѣ императора, многіе нѣмецкіе князья. Со стороны императора былъ присланъ графъ фонъ-Шварценбергъ, со стороны Франціи де Бельевръ, со стороны Англіи Кобгэмъ и Вальсингэмъ. Кельнскіе переговоры не могли ни къ чему привести уже по той причинѣ, что на конгрессъ былъ допущенъ папскій посланникъ, который, по принципамъ своей церкви, не соглашался ни на какія предложенія о терпимости. Конгрессъ не остановилъ даже непріязненныхъ дѣйствій, которыя Александръ Фарнезе продолжалъ, не обращая на него вниманія. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду только факты, а не рѣчи и дипломатическія ноты, то не будемъ распространяться объ этомъ конгрессѣ. Король Филиппъ II настаивалъ въ Кельнѣ, чтобы въ Нидерландахъ все оставалось такъ, какъ было при Карлѣ V, обѣщая, впрочемъ, удалить испанскія войска. Касательно религіозныхъ дѣлъ онъ соглашался признать существующій порядокъ только въ

Голландіи и Зеландіи и то лишь на время. Генеральные штаты, съ своей стороны, не хотѣли уступать ни іоты изъ условій, предписанныхъ ими эрцгерцогу Матѳію. Итакъ, конгрессъ кончился пустяками, и споръ снова пришлось рѣшать оружіемъ.

Съ этого времени Нидерланды распались на три части: реформатскія провинціи сѣвера заключили утрехтскую унію и совершенно отпали отъ Испаніи; среднія, населеніе которыхъ состояло на половину изъ католиковъ, на половину изъ протестантовъ, присоединилась къ Утрехтскому союзу позднѣе, а пока очень сочувствовали кельнскому конгресу; наконецъ, южныя провинціи валлоновъ были вполнѣ католическія. Утрехтская унія издала манифестъ, въ которомъ въ рѣшительныхъ выраженіяхъ отрекалась отъ испанскаго владычества и освобождала народъ отъ присяги въ вѣрности ему. Королевскія печати были разбиты; чиновники и судьи должны были принести новую присягу. Чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе, это дѣлалось не вдругъ, а сначала въ одномъ мѣстѣ, потомъ въ другомъ и потребовало не мало времени. Валлоны, напротивъ того, давно уже были заодно съ Испаніею. 1579 мая 17 они заключили въ Аррасѣ договоръ съ Александромъ Пармскимъ; въ этомъ договорѣ жителямъ провинцій Геннегау и Артуа и кастелянствамъ Лиля, Дуэ и Орши была обѣщана общая амнистія, возстановленіе гентскаго замиренія и вѣчнаго эдикта, удаленіе всѣхъ иностранныхъ войскъ и учрежденіе національнаго. Терпимости эти провинціи не требовали, будучи столь же фанатичны, какъ и самъ король Филиппъ. Изъ всѣхъ валлоновъ только города Турнэ, Канбрэ и Бушенъ остались на сторонѣ генеральныхъ штатовъ. Страда, историкъ далеко не демократическій и ничуть не либеральный, говоритъ, что лица, помогавшія испанцамъ расторгнуть союзъ нидерландскихъ провинцій, получили за это плату, какъ часто случается и въ наше время. Страда прибавляетъ еще, что дворяне оказались при этомъ ненасытны (inexplebiles) въ своихъ требованіяхъ. Цѣною были должности военныхъ начальниковъ, губернаторовъ провинцій,

ордена Золотаго Руна и даже деньги. По актамъ, напечатаннымъ у Г. ф. Принстерера, генеральные штаты тщетно старались удержать валлоновъ, предлагая алчнымъ военачальникамъ ихъ значительныя денежныя взятки *).

Испанскія войска еще находились въ Нидерландахъ, обличая присутствіе свое неслыханными злодѣйствами, какъ напр. при взятіи Мастрихта. Александръ Фарнезе осадилъ этотъ городъ, обманувъ непріятеля притворнымъ покушеніемъ на Антверпенъ, главную крѣпость и резиденцію генеральныхъ штатовъ. Осада Мастрихта продолжалась три мѣсяца, и въ теченіе ея граждане этого города выказали непоколебимую храбрость, патріотизмъ и самопожертвованіе, которые голландцы того времени, знакомые съ твореніями древнихъ, сравнивали съ стойкимъ мужествомъ жителей Сагунта. Они отбивали приступъ за приступомъ, вывели противъ двадцати двухъ минъ непріятеля столько же контрминъ, взорвали пятьсотъ испанцевъ и перебили около тысячи; но генеральные штаты не дали имъ никакой помощи, потому что Вильгельмъ Оранскій былъ недоволенъ гентской демократіей, къ которой принадлежалъ Мастрихтъ, и, какъ кажется, мѣшкалъ изъ политическаго разсчета. Когда, наконецъ, рѣшено было выручить городъ, Александръ, услыхавъ объ этомъ, рѣшился употребить всѣ усилія. Онъ штурмовалъ городъ девять разъ сряду. Мастрихтцы и тутъ отбились, но, наконецъ, 29 іюня 1579 были застигнуты врасплохъ во время сна, и солдаты Александра (самъ онъ былъ боленъ) проникли въ городъ черезъ брешь. Жители, знавшіе, чего ждать отъ испанскихъ солдатъ, отчаянно защищались на улицахъ, въ домахъ и съ крышъ; непріятель, приведенный этимъ въ ярость, перебилъ всѣхъ ихъ безъ пощады и въ теченіе трехъ дней свирѣпствовалъ, подобно

*) Въ письмахъ и актахъ „Оранскихъ архивовъ“ Грёна фанъ Принстерера можно найти подробности этого въ т. VI, стр. 521—524. На стр. 52 говорится: „éstant les etats d'avis d'accorder à chacun d'euls (начальникамъ) quatre mille francs de rente leur vie durant“. (Штаты думали дать каждому изъ нихъ по 4,000 франковъ пожизненнаго дохода).

маврамъ или туркамъ. До взятія города въ немъ было десять тысячъ ткачей, и онъ велъ большую торговлю съ Германіей; но послѣ осады онъ на нѣкоторое время совершенно опустѣлъ, потому что всѣ граждане были перебиты. Храбрый Шварценбергъ, славно руководившій обороной, погибъ при взятіи города. Къ счастію для Нидерландовъ, въ это самое время, въ силу аррасскаго мира Александръ Фарнезе долженъ былъ отослать назадъ своихъ испанцевъ и до организаціи валлонской арміи не могъ вести войны такъ энергично.

Еще въ томъ же году Вильгельмъ искусно воспользовался обстоятельствами, чтобы отдѣлаться отъ эрцгерцога Матѳія и гентскихъ радикаловъ и привлечь къ утрехтскому союзу фламандскія провинціи, которыя такъ долго колебались. Королева Елисавета англійская, притворно изъявлявшая въ то время намѣреніе помогать герцогу Анжуйскому, помогла нидерландцамъ, когда Филиппъ II принялъ сторону Маріи Стюартъ, ея шотландскихъ и англійскихъ любовниковъ, а главное, англійскихъ католиковъ. Она дала Вильгельму Оранскому отрядъ войска и держала въ Антверпенѣ при генеральныхъ штатахъ своего посланника, Дависона. Въ публичномъ собраніи чиновъ Дависонъ рѣзко упрекалъ фламандцевъ за демагогію, господствующую во Фландріи, за ея дикія дѣйствія и за преслѣдованіе католиковъ. Вильгельмъ Оранскій воспользовался этимъ, чтобы подавить демагоговъ, которые долго служили ему для его цѣлей. Со времени отпаденія валлоновъ и паденія Мастрихта ничтожество и безполезность эрцгерцога Матѳія были всѣмъ очевидны, такъ что Вильгельмъ уже серьезно звалъ въ Нидерланды герцога Анжуйскаго и французскую аристократію. Кромѣ эрцгерцога Матѳія у принца были другіе непріятные друзья, отъ которыхъ онъ очень желалъ отдѣлаться, особенно пфальцграфъ Іоганнъ Казимиръ и гентскіе демагоги. Пфальцграфъ поступалъ во Фландріи, какъ прежде во Франціи: требовалъ безпрестанно денегъ, гдѣ могъ, грабилъ, но въ военномъ отношеніи никогда еще не совершилъ ничего. Дависонъ въ собраніи генеральныхъ штатовъ рѣзко упрекалъ его за по-

стыдное поведеніе его въ Гентѣ, гдѣ онъ поддерживалъ демагоговъ англійскими войсками и нѣмецкими наемниками, нанятыми на англійскія деньги. Не ограничившись этою головомойкой, посланникъ напечаталъ и распространилъ свою рѣчь. Тогда пфальцграфъ поѣхалъ въ Англію оправдываться. Тамъ ему въ утѣшеніе дали орденъ Подвязки и пенсію; но въ его отсутствіе фламандцы распустили его разбойничьи шайки. Онъ возвратился въ Флиссингенъ на англійскомъ кораблѣ и отправился къ своему войску; отставка такъ раздосадовала его, что, проѣзжая черезъ Антверпенъ, онъ не посѣтилъ ни эрцгерцога Матѳія, ни принца Оранскаго.

Послѣ пфальцграфа пришла очередь Имбизена и Ригове и ихъ радикальной партіи. Демагогія обременяла самыхъ жителей Гента, которымъ наскучили безпрестанныя перемѣны въ правительствѣ: поэтому принцу Оранскому было не трудно добиться отъ нихъ приглашенія пріѣхать въ Гентъ и привести въ порядокъ городскія дѣла именемъ генеральныхъ штатовъ. Восемнадцатаго августа 1579 Вильгельмъ прибылъ въ Гентъ, и на другой же день Имбизенъ убѣдился, что ему оставаться тутъ долѣе нельзя. Онъ бѣжалъ въ Голландію, а оттуда въ Пфальцъ къ Іоанну Казимиру, гдѣ встрѣтилъ и товарища своего, Ригове. Пфальцграфъ далъ имъ обоимъ пенсію. Позднѣе (1584) Имбизенъ возвратился, къ своему несчастію, въ Гентъ и тамъ поплатился жизнію за попытку произвести возстаніе. Принцъ Оранскій водворилъ въ Гентѣ прежній порядокъ полудемократическій, полуаристократическій; онъ потребовалъ отчетовъ отъ сборщиковъ общественныхъ денегъ, чего прежде не дѣлалось, и довелъ дѣло до того, что, въ силу основнаго закона союза, какъ католики, такъ и протестанты, могли безъ боязни открыто исповѣдовать свою религію. Онъ возвратилъ имѣнія духовенства и другихъ гражданъ, конфискованныя во время революціоннаго правленія. Въ ноябрѣ 1579 правленіе восемнадцати было отмѣнено, и изъ нихъ только трое остались при магистратѣ въ зависимомъ положеніи.

Все это было приговленіемъ къ водворенію герцога Анжуйскаго, которому политически разсчетливый принцъ Оранскій охотно уступалъ на время первенство въ Нидерландахъ, тѣмъ болѣе, что Голландія и Зеландія и при этомъ оставались за нимъ. Герцогъ Анжуйскій давно уже состоялъ въ перепискѣ съ Вильгельмомъ; она напечатана у Грёна фанъ Принстерера. Онъ даже принималъ уже титулъ протектора бельгійской свободы и, хотя католикъ, внушалъ, какъ союзникъ французскихъ протестантовъ, большое довѣріе смѣшанному фламандскому союзу. Религіозная война во Франціи долго мѣшала его поѣздкѣ въ Нидерланды. Наконецъ, въ 1580 оборотъ нидерландскихъ дѣлъ далъ ему случай окончить миромъ французскую религіозную войну, возобновившуюся послѣ бержеракскаго договора, и отправиться въ Нидерланды искать новыхъ приключеній (стр. 173).

Хотя по удаленіи испанцевъ и по взятіи Мастрихта война велась довольно вяло, однако, все яснѣе становилось, какъ трудно союзу, составленному изъ совершенно различныхъ началъ, противиться единству монархическихъ силъ, руководимыхъ притомъ искусною рукою. Провинціи мало заботились объ общемъ дѣлѣ. Одинъ изъ фламандскихъ вельможъ своею измѣною поставилъ даже принца Оранскаго въ очень сомнительное положеніе. То былъ Георгъ де Лаленъ графъ де Реннебергъ, католикъ, но, не смотря на это, служившій съ Іоганномъ Казимиромъ утрехтскому союзу съ своими наемными солдатами. Ему было поручено охранять городъ и крѣпость Грёнингенъ, и въ мартѣ 1580 онъ, какъ совершенно хладнокровно разсказываетъ Страда, продалъ ихъ испанцамъ за пенсію въ 20,000 гульденовъ и нѣкоторыя другія выгоды. Это отторгло Грёнингенъ и Фрисландію на нѣкоторое время отъ союза. Къ счастію, Филиппъ II впутался тогда въ новыя дѣла, о которыхъ мы разскажемъ ниже. Кромѣ того изъ зависти и недовѣрія онъ лишилъ героя, въ лицѣ котораго до сихъ поръ соединялись гражданское и военное управленіе, политической и гражданской власти, ограничивъ его главнокомандованіемъ арміею. Въ августѣ 1580 мать Александра, свод-

ная сестра Филиппа, Маргарита Пармская, бывшая передъ Альбою намѣстницею Нидерландовъ (т. XII, стр. 418), была снова послана въ Нидерланды на прежнюю должность. Это такъ оскорбило Александра, что онъ сталъ требовать увольненія еще настоятельнѣе, чѣмъ прежде при отсылкѣ испанскаго войска. Чтобы замять это дѣло и не разглашать раздора между матерью и сыномъ, кое-какъ уладили эти несогласія. Маргарита отправилась въ Намюръ, гдѣ прожила три года въ тишинѣ и, какъ кажется, не вмѣшиваясь въ дѣла.

До 1580 года возмутившіяся провинціи, кромѣ Голландіи и Зеландіи, и самъ Вильгельмъ не рѣшались совершенно отложиться отъ Испаніи, т. е. объявить себя независимымъ государствомъ. Но теперь по многимъ причинамъ это сдѣлалось политическою необходимостью. Вильгельму Оранскому безспорно принадлежитъ главная доля въ славѣ учрежденія и сохраненія республики, которая вскорѣ затмила блескъ знаменитой венеціанской, тѣмъ болѣе, что правительство ея никогда не совершало такихъ страшныхъ преступленій, какъ сенатъ венеціанской республики. Заслуги Вильгельма тѣмъ важнѣе, что онъ былъ далеко не искусный полководецъ, по крайней мѣрѣ, былъ всегда несчастливъ въ войнѣ; кромѣ того, онъ стоялъ во главѣ союза, состоявшаго изъ аристократіи и демократіи и чрезвычайно мелочнаго въ денежныхъ и религіозныхъ вопросахъ; наконецъ, онъ не могъ ни въ чемъ довѣрять ни англичанамъ, ни французамъ, обѣщавшимъ ему помощь. Въ 1580 эта помощь была ему нужнѣе, чѣмъ когда-либо; поэтому онъ поддерживалъ сношенія съ Елисаветой Англійской и обязался передъ герцогомъ Анжуйскимъ въ случаѣ, если тотъ приведетъ съ собою армію, доставить ему мѣсто, на которомъ не могъ удержаться эрцгерцогъ Матѳій, не имѣвшій ни вспомогательныхъ постороннихъ средствъ, ни приверженцевъ между нидерландцами. Но приличіе не дозволяло Елисаветѣ и французскому правительству поддерживать бунтовщиковъ, возставшихъ противъ своего короля; уже по одной этой причинѣ

было необходимо, чтобы Нидерланды провозгласили себя независимымъ государствомъ.

Вильгельмъ былъ, конечно, честолюбивъ; однако, по благоразумію онъ не хотѣлъ домогаться власти, зная, что она и безъ того достанется ему. Онъ давно еще предлагалъ Елисаветѣ и Генриху III передать имъ ограниченныя права Филиппа и его предковъ; теперь онъ снова готовъ былъ предоставить ихъ герцогу Анжуйскому; но ему было очень трудно склонить генеральные штаты изъявить согласіе на это. Герцогъ Анжуйскій, слабый тѣломъ и душой, былъ ничтожный, трусливый человѣчекъ, не отличавшійся ни умомъ, ни краснорѣчіемъ, извѣстный только вѣроломствомъ и ненавистью къ протестантамъ, съ которыми тѣмъ не менѣе онъ одно время состоялъ во Франціи въ тѣсной связи; его-то прочили въ генералъ-штатгальтеры Нидерландовъ на мѣсто Матѳія. Но онъ внушалъ нидерландцамъ не болѣе довѣрія, чѣмъ Матѳій, вслѣдствіе чего должность эта ввѣрялась ему на такихъ же ограниченіяхъ, какъ и эрцгерцогу. Условія передачи ему власти были постановлены 12 іюля 1580 и тотчасъ посланы къ нему для подписи, между тѣмъ какъ онъ хлопоталъ тогда о примиреніи религіозныхъ партій во Франціи послѣ войны влюбленныхъ. Затѣмъ эрцгерцогъ Матѳій сложилъ съ себя въ Антверпенѣ 22 іюля 1580 званіе штатгальтера. Онъ имѣлъ низость принять пенсію въ 50,000 гульденовъ, тогда какъ прежде ему платили 120,000 гульденовъ. Но этихъ денегъ онъ никогда не получилъ, хотя прожилъ въ Нидерландахъ еще до октября 1581, когда вернулся, наконецъ, въ Австрію, гдѣ вскорѣ недовольные обратили его въ свое орудіе противъ брата его, императора Рудольфа II. Депутація, посланная къ герцогу Анжуйскому, застала его въ замкѣ Монтиль или Ла-Туръ дю Плесси, нѣкогда грозной для французской аристократіи резиденціи Лудовика XI. Здѣсь 29 сентября 1580 обѣ стороны подписали договоръ. Условія этого договора были такого рода, что герцогъ согласился на нихъ, вѣроятно, только потому, что по опыту зналъ, какъ мало значатъ

для правителей подписи и присяги въ политическихъ дѣлахъ. Онъ обязывался между прочимъ сохранять всѣ привилегіи нидерландцевъ, не налагать и не предписывать новыхъ пошлинъ и налоговъ безъ согласія чиновъ и утвердить все совершившееся до него. Генеральные штаты удерживали за собою право собираться, когда сочтутъ нужнымъ для пользы государства. Кромѣ того герцогу вмѣнялось въ обязанность созывать чины, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ. Ему воспрещалось принимать въ государственный совѣтъ болѣе одного или двухъ французовъ и вообще иностранцевъ. Мѣста военачальниковъ и намѣстниковъ или высшихъ чиновниковъ въ провинціяхъ онъ долженъ былъ замѣщать по выбору изъ трехъ кандидатовъ, представляемыхъ ему штатами. При назначеніи главнокомандующаго онъ долженъ былъ также обращаться за совѣтомъ и согласіемъ къ штатамъ и даже при назначеніи начальниковъ французскихъ войскъ спрашивать ихъ одобренія. Религіозныя дѣла должны были оставать въ настоящемъ положеніи. Наконецъ, въ случаѣ нарушенія договора провинціи удерживали за собою право, принадлежавшее прежде только Брабанту, избрать другаго правителя или принять по своему усмотрѣнію иныя мѣры. Принцъ Вильгельмъ хитрой политикой совершенно отдѣлилъ безусловно преданныя ему демократическія провинціи Голландію и Зеландію отъ остальныхъ и обезпечилъ ихъ за собою, какъ свою собственность. Эти двѣ провинціи не приняли участія въ договорѣ съ Анжу и объявили, что хотятъ оставаться по прежнему (nommément au fait de religion et autrement). Относительно ихъ герцогъ Анжуйскій долженъ былъ дать тайное обязательство, содержаніе котораго неизвѣстно даже Борнье, но которое, вѣроятно, состояло въ полномъ отреченіи отъ нихъ.

Опираясь на договоръ, заключенный съ герцогомъ Анжуйскимъ, генеральные штаты постановили, что король Филиппъ II за нарушеніе свободы и правъ бельгійскаго народа лишается верховной власти, и на мѣсто его имѣетъ быть избранъ другой правитель. Штаты Голландіи и Зеландіи еще ранѣе предоста-

вили принцу Вильгельму державную власть. Тогда Филиппъ, по совѣту Гранвеллы, открыто объявилъ уголовнымъ преступникомъ Вильгельма, нѣмецкаго владѣльнаго князя, государя Оранскаго, супруга Шарлоты де Бурбонъ, принцессы французской королевской крови, и оцѣнилъ его голову. Дипломатическій и хитрый принцъ былъ до того взбѣшенъ этимъ, что приказалъ своему придворному проповѣднику Виллерсу сочинить рѣзкую и грубую защитительную рѣчь и издалъ ее подъ своимъ именемъ *); содержаніе ея было такъ дерзко, что испугало даже Сентъ Альдегонда въ Парижѣ, а генеральные штаты, которымъ она была сообщена, съ негодованіемъ отвергли ее. Въ этой брошюрѣ Филиппъ выставлялся тираномъ, врагомъ Бога и людей, бичемъ своихъ подданныхъ и т. п.; кромѣ того его упрекали въ убійствѣ сына, донъ Карлоса, въ отравленіи жены, французской принцессы Елисаветы, и въ кровосмѣсительной связи съ матерью.

Генеральные штаты не рѣшились одобрить пасквиль озлобленнаго принца противъ коронованной особы; но члены утрехтскаго союза, собравшіеся въ 1581 въ Гагѣ, поступили очень рѣшительно. Они торжественно обнародовали декретъ, которымъ отказывались отъ подданства королю Филиппу и впервые провозгласили признанный только въ наше время принципъ н а р о д н а г о с а м о д е р ж а в і я въ противоположность церковному принципу Богомъ поставленной власти. Въ манифестѣ, обнародованномъ утрехтскимъ союзомъ 26 іюля 1581, между прочимъ сказано: «Государь поставленъ надъ подданными, чтобы защищать и охранять ихъ, и не подданные существуютъ для государя, чтобы рабски служить ему, а государь существуетъ для подданныхъ. Онъ долженъ управлять ими честно и отечески. Если онъ пренебрегаетъ этимъ, онъ не государь, а тиранъ,

*) Ватсонъ помѣстилъ во второй части своей исторіи Филиппа II обстоятельное извлеченіе изъ этой брошюры.

и подданные и ихъ представители, штаты, имѣютъ тогда право для своей защиты назначить на его мѣсто другаго, особенно, если они предварительно тщетно пытались убѣжденіями отклонить его отъ тираническихъ мѣръ; въ такомъ случаѣ, имъ не остается иного средства оградить свою свободу, какъ низвергнуть его. Это особенно относится къ тѣмъ народамъ, которые съ незапамятныхъ временъ управлялись на основаніи договоровъ и условій, утверждаемыхъ присягою монарховъ и нарушеніе которыхъ неминуемо влечетъ за собою лишеніе державныхъ правъ.» Послѣ того всѣ чиновники должны были формально отречься отъ повиновенія королю и принести штатамъ республиканскую присягу.

Между тѣмъ герцогъ Анжуйскій вовсе не спѣшилъ вступить въ обладаніе своимъ новымъ достоинствомъ. Устроивъ въ Флейксѣ седьмой религіозный миръ для Франціи, онъ поѣхалъ въ декабрѣ въ Парижъ, чтобы обезпечить за собой содѣйствіе нѣкоторыхъ протестантскихъ предводителей и своего брата, короля; наконецъ, онъ отправился въ Англію, гдѣ возобновилъ безплодныя исканія руки королевы Елисаветы. Къ счастію его, Александръ Пармскій велъ въ это время войну безъ своей обычной энергіи, вслѣдствіе несогласій съ Филиппомъ изъ-за назначенія его матери; притомъ ему пришлось разстаться съ испанскими и итальянскими ветеранами. Въ 1581 онъ взялъ городъ Бреда не столько силою, сколько измѣною и подкупомъ и послѣ двухъ мѣсячной осады принудилъ къ капитуляціи Турнэ. При осадѣ Турнэ прославилась Марія де Лаленъ княгиня д'Эпинуа, выказавшая геройское мужество и стойкость, управляя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, до 29 ноября 1581, защитою Турнэ, въ отсутствіе своего мужа, бывшаго комендантомъ города. Александръ, узнавъ о скоромъ прибытіи герцога Анжуйскаго, предпринялъ осаду Канбрэ, чтобы повредить французамъ. Впрочемъ, вскорѣ ему удалось вытребовать отъ католическихъ штатовъ позволеніе возвратить старыя испанскія и итальянскія войска, которыя тѣмъ временемъ были подкрѣплены. Эти войска, въ

соединеніи съ валлонскими, образовали впослѣдствіи, когда Филиппъ II окончилъ войну съ Португаліей, превосходную армію въ 60,000 человѣкъ, съ которою Александръ могъ предпринять нападеніе на Антверпенъ, главную резиденцію нидерландскаго правительства и главнѣйшій торговый пунктъ Европы.

Елисавета Англійская негодовала въ то время на интриги и сношенія Филиппа II съ недовольными шотландскими и англійскими вельможами и съ несчастной Маріей Стюартъ. Стараясь поэтому вредить испанцамъ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, она черезъ это самое доставила своему народу столь же положительному и энергическому, сколько испанскій мечтателенъ и лѣнивъ, случай обогатиться испанской добычей и развить свою промышленость посредствомъ нидерландской торговли. Когда Александръ Пармскій началъ угрожать нидерландцамъ, она послала имъ помощь, и войска ея помогли имъ овладѣть городами Турнэ, Ніовомъ и Мехельномъ; но при взятіи Мехельна англичане совершили такія ужасныя звѣрства, что эти завоеванія съ англійской помощью всего больше возстановили валлоновъ противъ ихъ фламандскихъ соотечественниковъ.

10. Присоединеніе Португаліи къ Испаніи.

Около этого времени Филиппъ II овладѣлъ Португаліей. Это пріобрѣтеніе не увеличило могущества и богатства Испаніи, а португальцевъ лишило послѣднихъ національныхъ силъ. Легкость завоеванія Португаліи испанцами доказываетъ, что и до этого она была уже въ сильномъ упадкѣ; сдѣлавшись испанской провинціей, она послужила своими владѣніями и колоніями лишь къ обогащенію Голландіи и Англіи. Многочисленные флоты и даже просто отдѣльные корабли, высылаемые изъ голландскихъ и англійскихъ гаваней, овладѣвали богатыми грузами португальскихъ и испанскихъ судовъ и даже лучшими колоніями этихъ народовъ, которыхъ и климатъ, и природа, и образъ прав-

ленія, и религія располагали къ апатіи. Изъ сокровищъ Испаніи и Португаліи развилась промышленость Англіи и Голландіи, тогда какъ сами испанцы и португальцы, не смотря на оставшіяся у нихъ золотыя и брильянтовыя розсыпи, совершенно обнищали.

Со времени своихъ открытій на востокѣ португальцы совершили тамъ удивительные подвиги, воспѣтые въ героической поэмѣ Камоэнса Лузіадѣ, написанной во время пребыванія поэта въ Китаѣ, гдѣ до сихъ поръ показываютъ путешественникамъ мѣсто, гдѣ онъ сочинялъ. Въ царствованіе короля Эмануила I (1495 — 1521) португальское королевство, столь незначительное въ Европѣ, было распространено въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ такъ же, какъ теперь англійское.

Послѣ путешествія Васко да Гамы вокругъ мыса Доброй Надежды въ Калькутту, господство и торговля португальцевъ въ Индіи подъ управленіемъ перваго генералъ-губернатора, Франсиско д'Альмейды, и преемника его, Альфонса д'Албукерке, распространились съ поразительною быстротою. Гоа, теперь жалкое мѣстечко, но одна изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ, была блестящею столицею огромнаго государства. Почти каждый годъ открывались то цѣлыя группы островов далекаго востока, то отдѣльные богатые и плодородные острова, произведенія которыхъ привозились въ Европу. Съ 1542, когда португальскіе корабли были занесены въ Японію, и эта страна, теперь совершенно запертая для европейцевъ, вошла въ сношенія съ Португаліей. Въ то же время господство португальцевъ случайно распространилось и на западъ. Въ 1500 Альваресъ де Кабраль отправился въ Индію по дорогѣ, открытой Гамою, но былъ занесенъ къ берегамъ Бразиліи. Въ 1502 король Эмануилъ послалъ туда флорентинца Америго Веспучіо, которому Америка обязана своимъ названіемъ, чтобы завладѣть Бразиліею, какъ новооткрытою страною. Тогда связь ея съ испанскою Америкою была еще неизвѣстна, и безъ этой случайности португальское владычество не могло бы распространиться на западъ,

потому что папа признаЛъ за португальцами все, что будетъ открыто на востокѣ, а всѣ страны, найденныя на западѣ, предоставилъ испанцамъ; поэтому португальцы и не посылали кораблей своихъ на западъ. На вопросъ, какое право имѣлъ папа дарить народамъ еще неоткрытыя страны, мы отвѣтимъ, что въ такое время, когда люди думали, что папа можетъ открывать и закрывать для душъ рай и адъ, смѣщать и сажать государей, объ этомъ и спрашивать не осмѣливались.

Со времени открытія Бразиліи между испанцами и португальцами возникъ жаркій споръ о пограничной линіи, которую нельзя было обозначить на глобусѣ. Въ царствованіе преемника Эмануила, Іоанна III (съ 1521 до 1557), споръ этотъ произвелъ разрывъ между Испаніею и Португаліею, когда Карлъ V изъявилъ притязаніе на Молукки, какъ принадлежащіе къ его части новаго свѣта. Португалецъ Фернандо Магелланъ, имя котораго до сихъ поръ носитъ извѣстный проливъ на югѣ Америки, оказалъ своему отечеству множество услугъ при расширеніи португальскаго владычества и за это былъ взятъ ко двору короля. Магелланъ просилъ, чтобы ему увеличили на полкрузадо морадію, т. е. помѣсячную плату, которую всѣ придворные получали вмѣсто стола въ бо́льшихъ или ме́ньшихъ размѣрахъ, смотря по чину; Іоаннъ отказалъ ему въ этой просьбѣ, чѣмъ онъ такъ оскорбился, что перешелъ на службу въ Испанію и, негодуя на португальскаго короля, предложилъ императору Карлу V достигнуть, направляясь все на западъ, Молуккскихъ острововъ и такимъ образомъ доставить испанцамъ право на обладаніе ими. Предложеніе было принято, и Магелланъ при первой же поѣздкѣ вокругъ Америки и Южнаго океана, достигъ группы острововъ, расположенныхъ на дальнемъ востокѣ Индіи (1520). Хотя самъ онъ былъ убитъ коварными малайцами на одномъ изъ открытыхъ имъ острововъ, и корабль его съ тремя другими не вернулся въ Испанію, но спутникъ его, бискаецъ Кано, капитанъ корабля «Викторія», обошелъ вокругъ мыса Доброй Надежды и благополучно привелъ «Викто-

рію» въ севильскую гавань. Испанцы и Карлъ V осыпали Кано почестями, какъ осыпали бы и Магеллана, если бы онъ возвратился. Карлъ далъ Кано въ фамильный гербъ земной шаръ съ надписью: «Онъ первый обошелъ меня вокругъ» (Primus qui me circumnavigavit), а «Викторію», какъ первый корабль, объѣхавшій вокругъ свѣта, взяли въ Севильѣ на сохраненіе. Впослѣдствіи португальскому королю пришлось купить у Карла V владѣніе Молуккскими островами за 350,000 дукатовъ, потому что императоръ завладѣлъ ими, какъ лежащими на западѣ отъ Испаніи.

Царствованіе Іоанна III было временемъ величайшаго процвѣтанія португальской націи, которая уже подъ управленіемъ его наслѣдника очень ослабѣла, частью вслѣдствіе безсмысленной траты силъ, а частью вслѣдствіе роскоши, изнеможенія и внутреннихъ безпокойствъ. Главной причиной упадка португальскаго государства еще до покоренія его Филиппомъ II былъ страшный фанатизмъ, водворенный въ Португаліи іезуитами и сопровождаемый нетерпимостью и неслыханными злодѣйствами инквизиціи, которая свирѣпствовала въ Португаліи при преемникѣ Іоанна еще страшнѣе, чѣмъ въ Испаніи. Іоаннъ III болѣе всѣхъ европейскихъ монарховъ покровительствовалъ іезуитамъ еще до формальнаго учрежденія ордена (т. XII, стр. 292). Двое первыхъ товарищей Игнатія Лойолы, Симонъ Родригесъ и Францискъ Ксавье, были приглашены неотступными просьбами Іоанна пріѣхать въ Португалію. Симонъ Родригесъ занялся съ истинно іезуитскимъ рвеніемъ ловлею еретиковъ; зато Францискъ Ксавье отправился въ Ост-Индію и Японію, гдѣ при помощи Іоанна не только распространилъ на далекомъ востокѣ христіанство, но и оказалъ много услугъ распространенію цивилизаціи, которою новѣйшіе народы обязаны христіанству. Впрочемъ, касательно заслугъ этого апостола Японіи въ проповѣди евангелія мы не раздѣляемъ мнѣнія Іоанна III и нынѣшнихъ ханжей; однако, нельзя отрицать, что торговля, могущество и наука Португаліи, а также вообще географія, этнографія, языкознаніе и вообще познаніе отдаленнѣйшихъ восточныхъ странъ больше выиграли отъ усер-

дія и вольной морали іезуитовъ, отъ терпимости ихъ къ суевѣріямъ китайцевъ и японцевъ, чѣмъ отъ всѣхъ академій въ мірѣ. Одно путешествіе патера Гюка и его товарища по Монголіи и Татаріи въ Тибетъ, сопряженное съ такими неописанными трудностями, показываетъ, какую пользу принесли истинному знанію миссіи іезуитовъ, которымъ еще въ училищахъ внушалась слѣпая вѣра и убѣжденіе, что одна она открываетъ двери въ рай. Ихъ религіозное рвеніе принесло человѣчеству такую же пользу, какъ энергія англичанъ и честолюбіе ихъ моряковъ. Однако, какъ ни важны были подвиги іезуитовъ, но фанатизмъ ихъ при тогдашнихъ многостороннихъ отношеніяхъ Португаліи къ мухамеданамъ и язычникамъ долженъ былъ повредить государству.

Это было очевидно еще при Іоаннѣ III; при внукѣ же и наслѣдникѣ его, Себастіанѣ, проповѣдуемое іезуитами ученіе, болѣе сообразное съ кораномъ, чѣмъ съ евангеліемъ, о заслугахъ крестовыхъ походовъ и обращенія посредствомъ меча, сдѣлалось положительно пагубнымъ, такъ какъ Себастіанъ наслѣдовалъ своему дѣду всего трехъ лѣтъ отъ роду, вслѣдствіе чего съ пеленокъ взросъ на іезуитскомъ ученіи. Опека и воспитаніе молодаго короля достались сперва старой ханжѣ, бабкѣ его Екатеринѣ, сестрѣ Карла V; но въ 1561 она, убѣгая отъ свѣта, отправилась въ монастырь, и тогда регентство перешло къ брату Іоанна III, кардиналу Генриху, архіепископу браганскому, эворскому и лиссабонскому, великому инквизитору Португаліи. Какъ князь церкви, онъ болѣе помышлялъ о ея пользѣ, чѣмъ о свѣтскихъ выгодахъ государства, и потому ввѣрилъ воспитаніе и даже обученіе молодаго короля не людямъ свѣдующимъ въ управленіи, а духовенству. Молодаго короля воспитывали два іезуита, донъ Алексисъ де Менезесъ и донъ Луисъ де Камара, первый въ должности гофмейстера, а второй — духовника и учителя. То были люди очень искусные; подобно многимъ придворнымъ проповѣдникамъ и профессорамъ нашего времени, они обладали искусствомъ воспламенять софистическими внушеніями молодой умъ,

полный воображенія и теплаго чувства, до романтизма, переступающаго всѣ предѣлы разсудка. Они довели короля Себастіана еще ребенкомъ до восторженности, которая не соотвѣтствовала, ни его времени, ни обстоятельствамъ. Съ раннихъ лѣтъ Себастіанъ только и бредилъ Римомъ и папою; денно и нощно только и помышлялъ, что объ истребленіи мусульманъ, о крестовыхъ походахъ на нихъ и о вѣнцѣ правовѣрнаго рыцаря.

Едва достигнувъ восемнадцати лѣтъ, Себастіанъ составилъ сумасбродный планъ водрузить побѣдоносный крестъ и государственное знамя Португаліи подъ тропиками, провести свою армію въ Индію и, подобно Александру Великому, покорить востокъ и западъ. Планъ этотъ остался невыполненнымъ только потому, что Себастіанъ на двадцатомъ году нашелъ случай повести въ другую сторону на бой за вѣру блестящее правовѣрное рыцарство Португаліи. Въ 1574 онъ предпринялъ походъ въ Африку, гдѣ долго безуспѣшно воевалъ съ маврами. По возвращеніи въ Лиссабонъ, онъ нашелъ поводъ, по случаю пріѣзда одного мароккскаго бѣглеца, повторить свое предпріятіе, на которое смотрѣлъ, какъ на особенное призваніе провидѣнія. Дѣло въ томъ, что незадолго до того мароккскій императоръ Мулей Мухаммедъ установилъ, чтобы по смерти правителя ему наслѣдовалъ не сынъ, а братья его по старшинству. Это возбудило обыкновенныя на востокѣ распри, безпокойства и убійства принцевъ, о которыхъ мы не упоминаемъ, ибо они не касаются европейской исторіи. Замѣтимъ только, что уже сынъ этого Мулей-Мухаммеда, Абдалла, не смотря на законъ отца, завладѣлъ правленіемъ и, какъ бывало въ Константинополѣ (т. XI, стр. 115), приказалъ истребить всѣхъ своихъ братьевъ. Изъ нихъ осталось въ живыхъ только двое; одинъ бѣжалъ въ Константинополь, а другой, Мулей Гаметъ, казался неопаснымъ и оставался въ Марокко, пока по смерти Абдаллы престоломъ не овладѣлъ сынъ его, Мулей-Мухаммедъ. Онъ также убилъ своихъ братьевъ, но когда вздумалъ погубить и дядю своего, Мулея Гамета, послѣдній бѣжалъ и, соединившись съ проживавшимъ

въ Константинополѣ братомъ своимъ, возвратился съ турецкою помощью для низверженія племянника. Мулей-Мухаммедъ былъ разбитъ въ 1575 въ двухъ сраженіяхъ, и Мулей Гаметъ овладѣлъ государствомъ. Онъ утвердилъ за собою престолъ разумною кротостью и даже отпустилъ помогавшихъ ему въ побѣдѣ турокъ, наводившихъ ужасъ на мавританское населеніе. Племянникъ его, Мулей-Мухаммедъ, изгнанный изъ своего убѣжища въ Атласѣ, бросился искать иноземной помощи. Сначала онъ отправился къ испанцамъ въ Пиньонъ де Велесъ (стр. 4) и просилъ помощи короля Филиппа II. При тогдашнихъ обстоятельствахъ король не могъ и не хотѣлъ дать ему помощь; тогда Мулей-Мухаммедъ обратился къ королю Себастіану португальскому и съ этою цѣлью отправился въ Танжеръ.

Себастіанъ былъ исполненъ такого энтузіазма къ вѣрѣ и къ геройскимъ подвигамъ, что ни на минуту не поколебался воспользоваться этимъ случаемъ. Умные совѣтники его дѣда доказывали, что колоссальное предпріятіе покорить Африку и вступить въ борьбу съ османскими турками слишкомъ фантастично. Король обратился въ 1576 къ брату своей матери, Филиппу II, съ просьбою содѣйствовать ему въ предпринимаемой войнѣ противъ невѣрныхъ, которыхъ надѣялся легко побѣдить. Филиппъ не далъ прямаго отказа и пригласилъ племянника на свиданіе. При этомъ свиданіи, происходившемъ въ монастырѣ Богородицы въ Гвадалупѣ, Филиппъ и герцогъ Альба тщетно старались отклонить короля Себастіана отъ его безумнаго предпріятія. Французскіе писатели утверждаютъ, будто Филиппъ нарочно отговаривалъ Себастіана, зная, что этимъ еще болѣе утвердитъ молодаго короля въ его намѣреніи и что тотъ не замедлитъ пойти на вѣрную гибель, чѣмъ доставитъ королю испанскому возможность половить рыбы въ мутной водѣ. Но мы не вѣримъ этимъ соображеніямъ. Несомнѣнно, однако, что Себастіанъ, не смотря на всѣ убѣжденія, стоялъ на своемъ нелѣпомъ намѣреніи поставить на карту все могущество Португаліи, чтобы пріобрѣсти Африку для римской церкви и инкви

зиціи. Бабка Себастіана, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, даже умерла въ монастырѣ съ горя, видя ослѣпленіе своего внука, а дѣдъ его, кардиналъ Генрихъ, также тщетно противился походу, который долженъ былъ истощить всѣ силы государства. Впрочемъ, Филиппъ обѣщалъ прислать съ своей стороны 50 галеръ и 5,000 человѣкъ войска.

Іюня 24 1578 Себастіанъ отплылъ въ Танжеръ, чтобы начать походъ. Войско его состояло изъ 10,000 португальцевъ, 3,000 нѣмцевъ, нанятыхъ имъ черезъ принца Оранскаго подъ командой полковника Амбергера, изъ 2,000 кастильянцевъ подъ начальствомъ донъ Альфонса д'Агильара, изъ 600 итальянцевъ, предводительствуемыхъ Томасомъ Стёклеемъ, которыхъ папа собирался было послать на помощь католикамъ ирландцамъ противъ протестантовъ англичанъ, и, наконецъ, изъ значительнаго числа волонтеровъ. Большинство португальскаго дворянства, нѣсколько епископовъ и всѣ принцы, въ томъ числѣ даже одинъ восьмилѣтній мальчикъ, сопровождали короля въ этомъ крестовомъ походѣ.

Изъ Танжера армія должна была двинуться сначала на Эль Аришъ или Ларахъ. До Эль Ариша можно было доплыть моремъ; но Себастіанъ и его восторженная свита рѣшились идти степью и песчаною пустынею Алькассарквивира. Здѣсь ихъ встрѣтило марокское войско изъ 40,000 мавританскихъ всадниковъ, противъ которыхъ король могъ выставить только 14,000 пѣхоты и 2,500 конницы. Часъ въ за пятнадцать ходьбы отъ Эль Ариша, при *Аль Кактрѣ* или *Алькассарѣ*, 4 августа 1578 произошло сраженіе, въ которомъ христіанское войско было разбито на голову, такъ что о битвѣ не сохранилось даже точныхъ свѣдѣній; самъ король Себастіанъ, все его дворянство и оба претендента на марокскій престолъ пали въ сраженіи. Лучшія извѣстія о битвѣ находятся въ путевыхъ запискахъ француза Ле-Блана. Хотя не самъ Ле-Бланъ описываетъ все видѣнное имъ, а со словъ его писалъ другой, но сущность его разсказа должна быть вѣрна, и потому мы послѣ-

дуемъ ему. Онъ говоритъ, что самъ участвовалъ въ сраженіи съ 60 марсельцами, изъ которыхъ осталось въ живыхъ очень немного; по его словамъ въ битвѣ погибло 12,000 христіанъ; 800 женщинъ и 200 дѣтей были обращены въ рабство. Онъ будто бы видѣлъ также трупъ короля Себастіана въ ящикѣ, который былъ потомъ пересланъ испанскому королю. Но чѣмъ убѣдительнѣе Филиппъ II и его министры увѣряли впослѣдствіи, что въ этомъ ящикѣ, перевезенномъ въ Лиссабонъ и похороненномъ въ Белемѣ, заключается трупъ Себастіана, тѣмъ меньше португальцы вѣрили этому. Всѣ были убѣждены, что король живъ и гдѣ-нибудь неожиданно явится. Впослѣдствіи, когда испанцы заняли Португалію, этотъ слухъ сдѣлался причиною многихъ смутъ, потому что многіе стали выдавать себя за пропавшаго безъ вѣсти короля и оспаривать у Филиппа престолъ.

Когда Себастіанъ пропалъ безъ вѣсти, кардиналъ Г е н р и х ъ снова сдѣлался регентомъ Португаліи и, наконецъ, былъ провозглашенъ королемъ. Онъ былъ старъ и бездѣтенъ, вслѣдствіе чего еще при его жизни многіе стали заявлять притязанія на португальскій престолъ. Изъ этихъ претендентовъ мы назовемъ только троихъ, а именно: Филиппа II испанскаго, герцогиню Браганцскую и Антоніо пріора Крато: Филиппъ и внукъ герцогини Браганцской достигли престола, но сами португальцы признавали королемъ пріора. Филиппъ II былъ сынъ старшей сестры Іоанна III; герцогиня Браганцская — дочь младшей сестры, а Антоніо — сынъ старшаго брата Іоанна III. Престолъ принадлежалъ бы безспорно пріору, если бы онъ могъ доказать, что мать его была законною женою его отца. Противъ герцогини Браганцской было то обстоятельство, что у нея была старшая сестра, бывшая замужемъ за намѣстникомъ нидерландскимъ, Александромъ Пармскимъ и оставившая сына, который очевидно имѣлъ ближайшее право на престолъ. Что касается Филиппа II, то съ первой же минуты по исчезновеніи Себастіана онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы овладѣть португальскимъ королевствомъ и его колоніями. При этомъ онъ упустилъ изъ виду, что

враги его, англичане и голландцы, воспользуются тѣмъ, чѣмъ не умѣли пользоваться испанцы и португальцы, и извлекутъ себѣ всѣ выгоды изъ золотыхъ розсыпей, серебряныхъ и алмазныхъ копей востока и запада.

Старый король Генрихъ могъ бы устранить отъ своего народа много бѣдъ и тяжкое продолжительное иго, если бы принялъ рѣшительно сторону одного изъ претендентовъ; но онъ осторожно молчалъ, а Филиппъ пользовался его кратковременнымъ правленіемъ, чтобы приготовить себѣ все для немедленнаго занятія Португаліи послѣ его смерти. Духовенство и большая часть дворянства были на его сторонѣ; самъ Генрихъ былъ также привлеченъ въ его пользу духовникомъ своимъ, іезуитомъ Леономъ Генрикесомъ. Генрихъ назначилъ пять правителей, которые должны были принять правленіе послѣ его смерти и созвалъ сеймъ въ Альмерію. Здѣсь оказалось, что народъ и города расположены противъ Филиппа, а духовенство и дворянство за него. Поэтому сеймъ ничего не рѣшилъ. Вслѣдъ затѣмъ 31 января 1580 король Генрихъ умеръ.

Филиппъ II давно уже приготовился оружіемъ поддержать свои права на португальскій престолъ. Подъ предлогомъ нападенія, грозящаго со стороны марокскаго императора, онъ собралъ въ Испаніи и въ Италіи превосходное, закаленное въ войнахъ войско, съ которымъ герцогъ Альба долженъ былъ вторгнуться въ Португалію тотчасъ по смерти Генриха. Португальцы, какъ часто бываетъ между сосѣдними народами, питали къ испанцамъ непримиримую ненависть; слѣдовательно, покорять многочисленныя португальскія владѣнія по ту сторону океана и самую Португалію и господствовать въ нихъ приходилось не иначе, какъ оружіемъ. Поэтому вторженіе Альбы въ Португалію должно было неминуемо повлечь за собою раззореніе обоихъ государствъ. Притомъ интриги, затѣянныя въ то же время Филиппомъ во Франціи въ пользу Гизовъ, требовали большихъ денегъ. Наконецъ, когда войску уже слѣдовало двинуться въ Португалію, Филиппъ поссорился съ герцогомъ Альбою за то, что

сынъ герцога, донъ Гарсіа де Толедо, позволилъ себѣ поступки, которые должны были взбѣсить такого поклонника этикета и приличія, какъ Филиппъ II. За проступки сына Альба былъ удаленъ отъ двора и даже заключенъ въ крѣпость Уседо. Но виды Филиппа на Португалію принудили гордаго короля на унизительный шагъ. Онъ послалъ одного изъ своихъ секретарей къ Альбѣ спросить его, возьмется ли онъ предводительствовать арміей, назначенной въ Португалію. Герцогъ согласился. Но Филиппъ и тутъ остался вѣренъ себѣ: онъ не согласился на просьбу герцога дозволить ему пріѣхать въ Мадридъ и послалъ ему письменную инструкцію.

Альба двинулся въ Португалію съ 22,000 человѣкъ пѣхоты и 2,600 конницы, въ томъ числѣ 3,500 нѣмцевъ. Когда Альба прибылъ въ страну, народъ уже успѣлъ объявить себя въ пользу пріора Антоніо. Въ несчастной битвѣ при Аль Кантрѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и сорокъ дней терпѣлъ самое суровое рабство, пока, наконецъ, ему удалось спастись почти чудомъ. Онъ долго предполагалъ, что король Генрихъ распорядится въ его пользу, но по испанскимъ интригамъ король принялъ его очень дурно. Когда испанцы вторглись въ Португалію, Антоніо находился въ Сантаремѣ, гдѣ неожиданно къ собственному удивленію былъ провозглашенъ королемъ. Народъ и граждане взялись въ пользу его за оружіе, и 24 іюня 1580 онъ былъ провозглашенъ въ Лиссабонѣ. Другой претендентъ, также попавшій при Аль Кантрѣ въ плѣнъ и потомъ освобожденный, юный сынъ герцогини Браганцской, былъ задержанъ герцогомъ Медина Сидоніей еще при возвращеніи въ Португалію изъ плѣна. По прибытіи Альбы, онъ послалъ Филиппу актъ отреченія, и король хотя принялъ этотъ актъ весьма презрительно и гордо, сказавъ, что не нуждается въ немъ, но все-таки велѣлъ хранить его въ симанкскомъ архивѣ.

Царствованіе Антоніо было очень кратковременно. Альба двинулся прямо на Сетубаль, гдѣ, какъ въ Сентаремѣ и въ Лиссабонѣ, Антоніо провозгласили королемъ; герцогъ быстро овладѣлъ этимъ и другими городами; въ то же время самъ Фи-

липпъ, чтобы быть ближе къ Португаліи, отправился въ Бадахосъ. Альба производилъ въ Португаліи такія же жестокости, какъ прежде въ Нидерландахъ: разъяренные португальцы всюду возстали противъ испанцевъ и толпами хлынули къ Антоніо, стоявшему лагеремъ при Аль Кантрѣ. Но Антоніо не могъ одержать верхъ надъ правильными, дисциплинированными войсками, предводимыми такимъ отличнымъ полководцемъ, какъ Альба. Восемь дней стояли обѣ арміи другъ противъ друга при Алькантарѣ, у рѣчки того же имени; наконецъ, Альба первый сдѣлалъ нападеніе. Тогда завязалась кровавая битва; храбро сражаясь, Антоніо не могъ, однако, противиться такимъ военачальникамъ, какъ Альба, Фернандо де Толедо и Просперъ Колонна, и ихъ испанскимъ, итальянскимъ и нѣмецкимъ наемникамъ, для которыхъ война была ремесломъ. Разбитый и израненный, онъ возвратился на короткое время въ Лиссабонъ. Тогда испанцы пробрались до Коимбры и далѣе. Они заняли страну не какъ наслѣдство своего короля и дѣйствовали не какъ друзья, а какъ враги, ибо всѣ наемныя войска того времени служили преимущественно ради добычи и дозволяемыхъ имъ безчинствъ надъ побѣжденными. Столицу Лиссабонъ они не грабили, но предмѣстья не избѣжали разграбленія; четыре богато нагруженные корабля, подошедшіе къ Лиссабону изъ Индіи почти въ одно время съ испанцами, не были пощажены, какъ имущество новыхъ подданныхъ Филиппа, а расхищены, какъ достояніе враговъ. Между тѣмъ Антоніо удалось собрать близъ Опорто 5 или 6 т. человѣкъ; но это было безполезно. У него, правда, не было недостатка въ военныхъ способностяхъ, и будь у него порядочныя войска, онъ не допустилъ бы Санчо д'Авилу перейти Дуэро, къ которому тотъ шелъ съ 6,000 человѣкъ; но крестьяне, служившіе у него, хотя ихъ и было, какъ говорятъ, до 10,000 человѣкъ, не могли противиться опытнымъ солдатамъ. Поэтому его попытка была снова безплодна. Онъ былъ принужденъ бѣжать въ Віану, гдѣ тщетно старался сѣсть на корабль. Послѣ того ему пришлось испытать самыя странныя при-

ключенія и вполнѣ положиться на честность своихъ подданныхъ, которые блистательно доказали свою вѣрность ему, когда испанскія войска искали его во всѣхъ концахъ Португаліи, и Филиппъ назначилъ 80,000 дукатовъ вознагражденія тому, кто поймаетъ его. Антоніо прожилъ тайкомъ три мѣсяца, скитаясь то въ той, то въ другой части своей родины, и выѣхалъ изъ Португаліи только въ январѣ (а не въ іюнѣ, какъ говоритъ Де-Ту и другіе) 1581 года. Нидерландскій корабль привезъ его въ Кале, гдѣ французское правительство взяло его подъ свое покровительство.

Пока герцогъ Альба завоевывалъ Филиппу Португалію, самъ король былъ опасно боленъ; выздоровѣвъ, онъ созвалъ въ Томаръ португальскій сеймъ. Здѣсь онъ принялъ присягу португальцевъ, но отказалъ на поданныя ему письменно просьбы городовъ и дворянства. Въ Сантаремѣ, куда Филиппъ отправился изъ Томара, онъ обходился со всѣми очень вѣжливо и кротко, стараясь изгладить воспоминаніе о злодѣйствахъ, совершенныхъ побѣдоносной арміей Альбы. Потомъ онъ отправился на испанскомъ галерномъ флотѣ подъ командой маркиза де Санта-Крусъ изъ Виллафранки въ Альмаду, напротивъ Лиссабона, на другомъ берегу Тахо. Въ Лиссабонѣ 26 ноября 1582 умеръ старшій сынъ его, Діего, которому чины уже присягнули, какъ будущему королю; поэтому онъ созвалъ въ Лиссабонъ второе собраніе чиновъ на 26 января 1583; здѣсь была принесена присяга второму сыну короля, наслѣдовавшему ему потомъ подъ именемъ Филиппа III. Въ началѣ февраля 1583 Филиппъ возвратился въ Испанію, оставивъ намѣстникомъ Португаліи кардинала эрцгерцога Альбрехта, брата германскаго императора Рудольфа II.

Всѣ иноземныя владѣнія Португаліи, даже вице-король острововъ и материка Остъ-Индіи, донъ Фернандо Телесъ де Менезесъ, добровольно признали Филиппа королемъ; только Азорскіе острова объявили себя въ пользу Антоніо. Кипріанъ де Фигвередо, удержалъ въ пользу Антоніо Терсейру, вызвалъ его

къ себѣ и отразилъ Педро Вальдеса, который хотѣлъ занять Терсейру испанскими войсками. Тогда Антоніо рѣшился снова попытать счастія противъ испанцевъ. Екатерина Медичи дала ему для этой цѣли нѣсколько французскихъ кораблей, что было единственной причиной, почему Филиппъ, финансы и дѣла котораго были тогда въ самомъ плохомъ состояніи, рѣшился на дорогія вооруженія, какихъ, разумѣется, Терсейра и всѣ прочіе Азорскіе острова не стоили. Іюня 12 1583 Антоніо вышелъ изъ Нанта съ 55 большими и малыми судами въ сопровожденіи находившагося во французской службѣ Филиппа Строцци (стр. 64), называвшаго себя адмираломъ вспомогательнаго французскаго флота и командиромъ небольшаго дессанта, бывшаго на немъ. Сначала они хотѣли взять островъ Санъ-Мигуэль, которымъ испанцы успѣли овладѣть, и уже высадили дессантъ, какъ появился маркизъ де Санта-Крусъ съ испанскимъ флотомъ. Французскія войска поспѣшно сѣли снова на корабли. Испанцы хотѣли вступить въ морское сраженіе; но французы неудержимо обратились въ бѣгство. Самъ Антоніо бѣжалъ, не дожидаясь битвы. Строцци былъ взятъ въ плѣнъ и по приказанію испанскаго адмирала варварски умерщвленъ. Антоніо бѣжалъ на Терсейру; онъ или, лучше сказать, вѣрный слуга его, Эмануэль да Сильва, при помощи нѣсколькихъ сотъ французовъ, такъ упорно защищали этотъ островъ, что король Филиппъ долженъ былъ снарядить противъ него новое войско въ 10,000 человѣкъ. Съ этимъ войскомъ, въ томъ числѣ 1.000 человѣкъ нѣмцевъ, Санта-Крусъ овладѣлъ въ іюлѣ 1583 Терсейрой, даровавъ французамъ свободный выходъ. Эмануэль да Сильва былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ; Антоніо снова успѣлъ бѣжать. Въ 1589 съ помощью англійскаго адмирала Френсиса Дрека онъ снова сдѣлалъ тщетную попытку овладѣть Португаліей и, наконецъ, умеръ въ 1595 году изгнанникомъ въ Парижѣ.

11. Нидерланды отъ прибытія герцога Анжуйскаго до завоеванія Антверпена (1585).

Пока Филиппъ былъ совершенно поглощенъ португальскими дѣлами, химерическій проэктъ брака съ Елисаветой англійской въ продолженіе двухъ лѣтъ удерживалъ герцога Анжуйскаго отъ рѣшительныхъ дѣйствій, хотя онъ давно уже былъ сдѣланъ протекторомъ и правителемъ католическихъ Нидерландъ. Въ 1581 Александръ Пармскій сильно тѣснилъ Канбрэ, герцогъ Анжуйскій собралъ было значительное французское войско и въ августѣ принудилъ испанцевъ поспѣшно снять осаду; но Вильгельмъ Оранскій не могъ убѣдить его продолжать свои успѣхи и не покидать Нидерландовъ. Первые шесть мѣсяцевъ 1581 года герцогъ былъ исключительно занятъ своими англійскими брачными планами и осенью того же года снова принялся за нихъ. Въ ноябрѣ онъ поѣхалъ съ блестящей свитой въ Англію, гдѣ до того вдался въ обманъ, что не только самъ, но и братъ его, король французскій, были твердо убѣждены, что скоро будетъ назначенъ день свадьбы. Только въ январѣ 1582 проволочки надоѣли ему. Перваго февраля 1582 онъ поѣхалъ обратно въ Нидерланды и 10 числа высадился въ Флиссингенѣ. Здѣсь его съ почетомъ встрѣтили принцъ Вильгельмъ и другіе нидерландскіе сановники и повезли въ Антверпенъ на приготовленномъ для него флотѣ. Февраля 19 онъ торжественно въѣхалъ въ городъ; черезъ три дня произнесъ присягу править согласно предписаннымъ ему правиламъ, принялъ присягу штатовъ и былъ провозглашенъ во Фландріи герцогомъ Брабантскимъ и маркграфомъ Священной Римской Имперіи.

Въ то самое время, когда идея конституціонной свободы и евангелическаго ученія, повидимому, пріобрѣтала новую опору, въ Нидерландахъ и во Франціи совершены были два страшныя злодѣянія если не самыми офиціальными представителями религіи, правъ и порядка, то агентами ихъ. Въ Нидерландахъ

по проискамъ испанскаго короля и его довѣренныхъ было произведено покушеніе на жизнь Вильгельма Оранскаго; во Франціи былъ составленъ заговоръ однимъ изъ приближенныхъ герцога Анжуйскаго, по наущенію Гизовъ и испанскаго кабинета. Филиппъ II давно оцѣнилъ голову принца Оранскаго, который одинъ умѣлъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ вносить порядокъ въ нидерландскія дѣла. Придворные испанскаго короля желали нанять убійцу за 80,000 дукатовъ и съ этою цѣлью вошли въ сношеніе съ антверпенскимъ банкиромъ Акостою, которому не посчастливилось въ финансовыхъ оборотахъ. Акоста уговорилъ своего прикащика и соотечественника Х а у р е г в и убить принца Вильгельма, какъ единственную опору еретиковъ и мятежниковъ, обольстивъ его приманкою награды и надеждою на заслугу передъ Богомъ. Кромѣ того, патеръ Тиммерманъ утвердилъ молодаго человѣка въ его намѣреніи, внушивъ ему отчаянный фанатизмъ. День рожденія принца (18 марта 1582) былъ избранъ убійцей для исполненія своего замысла. Онъ выстрѣлилъ въ принца изъ пистолета и ранилъ его въ ротъ, но не смертельно, хотя принца сочли убитымъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого покушенія былъ непримиримый раздоръ между французами герцога Анжуйскаго и нидерландцами. Убійца былъ изрубленъ на мѣстѣ преступленія, и вслѣдъ затѣмъ распространился слухъ, будто онъ былъ подосланъ герцогомъ Анжуйскимъ и его французами. Взбѣшенное населеніе всего Антверпена бросилось къ аббатству св. Михаила, гдѣ проживалъ герцогъ съ своими приближенными, и если бы не присутствіе духа семнадцатилѣтняго сына Вильгельма, М о р и ц а, то здѣсь пролились бы цѣлые потоки крови. Морицъ, предвидя заранѣе, какіе слухи могутъ распространиться въ народѣ, осмотрѣлъ карманы убійцы и нашелъ въ нихъ бумаги, изъ которыхъ оказалось, что дѣло подготовлено испанцами. Онъ показалъ эти бумаги народу и усмирилъ этимъ его ярость противъ Анжу. Но взаимное довѣріе, которое никогда не было особенно прочно, послѣ этого подозрѣнія совершенно разрушилось.

Во Франціи приближенный герцога Анжуйскаго, де Сальседъ, затѣялъ заговоръ, въ которомъ приняли участіе многія сановныя лица изъ монархической и благочестивой партіи. Дѣло это, впрочемъ, далеко не такъ ясно, какъ покушеніе Хауреґви, и мы не можемъ прямо указывать на Филиппа II, Гизовъ и на религіозный фанатизмъ лигистовъ, какъ на его виновниковъ, потому что мы знаемъ о заговорѣ только то, что подъ пыткою показалъ самъ Сальседъ, который притомъ часто бралъ свои показанія назадъ и потомъ снова дѣлалъ ихъ. Впрочемъ, главныя обстоятельства не подлежатъ сомнѣнію. Сальседъ обязался испанскому правительству и герцогу де Гизу остановить отправленіе французскихъ войскъ въ Нидерланды, возбудивъ съ этою цѣлью во Франціи новое междоусобіе. Онъ ручался за Пикардію, Шампань, герцогство Бургундское, Котантенъ и Бретань; войска папы и герцога савойскаго, а съ другой стороны испанцы должны были занять югъ Франціи, а самъ Сальседъ навербовать полкъ будто бы для герцога Анжуйскаго; но потомъ онъ долженъ былъ отложиться отъ него, овладѣть въ расплохъ какою-нибудь пограничною крѣпостью, воспрепятствовать соединенію герцога Анжуйскаго съ братомъ и принудить этого труса сдѣлаться вождемъ ожесточеннаго населенія противъ протестантовъ. Достовѣрно извѣстно. что Сальседъ сообщалъ о своемъ безумномъ планѣ герцогу де Гизу и давно состоялъ въ сношеніяхъ съ испанскимъ кабинетомъ; именъ же множества лицъ, бывшихъ, по его показанію, его сообщниками, мы не приводимъ, потому что не можемъ придавать ни малѣйшаго значенія показаніямъ такого негодяя. Сальседъ сумѣлъ втереться въ довѣренность къ герцогу Анжуйскому и прибылъ къ нему во Фландрію; но герцогъ скоро разгадалъ его замыселъ и увѣдомилъ о немъ короля. Король сначала не обратилъ на это дѣло никакого вниманія, но потомъ, когда Анжу прислалъ Сальседа во Францію, гдѣ его снова допрашивали подъ пыткой, то показанія его принудили Генриха взглянуть на это дѣло серьезнѣе. Увидавъ, как обширенъ заговоръ

и какъ много запутано въ немъ важныхъ лицъ, король съ ужасомъ отступился. Дѣло замяли, а Сальседа поскорѣе казнили, какъ государственнаго преступника, чтобы не слушать его дальнѣйшихъ объясненій.

Со дня покушенія на принца Вильгельма, надзиравшаго за герцогомъ Анжуйскимъ, какъ дядька, герцогъ все болѣе и болѣе чувствовалъ неловкость своего положенія. По завоеваніи Филиппомъ II Португаліи, Анжу убѣдился, что не можетъ тягаться съ героемъ, предводившимъ въ Нидерландахъ испанцами. Валлоны жаловались, что Анжу не исполняетъ своихъ обѣщаній. Самъ онъ былъ также недоволенъ ими, потому что каждый городъ и каждый аристократъ заботились только о себѣ, не слушаясь ни чьихъ приказаній, не принимая никакого участія въ общемъ дѣлѣ. Притомъ большинство ихъ больше довѣряло искреннему паписту герцогу Пармскому, чѣмъ сомнительному католицизму французовъ. Анжу вознамѣрился тогда завладѣть всѣми важнѣйшими городами и съ этою цѣлью, вмѣсто того, чтобы вести своихъ французовъ противъ испанцевъ, расположилъ ихъ гарнизонами по городамъ. Это привело валлоновъ въ негодованіе и разсорило ихъ съ избраннымъ ими государемъ, который не имѣлъ въ странѣ ни владѣній, ни приверженцевъ. Въ это самое время Филиппъ II могъ, наконецъ, послать въ Нидерланды подкрѣпленія, вслѣдствіе чего армія Александра Пармскаго возрасла до 60,000 человѣкъ. Принцъ Пармскій завоевалъ Уденарде, откуда могъ грозить и Брабанту, и Фландріи. Какъ разъ въ это время тайная вражда валлоновъ съ герцогомъ Анжуйскимъ перешла въ открытый раздоръ. Окружавшіе герцога никакъ не могли помириться съ мыслью, что не могутъ править въ городахъ Брабанта и Фландріи на французскій ладъ, черезъ своихъ чиновниковъ и офицеровъ, а должны подчиняться городскимъ общиннымъ совѣтамъ. Наконецъ, они рѣшились занять всѣ мѣста французами. Честный дю Плесси Морне, не одобрявшій этого плана, былъ удаленъ, и городскимъ комендантамъ было приказано вѣроломно овладѣть каждому своимъ

городомъ и предать его совершенно во власть французовъ. Умыселъ удался въ Дендермонде, Диксмюйденѣ, Дюнкирхенѣ, Алостѣ и Мененѣ; но въ Брюгге, Остенде и Ньюпортѣ граждане воспротивились ему, а въ Антверпенѣ, которымъ герцогъ намѣревался овладѣть самъ, это покушеніе вызвало страшное кровопролитіе.

Антверпенъ въ то время, подобно Генту, населеннѣйшій городъ въ мірѣ, былъ охраняемъ валлонами и гражданами подъ главнымъ начальствомъ герцога; французскія же войска герцога, кромѣ его немногочисленныхъ тѣлохранителей, стояли за городомъ. Въ назначенный день (17 января 1583) герцогъ подъ предлогомъ смотра собралъ свои войска близъ города и съ своей французской и швейцарской гвардіей подошелъ къ однимъ воротамъ, гдѣ на второмъ подъемномъ мосту его встрѣтило около сотни человѣкъ изъ лагеря; они нарочно подняли шумъ, чтобы дать французскому войску поводъ ворваться въ городъ. Такъ и случилось; семнадцать ротъ вошли въ городъ и съ крикомъ: «Обѣдня! обѣдня! бей! бей! (tue! tue)!» кинулись на улицы грабить; но жители Антверпена взялись за оружіе, и въ городѣ началась страшная рѣзня. Ворвавшіеся французы, полагая, что уже завоевали городъ, поспѣшно разсѣялись для грабежа. Но улицы быстро оцѣпились цѣпями и заставами; въ французовъ, занятыхъ грабежомъ, стали стрѣлять изъ оконъ; граждане и иностранцы, милиція, ремесленники и приказчики, даже женщины и дѣти бросали въ нихъ всѣмъ, что попадало подъ руку; наконецъ, послѣ кровопролитнаго боя они были принуждены бѣжать изъ города, кто какъ могъ, кто черезъ ворота, а кто перелѣзая черезъ стѣны и рвы. Изъ 3,000 французовъ, ворвавшихся въ городъ, было убито 1,500, а по другимъ 2,000; всѣ важнѣйшія лица изъ свиты герцога были взяты въ плѣнъ.

Послѣ этихъ происшествій нидерландцы, конечно, перестали считать герцога Анжуйскаго своимъ защитникомъ; напротивъ, стали смотрѣть на французовъ, какъ на враговъ. Герцогъ удалился въ Дюнкирхенъ. Однако, дипломаты королевы Елисаветы

склонили генеральные штаты, которые всю надежду свою возлагали на Англію, выразить готовность примириться съ герцогомъ. Вильгельмъ Оранскій также хлопоталъ объ этомъ, опасаясь, чтобы изъ-за брата Генрихъ III не сошелся съ Филиппомъ. Но пока многоголовое антверпенское правительство разсуждало и раздумывало, испанскій главнокомандующій завоевалъ Диксмюйденъ и Ньюпортъ, и въ іюлѣ 1583 очистилъ Бельгію отъ республиканцевъ. Осенью Александръ Пармскій предпринялъ новыя завоеванія, которымъ генеральные штаты не могли противиться, потому что жители Гента, какъ всѣ богатые торгаши, думая только о себѣ, отказали имъ въ содѣйствіи. Въ ноябрѣ испанцы овладѣли гаванью (het Sas) Гента, Гульстомъ, Акселемъ, Рюпельмонде и Алостомъ. Между тѣмъ Вильгельмъ Оранскій все хлопоталъ о примиреніи съ Анжу. Новый договоръ, который хотѣли заключить съ нимъ, былъ уже почти готовъ, когда 10 іюня 1584 герцогъ умеръ въ Шато-Тьерри.

Хотя умершій былъ человѣкъ совершенно ничтожный, во всю жизнь ничего дѣльнаго не сдѣлавшій и не подумавшій, но тѣмъ не менѣе смерть его имѣла важное вліяніе и на Францію, и на Нидерланды. Во Франціи смерть его доставила лигѣ, Гизамъ и Филиппу II, постоянно поддерживавшему ихъ, силу, которой до сихъ поръ они не могли имѣть. Генрихъ III былъ бездѣтенъ, и по смерти брата его наслѣдство французскаго престола переходило къ протестанту, королю наваррскому, который такъ долго воевалъ противъ католиковъ; по характеру и учрежденіямъ французскаго государства протестантъ никакъ не могъ достигнуть и удержать за собой престолъ, если бы даже большинство французовъ отреклось отъ католицизма. Поэтому католическая партія рѣшилась заставить короля Генриха III отрѣшить короля наваррскаго отъ престолонаслѣдія; герцога Генриха Гиза было положено приставить къ Генриху чѣмъ-то въ родѣ опекуна Вслѣдствіе этого возникли новыя смуты, о которыхъ мы скажемъ ниже. Въ Нидерландахъ ближайшимъ слѣдствіемъ смерти герцога Анжуйскаго было совершенное уничтоженіе единства въ

мѣрахъ генеральныхъ штатовъ и разрушеніе тѣсной связи сѣверныхъ провинцій съ Фландріею и Брабантомъ. Такъ какъ по смерти герцога государственный совѣтъ распался, то провинціи, не принадлежавшія къ утрехтскому союзу, остались безъ всякаго правителя и правительственнаго мѣста, которое въ случаѣ нужды могло бы быстро принимать рѣшенія и дѣйствовать.

Въ Голландіи и Зеландіи Вильгельмъ господствовалъ почти неограниченно. Въ высшей степени недовольный антверпенцами и особенно фламандцами, онъ послѣ шестилѣтняго отсутствія снова возвратился въ эти провинціи. Все, что онъ видѣлъ и испыталъ въ Антверпенѣ, убѣдило его въ необходимости учредить на сѣверѣ родъ диктатуры. Грёнъ фанъ Приистереръ справедливо замѣчаетъ въ восьмомъ томѣ своего собранія писемъ, что изъ одного тщеславія и честолюбія Вильгельмъ не сталъ бы искать предложеннаго ему въ то время чинами достоинства и верховной власти графа Голландіи и Зеландіи. Онъ принялъ это предложеніе, давъ при этомъ объясненіе, которое ясно говорило, что онъ намѣренъ владѣть и править этими провинціями со всѣми правами и преимуществами, какія принадлежали прежде Карлу V и Филиппу II. Но смерть поразила принца Оранскаго прежде, чѣмъ онъ достигъ этого. Іюля 10 1584, ровно черезъ мѣсяцъ по смерти герцога Анжуйскаго, когда Вильгельмъ готовился торжественно короноваться въ Дельфтѣ графомъ Голландскимъ и Зеландскимъ, онъ погибъ отъ руки убійцы. Французъ Бальтазаръ Жераръ изъ Вильфанса въ Бургундіи явился къ принцу съ рекомендательными письмами; какъ лазутчикъ, онъ пріобрѣлъ у него вѣсъ и дозволеніе входить къ нему въ комнату во всякое время. Выждавъ удобную минуту, когда Вильгельмъ вставалъ изъ-за обѣденнаго стола, онъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, заряженнаго тремя пулями. Вильгельмъ упалъ убитый наповалъ.

Въ годъ убійства Вильгельма и въ слѣдующемъ году дѣла нидерландцевъ были въ самомъ плохомъ положеніи, и Филиппъ былъ, повидимому, увѣренъ въ покореніи ихъ; никто не подо-

зрѣвалъ, что Вильгельмъ оставилъ сына, который, какъ полководецъ, обладаетъ такими же способностями, какими отецъ его отличался въ кабинетныхъ политическихъ дѣлахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ блистательно докажетъ въ трудныхъ сношеніяхъ со всевозможными партіями и предводителями ихъ свой дипломатическій тактъ. Но сыну Вильгельма, Морицу, было тогда только девятнадцать лѣтъ. Штаты отдали должную дань благодарности заслугамъ отца, избравъ сына штатгальтеромъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта и назначивъ великимъ адмираломъ; они дѣйствительно были обязаны большою благодарностью Вильгельму, который все время устранялъ отъ нихъ бремя войны, такъ что война только увеличила благосостояніе ихъ. Но они не ввѣрили молодому принцу главнаго начальства арміею, не довѣряя его военнымъ способностямъ. Командиромъ войска былъ назначенъ генералъ графъ Гогенлоэ, которому было поручено состоять при принцѣ и руководить имъ въ должности депутата штатовъ.

При военномъ геніи Александръ Пармскій отличался также кротостью и благоразумною умѣренностью. Онъ старался щадить города, на которые нападалъ, а потому рѣдко бралъ ихъ приступомъ, предпочитая принуждать ихъ къ сдачѣ на капитуляцію блокадой или отводомъ рѣкъ, на которыхъ они стояли; при капитуляціяхъ онъ давалъ самыя выгодныя условія. Уденарде былъ завоеванъ имъ еще въ 1582; въ іюлѣ 1583 были взяты Дюнкирхенъ и Ньюпортъ, а въ октябрѣ и ноябрѣ гавань Гента, Гульстъ, Аксель, Рюпельмонде и Алостъ; въ апрѣлѣ 1584 Иперnъ сдался на капитуляцію. Одинъ изъ коварнѣйшихъ аристократовъ, Карлъ де Круа князь де Шимэ, предалъ испанцамъ Брюгге. Карлъ де Круа былъ сынъ измѣнника герцога Аршота, титулъ котораго онъ наслѣдовалъ. Сперва онъ покинулъ католическую вѣру и службу испанскаго короля, чтобы получить штатгальтерство Фрисландіи, а потомъ предалъ испанцамъ Брюгге за должность командира корпуса войскъ. Съ марта по іюль 1584 были принуждены къ сдачѣ Мехельнъ, Брюссель и Дендермонде, а въ августѣ Термонде. Теперь изъ фландрскихъ го-

родовъ во власти генеральныхъ штатовъ оставались только: Гентъ, Слюйсъ (l'Ecluse), Антверпенъ и Остенде. Но послѣ сдачи Термонде Гентъ не могъ держаться, потому что взятіемъ гавани его отрѣзали отъ моря, а завоеваніемъ Термонде прекратили ему сообщеніе съ Антверпеномъ и вообще Брабантомъ. Александръ совершенно окружилъ его, и въ добавокъ въ городѣ снова водворилась демагогія. Имбизенъ, глава гентской демагогической партіи, возвратился въ 1584 въ Гентъ и снова началъ дѣйствовать въ ультра-демократическомъ духѣ, когда протестанты и пролетаріи добились принятія его въ члены магистрата. Чтобы низвергнуть его, аристократическая и реформатская партія распустила молву, будто Имбизенъ еще въ Пфальцѣ состоялъ въ перепискѣ съ Александромъ Пармскимъ. Вслѣдствіе этого произошли безпорядки, и Имбизена арестовали. По обычаю того времени, съ него тотчасъ сняли допросъ подъ пыткой. Онъ и друзья его были люди грубые и безсовѣстные; поэтому нельзя положительно отрицать, что они намѣревались совершить измѣну; но вѣроятнѣе, что богатые жители Гента, наскучивъ томительной блокадой города, желали какъ-нибудь избавиться отъ нихъ, чтобы потомъ имѣть возможность заключить капитуляцію. Семидесятилѣтній старикъ Имбизенъ былъ казненъ и передъ смертью, надѣясь заслужить помилованіе, самъ сознался во всѣхъ своихъ злоумышленіяхъ. Вслѣдъ за его казнью начались переговоры о сдачѣ города, и 17 сентября 1584 была подписана капитуляція, состоявшая изъ двѣнадцати статей. Гентцы должны были заплатить 300,000 гульденовъ контрибуціи; но Александръ Пармскій, принимая во вниманіе важныя потери города въ послѣднее время, простилъ имъ цѣлую треть этой суммы. Условія всѣхъ капитуляцій, предписанныхъ тогда нидерландскимъ городамъ, выказываютъ фанатизмъ короля Филиппа II въ такомъ же гнусномъ свѣтѣ, какъ и покушеніе на жизнь Вильгельма Оранскаго, какъ постыдный заговоръ лигистовъ противъ короля Генриха III и его наслѣдника Генриха Наваррскаго, какъ, наконецъ, всѣ ужасы инквизиціонныхъ судовъ Испаніи. Условія

были очень снисходительны во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ протестантства: протестантамъ предлагалось на выборъ или перемѣнить вѣру, или удалиться изъ страны. Въ послѣднемъ случаѣ имъ давалось два года срока на продажу имѣнія.

По взятіи Гента, Александръ принялся, наконецъ, серьезно за осаду Антверпена, который до тѣхъ поръ былъ только въ блокадѣ. Эта осада длилась цѣлыхъ два года, если считать и время блокады. Она такъ замѣчательна по механическимъ и военнымъ средствамъ, которыя употреблялись при ней, что Страда посвятилъ описанію ея цѣлый прологъ во вкусѣ Тита Ливія, и она занимаетъ значительное мѣсто во всѣхъ исторіяхъ нидерландскихъ смутъ. Мы не можемъ останавливаться на частностяхъ и сдѣлаемъ касательно этой важной осады лишь нѣсколько замѣчаній, не вдаваясь въ подробности и не выставляя даже заслугъ предводителей и сражавшихся націй.

Осада Антверпена не могла длиться болѣе года, потому что изъ двухъ фортовъ (Лилло и Лифкерсгукъ), лежавшихъ при устьѣ Шельды, одинъ вовсе не былъ взятъ испанцами, а другой, хотя и былъ взятъ, но вскорѣ снова перешелъ въ руки голландцевъ, такъ что голландцы и зеландцы, превосходившіе испанцевъ и валлонцевъ числомъ, могли свободно входить въ гавань. Чтобы отрѣзать это сообщеніе, Александръ загородилъ рѣку мостомъ, построеннымъ съ страшными усиліями среди постоянныхъ сраженій въ самомъ узкомъ мѣстѣ Шельды, между Ордамомъ на сѣверномъ и Каллоо на южномъ берегу. Но посерединѣ мостъ прерывался, потому что здѣсь рѣка была такъ глубока, что оказалось невозможнымъ вколотить сваи. Оставшійся промежутокъ былъ заставленъ страшной пловучей массой, состоявшей изъ тридцати двухъ барокъ и судовъ, съ воздвигнутыми на нихъ батареями. Какъ колоссально было это предпріятіе можно судить уже потому, что голландцы и зеландцы владѣли моремъ, что бури и приливы въ этомъ мѣстѣ обладаютъ разрушительной силой, а между тѣмъ, по словамъ Бентиволіо, мостъ имѣлъ 432 шага въ длину, а по другимъ 200 футовъ отъ южнаго берега и 900 отъ сѣвернаго.

Что касается обороны города, то ею руководилъ не человѣкъ съ свѣтлымъ умомъ и избранные специалисты, какъ осадой; она была поручена разнохарактернымъ комитетамъ (conseils) республиканскаго городскаго управленія, которые часто дѣйствовали совершенно другъ противъ друга. Испанскій мостъ строился цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, и голландскому адмиралу Трелону не слѣдовало бы въ это время сидѣть, сложа руки, а должно было приняться за рѣшительныя дѣйствія, сообразно данному ему приказанію. Но по смерти Вильгельма адмиралъ и многіе другіе только и думали о томъ, чтобы разыгрывать роль главнокомандующихъ, а повиноваться никому не хотѣлось. Наконецъ, Трелонъ былъ смѣненъ, и въ Антверпенъ прибылъ графъ фонъ Гогенлоэ; но тогда было уже слишкомъ поздно, хотя итальянскій пиротехникъ, принятый на службу голландцами, могъ соперничать способностями съ итальянскими инженерами и архитекторами Александра. То былъ Джанибелли. Онъ представилъ голландцамъ планъ разрушить мостъ посредствомъ двухъ большихъ и тридцати двухъ малыхъ брандеровъ. Эта попытка, однако, не удалась; одно изъ двухъ большихъ судовъ, нагруженное 6,000 фунтовъ пороха, было прибито къ берегу; другое съ 7,000 фунтовъ пороха, тянувшее за собою барки, нагруженныя каменьями и другимъ балластомъ, хотя достигло моста и нанесло ему много вреда, но голландцы не воспользовались этой благопріятной минутой. Дѣло въ томъ, что они забыли предувѣдомить гарнизонъ форта Лилло, такъ что когда взрывъ погубилъ 800 испанцевъ, погребенныхъ подъ развалинами ихъ громаднаго сооруженія, и до того взволновалъ рѣку, что вода вышла изъ береговъ и затопила укрѣпленія испанцевъ, въ это время гарнизонъ форта не аттаковалъ непріятеля. Поврежденія, нанесенныя мосту, были скоро исправлены. Потомъ антверпенцы, вопреки совѣту Джанибелли, соорудили страшную адскую машину, прозванную «Конецъ Войны»; но она не нанесла испанцамъ большаго вреда, потому что теперь они были на-сторожѣ.

Осажденные, особенно голландцы, старались достичь водою того, чего не могли достичь огнемъ. Они прорыли плотины, чтобы напоромъ воды снести испанскія укрѣпленія и утопить непріятелей въ ихъ траншеяхъ. Но противъ этого испанцы выстроили поперечную плотину, такъ называемую Cruysdijk, что собственно въ этой низменной странѣ означаетъ насыпную дорогу. Напоръ направленной противъ валовъ воды не осилилъ этой поперечной плотины, на которой произошла кровопролитная битва. Антверпенцы, гарнизонъ укрѣпленія Лилло и голландцы, собравшись подъ начальствомъ Гогенлоэ, аттаковали испанцевъ, чтобы овладѣть поперечной плотиной. Они уже овладѣли ею, когда явился самъ Александръ Пармскій, снова повелъ въ сраженіе свои опрокинутыя войска, отбилъ плотину, взялъ около тридцати голландскихъ кораблей со всѣмъ оружіемъ и нанесъ непріятелю уронъ въ 2,500 человѣкъ. Послѣ этой неудачной попытки Антверпенъ не могъ держаться. 17 августа 1585 онъ сдался на капитуляцію послѣ отчаянной обороны, продолжавшейся съ мая. Относительно протестантовъ условія антверпенской капитуляціи были выгоднѣе капитуляцій другихъ городовъ. «Антверпенъ сдается королю и его намѣстнику,» было сказано въ капитуляціи, «съ тѣмъ, что ему будетъ дарована полная амнистія; протестанты могутъ оставаться въ городѣ еще четыре года, а по прошествіи этого времени должны удалиться со всѣмъ своимъ имуществомъ; городъ обязанъ выплатить 400,000 гульденовъ, за что ему будутъ возвращены всѣ его привиллегіи; испанскій гарнизонъ не долженъ превышать 2,200 человѣкъ.»

Теперь, казалось, наступило время всѣмъ Нидерландамъ снова подчиниться власти Филиппа II. Генеральные штаты потеряли Брюссель, Антверпенъ, Миддельбургъ и Дордрехтъ и перешли въ Дельфтъ; Александръ Фарнезе готовился преслѣдовать ихъ и тамъ; онъ намѣревался осадить Утрехтъ; но въ это время Филиппъ II истратилъ на другія предпріятія деньги, необходимыя для покоренія Нидерландовъ. Еще во время осады Антверпена главнокомандующій Филиппа такъ нуждался по его милости въ

деньгахъ, что часто не могъ сдѣлать самыхъ необходимыхъ расходовъ. Филиппъ тратилъ всѣ свои средства на поддержку лиги и на предпріятія противъ Англіи. Французская исторія до смерти короля Генриха III покажетъ намъ, чего искалъ Филиппъ во Франціи; потомъ мы перейдемъ къ послѣдующей исторіи Англіи и Нидерландовъ.

12. Французскія религіозныя войны при Генрихѣ III.

По смерти герцога Анжуйскаго во Франціи снова образовалась лига, которая, казалось, было распалась. Она состояла изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Въ ней участвовали честолюбивые сторонники лотарингскихъ принцевъ, многочисленные члены различныхъ парламентовъ, искренно преданные католической вѣрѣ, полубогословы, полуюристы, слѣпые и ярые фанатики, члены религіозныхъ клубовъ или духовныхъ братствъ и, наконецъ, рѣшительные консерваторы, городскіе граждане, особенно правленіе шестнадцати кварталовъ Парижа. Двумя послѣдними классами руководили фанатики-монахи и священники, вопіявшіе въ то время съ каѳедръ противъ короля, погрязшаго въ гнуснѣйшемъ развратѣ. Всѣ единогласно полагали, что престолъ не можетъ и не долженъ переходить къ протестанту; поэтому католическая лига, значительно усилившаяся, рѣшилась предъявить наслѣднику Генриха III, королю наваррскому, самыя настоятельныя требованія. Если бы лига потребовала только, чтобы король наваррскій отступился отъ реформатскаго исповѣданія, то, какъ показали послѣдствія, онъ не сталъ бы слишкомъ упорствовать; но отъ него хотѣли требовать, чтобы онъ обязался искоренить протестантизмъ, на что́ Генрихъ никакъ не могъ согласиться, да и сама лига не рѣшилась прямо предложить ему такое условіе. Итакъ, приходилось искать инаго исхода. По старанію Гизовъ главою лиги и наслѣдникомъ престола былъ избранъ человѣкъ слабый, за которымъ Генриху

Гизу удобно было скрываться. Этимъ орудіемъ лиги сдѣлался старый, слабый кардиналъ Карлъ Бурбонскій, братъ отца Генриха Наваррскаго. Въ то же время были заведены сношенія съ Филиппомъ II, такъ какъ онъ былъ въ разладѣ съ королемъ Генрихомъ III изъ-за того, что Генрихъ хотѣлъ подать своему брату, Анжу, незадолго до его смерти помощь противъ Испаніи, и Филиппъ хотѣлъ теперь отплатить ему тѣмъ же. Филиппъ обѣщалъ помогать лигѣ и Гизамъ годовою субсидіею въ 200,000 ливровъ. Ближайшаго родственника Гизовъ, герцога Лотарингскаго, также склонили принять участіе въ лигѣ, обѣщавъ ему Мецъ, Туль и Верденъ.

Послѣ того герцогъ де Гизъ собралъ въ Наиси ярыхъ фанатиковъ изъ числа аристократовъ своей партіи и взялъ съ нихъ полномочіе заключить договоръ, направленный противъ своего короля. Съ 30 декабря по 3 января 1585 въ замкѣ герцога, Жуанвилѣ, происходилъ конгрессъ, гдѣ уполномоченные Филиппа, Таксисъ и Морео, повѣренный кардинала де Бурбона, какъ представителя лиги, и герцоги де Гизъ и де Майенъ отъ своихъ именъ и отъ имени герцоговъ д'Омаля и д'Эльбёфа, заключили тайный, священный, вѣчный, оборонительный и наступательный союзъ для защиты и охраненія католической религіи, для ея возстановленія и для совершеннаго истребленія всѣхъ сектъ и ересей во Франціи и въ Нидерландахъ. Былъ составленъ и подписанъ формальный союзный актъ. Такимъ образомъ французская нація, раздѣленная до сихъ поръ на двѣ враждебныя партіи, распалась теперь на три. Во главѣ первой партіи, самой жалкой, презрѣнной и слабой, стоялъ король Генрихъ III; главою другой былъ король наваррскій; третьею предводительствовалъ номинально старый кардиналъ де Бурбонъ, а на самомъ дѣлѣ король Филиппъ II и герцогъ Генрихъ де Гизъ.

Относительно участія въ лигѣ папы Григорія XIII мы охотнѣе слѣдуемъ извѣстнымъ источникамъ, чѣмъ письму іезуита Матьё, которое недавно издалъ Канфигъ. Патеръ Матьё, со-

вѣтовавшій лигистамъ если не убить, то заключить короля, былъ дважды посылаемъ въ Римъ, первый разъ за буллой противъ Генриха, а другой, чтобы добыть у папы хотя бреве. Папа не далъ ни той, ни другаго, хотя далъ нѣсколько одобрительныхъ отзывовъ, которыми іезуитъ воспользовался по-своему. Папа стоялъ на своемъ, утверждая, что не можетъ формально одобрить возстаніе противъ католическаго и на видъ даже благочестиваго короля, а тѣмъ болѣе вызывать такое возстаніе актомъ, непосредственно исходящимъ отъ его лица. Ему, разумѣется, приходилось всячески вывертываться, чтобы не подать подозрѣнія, будто онъ покровительствуетъ королю наваррскому. Преемникъ его, Сикстъ V, вступившій на папскій престолъ еще въ томъ же (1585) году, высказался еще рѣшительнѣе. Онъ отлучилъ короля наваррскаго и принца Конде отъ церкви, чѣмъ лишилъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ права на престолонаслѣдіе, но положительно не одобрилъ революціонныхъ замысловъ лотарингскихъ принцевъ и Филиппа II.

Королю Генриху III слѣдовало бы тотчасъ по полученіи извѣстія о замыслахъ Гизовъ привлечь къ себѣ протестантовъ и начать дѣйствовать рѣшительно. Вмѣсто того онъ трусилъ и колебался, а между тѣмъ возстаніе распространялось всюду. Филиппъ II, опасаясь, чтобы Генрихъ не помогъ Антверпену, который былъ доведенъ тогда до крайности, побуждалъ своихъ союзниковъ начать войну. Старый кардиналъ де Бурбонъ былъ сосланъ по распоряженію короля въ свою эпархію, Руанъ, но вскорѣ перевезенъ оттуда въ Перону, гдѣ къ нему собралось все недовольное дворянство Пикардіи; военачальники вербовали швейцарцевъ и нѣмецкихъ рейтаровъ. Уже въ концѣ марта Гизы, руководившіе всѣмъ этимъ, обнародовали отъ имени стараго кардинала формальное воззваніе къ возстанію. Дворянство Шампани и Бургундіи собралось подъ знамена Генриха де Гиза и его братьевъ, и многіе города были взяты силою, другіе добровольно отворяли свои ворота. Ліонъ впустилъ къ себѣ войска, присланныя изъ Савойи на помощь фанатиче-

скимъ предводителямъ; Туль и Верденъ отворили ворота нѣмцамъ, нанятымъ Гизомъ на испанскія деньги; лигисты заняли также Буржъ, Орлеанъ и Анжеръ. Но за то нападеніе ихъ на Марсель и Бордо было отбито съ кровавымъ урономъ. Парижъ, гдѣ находились важнѣйшій парламентъ и Сорбонна, попрежнему оставался главнымъ центромъ этой революціи, затѣянной богословами и юристами, какъ въ восемнадцатомъ столѣтіи былъ средоточіемъ беллетристовъ, философовъ, свѣтскихъ дамъ, кавалеровъ и американомановъ, проповѣдовавшихъ политическій переворотъ.

Въ Парижѣ образовался священный клубъ Шестнадцати, состоявшій въ самой тѣсной связи съ муниципальнымъ управленіемъ шестнадцати кварталовъ и столь же грозный, какъ въ восемнадцатомъ столѣтіи клубы якобинцевъ и кордельеровъ (францисканцевъ). По странному стеченію обстоятельствъ мѣстопребываніемъ его былъ также якобинскій монастырь. Лучшія свѣдѣнія объ этой демагогіи, сосредоточенной въ фанатическомъ классѣ буржуазіи и духовенства, находятся, по нашему мнѣнію, въ вышеупомянутыхъ (стр. 101) запискахъ Кайе. Одинъ благочестивый лавочникъ, де Ла-Рошъ-Блонъ, первый возъимѣлъ мысль организовать Парижъ въ духѣ лиги; ему содѣйствовали въ этомъ парижскіе священники Прево, Буше и Матьё де Лонс. Каждый изъ нихъ указалъ человѣка, на котораго могъ положиться; такимъ образомъ они пріобрѣли семь или восемь новыхъ членовъ, къ которымъ присоединились Ла-Шапель, прокуроръ парламента Бюсси Ле-Клеркъ и нотаріусъ Ла-Морльеръ. Сначала комитетъ состоялъ изъ семи или восьми членовъ, а потомъ изъ шестнадцати, по числу кварталовъ города. Они собирались сперва въ сорбоннской коллегіи, потомъ въ квартирѣ Буше и, наконецъ, въ коллегіи Фортре. Во всѣхъ другихъ городахъ государства были заведены такіе же заговоры, и нѣкоторые парламентскіе совѣтники, ставъ во главѣ гражданъ, руководили комитетами, составленными изъ выборныхъ отъ всѣхъ

цѣховъ. Они вели корреспонденцію съ разными городами, разсылали агентовъ и принимали отовсюду донесенія клубовъ.

Парижскій клубъ Шестнадцати и союзные съ нимъ клубы захватили во всѣхъ городахъ управленіе въ свои руки; всякое единство въ управленіи государствомъ рушилось, такъ какъ предводителю мятежа приносилась формальная присяга въ вѣрности. Послѣднее совершалось сначала посредствомъ инструкціи (instruction), потомъ присягою лицъ, принадлежавшихъ къ лигѣ (serment pour ceux de la ligue des seizes) *). Клубы издавали прокламаціи, собирали деньги и заготовляли оружіе и снаряды. Всѣ говорили, что они хотятъ захватить короля. Мы не можемъ утверждать, чтобы они дѣйствительно имѣли это намѣреніе; но самъ король вѣрилъ этому и опасался, вслѣдствіе чего взялъ къ себѣ во дворецъ толпу сбировъ. Онъ нанялъ сорокъ пять сильныхъ молодцевъ, готовыхъ на все, бо́льшею частію дворянъ-гасконцевъ и вообще людей, привыкшихъ къ рѣзнѣ и убійствамъ; онъ платилъ имъ и содержалъ ихъ очень хорошо съ тѣмъ, чтобы они ни на минуту не выпускали его изъ виду. Вообще всюду шли приготовленія противъ ожидаемыхъ опасностей **). Самымъ дѣятельнымъ агентомъ лиги былъ патеръ Матьё, тотъ самый іезуитъ, ѣздившій въ Римъ, письмамъ котораго могъ повѣрить только такой человѣкъ, какъ Капфигъ. За необыкновенную дѣятельность Матьё прозвали курьеромъ лиги. Президентъ Нейльи, Менвиль, Бюсси и другія значительнѣйшія лица изъ городскихъ властей Парижа сошлись съ Гизами; они привлекли на свою сторону гражданскихъ началь-

---

*) Эти акты Кайе сохранилъ намъ въ своемъ „Collection des Mémoires", vol. LV, page 91—97.

**) Пакье пишетъ одному изъ своихъ друзей: „Nous sommes maintenant tous devenus guerriers désespérés. Le jour nous gardons les portes, la nuit faisons le guet, patrouilles et sentinelles. Bon Dieu! que c'est un métier plaisant à ceux, qui en sont apprentifs!" (Всѣ мы сдѣлались отчаянными воителями. Днемъ мы караулимъ ворота, ночью ходимъ дозоромъ, патрулемъ и стоимъ на часахъ. Боже! какъ это весело новичкамъ!)

никовъ, добыли оружіе, собрали 300,000 талеровъ и ожидали только приближенія войска Гизовъ, чтобы рѣшительно возстать противъ короля, если онъ не разорветъ всѣхъ сношеній съ королемъ наваррскимъ. Король, вмѣсто того, чтобы, не медля, прибѣгнуть къ силѣ, послушался своей матери и вступилъ въ переговоры съ своими врагами, фанатиками скорѣе политическими, чѣмъ религіозными. Такимъ образомъ для интригъ Екатерины Медичи открылось новое поприще.

Королева-мать завела коварные переговоры въ Эпернэ въ Шампани, т. е. принимала всѣ условія, какія мятежники предписывали правительству. Между тѣмъ король ничего не предпринималъ, чтобы начать дѣйствовать энергично въ случаѣ неудачи этихъ переговоровъ. Онъ не собралъ ни войска, ни денегъ для найма его; поэтому, чтобы предупредить нападеніе лигистовъ на Парижъ, ему приходилось соглашаться на ихъ условія. Между тѣмъ переговоры объ его примиреніи съ лигистами затянулись на долго и были, наконецъ, переведены изъ Эпернэ въ Немуръ. Здѣсь 7 іюля 1585 былъ заключенъ миръ; но ни лигисты, ни правительство ни въ чемъ не довѣряли другъ другу. Условія, на которыхъ заключили миръ, были такого рода, что если бы король вздумалъ выполнять изданный въ силу этого договора Немурскій эдиктъ *), то королевская власть совершенно пала бы. Этимъ эдиктомъ отмѣнялись всѣ льготы, дарованныя протестантамъ, и римско-католическая религія снова пріобрѣтала исключительное господство въ странѣ. Проповѣдники евангелія подлежали изгнанію, а равно всѣ военные предводители протестантовъ. Духовныя судилища получали право казнить протестантовъ, а смѣшанныя палаты въ парламентахъ (chambres mi-parties) уничтожались. Далѣе, только лица католическаго вѣроисповѣданія могли занимать должности. Наконецъ, герцоги де Гизъ, д'Эльбёфъ, де Майенъ, д'Омаль и де Меркёръ сохраняли всѣ занимаемыя ими намѣстничества и,

*) Онъ находится въ „Mémoires de la ligue", vol. I, p. 178.

кромѣ того, получали восемь крѣпостей, именно: Шалонъ, Туль, Верденъ, Сенъ-Дизье, Реймсъ, Суасонъ, Дижонъ и Бонъ. Наконецъ, королевская казна должна была уплатить жалованье иностраннымъ войскамъ кардинала де Бурбона и герцога де Гиза. Двѣ послѣднія статьи сохранялись втайнѣ, даже когда 18 іюля трактатъ былъ сообщенъ парламенту на утвержденіе. Но вскорѣ онѣ обнаружились тѣмъ, что ихъ стали приводить въ исполненіе. Впрочемъ, договоръ этотъ также тревожилъ герцога де Гиза не меньше, чѣмъ короля наваррскаго. Одинъ современный историкъ наивно разсказываетъ, какого страха натерпѣлся герцогъ, когда послѣ немурскаго мира пріѣхалъ въ Сенъ-Моръ на поклонъ къ королю и вдругъ очутился среди королевскихъ сбировъ *).

Король французскій поддерживалъ съ королемъ наваррскимъ самыя дружескія сношенія. Еще недавно онъ убѣждалъ его черезъ посланнаго разрушить всѣ планы союзниковъ, перемѣнивъ религію. Но король своими порочными наклонностями внушалъ къ себѣ подозрѣніе и презрѣніе обѣимъ партіямъ, такъ что Генрихъ Наваррскій старался обойтись безъ него. Онъ сошелся съ Данвилемъ, который по смерти старшаго брата сталъ герцогомъ Монморанси и, какъ искренній католикъ, присталъ-было къ лигѣ; Генрихъ убѣдилъ его въ пагубности цѣлей лиги, такъ что Данвиль разошелся съ нею и соединился съ протестантами. Это было очень важно, такъ какъ Монморанси былъ намѣстникомъ Лангедока. Кромѣ того, къ королю наваррскому со всѣхъ сторонъ стекались на помощь отдѣльные отряды, и нѣмецкіе реформаты готовились оказать ему въ предстоящей войнѣ дѣятельное содѣйствіе. Генрихъ III обѣщалъ лигѣ выставить нѣсколько армій и даже совѣтовался съ герцогомъ де Гизомъ, кого назначить главнокомандующимъ. Чтобы быть ближе ко двору, герцогъ де Гизъ взялъ на себя начальство арміи, которая должна была

*) „Il se crut mort, et son chapeau étoit porté sur la pointe de ses cheveux.“ (Онъ счелъ себя погибшимъ, и волосы у него встали дыбомъ, такъ что приподняли на немъ шляпу)

препятствовать приходу нѣмцевъ. Но король не думалъ серьезно о войнѣ. Гизы скоро замѣтили это и ни мало не задумались хитростью захватить въ свои руки королевскія крѣпости. Попытка, сдѣланная ими противъ Булони, ясно показываетъ, до чего доходила ихъ дерзость. Одинъ изъ членовъ союза Шестнадцати, управлявшій Булонью отъ лица короля, взялся предать городъ съ гарнизономъ въ руки лигистовъ, если Филиппъ, согласно своему обѣщанію, пришлетъ войско и если герцогъ д'Омаль прибудетъ къ городу съ своимъ корпусомъ. Это намѣреніе, однако, обнаружилось, и, когда герцогъ д'Омаль подступилъ къ Булони, его встрѣтили ядрами, а старшина Ветюсъ попался въ плѣнъ между опускною рѣшеткою воротъ и мостомъ. Это произошло еще до начала войны. Въ Парижъ пріѣхалъ герцогъ де Майенъ, и его хотѣли заставить поднять въ столицѣ возстаніе; но, пока онъ колебался, замыселъ былъ открытъ. Тогда король поставилъ его главнокомандующимъ арміею, назначенною дѣйствовать противъ Генриха Наваррскаго. Передъ нападеніемъ на короля наваррскаго, герцогъ долженъ былъ для формы послать ему вызовъ. Эта обязанность была возложена на весьма оригинальное посольство, состоявшее изъ ученыхъ богослововъ, юристовъ и государственныхъ чиновниковъ, которые снова уговаривали короля наваррскаго отказаться отъ ереси и отъ покровительства еретикамъ. Герцогиня д'Юзесъ остроумно замѣтила, что теперь Генриху Наваррскому непремѣнно надо обратиться, если онъ не хочетъ умереть безъ покаянія, потому что вслѣдъ за проповѣдниками и духовниками къ нему не замедлятъ явиться ихъ спутники — палачи и ихъ помощники. Вмѣсто того, чтобы согласиться на эти увѣщанія, Генрихъ Наваррскій предупредилъ дѣйствія лигистовъ, начавъ войну съ поразительною быстротою. Въ два мѣсяца онъ занялъ, частью самъ, частью черезъ своихъ генераловъ, Гіэнь, Дофинэ, Сентонжъ и Пуату. Въ то же время протестанты подъ предводительствомъ принца Конде проникли до Анжу. Такимъ образомъ началась восьмая религіозная война, прозванная впослѣдствіи войною трехъ

Генриховъ (Генриха III, Генриха де Гиза и Генриха Наваррскаго). Въ самомъ началѣ войны папа Сикстъ V, не одобряя, однако, лиги, отлучилъ короля наваррскаго и двоюроднаго брата его, Конде, отъ церкви. Бурбоны протестовали противъ этой буллы, которая была распространена лигою, и самъ король французскій былъ очень недоволенъ, что папа присвоиваетъ себѣ непринадлежащее ему право суда въ его королевствѣ.

Генрихъ III тянулъ, какъ можно дольше, войну, къ которой побуждали его и политическіе противники, и его ежедневные собесѣдники, духовныя лица, монахи и члены братствъ. Совершенно неожиданно онъ сдѣлалъ одно распоряженіе, которое доказывало, что самъ онъ также ненавидитъ протестантовъ. Онъ повелѣлъ сократить до двухъ недѣль двумѣсячный срокъ, дарованный протестантамъ іюльскимъ эдиктомъ, для свободнаго выѣзда изъ государства. Генрихъ Наваррскій запретилъ выполнять этотъ эдиктъ въ занятыхъ имъ провинціяхъ и въ отместку конфисковалъ имѣнія католиковъ и отъ продажи ихъ получилъ деньги, необходимыя для веденія войны. Между тѣмъ Генрихъ III собралъ еще двѣ арміи, и такъ какъ двумя первыми командовали братья Гизы, то въ главнокомандующіе новыхъ назначилъ своихъ ненавистныхъ фаворитовъ, герцоговъ де Жойёза и д'Эпернона. Чтобы покрыть издержки на ихъ содержаніе, король произвольно назначилъ новый налогъ и принудилъ парламентъ, не смотря на его возраженіе, по заведенному до сихъ поръ способу, въ торжественномъ засѣданіи (lit de justice) утвердить этотъ налогъ по изустному его приказанію. Деньги, добытыя такимъ образомъ, были подѣлены генералами короля, которыхъ Генрихъ осыпалъ милостями, какъ любовницъ. Расточительность этихъ такъ называемыхъ миньоновъ короля возбуждала крайнее неудовольствіе; они были засыпаны должностями и намѣстничествами, и если одному доставалось больше, то другихъ вознаграждали деньгами. Вслѣдствіе этого король былъ вѣчно безъ денегъ, а всѣ окружавшіе его набивали карманы.

Протестанты стекались со всѣхъ сторонъ подъ знамена Генриха Наваррскаго. Швейцарцы послали для нихъ къ французскому королю посольство, которое погрозило ему такъ тонко, что тотъ былъ принужденъ отвѣчать также тонко. Они намекали на свою переписку съ Францискомъ I, прибавляя, что имъ поручено умолять короля не разрывать изъ-за религіи столь продолжительныхъ дружескихъ отношеній. Нѣмецкіе князья, по своему всегдашнему обычаю, колебались и совѣщались. У агентовъ Бурбоновъ не было денегъ, а нѣмецкіе князья не хотѣли давать ихъ своимъ французскимъ единовѣрцамъ. Поэтому вербовка въ Германіи не имѣла успѣха. Наконецъ, старецъ Беза поѣхалъ изъ Женевы въ Германію и проповѣдовалъ тамъ съ каѳедръ съ тѣмъ же краснорѣчіемъ, какое нѣкогда произвело такое глубокое впечатлѣніе на собраніе въ Пуасси (т. XII, стр. 368). Ему удалось снова возбудить въ народѣ потухшій энтузіазмъ къ религіи; князья, съ своей стороны, приняли его съ благоговѣніемъ, какъ апостола и папу кальвинизма. Они обѣщали дать помощь, но, по нѣмецкому обычаю, хотѣли сначала еще разъ списаться и потолковать. Фридрихъ Виртембергскій, графъ Монбельяръ и графъ Вольфгангъ Изенбургъ поѣхали въ Парижъ съ многочисленною знатною свитою. Они прибыли туда въ августѣ 1586, но не застали короля. Онъ уѣхалъ изъ Парижа подъ предлогомъ осмотрѣть войска Жойёза и Эпернона, стоявшія въ Бурбонэ. Посламъ сказали, что онъ вернется въ октябрѣ; но король не спѣшилъ возвращаться, частью надѣясь, что нѣмцамъ надоѣстъ ждать, и они вернутся домой, а частью потому, что весело проводилъ время въ Ліонѣ среди самыхъ ребяческихъ и вздорныхъ потѣхъ. Онъ пристрастился тамъ къ щенятамъ до того, что таскалъ по комнатамъ на шеѣ на тесемкѣ корзину со щенками. Кромѣ того, онъ тратилъ значительныя суммы на обезьянъ и попугаевъ и на содержаніе цѣлой толпы мужчинъ и женщинъ, обязанныхъ кормить этихъ животныхъ и смотрѣть за ними. Другая страсть, которой онъ также предался въ Ліонѣ, стоила еще дороже: онъ скупалъ

картинки изъ старыхъ молитвенниковъ за страшныя цѣны и самъ обклеивалъ ими стѣны своей домашней часовни. Между тѣмъ важные господа изъ нѣмецкаго посольства обидѣлись, что ихъ заставляютъ такъ долго ждать, и разъѣхались по домамъ. Вмѣсто нихъ уговаривать французскаго короля въ пользу кальвинистовъ, которыхъ они называли своими братьями, пришлось дѣльцамъ и юристамъ, которые въ то время далеко не были вѣжливыми и любезными людьми. Они принялись за дѣло очень неловко. Въ началѣ своей рѣчи королю они сказали, что имъ очень хорошо извѣстно, что только папа принуждаетъ короля угнетать его протестантскихъ подданныхъ; поэтому они предлагаютъ ему помощь противъ папской партіи, безпокоящей его. При тогдашнихъ обстоятельствахъ это было крайне неполитично; но кромѣ того депутаты оскорбили короля, упрекнувъ его за измѣну своему слову и за оскорбленіе чести и религіи отмѣной мирныхъ эдиктовъ. Король въ своемъ отвѣтѣ съ строгимъ достоинствомъ отвергнулъ эти неловкія представленія. Онъ сказалъ, что нѣмцы сами нѣкогда долго ссорились между собою изъ-за религіи, и Франція предоставляла имъ самимъ разбирать свои дѣла; поэтому теперь онъ не допуститъ вмѣшательства нѣмцевъ во внутреннія несогласія французскаго государства, гдѣ только король имѣетъ право установлять и измѣнять права и законы.

Выставляя двѣ новыя арміи, Генрихъ III въ то же время велъ черезъ мать переговоры съ реформатами о новомъ мирѣ. Это не укрылось отъ членовъ лиги, и потому они, не спросясь его, начали войну. Пока нѣмцы колебались, герцогъ де Гизъ, армія котораго была назначена дѣйствовать противъ реформатовъ, напалъ на владѣнія протестанта герцога де Бульона, и въ то же время на югѣ герцогъ де Майенъ одержалъ нѣсколько незначительныхъ успѣховъ. Когда же, наконецъ, нѣмцы приготовились къ походу, враги протестантовъ употребили всѣ усилія, чтобы внушить имъ недовѣріе къ королю наваррскому и разсорить ихъ съ нимъ. Для этой цѣли Екатерина Медичи должна была сви-

дѣться въ декабрѣ 1586 съ королемъ наваррскимъ. Это свиданіе произошло въ Ангумуа, въ зáмкѣ Сенъ-Бри, близъ Коньяка. Екатерина употребила все свое итальянское искусство и, зная чрезмѣрную страсть своего зятя къ прекрасному полу, окружила себя лучшими красавицами, чтобы обольстить и обмануть его; но всѣ ея старанія не удались. Эта неудача поставила короля Генриха III въ такое же положеніе, въ какомъ находился Людовикъ XVI въ 1792: ему приходилось соединиться или съ вождемъ лиги, или съ главою протестантовъ. Протестанты дѣлали ему предложенія черезъ своего героя, Ла-Ну, не требуя ничего новаго относительно религіи. Но король предпочиталъ предоставить большія выгоды герцогу де Гизу, чтобы только отвлечь его отъ лиги. Однако, герцогъ де Гизъ весьма основательно не довѣрялъ такому ненадежному человѣку, которымъ самые ничтожные люди могли вертѣть то въ одну, то въ другую сторону, какъ имъ было угодно.

Въ то время проповѣдники, живописцы, священныя братства и ихъ процессіи дѣйствовали на воображеніе парижанъ и ихъ единомышленниковъ во всѣхъ городахъ, прославляя герцога Гиза, какъ святаго защитника ихъ. Около него составился цѣлый кружекъ благочестивыхъ людей, которые возбуждали его противъ короля. Этотъ главный совѣтъ лиги (conseil de la ligue) состоялъ изъ всевозможнаго люда. Въ немъ имѣли голосъ адвокаты, экзекуторы, прокуроры, приказные, парламентскіе совѣтники, фанатическіе священники и монахи, проповѣдовавшіе мятежъ; протестантъ, отрекшійся отъ своей вѣры; обанкрутившіеся купцы; бывшій учитель фехтованія, Бюсси Ле-Клеркъ; торгаши, ремесленники и мастеровые. Представителемъ герцога де Гиза въ этомъ совѣтѣ былъ Франсуа Рушроль де Менвиль, любезный, краснорѣчивый и умный дворянинъ, обладавшій способностью возбуждать энтузіазмъ и руководившій совѣтомъ въ духѣ герцога. Какъ во всѣхъ революціяхъ, здѣсь была и женщина, возбуждавшая въ фанатикахъ ярость и жажду мести. Весь Парижъ съ его узкими улицами и площадями превратился

въ родъ крѣпости, гдѣ можно было отрѣзывать одинъ отъ другаго вступавшіе отряды войскъ. Это дѣлалось посредствомъ цѣпей, прикрѣпленныхъ въ концѣ и въ началѣ улицъ, и бочекъ, связанныхъ между собою цѣпями (отсюда происходитъ слово баррикады). Главныя площади можно было легко загородить, овладѣвъ окружавшими зданіями, т. е. Бастиліею, арсеналомъ, большимъ и малымъ Шатле. Поводомъ къ устройству баррикадъ послужилъ планъ, составленный лигистами, выполнить который долженъ былъ герцогъ де Майенъ. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы убить перваго президента парламента дю Гарлэ, генералъ-адвоката д'Эпаса, канцлера и другихъ сторонниковъ короля, укрѣпить ратушу и Луврь, арестовать короля и такъ далѣе. Однако, планъ былъ выданъ королю, который немедленно собралъ войска и занялъ указанныя площади и двое воротъ, такъ что герцогъ де Майенъ счелъ за лучшее удалиться изъ города. Король не осмѣлился задержать его и предать правосудію; онъ только посмѣялся надъ нимъ, сказавъ ему при прощаніи: «Какъ, кузенъ? Такъ-то вы покидаете вашихъ друзей, лигистовъ!»

Въ 1587 герцогъ де Гизъ долженъ былъ снова обратиться на восточную границу, такъ какъ давно ожидаемое нѣмецкое войско, наконецъ, приближалось. Нѣмецкіе полки, безтолково набранные пфальцграфомъ Іоганномъ Казиміромъ, также безтолково предводительствовались графомъ Дона, столь же сумасброднымъ, какъ и самъ пфальцграфъ. Они походили скорѣе на стаю саранчи, чѣмъ на правильное войско, и хотя простирались до 40,000 человѣкъ, но не могли противиться такому отважному полководцу, какъ Генрихъ де Гизъ. Походъ ихъ отъ границы до Шатильона на Сенѣ продолжался цѣлыхъ три мѣсяца (іюль, августъ и сентябрь). Если бы, согласно условію, они подвинулись оттуда еще на тридцать миль до верхней Луары, гдѣ стояла армія французскихъ протестантовъ, то, вѣроятно, война окончилась бы въ пользу Генриха Наваррскаго. Въ октябрѣ король наваррскій одержалъ блистательную побѣду надъ многочисленной и стройной арміей герцога де Жойёза. Это сраженіе произошло при

Кутра, маленькомъ мѣстечкѣ въ Гіэнн на рѣкѣ Илѣ, впадающей неподалеку оттуда въ нижнюю Дордонь. Армія Генриха Наваррскаго была и слабѣе, и хуже вооружена, но самъ онъ обладалъ умомъ и талантомъ, тогда какъ любимецъ короля французскаго не имѣлъ ни того, ни другаго. 20 октября 1587 войска встрѣтились при Кутра, и королевская армія была наголову разбита и разсѣяна. Самъ Жойёзъ, видя, что сраженіе проиграно, бросился съ братомъ своимъ, Клодомъ де Сенъ-Соверомъ, въ толпу непріятелей и погибъ. Къ несчастію, вмѣсто того, чтобы продолжать свои успѣхи, Генрихъ занялся любовной интригой, въ чемъ у него никогда не было недостатка. На этотъ разъ героиней была графиня де Гишь; король поѣхалъ въ Беарнъ и поднесъ къ ея стопамъ знамена, взятыя при Кутра. Нѣмцы, которые могли бы принести теперь реформатамъ большую пользу, также ничего не сдѣлали, чтобы воспользоваться этой побѣдой, и повернули назадъ.

Герцогъ де Бульонъ, номинально командовавшій нѣмцами, и графъ Дона, предводительствовавшій отъ имени Іоганна Казимира, не могли удержать ихъ отъ намѣренія возвратиться домой, отъ грабежей и поджоговъ, за которые французы возненавидѣли ихъ. Братъ Конде, принцъ де Конти, посланный Генрихомъ Наваррскимъ, также не могъ возстановить порядка. Нѣмецкая армія дошла до Ла-Шарите, но, найдя проходы, по которымъ она недавно вошла, запертыми, разсыпалась по странѣ, производя грабежи и убійства, такъ что разъяренные поселяне убивали ихъ во множествѣ. Гизъ дважды нападалъ на нѣмцевъ въ лагерѣ и нанесъ имъ чувствительное пораженіе, при неожиданномъ нападеніи 11 ноября 1587 на лагерь ихъ въ одномъ мѣстечкѣ Шартрскаго округа. Король Генрихъ III также выступилъ съ войскомъ изъ Парижа преслѣдовать ихъ, но вскорѣ заключилъ черезъ герцога д'Эпернона договоръ, по которому предоставилъ имъ свободный выходъ изъ Франціи съ условіемъ, чтобы они прекратили убійства и грабежи. Генрихъ Гизъ, находившійся въ то время уже въ явной враждѣ съ королемъ и подозрѣвавшій

всѣ его поступки, не призналъ этого договора, который французы ставили своему королю въ заслугу, и продолжалъ преслѣдовать нѣмцевъ даже за предѣлы Франціи. Уничтоживъ большую часть нѣмецкой арміи, онъ прогналъ остатки ея въ Монбельяръ и выжегъ тамъ цѣлыя мѣстности *).

Возвратясь изъ преслѣдованія нѣмецкихъ войскъ, герцогъ де Гизъ отправился въ Нанси, гдѣ собрались значительнѣйшіе члены его фамиліи и главы лиги, чтобы переговорить о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ короля, котораго они въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ бранили защитникомъ еретиковъ и предателемъ, состоящимъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ реформатами. На собраніи этомъ, происходившемъ въ январѣ 1588, было рѣшено, чтобы Генрихъ Гизъ при содѣйствіи испанцевъ занялъ герцогство Бульонское и затѣмъ обратился бы къ королю съ рѣшительнымъ требованіемъ открыто одобрить все, сдѣланное лигою. Но зная, что король не согласится на это, въ Парижѣ составили заговоръ, съ цѣлью впустить въ городъ герцога Гиза противъ воли короля и захватить Генриха III во власть лиги. Съ этою цѣлью собраніе въ Нанси обратилось къ королю съ грознымъ и настоятельнымъ требованіемъ приняться, наконецъ, серьезно за еретиковъ и повести противъ нихъ дѣло не лицемѣрно, а искренно и рѣшительно.

Этимъ лига поставила короля въ самое затруднительное положеніе, такъ какъ, кромѣ миньоновъ, его никто не любилъ. На-

*) Въ пятнадцатой части своихъ „мемуаровъ“ Messire de Cheverny говоритъ: „A cette retraicte fut donné passage à ceux, qui y pourroient gaigner la Bourgogne, tousjours néantmoins poursuivis par le Marquis du Pont, fils de M-r le Duc de Lorraine, et par M-r de Guise, qui entrèrent avec eux jusques dans le pays de la Comté de Montbeillard, où ils bruslèrent quantité de villages par vengeance de ceux, que les dits etrangers avaient pillés et brulés en Lorraine.“ (При этомъ отступленіи былъ данъ пропускъ всѣмъ, кто достигнетъ Бургундіи; но маркизъ дю Понъ, сынъ герцога лотарингскаго, и г. де Гизъ продолжали преслѣдованіе, вторглись за ними въ графство Монбельяръ и сожгли тамъ множество деревень въ возмездіе за разоренныя и сожженныя этими чужеземцами въ Лотарингіи).

противъ того, величественная наружность, умъ и таланты герцога де Гиза возбуждали общій восторгъ. Всѣ окружавшіе короля были фанатическіе католики и считали Генриха Гиза и брата его, кардинала, опорою истинной вѣры, ненавидя Генриха Наваррскаго и его еретиковъ, тайно покровительствуемыхъ королемъ. Когда король не выполнилъ безотлагательно безстыднаго требованія герцога и его партіи, хотя, впрочемъ, и не отказалъ имъ прямо, совѣтъ Шестнадцати или, вѣрнѣе, комитетъ парижской общинной управы составилъ планъ захватить короля силой. Совѣтъ лиги увѣрялъ, что можетъ выставить 20,000 вооруженныхъ людей, и обѣщалъ, немедленно по прибытіи герцога въ Парижъ, взять Луврь приступомъ, арестовать короля и перебить гвардію и всѣхъ подозрительныхъ людей, придворныхъ и министровъ. Узнавъ объ этомъ замыслѣ, король среди бѣлаго дня вооружилъ Луврь и усилилъ гвардію 4,000 отрядомъ швейцарцевъ. Герцогъ де Гизъ, бывшій уже невдалекѣ отъ Парижа, услыхавъ о распоряженіяхъ короля, вернулся въ Суасонъ. Это привело совѣтъ Шестнадцати въ отчаяніе; покинутый герцогомъ, онъ долженъ былъ бояться мести короля; онъ послалъ къ герцогу нарочныхъ, умоляя его поскорѣе прибыть въ Парижъ. Король съ своей стороны послалъ къ герцогу де Бельльевра съ запрещеніемъ пріѣзжать въ Парижъ. Бельльевръ поѣхалъ, но не посмѣлъ передать герцогу безусловнаго приказанія короля, а, выслушавъ его возраженіе, послалъ этотъ отвѣтъ Генриху. На это король повторилъ свой рѣшительный приказъ де Бельльевру строго запретить герцогу въѣздъ въ столицу. Разсказываютъ, будто приказаніе это опоздало къ Бельльевру, потому что въ королевской кассѣ не нашлось двадцати пяти талеровъ на отправку курьера, и приказъ пришлось послать просто по почтѣ. Вѣроятнѣе, что Бельльевръ счелъ болѣе благоразумнымъ не передавать въ точности приказанія короля, за что впослѣдствіи попалъ въ немилость.

Положеніе Генриха III было очень похоже на положеніе Лудовика XVI въ 1791. Это доказываютъ между прочимъ по-

ступки сестры Гиза, герцогини де Монпансье, которая въ отсутствіе брата руководила лигой. Она пріѣхала къ королю во дворецъ, упала къ его стопамъ и просила не вѣрить всему, что говорятъ про ея брата; но въ то же самое время заготовляла въ Сентъ-Антуанской улицѣ засаду, чтобы захватить короля при проѣздѣ его изъ Венсена въ Парижъ. Король избѣгнулъ этой опасности только потому, что Пуленъ, всегда извѣщавшій его о намѣреніяхъ лиги, предупредилъ его и на этотъ разъ. Герцогъ де Гизъ прибылъ въ городъ 9 мая. Онъ пріѣхалъ въ сопровожденіи только семи человѣкъ, но въ одно мгновеніе былъ окруженъ шумной толпой фанатическихъ гражданъ. Онъ остановился у вдовствующей королевы, надѣясь, что въ случаѣ, если бы король захотѣлъ принять противъ него рѣшительныя мѣры, то не посмѣетъ сдѣлать этого въ Парижѣ. Въ Луврѣ герцога, конечно, приняли почти, какъ врага; комнаты и дворы были полны вооруженныхъ солдатъ, а въ первой залѣ его встрѣтили мрачныя лица дворянъ и придворныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ смѣло предъявилъ королю постановленныя въ Нанси требованія, и король не осмѣлился ни арестовать, ни убить его въ Парижѣ. Вслѣдствіе этого городъ преобразился въ двойной лагерь. Король вооружилъ богатыхъ гражданъ, для которыхъ спокойствіе было всего дороже, призвалъ къ себѣ дворянство и расположилъ войска въ луврскомъ кварталѣ. Гизъ вооружилъ фанатиковъ и простой народъ, а совѣтъ Шестнадцати призвалъ къ возстанію многолюдные кварталы университета, площади Моберъ, Гревской площади и Рынка (Halles), распуская слухъ, что правительство хочетъ убить 120 католиковъ.

Сначала все было спокойно, и народъ не противился, когда 12 мая въ городъ вступили 4,000 швейцарцевъ и заняли площади и другія мѣста. Они не заняли только площади Моберъ, не рѣшаясь силою очистить ее отъ толпившихся на ней женщинъ и пролетаріевъ и такимъ образомъ начать кровопролитіе. Но съ этой-то площади и съ моста св. Михаила раздался первый призывъ къ общему возстанію. Улицы были загорожены;

войска, стоявшія въ нихъ, заперты и отрѣзаны народомъ отъ сообщенія между собою. Герцогъ де Гизъ сначала оставался въ своемъ укрѣпленномъ дворцѣ, у задняго входа котораго онъ поставилъ стражу. Король струсилъ и посылалъ къ герцогу гонца за гонцемъ, между тѣмъ Гизъ разъѣзжалъ по городу и отдавалъ приказанія защитникамъ баррикадъ. Король просилъ его прекратить безпорядокъ; но герцогъ холодно отвѣчалъ, что шумъ производятъ сорвавшіеся съ цѣпи собаки, укротить которыхъ онъ не властенъ. Всѣ узкія улицы могли быть заперты протянутыми поперегъ цѣпями, а широкія приспособленными къ тому бочками; поэтому швейцарцы, стоявшіе не на улицахъ, а на площадяхъ, и французская гвардія, расположенная на мостахъ, были скоро совершенно отрѣзаны другъ отъ друга. Швейцарцы были заперты въ своихъ караульныхъ домахъ, на кладбищѣ Des Innocens и на площадяхъ, а гвардейцевъ тѣснили къ Лувру, все ближе сдвигая цѣпи. Убитыхъ было, однако, всего тридцать человѣкъ солдатъ. Наконецъ, герцогъ де Гизъ, уступая жалостнымъ просьбамъ короля, велѣлъ отворить баррикады и пропустить къ Лувру запертыя войска. Они вышли изъ заключенія, въ которомъ держалъ ихъ народъ, униженно, съ обращеннымъ внизъ оружіемъ, съ непокрытыми головами и безъ барабаннаго боя. Баррикады снова замкнулись за ними. Король укрѣпился въ Луврѣ, а герцогъ де Гизъ въ своемъ дворцѣ. Когда голова (prevost), который въ то время значилъ то же, что́ теперь префектъ или меръ, хотѣлъ дать пароль отъ имени короля, граждане не позволили этого и поручили дать пароль герцогу.

Наконецъ, королева мать взяла на себя посредничество. Мая 12 она поѣхала изъ Лувра въ квартиру герцога. Но въ каретѣ ея не пропустили, и ей пришлось отправиться на носилкахъ; уличныя цѣпи за ней снова запирались. Такимъ образомъ она шла до квартиры Гиза цѣлыхъ два часа. Герцогъ предъявилъ ей для себя и для фанатиковъ, которыми предводительствовалъ, самыя неумѣренныя требованія, такъ что королева скоро убѣ-

дилась, что съ нимъ ничего не сдѣлаешь. Тогда она посовѣтовала сыну тайно, переодѣтымъ бѣжать изъ столицы и, чтобы дать ему удобный случай къ бѣгству, на другой день снова отправилась къ герцогу и затянула съ нимъ длинный разговоръ. Между тѣмъ король бѣжалъ изъ Парижа. Но не смотря на его переодѣванье, его узналъ лигистскій караулъ у Нельскихъ воротъ, выстрѣлилъ по немъ и даже обрѣзалъ веревку у парома, на которомъ онъ переѣзжалъ Сену, такъ что король едва не погибъ. Извѣстіе о бѣгствѣ короля пришло къ герцогу еще во время его бесѣды съ Екатериной, и герцогъ далъ ей понять, что догадывается, кто затѣялъ этотъ въ высшей степени досадный для него побѣгъ; но на его восклицаніе: «Король бѣжалъ, чтобы погубить меня!» она холодно отвѣчала: «Я этого не знала». Французская гвардія и швейцарцы были посланы впередъ, а самъ король бѣжалъ всего съ тридцатью человѣками свиты; дворъ и дворянство послѣдовали за нимъ въ торопяхъ и въ безпорядкѣ. Въ первый разъ онъ переночевалъ въ одной деревушкѣ; но на другой день, Николай Де-Ту, епископъ шартрскій, почетно принялъ его въ своей резиденціи, не смотря на лигистовъ.

Герцогъ де Гизъ совершенно сбросилъ маску. Онъ учредилъ въ Парижѣ фанатическую республику, не менѣе грозную, чѣмъ та либеральная республика, которую двѣсти лѣтъ спустя основалъ Мирабо, съ тою страшною для короля разницею, что Гизъ остался диктаторомъ своей поповской республики. Онъ собралъ народъ, велѣлъ избрать новыя городскія власти и перемѣнилъ начальниковъ городской милиціи. Онъ сумѣлъ воспользоваться для своихъ цѣлей и парламентомъ, который давно стремился овладѣть правами собранія штатовъ. Первый президентъ Ашиль дю Гарле на требованіе созвать парламентъ отвѣчалъ Гизу, что тамъ, гдѣ ниспровергнута верховная власть, судьи не имѣютъ никакого значенія; но второй президентъ, Бриссонъ, былъ согласенъ на все. Герцогъ овладѣлъ Бастиліею и арсеналомъ, велѣлъ снять баррикады, возстановилъ порядокъ

и занялъ сосѣдніе города, чтобы не прекратился подвозъ товаровъ. Всѣ мѣста были розданы креатурамъ Гизовъ, которые господствовали въ столицѣ до 1594.

Королева мать осталась въ Парижѣ и вела переговоры, затѣянные слабымъ королемъ. Между тѣмъ пріятели короля, чтобы вызвать его изъ Шартра, устроили одну изъ любимыхъ имъ религіозныхъ процессій, которая выставила и его, и ихъ въ самомъ смѣшномъ свѣтѣ. Де-Ту подробно описалъ это путешествіе парижанъ въ Шартръ, которое отлично характеризуетъ духъ, проповѣдуемый іезуитами, составлявшими душу лиги. Процессія эта была однимъ изъ самыхъ образцовыхъ проявленій этого духа, распространяемаго ханжами и лицемѣрами, чтобы погружать народъ въ тупоуміе, праздность, глупую страсть къ зрѣлищамъ и суевѣріе и, доведя его такимъ образомъ до идіотства, безусловно господствовать надъ нимъ. По цѣли своей — возвратить короля въ Парижъ и по внѣшнему виду эта процессія очень походила на извѣстное шествіе головорѣза Мальяра съ парижанами въ 1789 на Версаль за королемъ. Главными дѣйствующими лицами въ процессіи были члены священнаго братства кающихся, которому Генрихъ III постоянно оказывалъ покровительство предпочтительно передъ другими. Впереди шелъ парень съ длинной, грязной, всклокоченной бородой. На немъ была грубая одежда, и на широкой перевязи висѣла кривая сабля, а въ рукахъ онъ держалъ ржавую трубу, издававшую всякій разъ, какъ онъ трубилъ, самые дикіе звуки. За нимъ шло трое такихъ же замарашекъ; на головахъ у нихъ, вмѣсто шлемовъ, были надѣты кухонные горшки, а поверхъ покаянныхъ рубашекъ — панцыри, брони, поручи, рыцарскія рукавицы и въ рукахъ ржавыя алебарды. Они бросали по сторонамъ бѣшеные взгляды и принимали необыкновенныя позы, защищаясь отъ натиска народа. Далѣе слѣдовалъ братъ Анжъ де Жойёзъ, придворный, въ прошломъ году поступившій въ капуцины. Онъ изображалъ въ этой процессіи Христа, ведомаго на Голгоѳу. Съ этою цѣлью онъ велѣлъ себя связать и, чтобы сильнѣе тро-

нуть своего стараго пріятеля Генриха, намалевалъ себѣ на лицѣ капли крови, какъ бы текущія изъ-подъ тернія, которымъ была увѣнчана его голова. Онъ тащилъ, дѣлая видъ, что ему очень тяжело, огромный крестъ изъ крашенаго картона и по временамъ падалъ на землю съ жалобными вздохами и стонами. По сторонамъ его шли два молодые капуцина въ стихаряхъ, изображавшіе одинъ Богородицу, а другой Марію Магдалину. Они обращали взоры къ небу, дѣлая видъ, что горько плачутъ, и всякій разъ, когда Жойёзъ падалъ на землю, они въ тактъ бросались передъ нимъ на колѣни. За ними слѣдовали еще четыре молодца, очень похожіе на первыхъ трехъ замарашекъ; они держали веревку, которою Анжъ былъ связанъ, и осыпали его ударами бича, громко щелкая имъ. Эту дикую и богохульную комедію сопровождала длинная вереница кающихся.

Король выразилъ, однако, неудовольствіе на этотъ неприличный маскарадъ; но вскорѣ онъ увидѣлъ, что здѣсь скрывалась серьезная цѣль, такъ какъ кающіеся взволновали всѣхъ своихъ сторонниковъ въ Шартрѣ и въ другихъ городахъ. Вслѣдствіе этого король долженъ былъ выѣхать изъ Шартра въ Руанъ, гдѣ онъ предался удовольствіямъ, катаньямъ по водѣ и зрѣлищамъ, какъ ни въ чемъ не бывало; между тѣмъ мать его заключала съ его согласія съ мятежниками миръ, по которому протестанты и все государство предавались въ руки лигистовъ; но дѣло въ томъ, что миръ этотъ заключался только для того, чтобы найти средство избавиться отъ Гизовъ. Результатомъ его былъ новый эдиктъ, утвержденный парламентомъ 21 іюля 1588 и извѣстный подъ названіемъ Союзнаго эдикта. Этимъ эдиктомъ лигистамъ уступались, кромѣ городовъ, уже находившихся въ ихъ власти,—Орлеанъ, Буржъ, Монтрель и нѣкоторые другіе, и давалась полнѣйшая амнистія за все совершившееся въ Парижѣ. Притомъ король принесъ имъ формальное извиненіе въ томъ, что такъ долго терпѣлъ ересь, и обѣщалъ, что отнынѣ рѣшился не слагать оружія, пока не истребитъ еретиковъ. Онъ подкрѣпилъ эти обѣщанія присягой и повелѣлъ всѣмъ своимъ подданнымъ проти-

водѣйствовать ереси, тѣсно соединиться противъ нея, подписать лигу и обѣщать другъ другу не признавать королемъ Франціи человѣка, не принадлежащаго къ римско-католической апостольской вѣрѣ. Таково было содержаніе гласныхъ статей эдикта. Тайныя же статьи его стали извѣстны только при выполненіи ихъ. Въ нихъ король даровалъ герцогу де Гизу достоинство генералиссимуса съ неограниченною властью. Войскамъ лиги было дозволено стоять въ сборѣ въ уступленныхъ ей городахъ; наконецъ, въ началѣ октября король долженъ былъ созвать въ Блуа собраніе чиновъ, чтобы получить отъ нихъ согласіе на все, дарованное герцогу де Гизу; такимъ образомъ король самъ себя поставилъ какъ-бы подъ опеку герцога.

Герцогъ де Майенъ сталъ готовиться принять главное начальство надъ арміею, назначенною противъ Монморанси и его друзей въ Лангедокъ. Самъ герцогъ де Гизъ не хотѣлъ идти пока въ этотъ походъ, потому что не слишкомъ довѣрялъ необыкновенной уступчивости короля и желалъ лично наблюдать за нимъ, а главное, за выборами въ депутаты штатовъ, на которые король не обращалъ, повидимому, никакого вниманія. Собраніе чиновъ открылось 16 октября 1588, и герцогъ, казалось, достигъ своей цѣли. Большинство депутатовъ были его креатуры или вообще лигисты; самъ онъ еще въ августѣ былъ избранъ главнокомандующимъ; братъ его, кардиналъ, получилъ много новыхъ преимуществъ, и одинъ изъ главныхъ сторонниковъ Гизовъ, архіепископъ ліонскій, описываемый въ мемуарахъ того времени грубѣйшимъ и развратнѣйшимъ невѣждой, получилъ мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ. Герцогъ уже принялъ всѣ мѣры, чтобы пріобрѣсти отъ сейма все, что ему нужно. Одного слова его было бы достаточно, чтобы вызвать въ Парижѣ общее возстаніе; Пикардія, Нормандія, Суасонэ, Бри, Бургундія и Орлеанэ были готовы во всякое время послѣдовать примѣру парижанъ. Въ другихъ провинціяхъ парламентскіе совѣтники, чиновники, многіе изъ высшаго дворянства, архіепископы, епископы, доктора правъ и богословія, попы и монахи всѣхъ орденовъ и всѣ

іезуиты, уже владѣвшіе мѣстами духовниковъ,—все это фанатически стояло за Гиза. Короля въ послѣднее время еще хуже возненавидѣли за то, что герцогъ савойскій занялъ графство Салуццо, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Никто поэтому не сомнѣвался, что сеймъ, состоявшій почти исключительно изъ лигистовъ, подчинитъ короля опекѣ лотарингскихъ принцевъ. Герцогъ де Майенъ не побоялся намекнуть на это, а герцогъ де Гизъ смѣло высказалъ это маршалу д'Омону, который тотчасъ передалъ его слова королю.

Мы не будемъ разсказывать всѣхъ анекдотовъ, которыми наполнены исторіи и мемуары того времени, о дерзкихъ выходкахъ Генриха де Гиза и его сестры противъ короля. Герцогъ полагался на трусость короля, зная, что Генрихъ давно замышляетъ террористическую мѣру (coup d'état), но надѣясь, что онъ никогда не рѣшится прибѣгнуть къ ней. Но король серьезно задумалъ ее. Вся демагогія герцога де Гиза, котораго Де-Ту описываетъ опытнымъ демагагомъ, кумиромъ женщинъ и фанатическихъ лигистовъ *), давно уже выводила короля изъ терпѣнія, и онъ хотѣлъ убить герцога еще въ Сенъ-Морѣ и въ Парижѣ. Теперь его оскорбила новая дерзость герцога. Король требовалъ возвращенія города Орлеана и получилъ отъ Гиза надменный отвѣтъ, что онъ не отдастъ его и сумѣетъ удержать за собой. Тогда Генрихъ сталъ совѣтоваться, какъ избавиться отъ герцога. Маршалъ д'Омонъ и трое другихъ

*) Въ примѣчаніяхъ къ мемуарамъ Messire'а de Chiverny, chancelier de France, сказано по поводу характеристики герцога де Гиза Де-Ту: „Ce portrait ne seroit-il pas celui de nos roués qui ont de l'esprit?" (Не напоминаетъ ли это описаніе современныхъ остроумныхъ развратниковъ?) Въ другомъ мѣстѣ передается напыщенная похвала герцогу Бальзака и въ заключеніе говорится: „Que reste-il à son héros? de l'esprit, de la hardiesse, une belle figure et une taille majestueuse. Il en falloit moins pour tourner la tête aux femmes; aussi en était-il l'idole." (Итакъ, что же остается его герою? Умъ, смѣлость, прекрасная наружность и величественный ростъ. Всего этого было за глаза достаточно, чтобы вскружить голову всѣмъ женщинамъ, и дѣйствительно, онъ былъ ихъ кумиромъ).

лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ совѣщаніи, полагали предать герцога суду; но это было отвергнуто, какъ намѣреніе слишкомъ рискованное. Генрихъ III, принимавшій въ убійствахъ варѳоломеевской ночи столь же дѣятельное участіе, какъ и братъ его, Карлъ IX, не поколебался, конечно, задумать убійство, которое, по его мнѣнію, должно было спасти государство. Говорятъ, что для исполненія этого замысла избрали сперва начальника королевской гвардіи, Крильона, который смертельно ненавидѣлъ герцога. Крильонъ, какъ говорятъ, сначала согласился, но потомъ, узнавъ, что дѣло идетъ не объ открытомъ боѣ, а объ убійствѣ изъ-за угла, рѣшительно отказался быть его орудіемъ. Король не настаивалъ, потому что Крильонъ за то согласился занять всѣ входы во дворецъ, пока будетъ совершаться убійство, и арестовать свиту Гиза. Не трудно было найти другихъ готовыхъ служить убійцами изъ ненависти къ герцогу и вообще къ лотарингскимъ принцамъ. Первый камергеръ короля, Лоньякъ, былъ въ ссорѣ съ герцогомъ и его братьями и былъ увѣренъ, что если Гизы одержатъ верхъ, то онъ будетъ удаленъ. Берясь за убійство ихъ, онъ могъ положиться на содѣйствіе 45 гасконскихъ молодцевъ, охранявшихъ короля въ его покояхъ; лигисты особенно ненавидѣли ихъ, и лотарингскіе принцы хлопотали, чтобы собраніе штатовъ принудило короля уволить ихъ.

О томъ, какъ было совершено убійство, разсказываютъ различно, такъ что нельзя разобрать, кто изъ историковъ правъ. Мы предпочитаемъ слѣдовать мемуарамъ Кайе (chronique novennaire) и ограничимся разсказомъ только о томъ, что считаемъ болѣе вѣроятнымъ. Король назначилъ на 22 декабря 1588 общее засѣданіе своего совѣта и нѣсколько разъ посылалъ убѣдительно приглашать на него герцога де Гиза и его брата, кардинала; чтобы вѣрнѣе привлечь ихъ, онъ назначилъ на обсужденіе въ этотъ день множество важныхъ дѣлъ. Герцогъ и кардиналъ явились. Зала совѣта сообщалась узкимъ корридоромъ со спальнею короля, гдѣ Генрихъ лично спряталъ подъ

собственную кровать шесть человѣкъ изъ своихъ сорока пяти гасконцевъ. Когда герцогъ и кардиналъ заняли мѣста въ залѣ совѣта, король внезапно позвалъ перваго къ себѣ въ спальню. При входѣ его, Лоньякъ, сидѣвшій на сундукѣ со сложенными на-крестъ руками, бросилъ на него яростный взглядъ; герцогъ отступилъ на шагъ и схватился за шпагу. Но онъ не успѣлъ вынуть ее изъ ноженъ, какъ Лоньякъ пронзилъ его своимъ мечемъ. Тогда шестеро гасконцевъ вылѣзли изъ засады и довершили убійство передъ глазами короля, который при этомъ былъ обрызганъ кровью. Братъ герцога и архіепископъ ліонскій, вышедшіе въ спальню вслѣдъ за Гизомъ, хотѣли броситься къ нему на помощь, но ихъ схватили и стащили въ отвратительную тюрьму. Мать убитаго, сынъ его, ближайшіе родственники Гизовъ, старый кардиналъ де Бурбонъ, важнѣйшіе сторонники герцога, какъ находившіеся во дворцѣ, такъ и бывшіе въ городѣ, всѣ были арестованы. Суевѣрнѣйшій изъ королей не обратилъ при этомъ вниманія ни на привиллегіи духовныхъ лицъ, ни на папу, впрочемъ, всегда безсильнаго, когда натыкался на рѣшительнаго человѣка. Кардиналъ де Гизъ былъ казненъ на второй же день послѣ ареста. Архіепископъ ліонскій былъ отданъ подъ стражу одному королевскому вассалу. Депутаты третьяго сословія, принадлежавшіе къ лигѣ, были частью арестованы въ комнатахъ присутствія въ ратушѣ и потомъ посажены въ темницу замка *), но большая часть ихъ спаслась бѣгствомъ, такъ какъ король не имѣлъ даже смѣлости преступника, столь необходимой ему теперь. Герцогъ де Майенъ,

---

*) Самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ можно найти въ „Chronique novennaire“: „Le grand prevost par le commandement du roi sortit du chasteau et alla á l'hostel de la ville en la chambre des députés du Tiers-Etat, se saisit du sieur La Chappelle-Marteau, prevost des marchands de Paris, du president de Neuilly, de l'eschevin Compan (qui estoient les députés de Paris) et du lieutenant d'Amiens, lesquels il emmena au chasteau et furent mis prisonniers en une chambre audessus du garderobe du roi. En même temps aussi le roy fist arrester le comte de Brissac, le sieur de Bois-Dauphin et quelques seigneurs

котораго по приказанію короля хотѣли арестовать въ Ліонѣ, успѣлъ также убѣжать. Во время убійства, Екатерина Медичи лежала на смертномъ одрѣ въ нижнихъ покояхъ замка; король самъ сообщилъ ей извѣстіе объ этомъ событіи, которое можно было сравнить съ ея парижской кровавой свадьбой; но она отозвалась о немъ очень сомнительно.

Парижане скоро оправились отъ перваго впечатлѣнія ужаса, поразившаго ихъ; на рождествѣ они цѣлый день прокричали въ ратушѣ противъ короля и выбрали въ намѣстники Парижа одного изъ Гизовъ, герцога д'Омаля. Принявъ эту должность, герцогъ немедленно рѣшился послать войско на выручку Орлеана, осажденнаго королемъ. Въ это время умерла Екатерина Медичи. Между тѣмъ блуаскіе штаты вели дѣла такъ, какъ и до сихъ поръ ведутъ ихъ подобныя собранія: они наговорили хорошихъ рѣчей, о которыхъ народъ много толковалъ, и 16 января 1589 разъѣхались, ничего не сдѣлавъ. Отъ короля отступились всѣ. Испанскій посолъ Мендоза оставилъ дворъ не простясь и отправился въ Парижъ, сдѣлавшійся средоточіемъ папистской и іезуитской партіи, враждебной правительству. Вслѣдъ за нимъ туда явился и герцогъ де Майенъ.

Все государство возстало, и въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ и деревнѣ образовался родъ республики; во главѣ ихъ стояли люди, которые разыгрывали роль Робеспьеровъ ханжей. Ханжи и духовенство поступали въ Парижѣ по церквамъ и на улицахъ самымъ возмутительнымъ образомъ. Со всѣхъ каѳедръ яростно проповѣдывали противъ короля и противъ всего

---

des plus intimes du duc de Guise." (По приказанію короля главный старшина вышелъ изъ замка и пошелъ въ ратушу въ палату депутатовъ третьяго сословія, арестовалъ г-на Ла-Шапель-Марто, голову парижскаго купечества, президента де Нейльи, старшину Компана (депутатовъ Парижа) и помощника Аміенскаго, привелъ ихъ въ замокъ и посадилъ подъ стражу въ комнату надъ королевскимъ будуаромъ. Въ то же время король приказалъ арестовать графа де Бриссака, г. де Буа-Дофена и нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ друзей герцога де Гиза).

дома Валуа. Дѣвушки, женщины и дѣти по ночамъ и днемъ творили самые скандальныя процессіи и дошли, наконецъ, до того, что сами священники, зачинщики и руководители всего этого скандала, были принуждены проповѣдовать противъ нихъ. Парижскій богословскій факультетъ (Сорбонна), который давно уже присвоилъ себѣ папское значеніе, впрочемъ, въ пользу свѣтской власти, обратилъ его теперь противъ законнаго, правовѣрнаго короля. Это было совершенно по-римски. На (requête) прошеніе, поданное ему отъ имени всѣхъ католиковъ, онъ декретомъ разрѣшилъ всѣхъ французовъ отъ присяги въ вѣрности Генриху III, а вторымъ декретомъ объявилъ, что можно съ спокойною совѣстью вооружаться, составлять союзы, собирать деньги и дѣлать все, что нужно для сохраненія католической религіи противъ злыхъ намѣреній короля, ибо всякое средство законно съ тѣхъ поръ, какъ король нарушилъ своимъ преступленіемъ всѣ законы естественной свободы въ ущербъ католической вѣрѣ и союзному эдикту. Парламентъ, руководимый своими президентами, дю Гарле и Де-Ту, не хотѣлъ принимать участія въ злодѣйствахъ демагогическаго совѣта Шестнадцати; но демократы арестовали и посадили въ Бастилію всѣхъ членовъ парламента, казавшихся имъ подозрительными. Послѣ того въ парламентѣ остались только фанатики подъ руководствомъ Бриссона; они утверждали все, что предписывалъ совѣтъ Шестнадцати. Король съ своей стороны собралъ къ себѣ въ Туръ палаты, оставшіяся ему вѣрными (cours des comptes, des aides и т. д.) и объявилъ недѣйствительными всѣ постановленія парижскаго незаконнаго парламента. Это было ему тѣмъ болѣе необходимо, что парижскій парламентъ самовольно объявилъ герцога де Майена генералъ-намѣстникомъ государства. Турскій парламентъ сталъ издавать декреты вмѣсто парижскаго и считался законнымъ парижскимъ парламентомъ съ марта 1589 по мартъ 1594.

Между тѣмъ Генрихъ Наваррскій всячески старался примириться съ французами и въ то же время доставить себѣ побѣду въ предстоящей борьбѣ. Съ ноября 1588 онъ постоянно ста-

рался обезпечить при помощи реформатскаго населенія Франціи свое право на престолъ; генеральный синодъ и собраніе всѣхъ протестантскихъ городовъ и владѣльцевъ, происходившее въ Ла-Рошели съ 17 ноября по 14 декабря, ввѣрило ему защиту всѣхъ правъ протестантскихъ гражданъ и объявило его протекторомъ евангелической церкви. Французскій король долго не рѣшался обратиться къ нему, все еще надѣясь какъ-нибудь привлечь къ себѣ герцога де Майена. Герцогъ былъ человѣкъ честолюбивый, но къ серьезной дѣятельности неспособный. Король предлагалъ ему всевозможныя выгоды, какихъ только онъ могъ желать, и хлопоталъ черезъ папскаго легата Морозини склонить герцога къ примиренію; но Майенъ гордо отвергалъ всѣ его предложенія. Тогда Генрихъ III рѣшился, наконецъ, соединиться съ Генрихомъ Наваррскимъ. Въ это время изъ всего государства у него оставались только Блуа, Божанси, Анбуазъ, Туръ и Сомюръ. Побочная, но легитимированная сестра короля, Діана д'Ангулемъ, и любимецъ его, герцогъ д'Эпернонъ, принужденный при Гизахъ покинуть дворъ, больше всего способствовали сближенію Генриха съ королемъ наваррскимъ. Сначала условились заключить перемиріе на годъ, считая съ 3 апрѣля. Но слабый король и тутъ еще не отказался отъ надежды на примиреніе съ герцогомъ де Майеномъ и потому замедлилъ на двѣ недѣли обнародованіе своего договора съ Генрихомъ Наваррскимъ, такъ какъ главнымъ условіемъ его было, чтобы оба короля выступили соединенными силами противъ герцога. Однако, надежды Генриха III скоро разсѣялись, потому что Майенъ воспользовался этой двухнедѣльной отсрочкой, чтобы двинуть всю свою армію на Туръ. Это положило конецъ всѣмъ колебаніямъ Генриха III, и оба короля съѣхались 30 апрѣля 1589 въ замкѣ Ла-Туръ дю Плеси. Между тѣмъ Майенъ спѣшилъ овладѣть Туромъ прежде, чѣмъ короли соединятъ свои войска. Мая 8 онъ аттаковалъ этотъ городъ и уже овладѣлъ предмѣстьями, но король въ кровопролитной схваткѣ одержалъ надъ нимъ верхъ; въ то же время Майенъ получилъ извѣстіе, что Генрихъ Наварр-

скій идетъ королю на помощь. Это побудило его отступить, особенно когда герцогъ д'Омаль, столь же неспособный, какъ и самъ онъ, потерпѣлъ неудачу въ другомъ сраженіи.

Тогда короли соединили свои войска и двинулись на Парижъ съ намѣреніемъ осадить его. При Сенъ-Клу къ нимъ присоединились подходившіе со всѣхъ сторонъ войска и волонтеры и кромѣ того швейцарцы и нѣмцы, такъ что, когда въ концѣ іюля они начали осаду Парижа, армія ихъ простиралась до 30 или 40,000 человѣкъ. Городъ былъ тѣсно обложенъ и, казалось, никакъ не могъ устоять. Поэтому фанатизмъ народа, духовенства и богословскихъ юристовъ дошелъ до невѣроятныхъ размѣровъ; проповѣдники и духовники заговорили объ убійствѣ королей или хотя одного изъ нихъ, называя это спасительнымъ для религіи дѣломъ. Эти проповѣди и вполнѣ заслуженная ненависть, которой пользовался Генрихъ III, возбудили въ одномъ двадцатидвухлѣтнемъ доминиканцѣ или якобинцѣ, Клеманѣ, мысль, что онъ достигнетъ рая, если уничтожитъ злаго врага вѣры. Клеманъ былъ до того глупъ, что служилъ постояннымъ предметомъ насмѣшекъ; но по этому самому онъ и вообразилъ, что самъ Богъ подвигаетъ его на убійство Генриха III. Онъ сообщилъ о своемъ мнимомъ вдохновеніи своему пріору, который отвѣчалъ ему, что дьяволъ, правда, иногда побуждаетъ людей на убійство, но Богъ никогда. Пріоръ заставилъ его молиться, поститься и каяться, чтобы чортъ не сыгралъ съ нимъ шутки; но монахъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, и пріоръ, видя это, началъ самъ одобрять и подстрекать его. Современные мемуары разсказываютъ, какъ разжигали фанатизмъ простоватаго, невѣжественнаго монаха. Самъ д'Омаль и сестра Гизовъ, герцогиня де Монпансье, старались всячески подстрекнуть его. Онъ выхлопоталъ себѣ свиданіе съ королемъ, явившись въ королевскій лагерь и объявивъ, что у него есть къ королю письма отъ перваго президента парламента, дю Гарле, и отъ графа де Бріенна, бывшихъ въ плѣну у лиги. Генералъ-прокуроръ де ля Гёль впустилъ его въ лагерь, и 1 августа онъ былъ

представленъ королю. Одною рукою онъ подалъ ему письмо, а другою вытащилъ кинжалъ, спрятанный въ рукавѣ его рясы, и поразилъ имъ короля въ животъ. Генрихъ вытащилъ кинжалъ изъ раны и ударилъ имъ убійцу въ лице. Королевская свита на мѣстѣ изрубила монаха въ куски; но рана короля оказалась смертельною, и онъ умеръ на слѣдующій же день. Передъ смертью онъ передалъ свою власть Генриху Наваррскому, котораго протестанты немедленно провозгласили королемъ Франціи; но Генрихъ III объявилъ ему на смертномъ одрѣ, что онъ никогда не достигнетъ престола, если останется протестантомъ.

13. Филиппъ II и Елисавета Англійская.

Мы уже говорили (стр. 213), что по умерщвленіи Вильгельма Оранскаго и по взятіи Антверпена Нидерланды навѣрно снова подпали бы власти испанцевъ, если бы Филиппъ не обратилъ своихъ денегъ, войскъ и флота на разныя предпріятія, которыя и при самомъ счастливомъ исходѣ должны были оказаться гибельными для Испаніи. Къ такимъ предпріятіямъ мы относимъ завоеваніе Португаліи и португальскихъ колоній; убыточныя усилія Филиппа, непокидаемыя имъ до самой смерти, постоянно разжигать и поддерживать во Франціи анархію и междоусобіе; наконецъ, войну, затѣянную имъ съ королевою Елисаветою, когда она погубила Марію Стюартъ и стала сильнѣе прежняго поддерживать Нидерланды, и особенно нелѣпый планъ, который Филиппъ имѣлъ въ виду въ этой войнѣ.

Филиппъ II и королева Елисавета или, вѣрнѣе, хитрый министръ ея, лордъ Борлэ, были политическіе фанатики и оба въ религіи имѣли въ виду собственно такъ называемую церковь, т. е. внѣшнее, чисто-политическое учрежденіе для поддержанія извѣстной формы богопочитанія и извѣстнаго числа заученныхъ догматовъ. Елисавета возводила въ гражданскій законъ полу-католическую, полу-протестантскую, а Филиппъ строго-папист-

скую литургію; оба они дѣйствовали, не задумываясь въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, — одинаково жестоко; католиковъ преслѣдовали въ Англіи такъ же неумолимо, какъ протестантовъ въ Испаніи и въ Нидерландахъ. Елисавета имѣла передъ Филиппомъ то преимущество, что у нея въ распоряженіи были законныя формы, введенныя при преслѣдованіяхъ въ царствованіе ея отца; притомъ она имѣла чиновниковъ, съ удовольствіемъ выполнявшихъ эти узаконенія, и кровавый уголовный кодексъ Англіи, такъ что ей не приходилось, какъ Филиппу, совершать жестокости лично. Это легко было бы доказать исторіей заговоровъ шотландцевъ и англійской знати въ пользу Маріи Стюартъ. Но подробности этихъ заговоровъ завели бы насъ слишкомъ далеко, и потому мы напомнимъ только, что, по случаю возстанія, возбужденнаго въ пользу королевы шотландской графами Вестморлендомъ и Нортомберлендомъ и поддержаннаго Альбою (стр. 161), сама Елисавета не предписывала никакихъ преслѣдованій и могла совершенно предоставить ихъ графу Соссексу. Онъ водворилъ осадное положеніе и, дѣйствуя военными судами, разгромилъ обширныя графства этихъ двухъ аристократовъ, казнилъ множество народа, особенно католиковъ, и конфисковалъ ихъ имѣнія. Число казненныхъ простиралось до 800 человѣкъ; въ томъ числѣ 66 констаблей, не хотѣвшихъ выполнять своей гнусной обязанности. Всѣ эти заговоры болѣе или менѣе поддерживались агентами, послами и слугами Филиппа; поэтому хитрый лордъ Борлэ, съ своей стороны, раздувалъ огонь въ Нидерландахъ, помогая тамошнимъ протестантамъ, своимъ единовѣрцамъ, какъ Филиппъ помогалъ французскимъ католикамъ, т. е. посылая имъ отъ времени до времени денегъ и войска, чтобы ихъ не могли одолѣть, но недостаточно, чтобы они могли одержать рѣшительный успѣхъ.

Марія Стюартъ, близкая родственница Филиппа, была надеждою англійскихъ, шотландскихъ и ирландскихъ католиковъ; лордъ Борлэ зналъ склонность своихъ соотечественниковъ къ положительному и аристократическому началу, которая до сихъ поръ

обращаетъ къ папизму разныхъ лордовъ, священниковъ и знатныхъ дамъ; поэтому онъ опасался, что католицизмъ одержитъ верхъ, когда по смерти Елисаветы на англійскій престолъ вступитъ Марія Стюартъ, потому что демократическое вѣроученіе Нокса никогда не могло глубоко пустить корней ни въ Англіи, ни въ Шотландіи. Король испанскій по-всему былъ заинтересованъ въ спасеніи Маріи Стюартъ; съ другой стороны, дипломатическій или, какъ нынче выражаются, практическій лордъ Борлэ и протестантская партія по тѣмъ же причинамъ хотѣли какъ-нибудь отдѣлаться отъ Маріи, чтобы вмѣсто нея доставить правленіе Англіи ея сыну, воспитанному въ фанатическомъ шотландскомъ протестантизмѣ. Филиппъ и Борлэ полагали, какъ всѣ государственные люди нашего времени, что обращать вниманіе на нравственные принципы въ политикѣ можетъ только мѣщанская ограниченность; поэтому оба они возбуждали и поддерживали безумныя попытки освободить Марію Стюартъ изъ заключенія — одинъ, чтобы помочь ей, другой, чтобы окончательно погубить ее. Лингардъ въ своей англійской исторіи подробно описалъ эти попытки и жестокія гоненія, которымъ Марія подвергалась за нихъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ. Борлэ, стараясь погубить Марію, поддерживалъ въ то же время и враговъ ея сына, владѣвшаго шотландскимъ престоломъ и бывшаго по временамъ плѣнникомъ шотландской аристократіи и всегда рабомъ народа, духовенства и хищнаго дворянства. Филиппъ послалъ въ Англію іезуитовъ, и ярыя проповѣди членовъ этого ордена, основаннаго для вѣчной борьбы съ протестантами, вызвали съ одной стороны вышеупомянутые (стр. 163) жестокіе законы противъ католицизма и страшныя наказанія на всѣхъ, не посѣщающихъ богослуженія англиканской церкви, а съ другой стороны — усиленіе строгости въ обращеніи съ королевой Маріей. Ея легкомысліе и преступленія, совершенныя ею въ Шотландіи (что бы ни говорили ея многочисленные защитники), были давно забыты, и прекрасная, благочестивая страдалица возбуждала всеобщее участіе и частыя совершенно безкорыстныя по-

пытки освободить ее. Но всѣ эти попытки только разжигали ревность и ненависть Елисаветы; Елисавета, при всѣхъ своихъ мнимыхъ добродѣтеляхъ и при всемъ своемъ величіи, далеко не отличалась привлекательностью. Поэтому, изъ зависти къ Маріи, она постоянно ограничивала ея штатъ, уменьшала суммы, выдаваемыя на ея содержаніе, не допускала къ ней безъ своего позволенія постороннихъ, даже французскаго посланника, и запрещала или стѣсняла ей переписку. Сверхъ того Марія была окружена шпіонами и измѣнниками; ее лишили даже чистаго воздуха и движенія.

Не только министръ, но и сама Елисавета безпрестанно придумывали новыя стѣсненія для заключенной, погибель которой была, наконецъ, рѣшена, когда сынъ ея освободился отъ опеки креатуры Борлэ, Мортона, принялъ правленіе Шотландіей, потребовалъ отъ регента отчета и въ 1581 казнилъ его. Но вскорѣ, когда англійскія козни вызвали въ Шотландіи новое движеніе, молодой король снова попалъ на нѣкоторое время въ плѣнъ къ лердамъ и баронамъ. Тогда Елисавета опять стала поступать съ его матерью снисходительнѣе. У нея не хватало смѣлости рѣшиться на убійство, и она еще разъ отсрочила смертный приговоръ несчастной королевѣ, уже рѣшенный въ тайномъ совѣтѣ въ трединевномъ засѣданіи. Однако, цѣлый рядъ новыхъ заговоровъ, въ которыхъ принимали участіе Іаковъ Шотландскій, Гизы, король французскій и испанскій посолъ въ Англіи, снова возбудили опасенія англійской королевы, хотя не принесли ни малѣйшей пользы Маріи Стюартъ, уже давно содержавшейся въ тюрьмѣ, какъ преступница. Обхожденіе съ несчастной узницей и казни всѣхъ, дѣйствовавшихъ въ ея пользу, ухудшались и умножались въ теченіе семи лѣтъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Наконецъ, несчастное покушеніе Бабингтона, который составилъ новый заговоръ тайныхъ католиковъ въ пользу Маріи, дало поводъ министрамъ Елисаветы, Вольсингему и Борлэ, подославшимъ къ заговорщикамъ шпіона, убѣдить свою

королеву привести въ исполненіе давно рѣшенный политическій приговоръ.

Во всеобщей исторіи было бы неумѣстно слѣдить за различными нитями заговора, сплетеннаго въ пользу Маріи предателями Джиффордомъ и Гритли по порученію англійскихъ министровъ; мы замѣтимъ только, что черезъ посредство министровъ заговорщики открылись Маріи или секретарю ея такъ, что явилось нѣчто въ родѣ доказательства соучастія ея, которымъ впослѣдствіи при судѣ не замедлили воспользоваться. Что касается Бабингтона, то это былъ молодой шотландецъ хорошей и зажиточной фамиліи; онъ доставлялъ Маріи, когда она содержалась еще въ Шеффильдѣ, письма отъ ея шотландскихъ друзей и выказывалъ къ ней восторженный энтузіазмъ. Шпіоны Вольсингема постоянно твердили этому пылкому юношѣ, что все дѣло въ томъ, чтобы убить королеву Елисавету, потому что тогда въ Англію высадится Александръ Пармскій, и католики освободятъ Марію Стюартъ. Воспламененный Бабингтонъ съ двумя агентами Вольсингема взялся убить Елисавету. Въ заговоръ были замѣшаны и другіе молодые люди изъ разныхъ графствъ. Объ этомъ дѣлѣ велась переписка, въ которой были компрометированы секретари шотландской королевы и она сама. Всѣ письма пересылались Вольсингему священникомъ Джиффордомъ, который руководилъ всѣмъ заговоромъ. Съ мая до августа 1586 Вольсингемъ наблюдалъ за дѣйствіями молодыхъ энтузіастовъ, пока, наконецъ, собравъ противъ нихъ и противъ Маріи всѣ документы, донесъ обо всемъ королевѣ, желая, чтобы судебное преслѣдованіе началось по ея именному приказанію. Въ августѣ Елисавета назначила судебное слѣдствіе, и заговорщики, не успѣвшіе, подобно Джиффорду, спастись бѣгствомъ, были арестованы и преданы пыткѣ. Они не могли отрицать цѣли заговора — убить королеву Елисавету; поэтому четырнадцать человѣкъ были казнены. Бабингтонъ и шестеро другихъ заговорщиковъ были подвергнуты той возмутительной казни, достойной скорѣе каннибаловъ и негровъ, чѣмъ христіанскаго племени, которая

водилась въ Англіи до половины восемнадцатаго столѣтія. Семеро остальныхъ были повѣшены. Этимъ возбудили вниманіе публики къ судьбѣ шотландской королевы, которую старались замѣшать въ процессъ одураченныхъ молодыхъ энтузіастовъ. Сэръ Паулетъ, карауливішй королеву, получилъ 8 августа приказаніе захватить ея письма и бумаги. Онъ отвѣчалъ совершенно по-богословски, что съ помощью Божіей выполнилъ предписаніе, но на самомъ дѣлѣ совершилъ это какъ какой-нибудь рабъ великаго султана.

Не входя ни въ драматическія, ни въ риторическія и поэтическія описанія, мы разскажемъ смерть Маріи Стюартъ, какъ можно короче, отсылая читателей за подробностями къ многочисленнымъ монографіямъ разныхъ шотландскихъ, англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и даже одного русскаго авторовъ *).

Марія Стюартъ до послѣдней минуты отстаивала свое ближайшее право на англійскій престолъ, къ ея несчастью, признанное и папою; за это она была принесена въ жертву протестантизму. Въ англійскомъ кабинетѣ смерть ея была давно рѣшена; но когда дѣло дошло до исполненія, старый министръ и любовникъ Елисаветы совершенно разошлись во мнѣніяхъ о томъ, какъ это сдѣлать. Любовникъ королевы, графъ Лейстеръ, хотѣлъ отдѣлаться отъ Маріи посредствомъ яда; но министръ Вольсингемъ требовалъ открытаго суда, такъ какъ въ Англіи въ то время легче было совершить юридическое убійство, чѣмъ простое. На этомъ основаніи мнѣніе Вольсингема восторжествовало. Въ коммисію суда были назначены 47 человѣкъ, перовъ, членовъ тайнаго совѣта и главныхъ судей; судъ этотъ не называлъ даже Марію шотландскою королевою (говоря о ней, онъ называлъ ее commonly called queen of Scotland, т. е. называемая обыкновенно королевою Шотландіи). Судъ происходилъ въ замкѣ Фотерингаѣ, куда Марія была въ послѣднее время переведена. Мы

*) Князя Лобанова-Ростовскаго. *Прим. Ред.*

думаемъ, что не стоитъ и говорить о взведенныхъ на нее обвиненіяхъ. Только слабой, покинутой и обманутой женщинѣ можно извинить, что она рѣшилась признать такой произвольный судъ; будь на ея мѣстѣ мужчина, онъ долженъ былъ бы объявить судьямъ, что знаетъ намѣреніе ихъ погубить его и потому проситъ отбросить всѣ формальности и просто зарѣзать его. Относительно переписки Маріи съ Бибингтономъ теперь положительно доказано, что Юмъ былъ неправъ, увѣряя, будто Марія сказала, что никогда не была съ нимъ въ перепискѣ; она утверждала только, что не состояла съ нимъ въ той перепискѣ, какую представили ей въ копіяхъ. Да и вообще въ судъ были представлены не оригинальныя письма, обвинявшія Марію, а все копіи. Приговоръ состоялся 25 октября на томъ основаніи, будто Марія злоумышляла на жизнь и безопасность англійской королевы *).

Исполненіе приговора было сначала отложено, и при утвержденіи и выполненіи его Елисавета разыгрывала смѣшную комедію колебанія. Она старалась свалить на народъ вину утвержденія приговора, а вину выполненія его на своего министра, которому пришлось нести наказаніе за ея собственные грѣхи. Она созвала парламентъ исключительно для этого дѣла и представила обѣимъ палатамъ приговоръ коммиссіи; палаты согласились съ судьями и униженно просили королеву утвердить приговоръ. При этомъ Елисавета дала спикеру нижней палаты отвѣтъ странный и забавный, не то насмѣшливый, не то грозный и глухой, одинъ изъ тѣхъ отвѣтовъ, какіе она обыкновенно давала парламенту. Она достигла своей цѣли: подписывая 25

*) „Mary, daughter of James V, pretending title to this crown of England, had compassed and imagined divers matters to the hurt, death and destruction of the royal person of the queen, contrary to the form of the statute specified in the commission.“ (Марія, дочь Іакова V, притязая на титулъ и корону Англіи, злоумышляла различнымъ образомъ во вредъ, на смерть и гибель королевской особы Ея Величества, способами, изложенными въ протоколѣ коммиссіи).

ноября приговоръ, она могла объявить, что исполняетъ этимъ только волю народа. Потомъ она промедлила еще до февраля 1587, не давая приказанія выполнить приговоръ. Между тѣмъ сынъ несчастной Маріи Стюартъ, король Іаковъ шотландскій, не дѣлалъ ничего для спасенія своей матери. Онъ былъ безпрестанно въ ссорѣ то съ піэтическими радикалами своего народа, демократизованнаго Ноксомъ, то съ хищнымъ дворянствомъ, у котораго нерѣдко бывалъ въ плѣну, и не могъ или не хотѣлъ ничего сдѣлать для своей матери. Хотя въ «Письмахъ англійскихъ королей» Голливелля *) помѣщены три письма Іакова касательно этого дѣла, но самъ издатель ихъ сознается, что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда чувства долга сына къ матери и не видно никакого участія къ ея продолжительнымъ тяжкимъ страданіямъ, а замѣтны только шотландская практичность и дипломатическая осторожность **). Въ самомъ настоятельномъ изъ этихъ писемъ Іакова къ его посланнику въ Лондонѣ видна только забота о томъ, чтобы не раздражить шотландскаго народа, а главное не прогнѣвать англійской королевы. Бѣдняга смертельно труситъ, чтобы Елисавета не разсердилась на него за то, что онъ не можетъ вполнѣ одобрить ея жестокаго обращенія съ его матерью***). Впослѣдствіи Іаковъ

*) „Letters of the kings of England, now first collected etc.“ By James Orchard Halliwell Esquire. 2 vol. London, 1848. (Письма королей Англіи, собранныя и изданныя въ первый разъ Д. Орчердомъ Голливелемъ эскв. 2 т. Лондонъ, 1848).

**) Онъ говоритъ, vol. II. p. 74: „These letters were part of the feeble efforts made by James to save the life of his mother. It is almost unnecessary to observe, they were dictated more from feelings of fear and shame than from affection.“ (Эти письма свидѣтельствуютъ о слабости стараній Іакова спасти жизнь своей матери. Очевидно, что они внушены болѣе чувствомъ страха и стыда, чѣмъ привязанности).

***) Vol. II. p. 78: „Guess you in what strait my honour will be in, this unhappy thing being perfected; sinces before God I already dare scarcely go abroad for crying out of the whole people. And what is spoken by them of the queen of England, it greaves me to hear, and yet dare not find fault with it, except I would detrone myself, so is whole Scotland incensed with this matter.

посылалъ къ Елисаветѣ одного за другимъ сэра Роберта Кейта, Грея и Роберта Мельвиля съ настоятельными просьбами о помилованіи; но сами посланные его не слишкомъ желали, чтобы просьбы эти были уважены, а Елисавета слишкомъ презирала короля Іакова, чтобы не отвергнуть его угрозы.

Лицемѣріе Елисаветы при выполненіи подписаннаго ею смертнаго приговора было еще отвратительнѣе; она сваливала свое преступленіе на людей, которые вѣрно служили ей въ теченіе многихъ лѣтъ. Она разсердилась на сэра Паулета, во власти котораго находилась Марія, за то, что тотъ не дозволилъ исполнить казни безъ королевскаго приказанія за большою печатью, т. е. на то собственно, что онъ не хотѣлъ принять на одного себя отвѣтственности за юридическое убійство. Затѣмъ она обратилась къ своему секретарю Девисону и приказала ему передать приговоръ канцлеру для приложенія печати; но на слѣдующій день она притворилась испуганной, узнавъ отъ Девисона, что онъ исполнилъ ея приказаніе, и велѣла ему подождать. Недоумѣвая, чего на самомъ дѣлѣ хочетъ королева, Девисонъ обратился къ старому лорду Борлэ, зная, что у него хватитъ совѣсти на всякое политическое преступленіе. Борлэ созвалъ совѣтъ, столь же безсовѣстный, какъ и самъ онъ, и объявилъ, что королева распорядилась всѣмъ, что нужно, и что теперь имъ по справед-

---

As you love your masters honour, omit no diligence in this request. And let this letter serve for excuse to the queen, my dearest sister, of my writing to her at this time, in respect of this bearers sudden return. Farewell." (Вы понимаете, что честь моя замѣшана въ этомъ несчастіи и требуетъ благополучнаго исхода этого бѣдственнаго дѣла; клянусь Богомъ, я уже почти не смѣю выходить вслѣдствіе криковъ всего народа. Мнѣ тяжело слышать, что говоритъ объ этомъ королева Англіи, и я право не знаю, что сказать на это, развѣ, что я откажусь отъ престола; но тогда вся Шотландія прійдетъ въ величайшее волненіе. Если вамъ дорога честь вашего короля, то вы не упустите приложить все ваше стараніе къ этой просьбѣ. И пусть это письмо служитъ моимъ извиненіемъ передъ дорогой сестрой моей, королевой, за письма мои къ ней въ это время и за внезапный отъѣздъ ихъ подателей. Прощайте).

ливости необходимо, не докучая ей болѣе распросами, принять на себя отвѣтственность и распорядиться исполненіемъ казни. Вслѣдствіе этого 8 февраля Марія Стюартъ была казнена по англійскому обычаю сѣкирою. Голова ея пала только послѣ третьего удара.

Узнавъ о совершеніи казни, Елисавета повторила прежнюю комедію. Она рыдала и стонала, увѣряя, будто думала, что Девисонъ, доложивъ ей, что еще не передалъ приговора канцлеру, подождетъ вторичнаго приказанія ея и будто онъ злонамѣренно не сдѣлалъ этого. Она удалила его отъ должности и нѣсколько лѣтъ продержала въ заключеніи, конфисковавъ все его имѣніе. Быть можетъ, ей удалось обмануть многихъ современниковъ; но всѣ, кто былъ подогадливѣе, легко смекнули, для чего она притворяется.

Съ казнью королевы Маріи на время прекратились преслѣдованія католиковъ, такъ какъ они не могли быть опасны, лишившись опоры, и такъ какъ пуританство въ Шотландіи и въ Англіи становилось гораздо опаснѣе папизма. Елисавета должна была употребить всѣ старанія, чтобы сдерживать смѣлость и радикализмъ піэтистовъ, начавшихъ поднимать головы. Но прежде, чѣмъ говорить о преслѣдованіи пуританъ и ихъ религіозно-революціоннаго ученія, намъ слѣдуетъ упомянуть о разрывѣ Елисаветы съ Филиппомъ II, вслѣдствіе котораго Англія сдѣлалась первою морскою державою, испанскій флотъ былъ побѣжденъ на всѣхъ моряхъ, и погибла португальско-испанская морская торговля.

Процессъ и казнь Маріи Стюартъ происходили въ то самое время, когда погибъ Вильгельмъ Оранскій, сдался Антверпенъ, и нидерландцы начали отчаяваться въ возможности устоять противъ испанскихъ силъ, предводимыхъ Александромъ Пармскимъ. Генрихъ III французскій не могъ помочь имъ; поэтому они настойчивѣе прежняго обратились къ королевѣ Елисаветѣ. Генеральные штаты предложили ей тогда то же самое, что хотѣли предоставить французскому королю или ближайшему родственнику

и преемнику его, Генриху Наваррскому, а именно, верховную власть въ семи провинціяхъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ правилъ Карлъ V. Но старые министры Елисаветы убѣдили ее отказаться отъ предложенія нидерландцевъ. Англичане были слишкомъ практичны, чтобы увлечься предложеніемъ, не представлявшимъ никакихъ положительныхъ выгодъ. Съ другой стороны имъ не хотѣлось допустить паденія Нидерландовъ въ то самое время, когда Филиппъ угрожалъ Англіи войной за преслѣдованіе католиковъ и за казнь Маріи. Вслѣдствіе этого, Елисавета предложила штатамъ послать на свой счетъ въ Голландію 6,000 человѣкъ войска. Издержки на содержаніе этого корпуса она соглашалась уплачивать сама съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи нидерландцы возвратили ихъ ей, а въ залогъ уступили бы англичанамъ гавани Бриль и Флиссингенъ и фортъ Рамекенсъ. Этотъ договоръ долженъ былъ неизбѣжно произвести разрывъ между Англіею и Испаніею. Онъ былъ заключенъ въ августѣ 1585, какъ разъ въ то время, когда Антверпенъ сдавался на капитуляцію.

Елисавета послала въ Нидерланды съ войскомъ графа Лейстера, человѣка высокомѣрнаго, тщеславнаго и неспособнаго ни на какое серьезное дѣло. Качества, за которыя онъ пользовался расположеніемъ королевы, возбудили противъ него въ Нидерландахъ ненависть и презрѣніе. Говорили, что англійскіе придворные выхлопотали назначеніе этого человѣка, имѣвшаго на королеву безграничное вліяніе, чтобы хотя на нѣкоторое время избавиться отъ его интригъ. Графъ Лейстеръ былъ сынъ того Джона Додли, герцога Нортомберленда, который женилъ своего другаго сына на Іоаннѣ Грей и былъ потомъ казненъ за покушеніе возвести ее на престолъ (стр. 121). Сынъ его, человѣкъ свѣтскій (fashionable), сдѣлался любовникомъ Елисаветы; говорятъ, что онъ отъ живой жены женился на другой и въ довершеніе заключилъ потомъ тайный третій бракъ съ Елисаветой. Этотъ неспособный человѣкъ привезъ съ собой въ Голландію своего двадцатилѣтняго сына, графа Эссекса, и 1 февраля 1586 явился въ собраніе штатовъ въ званіи генералъ-

капитана Нидерландовъ. Это званіе дѣлало его намѣстникомъ Гельдерна, Цютфена, Фландріи и Голландіи, а, занимая эту должность, онъ могъ не только назначать отъ каждой провинціи по одному члену въ государственный совѣтъ, но и помѣстить двухъ англичанъ въ собраніе штатовъ. Кромѣ главнаго начальства надъ войскомъ, онъ захватилъ въ свои руки всѣ остальныя права, принадлежавшія Карлу V; Елисавета открыто не одобряла этого и, какъ прежде, такъ и теперь, не признавала за нимъ правъ верховной власти въ Нидерландахъ; но онъ не обращалъ на это никакого вниманія.

Принцъ Морицъ Оранскій, бывшій генераломъ и адмираломъ Голландіи и наслѣдственнымъ владѣтелемъ (маркизомъ) Флиссингена и Теръ-Вера, охотно подчинился рѣшенію штатовъ. Но его грубые и простые соотечественники смѣялись надъ обозомъ, прислугою и женскими удобствами изнѣженнаго англичанина, который осмѣливался вступать въ борьбу съ такимъ героемъ, какъ Александръ Пармскій. Войско его также не могло удачно вести войну съ дисциплинированными ветеранами Александра; оно состояло большею частью изъ ирландцевъ, которые по храбрости и обмундировкѣ походили скорѣе на сѣверо-американскихъ дикарей, чѣмъ на европейскую армію, и были гораздо опаснѣе своимъ бережливымъ и прилежнымъ союзникамъ, чѣмъ стройнымъ полкамъ непріятеля. Графъ Лейстеръ прибылъ въ Голландію въ то самое время, когда Александръ Пармскій осаждалъ Слюйсъ (l'Ecluse); онъ хотѣлъ выручить этотъ городъ, но потерпѣлъ неудачу и свалилъ вину ея на голландцевъ, чѣмъ съ самаго начала возбудилъ неудовольствіе своихъ союзниковъ. Кромѣ того, онъ съ англійскимъ высокомѣріемъ позволялъ себѣ поступки, неприходившіе въ голову ни принцу Вильгельму, ни герцогу Анжуйскому. Не обращая вниманія на республиканскіе обычаи нидерландцевъ, онъ вздумалъ управлять ими монархически. Тогда нидерландцы засыпали королеву Елисавету жалобами на него. Графъ съ своей стороны жаловался на неблагодарность ихъ и, подобно герцогу Анжуйскому, пытался овла-

дѣть крѣпостями. Вслѣдствіе этого генеральные штаты перемѣнили гарнизоны, велѣли сторожить ворота и приказали впускать даже самаго Лейстера только съ извѣстнымъ числомъ свиты.

Въ послѣдніе годы благосостояніе семи провинцій необыкновенно возрасло. Въ три послѣдніе года изъ южныхъ провинцій переселилось, говорятъ, въ сѣверныя болѣе 100,000 человѣкъ. Они принесли съ собой въ новое отечество все свое состояніе, прилежаніе и дѣятельность и сдѣлались такъ же просты и бережливы, какъ сами голландцы. Почти вся необыкновенно развитая торговля Антверпена и большая часть жителей этого города, одного изъ населеннѣйшихъ въ Европѣ, перешли въ Амстердамъ. Фанъ-деръ-Финктъ говоритъ, что трудно повѣрить, что въ два самые тяжелые года, 1586 и 1587, въ гавани семи провинцій прибыло 800 кораблей, хотя изъ этихъ гаваней очень немногія были въ безопасности. По его словамъ, семь соединенныхъ провинцій имѣли до сотни военныхъ кораблей для охраненія своихъ рыбныхъ ловлей и купеческихъ судовъ. Армія ихъ простиралась до 24,000 человѣкъ, и онѣ имѣли полный осадный и полевой парки. По завоеваніи Антверпена Филиппъ велѣлъ запереть Шельду; поэтому въ теченіе двухъ лѣтъ, дарованныхъ по капитуляціи гражданамъ для переселенія изъ города, вся торговля и всѣ рыбные промыслы его перешли въ Голландію, а изъ мануфактуръ третья часть въ Англію.

Съ тѣхъ поръ, какъ Лейстеръ сталъ во главѣ правленія, дѣла шли скорѣе хуже, чѣмъ лучше, особенно послѣ открытія заговора, имѣвшаго цѣлью предать во власть графа городъ Лейденъ. Соумышленниковъ его казнили. Лейстеръ не предпринялъ ничего съ своей стороны, чтобы не допустить испанцевъ овладѣть въ іюнѣ 1586 Граве и Венло; теперь, владѣя Нимвегеномъ, испанцы не только стали господствовать надъ большею частью Мааса и Вааля, но были даже въ состояніи поддерживать сношенія съ городами Стенвикомъ, Коворденомъ, Гролемъ и Грёнингеномъ, которые также находились въ ихъ рукахъ. Лейстеръ совершенно довѣрился

недостойнымъ людямъ, большею частью католикамъ, которые предавали непріятелю ввѣренные имъ города, какъ мы увидимъ ниже изъ примѣра Девентера. За всѣ его ошибки Елисавета уже въ 1586 отозвала его назадъ въ Англію. Но ему удалось снова пріобрѣсти ея милость, такъ что она наградила его новыми достоинствами и почестями *). Въ слѣдующемъ 1587 году Лейстера снова послали въ Голландію. Наконецъ, измѣна Стенли, англійскаго коменданта Девентера, и многія другія событія заставили Елисавету отправить въ Голландію лорда Бокгёрста разобрать жалобы голландцевъ на ея любимца. Бокгёрстъ нашелъ жалобы основательными, и, когда въ августѣ 1587 испанцы овладѣли Слюйсомъ, какъ говорили, по оплошности Лейстера, онъ впалъ, наконецъ, въ немилость и былъ отозванъ (октябрь 1587). Елисавета отдала его даже подъ судъ тайному совѣту. Но въ день своего возвращенія (21 ноября) Лейстеръ бросился къ ногамъ королевы и сказалъ ей, что она послала его въ Нидерланды ради почета, что ему странно, какъ она можетъ гнѣваться на него, что она вывела его изъ грязи и что онъ не можетъ представить себѣ, чтобы она рѣшилась заживо похоронить его. Лейстеръ вѣрно разсчитывалъ на впечатлѣніе этихъ словъ. Это обнаружилось уже на слѣдующій день, когда онъ явился въ тайный совѣтъ оправдываться въ поданныхъ на него жалобахъ. Вмѣсто того, чтобы, какъ подсудимому, встать на колѣни въ концѣ стола, онъ занялъ свое обычное мѣсто и произнесъ грозную рѣчь противъ обвиненій и обвинителя, лорда Бокгёрста. Къ общему удивленію лордъ подвергся домашнему аресту и до самой смерти Лейстера не смѣлъ выходить изъ дома. Лейстеръ, напротивъ, до самой смерти сохранилъ полное расположеніе королевы. Когда испанская армада угрожала берегамъ Англіи, ему было ввѣрено главное начальство надъ вой-

*) Она назначила его „Steward of her household“ (оберъ-гофмейстеромъ) и „chief-justice in eyre south of the Trent“ (главноуправляющимъ государственными имуществами къ югу отъ Трента).

скомъ и милиціей. Не смотря на энергическія возраженія Борлэ и Гаттона, онъ вѣроятно былъ бы возведенъ въ достоинство, которое сдѣлало бы его могущественнѣе самой королевы (lord lieutenant of England and Ireland), если бы смерть не поразила его прежде, чѣмъ утихли сомнѣнія, возбужденныя въ королевѣ Гаттономъ и Борлэ.

По отъѣздѣ графа Лейстера нидерландцы не назначили преемника его, лорда Виллоуби, главнокомандующимъ всѣхъ своихъ войскъ. Они справедливо говорили, что Лейстеръ съ своими англичанами принесъ имъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Лейстеръ не только допустилъ испанцевъ въ 1586 году взять Граве, Венло и другія маленькія укрѣпленія, но, довѣрившись коварнымъ наемникамъ католическаго исповѣданія, далъ имъ возможность предать непріятелю крѣпость Девентеръ и фортъ, защищавшій Зютфенъ. О паденіи Девентера разсказываютъ различно и отчасти даже довольно неправдоподобно. Какъ кажется, англійскій комендантъ, сэръ Уильямъ Стенли, предавшій городъ, былъ католикъ; гарнизонъ, простиравшійся до 1,300 человѣкъ, состоялъ, должно быть, также изъ папистовъ, и Стенли, какъ другъ Бабингтона и сторонникъ Маріи Стюартъ, боялся гоненій со стороны англійскихъ министровъ. Тѣмъ не менѣе, непонятно, какъ могъ онъ въ такое короткое время склонить гарнизонъ въ 1,300 человѣкъ перейти съ нимъ на службу къ Филиппу. Нидерландцы приписывали кромѣ того графу Лейстеру потерю Слюйса и занятіе испанцами всего Гельдерна. Лейстеръ ввѣрилъ Гельдернъ такому же безпутному человѣку, какъ и самъ онъ, шотландскому полковнику Патону, который, узнавъ, что его хотятъ смѣнить, предалъ Гельдернъ испанскому генералу Отпени.

Въ 1587 году нидерландцы назначили своимъ главнокомандующимъ втораго сына Вильгельма Оранскаго, принца Морица; старшій сынъ Вильгельма, графъ Бюренъ, все еще находился въ плѣну у испанцевъ (стр. 11). До сихъ поръ Морицъ былъ только номинально главнокомандующимъ голландской арміи. Морицъ не имѣлъ ни дипломатическихъ, ни политическихъ талан-

товъ своего отца, будучи гордъ, властолюбивъ и честолюбивъ; но за то онъ былъ геніальный полководецъ. Онъ доказалъ это тотчасъ послѣ своего назначенія на двадцать первомъ году отъ роду. Такимъ образомъ республика соединенныхъ провинцій была такъ же счастлива, какъ Римъ: у нея, какъ въ Римѣ, основатели ея независимости отличались противоположными качествами; только у голландцевъ Нума владычествовалъ прежде Ромула. Пока Лейстеръ оставался штатгальтеромъ Нидерландовъ (до октября 1587), Морицъ, будучи только штатгальтеромъ провинціи Голландіи, дѣйствовалъ противъ него, а Ольдебарневельдъ, бывшій сначала пенсіонаріемъ Роттердамскимъ, а потомъ адвокатомъ Голландіи, обвинилъ даже англійскаго графа въ намѣреніи арестовать его, Гогенлоэ и Морица и напасть на Амстердамъ. Морицъ не возбуждалъ пока подобныхъ опасеній. Но аристократія содрагалась при мысли о возможности учрежденія монархіи тѣмъ болѣе, что оранская монархія пріобрѣла бы характеръ наслѣдственный и опиралась бы на демократическій принципъ. Демократія была такъ сильна въ соединенныхъ провинціяхъ, что никто не осмѣлился бы смѣнить молодаго героя, если бы онъ однажды утвердился. Съ этого времени низшіе классы Нидерландовъ сдѣлались приверженцами и оранской династіи, и демократіи.

Морицъ выступилъ на поприще своей дѣятельности въ самую благопріятную для него минуту. Александръ Фарнезе, сдѣлавшійся въ 1586, по смерти отца, герцогомъ Пармскимъ, на слѣдующій же годъ долженъ былъ раздѣлить свои силы по случаю войны, затѣянной королемъ въ 1588 съ Англіей, а потомъ поддерживать французскую лигу противъ Генриха IV. Честь Филиппа требовала начать войну съ Англіей. Это не подлежитъ сомнѣнію, что бы ни говорили о властолюбіи Филиппа и о страсти его браться за все, ничего не выполняя или, по крайней мѣрѣ, не проводя своихъ цѣлей твердо и послѣдовательно. Не будемъ говорить объ интригахъ англичанъ въ Шотландіи, о жестокомъ обращеніи съ несчастной королевой Маріей

Стюартъ, о мученіяхъ и казняхъ англійскихъ католиковъ и шотландской королевы, потому что самъ Филиппъ, папа и Гизы поступали точно такъ же, и люди тысячами гибли за религію въ Испаніи, Португаліи и Франціи. Мы уже сказали, что съ 1576 англійскія войска помогали нидерландцамъ, что испанскіе корабли были захвачены англичанами, которые овладѣли казенными деньгами, что потомъ англійскія войска прибыли въ Нидерланды, и что, наконецъ, графъ Лейстеръ былъ два года генералъ-капитаномъ и штатгальтеромъ возмутившихся противъ Испаніи Нидерландовъ. Намъ слѣдуетъ еще упомянуть о разбояхъ англійскихъ каперовъ во владѣніяхъ короля испанскаго; эти разбои принесли большую пользу мореплаванію, географіи и торговлѣ новаго свѣта. Мы не будемъ входить въ оцѣнку заслугъ отважныхъ англійскихъ искателей приключеній и восхвалять ихъ мужество и энергію, потому что должны ограничиваться только военными дѣйствіями англичанъ противъ испанцевъ. Назовемъ лишь троихъ извѣстныхъ мореходцевъ и пиратовъ: — Гаукинса, Френсиса Дрека и Томаса Кавендиша.

Гаукинсъ занимался, какъ кажется, въ испанскихъ колоніяхъ только контрабандой, а не пиратствомъ, если только не захватывалъ на западномъ берегу Африки негритянскихъ невольниковъ, которыхъ продавалъ въ Вестъ-Индіи. Когда было строго запрещено принуждать къ работѣ въ рудникахъ американскихъ туземцевъ, Гаукинсу первому пришла мысль привозить и продавать въ Вестъ-Индіи африканскихъ негровъ. Эта торговля приносила ту выгоду, что негры, которыхъ не похищали, покупались какъ продукты англійской промышленности, которымъ иначе нигдѣ не было бы сбыта, а въ Вестъ-Индіи ихъ вымѣнивали на дорогіе товары, высоко цѣнимые въ Англіи. Торговля эта была, разумѣется, выгодна для англійскаго кармана, но ужъ очень не шла къ благочестивой внѣшности англичанъ. Гаукинсу пришлось, наконецъ, поплатиться за свою контрабанду. Въ 1567 онъ отправился въ экспедицію, въ которой приняла

участіе сама королева, присоединивъ къ его эскадрѣ два свои корабля. Но едва онъ вошелъ въ гавань Санъ-Хуанъ д'Уллоа, какъ туда же прибылъ изъ Европы вице-король испанскій съ двѣнадцатью кораблями. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ онъ аттаковалъ англійскую эскадру и разбилъ Гаукинса, который лишился бо́льшей части своихъ кораблей, множества людей и всѣхъ своихъ сокровищъ. Изъ шести кораблей, бывшихъ у него подъ начальствомъ, спаслось только два; изъ нихъ одинъ впослѣдствіи разбился, а другой, небольшая барка подъ начальствомъ Френсиса Дрека, возвратился домой.

Френсисъ Дрекъ, прославившійся, какъ второй мореплаватель, объѣхавшій вокругъ свѣта, былъ счастливѣе, но гораздо грубѣе и хищнѣе Гаукинса; онъ не поплатился жизнью за свое кругосвѣтное плаваніе, подобно предшественнику своему, португальцу Магеллану. Дрекъ былъ типъ пирата и въ 1572, черезъ пять лѣтъ послѣ побѣды испанскаго вице-короля надъ Гаукинсомъ, отправился противъ испанцевъ съ гласнымъ намѣреніемъ отмстить за пораженіе Гаукинса. Экипажи его судовъ были набраны изъ разбойниковъ и разныхъ негодяевъ, съ которыми онъ отправился въ Мексиканскій заливъ, гдѣ хваталъ всѣ встрѣчныя мелкія суда; потомъ, соединившись съ разбойниками-неграми и французами, сдѣлалъ набѣгъ во внутренность страны, захватилъ транспортъ съ драгоцѣнными металлами и воротился домой съ огромною добычею. Вѣсть о награбленныхъ имъ среди мира богатствахъ произвела на англичанъ и голландцевъ такое же впечатлѣніе, какъ недавно открытіе калифорнскаго и австралійскаго золота на всѣ народы, не исключая даже китайцевъ. Съ тѣхъ поръ испанскія владѣнія и богатства стали считаться открытымъ источникомъ поживы для каждаго, и море вскорѣ наполнилось англійскими и голландскими пиратами. Во время своего путешествія Дрекъ видѣлъ съ возвышенности Дарійскаго перешейка Тихій океанъ; это возбудило въ немъ сильное желаніе доставить своимъ соотечественникамъ такія же открытія и богатства, какія до сихъ поръ пріобрѣтали португальцы и ис-

панцы. Впослѣдствіи ему удалось убѣдить англійское министерство принять участіе въ затѣваемомъ имъ предпріятіи, которое, однако, разсчитывало болѣе на грабежъ и убійства, чѣмъ на распространеніе человѣческихъ знаній. Съ ноября 1577 до декабря слѣдующаго года онъ плавалъ вдоль восточнаго берега Америки и черезъ Магеллановъ проливъ прошелъ въ Санъ-Яго въ Перу. Здѣсь онъ совершалъ дикія и безчеловѣчныя жестокости противъ испанцевъ, съ которыми Англія была тогда въ мирѣ: онъ опустошилъ весь берегъ Санъ-Яго до Лимы, разрушилъ гавани и города, захватилъ и сжегъ тамошніе корабли. Но, наконецъ, ему стала грозить гибель, когда испанцы вознамѣрились поймать дерзкаго разбойника на возвратномъ пути. У Дрека было всего пять кораблей съ весьма слабымъ экипажемъ. Чтобы спастись, онъ, подобно своему предшественнику, португальцу, рискнулъ поискать новаго пути домой по Тихому океану. Онъ счастливо добрался до Молуккскихъ острововъ, а оттуда до мыса Доброй Надежды, и въ концѣ 1580 возвратился въ Плимутъ, но съ однимъ только кораблемъ. О совершенныхъ имъ ужасахъ и злодѣйствахъ здѣсь не мѣсто разсказывать; но надо замѣтить, что на единственномъ кораблѣ, приведенномъ Дрекомъ въ Европу, было привезено 800,000 фунтовъ англійскихъ денегъ; десятую часть этой суммы Дрекъ роздалъ матросамъ, и тотчасъ разлетѣлась вѣсть объ его успѣхѣ, что̀ пробудило алчность множества дерзкихъ убійцъ и разбойниковъ. Дележъ этихъ денегъ происходилъ на глазахъ у испанскаго посланника. Сначала королева Елисавета совѣстилась наградить дикаго разбойника, какъ заслуженнаго моряка; но потомъ приняла угощеніе, которое онъ предложилъ ей на своемъ кораблѣ, и возвела его въ достоинство баронета.

Вторую разбойничью экспедицію Дрекъ предпринялъ уже въ званіи королевскаго адмирала въ 1585 году, когда разрывъ съ Испаніею сдѣлался неизбѣженъ. Въ сентябрѣ этого года онъ отплылъ съ двадцатью-однимъ кораблемъ и съ двумя тысячами человѣкъ отчаяннаго народа въ Вестъ-Индію, гдѣ произвелъ

страшныя злодѣйства: онъ сжегъ городъ Санъ-Яго, разграбилъ Санъ-Доминго и Картагену и по всему берегу до Флориды совершалъ опустошенія, извѣстныя только у турокъ и монголовъ. Онъ вывезъ при этомъ изъ Виргиніи въ Европу язву куренія табака, что̀ прибавило лишнюю безполезную потребность бѣдному классу нашей части свѣта, а впослѣдствіи отняло много земли изъ-подъ хлѣбныхъ полей. Изъ алчныхъ товарищей Дрека въ Англію возвратилось только тысяча триста человѣкъ.

Вслѣдъ за Дрекомъ Томасъ Кавендишъ набралъ новыя шайки искателей приключеній и предпринялъ разбойничью экспедицію для грабежа испанцевъ и португальцевъ. Кавендишъ предпринялъ это путешествіе, прославившее его, на свой счетъ. Въ 1586 онъ отправился съ тремя кораблями къ восточному берегу Америки, но нашелъ испанское населеніе вооруженнымъ, такъ какъ оно было недавно напугано нападеніемъ Дрека; поэтому Кавендишъ отправился въ Тихій океанъ, гдѣ также напрасно заѣзжалъ въ разные портовые города, пока, наконецъ ему не посчастливилось встрѣтить огромнѣйшій корабль Санта-Анну, ежегодно плававшій съ Филиппинскихъ острововъ въ Америку и поддерживавшій всю торговлю между востокомъ и западомъ. Кавендишъ захватилъ этотъ корабль и нашелъ на немъ такое множество товара, что для него недостало мѣста на его судахъ. Англичане могли перегрузить только золото и самые драгоцѣнные товары; остальное, въ количествѣ 500 тоннъ, было сожжено вмѣстѣ съ кораблемъ. Счастливый разбойникъ благополучно вернулся въ Англію (сентября 1588) по дорогѣ, проложенной Дрекомъ, мимо Молуккскихъ острововъ и мыса Доброй Надежды.

Всѣ эти разбойничества давно заставили бы всякаго другаго короля, кромѣ Филиппа II, объявить войну Англіи и попробовать сдѣлать высадку въ эту страну, такъ какъ въ то время еще никто не превосходилъ испанцевъ и португальцевъ на морѣ; но нерѣшительный, кропотливый и медленный Филиппъ, же-

лавшій непремѣнно самъ заправлять всѣми государственными дѣлами, все дожидался нападенія англичанъ. Онъ рѣшился отмстить имъ только тогда, когда они стали воевать противъ испанцевъ на сушѣ и на морѣ при осадѣ Слюйса (стр. 254). Но и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, стремясь къ чрезвычайному и невозможному, онъ упустилъ изъ рукъ достижимое и возможное. Во-первыхъ, онъ пріобрѣлъ себѣ для войны съ Англіею страннаго союзника въ лицѣ капуцина, засѣдавшаго на папскомъ престолѣ подъ именемъ Сикста V. Изъ одного документа Симанкскаго архива, которымъ могъ воспользоваться только Лингардъ, такъ какъ этотъ архивъ былъ перевезенъ въ Парижъ лишь при Бонапарте, видно, что Филиппъ потребовалъ отъ папы Сикста V денежной помощи и возобновленія буллы противъ Елисаветы, обѣщая за это помочь папѣ возстановить свое господство въ Англіи. Сикстъ дѣйствительно сдѣлалъ англичанина Оллена кардиналомъ, хотя тотъ разъ уже отказался отъ этого сана, который предлагалъ ему еще Григорій XIII; Сикстъ сдѣлалъ это для того, чтобы назначить потомъ Оллена своимъ легатомъ въ Англіи. Папа обѣщалъ королю субсидію въ мильонъ кронъ, какъ скоро испанцы высадятся въ Англію.

Для этой высадки въ Испаніи и въ Нидерландахъ шли неслыханныя приготовленія, строились огромные, неуклюжіе корабли, такъ что расходы на это предпріятіе совершенно истощили финансы Испаніи и помѣшали Александру Пармскому продолжать войну; въ случаѣ же неудачи колоссальнаго предпріятія Филиппа противъ Англіи, все государство его подвергалось опасности. Въ 1588 году Александръ Пармскій долженъ былъ покинуть всѣ предпріятія въ Нидерландахъ и быть наготовѣ высадиться въ Англію съ 30,000 человѣкъ пѣхоты и 1,800 конницы, оставивъ въ Нидерландахъ только 11,000 человѣкъ подъ начальствомъ графа Мансфельда. Флотъ, вооруженный противъ Англіи, строился пять лѣтъ и состоялъ изъ кораблей такой громадной величины, что подобныхъ не было въ цѣломъ свѣтѣ. Но именно величина ихъ дѣлала ихъ неуклюжими, и

можно было заранѣе предвидѣть, что для нихъ не найдется гаваней ни въ Нидерландахъ, ни на сѣверномъ берегу Франціи, и что мели погубятъ ихъ вѣрнѣе, чѣмъ непріятель. Число большихъ военныхъ кораблей этого флота простиралось, говорятъ, до 135. На нихъ было 19,000 человѣкъ экипажа. Кромѣ того, всѣ рѣки и каналы Нидерландовъ были покрыты шлюпками, на которыхъ предполагалось перевезти въ Англію армію Александра Пармскаго.

Въ сооруженіи флота принималъ дѣятельное участіе маркизъ де Санта Крусъ, посѣдѣвшій въ морской службѣ и прославившійся при завоеваніи Португаліи (стр. 200 и стр. 201); но, къ несчастію Филиппа, этотъ опытный и смѣлый морякъ умеръ незадолго до начала войны, и начальство надъ флотомъ перешло къ герцогу Медина Сидоніи, который уже нѣсколько разъ доказалъ свою неспособность и терпѣлъ постоянныя неудачи.

Внимательно разсматривая приготовленія королевы Елисаветы къ войнѣ съ Филиппомъ, мы видимъ, что ее скорѣе спасло стеченіе обстоятельствъ и нелѣпость испанскихъ дѣйствій, чѣмъ принятыя ею мѣры и благоразуміе обороны. Англійское правительство не приготовило во-время регулярнаго войска, съ которымъ предполагалось выслать лорда Гонсдона противъ испанцевъ; притомъ Лейстеръ, назначенный главнокомандующимъ милиціей, конечно, не могъ тягаться съ Александромъ Пармскимъ. Но, благодаря собственно судьбѣ, испанцамъ совсѣмъ и не пришлось высаживаться въ Англію, и главныя силы баснословной армады Филиппа были уничтожены еще до сраженія, бурями и свойствомъ береговъ. Флотъ, собранный тогда въ Англіи и ввѣренный великому адмиралу лорду Говарду Эффингему, дешево пріобрѣлъ господство на морѣ; сила его доказываетъ, до какихъ невѣроятныхъ размѣровъ развились торговля и морская сила Англіи со времени нидерландской войны. Королевскій флотъ состоялъ изъ 34 военныхъ кораблей, въ томъ числѣ пять огромныхъ въ 800 и 1,100 тоннъ; кромѣ того, городъ

Лондонъ выставилъ 33, а частныя лица 18 кораблей; наконецъ, было 34 наемныхъ корабля и 53 береговыхъ судна. Хотя главнокомандующій флотомъ и лорды, раздѣлявшіе съ нимъ начальство, не имѣли опытности въ морскомъ дѣлѣ, но за то помощниками у нихъ были извѣстные всей Европѣ мореплаватели: Дрекъ, Гаукинсъ и Фробишеръ; изъ нихъ Френсисъ Дрекъ былъ первымъ помощникомъ главнокомандующаго. Кромѣ того, нидерландцы обѣщали запереть Шельду и выслали въ подмогу англійскому флоту двадцать кораблей. Но лучшими союзниками англичанъ были все-таки упрямство Филиппа и его страсть самому во все вмѣшиваться.

Филиппъ слишкомъ торопился отъѣздомъ своего флота. Мая 19 флотъ вышелъ изъ Тахо въ море, но черезъ три дня у мыса Финистерре его настигла страшная буря и разнесла по всему берегу Галиціи. Нѣсколько галеръ потонули, и всѣ корабли потерпѣли такія поврежденія, что флотъ былъ принужденъ зайти въ гавань Ла-Корунья, гдѣ три недѣли чинился. Когда онъ снова выступилъ въ море, англійскій адмиралъ съ своимъ флотомъ встрѣтилъ его въ Бискайскомъ заливѣ; но тотъ же вѣтеръ, который гналъ испанскій флотъ попутно въ каналъ, принудилъ англичанъ вернуться въ Плимутъ. Здѣсь въ виду англійскаго флота показался вскорѣ и испанскій, и тогда явно обнаружилось, какъ пагубно вліялъ деспотизмъ Филиппа на распоряженія его первыхъ сановниковъ, тогда какъ отношенія англійскихъ чиновниковъ къ правительству были совершенно иныя. Англійская королева, которую упрекаютъ въ излишней бережливости (рѣдкой добродѣтели у государей), получивъ ложное извѣстіе, что флотъ Филиппа погибъ около сѣверныхъ береговъ Испаніи, немедленно приказала разснастить три самыхъ большихъ корабля и распустить ихъ экипажи; но ея адмиралъ рѣшился не исполнить этого приказа. Адмиралъ Филиппа, напротивъ того, не смѣлъ ни на волосъ отступить отъ письменныхъ инструкцій короля, хотя всѣ опытные начальники совѣтовали ему нарушить ихъ. Когда флотъ подошелъ къ Плимуту, они уговари-

вали его воспользоваться вѣтромъ и непогодою, чтобы аттаковать англійскій флотъ, стоявшій на якорѣ. Но онъ не рѣшился послѣдовать ихъ совѣту, потому что король запретилъ ему вступать въ сраженіе, пока испанская армія не будетъ благополучно перевезена изъ Нидерландовъ въ Англію. Такимъ образомъ англичане имѣли время обдумать, какъ подступиться къ огромнымъ кораблямъ армады, противъ которыхъ они не могли выдерживать линейнаго боя съ своими мелкими судами; испанцы, избѣгая сраженія, сами дали имъ возможность нападать на нихъ въ разсыпную.

Съ 20 до 27 іюля 1588 англичане отдѣльными кораблями и небольшими эскадрами нападали на испанскіе корабли порознь, и испанскій флотъ, безпрестанно терпя небольшія неудачи, только 27 могъ войти въ гавань Кале. Черезъ три дня половина войска герцога Пармскаго сѣла на суда въ Ньюпортѣ, а другая половина должна была сѣсть въ Дюнкирхенѣ, какъ вдругъ англійскіе брандеры навели на армаду такой ужасъ, что корабли ея стали поспѣшно сниматься съ якорей, причемъ сталкивались между собою. Вслѣдъ за тѣмъ буря пагнала корабли на отмели опасныхъ береговъ Фландріи и разсѣяла ихъ отъ Остенде до Кале. Послѣ схватки, не совсѣмъ неблагопріятной для испанцевъ, 30 и 31 іюля они такъ пострадали отъ бури и волненія, что флотъ ихъ, еще не рѣшавшійся вступить въ генеральное сраженіе, потерялъ, вслѣдствіе стычекъ, бурь и другихъ морскихъ невзгодъ, 15 кораблей изъ 135; уцѣлѣвшіе оказались по возвращеніи въ Кале также сильно поврежденными. Въ Кале испанцы держали военный совѣтъ, и неспособный испанскій адмиралъ съ радостью согласился съ мнѣніемъ, что высадку въ Англію нельзя произвести и что неудобно возвращаться домой каналомъ. Поэтому совѣтъ рѣшилъ вести весь флотъ, который не сдѣлалъ рѣшительно ничего, обратно въ Испанію и во избѣжаніе опасныхъ береговъ идти не прямой дорогой, а объѣздомъ вокругъ Шотландіи, чтобы имѣть возможность держаться въ открытомъ морѣ.

Англійскій флотъ не преслѣдовалъ испанскаго, потому что не былъ достаточно снабженъ огнестрѣльными припасами; но испанскій флотъ лучше всякаго непріятеля погубили подъ такой высокой широтой бури и непогода въ морѣ, неизвѣстномъ испанцамъ и усѣянномъ безчисленнымъ множествомъ острововъ, которые принуждали ихъ или все далѣе удаляться на сѣверъ, или рисковать каждую минуту потерпѣть крушеніе у береговъ. Скоро берега Шотландіи, Ирландіи и острововъ покрылись обломками испанскихъ кораблей. Герцогъ Медина Сидонія, прибывъ въ гавань Св. Андрея, гдѣ кончилось это плаваніе, возвѣстилъ, что потерялъ 30 самыхъ большихъ кораблей и 10,000 человѣкъ. Филиппъ и здѣсь остался вѣренъ характеру, который отличалъ какъ его лично, такъ и вообще испанскую націю: Получивъ извѣстіе о гибели своей армады, Филиппъ произнесъ высокомѣрныя слова въ чисто испанскомъ духѣ. Слова эти доказываютъ, что онъ не обращалъ вниманія на неспособность грандовъ, служившихъ его произволу, и не заботился о гибели тысячъ своихъ подданныхъ изъ-за своего высокомѣрія и упорства. Онъ уже простилъ однажды своему неспособному адмиралу пораженіе, нанесенное ему турками на африканскомъ берегу; затѣмъ онъ снисходительно извинилъ его, когда Медина-Сидонія, посланный однажды въ Нидерланды, возвратился ранѣе, чѣмъ слѣдовало, ничего не сдѣлавъ. Такъ и теперь, гонцу, присланному адмираломъ съ извѣстіемъ объ участи армады, король отвѣчалъ холодно и совершенно спокойно: «Благодарю Бога, что онъ даровалъ мнѣ столько средствъ, что и столь великую потерю я могу перенести безъ большаго труда. Вѣтвь отрублена; но дерево живетъ и цвѣтетъ и въ состояніи возрастить новыя вѣтви.» Другіе говорятъ, будто Филиппъ сказалъ, что флотъ его былъ посланъ противъ людей, а не противъ бурь и непогодъ и что потому должно покориться Промыслу.

Предпріятіе Филиппа противъ Англіи доставило нидерландцамъ ту выгоду, что въ теченіе 1588 они могли упрочить свои республиканскія учрежденія, сдѣлать значительныя приготовленія

и продолжать борьбу, которую герцогъ Пармскій не могъ энергически вести въ большихъ размѣрахъ; въ этотъ годъ они были равносильны испанцамъ, потому что ни тогда, ни въ оба слѣдующіе года Филиппъ не могъ посылать своему намѣстнику ни денегъ, ни войскъ. Герцогъ Пармскій и графъ Мансфельдъ, заступавшій его мѣсто во время его болѣзни и поѣздокъ въ Испанію, были принуждены ограничиваться осадою нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ городовъ; другими словами, имъ приходилось вести войну такого рода, въ которой принцъ Морицъ и его помощники сами были очень искусны. Изъ генераловъ Морица особенно отличался Шенкъ. Онъ выстроилъ фортъ, до сихъ поръ носящій его имя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Рейнъ вступаетъ въ Голландію и гдѣ начинается Вааль, близъ Нимвегена и у границъ Гельдерна, и оттуда постоянно тревожилъ испанцевъ. Отдѣлавшись отъ предполагаемой высадки въ Англію, герцогъ Пармскій двинулся съ своей арміей на Бергенъ опъ Цомъ, противъ котораго былъ уже высланъ графъ Мансфельдъ. Здѣсь военная хитрость принца Морица нанесла ему значительный уронъ. Морицъ поручилъ нѣсколькимъ шотландцамъ, служившимъ въ гарнизонѣ Бергена опъ Цома, завязать съ испанцами мнимо-измѣнническіе переговоры и обѣщать предать имъ крѣпость, если они вышлютъ противъ нея 4,000 человѣкъ войска. Испанцы повѣрили и, приблизившись къ Бергену, увѣрились въ своей безопасности, когда 50 человѣкъ ихъ передовыхъ были пропущены въ городъ. Но вслѣдъ за тѣмъ опустились подъемныя ворота, и нидерландцы перебили не только первыхъ 50 человѣкъ, но и всѣхъ остальныхъ въ воротахъ и за ними. Тогда герцогъ счелъ благоразумнымъ отступить на границу.

Въ два слѣдующіе года герцогъ Пармскій и принцъ Морицъ обратили свое вниманіе на осаду крѣпостей. Осенью 1589 герцогъ воспользовался пребываніемъ въ Гертруйденбургѣ англійскаго гарнизона, не получавшаго исправно жалованья ни отъ своей королевы, ни отъ генеральныхъ штатовъ, чтобы купить у него эту крѣпость. Наемники сговорились съ герцогомъ

и впустили подступившій къ городу испанскій корпусъ, не смотря на усилія принца Морица, стоявшаго лагеремъ поблизости. За то въ февралѣ 1590 Морицъ овладѣлъ посредствомъ военной хитрости и, вѣроятно, отчасти при помощи измѣны важной крѣпостью Бреда. Этотъ важнѣйшій пограничный пунктъ между Брабантомъ и Голландіей былъ занятъ испанцами, и комендантомъ его былъ назначенъ итальянецъ Ланцавеккіа, одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ и опытныхъ генераловъ Александра. Но онъ былъ также комендантомъ Гертруйденбурга, потому что Александръ, уже страдая водяной, которая потомъ такъ рано свела его въ могилу, долженъ былъ болѣе полагаться на своихъ подчиненныхъ, чѣмъ слѣдовало, и къ неудовольствію нидерландцевъ оказывалъ излишнее предпочтеніе безсовѣстнымъ итальянцамъ. Такимъ образомъ Ланцавеккіи приходилось жить поочередно то въ Бреда, то въ Гертруйденбургѣ. Однажды Морицъ воспользовался его отсутствіемъ изъ Бреда, чтобы овладѣть хитростью сначала внѣшними воротами, а потомъ и всею крѣпостью, введя въ нее всѣ свои войска, стоявшія поблизости. Съ этою цѣлью онъ воспользовался услугой одного лодочника, снабжавшаго городъ торфомъ по рѣчкѣ Меркѣ. Лодочникъ этотъ спряталъ на своемъ суднѣ подъ досками, на которыхъ лежалъ торфъ, до 80 солдатъ. Такимъ образомъ онъ перевезъ ихъ въ городъ, гдѣ они заняли ворота. Будь старый Ланцавеккіа въ городѣ, предпріятіе это не удалось бы, потому что онъ всегда очень остерегался этого торфянаго судна. Но помощникъ его, исправлявшій его должность, впустилъ судно въ городъ, не осмотрѣвъ его, и потомъ поручилъ нѣсколькимъ солдатамъ разгрузить его. Солдатъ этихъ удалось отвлечь отъ работы и даже напоить пьяными; между тѣмъ спрятанные люди поспѣшно заняли одни изъ городскихъ воротъ. Гогенлоэ, стоявшій съ отрядомъ своимъ неподалеку, немедленно вошелъ въ городъ; за нимъ послѣдовалъ самъ Морицъ, и такимъ образомъ городъ съ цитаделью достался нидерландцамъ. Александръ казнилъ главныхъ офицеровъ гарнизона, утверждая, что имъ стоило

только опустить мостъ, чтобы держаться до прибытія подкрѣпленій. Мансфельдъ и Ланцавеккіа вскорѣ двинулись на Бреда; но Морицъ притворно обратился противъ Нимвегена, чѣмъ заставилъ ихъ направиться къ этому городу. По взятіи Бреда герцогъ не могъ предпринять противъ нидерландцевъ ничего важнаго, потому что былъ принужденъ обратить все свое вниманіе на Францію, гдѣ Филиппъ и лига оспаривали престолъ у Генриха IV.

14. Франція, Испанія и Нидерланды въ концѣ шестнадцатаго вѣка.

По умерщвленіи Генриха III войска Генриха Наваррскаго, осаждавшія Парижъ, немедленно провозгласили его королемъ Франціи. Но предводители католической части осаждающей арміи не рѣшались безусловно признать его. Они объявили короля наваррскаго законнымъ наслѣдникомъ Генриха III, но съ условіемъ, чтобы онъ клятвенно обязался сохранять въ государствѣ римско-католическо-апостольскую религію, самому принять ее, подчиниться рѣшенію собора и съ этою цѣлью созвать не позже шести мѣсяцевъ общій или, по крайней мѣрѣ, національный соборъ и строго наказать убійцъ Генриха III. Новый король, будучи не въ состояніи продолжать осаду Парижа, написалъ сначала всѣмъ высшимъ присутственнымъ мѣстамъ и парламенту, потомъ созвалъ чины къ октябрю въ Туръ и, наконецъ, послалъ въ разныя мѣста три отряда своей арміи, расположенной передъ Парижемъ. Одинъ отрядъ подъ предводительствомъ намѣстника Пикардіи, герцога де Лонгвиля, долженъ былъ идти противъ испанцевъ, грозившихъ вторгнуться въ Пикардію; второй, подъ начальствомъ герцога д'Омона, занять Шампань, а третій, подъ предводительствомъ самого короля, вступить въ Нормандію и ожидать тамъ англійскихъ вспомогательныхъ войскъ, обѣщанныхъ Елисаветою.

Къ счастію Генриха IV, во Франціи не было ни одного принца, который могъ бы съ какимъ-нибудь правомъ оспаривать у него престолъ. Старый кардиналъ де Бурбонъ все еще содержался подъ арестомъ (стр. 238); между братьями убитаго герцога де Гиза не было ни одного, который могъ бы тягаться съ такимъ національнымъ героемъ, какъ Генрихъ IV; юный сынъ Генриха де Гиза былъ заключенъ въ Турѣ; старшій братъ покойнаго герцога, герцогъ де Майенъ, былъ неспособенъ руководить партіей въ междоусобной войнѣ. Тѣмъ не менѣе, Генрихъ IV обращался къ нему съ блистательными предложеніями, лишь бы только онъ покинулъ лигу и примкнулъ къ нему. Но испанскій посланникъ помѣшалъ этому; Филиппъ II тратилъ деньги, которыхъ лишалъ герцога Пармскаго, на поддержаніе войны, раззорявшей Францію и не приносившей ни малѣйшей выгоды Испаніи. Лигисты выбрали королемъ арестованнаго кардинала де Бурбона, а намѣстникомъ его назначили герцога де Майена (августъ 1589).

Пока армія герцога де Майена собиралась въ Парижѣ, самъ онъ отправился въ Нидерланды переговорить съ герцогомъ Пармскимъ о совокупныхъ дѣйствіяхъ. Потомъ, въ концѣ августа, двинулся въ Нормандію, хвастая, что идетъ брать принца Беарнскаго въ плѣнъ. Къ счастію, онъ шелъ такъ медленно, что только въ половинѣ сентября настигъ короля Генриха. Этимъ онъ далъ Генриху время занять сильную позицію близъ Дьеппа и продолжалъ еще мѣшкать до 21 сентября. Наконецъ, онъ началъ штурмовать лагерь Генриха, и 21 сентября произошло кровавое сраженіе при Аркѣ, гдѣ Генрихъ выказалъ великія военныя способности и личную храбрость, которыя одни могли бы сдѣлать его идеаломъ такой исключительно воинственной націи, какъ французы, если бы даже не сопровождались другими качествами: прямодушіемъ, честностью, гасконскою веселостью и любезностью. Сраженіе при Аркѣ продолжалось цѣлый день; Майенъ долженъ былъ, наконецъ, прекратить его, хотя имѣлъ 25,000 человѣкъ противъ 8,000. Потомъ онъ пробылъ еще у

Діеппа, пока король не получилъ подкрѣпленія въ 5,000 англичанъ и вслѣдствіе этого могъ одержать надъ нимъ рѣшительный верхъ. Тогда Майенъ отступилъ въ Пикардію, гдѣ надѣялся соединиться съ Александромъ Фарнезе.

Армія короля Генриха усилилась по прибытіи къ ней волонтеровъ французскаго дворянства и его вассаловъ. Онъ надѣялся быстрымъ движеніемъ захватить Парижъ въ расплохъ. Ноября 1 онъ занялъ предмѣстья Парижа и даже часть самого города, но ожесточилъ гражданъ, дозволивъ своимъ войскамъ грабить дома, потому что не могъ заплатить имъ жалованья. Герцогъ де Майенъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, но не отважился аттаковать его. Генрихъ прошелъ мимо непріятельскаго лагеря, какъ бы вызывая на бой; но никто не покусился сдѣлать на него нападеніе. Онъ безпрепятственно отступилъ къ Туру. Всѣ города между Парижемъ и Туромъ признали его королемъ. Многія важныя лица, безусловно довѣрявшія прежде Испаніи, начали сомнѣваться въ безкорыстіи Филиппа. Только парижскій парламентъ продолжалъ упорствовать и даже подъ предсѣдательствомъ Бриссона издалъ эдиктъ, которымъ повелѣвалось провозгласить во всемъ государствѣ королемъ кардинала де Бурбона подъ именемъ Карла X, а герцога де Майена генеральнымъ намѣстникомъ его. Неспособность герцога и военные таланты Генриха, стоявшаго выше всѣхъ партій въ странѣ, совершенно разстроенной, обнаружились въ самомъ яркомъ свѣтѣ въ первые же мѣсяцы 1590. Генрихъ не только одержалъ надъ герцогомъ де Майеномъ рѣшительную побѣду, но восторжествовалъ даже въ походѣ противъ герцога Пармскаго, который считался первымъ полководцемъ своего времени. Турскій парламентъ Генриха уничтожалъ рѣшенія другихъ парламентовъ и противопоставилъ многоначалію лиги и двусмысленной политикѣ Филиппа единство цѣлей и интересовъ. Съ декабря 1589 Генрихъ былъ признанъ королемъ въ Менѣ и въ Нормандіи, а въ мартѣ 1590 снова двинулся на Парижъ.

Въ Парижѣ въ теченіе зимы герцогъ де Майенъ сформировалъ армію, которая превосходила королевскую не только внѣшнимъ блескомъ, но и вооруженіемъ и числомъ. 14 марта 1590 въ долинѣ Иври близь Дрё произошло сраженіе. Въ мемуарахъ говорится, будто Генрихъ не сдѣлалъ никакихъ приготовленій на случай отступленія и отвѣчалъ упрекавшимъ его за это, что единственнымъ путемъ отступленія его будетъ поле сраженія. Въ случаѣ потери битвы положеніе его было бы дѣйствительно отчаянное; онъ такъ нуждался въ деньгахъ, что не задолго до сраженія не могъ исполнить просьбы Шомберга заплатить жалованье нѣмецкимъ рейтарамъ. Снявъ шлемъ и возведя очи къ небу, Генрихъ произнесъ передъ началомъ битвы въ виду всего войска краткую молитву по обычаю протестантовъ, и когда въ отвѣтъ ему раздались восторженные клики войска, онъ въ краткихъ словахъ напомнилъ солдатамъ, что они французы, а онъ законный государь ихъ. «Если, — продолжалъ онъ, — въ пылу боя вы потеряете изъ виду свои знамена, то слѣдуйте за моимъ перомъ!» Съ этими словами онъ надѣлъ свой шлемъ съ высокимъ бѣлымъ перомъ и далъ знакъ начинать сраженіе. Католическая армія была вмигъ разсѣяна, и королевскія войска преслѣдовали ее до самой ночи. Генрихъ истребилъ всю пѣхоту Майена, который потерялъ кромѣ того до 1,000 чел. конницы и большую часть артиллеріи. Самъ онъ бѣжалъ почти безъ свиты въ Мантъ, около котораго король ночевалъ въ замкѣ Рони, принадлежавшемъ его другу, протестанту маркизу де Рони.

Герцогъ де Майенъ не рѣшился возвратиться въ Парижъ и отправился въ Сенъ-Дени, гдѣ къ нему собрались всѣ самые ярые враги протестантизма. Эти фанатическіе друзья духовенства и его злоупотребленій были: легатъ, посланникъ короля Филиппа, архіепископъ ліонскій, выкупившійся изъ-подъ ареста у королевскихъ вассаловъ, подъ стражу которыхъ былъ отданъ при умерщвленіи кардинала де Гиза (стр. 239), и сестра Гизовъ, герцогиня де Монпансье. Король Филиппъ не задолго до этого обнародовалъ пышный манифестъ, въ которомъ объ-

явилъ, что не положитъ оружія, пока не истребитъ всѣхъ еретиковъ и не соединитъ католическихъ государей, чтобы во главѣ ихъ идти противъ турокъ; поэтому уполномоченные его принуждены были обѣщать лигистамъ въ Сенъ-Дени помощь Испаніи. Между тѣмъ въ ожиданіи разрѣшенія короля на содѣйствіе имъ, потому что испанцы старались только продлить, а не окончить войну, начались всевозможныя козни, интриги и переговоры съ католиками партіи Генриха. Это долго вынуждало Генриха къ бездѣйствію. Наконецъ, въ маѣ 1590, когда король лиги, старый кардиналъ де Бурбонъ, умеръ, а на мѣсто его не нашлось никого, Генрихъ снова двинулся къ Парижу.

Приближеніе его навело на парижанъ ужасъ; чтобы ободрить вѣрующихъ, духовенство устроило позорную процессію, которую справедливо осмѣяли авторы Satyre Menippée (т. XII, стр. 463). Въ этой процессіи, происходившей 3 іюня 1590, принимали участіе всѣ священники, воспитанники, монахи всѣхъ орденовъ, кромѣ канониковъ св. Женевьевы и св. Виктора, бенедиктинцевъ и целестинцевъ, не хотѣвшихъ участвовать въ такой глупой церемоніи. Впереди шли: епископъ санлискій, Гильйомъ Розъ, и пріоръ картезіанцевъ, держа въ одной рукѣ распятіе, а въ другой аллебарду. За ними шли попарно монахи въ своихъ орденскихъ рясахъ; изъ нихъ одни были въ полномъ вооруженіи, а другіе въ панцыряхъ или въ шлемахъ; въ рукахъ у нихъ были шпаги, пики, сабли и ружья, которыми они дѣйствовали очень неловко. Во время шествія при постоянной ружейной пальбѣ распѣвали церковные гимны и псалмы. Папскій легатъ счелъ нужнымъ почтить своимъ присутствіемъ эту позорную церемонію. Казалось, всѣ скоро почувствовали неприличіе этой іерархическо-демагогической комедіи, потому что вслѣдъ затѣмъ знать, парламентъ, правительственныя лица и духовенство устроили другую, болѣе приличную процессію и собрались въ главную церковь Парижа для принесенія присяги въ томъ, что будутъ защищать городъ про-

тивъ Генриха до послѣдней крайности. Между тѣмъ Генрихъ уничтожилъ всѣ мельницы и совершенно прекратилъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, такъ что уже въ іюнѣ Парижъ былъ доведенъ до такой крайности, что испанскій король былъ принужденъ принять рѣшительныя мѣры для его выручки; вслѣдствіе этого герцогъ Пармскій былъ посланъ во Францію въ то самое время, когда присутствіе его было всего необходимѣе въ Нидерландахъ.

Герцогъ Пармскій, все страдавшій водяною, немедленно приступилъ къ приготовленіямъ къ походу, которыя доказывали, что онъ понимаетъ, что ему предстоитъ имѣть дѣло съ великимъ полководцемъ, умѣющимъ снисхожденіемъ и ласкою располагать къ себѣ своихъ солдатъ и подданныхъ. Герцогъ собралъ большую армію съ многочисленной артиллеріей и взялъ съ собою огромный запасъ огнестрѣльныхъ снарядовъ на тяжелыхъ телѣгахъ, которыя въ видѣ вагенбурга прикрывали армію на походѣ; кромѣ того каждый вечеръ лагерь защищался валомъ, а на пути всегда высылался впередъ авангардъ легкой кавалеріи. Притомъ онъ соблюдалъ въ арміи строгую дисциплину и, чтобы предупредить грабежъ, заранѣе озаботился запастись въ изобиліи съѣстными припасами. Этотъ почти неслыханный въ то время систематическій порядокъ, разумѣется, очень замедлялъ его движенія. Только 22 августа 1590 Александръ соединился при Мо съ десятитысячнымъ войскомъ Майена. Генрихъ IV надѣялся сраженіемъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія. Но герцогъ Пармскій былъ слишкомъ осторожный и опытный полководецъ, чтобы отважиться на сраженіе въ открытомъ полѣ съ королемъ, который рѣшился побѣдить или умереть. Хотя Генрихъ вызывалъ его на бой не только своей позиціей, но и прямо черезъ герольда, и не смотря на жалобы парижанъ, вопившихъ, что испанская армія медлитъ выручать ихъ, Александръ не трогался съ мѣста. Наконецъ, 5 сентября онъ выступилъ изъ своего лагеря, и Генрихъ, съ радостью ожидая битвы, поспѣшилъ ему на встрѣчу; но армія Александра вне-

запно скрылась изъ его глазъ при поворотѣ долины и двинулась на Ланьи, чтобы, овладѣвъ имъ, освободить судоходство на Марнѣ и дать возможность подвозить въ Парижъ припасы водою. Тщетно старался Генрихъ выручить Ланьи; городъ былъ взятъ непріятелемъ, и такимъ образомъ король лишился всѣхъ выгодъ долговременной блокады Парижа. Онъ снялъ ее, предварительно еще разъ попробовавъ взять городъ приступомъ, но былъ отбитъ. Вообще говорятъ, будто онъ могъ бы успѣшнѣе вести осаду, если бы ему не мѣшали принцы и вельможи, служившіе ему съ своими вассалами по старинѣ даромъ, и если бы онъ болѣе занимался военными дѣйствіями, чѣмъ посѣщеніями хорошенькой абатиссы Монмартрской.

Отступивъ отъ Парижа, Генрихъ раздѣлилъ свое войско на нѣсколько отрядовъ и прежде всего отпустилъ вассаловъ, служившихъ волонтерами, потому что испанцы стали также поспѣшно отступать. Онъ послалъ нѣсколько отрядовъ по провинціямъ, оставивъ при себѣ небольшой корпусъ, чтобы наблюдать за непріятелемъ и тревожить его. Ему благопріятствовали анархія, господствовавшая въ Парижѣ, и намѣреніе герцога Пармскаго утвердиться во Франціи согласно повелѣнію короля Филиппа, возбудившее недовѣріе всѣхъ партій и ихъ предводителей. Герцогъ Пармскій почувствовалъ признаки этого недовѣрія, когда вздумалъ устроить въ Корбейлѣ въ нѣсколькихъ часахъ отъ Парижа прочную точку опоры для своей арміи, предвидя, что ему придется вскорѣ возвращаться во Францію. Но при этомъ онъ встрѣтилъ такое недоброжелательство и столько препятствій, что въ началѣ ноября совершенно отказался отъ своего плана и двинулся въ обратный путь во Фландрію. Король Генрихъ былъ занятъ въ сентябрѣ и октябрѣ покореніемъ городовъ, которые еще не признали его; при отступленіи испанцевъ онъ послѣдовалъ съ своей арміей за ними, стараясь всячески тревожить ихъ, и проводилъ ихъ за предѣлы Франціи.

Въ это время умеръ папа Сикстъ V, и его кардиналъ-легатъ отправился изъ Парижа въ Римъ присутствовать при вы-

борахъ новаго папы; вмѣсто себя онъ оставилъ Филиппа де Сега, кардинала Піаченцскаго, который, подобно ему самому, находился въ полной зависимости отъ Испаніи. Папою былъ избранъ Урбанъ VII, а по смерти его, послѣдовавшей черезъ тринадцать дней по избраніи, Григорій XIV. Папа и его легатъ во Франціи поссорились съ парламентомъ, на который партія ихъ только и могла разсчитывать. Причиною ссоры были права галликанской церкви, защищаемыя парламентомъ. Въ то же время всюду поднялись честолюбивыя личности, желавшія достигнуть независимости. Стремленія ихъ поддерживались испанцами, которые между тѣмъ такъ обезсилѣли въ Нидерландахъ, что принцъ Морицъ бралъ одинъ за другимъ потерянные прежде города.

Герцогъ де Меркёръ изъ лотарингскаго дома, получившій отъ Генриха III намѣстничество Бретани, хотѣлъ воспользоваться анархіей, чтобы сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ этого герцогства, и предъявилъ права свои на него по супружеству своему съ Маріей Люксанбургской, наслѣдницей правъ дома Пантьевръ. Испанцы подали ему помощь, а король Генрихъ былъ принужденъ пригласить англичанъ; французскія владѣнія безъ пощады опустошались англичанами и испанцами. Въ то же время сынъ принца Лудовика де Конде, архіепископъ и кардиналъ, составилъ особую партію, желая овладѣть правами дяди своего, кардинала де Бурбона. Въ довершеніе безпорядка молодой герцогъ де Гизъ убѣжалъ изъ своего заключенія и старался также организовать партію. Каждый намѣстникъ въ провинціи распоряжался, какъ независимый владѣтель; порядокъ прекратился всюду, и вездѣ господствовала только сила. Когда въ 1591 Генрихъ попытался хитростью овладѣть Парижемъ, въ столицу снова приняли испанскій гарнизонъ. Переодѣвъ своихъ офицеровъ и солдатъ мельниками и погонщиками муловъ, Генрихъ хотѣлъ ввести ихъ въ городъ; остряки прозвали потомъ эту попытку мучной битвой (la journée des farines). Затѣмъ король взялъ

Шартръ и, хотя овладѣлъ имъ силою, но предоставилъ жителямъ весьма снисходительныя условія.

Папа мало вредилъ королю Генриху и даже своими властолюбивыми стремленіями доставилъ ему много приверженцевъ между духовенствомъ, которое ревностно охраняло свободу галликанской церкви, и между юристами, постоянно возстававшими противъ ультрамонтанскихъ принциповъ. Генрихъ созвалъ духовенство въ Реймсъ и снова обѣщалъ принять наставленіе въ католицизмѣ; но въ это самое время легатъ Ландріано снова выказалъ свое упорство, издавъ буллу, въ которой повторялось надъ королемъ Генрихомъ отлученіе и предписывалось мірянамъ и духовенству покинуть его подъ страхомъ отлученія отъ церкви и лишенія приходовъ. Король издалъ на это эдиктъ, гдѣ повторялъ обѣщаніе принять наставленіе въ католицизмѣ и въ то же время очень жаловался, что враги его ежедневно подставляютъ ему новыя препятствія и тѣмъ самымъ мѣшаютъ его обращенію. Папа, — говорилъ онъ въ своемъ эдиктѣ, — слишкомъ поторопился, а нунцій поступилъ неосторожно. Кромѣ того, Генрихъ объявлялъ, что для поддержанія королевскаго значенія, для огражденія законовъ королевства и правъ галликанской церкви намѣренъ отдать свое дѣло на судъ парламентамъ и просить всѣхъ архіепископовъ, епископовъ и прелатовъ согласно церковнымъ постановленіямъ признать несправедливыми упреки легата Ландріано. Парламенты турскій и шалонскій формально протестовали (appellèrent comme d'abus) противъ буллъ нунція; они объявили ихъ неприличными (scandaleuses), подложными (impostures) и клонящимися къ возбужденію волненія и приговорили ихъ къ сожженію рукою палача. Они потребовали къ отвѣту и самого нунція, а такъ какъ онъ, конечно, не явился, то издали даже приказаніе арестовать его. Указами парламента всѣ священники, принявшіе и обнародовавшіе буллы легата, объявлялись государственными преступниками и лишались приходовъ. Католическое духовенство, признававшее Генриха королемъ, также возстало противъ необдуманнаго поступка легата;

оно объявило, что по формѣ и по сущности своей отлученіе, обнародованное имъ, незаконно, вызвано происками враговъ Франціи и потому не можетъ быть обязательно ни для епископовъ, ни для другихъ католиковъ, приверженныхъ королю. Разумѣется, епископы и прелаты лиги и парижскій парламентъ издали, съ своей стороны, совершенно противоположныя предписанія и осудили на сожженіе рукою палача распоряженія противной партіи. Такимъ образомъ французы воевали между собою и декретами, и оружіемъ.

Между тѣмъ король просилъ помощи у протестантскихъ князей Германіи и съ этою цѣлью послалъ къ нимъ Генриха де Ла-Туръ д'Овернь виконта де Тюреня. Виконта продержали въ Германіи очень долго, но, наконецъ, все-таки помогли ему собрать 5 или 6,000 рейтаровъ и до 11,000 пѣхоты. Въ награду за эту услугу Генрихъ женилъ его на наслѣдницѣ герцога де Бульона, чѣмъ въ то же время достигъ другой цѣли. Тюрень, обладая обширными владѣніями въ Перигорѣ, Керси и Лимузенѣ и располагая множествомъ вассаловъ, былъ почти независимымъ государемъ; теперь, вслѣдствіе своего брака, онъ долженъ былъ оставить владѣнія своихъ предковъ и, переселясь въ сосѣдство лотарингскаго дома, могъ оказать Генриху съ этой стороны много услугъ, вступая въ непосредственныя сношенія съ нѣмцами и владѣя крѣпостью Седаномъ, которая еще въ XVII вѣкѣ считалась неприступною. Еще до прибытія во Францію нѣмецкихъ войскъ, Генрихъ, не смотря на превосходство силъ неспособнаго Майена, взялъ сначала Шартръ, а потомъ на глазахъ у непріятеля Нойонъ. Получивъ въ сентябрѣ 1591 извѣстіе, что нѣмецкія войска приближаются къ границѣ, онъ размѣстилъ свою пѣхоту по крѣпостямъ Пикардіи, а самъ съ конницею пошелъ на встрѣчу нѣмцамъ. Соотечественники справедливо считали Генриха образцомъ француза и идеаломъ христіанскаго, простаго, добраго правителя. Но положеніе его въ это время было до того затруднительно, что онъ съ величайшими усиліями могъ удовлетворить алчности нѣмецкихъ на-

емниковъ и ихъ вѣнценосныхъ предводителей. Для этого послѣ свадьбы Тюреня ему пришлось занять у новобрачной всѣ ея драгоцѣнности, чтобы удовлетворить нѣмцевъ, недовольныхъ тѣмъ, что обѣщанныя деньги были неприготовлены имъ. Однако, по прибытіи ихъ фанатическіе враги короля должны были снова обратиться за помощью къ Александру Пармскому, не имѣя иначе возможности держаться противъ значительныхъ силъ короля; между собою они не ладили, и герцогъ де Майенъ былъ въ открытой враждѣ съ молодымъ герцогомъ де Гизомъ, который составилъ себѣ особую партію.

Мятежные Нидерланды и предводитель ихъ, принцъ Морицъ, воспользовались всѣмъ этимъ. Въ 1590 Морицъ извлекъ важныя выгоды изъ отсутствія герцога Пармскаго и при помощи англичанъ дѣлалъ набѣги на Брабантъ и на Фландрію. На слѣдующій годъ недостатокъ у испанцевъ денегъ и болѣзнь герцога доставили ему возможность предпринять болѣе важное. Въ маѣ и іюнѣ Морицъ завоевалъ Девентеръ и Зютфенъ и, занявъ Девентеръ, соединилъ графство Зютфенъ съ семью провинціями послѣ продолжительнаго отторженія. Послѣ того онъ обратился противъ Нимвегена. Герцогъ Пармскій поспѣшилъ съ своей арміей на выручку этой важной крѣпости; произошло сраженіе, въ которомъ Морицъ одержалъ побѣду, тѣмъ болѣе славную, что при этомъ случаѣ онъ перехитрилъ самаго опытнаго и осторожнаго полководца Европы. Александръ, вопреки своей обычной осторожности, выдвинулъ конницу; Морицъ увлекъ ее притворнымъ бѣгствомъ къ мосту, гдѣ тѣснота пути была выгодна его солдатамъ, такъ что непріятель потерпѣлъ сильный уронъ и потерялъ много лучшихъ офицеровъ. Въ концѣ 1591, когда можно было опасаться, что люди и деньги, растрачиваемые испанцами на поддержку безпокойствъ во Франціи, будутъ израсходованы напрасно, Александръ получилъ отъ Филиппа положительный приказъ вести въ Нидерландахъ только оборонительную войну и собрать новую армію для похода во Францію. Пока приказаніе это приводилось въ исполненіе, Александръ

поѣхалъ на воды въ Спа, и Морицъ воспользовался его отсутствіемъ, чтобы отнять у испанцевъ еще нѣсколько мѣстъ. Онъ утвердился въ той части Фландріи, которая называется Вэзъ и послѣ непродолжительной осады завоевалъ Гульстъ. Потомъ, наведя черезъ Вааль мостъ, онъ обратился къ Нимвегену. Гарнизонъ этой крѣпости былъ не великъ, а гражданамъ надоѣло испанское владычество, такъ что Нимвегенъ скоро палъ во власть принца. Затѣмъ Морицъ могъ возвратиться въ Гагу, гдѣ былъ встрѣченъ громкими выраженіями радости, какъ спаситель республики семи соединенныхъ провинцій. Въ 1592 онъ продолжалъ начатое въ прошломъ году, такъ какъ герцогъ Пармскій вторично отправился во Францію.

Больной герцогъ Пармскій шелъ во Францію очень неохотно; потому что партія, на помощь которой его посылали, перессорилась между собою. Парижскій парламентъ негодовалъ на своего президента Бриссона и на нѣкоторыхъ совѣтниковъ; герцогъ де Майенъ, стоявшій съ войскомъ въ окрестностяхъ Суасона, утратилъ всякое вліяніе; даже испанская партія распалась. Ближайшей цѣлью Александра Пармскаго въ походѣ его во Францію было освобожденіе Руана, сильно стѣсненнаго Генрихомъ. Руанъ былъ до сихъ поръ самымъ крѣпкимъ оплотомъ лиги, къ которой принадлежала большая часть его гражданъ. Гарнизономъ командовалъ отличный генералъ, Вильяръ де Бранкà; онъ привелъ въ отличное состояніе городскія укрѣпленія и организовалъ на Сенѣ многочисленный флотъ изъ шлюпокъ подъ начальствомъ хорошаго моряка. Руанскій парламентъ, столь же фанатическій, какъ и парижскій, всячески поддерживалъ мѣры коменданта. По его приказанію граждане должны были принести вторичную присягу лигѣ, и имъ было запрещено подъ страхомъ смертной казни вступать въ какія бы то ни было сношенія съ Генрихомъ Наваррскимъ. Хотя необходимые жизненные припасы были заготовлены, но уже къ концу декабря 1591 въ Руанѣ оказался въ нихъ такой недостатокъ, что прибытія герцога Пармскаго ожидали съ нетерпѣніемъ. Герцогъ шелъ очень

медленно. Онъ былъ недоволенъ планомъ своего короля, который затѣялъ созвать чины Франціи, чтобы избрать королевой дочь его Клару-Евгенію, невѣсту австрійскаго эрцгерцога Эрнста. Въ этомъ планѣ герцогъ Пармскій видѣлъ нелѣпую затѣю испанскихъ агентовъ, обманывавшихъ короля; но онъ не смѣлъ высказывать своего мнѣнія, хотя дѣйствовалъ заодно съ Майеномъ, очень хорошо знавшимъ обо всемъ, что дѣлалось у него за спиною. Проектъ испанскаго короля возбудилъ взаимное недовѣріе между главнокомандующими и взаимную ненависть между французами и испанцами. Это было главнѣйшею причиною плохаго результата похода, предпринятаго еще въ концѣ октября 1591 Александромъ Пармскимъ, который, соединясь съ Майеномъ, вступилъ въ Нормандію только въ концѣ слѣдующаго мѣсяца. Между тѣмъ Руанъ сильно терпѣлъ отъ недостатка продовольствія и отъ непріятеля, такъ какъ армія Генриха получила въ подкрѣпленіе 3,500 англичанъ и 3,000 голландцевъ. Генрихъ пошелъ съ однимъ корпусомъ на встрѣчу соединеннымъ силамъ Александра и Майена; встрѣтивъ ихъ при Омалѣ, онъ увлекся рыцарскимъ пыломъ и съ запальчивостью гусарскаго ротмистра неосторожно бросился съ однимъ эскадрономъ на непріятельскій авангардъ. Въ этомъ кавалерійскомъ дѣлѣ король получилъ рану и могъ бы совершенно погибнуть, если бы Александръ по излишней осторожности не пропустилъ случая воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ.

Между тѣмъ руанскій комендантъ нанесъ осаждающимъ важный уронъ въ одной вылазкѣ, при чемъ пріобрѣлъ для города съѣстныхъ запасовъ. Поэтому Александръ ввелъ въ городъ всего 800 человѣкъ конницы и немедля вернулся въ Пикардію. Однако, въ апрѣлѣ Вильяръ снова призвалъ его, увѣдомивъ, что если къ 21 апрѣлю онъ не подойдетъ къ городу, то Руану придется сдаться на капитуляцію. Двадцатаго числа Александръ явился передъ Руаномъ. Генрихъ снялъ осаду, потому что долженъ былъ ждать возвращенія дворянства, добровольно несшаго службу и разсѣяннаго по своимъ леннымъ владѣніямъ. Александръ тор-

жественно вступилъ въ Руанъ. Здѣсь ему сказали, что для безопасности Руана необходимо занять само по себѣ незначительное мѣстечко Кодбекъ. Герцогъ началъ осаду этого мѣстечка, и имя Кодбекъ сдѣлалось историческимъ, потому что два великіе полководца развернули здѣсь другъ противъ друга всѣ свои военные таланты. При осадѣ его Александръ былъ раненъ, но вскорѣ взялъ городо́къ. Вслѣдъ затѣмъ онъ сдѣлалъ неосторожность, которою Генрихъ не замедлилъ воспользоваться и поставилъ Александра въ весьма затруднительное положеніе. Во время болѣзни Александра, Генрихъ заперъ его на полуостровѣ Со, омываемомъ съ трехъ сторонъ Сеною, на которомъ расположенъ городъ Кодбекъ. Положеніе герцога было тѣмъ болѣе затруднительно, что армія Генриха была подкрѣплена возвратившимися вассалами и занимала неприступное положеніе въ укрѣпленномъ лагерѣ. Однако, онъ выпутался изъ этого затрудненія хитростью. Принявъ всѣ нужныя мѣры для переправы черезъ Сену, онъ послалъ часть своего войска на ложную аттаку противъ лагеря Генриха, пока непріятель былъ такимъ образомъ занятъ, воспользовался густымъ туманомъ и, къ удивленію и посрамленію французовъ, переправилъ всю свою армію черезъ Сену съ артиллеріей и обозомъ (16 мая). Непріятель преслѣдовалъ его въ превосходныхъ силахъ; но герцогъ шелъ быстрѣе, имѣя преимущество во времени на нѣсколько переходовъ. Онъ прошелъ мимо Парижа, чтобы предохранить столицу отъ безчинствъ своихъ солдатъ, снова переправился при Сенъ-Клу черезъ Сену и вернулся въ Нидерланды.

Въ Нидерландахъ принцъ Морицъ, пользуясь отсутствіемъ герцога, завоевалъ двѣ важнѣйшія въ то время крѣпости, Стенвикъ и Кёворденъ. Болѣзнь Александра Пармскаго все усиливалась, и по возвращеніи изъ Франціи онъ убѣдительно просилъ объ отставкѣ, но не получилъ ея и умеръ въ декабрѣ 1592. На его мѣсто Филиппъ назначилъ эрцгерцога Эрнста Австрійскаго. До прибытія его Нидерландами управлялъ графъ Карлъ фонъ Мансфельдъ, но и онъ, какъ Александръ, былъ принуж-

денъ по приказанію Филиппа вести войско во Францію. Принцъ Морицъ пріобрѣлъ себѣ славу освобожденія всей республики семи провинцій отъ господства испанцевъ. Въ ихъ власти оставался еще, правда, Грёнингенъ; но этотъ городъ лежалъ такъ далеко отъ другихъ владѣній испанцевъ, что долженъ былъ вскорѣ отпасть отъ нихъ, и Морицъ сталъ твердой ногой по всему лѣвому берегу Мааса и Шельды, овладѣвъ отъ имени генеральныхъ штатовъ фландрскими городами Остенде, Акселемъ и Гульстомъ и брабантскими — Бреда и Бергеномъ опъ Цомъ.

Отступленіе герцога Пармскаго изъ Франціи, его болѣзнь и смерть принесли королю Генриху больше пользы, чѣмъ могла бы принести побѣда на полѣ сраженія; мало-по-малу французы начали проникать намѣренія Филиппа, и Майенъ нашелъ болѣе благоразумнымъ отстранить опасность, грозившую ему со стороны молодаго герцога де Гиза, сближеніемъ съ Генрихомъ IV. Переговоры между Майеномъ и Генрихомъ велъ со стороны короля дю Плесси Морне, мемуары котораго служатъ хорошимъ источникомъ для тогдашней исторіи Франціи и Нидерландовъ. Разумѣется, переговоры эти не привели ни къ чему; за то Генриху совершенно неожиданно удалось сойтись съ папою, который въ началѣ казался его злѣйшимъ врагомъ и достигъ престола благодаря Испаніи.

Сикстъ V и оба преемника его, Урбанъ VII и Григорій XIV, покровительствовали лигѣ и планамъ Филиппа относительно Франціи; въ октябрѣ 1591, по смерти Григорія, по испанскому вліянію папою былъ избранъ семидесяти-трехлѣтній старикъ, принявшій имя Иннокентія IX. Онъ началъ свое правленіе тѣмъ, что обѣщалъ лигѣ 50,000 скуди ежемѣсячно и побуждалъ герцога Пармскаго жертвовать собою для пользы Филиппа. Онъ умеръ, однако, еще въ томъ же году, и 30 января 1592 на его мѣсто былъ избранъ кардиналъ Альдобрандини, назвавшійся Климентомъ VIII. Это былъ человѣкъ замѣчательный какъ образомъ жизни, такъ и умомъ, ученостью и дѣятельностью; сначала онъ пошелъ, правда, отно-

сительно французскихъ дѣлъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ; но какъ хорошій дипломатъ, увидалъ, что надо послѣдовать совѣту французскаго духовенства и мірянъ, говорившихъ ему, чтобы онъ постарался привлечь къ своей церкви Генриха IV, потому что это лучшій способъ обратить къ католицизму не только короля, но и его принцевъ, графовъ и бароновъ. Однако, первая мѣра его была направлена въ противномъ духѣ: онъ прямо объявилъ, что Генрихъ IV не можетъ быть королемъ Франціи и обѣщалъ лигѣ субсидію, а французскимъ католикамъ приказалъ избрать другаго короля, помимо короля наваррскаго. Это вызвало во Франціи сильное неудовольствіе. Католическая часть приверженцевъ короля Генриха, въ томъ числѣ многіе епископы, позволили себѣ даже нѣкоторыя угрозы противъ папы. Его особенно упрекали за то, что онъ не цѣнитъ намѣренія Генриха обратиться въ католицизмъ и поддерживаетъ испанскую политику, которая хочетъ, пользуясь несчастнымъ положеніемъ Франціи, возвести на французскій престолъ какого-нибудь родственника испанскаго короля или даже просто какого-нибудь кліента его въ родѣ герцога де Майена или герцога де Гиза. Мы уже знаемъ, что Филиппъ задумалъ доставить французское королевство эрцгерцогу Эрнсту, женивъ его на своей дочери, Изабеллѣ-Кларѣ-Евгеніи. Для этой цѣли, по требованію испанскаго посланника и по желанію папскаго легата, Филиппа Сеги, который игралъ роль во всѣхъ скандалахъ лиги, герцогъ де Майенъ созвалъ къ январю 1593 общее собраніе чиновъ въ Парижѣ. Въ заключеніе эдикта, которымъ созывались чины, Майенъ положительно выражалъ желаніе, чтобы въ собраніи приняли участіе и католики партіи Генриха. По совѣту опытныхъ людей Генрихъ позволилъ принцамъ, прелатамъ, баронамъ и вельможамъ своей партіи присутствовать въ этомъ собраніи; но предварительно онъ торжественно протестовалъ противъ права герцога де Майена собирать чины и противъ всѣхъ будущихъ пристрастныхъ рѣшеній этого собранія.

Переговоры этихъ чиновъ, педантическія рѣчи депутатовъ и ихъ протесты и возраженія на протесты послужили богатымъ матеріаломъ для язвительныхъ шутокъ авторамъ Satyre Ménippée. Только къ концу апрѣля было рѣшено назначить конференцію съ королевскими приверженцами, и то не въ Парижѣ, куда ихъ не пускали, а въ деревнѣ Сюренъ, часа за два пути отъ Парижа. Когда въ концѣ апрѣля эта конференція открылась, испанскій посланникъ, герцогъ де Феріа, успѣлъ уже оскорбить въ парижскомъ собраніи своею испанскою надменностью не только многихъ французовъ, но и самаго смѣшнаго изъ фанатиковъ, кардинала де Пелева. Конференція продолжалась до 16 мая безъ всякихъ результатовъ, такъ какъ архіепископъ ліонскій, говорившій отъ имени лигистовъ, все настаивалъ на избраніи новаго католическаго короля, а сторонники Генриха защищали его право на престолъ. Наконецъ, 16 мая архіепископъ ліонскій снова потребовалъ католическаго короля, и тогда архіепископъ буржскій прочелъ вслухъ письменное объясненіе Генриха, гдѣ онъ говорилъ, что намѣренъ возвратиться на лоно папской церкви и уже изучаетъ ея догматы. Далѣе говорилось, что для этой цѣли онъ пригласилъ къ себѣ лучшихъ богослововъ и проситъ епископовъ поддержать ихъ въ добромъ ихъ дѣлѣ. По прочтеніи этого объясненія архіепископъ буржскій предложилъ членамъ лиги условиться съ Генрихомъ на счетъ его перехода къ католической церкви съ тѣмъ, что если Генрихъ не обратится, то всѣ условія будутъ признаны недѣйствительными. Это привело депутатовъ лиги въ замѣшательство; они объявили, что имъ надо сначала посовѣтоваться съ парижанами и особенно съ легатомъ, но не хотѣли взять съ собою копіи съ королевскаго объясненія и съ предложенія архіепископа буржскаго. Однако, президентъ парламента, Жанъ ле Метръ, снялъ тайно копію и распространилъ ее въ нѣсколькихъ экземплярахъ по городу.

Испанцы все еще содержали въ Парижѣ гарнизонъ и имѣли тамъ трехъ посланниковъ; огромныя суммы, раздаваемыя Фи-

лишномъ самымъ глупымъ образомъ, поддерживали въ народѣ волненіе. Испанія платила и папскому легату, Филиппу Сегѣ. Этотъ легатъ осмѣлился даже отнестись презрительно къ условіямъ обращенія, предложеннымъ приверженцами Генриха. Онъ издалъ манифестъ (edictum), гдѣ называлъ Генриха еретикомъ, дважды отступившимъ отъ вѣры (hæreticus relapsus), дѣло котораго можетъ рѣшить одинъ папа, и въ то же время объявилъ недѣйствительнымъ все, что будетъ сдѣлано французскими прелатами въ этомъ отношеніи. По старанію Филиппа Сега и другихъ фанатиковъ со всѣхъ каѳедръ принялись кричать противъ возможности мира и проповѣдовать народу, что мнимое обращеніе Генриха есть не что иное, какъ обманъ, имѣющій цѣлью достигнуть престола, чтобы потомъ снова отречься отъ религіи. Римско-испанская партія трижды возобновляла предложеніе объявить наслѣдницей престола дочь Филиппа. Это привело французовъ, особенно Майена, въ негодованіе. Было сдѣлано указаніе на салическій законъ, исключающій женщинъ изъ престолонаслѣдія, и, наконецъ, парижскій парламентъ открыто возсталъ противъ папскихъ дѣйствій. Онъ издалъ 28 іюня 1593 знаменитый декретъ, которымъ президенту Ле Метру повелѣвалось отправиться въ сопровожденіи парламентскихъ совѣтниковъ къ герцогу де Майену, какъ къ главному намѣстнику государства, и въ собраніи принцевъ и дворянъ приказать ему, какъ главѣ государства, принять рѣшительныя мѣры, чтобы подъ предлогомъ религіи на французскій престолъ не возвели иностранной династіи и не заключили бы съ этою цѣлью какого-нибудь договора. Въ то же время парламентъ заранѣе объявилъ недѣйствительными всякіе противные этому переговоры и соглашенія. Выслушавъ все это, герцогъ прикинулся очень недовольнымъ и объявилъ, что считаетъ это рѣшеніе парламента нарушеніемъ его правъ и личнымъ ему оскорбленіемъ. Онъ грозилъ уничтожить рѣшеніе парламента, но твердость президента укротила его.

Іюня 9 король созвалъ къ себѣ множество католическихъ богослововъ, епископовъ и прелатовъ и, проведя нѣсколько дней въ бесѣдѣ съ ними, высказалъ рѣшительное намѣреніе отречься отъ протестантской религіи, хотя легатъ все еще старался воспрепятствовать примиренію его съ церковью. Легатъ сильно разгнѣвался на духовныхъ лицъ, бывшихъ до сихъ поръ во враждѣ съ королемъ, за то, что они сошлись съ нимъ; онъ завелъ даже уголовный процессъ противъ одного изъ нихъ, и тотъ избѣгъ послѣдствій его только поспѣшнымъ бѣгствомъ къ королю. Духовенство партіи Генриха, видя козни легата, Испаніи и герцога де Майена, изъявило готовность принять короля въ лоно церкви, если только онъ уладитъ дѣло съ папою. Стали дѣлать великолѣпныя приготовленія для торжественнаго возвращенія короля въ католичество, но не въ Парижѣ, такъ какъ онъ былъ во власти враговъ Генриха, а въ Сенъ-Дени. Легатъ протестовалъ противъ примиренія Генриха съ церковью. Онъ упрашивалъ прелатовъ не причинять раскола (schisma) въ церкви и предостерегалъ ихъ, какъ онъ выражался, «по долгу христіанской любви», что если они не повинуются его предостереженіямъ, то навлекутъ на себя церковныя наказанія, а именно лишеніе сановъ, достоинствъ и приходовъ. Герцогъ де Майенъ съ своей стороны объявилъ, что въ день отреченія Генриха отъ протестанства, изъ Парижа не будутъ никого выпускать. Но на запрещеніе его никто не обратилъ никакого вниманія, равно какъ и на угрозы легата. Двадцать пятаго іюля 1593 архіепископъ буржскій совершилъ торжественную церемонію возвращенія короля въ лоно церкви, и парижане, вопреки всѣмъ полицейскимъ мѣрамъ герцога, устремились въ Сенъ-Дени. Вслѣдъ затѣмъ герцогъ де Майенъ, видя ослабленіе своей партіи и понимая невозможность продолжать войну, заключилъ трехмѣсячное перемиріе, считая съ 1 августа.

Еще во время конференцій, происходившихъ между собравшимися въ Парижѣ чинами и сторонниками Генриха, король послалъ посольство въ Италію, чтобы начать непосредственные пе-

реговоры съ папою; но тогда посланникамъ его не дозволили пріѣхать въ Римъ. Теперь онъ снова послалъ въ Римъ трехъ пословъ: Лудовика Гонзага герцога де Невера, епископа манскаго и декана парижскаго собора. Они должны были условиться съ папою на счетъ духовныхъ дѣлъ; но предварительно въ Римъ былъ посланъ Брошаръ де Кліель, католическій дворянинъ партіи Генриха, для рѣшенія вопросовъ политическихъ. Въ то же время герцогъ де Майенъ послалъ въ Римъ кардинала де Жойёза убѣдить папу не признавать и не утверждать отпущенія, даннаго королю архіепископомъ буржскимъ. Сначала Климентъ VIII, находившійся совершенно въ рукахъ испанцевъ, не позволилъ даже герцогу де Неверу въѣхать въ Римъ; потомъ герцогу было дано это позволеніе, но не какъ посланнику, а какъ частному лицу и только на десять дней, съ тѣмъ, чтобы не говорить о французскихъ дѣлахъ ни съ однимъ кардиналомъ. Въ декабрѣ герцогъ пріѣхалъ въ Римъ. Климентъ стоялъ на своемъ и очень рѣшительно объявилъ себя противникомъ всякаго мира съ Генрихомъ, хотя теперь не имѣлъ уже повода гнѣваться на него. Многіе кардиналы были, однако, противнаго мнѣнія.

Въ это время король испанскій послалъ во Францію войско, чтобы не допустить герцога де Майена и Парижъ окончательно пасть передъ королевскими силами. Между тѣмъ Майенъ продолжилъ перемиріе еще на два мѣсяца, такъ какъ партія Филиппа совершенно разсѣялась. По смерти герцога Пармскаго, Филиппъ обратилъ свою благосклонность на ближайшихъ родственниковъ своихъ, братьевъ императора Рудольфа II. Изъ восьми братьевъ Рудольфа въ живыхъ оставалось тогда только четверо; изъ нихъ эрцгерцога Матѳія, впослѣдствіи императора, мы уже знаемъ по исторіи Нидерландовъ (стр. 90, 175 и 184). Король испанскій смертельно ненавидѣлъ его за роль, которую онъ тамъ игралъ. Но братья его, Эрнстъ и Альбрехтъ, изъ которыхъ послѣдній давно уже жилъ въ Испаніи, были у Филиппа въ большой милости, и онъ назначилъ ихъ обоихъ по-

очередно въ Нидерланды. Филиппъ сдѣлалъ Альбрехта архіепископомъ толедскимъ, а папа — кардиналомъ; поэтому Филиппъ избралъ сначала для своего плана эрцгерцога Эрнста. Онъ хотѣлъ женить его на своей дочери, Изабеллѣ-Кларѣ-Евгеніи; по смерти Александра Пармскаго назначилъ его намѣстникомъ Нидерландовъ и надѣялся сдѣлать его королемъ Франціи. Но Эрнстъ былъ человѣкъ смирный и почти совершенный идіотъ, такъ что не годился ни на какое серьезное дѣло. Поэтому Филиппъ вывелъ на сцену брата его, Альбрехта, который, хотя былъ архіепископомъ толедскимъ, но не былъ посвященъ въ духовный санъ, и хотя былъ кардиналомъ, но легко могъ получить разрѣшеніе на бракъ.

Эрнста не было еще въ Нидерландахъ, когда умеръ герцогъ Пармскій, и потому должность намѣстника было поручено исправлять графу Мансфельду. Но Мансфельдъ не имѣлъ права распоряжаться по своему усмотрѣнію, потому что Филиппъ, по обыкновенію, портилъ своими самодержавными причудами всѣ хорошія распоряженія своихъ сановниковъ и слугъ. Такъ какъ въ соглашеніи съ валлонами было постановлено не давать испанцамъ мѣстъ въ государственномъ совѣтѣ Нидерландовъ, то Филиппъ поставилъ графа, какъ ширмы, а за нимъ учредилъ особый военный совѣтъ, гдѣ, кромѣ предсѣдателя, Педро Генрикеса графа де Фуентеса, засѣдали и другіе испанцы, нарочно присланные Филиппомъ въ Нидерланды для наблюденія за Мансфельдомъ. Фуентесъ, достойный слуга своего господина, немедленно издалъ самыя безчеловѣчныя повелѣнія, которыя при выполненіи ихъ вызвали такое жестокое возмездіе, что пришлось поскорѣе отмѣнить ихъ. Пока Фуентесъ своими дѣйствіями ожесточалъ нидерландцевъ и хуже прежняго возстановлялъ ихъ противъ Испаніи, Филиппъ въ третій разъ увелъ войска свои съ театра войны, гдѣ они были всего нужнѣе, все еще надѣясь поддержать междоусобіе во Франціи, хотя уже покинулъ намѣреніе выдать дочь свою за Эрнста и посадить ихъ на французскій престолъ.

Между тѣмъ, не смотря на противодѣйствіе кардинала-легата въ Парижѣ, лиги и герцога де Майена, Генрихъ IV сдѣлалъ въ Римѣ первый шагъ къ открытію переговоровъ съ папою черезъ агента своего, де Кліеля, который долго хлопоталъ такъ же тщетно, какъ и герцогъ де Неверъ. Наконецъ, Кліель встрѣтилъ во французѣ д'Осса, проживавшемъ въ Римѣ, умнаго и патріотическаго человѣка, способнаго раскрыть папѣ глаза на истинныя намѣренія Филиппа относительно Франціи и на цѣли вождей лиги. Д'Осса написалъ опроверженіе противъ всего, что сочинялось и распространялось въ Римѣ испанскою партіею и лигою и это опроверженіе дошло до папы. Затѣмъ д'Осса добился тайнаго свиданія съ папою, разъяснилъ ему французскія дѣла и выхлопоталъ наконецъ де Кліелю аудіенцію. Явившись къ папѣ, де Кліель принесъ ему письмо отъ короля Генриха. Клементъ не хотѣлъ было и слышать о королѣ Генрихѣ и не взялъ письма; но Кліель оставилъ его въ папскомъ кабинетѣ и, не смотря на свою щепетильность, папа прочелъ, наконецъ, письмо. Кардиналы были очень недовольны, что папа ведетъ безъ вѣдома церкви, т. е. кардинальской коллегіи, такія важныя дѣла съ испанскими и лигистскими прелатами; но Клементъ въ консисторіи запальчиво и грубо выбранилъ церковь, которая такъ навязывала ему свое содѣйствіе *).

Въ теченіе 1594 и 1595 гг. республика семи соединенныхъ провинцій могла возвыситься на степень европейской державы, потому что Филиппъ обратилъ все свое вниманіе, военныя силы и деньги на французскія дѣла. Въ іюнѣ 1593 Морицъ Нассаускій взялъ Гертруйденбургъ, оттого что Филиппъ отослалъ свои войска во Францію. Въ слѣдующемъ году Филиппъ сдѣлалъ

*) „Dicendo, essere risoluto, di non approvar quel fatto, contra la qual deliberazione se per innanzi alcuno osasse di dir parola, egli era per farne rigorosa dimonstrazione.“ (Онъ сказалъ, что рѣшился не терпѣть возраженій, которыя иные осмѣливаются дѣлать противъ его рѣшеній, и далъ имъ суровый нагоняй).

такую же ошибку. Онъ приказалъ эрцгерцогу Эрнсту, который наконецъ пріѣхалъ въ Нидерланды, послать своего намѣстника, графа Мансфельда, въ Пикардію на помощь совершенно стѣсненному герцогу де Майену и Парижу. Мансфельдъ двинулся съ 12,000 человѣкъ противъ Ла-Капеля и взялъ этотъ городъ, прежде чѣмъ Генрихъ успѣлъ придти на помощь. Потомъ онъ соединился съ герцогомъ де Майеномъ, котораго Филиппъ, видя его намѣреніе примириться съ Генрихомъ, думалъ удержать на своей сторонѣ, ввѣривъ ему главнокомандованіе. Затѣмъ испанцы принимали участіе въ неудачной попыткѣ Майена выручить Ланъ, осажденный Генрихомъ, о чемъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже. Пока Мансфельдъ съ своей арміей былъ во Франціи, Морицъ Нассаускій отнялъ у короля Филиппа одинъ изъ главныхъ пунктовъ въ Нидерландахъ, Грёнингенъ, важную крѣпость и одно изъ главныхъ владѣній первоначальной республики семи провинцій. Въ немъ былъ трехтысячный гарнизонъ подъ командою испанца Вердуго, и кромѣ того еще тысяча валлоновъ и испанцевъ, съ помощью которыхъ католическіе граждане города угнетали своихъ протестантскихъ соотечественниковъ; но солдаты эти стояли не въ городѣ, а въ предмѣстьяхъ, гдѣ необузданно предавались своей алчности и страстямъ, потому что имъ платили неисправно; притомъ въ испанскихъ войскахъ, состоявшихъ изъ всякаго сброда, давно исчезла всякая дисциплина. Морицъ, при содѣйствіи своего двоюроднаго брата, графа Вильгельма Нассаускаго, осадилъ Грёнингенъ; Вердуго, видя, что ему съ католическими гражданами не удержаться противъ протестантовъ, превышавшихъ ихъ числомъ, оставилъ крѣпость. Католики продержались до 22 іюля 1594, когда наконецъ были принуждены отворить принцу ворота. Послѣ того Грёнингенъ снова занялъ свое мѣсто въ средѣ семи соединенныхъ провинцій, и графъ Вильгельмъ былъ назначенъ его штатгальтеромъ. По завоеваніи Грёнингена Морицъ поддерживалъ и возбуждалъ безпокойства между наемными испанскими войсками въ Брабантѣ, чтобы лишить испан-

скаго главнокомандующаго возможности что-либо предпринять. Съ января 1595 испанцами командовалъ графъ Фуентесъ, такъ какъ эрцгерцогъ Эрнстъ умеръ, а братъ его, Альбрехтъ, котораго Филиппъ хотѣлъ женить на своей дочери и назначить намѣстникомъ Нидерландовъ, ждалъ отъ папы двойнаго разрѣшенія на бракъ, какъ кардиналъ и какъ родственникъ принцессы. Фуентесъ былъ человѣкъ не безъ способностей; но въ теченіе всего 1595 онъ не могъ успѣшно дѣйствовать противъ нидерландцевъ, вслѣдствіе мятежей въ своей арміи и даже между валлонами, а также по недостатку денегъ и по причинѣ новаго оборота дѣлъ во Франціи.

Послѣ похода на Ланъ Генрихъ IV обнародовалъ всеобщую амнистію, вслѣдствіе чего ему покорились Ліонъ, Орлеанъ, эскій парламентъ, почти вся Пикардія, множество дворянъ и въ томъ числѣ де Вильруа. Но Реймсъ и Парижъ все еще находились во власти фанатиковъ. Такъ какъ Реймсъ не пускалъ короля къ себѣ, то 28 февраля 1594 Генрихъ короновался и помазался муромъ въ Шартрѣ. Испанцы и лига не допускали парижскихъ гражданъ примириться съ королемъ, основываясь на томъ, что онъ еще не примирился съ папою. Генриху не хотѣлось поступать съ столицей государства, какъ съ непріятельскою крѣпостью, и онъ старался овладѣть ею безъ кровопролитія. Съ этою цѣлью онъ воспользовался отвращеніемъ буржуазіи и парижскаго парламента къ испанцамъ, которыхъ Майенъ размѣстилъ въ городѣ, и продажностью парижскаго коменданта. Сначала комендантомъ Парижа былъ графъ де Беленъ; но герцогъ де Майенъ узналъ, что комендантъ и парламентъ не прочь войти въ переговоры съ Генрихомъ, и потому безъ дальнѣйшихъ разсужденій смѣнилъ графа. Этотъ поступокъ раздражилъ парламентъ и буржуазію, утомленную лигой; герцога упрекали въ томъ, что при назначеніи его намѣстникомъ государства онъ обѣщалъ не дѣлать ничего, не спросивъ предварительно согласія парламента, а теперь не исполняетъ этого обѣщанія. Тогда Майенъ принялъ самыя строгія и рѣшительныя мѣры. Онъ ввелъ

въ Парижъ еще корпусъ испанцевъ; по городу разъѣзжали патрули, и всюду стояли военные посты; онъ поднялъ даже страшную демагогію Шестнадцати (стр. 217), которую прежде началъ-было укрощать неумолимою жестокостью; шайкамъ, которыя должны были держать въ страхѣ гражданъ, онъ раздавалъ хлѣбъ, купленный на испанскія деньги. Кромѣ того, онъ назначилъ комендантомъ города человѣка, о которомъ Сюльи говоритъ въ своихъ мемуарахъ, будто онъ хотѣлъ обратить Парижъ въ республику.

То былъ Карлъ де Коссе графъ де Бриссакъ. Найдя свой планъ республики невыполнимымъ, онъ началъ втайнѣ сговариваться съ Генрихомъ или, вѣрнѣе, торговаться о выгодахъ, какія король дастъ ему и его друзьямъ за сдачу столицы. Мать герцога де Майена обличила измѣну Бриссака и извѣстила о ней сына; но онъ и самъ былъ не прочь отъ сближенія съ Генрихомъ и потому не обратилъ вниманія на предостереженіе матери и въ самую рѣшительную минуту уѣхалъ изъ Парижа на границу Шампани на соединеніе съ испанцами Мансфельда. По удаленіи его городъ остался совершенно во власти испанцевъ и фанатической черни, возстановляемой противъ короля рѣчами со всѣхъ каѳедръ. Это могло довести до самой дикой анархіи, и потому Бриссакъ сдѣлалъ лучше, что продался королю, а не испанцамъ. Генрихъ заключилъ съ нимъ формальный договоръ, въ которомъ обѣщалъ ему маршальскій жезлъ и 100,000 талеровъ пенсіи, а парижанамъ полную амнистію, за исключеніемъ только разбойниковъ и убійцъ. Всѣ привилегіи города были утверждены и реформатское богослуженіе въ немъ запрещено. Городской голова (Prevôt des marchands) Жанъ Л'Юлье отвѣтилъ сначала на предложеніе графа де Бриссака колкой остротой *), но впослѣдствіи самъ былъ

*) Когда Бриссакъ сказалъ ему: „Il faut rendre à César ce qui appartient à César", л'Юлье отвѣчалъ: „Il faut le lui rendre, mais ne pas le lui vendre." (Надо воздавать цезарю цезарево. — Точно, воздавать надо, но не надо продавать).

подкупленъ обѣщаніемъ званія президента счетной палаты. Другіе члены городскаго совѣта также получили разныя выгоды. Испанцамъ, которые могли бы воспротивиться сдачѣ города, былъ предоставленъ свободный выходъ. Условившись съ магистратомъ, всѣ начальники городской стражи собрались 18 марта 1594 въ домъ л'Юлье, гдѣ получили инструкцію, какъ въ какомъ случаѣ дѣйствовать; съ тѣхъ поръ, какъ герцогъ де Майенъ сломилъ силу фанатической республики Шестнадцати и жестоко расправился съ ея членами, всѣ посты въ городѣ находились во власти буржуазіи.

Двадцать перваго марта 1594 армія Генриха двинулась въ совершенной тишинѣ противъ города. На слѣдующее утро въ четыре часа Бриссакъ самъ вышелъ на встрѣчу королевскимъ войскамъ и велѣлъ отворить имъ ворота и заставы. Они шли тихо, вступили въ городъ, прошли сомкнутыми рядами въ центръ его, заняли площади и перекрестки и встрѣтили сопротивленіе со стороны испанцевъ только въ одной караульнѣ. Все было спокойно, и король въѣхалъ въ столицу, окруженный толпою дворянъ. Съ первой же минуты своего прибытія онъ далъ множество доказательствъ своихъ благородныхъ намѣреній и своего беарнскаго добродушія. Онъ послалъ дружескій привѣтъ герцогинямъ де Немуръ и де Монпансье, возмущавшимъ противъ него всѣхъ; пригласилъ къ себѣ папскаго легата и не выказалъ ни малѣйшаго неудовольствія, когда тотъ не явился. Условія, постановленныя въ договорѣ съ Бриссакомъ, онъ выполнилъ въ точности; одно изъ нихъ заключалось въ предоставленіи почетнаго выхода стоявшимъ въ Парижѣ испанцамъ, и въ самый день вступленія короля 4,000 испанцевъ выступили изъ столицы. Феріа и другіе уполномоченные Филиппа при лигѣ безпрепятственно послѣдовали за войсками. Парижскій богословскій факультетъ и другія благоразумныя духовныя лица покорились; только іезуиты, монахи и прочіе фанатики продолжали бранить Генриха съ каѳедръ, такъ какъ онъ еще не примирился съ папою; но Генрихъ не преслѣдовалъ ихъ. Всѣ безъ исключенія,

даже изгнанники, испытали на себѣ его доброту. Въ это время Генрихъ пріобрѣлъ прозваніе «Великаго» не за свои завоеванія, подвиги или политику, а за сердечную доброту и честность, съ какою онъ выполнялъ относительно своего народа обязанность правителя.

По покореніи Парижа герцогъ де Майенъ охотно бы принялъ условія, предложенныя ему Генрихомъ; но онъ былъ связанъ своимъ обязательствомъ относительно папы и союзомъ съ испанскимъ королемъ и потому удалился съ испанцами въ Ланъ. Генрихъ немедленно осадилъ его въ этомъ городѣ, хотя онъ вошелъ съ нимъ въ переговоры. Испанцы до того не довѣряли герцогу, что хотѣли захватить его въ Ланѣ и тайно увезти. Онъ избѣгъ этой опасности только потому, что испанцы не смѣли оскорбить его въ ту самую минуту, когда Генрихъ намѣревался, наконецъ, формально объявить Испаніи войну. Майенъ самъ незадолго до того ѣздилъ въ Нидерланды и добился у эрцгерцога Эрнста отправленія ему на помощь графа Мансфельда съ войскомъ. Соединившись съ Мансфельдомъ, онъ пошелъ противъ Генриха, осаждавшаго Ланъ. Но герцогъ не имѣлъ ни военныхъ, ни политическихъ дарованій, тогда какъ противникъ его обладалъ и тѣми, и другими, и кромѣ того пользовался талантами и помощью герцога Лонгвиля и Бирона, произведеннаго въ маршалы. Этотъ походъ противъ превосходныхъ силъ Испаніи и лиги особенно упрочилъ славу Генриха, какъ полководца. Послѣ нѣсколькихъ опасныхъ схватокъ онъ искусно отрѣзалъ непріятельской арміи подвозъ припасовъ и принудилъ герцога де Майена отказаться отъ надежды спасти городъ. Тогда Майенъ въ глазахъ непріятеля произвелъ чрезвычайно искусно трудное отступленіе, находясь постоянно лично въ послѣднихъ рядахъ арьергарда, такъ что заслужилъ подъ Ланомъ столько же славы, какъ и самъ противникъ его. Двадцать втораго іюля 1594 Ланъ сдался на капитуляцію. При занятіи этого города снова выказались въ блестящемъ свѣтѣ добродушіе и искренность честнаго беарнца. Поэтому Шато-Тьери, Амьенъ, Бове и

Камбрэ тотчасъ послѣдовали примѣру Лана. Герцогъ лотарингскій также сталъ искать мира съ королемъ. Герцогъ де Гизъ, обманутый Филиппомъ надеждою на престолъ, а потомъ подчиненный герцогу де Майену, получилъ отъ Генриха выгодныя условія примиренія. Онъ заключилъ за себя и за братьевъ своихъ договоръ съ Генрихомъ, отдавъ ему города Реймсъ, Витри, Рокруа и нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ въ Шампани, за что Генрихъ назначилъ его намѣстникомъ Прованса, который былъ тогда чѣмъ-то въ родѣ независимаго владѣнія, такъ что намѣстники его пользовались почти державными правами. Кромѣ того, Генрихъ далъ герцогу и братьямъ его еще нѣсколько доказательствъ своей щедрости, не смотря на ропотъ товарищей своихъ по несчастіямъ.

Еще до взятія Лана парижскій парламентъ былъ преобразованъ и приведенъ въ свой прежній составъ возвращеніемъ совѣтниковъ, составлявшихъ до сихъ поръ турскій парламентъ Генриха. Парламентъ этотъ лишилъ герцога де Майена званія генеральнаго намѣстника государства. Герцогъ д'Омонъ успѣшно и искусно дѣйствовалъ противъ герцога де Меркёра, который при помощи испанцевъ хотѣлъ сдѣлаться независимымъ государемъ Бретани (стр. 276). Д'Эпернонъ и намѣстникъ Лангедока, Монморанси, бывшіе со смерти Генриха III совершенно независимыми на югѣ, присягнули королю и были утверждены въ своихъ намѣстничествахъ. Герцогу лотарингскому было даровано перемиріе. Вильяръ, сдавшій королю Руанъ, былъ утвержденъ въ санѣ великаго адмирала, дарованномъ ему герцогомъ де Майеномъ, равно какъ Ла-Шатръ и Буа-Дофенъ въ чинахъ маршаловъ, пожалованныхъ имъ также Майеномъ, какъ генералъ-намѣстникомъ государства.

Папа все еще противился Генриху; испанцы, іезуиты и монахи продолжали возстановлять противъ него народъ. Съ другой стороны роптали и протестанты на покровительство католикамъ и выказывали сильную наклонность избрать главой своей партіи Тюреня, теперь герцога де Бульона. Такимъ образомъ, ко-

роль со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ тайными врагами; къ счастію, онъ нашелъ вѣрнаго и искренняго друга въ маркизѣ де Рони, впослѣдствіи герцогѣ де Сюльи, великомъ государственномъ мужѣ и превосходномъ камералистѣ. Генрихъ постоянно слѣдовалъ его совѣтамъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда въ дѣла вмѣшивалась прекрасная Габріель. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Генрихъ поступилъ строго, не смотря на свою безграничную доброту. Такимъ образомъ, тотчасъ по вступленіи въ Парижъ онъ, не смотря на амнистію, выслалъ на нѣкоторое время изъ города болѣе ста самыхъ ярыхъ фанатиковъ изъ числа республиканцевъ Шестнадцати. Такъ поступилъ онъ и съ іезуитами, когда они продолжали возбуждать противъ него своихъ учениковъ.

Жанъ Шатель, девятнадцатилѣтній юноша изъ іезуитской школы, сдѣлалъ попытку убить короля. Сынъ парижскаго гражданина, онъ «блистательно» окончилъ курсъ въ іезуитской коллегіи. На исповѣди ему постоянно напоминали, что тайный порокъ, которому онъ предавался, навлечетъ на него адскія муки, если онъ не окажетъ какой-нибудь великой услуги истинной вѣрѣ. Эту услугу онъ думалъ оказать, какъ потомъ утверждалъ подъ муками страшной пытки, славнымъ, по ученію іезуитовъ, убіеніемъ главы еретиковъ. Двадцать седьмаго декабря 1594 подъ предлогомъ подачи просьбы онъ пробрался въ кабинетъ короля. Здѣсь онъ кинулся на Генриха съ кинжаломъ, но не попалъ королю въ горло, куда направлялъ ударъ, а только ранилъ его въ ротъ, потому что въ эту минуту Генрихъ случайно наклонился. Рана была незначительна; но фанатика казнили казнью, которая была въ то время въ обычаѣ и въ Англіи и напоминала скорѣе нравы ирокезовъ, чѣмъ христіанъ. Онъ стойко перенесъ всѣ мученія, такъ какъ, по его мнѣнію и по мнѣнію всѣхъ ультрамонтановъ, онъ былъ мученикомъ за вѣру.

Покушеніе Шателя было очевидно плодомъ іезуитскаго ученія о слѣпой вѣрѣ и послушаніи папѣ. Поэтому всѣ іезуиты подверглись домашнему аресту и строгому слѣдствію. Бумаги

ихъ были пересмотрѣны. Уголовный судъ приговорилъ іезуита Жана Гиньяра къ повѣшанію *), а остальные были навѣки изгнаны изъ государства. Это рѣшеніе было постановлено парламентомъ, но не относилось къ дѣлу Шателя и не было одобрено королемъ. Поэтому и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе только въ округѣ парижскаго парламента, а въ остальномъ государствѣ іезуиты остались. Восьмаго января 1595 всѣ іезуиты были вывезены изъ Парижа. Покушеніе Шателя было уже вторымъ покушеніемъ духовнаго лица. Первое покушеніе было внушено въ іезуитской исповѣдальнѣ, но Генриха предупредилъ о немъ одинъ доминиканецъ. Король былъ очень огорченъ покушеніемъ Шателя, видя, что никакія кроткія мѣры не могутъ смягчить ненависти къ нему духовенства.

Изъ другихъ ультрамонтановъ герцогъ де Меркёръ продолжалъ войну въ Бретани; герцогъ де Майенъ отправился въ свое намѣстничество, Бургундію, заключилъ новый договоръ съ испанцами и, когда Генрихъ 16 января 1595 объявилъ войну Филиппу, соединился съ испанскими войсками, предводительствуемыми адмираломъ Кастиліи. Король поспѣшилъ лично на встрѣчу союзной арміи, превосходившей его числомъ; но предводители ея далеко не обладали военными способностями и были между собою во враждѣ. Сраженіе произошло 5 іюня 1595 при Фонтенъ Франсезъ. Побѣда осталась за Генрихомъ, но битва была упорна, и самъ Генрихъ сознавался, что слишкомъ безразсудно подвергалъ себя опасности **). Послѣ того онъ бралъ у Майена въ Бургундіи крѣпость за крѣпостью. Наконецъ, тотъ извѣстилъ короля о своей готовности покориться, прося его только не требовать отъ него признанія его королемъ, пока не примирится съ папою. Генрихъ согласился и на это.

---

*) „Pour avoir dressé des thèses contre la vie et l'autorité des rois". (За сочиненіе тезисовъ противъ жизни и власти королей).

**) „Peu s'en est fallu," пишетъ онъ сестрѣ, „que vous n'ayez été mon heritière." (Едва, едва не сдѣлались вы моей наслѣдницей).

Переговоры съ папою пошли успѣшнѣе, когда Генрихъ погрозилъ ему, что если онъ не перестанетъ дѣйствовать въ испанскомъ духѣ, то онъ учредитъ во Франціи національную церковь, причемъ найдетъ поддержку со стороны парламента и духовенства. Тогда папа рѣшился, наконецъ, по римскому обычаю, на такое примиреніе, которое впослѣдствіи можно было бы обратить въ основаніе новыхъ притязаній. Кардиналъ дю Перронъ и д'Осса, также сдѣланный кардиналомъ, назначенные уполномоченными короля, согласились на требованіе папы. Перваго сентября 1595 они явились униженно въ одѣяніи простыхъ священниковъ передъ папою, который возсѣдалъ на площади св. Петра на высокомъ тронѣ, окруженный кардиналами. Они громогласно прочли письменное прошеніе короля о снятіи съ него отлученія; затѣмъ прочли условіе, на которыхъ оно снималось, и уполномоченные Генриха обѣщали отъ его имени исполнить все требуемое и отреклись отъ всего противнаго католической церкви. Потомъ они встали передъ папою на колѣни, и Клементъ далъ имъ, какъ кающимся, публично передъ церковью, нѣсколько легкихъ ударовъ розгами при пѣніи хора «Miserere». Послѣ этой сцены папа всталъ, прочелъ нѣсколько молитвъ и съ тіарой на головѣ снова занялъ свое мѣсто и громкимъ голосомъ прочелъ актъ отпущенія. Затѣмъ онъ отправился въ церковь, гдѣ пропѣли «Te Deum.»

Этимъ, однако, еще не кончились переговоры съ папою; римское правительство не хотѣло отказаться отъ двухъ условій договора, принять которыя дю Перронъ и д'Осса никакъ не могли. Первое изъ этихъ условій состояло въ томъ, чтобы Генрихъ призналъ, что сдѣлался королемъ только потому, что папа даровалъ ему разрѣшеніе; это объясненіе совершенно подчиняло Францію папѣ. Вторымъ условіемъ было признаніе постановленій тридентскаго собора, уничтожавшихъ вольности галликанской церкви. Кромѣ того уполномоченные короля еще до полученія отпущенія должны были признать недѣйствительнымъ разрѣшеніе, данное во Франціи королю архіепископомъ бурж-

скимъ и принять нѣсколько другихъ тяжелыхъ условій, выгодныхъ для римской іерархіи. Генрихъ уступилъ во всемъ, тѣмъ болѣе, что другъ его, маркизъ де Рони, хотя протестантъ, ревностно хлопоталъ о примиреніи его съ папой. И точно, оно положило конецъ междоусобной войнѣ; еще за два дня до описанной сцены въ Римѣ герцогъ де Майенъ также, наконецъ, покорился королю.

XIII. ГЕРМАНІЯ И АНГЛІЯ

ВЪ КОНЦѢ XVI СТОЛѢТІЯ И СКАНДИНАВСКАЯ ИСТОРІЯ ДО ЭТОГО ВРЕМЕНИ.

1. Вступленіе.

Исторія первой половины семнадцатаго столѣтія почти исключительно наполнена такъ называемой тридцатилѣтней войной въ Германіи и революціей въ Англіи, слѣдствіемъ которой была несчастная реставрація Стюартовъ. Поэтому въ заключеніе исторіи шестнадцатаго столѣтія мы прибавимъ все, что необходимо для разъясненія связи происшествій слѣдующаго столѣтія. При этомъ придется говорить о Даніи, Норвегіи и Швеціи, которыя прежде были совершенно чужды остальной Европѣ, тогда какъ во время тридцатилѣтней войны Швеція, совершенно вытѣснивъ Данію изъ Германіи, стала одною изъ главныхъ державъ Европы. Англійской исторіи мы коснемся лишь настолько, чтобы пояснить стремленія парламента, пробудившіяся еще при Елисаветѣ. возстановить древнія англо-саксонскія народныя права и чтобы познакомиться съ наклонностями и характеромъ перваго англійскаго короля изъ дома Стюартовъ.

2. Германія при Фердинандѣ I и Максимиліанѣ II.

Какъ намъ уже извѣстно, Карлъ V (т. XII, стр. 323) при отреченіи своемъ отъ престола оскорбилъ папу тѣмъ, что, не спросясь его, передалъ имперію брату своему, Фердинанду I, который до тѣхъ поръ управлялъ Германіей, какъ король римскій. Нѣмецкіе князья были также недовольны императоромъ за то, что онъ передалъ брату государство не лично, а черезъ уполномоченныхъ. Новый императоръ, однако, скоро уладилъ споръ съ ними; князья согласились съ Фердинандомъ и съ посланникомъ Карла V въ февралѣ и мартѣ 1558 на сеймѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Папа, напротивъ того, стоялъ на своемъ; но въ Фердинандѣ и особенно въ сынѣ его, Максимиліанѣ II, онъ встрѣтилъ государей, которые были не намѣрены подчиняться папскимъ притязаніямъ. Папою былъ въ то время Павелъ IV изъ фамиліи Караффа, надменность, властолюбіе и упрямство котораго намъ уже извѣстны (т. XII, стр. 325—33 и XIII, стр. 133). Въ апрѣлѣ 1558 Фердинандъ отправился изъ Франкфурта въ Инспрукъ, а оттуда въ Вѣну и послалъ къ папѣ своего оберъ-каммергера, донъ Мартина де Гусмана; но Павелъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ посольствѣ. Онъ не только отвергнулъ просьбу Фердинанда передать его посольству римскую императорскую корону, но не позволилъ донъ Гусману совершить торжественный въѣздъ въ Римъ, такъ что тотъ былъ принужденъ остановиться въ Тиволи. Кардиналы также поддерживали папу въ его опасныхъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ усиліяхъ предъявлять прежнія притязанія при совершенно измѣнившемся порядкѣ вещей. Объясненіе ихъ, данное по этому поводу, показываетъ, до чего доходили притязанія духовенства на свѣтскую власть. Кардиналы или такъ называемая консисторія требовала объявить недѣйствительнымъ все, что сдѣлано или постановлено на франкфуртскомъ сеймѣ, такъ какъ въ немъ

принимали участіе еретики, лишенные благодати и власти за отпаденіе отъ римской церкви. Они считали необходимымъ, чтобы Фердинандъ подчинился приговору папы, принесъ покаяніе и для рѣшенія своего дѣла прислалъ въ Римъ не посланника, а адвоката и т. п. Тщетно Филиппъ II испанскій дважды посылалъ своихъ сановниковъ уговаривать папу; Павелъ не соглашался принять императорскаго посла. Наконецъ, по приказанію Фердинанда посланникъ объявилъ ему, что будетъ протестовать и уѣдетъ; тогда папа далъ ему аудіенцію, но не какъ послу, а какъ частному лицу. Фердинандъ разослалъ ко всѣмъ курфирстамъ посланія, въ которыхъ высказывалъ свое неудовольствіе на папу; по крайней мѣрѣ достовѣрно, что онъ послалъ такое посланіе Оттону Генриху Пфальцскому, а сынъ его, король Максимиліанъ богемскій, въ письмахъ своихъ къ благородному и истинно-благочестивому (только не въ церковномъ смыслѣ) герцогу Христофору Виртембергскому говорилъ прямо, что отцу его не слѣдовало вовсе обращаться къ Риму *). Но Фердинандъ не раз-

---

*) Мы приведемъ только два отрывка изъ этихъ писемъ: Guszmann, пишетъ Максимиліанъ, wie ich vernimmt, mit schpott in Rom ist gewesen und also kumpt, awer Jer Majestät (Фердинандъ), die wolen nit glauwen, wan sie schon oft sehen; awer es ist Jerer Majestät recht geschehen; gott woll das es etwas wirke". (Какъ слышно, Гусмана въ Римѣ осмѣяли; итакъ съ Е. В. случилось то, что всегда тамъ бываетъ и чего онъ не хотѣлъ предвидѣть; и по дѣломъ; дай Богъ, чтобы хоть это подѣйствовало). На это герцогъ Христофъ отвѣчалъ: „Wenn ich ein unschuldiger Rath sollte sein, wollt Jer. Kaiser. Majestät rathen, sie sehen den Babst nicht an, lieszen inn zu Rom mit seinem geschwürm sitzen und beleiben und trachteten nur, die Concordia im Reich zu befördern." (Если бы я годился въ совѣтники, я посовѣтовалъ бы Е. В. не смотрѣть на папу; пусть онъ сидитъ себѣ въ Римѣ съ своей стаей, а Е. И. В. лучше думать о сохраненіи согласія въ имперіи). Максимиліанъ возражаетъ герцогу: „Man braucht mich wenig zu solchen heiligen handeln, denn ich suspectus bin. Frag'aber wenig danach; denn Jer. Majestät werden ime an zwaifel wol wissen zu thuen, awer Jer Majestät sehe danach wol auf, wie sie mit den sachen umbgeben." (Меня на такія святыя дѣла не употребляютъ, потому что я подозрителенъ; впрочемъ не безпокойся: Е. В., безъ сомнѣнія, сами знаютъ, что дѣлать, и понимаютъ, какъ тѣ (римскій дворъ) поступаютъ во всемъ этомъ).

дѣлялъ мнѣнія своего сына и герцога Виртембергскаго; онъ не пошелъ своей дорогой, не спросясь папы, а передалъ дѣло свое въ руки юристовъ, составителей дипломатическихъ нотъ и государственныхъ реляцій, и потому былъ постоянно въ зависимости отъ папы. Печальное состояніе Германіи того времени и комизмъ положенія императора, поставленнаго въ тупикъ взбалмошнымъ старикомъ Караффою, зависѣли оттого, что нѣмецкіе князья и курфирсты только черезъ полтора года согласились на франкфуртскомъ сеймѣ на сложеніе Карломъ V знаковъ императорскаго достоинства и на передачу ихъ Фердинанду I, а также и оттого, что императоръ спорилъ съ папой объ императорской коронѣ до самой смерти Павла.

Это было только смѣшно; но печальны и грустны по послѣдствіямъ были раздоры, вспыхнувшіе между лютеранами и кальвинистами; протестантское духовенство и юристы разбирали эти споры въ безчисленномъ множествѣ брошюръ и книгъ. Обѣ протестантскія партіи въ высшей степени ненавидѣли другъ друга, и споры ихъ породили между ними такую же нетерпимость, какой отличались католики въ отношеніи протестантовъ. Въ то время вздумали втѣснить евангеліе, непризнающее никакой системы и схоластическаго богословія, въ каноны и катихизисы и навязать его въ этомъ видѣ вѣроучителямъ, тогда какъ послѣдніе должны были бы руководствоваться только словомъ Божіимъ. Возвратились къ отцамъ церкви и къ соборамъ, слѣдовательно, къ брани и казуистикѣ, совершенно позабывъ, что въ томъ то и состоитъ особенность евангелія, что чтеніе его проясняетъ умъ и дѣлаетъ излишнею всю ученость толкователей, отцовъ церкви и соборовъ, потому что читать книгу съ благоговѣніемъ и смысломъ или препираться о словахъ и изреченіяхъ— двѣ вещи разныя. Мы не рѣшаемся вдаваться въ лабиринтъ богословскихъ споровъ, хотя они имѣютъ важность для исторіи Германіи и сами по себѣ курьезны, тѣмъ болѣе, что могутъ объяснить происхожденіе возобновленныхъ и въ наше время такъ называемыхъ исповѣдныхъ книгъ и ихъ авторовъ. Но мы счи-

гаемъ это излишнимъ, потому что существуетъ основательная и ясная исторія происхожденія протестантскаго вѣроученія и его измѣненій, Планка.

Фердинандъ упустилъ тогда изъ виду большую выгоду, которую могъ бы извлечь изъ неудовольствія, возбужденнаго въ Германіи и во Франціи Тридентскимъ соборомъ, который хотѣлъ возвести въ общій законъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстную іезуитскую теорію католической вѣры и католическаго права. Фердинанду слѣдовало бы воспользоваться этимъ настроеніемъ и, какъ совѣтовалъ ему сынъ его Максимиліанъ, не упускать прекраснаго случая, именно спора своего съ Римомъ изъ-за коронаціи, чтобы положить конецъ папскому вмѣшательству въ свѣтскія дѣла. Къ несчастію для націи, онъ этого не сдѣлалъ. Но за то распря эта доставила нѣмцамъ другую выгоду. Фердинандъ, ради протестантскихъ князей, не могъ дѣлать уступокъ папѣ, но за то и не возставалъ противъ него, потому что и папа съ своей стороны не дѣлалъ противъ него выходокъ. Фердинандъ принялъ титулъ избраннаго императора римскаго, и всѣ державы, кромѣ папы, признали его. При раздорѣ его съ папою, нѣмецкая нація выиграла по крайней мѣрѣ одно, что съ тѣхъ поръ не было больше рѣчи о походахъ императоровъ въ Римъ и о папскомъ коронованіи.

Павелъ IV умеръ въ 1559 году, а преемникъ его, Пій IV, въ тотъ же мѣсяцъ, какъ былъ избранъ (декабрь 1559), призналъ императорское достоинство Фердинанда. Къ несчастію, императорскій посланникъ сдѣлалъ тогда въ Римѣ ошибку, принеся новому папѣ покорность (obedientiam) въ кардинальской коллегіи, между тѣмъ какъ самъ Фердинандъ говорилъ въ письмѣ, писанномъ имъ Пію раньше, только о своей сыновней преданности ему (filialis observantia et devotio); императоръ не осмѣлился открыто выразить неудовольствіе на этотъ поступокъ посланника. Такимъ образомъ Фердинандъ неосторожно пожертвовалъ преимуществомъ, которымъ Германія пользовалась въ теченіе четырехъ лѣтъ (съ 1555 до 1559), будучи совершенно

независима отъ папы безъ малѣйшаго ущерба для католиковъ. Мало того, онъ даже самъ подалъ поводъ, чтобы новая іезуитская догматика и связанное съ нею папское право были возведены въ Триденте въ законъ. Фердинандъ просилъ новаго папу черезъ посольство возобновить тридентскій соборъ, который давно уже прекратился. Пій съ радостью согласился на это, потому что іезуиты старались, чтобы соборъ, на зло протестантамъ, замѣнилъ аристократическую власть собравшихся на синодъ епископовъ монархическою властью папы.

Чтобы понять, почему Фердинандъ, сынъ котораго былъ сторонникомъ церковной реформы, могъ покровительствовать господству духовенства, надо знать, что совѣтникомъ его былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ іезуитовъ того времени, опасный софистъ и полемикъ К а н и з і й. Канизій прославился какъ ученый ревнитель церковныхъ церемоній и противникъ простаго христіанскаго богослуженія. Онъ написалъ въ защиту римскаго ученія и противъ ученія евангелическаго цѣлые фоліанты и составилъ катихизисъ, которымъ нынче единовѣрцы его снова пользуются какъ оружіемъ въ возобновленной борьбѣ противъ протестантовъ. Сначала Канизія призвалъ изъ Кёльна въ Ингольштадтъ герцогъ Вильгельмъ Баварскій. Фердинандъ I, бывшій тогда римскимъ королемъ, пригласилъ его оттуда въ Вѣну въ 1551, чтобы получить въ немъ новую опору для колеблющейся старой религіи. Черезъ два года Канизій сдѣлался визитаторомъ вѣнскаго университета. Въ 1556 былъ основанъ іезуитскій коллегій въ Ингольштадтѣ Вильгельмомъ и другой въ Вѣнѣ Фердинандомъ, и Канизій сдѣлался провинціаломъ іезуитскаго ордена въ Верхней Германіи. Въ предшествовавшемъ году былъ заключенъ аугсбургскій религіозный миръ, и этимъ новымъ учрежденіемъ Фердинандъ и Вильгельмъ ясно показали противникамъ папы, что, заводя разсадники ордена, единственной цѣлью котораго была борьба съ протестантскимъ ученіемъ и даже при случаѣ истребленіе самихъ протестантовъ, они рѣшились сѣять въ Германіи раздоръ и поселять нетерпимость.

Канизій въ теченіе сорока лѣтъ, до 1597, дѣйствовалъ въ пользу цѣлей своего ордена съ такимъ рвеніемъ и успѣхомъ, и іезуиты такъ скоро размножились въ обѣихъ провинціяхъ, на которыя они раздѣлили Германію, что остается только удивляться, почему религіозная война не вспыхнула въ Германіи ранѣе.

Іезуитъ Родерихъ, помогалъ Канизію удалить евангелическаго проповѣдника Фаузера, которому покровительствовалъ сынъ императора, Максимиліанъ. Максимиліанъ долго противился; но наконецъ согласился на удаленіе Фаузера, однако, продолжая твердо держаться евангелія и постоянно ведя переписку съ Фаузеромъ и съ протестантскими князьями; за то іезуитамъ покровительствовала жена Максимиліана, испанка, дочь Карла V, которую король очень любилъ; а Филиппъ II, четвертая жена котораго была дочь Максимиліана, съумѣлъ такъ обойти его, что онъ отдалъ на воспитаніе въ Испанію своего сына, Рудольфа, и принца воспитали въ Испаніи совершенно по-іезуитски. Канизій и папа боялись доводить Максимиліана до крайности и дозволяли ему даже вѣрить или не вѣрить, лишь бы не выходить изъ католицизма явно.

Папа вообще показывалъ большую уступчивость, имѣя въ виду только успѣшное окончаніе тридентскаго собора. На этомъ соборѣ іезуиты создали совершенно новое монархическое церковное право вмѣсто стараго аристократическо-республиканскаго; за то Фердинандъ I, герцогъ Альбрехтъ V Баварскій и даже три духовные курфирста настаивали, чтобы всюду были введены бракъ священниковъ и причащеніе изъ чаши, допущенное въ Богеміи базельскимъ соборомъ. Іезуиты помогли папѣ своимъ извѣстнымъ принципомъ. Пій сталъ стараться склонить императора и князей не представлять этого дѣла на разсмотрѣніе собора, обѣщая самъ исполнить его по ихъ желанію. Но потомъ, когда на съѣздѣ 1563 въ Вѣнѣ трехъ духовныхъ курфирстовъ, архіепископа зальцбургскаго, герцога Альбрехта Баварскаго и императора было рѣшено исполнить желаніе папы, Фердинанда побудили согласиться на закрытіе три-

дентскаго собора, что было папѣ очень съ руки. Въ декабрѣ 1563 соборъ былъ распущенъ, и тогда папа согласился на причастіе изъ части, но объ уничтоженіи безбрачія не хотѣлъ и слышать.

Тогда только Фердинандъ готовъ былъ, казалось, послѣдовать наконецъ совѣту сына или, по крайней мѣрѣ, постараться о прекращеніи религіознаго раздора въ Германіи. Онъ увидѣлъ, что папа и іезуиты разрушили истинную цѣль собора — удовлетвореніе протестантовъ и преобразованіе церкви, которое, хотя бы и несовершенное, могло устранить наиболѣе вопіющія злоупотребленія, а главное, возстановить единство въ германской имперіи. Поэтому онъ послѣдовалъ совѣтамъ сына и сталъ стараться самъ исправить вредъ безбрачія, особенно тяжелаго въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Онъ назначилъ коммиссію изъ трехъ духовныхъ лицъ и поручилъ ей составить опредѣленіе, которое могло бы примирить протестантовъ съ католиками и прекратить ихъ вражду, усилившуюся вслѣдствіе рѣшеній тридентскаго собора, утвержденныхъ папою. Къ несчастію, изъ трехъ членовъ этой коммиссіи двое перешли отъ евангелическаго ученія въ католицизмъ и были слѣдовательно дважды обращенные. Вскорѣ Фердинандъ умеръ (въ іюлѣ 1564); но еслибы онъ и прожилъ дольше, врядъ ли бы что вышло изъ этого дѣла. Протестантскіе богословы хлопотали о сочиненіи новаго схоластическаго церковнаго ученія и навязывали его своему духовенству, такъ что оно возбуждало къ себѣ такую же ненависть, какъ папизмъ при Лютерѣ. Лютеранскіе профессоры и придворные проповѣдники Тюбингена и Виттенберга сочинили такъ называемую формулу соглашенія, подъ пару утвержденному папою новому тридентскому кодексу вѣры; а реформатскіе богословы составили въ 1563 Гейдельбергскій катихизисъ и возвели его въ законъ кальвинистическаго исповѣданія. Когда такимъ образомъ протестанты принялись поступать безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и консисторіи ихъ начали соперничать съ папистами въ пре-

слѣдованіи другихъ протестантовъ, Максимиліанъ потерялъ всякую охоту отступать отъ своей церкви и остался наружно католикомъ. Многіе даже утверждаютъ, что подъ конецъ жизни онъ не былъ ни католикомъ, ни протестантомъ. Это весьма вѣроятно, тѣмъ болѣе, что Филиппъ II испанскій осыпалъ потомъ милостями сыновей его и заманивалъ его надеждою на испанское наслѣдство. Папа также оставилъ совершенно въ покоѣ его внутреннія религіозныя убѣжденія и, когда Максимиліанъ былъ избранъ римскимъ королемъ, оказалъ ему всевозможныя любезности, признавъ его въ этомъ достоинствѣ, хотя Максимиліанъ отказался принести ему поклоненіе. Не обращая на это вниманія, Пій въ письмахъ и рѣчахъ давалъ ему такіе отвѣты, какъ будто считаетъ формальность поклоненія выполненною.

Передъ смертью Фердинандъ по-помѣщичьи раздѣлилъ подвластныя ему страны (стр. 70). Онъ поступилъ бы хорошо, если бы далъ Венгріи и Богеміи особыхъ королей, а нѣмецкія владѣнія габсбургскаго дома отдалъ бы старшему сыну, Максимиліану II, который былъ очень популяренъ впослѣдствіи какъ императоръ и, какъ мы увидимъ ниже, умѣлъ энергически защищать императорское значеніе. Вмѣсто того, Фердинандъ далъ Максимиліану иноплеменныя королевства, а изъ германскихъ земель только эрцгерцогство Австрію. Второму сыну, Фердинанду, который очень огорчилъ отца женитьбою на Филиппинѣ Вельзеръ, дочери одного аугсбургскаго гражданина, было отдано графство Тироль. Третьему сыну, Карлу, достались Штирія, Каринтія, Крайнъ и Гёрцъ. Незадолго до смерти Фердинандъ короновалъ въ Пресбургѣ Максимиліана королемъ Венгріи, которой въ то время угрожало новое вторженіе Солимана II.

При описаніи турецкой войны мы еще возвратимся къ правленію Фердинанда, а теперь намъ кажется умѣстнымъ разсказать грумбахскую исторію и бѣдственную участь герцога Іоанна Фридриха II саксонскаго.

3. Грумбахскія смуты.

Мы обращаемъ вниманіе на смуту, поднятую франконскимъ рыцаремъ Вильгельмомъ фонъ Грумбахомъ, на томъ основаніи, что она связана съ безчинствами, произведенными въ имперіи маркграфомъ Альбрехтомъ Бранденбургъ-Кульмбахскимъ, и еще потому, что она дала императору Максимиліану II случай доказать мелкимъ князьямъ, что для нихъ еще не наступило время полнаго самодержавія.

Мы уже разсказывали (т. XII, стр. 305—14) о смутахъ, которыя возбуждалъ между имперскимъ рыцарствомъ, князьями и епископами грубый Альбрехтъ маркграфъ Бранденбургъ-Кульмбахскій. По усмиреніи ихъ спокойствіе имперіи было снова нарушено по поводу невыполненія вынужденнаго обѣщанія, даннаго епископомъ вюрцбургскимъ въ самомъ стѣсненномъ положеніи рыцарю Вильгельму фонъ-Грумбаху. Грумбахъ былъ непосредственный имперскій рыцарь, изъ тѣхъ, которые ратовали нѣсколько лѣтъ въ Нижней Саксоніи, Тюрингіи, Франконіи и на Рейнѣ въ союзѣ съ маркграфомъ Альбрехтомъ на защиту кулачнаго права и правъ рыцарства на грабежъ. Собственныя помѣстья Грумбаха находились въ Ансбахѣ; но и въ Вюрцбургѣ у него были имѣнія, и изъ-за нихъ онъ часто ссорился съ епископами и съ соборнымъ капитуломъ Вюрцбурга. Нѣкогда, какъ вассалъ кульмбахскій, онъ былъ руководителемъ маркграфа Альбрехта и ѣздилъ съ нимъ въ Нидерланды, гдѣ нѣкоторое время служилъ въ войскахъ Карла V. Въ 1546 онъ поѣхалъ оттуда въ Вюрцбургъ присутствовать при предстоящихъ выборахъ новаго епископа. Изъ двухъ кандидатовъ, Конрада фонъ-Бибры и Мельхіора Цобеля, домогавшихся вюрцбургскаго престола, былъ, по стараніямъ Грумбаха, избранъ первый. За оказанную услугу епископъ назначилъ

рыцаря гофмаршаломъ и подарилъ ему вексель на Филиппа Гессенскаго въ 10,000 гульденовъ, которые Грумбахъ и получилъ.

По смерти епископа Конрада были назначены новые выборы, и вліяніе Грумбаха было такъ велико, что Мельхіоръ Цобель долженъ былъ разными обѣщаніями склонять его не препятствовать на этотъ разъ его избранію. Мельхіоръ былъ избранъ, а не только не выполнилъ ни одного изъ своихъ обѣщаній, но даже потребовалъ возвращенія подаренныхъ рыцарю Конрадомъ 10,000 гульденовъ на томъ основаніи, что вексель на нихъ принадлежалъ епископству, а не епископу. Грумбаху пришлось заплатить 3,000 гульденовъ наличными деньгами, а на остальную сумму выдать вексель. Тогда онъ вышелъ изъ вюрцбургской службы и, горя мщеніемъ, удалился въ свои помѣстья. Тамъ онъ жилъ спокойно, пока маркграфъ Альбрехтъ не началъ своихъ дикихъ набѣговъ и неистовствъ противъ городовъ и духовенства. Маркграфъ ругалъ мѣщанъ, у которыхъ занималъ деньги, разными прозвищами, какъ нынѣшніе бурши и французскіе солдаты, обзывающіе нашего брата péquins за то, что мы беремъ не кулакомъ, а хотимъ взять человѣческимъ смысломъ. Такъ и Альбрехтъ, обложивъ нюрнбергскихъ гражданъ контрибуціею, говорилъ, что хочетъ «повытрясти перечницы». Духовенство Франконіи, угрожаемое и обираемое имъ, могло принять для себя плохимъ предзнаменованіемъ, что маркграфъ, предъявляя претензію на вюрцбургскій округъ Майнбергъ, назначилъ намѣстникомъ своихъ франконскихъ владѣній Вильгельма Грумбаха, у котораго съ Вюрцбургомъ было опять нѣсколько процессовъ. Когда Альбрехтъ соединился сначала противъ императора съ князьями подъ предводительствомъ Морица Саксонскаго, потомъ примирился съ императоромъ, епископъ Мельхіоръ очутился въ такомъ незавидномъ положеніи, что былъ принужденъ пойти съ маркграфомъ на мировую. Съ этою цѣлью Мельхіоръ обратился къ Грумбаху и за содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ обѣщалъ возвратить ему 7 тысячный вексель и освободить его вюрцбургскія помѣстья отъ ленной зависимости, объявивъ ихъ аллодами.

Грумбахъ устроилъ соглашеніе между нимъ и Альбрехтомъ, который получилъ съ епископа 60,000 гульденовъ и отказался отъ притязаній на Майнбергъ (май 1552). Кромѣ того Грумбахъ еще ранѣе вынудилъ у епископа монастырь Майнбронъ, основанный его предками, со всѣми угодьями, обѣщавъ за этотъ подарокъ отклонить маркграфа отъ набѣга на епископство.

Вскорѣ имперскій палатный судъ и императоръ объявили недѣйствительными всѣ договоры, заключенные съ городами и епископами по принужденію; поэтому епископъ отобралъ все уступленное рыцарю, хотя еще въ іюлѣ 1552 приказалъ крестьянамъ помѣстій, отданныхъ Грумбаху, принести ему присягу на подданство. Но потомъ онъ отнялъ отошедшія къ нему вюрцбургскія помѣстья и потребовалъ съ него по родовымъ его имѣніямъ ленной присяги себѣ, какъ сюзерену. Грумбаху оставлялся только его вексель въ 7,000 гульденовъ. Поэтому, когда въ 1553 маркграфъ снова началъ свои похожденія, Грумбахъ пошелъ къ нему въ товарищи. Альбрехта объявили опальнымъ, а съ нимъ и рыцаря Грумбаха. Тогда епископъ такъ опустошилъ его помѣстья, что Грумбахъ жаловался потомъ, что Мельхіоръ лишилъ его 17,000 гульденовъ годоваго дохода. Грумбахъ обратился въ судъ и подалъ въ имперскій палатный судъ жалобу, утверждая, что разошелся съ Альбрехтомъ, когда маркграфа предали опалѣ, а ѣздилъ къ нему во Францію только какъ посредникъ. Онъ добился рѣшенія, повелѣвавшаго епископу возвратить ему опустошенныя имѣнія; но епископъ не послушался. Восьмаго января 1556 рыцарь издалъ брошюру, гдѣ жаловался, что до сихъ поръ еще никто не рѣшался ослушиваться судебныхъ приговоровъ. Въ отвѣтной статьѣ епископъ назвалъ жалобу Грумбаха позорной книгой и не обратилъ никакого вниманія на дружескій совѣтъ императора Фердинанда уладить дѣло съ рыцаремъ.

Послѣ того Грумбахъ счелъ себя въ правѣ принудить епископа силою исполнить приговоръ императора и имперіи. Съ этою цѣлью онъ нанялъ людей, которымъ приказалъ подсте-

регать епископа, большаго любителя охоты, по ночамъ въ Гуттенбергскомъ лѣсу близъ Вюрцбурга и, подкарауливъ, схватить и увезти. Но люди эти не рѣшились напасть на епископа, такъ какъ, по словамъ ихъ, попъ показался имъ слишкомъ хорошо вооруженнымъ и съ большимъ конвоемъ. Однако, Грумбахъ былъ такъ озлобленъ, что не хотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за тѣмъ епископъ, обремененный множествомъ долговъ, распустилъ большую часть своихъ рейтаровъ, оставивъ только необходимое число для конвоя проѣзжающимъ во Франкфуртъ. Грумбахъ нанялъ девятнадцать рѣшительныхъ молодцовъ и обѣщалъ имъ 2,000 гульденовъ, если они овладѣютъ епископомъ. Пятнадцатаго апрѣля 1558 они подстерегли епископа при проѣздѣ изъ замка Маріенберга или Фрауенберга близъ Вюрцбурга въ городъ, въ канцелярію; но его провожало двѣнадцать рыцарей, и они видѣли, что не въ силахъ захватить его. Тогда одинъ изъ нихъ, Христофоръ Крецеръ, полагая, что если онъ убьетъ епископа, то также заслужитъ обѣщанную сумму, какъ если возьметъ его въ плѣнъ, застрѣлилъ его на скаку, а товарищи его кромѣ того убили двухъ спутниковъ епископа. Всю эту шайку стали тотчасъ преслѣдовать; но всѣ они скрылись, кромѣ самого убійцы, который былъ пойманъ въ одномъ мѣстечкѣ на лотарингской границѣ и привезенъ въ Ашафенбургъ, гдѣ самъ себя лишилъ жизни.

На Грумбаха обрушилась вся вина совершеннаго убійства. Онъ бѣжалъ во Францію, гдѣ нанялъ людей, чтобы силою отнять свои имѣнія; но четыре рейнскіе курфирста уговорили его распустить наемниковъ и мирно уладить дѣло. Однако, новый вюрцбургскій епископъ, Фридрихъ фонъ Вирсбергъ, еще меньше своего предшественника думалъ о примиреніи. Онъ пренебрегъ убѣдительными просьбами многихъ имперскихъ князей и самого императора и сваливалъ всю вину совершеннаго убійства на Грумбаха, который былъ, по его словамъ, настоящимъ зачинщикомъ всего; Грумбахъ печатно доказывалъ, что не хо-

тѣлъ да и не могъ даже находить выгоды убить епископа Мельхіора. Онъ явился въ 1559 на аугсбургскій сеймъ съ императорской охранной граматой, чтобы примириться съ новымъ епископомъ; но тотъ сталъ хлопотать, чтобы Грумбаха подвергли опалѣ. Креатуры его въ брошюрахъ своихъ увѣряютъ даже, что опала была наложена; но по актамъ видно, что это ложь. Видя, что епископъ съ поповскою жадностью и злобой ни на что не соглашается, Грумбахъ возвратился во Францію. Онъ добился ходатайства французскаго короля и императора Фердинанда; курфирсты также, съѣхавшись для избранія Максимиліана II, уговаривали епископа Фридриха окончить дѣло или судебнымъ порядкомъ, или третейскимъ судомъ; но епископъ ни на волосъ не отступалъ отъ своего рѣшенія.

Грумбахъ думалъ, что сдѣлалъ все для достиженія своей цѣли законнымъ путемъ и считалъ теперь дозволеннымъ прибѣгнуть къ силѣ, такъ какъ другаго пути не оставалось. Онъ встрѣтилъ много сторонниковъ между имперскими рыцарями, а друзья его, Эрнстъ фонъ Мандельсло и Вильгельмъ фонъ Штейнъ-цумъ-Альтенштейнъ, были готовы идти за него въ огонь и воду. Старшій сынъ несчастнаго курфирста Іоганна-Фридриха Саксонскаго, наслѣдовавшій отцу въ 1554 вмѣстѣ съ своими тремя братьями во владѣніи саксонскими герцогствами, былъ также расположенъ къ Грумбаху. Подобно своему отцу и младшему брату, онъ назывался Іоганномъ-Фридрихомъ, и въ отличіе отъ нихъ его звали Іоганномъ-Фридрихомъ Среднимъ. Резиденціей его была укрѣпленная въ то время Гота. Онъ, какъ и Грумбахъ, считалъ себя несправедливо лишеннымъ отцовскаго наслѣдія и точно также ждалъ случая силою овладѣть имъ; мысль эта обратилась даже у него въ пунктъ помѣшательства. Впрочемъ, его дѣло было совершенно не то, что Грумбаха; его отецъ добровольно призналъ и утвердилъ вынужденный виттенбергскій договоръ объ уступкѣ саксонскаго курфиршества (т. XII, стр. 259). Онъ сдѣлалъ это по наумбургскому договору, заключенному въ 1554

съ преемникомъ курфирста Морица, Августомъ, и подписанному Іоганномъ-Фридрихомъ въ самый день своей смерти. Въ этомъ договорѣ онъ сдѣлалъ курфирсту новыя уступки, по которымъ владѣнія старшей герцогской линіи получили почти нынѣшніе предѣлы свои.

Въ 1563 Грумбахъ, возвратившись изъ Франціи, предложилъ герцогу Саксенъ-Готскому служить во главѣ имперскихъ рыцарей его цѣлямъ; онъ съумѣлъ такъ опутать глуповатаго и легковѣрнаго герцога, что тотъ далъ ему у себя убѣжище и возможность держать епископа вюрцбургскаго въ постоянномъ страхѣ. Іоганнъ-Фридрихъ далъ ему пріютъ и защиту въ за́мкѣ Геллингенѣ, въ Кобургскомъ округѣ Кёнигсбергѣ, у самой вюрцбургской границы. Здѣсь Грумбахъ собралъ своихъ рыцарскихъ товарищей-грабителей: Штейна, Мандельсло, Цедвица, Дитриха фонъ Биха и другихъ съ ихъ наемниками, и вмѣстѣ съ Штейномъ издалъ печатный манифестъ по образцу бранныхъ вызововъ временъ кулачнаго права.

Во время сборовъ Грумбаха и его товарищей къ походу противъ Вюрцбурга съ 800 рейтаровъ, епископъ бѣжалъ 27 сентября 1563 въ Маріенбергъ, а оттуда въ Нюрнбергъ. Онъ хорошо сдѣлалъ, что такъ спѣшилъ: уже 4 октября Грумбахъ явился передъ Вюрцбургомъ, гдѣ не было никакихъ войскъ. Граждане хотѣли было защищать городъ, но Грумбахъ разбилъ ворота и ворвался. Впрочемъ дѣло обошлось еще довольно благополучно, потому что только около десятка человѣкъ погибли въ суматохѣ. Рыцари надѣялись принудить гражданъ и соборный капитулъ заключить договоръ, въ силу котораго духовенство уступило бы добровольно то, чего они требовали отъ него съ угрозами. Съ этою цѣлью они стращали гражданъ, капитулъ, намѣстника и совѣтниковъ епископа, разбойничали и грабили въ теченіе нѣсколькихъ дней, такъ что правительство, установленное епископомъ передъ отъѣздомъ, поневолѣ согласилось на предписанныя условія. Получивъ обѣщаніе и удостовѣреніе, что епископъ утвердитъ договоръ, Грумбахъ 8 октября ушелъ

изъ Вюрцбурга. Люди его унесли съ собой значительную добычу. Онъ тотчасъ распустилъ ихъ, будучи не въ состояніи долго содержать ихъ: такъ поступали въ то время и гораздо болѣе крупные владѣтели. Онъ навелъ такой страхъ на соборный капитулъ, на намѣстничество и на граждапъ Вюрцбурга, что они пристали къ епископу съ просьбами утвердить отъ своего имени все обѣщанное ими. Онъ цѣлый день колебался, но узнавъ, что все франконское рыцарство стоитъ за дѣло Грумбаха, какъ за свое собственное, исполнилъ желаніе старшинъ, канониковъ, намѣстника, совѣтниковъ, членовъ магистрата и гражданъ.

Пока живъ былъ Фердинандъ I, эти поступки рыцарства оставались безнаказанными, хотя князья сильно негодовали на нихъ. Фердинандъ ограничивался угрозами. Узнавъ о происшествіи въ Вюрцбургѣ, онъ разослалъ по всей имперіи изъ Пресбурга манифестъ, въ которомъ Грумбахъ и товарищи его были названы мятежниками, нарушителями мира и опальными. Фердинандъ укорялъ и епископа Фридриха за то, что онъ не далъ ему знать о своей распрѣ. Онъ требовалъ отъ него объясненія и приказывалъ ему выполнить его приказъ объ опалѣ Грумбаха. Однако епископъ не осмѣлился сдѣлать это. Въ отвѣтѣ своемъ императору онъ извинялся тѣмъ, что сила рыцарей, обнаруженная при нападеніи на Вюрцбургъ, такъ велика, что онъ не рѣшается тягаться съ ними. Императоръ повторилъ свое повелѣніе и при этомъ поименовалъ всѣхъ рыцарей, на которыхъ желалъ распространить преслѣдованіе.

Съ этой минуты дѣло Грумбаха и его союзниковъ, въ которое ввязался и Іоганнъ Фридрихъ Средній, стало дѣломъ всей имперіи, и курфирстъ Августъ Саксонскій, которому Грумбахъ, служа у герцога Готскаго, могъ очень докучать, хлопоталъ черезъ друга своего, римскаго короля Максимиліана, чтобы рыцарю приказали удалиться изъ герцогствъ Готскаго и Кобургскаго. Однако, болѣе двухъ лѣтъ прошло, пока отъ писанья и разговоровъ перешли къ дѣлу. Такъ называемый имперскій экзе-

куціонный наказъ (Reichs-Executions-Ordnung) еще не существовалъ; грумбахское дѣло дало поводъ привести въ исполненіе давно начатыя приготовленія къ установленію всеобщаго мира и опредѣленію наказаній его нарушителямъ; при этомъ императоръ нашелъ содѣйствіе въ курфирстѣ Августѣ. Августъ былъ уже гораздо сильнѣе брата и предшественника своего Морица, значительно увеличивъ свои владѣнія присоединеніемъ епископствъ наумбургскаго, мерзебургскаго и мейсенскаго. Присоединеніе это сдѣлалось безъ шума черезъ соглашеніе съ протестантскими дворянами, имѣвшими права на доходы этихъ духовныхъ владѣній. Духовныя владѣнія перешли къ курфирстамъ саксонскимъ на различныхъ условіяхъ. Въ Мерзебургѣ и Наумбургѣ капитулы еще долго продолжали выбирать епископовъ, но саксонскіе принцы управляли владѣніями ихъ въ званіи администраторовъ. Только въ 1581 Мейсенъ былъ соединенъ съ курфиршествомъ саксонскимъ, хотя наружно это епископство оставалось независимымъ почти до половины семнадцатаго столѣтія. Вмѣстѣ съ этимъ усиленіемъ курфиршества саксонскаго сильно возрасло и значеніе Августа въ имперіи. Этому еще болѣе способствовала распря съ рыцарствомъ; стоявшимъ за Грумбаха и за герцога Готскаго, который далъ Грумбаху пріютъ и защиту, тѣмъ болѣе, что императоръ отъ имени имперіи обратился къ содѣйствію курфирста, чтобы наказать рыцарей и своевольнаго имперскаго князя. Первый шагъ къ этому сдѣлалъ еще Фердинандъ I. Въ январѣ 1564 онъ снова повелѣлъ Іоганну Фридриху Среднему перестать подъ страхомъ опалы оказывать покровительство Грумбаху. Кромѣ того Фердинандъ поручилъ курфирсту Майнцскому, въ силу постановленій имперскаго экзекуціоннаго наказа 1555 и 1559, созвать въ Вормсъ депутаціонный имперскій сеймъ. Вскорѣ послѣ того курфирстъ Августъ Саксонскій подвинулъ грумбахское дѣло, созвавъ въ Ютербокъ окружный сеймъ и предъявивъ Іоганну Фридриху постановленное сеймомъ рѣшеніе. Но Іоганнъ Фридрихъ или, вѣрнѣе, канцлеръ его, Брюкъ, неограниченно управлявшій имъ, пренебрегъ

этимъ рѣшеніемъ. Пока Брюкъ поддерживалъ упрямство полупомѣшаннаго герцога, Грумбахъ воспользовался его суевѣріемъ и свелъ герцога съ шарлатаномъ Гансомъ Таузендшёномъ, который окончательно сбилъ его съ толку. Чтобы поддержать невѣроятное ослѣпленіе герцога, шарлатанъ этотъ разсказывалъ ему объ откровеніяхъ, ниспосылаемыхъ ему черезъ ангела.

Учрежденія для охраненія общественнаго мира и для наказанія нарушителей его не были еще окончены, какъ показываетъ рѣшеніе вормсскаго сейма, о которомъ мы скажемъ ниже. Впрочемъ, князья-предсѣдатели окружныхъ сеймовъ и начальники округовъ имперіи уже приняли нѣкоторыя мѣры. Іоганнъ Фридрихъ пренебрегалъ угрозами императора, а Грумбахъ дѣлалъ даже набѣги на владѣнія курфирста Саксонскаго. Мы сомнѣваемся, впрочемъ, чтобы онъ, какъ говорятъ, дѣйствительно нанялъ разбойниковъ, чтобы захватить курфирста, хотя графъ Гюнтеръ фонъ-Шварцбургъ и Христофъ фонъ-Цедвицъ донесли курфирсту объ этомъ и хотя въ послѣдующемъ уголовномъ судѣ надъ Грумбахомъ объ этомъ было много толковъ. Но противорѣчивыя показанія Ганса Бёма и Филиппа Бласа, будто бы нанятыхъ Грумбахомъ для убіенія курфирста, кажутся намъ очень подозрительными. Императоръ употреблялъ всѣ ласковыя средства, чтобы уговорить герцога Іоганна Фридриха, который былъ точно околдованъ. При посредствѣ другихъ князей, особенно тестя его, курфирста Фридриха III Пфальцскаго, императоръ представлялъ ему, какой опасности онъ подвергнетъ себя, если не обратитъ вниманія на его предостереженіе. Но Іоганнъ Фридрихъ еще держался понятій Франца Зикингена, хотя времена уже очень измѣнились. Впрочемъ, пока Фердинандъ жилъ, противъ него ничего не было предпринято, потому что въ германской имперіи торопиться не любили. Императоръ ограничился только постановленіемъ вормскаго имперскаго депутаціоннаго сейма (мартъ 1564).

Князья, собравшіеся въ Вормсъ, громко высказывали свои опасенія по поводу явнаго мятежа, поднятаго рыцарствомъ. Въ

протоколѣ сейма говорилось, что рыцари обнаруживаютъ такую дерзость, что нападеніе Грумбаха на Вюрцбургъ можно считать только предвѣстіемъ болѣе важныхъ событій. Что касается принятыхъ на сеймѣ рѣшеній, то пока были только точнѣе опредѣлены мѣры для обезпеченія исполненія приговоровъ въ округахъ. Было рѣшено выставить на государственный счетъ 1,500 рейтаровъ и изъ нихъ 1,000 поручить курфирсту Саксонскому, а 500 герцогу Юлихскому, какъ верховнымъ охранителямъ мира въ округахъ верхне и нижне-германскомъ. Разумѣется, къ этому прибавлялось, что если шайка Грумбаха или кто-нибудь изъ его союзниковъ предпримутъ какія-нибудь дальнѣйшія безчинства, то герцогъ и курфирстъ должны идти противъ нихъ и затушить пламя, пока оно не распространилось. Епископъ Фридрихъ вюрцбургскій поступалъ такъ, какъ будто никогда не заключалъ съ Грумбахомъ никакого соглашенія. Онъ послалъ въ Вормсъ злобное жалобное прошеніе, въ которомъ даже на заглавіи было множество самыхъ грубыхъ ругательствъ, и Грумбахъ не назывался въ немъ иначе какъ опальнымъ.

Грумбахъ и Іоганнъ Фридрихъ не обратили вниманія на это постановленіе, на предостереженіе императора и на письма къ кургерцогу многихъ князей. Іоганнъ Фридрихъ уговорилъ даже курфирста Бранденбургскаго ходатайствовать у императора Фердинанда за Грумбаха и его товарищей. Но ходатайство это не помогло, равно какъ и депутація, еще прежде посланная къ императору отъ восьми франконскихъ рыцарскихъ кантоновъ, чтобы замолвить въ пользу Грумбаха. Вскорѣ Фердинандъ умеръ (іюль 1564), а преемникъ его, Максимиліанъ II, сразу показалъ твердую рѣшимость дать вѣсъ императорскому значенію и своей верховной судебной власти въ имперіи. Вслѣдствіе этого уже въ 1565 братъ Іоганна Фридриха, Іоганнъ Вильгельмъ, отстранился отъ брата, чтобы не отвѣчать вмѣстѣ съ нимъ за его глупость, и принудилъ его раздѣлить герцогство, которымъ до сихъ поръ они владѣли сообща. Іоганнъ Вильгельмъ былъ въ то время единственнымъ братомъ Іоганна Фридриха, потому что

третій братъ, Іоганнъ Фридрихъ Младшій, умеръ холостымъ въ октябрѣ 1564. Въ февралѣ 1565 въ Веймарѣ былъ заключенъ между Іоганномъ Вильгельмомъ и Іоганномъ Фридрихомъ Среднимъ раздѣльный договоръ, по которому владѣнія ихъ раздѣлялись на герцогства Веймаръ и Готу; но уже ближайшіе потомки обоихъ братьевъ раздѣлились еще на нѣсколько линій. Впрочемъ, и договоръ 1565 былъ очень страненъ. По условіямъ его братья должны были каждыя шесть лѣтъ мѣняться своими участками. Только надворный судъ остался общій.

Въ началѣ 1566 Максимиліанъ созвалъ въ Аугсбургъ сеймъ, гдѣ разбиралось и дѣло Грумбаха. Іоганнъ Фридрихъ не присутствовалъ на сеймѣ, а прислалъ своего совѣтника, Г у з а н у с а. Герцогъ поручилъ ему извиниться, что не отдалъ брату своему всей страны и не кончилъ полюбовно спора изъ-за покровительства Грумбаху и его товарищамъ. Онъ прибавлялъ, что дружески раздѣлился съ братомъ, отдавъ ему большую часть владѣній и крѣпость Кобургъ; крѣпость Готу онъ удержалъ за собою, потому что до него дошли слухи, будто императоръ хочетъ напасть на него и изгнать изъ послѣднихъ владѣній его.

Гузанусъ немедленно написалъ изъ Аугсбурга герцогу, умоляя его, не заступаться болѣе за рыцаря, такъ какъ противъ Грумбаха есть офиціальное обвиненіе, что онъ нанялъ убійцъ противъ Мельхіора Цобеля и слѣдовательно виновенъ въ совершенномъ ими преступленіи. Гузанусъ предувѣдомлялъ герцога, что опала противъ Грумбаха и товарищей его будетъ возобновлена, и что императоръ или подвергнетъ ей и герцога, или освободитъ подданныхъ его отъ присяги на вѣрность ему и отдастъ его владѣнія брату его. Герцогъ не обратилъ вниманія на это предостереженіе, хотяно томъ, по порученію императора, къ нему заѣхали нѣкоторые князья и старались уговорить его. Онъ не уступилъ и тогда, когда въ маѣ 1566 была возобновлена опала противъ Грумбаха и его товарищей, а также и противъ всѣхъ защитниковъ ихъ. Такимъ образомъ оставалось только оружіемъ заставить герцога уважать имперское правосудіе. Тѣмъ

не менѣе ему трижды посылали еще разныя бумаги. Іоганнъ Фридрихъ не обращалъ на нихъ вниманія; наконецъ, 12 декабря 1566 онъ былъ лично объявленъ опальнымъ, и на слѣдующій же день императоръ поручилъ привести приговоръ противъ него въ исполненіе смертельному врагу его, Августу Саксонскому.

Герцогъ стоялъ на своемъ, и тщетно имперскій герольдъ привозилъ ему отъ имени императора опальную грамату. Но наконецъ и императоръ взялся за исполненіе опальнаго приговора съ такою рѣшительностью, что курфирстъ Августъ уже 22 декабря выступилъ противъ Готы, а на сеймъ, собравшійся 3 января 1567 въ Зальфельдѣ, явился императорскій герольдъ и передалъ владѣнія Іоганна Фридриха брату его, Іоганну Вильгельму. Курфирстъ, въ лагерѣ котораго, кромѣ императорскихъ коммиссаровъ, находился и Іоганнъ Вильгельмъ, осадилъ городъ Готу и за́мокъ Гримменштейнъ. Изъ товарищей Грумбаха при Іоганнѣ Фридрихѣ не было только Мандельсло, который, предвидя исходъ дѣла, бѣжалъ при приближеніи экзекуціоннаго войска въ Нижнюю Саксонію. Вассалы Іоганна Фридриха, войска его и граждане храбро защищались въ Готѣ и за́мкѣ Гримменштейнѣ въ теченіе пятнадцати недѣль. Наконецъ они отказались повиноваться далѣе герцогу Іоганну Фридриху, когда онъ въ своемъ безумномъ упорствѣ принялся во время осады чеканить монету, на которой называлъ себя законнымъ курфирстомъ. Не смотря на убѣдительныя просьбы герцога, они 4 апрѣля 1567 захватили опальныхъ рыцарей и его совѣтниковъ.

Трогательны послѣдніе переговоры суевѣрнаго и одураченнаго своими приближенными герцога съ его вѣрными подданными. Не смотря на его мольбы, они захватили опальныхъ; тогда онъ еще разъ вышелъ къ нимъ съ рогатиной въ рукѣ и сказалъ: «Дорогое воинство, я надѣюсь, что вы отвели свою душеньку (euer Müttlein gekühlt), взявъ этихъ людей; сдѣлайте же для меня, отпустите канцлера Ганса Бейерна и Вильгельма фонъ Штейна.» Солдаты отвѣчали крикомъ: «Ни за что, ни за что!» Они отказались защищать долѣе и его самого.

Тогда наконецъ Іоганнъ Фридрихъ позволилъ своимъ вассаламъ, гражданамъ и войску вступить отъ его имени въ переговоры съ курфирстомъ Августомъ и заключить капитуляцію. Какъ неохотно онъ согласился на это, видно изъ словъ, записанныхъ имъ въ катихизисѣ, который донынѣ хранится въ Готѣ. Вотъ слова эти: «Anno domini 1567 апрѣля 13 крѣпость Гримменштейнъ и Гота сданы безъ причины, по проискамъ измѣнниковъ, причемъ и я взятъ въ плѣнъ, вечеромъ, между 5 и 6 часами.» Условія капитуляціи и 28-ми-лѣтнее заключеніе герцога въ Вѣнѣ показываютъ, что императоръ принялся за дѣло съ такимъ жаромъ, чтобы угодить курфирсту Августу. Въ капитуляціи было условлено, что герцогъ Іоганнъ Фридрихъ немедленно будетъ переданъ императору, именемъ котораго беретъ его курфирстъ; что всѣ опальные будутъ выданы и что магистратъ и граждане Готы, отъ имени Іоганна Фридриха, на колѣняхъ будутъ просить прощенія у императора или, вмѣсто него, у курфирста, и присягнутъ на подданство герцогу Іоганну Вильгельму.

Баронъ фонъ Грумбахъ, въ то время уже дряхлый старикъ, и товарищи его были подвергнуты совершенно ненужному уголовному процессу, т. е., другими словами, безчеловѣчной пыткѣ, а потомъ 18 апрѣля 1567 звѣрски казнены въ Готѣ. Для характеристики нѣмецкихъ уголовныхъ правилъ и ученыхъ юристовъ, заправлявшихъ ими, замѣчательны начальныя слова приговора Грумбаха. «Хотя упомянутый Грумбахъ заслуживаетъ самаго строгаго наказанія, какое только можно придумать, но курфирстъ, по врожденному своему благодушію, смягчаетъ его съ тѣмъ, чтобы Грумбахъ былъ только заживо четвертованъ.»

Іоганна Фридриха привезли сначала въ Дрезденъ. гдѣ подвергли длинному допросу, ни къ чему не ведущему; потомъ передали его императорскимъ коммиссарамъ. Они повезли его въ Вѣну въ жалкой одеждѣ и въ открытомъ экипажѣ и ввезли въ столицу съ нѣкоторымъ тріумфомъ, какъ дѣлали римляне съ по-

бѣжденными царями. Онъ до самой смерти (1595) пробылъ арестантомъ въ вѣнскомъ Нейштадтѣ. Благородная жена его, Елисавета, дочь курфирста Фридриха III Пфальцскаго, тщетно употребляла всѣ старанія выхлопотать ему освобожденіе. Наконецъ она послѣдовала за мужемъ своимъ въ изгнаніе и умерла незадолго до него. Курфирста Августа справедливо обвиняли въ подстрекательствѣ императора ко всѣмъ этимъ жестокостямъ и въ томъ, что будто онъ взялъ съ Максимиліана обѣщаніе не дозволять герцогу возвращаться въ Саксонію. За это народъ осмѣялъ курфирста въ пѣсняхъ и въ сатирахъ; изъ послѣднихъ особенно извѣстна «Соловей», которую Лессингъ вывелъ изъ забытія въ прошломъ столѣтіи.

Издержки на экзекуцію, высчитанныя въ 800,000 гульденовъ, были покрыты частью изъ имперскихъ и окружныхъ налоговъ, но большею частью пали на сыновей Іоганна Фридриха, которымъ только въ 1570 возвратили отцовское владѣніе. До уплаты наложенной на нихъ суммы имъ пришлось дать въ залогъ четыре округа. Въ 1572 они раздѣлили свои владѣнія. Старшему, Іоганну Казимиру, достался Кобургъ, а младшему, Іоганну Эрнсту, — Эйзенахъ. Оба умерли, не оставивъ наслѣдниковъ, и владѣнія ихъ перешли къ потомкамъ дяди ихъ, Іоганна Вильгельма. У Іоганна Вильгельма осталось два сына, и изъ нихъ старшій, Фридрихъ Вильгельмъ I, получилъ Альтенбургъ, а младшій, Іоганнъ, — Готу, Веймаръ и Эйзенахъ. Альтенбургская линія, идущая отъ перваго, пресѣклась во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія. Домъ же втораго еще при сыновьяхъ его раздѣлился на три линіи; изъ сыновей его одинъ взялъ себѣ Веймаръ, другой Эйзенахъ, а третій Готу.

4. Венгрія, Трансильванія и османы при императорахъ Фердинандѣ I и Максимиліанѣ II.

Мы уже разсказывали (т. XII, стр. 221—22 и XIII, стр. 70) о войнахъ, которыя вели съ османами Фердинандъ I и Максимиліанъ II; но теперь намъ приходится снова возвратиться къ нимъ, чтобы досказать недосказанное и разъяснить связь ихъ съ другими событіями того времени. Мы говорили, что османы овладѣли почти всею Венгріею, потому что Фердинандъ I спорилъ съ Заполіей о королевскомъ титулѣ, и что султанъ Солиманъ II, подъ предлогомъ защиты вдовы Заполіи, Изабеллы, и маленькаго сына его, Іоанна Сигизмунда, занялъ Офенъ и заставилъ Изабеллу удалиться въ Трансильванію. Но мы не говорили еще о роли, которую игралъ въ этихъ дѣлахъ одинъ честолюбивый монахъ. То былъ Георгъ Утышевичъ или, какъ называютъ его въ нашихъ историческихъ книгахъ, Мартинуцци. Фердинандъ пользовался его услугами въ трудныхъ переговорахъ своихъ съ Солиманомъ II; но въ то же время Мартинуцци былъ въ такихъ короткихъ отношеніяхъ съ Заполіей, что самъ султанъ предостерегалъ императора противъ этого опаснаго человѣка. У Мартинуцци было много связей въ Трансильваніи, куда онъ поѣхалъ за Изабеллою, матерью молодаго Іоанна Сигизмунда Заполіи, и гдѣ онъ вскорѣ сдѣлался сильнѣе самой Изабеллы, такъ что отказался даже дать ей отчетъ въ управленіи, говоря, что обязанъ имъ только Іоанну Сигизмунду, когда онъ выростетъ. Тутъ онъ сошелся съ императоромъ и въ 1549 устроилъ договоръ, въ силу котораго Изабелла, стѣсненная между Фердинандомъ и Солиманомъ, обязалась, подъ извѣстными условіями, уступить императору Трансильванію. За эту услугу Фердинандъ обѣщалъ Мартинуцци санъ архіепископа гранскаго и ходатайство о возведеніи его въ кардинальское досто-

ниство. Но исполненіе договора отсрочилось до 1551, потому что турки снова наводнили Венгрію страшными полчищами.

Фердинанду въ этой войнѣ помогали волонтеры со всего христіанскаго міра. Но пока арміей командовалъ Никласъ фонъ Зальмъ, война шла неудачно. Мартинуцци сдѣлался въ 1551 архіепископомъ, а въ ноябрѣ того же года кардиналомъ; когда главнокомандованіе было поручено Кастальдо, Мартинуцци удалось, наконецъ, привести въ исполненіе устроенный имъ договоръ; у него было много связей въ Трансильваніи, и онъ вмѣстѣ съ Кастальдо руководилъ военными дѣйствіями противъ турокъ въ Венгріи и велъ переговоры и съ турками, и съ императоромъ. На настойчивые вопросы Изабеллы онъ даже признался ей, что поддерживаетъ сношенія съ турками и просилъ у нея прощенія. Онъ былъ прощенъ; но миръ продолжался недолго, и во время пребыванія его при венгерскомъ войскѣ въ Гроссъ-Вартейнѣ онъ формально былъ объявленъ на трансильванскомъ сеймѣ государственнымъ измѣнникомъ. У него хватило безстыдства явиться на сеймъ для оправданія, надѣясь на свою партію въ Трансильваніи, на армію Кастальдо и на свои собственныя войска, двигавшіяся въ Трансильванію. Пока Кастальдо бралъ въ Трансильваніи одну крѣпость за другой, Изабелла, покинутая своими вассалами, бѣжала въ Карльсбургъ. Мартинуцци возвратилъ ей сокровища ея мужа и убѣдилъ просьбами и объясненіями поручить ему переговоры съ Кастальдо. При этомъ Мартинуцци разъѣзжалъ въ монашеской рясѣ въ каретѣ въ восемь лошадей, и вообще окружалъ себя такою царскою роскошью, что сдѣлался подозрительнымъ и туркамъ, и имперцамъ, въ то время, какъ желалъ сохранить дружескія отношенія и съ тѣми, и съ другими. Наконецъ, 27 іюля 1551 Изабелла исполнила договоръ, устроенный Мартинуцци въ 1549 году. Она отказалась отъ Венгріи и Трансильваніи и выдала Фердинанду корону и другіе знаки королевскаго достоинства. За это ей было возвращено ея приданое 100.000 дукатовъ, а сыну ея даны силезскія герцогства Ратиборъ и Оппельнъ и возвращены всѣ конфиско-

ванныя у мужа ея громадныя помѣстья въ Венгріи; кромѣ того, ей обѣщали женить ея сына на дочери Фердинанда. Іоаннъ Сигизмундъ былъ обрученъ 11 августа 1551 въ Колоскомъ монастырѣ при Клаузенбургѣ; потомъ Изабелла уѣхала, но вскорѣ, какъ мы уже говорили, стала громко жаловаться, что ее обманули, а между тѣмъ въ 1552 турки свирѣпствовали въ Венгріи хуже прежняго.

Въ концѣ 1551 императорская армія подъ предводительствомъ Кастальдо и Мартинуцци успѣшно дѣйствовала въ Венгріи и взяла бы крѣпость Липпу, если бы Мартинуцци по полученіи кардинальства не началъ снова оказывать тайныхъ услугъ туркамъ, думая этимъ удержать за собою Трансильванію. Онъ навлекалъ на себя подозрѣніе уже тѣмъ, что Гайдеръ-паша хвастался родствомъ съ нимъ, а султанъ далъ ему письменное прощеніе за все прежнее. Мартинуцци не только просьбами домогался у султана прощенія, но и доставилъ липпскому гарнизону и коменданту свободное отступленіе въ Бѣлградъ. Это возмутило венгровъ, и они подъ предводительствомъ Хорвата, Балассы и Михаила Домбая напали на отступавшихъ турокъ и уничтожили большую часть ихъ. Кастальдо извѣстилъ Фердинанда о двусмысленныхъ поступкахъ кардинала и о сношеніяхъ его съ Константинополемъ, прибавляя, что императоръ неизбѣжно потеряетъ Трансильванію, если Мартинуцци сохранитъ свое вліяніе. На это Фердинандъ написалъ Кастальдо, чтобы онъ какъ-нибудь постарался избавиться отъ измѣнника. Вслѣдствіе этого Мартинуцци былъ убитъ испанскими и итальянскими офицерами императорской арміи. Онъ жилъ въ замкѣ Альвинчѣ, куда къ нему часто пріѣзжали турецкіе гонцы и уполномоченные; туда къ нему пріѣхали Кастальдо и Сфорца Паллавичини, заняли итальянскими и испанскими бандитами башни замка, и 18 декабря въ комнату кардинала вошелъ секретарь Кастальдо подъ предлогомъ подачи кардиналу бумаги для подписи и поразилъ его кинжаломъ въ горло; Паллавичини, вбѣжавшій вслѣдъ за нимъ, также ранилъ кардинала, а испанцы, введенные Лопе-

сомъ, добили его прикладами. Такъ разсказываетъ Бухгольцъ въ біографіи Фердинанда. Мы не утверждаемъ, что все это происходило именно такъ; но во всякомъ случаѣ для памяти Фердинанда всегда будетъ позоромъ, что онъ такъ по-восточному отдѣлался отъ опаснаго слуги.

Императорская армія дѣйствовала въ Венгріи такъ же жестоко и опустошительно, какъ и турецкая. Мы уже говорили, что Маркъ Хорватъ (стр. 70) въ 1556 удержалъ передъ Шигетомъ всѣ турецкія силы, что по проискамъ турокъ Іоаннъ Сигизмундъ Заполья снова сталъ великимъ княземъ трансильванскимъ, и что война кончилась въ 1562 дорого купленнымъ перемиріемъ. Перемиріе было заключено на восемь лѣтъ, но не просуществовало и половины этого срока. Мать Сигизмунда, желавшая помирить сына съ Фердинандомъ бракомъ его на дочери Фердинанда, умерла, не осуществивъ своего намѣренія; по смерти отца Максимиліанъ II былъ принужденъ начать съ Іоанномъ Сигизмундомъ войну. Іоаннъ Сигизмундъ не отказывался отъ титула избраннаго короля венгерскаго и при Максимиліанѣ хотѣлъ оружіемъ защищать свои права. Испытавъ на войнѣ неудачи, онъ снова призвалъ турокъ, которые въ 1566 опять объявили императору войну и принудили его уступить Іоанну Сигизмунду три венгерскіе города, платить Турціи годовую дань и сдѣлать значительные подарки турецкимъ министрамъ. За все это Максимиліанъ только въ мартѣ 1568 добился перемирія, которое, однако, нисколько не прекратило разбойничьихъ набѣговъ турокъ. Слабому Іоанну Сигизмунду тоже приходилось отъ турокъ плохо. Онъ долженъ былъ согласиться на всевозможныя униженія и уступки, и тѣмъ не менѣе посланникъ его, Альбертъ де Визъ, за то, что не всталъ съ лошади передъ муфтіемъ, потерпѣлъ на улицѣ отъ янычаръ такіе побои, что вскорѣ умеръ. Поэтому Іоаннъ Сигизмундъ тайно старался сойтись съ Максимиліаномъ противъ турокъ и въ 1570 заключилъ съ нимъ договоръ, въ которомъ, наконецъ, отказался отъ титула избраннаго короля Венгріи. Союзъ противъ турокъ былъ главнымъ услові-

емъ этого договора. Обѣ стороны обѣщали другъ другу держать договоръ въ возможной тайнѣ.

Въ силу того же договора Іоаннъ Сигизмундъ долженъ былъ жениться на баварской принцессѣ Маріи; но этому воспротивились іезуиты, которыхъ Максимиліанъ изгналъ изъ Венгріи; они не хотѣли этого брака, потому что Іоаннъ Сигизмундъ сдѣлался социніанцемъ и старался распространить это ученіе. Іезуиты словесно и печатно кричали, что ученіе Социна объ абсолютномъ единствѣ христіанскаго Бога, есть не что иное, какъ атеизмъ или нѣчто еще худшее, такъ что баварская принцесса съ отвращеніемъ отказалась отъ брака. Іезуиты ревностно хлопотали и противъ благороднаго Георгія Бландрата, піемонтскаго врача Іоанна Сигизмунда; но онъ своею евангельскою вѣрою и чистотою нравовъ посрамилъ всѣхъ догматиковъ.

Іоаннъ Сигизмундъ умеръ бездѣтнымъ въ мартѣ 1571 въ то самое время, когда султанъ Селимъ II набиралъ войско, чтобы отмстить ему за союзъ съ Максимиліаномъ. На мѣсто Іоанна Сигизмунда трансильванскіе чины выбрали новаго воеводу, испросивъ предварительно позволенія султана. Позволеніе было дано, и на мѣсто Іоанна Сигизмунда былъ избранъ Стефанъ Баторій. Новый правитель немедленно послалъ годовую дань въ Константинополь, а посланники Селима привезли ему знамя и скипетръ. Максимиліанъ также торжественно призналъ его; но между ними были два нерѣшенные вопроса, повлекшіе за собою не мало споровъ. Стефанъ Баторій оказывалъ, впрочемъ, императору важныя услуги въ его ссорахъ съ турками, хотя и не могъ остановить ихъ разбойничьихъ набѣговъ. Максимиліанъ былъ такъ благоразуменъ, что послѣдовалъ совѣту стараго архіепископа Веранци, своего намѣстника (locum tenens) въ Венгріи, и послѣ побѣды донъ Хуана при Лепанто (стр. 80) не согласился принять участія въ войнѣ съ турками.

Максимиліанъ поступалъ не такъ благоразумно въ Польшѣ, гдѣ въ 1572 со смертью Сигизмунда Августа пресѣклась ди-

настія Ягеллоновъ, и польскій престолъ остался незанятымъ. Двѣ сестры императора одна за другою были замужемъ за Сигизмундомъ Августомъ, такъ что Максимиліанъ имѣлъ въ Польшѣ много сторонниковъ и сталъ добиваться польскаго престола. Стефанъ Баторій, сперва также искавшій вѣнца Ягеллоновъ и, подобно Максимиліану, имѣвшій въ Польшѣ сильную партію, добровольно уступилъ императору. Но поляки неожиданно выбрали не Максимиліана, а герцога Генриха Анжуйскаго, царствовавшаго потомъ во Франціи подъ именемъ Генриха III. Генрихъ, какъ мы знаемъ (стр. 93), вскорѣ послѣ своей коронаціи бѣжалъ во Францію. Тогда поляки объявили его лишеннымъ польской короны и предприняли новые выборы. Максимиліанъ опять явился претендентомъ. При этомъ онъ, конечно, заботился о своихъ сыновьяхъ, такъ какъ самъ сталъ уже хворать; особенно имѣлъ онъ въ виду Эрнста, который впослѣдствіи пристроился въ Нидерландахъ, какъ и братъ его, Альбрехтъ. Старшій же сынъ, Рудольфъ II, еще въ 1572 былъ избранъ королемъ Венгріи, въ 1575 королемъ Богеміи, въ октябрѣ 1575 римскимъ королемъ и коронованъ 1-го ноября того же года. Стефанъ Баторій снова явился соперникомъ Максимиліана, но на этотъ разъ уже не уступилъ ему, а послалъ въ Польшу Георгія Бландрата съ большими деньгами, испросилъ за себя ходатайство султана Селима и обѣщалъ, что́ было для него, вѣроятно, всего непріятнѣе, жениться на пятидесяти-лѣтней сестрѣ Сигизмунда Августа, Аннѣ. Голоса при выборахъ раздѣлились. Декабря 14 1575 партія палатина краковскаго избрала королемъ Стефана Баторія, а сенатъ, руководимый архіепископомъ гнѣзненскимъ, императора Максимиліана. Обѣ партіи послали къ своимъ избранникамъ депутатовъ.

Стефанъ Баторій принялъ корону и немедля устроилъ избраніе въ трансильванскіе воеводы своего брата, Христофора Баторія, чтобы тотъ въ его отсутствіе правилъ страною по его совѣту и указанію, а излишки доходовъ представлялъ ему. Перваго мая 1576 онъ короновался въ Краковѣ королемъ поль-

скимъ и женился на принцессѣ Аннѣ. Максимиліанъ тоже принялъ предложеніе польской депутаціи и, казалось, намѣревался оружіемъ овладѣть польскою короною. Онъ готовился въ Венгріи къ войнѣ противъ Баторія, а въ Германіи, гдѣ жилъ въ Аугсбургѣ, сталъ уже набирать войско; но смерть поразила его 13 октября 1576 на сорокъ девятомъ году отъ роду.

За исключеніемъ Іосифа I и Іосифа II, Максимиліанъ II былъ единственнымъ правителемъ изъ Габсбургскаго дома, имѣвшимъ искреннее желаніе разрушить старые обычаи австрійской монархіи и пагубную власть прелатовъ, нарочно распространявшихъ суевѣріе. Но, подобно двумъ другимъ императорамъ, онъ не окончилъ ничего начатаго: такъ что во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что весь длинный рядъ несчастій, постигавшихъ австрійскую монархію и германскую имперію въ теченіе всего слѣдующаго столѣтія, находится въ связи съ его реформами, хотя, конечно, они не были причиною ихъ.

5. Венгрія и Трансильванія при Рудольфѣ II.

Рудольфъ II, наслѣдовавшій своему отцу, прожилъ до двѣнадцати лѣтъ при матери, которая тщательно воспитала его въ той механической набожности, которая составляетъ потребность людей слабаго характера: привыкая къ безусловному повиновенію своимъ духовникамъ, они подавляютъ въ себѣ всякое свободное движеніе души и считаютъ поповскую болтовню голосомъ самого Бога. На двѣнадцатомъ году Рудольфа отправили въ Испанію, гдѣ король Филиппъ II назначилъ его своимъ наслѣдникомъ, потому что по смерти перваго сына (1568) въ теченіе десяти лѣтъ (до 1578) не имѣлъ другаго. Рудольфъ прожилъ въ Испаніи шесть лѣтъ до 1570 и получилъ совершенно испанское воспитаніе; іезуиты сдѣлали изъ него ученаго, совершенно непрактичнаго въ жизни, и врага евангелическаго ученія, которое при отцѣ его покровительствовалось и поддержи-

валось въ Австріи, въ Венгріи и Богеміи. Всю свою жизнь онъ слѣдовалъ испанскимъ внушеніямъ и былъ всегда окруженъ іезуитами, которые по принципу своего ордена старались искоренять ученіе протестантовъ, а гдѣ это оказывалось невозможно, то, по крайней мѣрѣ, истреблять самихъ протестантовъ. Максимиліанъ возвысилъ значеніе императора тѣмъ, что и католики, и лютеранскіе, и кальвинистскіе протестанты стали охотно признавать его судьей въ своихъ спорахъ; напротивъ того, мнѣнія Рудольфа внушали протестантамъ ужасъ, потому что онъ постоянно былъ окруженъ іезуитами, которые своими проповѣдями возстановляли и его, и всѣхъ католиковъ противъ протестантства, поддерживали и раздували до непримиримости вражду между лютеранами, кальвинистами и криптокальвинистами. Протестантскіе богословы своимъ рвеніемъ къ новой схоластической сухой догматикѣ помогали ковнямъ іезуитовъ. Слабоумный императоръ Рудольфъ въ послѣдніе годы своей жизни сдѣлался игрушкою всѣхъ, кто умѣлъ овладѣть имъ; это видно изъ недавно обнародованной и взятой изъ актовъ жизни камердинера его, Ланга; въ ней обнаруживаются самые невѣроятные факты. Событія царствованія Рудольфа служатъ какъ бы прелюдіей къ тому, что произошло въ слѣдующемъ столѣтіи. Мы остановимся только на томъ, что имѣло отношеніе къ тритцатилѣтней войнѣ.

Рудольфъ основалъ свое мѣстопребываніе въ Прагѣ и вначалѣ не показывалъ такихъ явныхъ признаковъ идіотизма, которые такъ несомнѣнно обнаружились въ немъ впослѣдствіи. Въ Прагѣ онъ занимался процвѣтавшею тогда подъ названіемъ астрономіи астрологіей, которой потомъ былъ принужденъ заниматься съ нимъ самъ великій Кеплеръ, вызванный имъ въ Прагу. Кромѣ того, онъ отыскивалъ философскій камень и вообще предавался алхиміи. Его всюду окружали іезуиты. Въ Австріи преслѣдованіемъ протестантовъ занимался сначала за Рудольфа іезуитскій провинціалъ Лаврентій М а г и; впослѣдствіи, когда Рудольфъ передалъ правленіе Австріей своему брату Э р н с т у,

іезуитъ Сцанто усердствовалъ противъ протестантовъ также ревностно. Эрцгерцогъ Эрнстъ, какъ извѣстно, былъ впослѣдствіи посланъ Филиппомъ II въ Нидерланды; онъ былъ воспитанъ совершенно по-испански и во всѣхъ отношеніяхъ оказывался способнымъ заниматься преслѣдованіемъ протестантства, которому отецъ его такъ благопріятствовалъ. Въ Кроаціи императору содѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ дядя его, Карлъ Штирійскій. Одинъ только братъ Рудольфа, Матѳій, какъ мы знаемъ (стр. 89), безъ позволенія главы своего дома, отправился въ Нидерланды и дѣйствовалъ противъ испанцевъ.

Въ Трансильваніи пустилъ корни не только протестантизмъ, но и социніанизмъ; впрочемъ, іезуиты и тамъ захватили воспитаніе въ свои руки, частью потому, что имъ покровительствовалъ изъ Польши Стефанъ Баторій, а частью потому, что за ними были тогда положительныя заслуги въ дѣлѣ преподаванія и науки. Братъ Стефана, Христофоръ Баторій, хотя былъ женатъ на реформаткѣ, Елисаветѣ Бочкай, однако, поручилъ воспитаніе своего сына, Сигизмунда Баторія, іезуиту Іоанну Лешив и въ 1579 учредилъ двѣ іезуитскія коллегіи, одну въ Карльсбургѣ, а другую въ Монастырѣ. За это іезуиты выхлопотали ему отъ брата его, Стефана, который очень неохотно согласился на это, разрѣшеніе на избраніе чинами восьмилѣтняго сына его въ преемники. Избраніе его произошло въ апрѣлѣ 1581, за мѣсяцъ до смерти Христофора. Почти въ то же время іезуиты овладѣли всѣмъ учебнымъ преподаваніемъ. Управленіе страною на время несовершеннолѣтія Сигизмунда было поручено чинами тремъ лицамъ, которыя своими поступками возбудили такое неудовольствіе, какое въ Венгріи Рудольфъ и его совѣтники. Стефану Баторію пришлось, наконецъ, взяться за дѣло племянника. Опекуномъ его онъ назначилъ Іоанна Гецв, что дѣлаетъ ему большую честь, потому что при этомъ онъ сталъ выше предразсудковъ своихъ родственниковъ, своего времени и даже своихъ собственныхъ: Гецв былъ реформатъ. Пока былъ живъ Стефанъ Баторій, іезуиты и сторонники

ихъ сохраняли, впрочемъ, въ Трансильваніи перевѣсъ за собою. Но по смерти его поступки ихъ и ненависть къ нимъ протестантовъ, основательная или неосновательная въ отдѣльныхъ случаяхъ, произвели безпорядки какъ въ Трансильваніи, такъ и въ Венгріи.

Съ 1585 турки снова начали опустошительные набѣги на Кроацію и на другія границы. Рудольфъ былъ въ этомъ отношеніи сначала счастливѣе своихъ предшественниковъ, и турки безпокоили его менѣе, потому что султаны уже не управляли, какъ прежде, сами своимъ войскомъ и государствомъ. Перемѣна эта произошла уже при пьяницѣ Селимѣ II, а наслѣдникъ его, Мурадъ III, вступившій на престолъ за два года до Рудольфа, заперся въ гаремъ, поддался вліянію женщинъ, а управленіе дѣлами предоставлялъ людямъ, которые случайно подвертывались ему. Тѣмъ не менѣе, Рудольфу пришлось послать этому султану усиленную дань и кромѣ того значительные и дорогіе подарки, чтобы добиться подтвержденія мира, дарованнаго Селимомъ Максимиліану.

Не смотря на новыя опустошенія турокъ, императора уговорили поддержать исканія своего брата на польскій престолъ по смерти Стефана Баторія (декабрь 1586). Поляки въ августѣ 1587 приступили къ избранію новаго короля. При этомъ они раздѣлились на двѣ партіи. Большинство избрало сына шведскаго короля Іоанна, Сигизмунда III, мать котораго, Екатерина, была сестра послѣдняго Ягеллона; меньшинство, въ угоду венгерскимъ магнатамъ, избрало брата Рудольфа, гросмейстера Тевтонскаго ордена, Максимиліана. Первый былъ воспитанъ матерью, окруженною въ протестантской Швеціи іезуитами, въ видахъ польскаго престола въ католицизмѣ; но ни Екатерина, ни іезуиты не разсчитали, что черезъ это онъ лишится своей наслѣдственной страны, Швеціи. Послѣ такого двойственнаго избранія Максимиліанъ съ помощью небольшаго числа венгерцевъ, нанятыхъ его друзьями, рѣшился отправиться съ этимъ слабымъ отрядомъ въ Польшу, чтобы оружіемъ отстоять

свой выборъ. На его сторонѣ былъ государственный маршалъ Зборовскій; выборъ же Сигизмунда отстаивалъ фельдмаршалъ и государственный канцлеръ Замойскій, обезсмертившій себя какъ ученый изслѣдователь. Максимиліанъ достигъ Кракова, тогдашней столицы Польши; но городъ храбро защищался противъ него, пока Замойскій не подошелъ на помощь. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ Замойскій прогналъ Максимиліана за границу. Максимиліанъ, безразсудно понадѣясь на 1,000 человѣкъ пѣхоты и 500 конницы, приведенныхъ къ нему его друзьями, венгерскими магнатами Валентиномъ Преповари, Павломъ Мелитомъ и Петромъ Андрасси, сдѣлалъ въ началѣ 1588 новую попытку; но 24 января близъ городка Бичина былъ на голову разбитъ Замойскимъ, получившимъ подкрѣпленіе изъ Трансильваніи. Послѣ пораженія Максимиліанъ укрылся въ Бичинѣ, но дня черезъ четыре былъ принужденъ сдаться непріятелю. Его отвезли въ замокъ Красноставъ близъ Люблина и продержали тамъ цѣлый годъ въ заключеніи. Все это время братъ его, императоръ, не дѣлалъ для него ничего, положившись на переговоры съ поляками, завязанные папскимъ нунціемъ и испанскими посланниками. Наконецъ, въ февралѣ 1589 на варшавскомъ сеймѣ былъ заключенъ договоръ, которымъ Максимиліану давалась свобода. Этотъ договоръ былъ позоренъ для Австріи. Она должна была возвратить городъ Леблау, завоеванный венграми на пути въ Польшу и привести его въ прежнее состояніе, и кромѣ того уступить графство Зипсъ съ шестнадцатью городами, заложенное нѣкогда полякамъ императоромъ Сигизмундомъ. Кромѣ того, за Максимиліана было дано 40,000 гульденовъ выкупа. Тѣмъ не менѣе его продержали въ заключеніи еще пять мѣсяцевъ, но за то онъ не сложилъ титула короля польскаго. Рудольфъ до того пренебрегалъ государственными дѣлами, что только въ 1598 утвердилъ этотъ договоръ, такъ что, не смотря на постоянные раздоры съ поляками, Максимиліанъ все это время титуловался королемъ польскимъ.

Венгры сдѣлались между тѣмъ почти совершенно независимыми, хотя эрцгерцогъ Эрнстъ былъ номинально намѣстникомъ. Прикрытыя личиною религіознаго рвенія, дѣйствія корыстолюбивыхъ и жадныхъ іезуитовъ, которые до сихъ поръ смѣшиваютъ внѣшнюю церковь съ внутреннею религіею, были главною причиною неудовольствій въ Венгріи и Трансильваніи. Въ Трансильваніи наставникомъ Сигизмунда Баторія былъ іезуитъ Лелеши; и безчинство іезуитовъ дошло наконецъ до того, что трое достойнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ людей, Гецп, Гальсій и Коваточій, потребовали удаленія Лелеши и назначенія на мѣсто его наставникомъ воеводы Михаила Брутуса. Сигизмундъ Баторій не согласился на это, не взирая ни на какіе доводы. Тогда за дѣло взялись чины и въ 1588 объявили іезуитамъ, чтобы они въ теченіе двадцати пяти дней выѣхали изъ страны.

Вслѣдъ затѣмъ Рудольфа стали безпокоить турки и венгры. Турки, особенно визирь Синанъ-паша, производили страшныя опустошенія въ Кроаціи, Штиріи и въ другихъ провинціяхъ, тѣмъ болѣе, что эрцгерцогъ Эрнстъ былъ плохой полководецъ. Въ декабрѣ 1592 эрцгерцога отозвали въ Нидерланды; Рудольфъ самъ не могъ рѣшиться покинуть Прагу; тогда Филиппъ II послалъ въ Венгрію младшаго Мансфельда, который воевалъ успѣшнѣе. Наконецъ, Рудольфъ долженъ былъ передать правленіе Венгріей брату Матѳію, такъ какъ изъ остальныхъ братьевъ Эрнстъ былъ занятъ въ Нидерландахъ, второй — Альбрехтъ, жилъ въ Испаніи, а третій — Максимиліанъ, сначала какъ опекунъ сына дяди своего, Карла, былъ занятъ во внутренней Австріи и на границѣ, а съ 1595 въ Тиролѣ, гдѣ наслѣдовалъ умершему въ то время эрцгерцогу Фердинанду, сыновья котораго отъ Филиппины Вельзеръ не имѣли права на престолонаслѣдіе. Матѳій былъ такъ же неспособенъ вести турецкую войну и венгерскія дѣла, какъ и Эрнстъ. Притомъ Рудольфъ ненавидѣлъ его за ту роль, какую онъ игралъ въ Нидерландахъ; но венгры именно за это полюбили его. Къ счастію, ни Мурадъ III, ни преемникъ его Мухаммедъ III, не были способны из-

влечь выгоду изъ несчастнаго положенія австрійскаго правительства. Успѣхъ былъ попремѣнно то на той, то на другой сторонѣ, но для несчастной Венгріи война эта принесла только новыя опустошенія и варварскія жестокости. Она длилась до 1602 съ перемѣнными побѣдами и пораженіями, осадами и завоеваніями отдѣльныхъ городовъ. Мы предоставляемъ разсказъ обо всемъ этомъ спеціальнымъ историкамъ; но нельзя умолчать о дѣлахъ Трансильваніи и о внутреннихъ религіозныхъ смутахъ въ Австріи и въ Венгріи, потому что онѣ чрезвычайно важны для всеобщей исторіи семнадцатаго столѣтія.

Въ Трансильваніи, какъ мы сказали, власть іезуитовъ надъ слабымъ воспитанникомъ ихъ, Сигизмундомъ, возбудила сильные раздоры между партіями, и наконецъ іезуиты были изгнаны. Изгнать ихъ было, однако, трудно, потому что папа, Испанія и Австрія имѣли по милости турокъ сильныя партіи и большое вліяніе въ Трансильваніи, и при томъ самъ Сигизмундъ предпочиталъ союзъ съ Австріею союзу съ турками, которымъ былъ обязанъ престоломъ. Когда турки начали войну съ венграми и потребовали его помощи согласно союзному договору, Сигизмунду пришлось открыто рѣшиться взять чью-нибудь сторону. Протестанты и слышать не хотѣли о союзѣ съ Австріею; только двое изъ ихъ партіи, Бочкай и Гецій, были за Австрію. Оба они были близкіе родственники Баторія и протестанты, такъ что согласіе ихъ съ іезуитами непонятно, и венгерскіе писатели объясняютъ его тѣмъ, будто Бочкай и Гецій надѣялись, что члены дома Баторія, поссорившись изъ-за религіи, погубятъ другъ друга и такимъ образомъ откроютъ имъ путь къ престолу. Вѣрить этому объясненію вполнѣ нельзя. Во всякомъ случаѣ, когда въ августѣ 1594 на сеймѣ въ Клаузенбургѣ оказалось, что только силою можно заставить заключить союзъ съ Австріею, они предоставили свои войска въ распоряженіе Сигизмунда для рѣшительнаго удара (coup d'état) противъ противниковъ этого союза.

Стефанъ Іозика совѣтовалъ молодому Сигизмунду послѣдовать итальянскому правилу (cosa fatta ha capo — что взято, то свято), которому и въ наше время слѣдуютъ въ нѣкоторыхъ странахъ очень успѣшно. Сигизмундъ послѣдовалъ совѣту и внезапно приказалъ арестовать двухъ предводителей враждебной партіи, Александра и Гавріила Рендіевъ и всѣхъ сторонниковъ ихъ. Оба Рендіи и Іоаннъ Излинъ были публично казнены на рыночной площади въ Клаузенбургѣ, а Балтазаръ Баторій и трое другихъ вельможъ въ другихъ городахъ. За этими казнями, признанными потомъ сеймомъ законными и справедливыми, послѣдовало въ апрѣлѣ 1595 на сеймѣ объявленіе опалы противъ кардинала Андрея Баторія. Папа послалъ его съ испанскимъ іезуитомъ Альфонсомъ Карили въ Трансильванію, чтобы устроить союзъ съ Австріею; но онъ принялъ сторону Балтазара и жаловался папѣ и всему совѣту на насиліе, совершенное противъ Балтазара. Послѣ казни вождей противной партіи никто уже не противился открыто намѣреніямъ іезуитовъ, и вскорѣ союзъ съ Австріею состоялся. Альфонсъ Карили былъ посланъ въ Прагу; за нимъ слѣдовало посольство изъ семи трансильванскихъ дворянъ подъ предводительствомъ Стефана Бочкая. Эрцгерцогъ Матѳій созвалъ въ началѣ 1595 сеймъ въ Пресбургъ и согласился на союзъ отъ имени венгровъ и на условія, заключенныя въ Прагѣ, и 28 января 1595 договоръ былъ подписанъ въ Прагѣ. Главныя условія договора заключались въ обоюдной помощи въ турецкой войнѣ и въ присоединеніи Трансильваніи къ Австріи въ случаѣ бездѣтной смерти Сигизмунда. Договоръ былъ утвержденъ венгерскимъ сеймомъ и внесенъ въ имперскія статьи. Короля польскаго, Сигизмунда III, также приглашали принять участіе въ союзѣ противъ турокъ; но Замойскій, доставившій Сигизмунду престолъ, былъ врагъ габсбургскаго дома и не хотѣлъ вступать съ нимъ въ союзъ.

Іезуиты не безъ основанія хвалились, что доставятъ Австріи Трансильванію. По рѣшенію сейма 1595 имъ снова былъ дозволенъ доступъ въ княжество, гдѣ они скоро сдѣлались силь-

нѣе прежняго. Гецій умеръ въ 1594; Бочкай управлялъ дѣлами, и его послѣдующія дѣйствія заставляютъ думать, что онъ съ самаго начала имѣлъ намѣреніе погубить Баторіевъ. Онъ женилъ совершенно отупѣвшаго отъ суевѣрія Сигизмунда на Маріи Христинѣ, дочери эрцгерцога Карла, которая, подобно Сигизмунду, была воспитана по-монашески. Она уговорила мужа не наживать дѣтей, сложить съ себя княжеское достоинство и жить въ монашествѣ. Кажется, въ этомъ дѣлѣ были замѣшаны поповскія шашни; въ разсказахъ благочестивыхъ людей особенно удивительно то, будто Сигизмундъ былъ страстно влюбленъ въ жену и упалъ въ обморокъ, когда послѣ разлуки снова увидѣлъ ее; кромѣ того разсказываютъ, будто Христина еще невѣстою рѣшилась уговорить мужа вступить въ духовное званіе и все-таки обезпечила за собою ежегодную пенсію въ 170,000 гульденовъ.

Іезуитамъ очень хотѣлось, чтобы Сигизмундъ отрекся отъ престола. И дѣйствительно, они довели его до того, что онъ съ этою цѣлью отправился въ 1596 въ Прагу. Тамъ онъ предложилъ императору свою страну, а самъ рѣшился перейти въ духовное званіе и уѣхать въ Италію. Онъ требовалъ отъ императора только, чтобы Рудольфъ выхлопоталъ ему отъ папы кардинальское достоинство. Онъ уже сшилъ себѣ кардинальскую одежду и заранѣе тѣшился ею. Но на этотъ разъ императоръ оказался благоразумнѣе Сигизмунда. Рудольфъ посовѣтовалъ молодому человѣку возвратиться пока въ Трансильванію, гдѣ онъ могъ быть полезнѣе общему дѣлу, противодѣйствуя страшнымъ опустошеніямъ турокъ. Тогда Сигизмундъ и великій магистръ Тевтонскаго ордена, Максимиліанъ, совершили позорный походъ противъ турокъ. Неудача похода зависѣла единственно отъ неумѣнія эрцгерцога удержать армію въ дисциплинѣ; эта армія была составлена изъ разнаго сброда, а самъ гросмейстеръ былъ малодушенъ и трусливъ. Соединясь съ Сигизмундомъ въ октябрѣ 1596, Максимиліанъ одержалъ было побѣду надъ главными силами турокъ, взялъ у нихъ сорокъ пушекъ и уже овладѣлъ лагеремъ. Но здѣсь войска его разсыпались; солдаты и офи-

церы, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать непріятеля, бросились грабить, турки вернулись, и христіанское войско лишилось обоза и артиллеріи, было обращено въ постыдное бѣгство и большею частію уничтожено. Максимиліанъ бѣжалъ однимъ изъ первыхъ прямо въ Кашау. Сигизмундъ со своимъ войскомъ благополучно отступилъ черезъ Токай въ Трансильванію.

Сигизмундъ въ сопровожденіи Бочкая снова отправился въ 1597 году въ Прагу, гдѣ этого простяка удивительно опутали при содѣйствіи іезуитовъ и его собственной жены, желавшей какъ-нибудь отдѣлаться отъ него. Его уговорили уступить Рудольфу свое княжество за Оппельнъ и Ратиборъ и за значительную пенсію и согласиться на разводъ съ женою, а договоръ обо всемъ этомъ держать втайнѣ, пока эрцгерцогъ Максимиліанъ не вступитъ во владѣніе Трансильваніей, и не довѣрять этой тайной даже тремъ самымъ приближеннымъ совѣтникамъ своимъ: Іозикѣ, Бочкаю и Корнису. Однако, кардиналъ Андрей Баторій узналъ содержаніе договора и пожаловался папѣ, легатомъ котораго онъ былъ; но въ глазахъ папы іезуиты значили больше Андрея, и потому кардиналъ получилъ въ отвѣтъ, что австрійское владычество, состоявшее тогда въ Австріи и въ Венгріи подъ управленіемъ Матѳія или, вѣрнѣе, его духовника Клезеля, противодѣйствуетъ протестантизму, какъ въ Богеміи черезъ іезуитовъ Рудольфа, и желаетъ положить конецъ ереси въ Трансильваніи и во всѣхъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ габсбургскаго дома. Возвратясь въ свое княжество, Сигизмундъ былъ принужденъ объявить чинамъ о прагскомъ договорѣ, который они утвердили очень неохотно. Но Рудольфъ не посылалъ обѣщанной коммиссіи для принятія управленія, и Максимиліанъ также медлилъ. Поэтому отреченіе Сигизмунда отъ престола состоялось только въ апрѣлѣ 1598. Канцлеръ Іозика противился этому; но Бочкай охотно вызвался арестовать его, предвидя, что народъ не долго снесетъ иго іезуитовъ. И точно, вскорѣ всѣ взоры обратились на Бочкая, какъ на единственнаго человѣка, способнаго освободить страну. Сигизмундъ отправился въ 1598 въ Силезію и велъ

себя какъ человѣкъ поврежденный въ умѣ. Онъ передалъ страну свою австрійскимъ коммисарамъ, хотя они не привезли ему ни 5,000 талеровъ пенсіи, которую обѣщали уплатить впередъ, ни переводныхъ векселей на купцовъ. За то онъ взялъ изъ казны всѣ наличныя деньги, сжегъ всѣ письма и документы архива, снялъ съ платьевъ, утвари, оружія и проч. все золото, серебро и драгоцѣнности и растратилъ, уничтожилъ и побросалъ всѣ эти остатки своего прежняго величія.

Максимиліанъ не торопился вступать во владѣніе Трансильваніею, хотя жена Сигизмунда, разводъ которой составлялъ одинъ изъ пунктовъ пражскаго договора, оставалась въ княжествѣ и безпрестанно звала его. Очень вѣроятно, что эту принцессу, безусловно преданную іезуитамъ, съ самаго начала обратили въ орудіе противъ ея идіота-мужа. Сигизмундъ по пріѣздѣ въ Силезію быстро догадался однако, что его обманули. Но онъ, конечно, ничего не предпринялъ бы противъ австрійцевъ, если бы Максимиліанъ не предоставилъ дѣла коммисарамъ Рудольфа, вмѣсто того, чтобы самому поторопиться пріѣхать въ Трансильванію. Коммисары приняли разныя религіозныя и политическія мѣры, которыя очень не понравились трансильванцамъ. Они лишили Бочкая должности коменданта въ Гроссвардейнѣ и, казалось, хотѣли совершенно удалить его. Поэтому Бочкай съ удовольствіемъ узналъ, что Сигизмундъ кается въ своемъ поступкѣ и побуждалъ его возвратиться. Рудольфъ также не заботился о Сигизмундѣ, какъ вообще ни о комъ и ни о чемъ на свѣтѣ. Объ условленной пенсіи не было и помину, а въ Ратиборѣ и Оппельнѣ все было пусто. Поэтому Сигизмундъ принялъ предложеніе Бочкая. Выѣхавъ изъ княжества весною, онъ тою же осенью вернулся въ Клаузенбургъ, гдѣ все еще жила его жена. Бочкай и Корнисъ снова приняли его сторона, и австрійскіе коммисары были арестованы. Сигизмундъ писалъ Максимиліану униженныя письма, прося его не ѣхать въ княжество и помирить его съ Рудольфомъ; послѣднее было особенно нелѣпо. Сигизмундъ принесъ чинамъ новую присягу, которою обязался не

дѣлать никакихъ измѣненій въ религіи и снова удалить іезуитовъ. Послѣднее условіе было предписано ему Бочкаемъ, который, какъ протестантъ и какъ человѣкъ, желавшій ловить рыбу въ мутной водѣ, заранѣе предвидѣлъ, что іезуиты непремѣнно заставятъ полоумнаго малаго нарушить присягу. Счастье еще, что ссорами этими не воспользовались турки, потерявшіе тогда Раабъ.

Пока шли переговоры съ Максимиліаномъ, который своими ошибками въ турецкой войнѣ возбудилъ неудовольствіе въ Венгріи, князь трансильванскій послалъ и къ Рудольфу посольство подъ предводительствомъ Бочкая. Едва послѣдній удалился изъ княжества, какъ іезуиты стали такъ мучить несчастнаго Сигизмунда за данную имъ присягу, что онъ рѣшился уступить княжество своему родственнику фанатику, кардиналу Андрею Баторію. Онъ удалился въ Польшу, чтобы жить тамъ частнымъ человѣкомъ; жена его отправилась сначала въ Штирію, потомъ въ Галь, въ Тиролѣ, гдѣ вступила двадцати четырехъ лѣтъ въ монастырь и прожила монахинею еще двадцать два года. Императоръ очень разсердился, узнавъ, что въ мартѣ 1599 чины провозгласили Андрея княземъ. Онъ посадилъ въ тюрьму посланника Андрея и приказалъ своему генералу Бастѣ, который изъ барабанщиковъ дослужился до фельдмаршальства, и воеводѣ валахскому Михаилу уничтожить Андрея. Всѣ старанія кардинала примириться съ императоромъ не удались уже потому, что онъ конфисковалъ имѣнія Бочкая, который остался въ Прагѣ и сдѣлался императорскимъ совѣтникомъ. Въ сраженіи противъ Михаила Андрей лишился жизни. Онъ былъ убитъ во время бѣгства однимъ чеклеромъ, и папа Климентъ VIII сдѣлалъ по этому случаю странное распоряженіе, чтобы въ продолженіе ста лѣтъ всѣ чеклеры соблюдали особенно строгій постъ. По смерти кардинала Михаилъ хотѣлъ овладѣть княжествомъ; но Баста воспрепятствовалъ этому. Трансильванцы хотѣли опять призвать Сигизмунда; тогда Рудольфъ самъ обратился къ Михаилу. Онъ приказалъ Бастѣ примириться съ вос-

водою, который пошелъ противъ Сигизмунда, шедшаго во главѣ польскихъ и молдаванскихъ войскъ, но былъ разбитъ, и Баста опять воспрепятствовалъ ему занять княжество.

Сигизмундъ снова вступилъ во владѣніе Трансильваніей. Но вскорѣ послѣ того, въ августѣ 1601, главнокомандующій его былъ разбитъ на-голову и принужденъ изъ монастыря Немеца просить помощи турокъ. Сигизмунду, правда, удалось еще разъ возвратиться въ княжество; но неслыханно жестокій и грубый генералъ Баста, еще въ августѣ 1601 убившій воеводу Михаила, велъ противъ него войну и поступалъ съ княжествомъ, какъ съ непріятельскою страною, наконецъ, іезуитъ Маріетти, орденъ котораго готовъ былъ ввести въ Трансильваніи и въ Венгріи систему террора противъ всѣхъ враговъ папы, побудилъ жалкаго Сигизмунда къ новому отреченію. Сигизмундъ послалъ изъ Карлсбурга посольство въ Прагу и, обезпечивъ за собою Лобковичскія помѣстья и пенсію въ 50,000 дукатовъ, отрекся отъ престола въ 1602 на сеймѣ въ Клаузенбургѣ. Онъ избралъ мѣстомъ жительства за́мокъ Лобковичъ; но императору это показалось подозрительнымъ, и князь былъ принужденъ черезъ восемь лѣтъ переселиться въ Прагу, гдѣ и умеръ сорока одного года.

Мы не будемъ продолжать разсказа о распряхъ, вызванныхъ въ Венгріи іезуитами, и о ссорахъ Рудольфа съ братомъ его, Матѳіемъ, въ которыхъ впослѣдствіи приняли участіе всѣ члены императорской фамиліи. Хотя все это тѣсно связано съ исторіею Венгріи и Трансильваніи, но намъ надо отложить это до слѣдующаго тома, такъ какъ исторія тридцатилѣтней войны находится въ тѣсной связи съ ссорою эрцгерцога Матѳія съ братомъ или, скорѣе, съ раздоромъ іезуитовъ съ кардиналомъ Клезелемъ, такимъ же фанатикомъ и рьянымъ гонителемъ протестантовъ, какъ и они.

6. Споры германскихъ протестантовъ и католиковъ о церкви и о церковныхъ имуществахъ при Рудольфѣ II.

Рудольфъ II не правилъ, а скорѣе былъ управляемъ первымъ встрѣчнымъ, какъ нѣкоторые римскіе императоры. Это доказываетъ дѣятельность каммердинера его, Ланга, біографія котораго недавно издана Гунтеромъ по официальнымъ актамъ. О Рудольфѣ можно разсказать сотни такихъ анекдотовъ, какіе разсказываютъ о сумасшедшихъ и идіотическихъ римскихъ императорахъ. Въ апрѣлѣ 1606 братья его, Матѳій и Максиміліанъ, двоюродные братья, сыновья Карла Штирійскаго, Фердинандъ и Максиміліанъ-Эрнстъ, а въ концѣ того же года и третій братъ, Альбрехтъ, официально признали его слабоумнымъ. Немудрено, что они сдѣлали это, когда мы знаемъ, какъ поступали отъ его имени крещеный жидъ Лангъ и варваръ барабанщикъ Баста, имя котораго до сихъ поръ приводитъ въ содроганіе жителей Трансильваніи. Постановленіе объ идіотизмѣ императора находится въ актѣ, составленномъ эрцгерцогами въ пользу Матѳія. Въ немъ сказано: «Матѳій объявляется симъ правителемъ, главою и покровителемъ австрійскаго дома, ибо, къ сожалѣнію, слишкомъ очевидно, что его римское императорское величество, нашъ братъ и родственникъ, при проявляющихся въ немъ по временамъ признакахъ безумія, неспособенъ управлять своими королевствами.» При этомъ случаѣ снова выказалось вредное вліяніе іезуитовъ, которыхъ Клезель, возведенный между тѣмъ въ кардиналы, отстранялъ отъ Матѳія, желая предупредить уже грозившую религіозную войну. Матѳію хотѣлось передать протестантскимъ князьямъ Германіи, ожесточеннымъ религіозными притѣсненіями, исходившими отъ іезуитовъ Рудольфа, составленный въ его пользу актъ, какъ ручательство, что онъ исполнитъ данное имъ обѣщаніе; но этому воспротивились другіе братья Рудольфа и Фердинандъ Штирійскій, то-есть питомцы іезуитовъ.

Мы уже сказали, что будемъ говорить о ссорахъ членовъ австрійскаго дома и ихъ послѣдствіяхъ ниже. Здѣсь же мы коснемся только слегка распрей нѣмецкой имперіи; онѣ покажутъ намъ, что аугсбургскій религіозный миръ 1555 года уже не защищалъ протестантовъ отъ притѣсненій. Іезуиты и идіотство Рудольфа не были въ Германіи, какъ въ наслѣдственныхъ австрійскихъ владѣніяхъ, единственною причиною религіозныхъ смутъ; лютеране и кальвинисты также обнаруживали другъ противъ друга и противъ католиковъ фанатизмъ, достойный только ультрамонтанъ. Это ясно изъ всѣхъ происшествій, сопровождавшихъ введеніе лютеранской формулы соглашенія, и изъ того, какъ постыдно преслѣдовали въ Саксоніи друзей кроткаго Мелантона и какое множество священниковъ и школьныхъ учителей были изгнаны и остались безъ крова и безъ куска хлѣба за свой криптокальвинизмъ, какъ называли ихъ мнѣнія ученые доктора. Наши богословы до сихъ поръ возятся съ формулами соглашенія, катихизисами, исповѣданіями и т. п.; поэтому и разсказывать объ этомъ не стоитъ. Мы прямо перейдемъ къ раздорамъ, которые вспыхнули въ то время, хотя могли бы быть мирно улажены императоромъ и имперіей или рѣшены безпристрастно законнымъ путемъ, а между тѣмъ кончились насиліемъ и несправедливостью, оттого что въ имперіи, кромѣ идіота, не было никого, кто могъ бы за нихъ взяться.

Первая религіозная распря этого рода возникла между протестантскимъ и католическимъ населеніемъ Ахена за участіе въ городскомъ управленіи всего черезъ пять лѣтъ послѣ аугсбургскаго мира. Хотя въ ахенскомъ совѣтѣ засѣдало нѣсколько протестантовъ, но протестантскому населенію было не дозволено отправлять богослуженіе ни въ городѣ, ни въ округѣ. Всѣ старанія протестантскихъ членовъ совѣта добиться этого были такъ же тщетны, какъ и просьбы реформатовъ на аугсбургскомъ сеймѣ 1559. Даже мало того, въ Ахенѣ ихъ еще болѣе стѣснили, и вслѣдствіе этой просьбы католическая партія городскаго совѣта, постановила въ мартѣ 1560 не

допускать протестантовъ въ совѣтъ, чтобы не было протестовъ на сеймахъ. Съ 1560 въ теченіе двадцати лѣтъ это постановленіе было причиною постоянныхъ безпокойствъ въ Ахенѣ и горячихъ жалобъ протестантовъ на сеймахъ. При жизни Фердинанда и Максимиліана протестанты искали, впрочемъ, облегченія законнымъ путемъ, и католики терпѣли въ совѣтѣ прежнихъ протестантскихъ членовъ. Но при Рудольфѣ II, когда іезуиты стали господствовать подъ именемъ императора, когда въ Австріи началось преслѣдованіе евангелическаго ученія, когда въ Штиріи эрцгерцогъ Фердинандъ совершенно уничтожилъ его и когда, наконецъ, въ Баваріи изъ маркграфства Бургау было изгнано нѣсколько сотъ протестантовъ единственно изъ-за религіи, то и въ Ахенѣ смуты возобновились съ новымъ ожесточеніемъ.

Въ послѣднее время населеніе Ахена увеличилось отъ множества нидерландскихъ и вестфальскихъ протестантовъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованій на родинѣ и нашедшихъ пріютъ въ Ахенѣ. Въ 1580 они пристали къ совѣту съ просьбами о свободѣ богослуженія, но получили отказъ подъ предлогомъ, будто переселенцы, вступая въ городъ, положительно отказались отъ отправленія обрядовъ своей религіи. Тогда они обратились къ сейму, который обнадежилъ ихъ; но совѣтъ не обратилъ на это вниманія. Безпокойства не прекращались въ теченіе всего 1580 года. Императоръ послалъ въ Ахенъ коммиссію; но она состояла изъ герцога Юлихскаго и епископа люттихскаго, двухъ самыхъ ярыхъ враговъ протестантизма; они послали въ Ахенъ уполномоченныхъ (Subdelegirte), которые дѣйствовали въ ихъ духѣ. Само собою разумѣется, подобная коммиссія не могла пріобрѣсти довѣрія обиженныхъ; она скорѣе усилила народное волненіе, и въ ноябрѣ 1580 уполномоченные императорскихъ комиссаровъ были изгнаны изъ города. Императоръ, разумѣется, не скупился на увѣщанія и рескрипты; но всякій шагъ Рудольфа казался протестантамъ подозрительнымъ, потому что императоромъ безусловно управляли іезуиты и испанцы. Послѣ того, въ 1581 Рудольфъ возоб-

новилъ полномочіе герцога и епископа и позволилъ имъ дѣйствовать такъ, какъ іезуитамъ давно хотѣлось. Въ данной имъ инструкціи имъ было поручено присутствовать при избраніи новаго совѣта и озаботиться, чтобы въ немъ засѣдали только католики. Это, наконецъ, возбудило протестантовъ къ самоуправству. Они возстали, избрали протестантскій совѣтъ, изгнали изъ города императорскихъ коммисаровъ, захватили управленіе въ свои руки, и вслѣдствіе всего этого большая часть аристократіи и духовенства выѣхала изъ города въ концѣ мая 1581.

Эти бѣглецы принялись вопіять и вопили, пока не добились отъ императора, управляемаго іезуитами и испанскимъ посланникомъ, назначенія новой императорской коммиссіи, состоявшей изъ курфирста Гебгарда Кёльнскаго, курфирста Іоганна Трирскаго и нѣсколькихъ императорскихъ совѣтниковъ. Такъ какъ первый изъ этихъ курфирстовъ не пользовался довѣріемъ католиковъ, то императоръ велѣлъ епископу люттихскому и герцогу Юлихскому продолжать дѣйствовать, пока коммисары не предпримутъ чего-нибудь рѣшительнаго. Герцогъ и епископъ должны были обложить городъ и прекратить къ нему подвозъ. Но войско ихъ уступало силою ахенскимъ гражданамъ, которыхъ подкрѣпляли другіе протестанты, и было прогнано. Съ этого времени дѣла пошли медленно, какъ всякій имперскій процессъ, пока, наконецъ, въ 1593 католическая партія не добилась отъ императора повелѣнія, въ силу котораго все было возстановлено въ положеніи 1560, и католикамъ дано полное удовлетвореніе. Хотя повелѣніе это вышло еще въ октябрѣ 1593, но исполненіе его отсрочилось до 1598, вслѣдствіе протестовъ евангелическихъ князей. Наконецъ, Рудольфъ поручилъ злѣйшимъ врагамъ города Ахена и протестантизма, курфирсту Эрнсту Кёльнскому, курфирсту Трирскому, епископу люттихскому и герцогу Юлихскому, привести въ исполненіе императорскій приговоръ; они силою водворили католическое начальство, изгнали изъ города евангелическихъ проповѣдниковъ и протестантскихъ членовъ магистрата, которые не могли заплатить значительныхъ издержекъ по экзекуціи. Без-

покойства возобновились, однако, когда во время ссоры изъ-за юлихскаго наслѣдства, которая послѣ отпаденія Богеміи была главною причиною тридцатилѣтней войны, протестантскіе претенденты заняли ближайшую къ городу Ахену часть герцогства Юлихскаго. Протестанты стали отправлять свое богослуженіе въ чужихъ владѣніяхъ; тогда католическій магистратъ запретилъ гражданамъ принимать участіе въ этихъ обрядахъ, совершаемыхъ за границей; однако, они не послушались, взялись за оружіе, одержали верхъ въ борьбѣ, изгнали католическія власти и назначили протестантскій совѣтъ (1611). Въ 1614 іезуиты изгнали этотъ совѣтъ посредствомъ испанскихъ войскъ Спинолы, которыя были вызваны въ Германію, когда съ одной стороны ученикъ іезуитовъ, Фердинандъ, совершенно подавилъ въ Штиріи протестантизмъ, а съ другой, Максиміанъ Баварскій преслѣдовалъ протестантовъ у себя, и выгналъ нѣсколько сотъ ихъ изъ маркграфства Бургау.

Въ 1607 Максиміанъ Баварскій поступилъ деспотически съ имперскимъ городомъ Донаувёртомъ, лежавшимъ среди его владѣній. Поводомъ опять была религія. Граждане Донаувёрта уже и прежде имѣли ссоры съ игумномъ городскаго монастыря Святаго Креста изъ-за духовныхъ процессій; протестантское населеніе города было фанатично не менѣе монаховъ. Изъ-за этого бывали безпорядки въ 1586 и въ 1589 гг. Въ 1605 году аббату дали знать стороною, что онъ можетъ разсчитывать на содѣйствіе герцога Максиміана Баварскаго въ случаѣ, если у него завяжется ссора съ городскими протестантами. Поэтому онъ старался раздражить гражданъ, и какъ магистратъ былъ не въ силахъ сдержать народъ, то вскорѣ добились желаемаго: въ 1606 народъ оскорбилъ процессію, а въ 1607 Максиміанъ, по порученію императора, жестоко наказалъ гражданъ Донаувёрта. Онъ разграбилъ городъ, частью разрушивъ его, выгналъ протестантскихъ гражданъ, отнялъ у города имперскую свободу и присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ. Такой неслыханный поступокъ съ протестантскимъ имперскимъ городомъ дол-

женъ былъ побудить протестантовъ взяться за оружіе, тѣмъ болѣе, что ихъ уже обидѣли въ спорѣ о наслѣдствѣ герцога Іоганна Вильгельма Юлихскаго. Кальвинисты дѣйствительно возстали бы, если бы въ 1610 не умеръ король Генрихъ IV Французскій, обѣщавшій имъ помощь. Насильственный поступокъ съ Донаувёртомъ заставилъ реформатовъ составить союзъ подъ названіемъ Унія; унія вызвала со стороны католиковъ другой союзъ, получившій названіе Лиги.

Впослѣдствіи намъ придется еще разъ возвратиться къ судьбѣ города Донаувёрта, такъ какъ это обстоятельство вмѣстѣ со споромъ о наслѣдствѣ Юлиха, Клеве, Берга и Равенсбурга и съ отпаденіемъ Богеміи возбудило тридцатилѣтнюю войну. Теперь намъ надо слегка коснуться приключеній архіепископа Гебгарда фонъ Трухзеса кёльнскаго, чтобы не пропустить главныхъ событій нѣмецкой исторіи до 1619 года. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ дѣлѣ Гебгарда кёльнскаго, какъ и въ другихъ ссорахъ, протестантскіе князья, управляемые богословами, а не государственными людьми, выказали такую слабость, несогласіе, зависть и сектаторскую вражду, что все это, противопоставленное испанскому государственному такту, хитрости іезуитовъ, способностямъ и твердости Максиміліана Баварскаго, дало послѣднему смѣлость попытаться въ царствованіе императора Фердинанда II сдѣлать то, что не удалось Карлу V, то-есть искоренить протестантовъ.

Въ архіепископствѣ кёльнскомъ курфирстъ Германъ фонъ-Видъ еще съ 1536 до 1543 подготовлялъ реформацію; но она не удалась, вслѣдствіе несогласій и нерѣшительности протестантскихъ князей, хотя была начата совершенно законно, чего нельзя сказать о предпринятой сорокъ лѣтъ спустя реформаціи Гебгарда Трухзеса (т. XII, стр. 244 и 247). Въ 1536 Германъ на мѣстномъ синодѣ рѣшилъ произвести реформацію духовенства и церковныхъ обрядовъ и для введенія ея дѣйствовалъ сначала черезъ католическаго богослова Гроппера. Потомъ онъ совѣтовался съ Меланхтономъ и пользовался услугами Мартина Бу-

цера, чтобы ввести задуманныя имъ преобразованія, которыя основалъ на законныхъ постановленіяхъ. По его приказанію Буцеръ сочинилъ брошюру подъ заглавіемъ: «Германа, епископа кёльнскаго и курфирста смиренное соображеніе, какъ совершить христіанскую реформацію въ порученной намъ паствѣ духовной до рѣшенія собора или чиновъ нѣмецкой имперіи.» Эта брошюра была представлена въ 1543 чинамъ архіепископства и принята ими; но соборный капитулъ воспротивился намѣренію архіепископа, а Карлъ V, принявъ его сторону, разстроилъ, какъ намъ извѣстно (т. XII, стр. 247) всѣ попытки реформаціи въ Кёльнѣ. Городской совѣтъ Кёльна и тогда уже былъ вѣрнымъ союзникомъ капитула; онъ объявилъ на ганзейскомъ собраніи въ Кёльнѣ въ 1535, что: «въ Кёльнѣ еретиковъ вѣшаютъ, казнятъ и топятъ и что городской совѣтъ останется при старыхъ порядкахъ, потому что они ему нравятся.»

Въ 1582 году курфирстъ Гебгардъ повторилъ попытку произвести въ Кёльнѣ реформацію. Его попытка возбудила гораздо больше шума, чѣмъ предпріятіе Германа, потому что къ реформаціи его влекло не благочестіе, а страсть къ любовницѣ, съ которою Гебгардъ жилъ уже давно и на которой захотѣлъ жениться, не лишаясь епископства. Духовный законъ безбрачія препятствовалъ намѣренію Гебгарда, за то этотъ законъ не признавался евангелическими имперскими чинами (т. XII, стр. 247); но намѣреніе его, женившись и сдѣлавшись протестантомъ, сохранить въ своемъ владѣніи епископство, оскорбляло всѣ княжескія и графскія фамиліи, имѣвшія наслѣдственныя права на мѣсто въ капитулѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ и надежду на достиженіе курфиршескаго достоинства. Гебгардъ Трухзесъ баронъ фонъ-Вальдбургъ былъ прежде пробстомъ соборной церкви въ Аугсбургѣ и соборнымъ деканомъ въ Страсбургѣ и не безъ затрудненій добился достоинства Кёльнскаго курфирста. Соперникомъ его былъ Эрнстъ Баварскій, подобно всей своей фамиліи, рьяный сторонникъ папы. Между тѣмъ, когда въ Кёльнѣ происходили эти выборы

въ архіепископы (1577), сѣмена, посѣянныя въ странѣ Германомъ, уже очень разрослись, такъ что даже между соборными канониками было нѣсколько протестантовъ. Всѣ ультрамонтаны стояли за Эрнста, а либералы за Гебгарда. Послѣдній одержалъ, наконецъ, побѣду, особенно стараніями классически-образованнаго и открытаго протестанта, члена капитула Германа фонъ Нуенара. Папа также склонялся въ его пользу, такъ какъ Гебгардъ былъ племянникъ епископа-кардинала Оттона Аугсбургскаго, который одинъ протестовалъ противъ аугсбургскаго религіознаго мира; но папа все-таки требовалъ, чтобы Гебгардъ призналъ предварительно исповѣданіе по уставу Тридентскаго собора. Эта церемонія совершилась 24 апрѣля 1578 въ Кобленцѣ, въ присутствіи курфирста трирскаго; Гебгардъ клятвенно засвидѣтельствовалъ свое исповѣданіе. Но какъ образъ жизни его и религіозныя убѣжденія были извѣстны, то, разумѣется, и католики, и протестанты были заранѣе предубѣждены противъ исходящей отъ него реформаціи, хотя архіепископъ трирскій далъ свидѣтельство о его вѣроисповѣданіи, а папа прислалъ ему благословеніе.

Въ Кёльнѣ Гебгардъ познакомился съ извѣстною красавицею канониссою Агнесой, дочерью перваго евангелическаго графа Мансфельда. Въ зáмкѣ своемъ Брюлѣ онъ пріобрѣлъ въ 1579 ея расположеніе; въ Боннѣ въ зданіи канцеляріи онъ отвелъ квартиру для нея, для ея сестры и зятя, а самъ переѣхалъ въ Поппельсдорфъ. Здѣсь любовники часто посѣщали другъ друга. Предосудительное поведеніе ихъ побудило братьевъ графини отправиться въ началѣ 1582 въ Боннъ и объявить курфирсту отъ имени всей фамиліи, что они кровно отмстятъ за нанесенный имъ позоръ, если Гебгардъ не сложитъ съ себя архіепископскаго сана и не женится на Агнесѣ. Гебгардъ обѣщалъ сдѣлать это, хотя по всему, что намъ извѣстно о его жизни, онъ никакъ не былъ расположенъ жертвовать для чести и общественнаго мнѣнія своимъ саномъ и доходами. Онъ продолжалъ жить съ Агнесою и поспѣшилъ объявить, что желаетъ

произвести въ своихъ владѣніяхъ церковную реформу, такъ что уже въ началѣ декабря 1582 соборный капитулъ послалъ къ нему нѣсколько канониковъ, которые грозно сказали ему, что идетъ слухъ, будто онъ хочетъ перемѣнить вѣру и жениться; поэтому они требуютъ, чтобы онъ объяснился, дабы они могли сообразно его намѣренію принять свои мѣры. Гебгардъ, разумѣется, и не подумалъ ничего объяснять имъ.

Вслѣдъ затѣмъ папа Григорій XIII старался удержать его въ старой церкви дружескимъ письмомъ и увѣщаніями черезъ личное посредство архіепископа трирскаго; императоръ также писалъ ему въ этомъ духѣ. Наконецъ, Гебгардъ рѣшился сбросить маску. Въ концѣ 1582 онъ издалъ манифестъ, въ которомъ увѣрялъ, что, желая церковной реформы, онъ не имѣлъ въ виду, какъ нѣкогда епископы рацебургскій, шверинскій и магдебургскій, овладѣть страною, и что по смерти его отъ капитула будетъ по прежнему зависѣть выборъ его преемника. Этотъ манифестъ возбудилъ продолжительную ссору между Гебгардомъ и капитуломъ, на сторонѣ котораго былъ и папа. Гебгардъ продолжалъ жить по старому, свелъ дружбу съ реформатскимъ пфальцграфомъ Іоганномъ Казимиромъ и этимъ попалъ во вражду съ сильной и фанатической лютеранской партіей имперіи. Онъ принялъ кальвинизмъ; а кальвинистовъ въ лютеранскихъ странахъ преслѣдовали и наказывали тогда, особенно въ Саксоніи, какъ уголовныхъ преступниковъ. Втораго февраля 1583 въ Боннѣ (in rosarum valle) реформатскій священникъ Захарій Урсинусъ совершилъ обрядъ бракосочетанія курфирста съ графиней Агнесой. Бракъ этотъ былъ объявленъ народу; но курфирстъ тогда же убѣдился, что ему не удержаться. Противъ него было все общественное мнѣніе, большинство членовъ капитула, императоръ и папа.

Капитулъ приказалъ занять кёльнскіе города и захватывать на Рейнѣ корабли курфирста; онъ уже давно получилъ отъ герцога Пармскаго обѣщаніе испанской помощи изъ Нидерландовъ. Протестанты кричали, писали и протестовали; но ничего

не дѣлали, тогда какъ капитулъ тотчасъ принялъ мѣры избрать на мѣсто Гебгарда новаго архіепископа и обратилъ свое вниманіе на баварскаго принца Эрнста, который при избраніи Гебгарда былъ его соперникомъ и получилъ только однимъ голосомъ меньше его. Эрнстъ, выказавшій впослѣдствіи въ ахенскомъ дѣлѣ такой фанатизмъ, былъ уже епископомъ люттихскимъ, фрейзингенскимъ, администраторомъ гильдесгеймскимъ и могъ разсчитывать на содѣйствіе Баварскаго дома и іезуитовъ; на сторонѣ же Гебгарда былъ только реформатскій пфальцграфъ Іоганнъ Казимиръ, съ которымъ лютеране не хотѣли имѣть ничего общаго. Уже 1 апрѣля 1583 папа осмѣлился не только отлучить Гебгарда отъ церкви, противъ чего Гебгарду, какъ архіепископу, нечего было возразить, но и отрѣшить его отъ престола германскаго курфиршества. Императоръ поддерживалъ папу, впрочемъ втайнѣ, приказавъ капитулу приступить къ новымъ выборамъ и извѣстить его, когда они начнутся. Курфирсты протестовали, объявивъ: «что примѣра не было, чтобы папа по собственному произволу, безъ вѣдома императора и безъ содѣйствія остальныхъ курфирстовъ, могъ смѣнить архіепископа и курфирста имперіи, и что подобный поступокъ совершенно несогласенъ съ имперскими правами и съ существовавшими донынѣ преимуществами и привилегіями курфирстовъ.» Но они ограничились однимъ писаньемъ, тогда какъ противники ихъ дѣйствовали. Двадцать третьяго мая 1583 Эрнстъ былъ избранъ архіепископомъ и курфирстомъ Кёльнскимъ. Цѣлый годъ шла борьба, пока наконецъ Эрнстъ овладѣлъ страною; въ концѣ января 1584 онъ завоевалъ Боннъ; въ апрѣлѣ того же года разбилъ при мѣстечкѣ Бургѣ Гебгарда, который удалился въ Вестфалію, но соперникъ принудилъ его бѣжать въ Дельфтъ. Гебгардъ послалъ свою жену въ Англію и получилъ сначала отъ Елисаветы обѣщаніе помощи; но прекрасные глаза графини Агнесы возбудили ревность Елисаветы, и ее довольно безцеремонно выслали изъ Англіи. Послѣ того Гебгардъ отправился съ женою въ Страсбургъ, гдѣ сдѣлался соборнымъ дека-

номъ и гдѣ было нѣсколько другихъ протестантскихъ членовъ капитула, также женатыхъ и слѣдовательно подъ пару ему. Онъ умеръ тамъ въ 1601.

Вслѣдъ за споромъ объ архіепископствѣ кёльнскомъ начался споръ объ епископствѣ страсбургскомъ, гдѣ протестантамъ также пришлось уступить, выговоривъ себѣ, однако, условія лучше кёльнскихъ, потому что въ городѣ, въ области и въ капитулѣ Страсбурга было больше протестантовъ, и притомъ дѣло ихъ не было скомпрометировано безнравственной личностью, занимающею духовную должность. Въ 1592 евангелическіе каноники Страсбурга выбрали въ епископы молодаго Іоганна Георга Бранденбургскаго, сына администратора магдебургскаго, впослѣдствіи курфирста бранденбургскаго, Іоахима Фридриха. Католики съ своей стороны избрали одного изъ Гизовъ, кардинала Карла епископа мецкаго, сына герцога Карла II Лотарингскаго; они боялись, чтобы Іоганнъ Георгъ не послѣдовалъ примѣру отца, который, будучи администраторомъ архіепископства магдебургскаго, женился и все-таки удержалъ епископство за собою. Обѣ партіи взялись за оружіе, и императорскія коммиссіи не могли добиться никакого толка. Наконецъ, въ 1593 устроили соглашеніе, въ силу котораго за каждымъ изъ избранныхъ оставалось пока то, что они успѣли пріобрѣсти: только въ 1604 герцогъ Фридрихъ Виртембергскій устроилъ окончательное соглашеніе, по которому Іоганнъ Георгъ получилъ денежное вознагражденіе, а евангелическіе каноники могли еще въ продолженіе тринадцати лѣтъ пользоваться доходами съ своихъ приходовъ. Срокъ этотъ кончался какъ разъ въ тотъ годъ, когда императоръ Фердинандъ II и герцогъ Максимиліанъ Баварскій вознамѣрились силою оружія достигнуть цѣли іезуитовъ— уничтоженія нѣмецкаго протестантизма.

Такъ какъ исторія первой половины семнадцатаго столѣтія почти исключительно заключается въ тридцатилѣтней войнѣ и въ англійской революціи, то въ предъидущемъ отдѣлѣ мы разсказали все, что предшествовало взрыву этой войны. Теперь

намъ слѣдуетъ точно также коснуться всего, что имѣетъ близкую или далекую связь съ позднѣйшей англійской революціей. Но прежде чѣмъ перейти къ англійской исторіи, мы бросимъ въ первый разъ взглядъ на Скандинавію, потому что въ теченіе семнадцатаго столѣтія въ нѣмецкую войну вмѣшивались сначала Данія, а потомъ Швеція, при чемъ значеніе первой совершенно пало, а Швеція сдѣлалась великою европейскою державою

7. Скандинавская исторія отъ Кальмарской уніи до конца шестнадцатаго столѣтія.

а) До вступленія на престолъ Христіана II.

Имѣя въ виду говорить преимущественно о новѣйшемъ времени въ исторіи трехъ сѣверныхъ державъ, мы возвратимся назадъ только до 1397 года, когда въ царствованіе королевы Маргариты была заключена Кальмарская унія, т. е. когда Норвегія, Швеція и Данія соединились въ Кальмарѣ въ одно королевство. По распоряженію Маргариты, по смерти ея (1412) правленіе тремя державами перешло къ сыну ея сестры, Эриху Померанскому, который въ теченіе одиннадцати лѣтъ помогалъ ей въ управленіи. Все время своего царствованія ему приходилось постоянно бороться съ безпокойствами, пока наконецъ въ 1438 отъ него не отложилась Данія, а въ 1439 Швеція. Эрихъ бѣжалъ на островъ Готландъ, откуда до самой смерти занимался пиратствомъ. Датскій государственный совѣтъ призвалъ на его мѣсто сына сестры Эриха, вышедшей замужъ за герцога Іоганна Верхнепфальцскаго, Христофора Баварскаго; въ 1440 онъ былъ признанъ королемъ и шведами. По государственнымъ учрежденіямъ значеніе и содержаніе этого новаго правителя Скандинавіи были очень ограничены. Въ Даніи, какъ и въ Швеціи, духовенство усилилось, потому что выборъ короля зависѣлъ отъ него и отъ дворянства.

По смерти Христофора (1448), датчане хотѣли устроить общее собраніе выборныхъ отъ всѣхъ трехъ государствъ; но шведы на это не согласились и назначили на сеймѣ въ Іонкёпингѣ регентами двухъ человѣкъ, которые вели дѣла и при Христофорѣ. Въ то же время они рѣшили созвать въ слѣдующемъ году въ Стокгольмъ на сеймъ епископовъ, прелатовъ, рыцарей, дворянъ и уполномоченныхъ отъ городовъ и отъ крестьянъ. На этомъ сеймѣ въ маѣ 1449 королемъ Швеціи былъ избранъ К а р л ъ К н у т с о н ъ къ большому неудовольствію очень сильной партіи, желавшей сохранить союзъ трехъ державъ. Это побудило и датскихъ чиновъ избрать себѣ особаго короля. Выборъ ихъ палъ на герцога шлезвигскаго графа гольштейнскаго, А д о л ь ф а VIII; но онъ отклонился отъ престола и указалъ датчанамъ на сына сестры своей, графа Х р и с т і а н а О л ь д е н б у р г с к а г о. Христіанъ былъ избранъ королемъ, но подъ условіемъ подписать избирательную капитуляцію изъ тринадцати статей, изъ коихъ первая установляла въ Даніи избирательный порядокъ престолонаслѣдія. Съ того времени дворянство и избираемый имъ государственный совѣтъ получили болѣе власти, чѣмъ король, который не могъ даже защитить гражданъ и крестьянъ отъ притѣсненій дворянъ, не нарушивъ избирательной капитуляціи.

Въ Швеціи Карлъ Кнутсонъ вскорѣ по избраніи своемъ отнялъ у прежняго короля Эриха островъ Готландъ. По вслѣдъ затѣмъ не только Готландъ, но и остававшіеся тамъ шведскіе корабли достались датскому королю Христіану. Въ Норвегіи королю Карлу также не посчастливилось; только-что въ ноябрѣ 1449 его короновали въ Дронтгеймѣ королемъ Норвегіи, какъ въ маѣ слѣдующаго года ему пришлось уже уступить датскому королю и это королевство. Потомъ онъ нѣсколько разъ тщетно возобновлялъ войну съ Даніею и наконецъ лишился власти и въ Швеціи. Здѣсь противъ него были раздражены ежегодными походами противъ датчанъ; кромѣ того многіе предпочитали имѣть королемъ иностранца, лишь бы возстановить един-

ство Скандинавіи. Карлъ цѣлый годъ тщетно боролся съ этою партіей, пока наконецъ въ 1457 архіепископъ упсальскій подалъ сигналъ къ рѣшительному возстанію. Онъ отправился въ упсальскій соборъ, сложилъ съ себя передъ алтаремъ свое облаченіе, надѣлъ шлемъ и латы, взялъ мечъ и велѣлъ прибить къ церковнымъ дверямъ объявленіе войны королю. Карлъ сначала боролся съ противниками; но потомъ, не довѣряя даже своимъ сторонникамъ, сѣлъ на корабль со своими сокровищами и уѣхалъ въ Данцигъ, гдѣ пробылъ семь лѣтъ. На его мѣсто королемъ былъ избранъ Христіанъ Датскій и коронованъ въ іюнѣ 1457 въ Упсалѣ. На слѣдующій годъ онъ собралъ всѣхъ совѣтниковъ трехъ королевствъ въ Скару, и они дали ему обѣщаніе признать наслѣдникомъ престола старшаго сына его, Іоанна. Іоаннъ дѣйствительно былъ признанъ будущимъ королемъ трехъ державъ; кромѣ того, въ случаѣ его смерти ему должны были наслѣдовать братья его по старшинству. Этимъ было частью положено начало превращенію монархіи избирательной въ наслѣдственную, или, по крайней мѣрѣ, обращенію избранія въ пустую формальность, какъ въ Германіи.

По смерти въ 1460 дяди Христіана, Адольфа VIII Шлезвигскаго и Гольштейнскаго, Христіану, чтобы наслѣдовать его владѣнія, пришлось признать и въ Шлезвигѣ и въ Гольштейнѣ избирательное право и согласиться на условія, въ силу которыхъ и тутъ, какъ въ Даніи, онъ принесъ въ жертву слабыхъ и бѣдныхъ, то есть большинство народа, богатымъ и сильнымъ. Кромѣ того, это наслѣдство было сопряжено для Христіана съ особенной невыгодой. Чтобы удовлетворить деньгами другихъ претендентовъ на владѣнія дяди и въ то же время поддержать себя наемными войсками, ему пришлось добывать деньги всякими средствами. Этимъ онъ озлобилъ своихъ подданныхъ, особенно шведовъ. Они призвали Карла Кнутсона. Но Христіанъ два раза лишалъ его престола. Въ 1467 шведы призвали Карла въ третій разъ; но онъ умеръ черезъ три года, когда семейство Стуре во главѣ жителей Далекарліи стало оспаривать пре-

столъ у него и у короля датскаго. По смерти Карла шведы выбрали правителемъ одного изъ Стуре, Стена Стуре Старшаго, которому самъ Карлъ ввѣрилъ управленіе завѣщаніемъ (1471). Король Христіанъ немедленно пошелъ войною противъ Стуре. Онъ явился передъ Стокгольмомъ съ флотомъ и войскомъ, и въ октябрѣ 1471 близъ города, на возвышенности Брункебергъ, присоединенной теперь къ городу, произошло сраженіе. Датчане были разбиты, и король Христіанъ принужденъ возвратиться въ Данію. Такъ какъ онъ еще владѣлъ лучшею частью нынѣшней Швеціи, то есть южными провинціями, то счелъ выгоднѣе прекратить борьбу за остальныя провинціи Швеціи. Въ іюнѣ 1472 онъ заключилъ съ Стеномъ Стуре въ Кальмарѣ договоръ, по которому Стуре удержалъ управленіе Швеціею, а королю датскому было предоставлено носить титулъ и гербъ шведскаго короля; кромѣ того, права его и потомства его на шведскій престолъ были оговорены.

Христіанъ I умеръ въ 1481, и сынъ его, Іоаннъ, наслѣдовалъ ему на датскомъ престолѣ. Шведы учредили совершенно аристократическій образъ правленія, придавъ ему, впрочемъ, монархическій оттѣнокъ, поставивъ во главѣ правительства Стена Стуре въ званіи правителя. Но въ 1483 была возстановлена кальмарская унія, и шведы признали верховную власть датскаго короля. Правитель вскорѣ возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе. На него негодовали, что по его винѣ владѣтель острова Готланда былъ принужденъ въ 1487 уступить его королю Іоанну. Кромѣ того, въ 1493 Стуре велъ войну съ русскими, которая стоила жизни множеству шведовъ. Число враговъ его увеличивалось, и между ними главнымъ былъ храбрый Сванте Стуре. Не смотря на сходство имени, онъ не принадлежалъ къ семейству Стена Стуре; онъ происходилъ отъ древняго королевскаго рода, тогда какъ семейство Стена Стуре было родомъ изъ Шлезвига. Стенъ Стуре, стоявшій во главѣ крестьянъ, или демократической части народа, началъ наконецъ открытую борьбу съ аристократіей, или государствен-

нымъ совѣтомъ. Король Іоаннъ воспользовался этимъ, чтобы свергнуть правителя и достигнуть прямаго господства. Послѣ краткой, тщетной борьбы подъ Стокгольмомъ Стенъ Стуре заключилъ въ 1497 съ Іоанномъ договоръ, которымъ предоставлялъ королю полное господство, а за собой удерживалъ всю Финляндію, Норботнію и Аландъ, Зюдерманландію, Свартшьё, Феринскіе острова и имѣніе Гетала въ Вестготландіи.

Положеніе дѣлъ въ Швеціи вскорѣ снова измѣнилось вслѣдствіе несчастной войны, которую затѣяли король Іоаннъ и братъ его, Фридрихъ, въ качествѣ владѣтелей Шлезвига и Гольштейна. Когда Фридрихъ достигъ совершеннолѣтія, Іоанну пришлось раздѣлить съ нимъ свои германскія владѣнія. Онъ взялъ себѣ Фленсбургъ, Зондербургъ, Норбургъ, Рендебургъ, Газельдорфъ, Ганрове, Апенраде, Зегебергъ и островъ Фемарнъ; на долю Фридриха пришлись: Готторпъ, Тундернъ, Гадерслебенъ, Тиль, Штембургъ, Тритовъ, Ольденбургъ, Плёнъ и Киль. Впослѣдствіи раздѣлъ былъ измѣненъ въ ущербъ Іоанну. Къ Гольштейну причислили и пограничную землю (мархію) дитмарсовъ; она принадлежала прежде къ архіепископству бременскому, но была присвоена графами гольштейнскими. Подобно всѣмъ фризамъ и въ отличіе отъ прочихъ нѣмецкихъ племенъ, дитмарсы имѣли правленіе демократическое и въ своей маленькой странѣ, защищенной моремъ, Эльбою и множествомъ каналовъ, составляли крестьянскую республику, равно грозную какъ для гольштейнскаго рыцарства, такъ и для ганзейскихъ купцовъ. Ганзѣ они вредили пиратствомъ, которымъ занимались, какъ ремесломъ, и на своихъ маленькихъ судахъ не боялись бурь; гольштейнское рыцарство не могло сладить съ ними потому, что, подобно швейцарцамъ, они сражались пѣшіе, между тѣмъ какъ тяжело вооруженные рыцари на своихъ коняхъ не могли двинуться съ мѣста и дѣйствовать оружіемъ въ ихъ низьменной, болотистой мѣстности, изрѣзанной канавами и лишенной твердыхъ дорогъ. Въ 1474 императоръ возвелъ Гольштейнъ на степень герцогства и отдалъ

дитмарсовъ въ подданство графу гольштейнскому, назвавъ ихъ при исчисленіи владѣній Гольштейна. Но дитмарсы утверждали, что по актамъ они подданные бременскихъ епископовъ. Впрочемъ, они благоразумно оказывали послушаніе графамъ гольштейнскимъ, хотя въ дѣйствительности составляли демократическую республику, въ высшей степени ненавистную сосѣднему рыцарству. Гольштейнское рыцарство неоднократно пробовало поработить это крестьянское населеніе и всякій разъ терпѣло страшныя пораженія. Такъ было и въ 1322 году, когда на дитмарсовъ пошли войною графъ Гергардъ V Гольштейнскій и Іоаннъ Штормарнскій, причемъ лишились почти всего своего войска. Та же участь постигла и внука Гергарда V, Гергарда VI, герцога шлезвигскаго, графа гольштейнскаго; вообразивъ, что уничтожилъ республиканцевъ, онъ былъ на голову разбитъ ими въ 1404 при Гамѣ. Съ тѣхъ поръ дитмарсы не платили податей ни императору, ни графамъ гольштейнскимъ, ни даже епископамъ бременскимъ, и республикою ихъ правили пять старшинъ и сорокъ восемь судей, не признававшихъ надъ собою ничьей верховной власти. Императоръ Фридрихъ III далъ, правда, королю Христіану I Датскому дипломъ, по которому дитмарсенская мархія должна была входить въ составъ его владѣній; но республиканцы утверждали, что императоръ не имѣетъ ни малѣйшаго права дарить ихъ свободу, которую они купили себѣ оружіемъ. Поэтому ни Христіанъ, ни сынъ его, Іоаннъ, не могли воспользоваться этимъ дипломомъ. Дитмарсы сдѣлались даже еще упрямѣе. Тогда Іоаннъ, установивъ свое господство въ Швеціи, предпринялъ въ 1500 году съ братомъ своимъ, герцогомъ Фридрихомъ, походъ противъ дитмарсовъ. Онъ собралъ датско-нѣмецкую армію изъ рыцарей и наемниковъ, въ томъ числѣ была вся большая королевская гвардія и члены всѣхъ фамилій гольштейнскаго рыцарства. Гамельманнъ въ своей «Ольденбургской хроникѣ» говоритъ, вѣроятно преувеличивая, что эта армія простиралась до 30,000 человѣкъ.

Лѣтописцы разсказываютъ, какъ заносчиво вели себя рыцари въ этомъ походѣ, какъ твердо увѣрены были они, что уничтожатъ крестьянъ, и съ какимъ великолѣпіемъ выступили въ походъ. Въ странѣ, противъ которой дѣлались эти грозныя приготовленія, было только два крупныя мѣстечка, которыя назывались городами, именно Мельдорнъ и Геммингштедтъ. Въ февралѣ 1500 Мельдорнъ былъ взятъ и разрушенъ; жителей его жестоко истребляли, не обращая вниманія на возрастъ и полъ, для устрашенія остальныхъ республиканцевъ. Оттуда королевская армія двинулась къ Геммингштедту. Король настаивалъ, чтобы войско, не останавливаясь, продолжало путь, не смотря на дурную погоду, отъ которой въ странѣ сдѣлалось наводненіе, и дороги стали непроходимы; притомъ дитмарсы устроили завалы и укрѣпили ихъ сильною артиллеріею. Армія Іоанна потерпѣла при Геммингштедтѣ неслыханное пораженіе. Шестьдесятъ пять рыцарей изъ первыхъ гольштейнскихъ и датскихъ фамилій, въ томъ числѣ графы Адольфъ и Оттонъ Ольденбургскіе и Дельменгорстскіе, были убиты, и, по разсказамъ лѣтописцевъ, не совсѣмъ, по-нашему, вѣроятнымъ, изъ всей арміи спаслось только 400 человѣкъ. Дитмарсамъ досталась несмѣтная добыча. Это пораженіе понудило короля Іоанна заключить съ ними миръ. Въ мирномъ договорѣ было, впрочемъ, выговорено условіе, что гольштейнскіе графы сохраняютъ свои права, и, какъ мы увидимъ ниже, шестьдесятъ лѣтъ спустя король Фридрихъ II воспользовался этимъ условіемъ и поддержалъ рѣзней и грабежомъ это мнимое право съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ король Іоаннъ.

Дитмарсы нанесли датчанамъ самый чувствительный уронъ, давъ возможность шведской національной партіи, не желавшей датскаго владычества, снова поднять голову. Сванте Стуре осмѣлился отъ своего имени объявить королю войну за то, какъ онъ самъ говорилъ въ своемъ манифестѣ, что «не получилъ никакого вознагражденія за содѣйствіе, оказанное имъ его милости, при овладѣніи державою вопреки волѣ народа.»

Въ іюлѣ 1501 въ Вадстенѣ былъ снова избранъ правитель, тотъ самый Стенъ Стуре, который пользовался властью до 1497. Стокгольмъ, гдѣ оставалась жена Іоанна, былъ осажденъ, и по сдачѣ города королева удалилась въ цитадель, гдѣ ее осаждали еще восемь мѣсяцевъ. Іоаннъ поспѣшилъ съ флотомъ спасать ее; но за три дня до его прибытія она сдалась шведамъ. Ей возвратили свободу только черезъ полтора года. Стенъ Стуре лично проводилъ ее за границу и на возвратномъ пути умеръ въ Іонкёпингѣ (13 декабря 1503). Въ январѣ 1504 шведы, недовольные датскимъ владычествомъ, завладѣвъ стокгольмскимъ зáмкомъ, избрали въ правители Сванте Стуре. Онъ управлялъ страною демократически и патріархально, живя за панибрата съ гражданами и крестьянами. По смерти его въ 1512 приверженцы Сванте Стуре избрали въ правители сына его, Стена Стуре Младшаго.

Между тѣмъ король Іоаннъ объявилъ черезъ датскій и норвежскій государственные совѣты всѣхъ шведскихъ государственныхъ совѣтниковъ лишенными своихъ должностей и имѣній; въ 1505 онъ распорядился отобрать у шведовъ всѣ имущества, находившіяся въ Даніи и въ Норвегіи. Но такъ какъ это не произвело на шведовъ никакого дѣйствія, то король обратился къ императору Максимиліану I, который былъ до того романтиченъ, что вообразилъ себѣ, будто шведовъ, никогда и не думавшихъ о существованіи императора, можно запугать опалой. Онъ подвергъ ихъ опалѣ и запретилъ всякія торговыя сношенія съ ними, но приговоръ его былъ и остался недѣйствительнымъ; даже Любекъ, бывшій на ряду съ Гентомъ, Брюгге и Антверпеномъ, великою морскою силою сѣвера, не послушался императорскаго запрещенія, не смотря на сопровождавшія его страшныя угрозы. Наконецъ, въ это дѣло вмѣшались шотландцы и французы, и тогда Любекъ согласился подтвердить въ Никёпингѣ на Фальстерѣ (1506) условія, заключенныя съ датчанами въ Сегебергѣ относительно шведской торговли. Но любекцы не могли принудить всѣхъ своихъ купцовъ исполнять эти условія, и по-

тому у нихъ возгорѣлась война съ датчанами. Любекъ заключилъ союзъ съ шведами, и они вмѣстѣ опустошали датскіе берега и острова. Наконецъ, въ 1512 году жители Любека и другихъ городовъ, во главѣ союза которыхъ стоялъ Любекъ, были принуждены примириться съ Даніей. Они увидѣли, что Гамбургъ, бывшій хотя вольнымъ, но гольштейнскимъ городомъ, чрезвычайно возвысился во время ихъ пиратской войны, и что дальнѣйшее продолженіе ея грозитъ имъ совершеннымъ упадкомъ. Поэтому они послали къ королю Іоанну обоихъ своихъ бургомистровъ и заключили съ нимъ миръ. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда король Іоаннъ въ февралѣ 1513 умеръ, черезъ годъ по назначеніи правителемъ Стена Стуре Младшаго.

b) Скандинавія при Христіанѣ II.

Наслѣдникомъ Іоанна былъ сынъ его, Христіанъ II, уже прославившійся разными военными предпріятіями и бывшій при жизни отца намѣстникомъ Норвегіи. Софисты нашего времени, умѣющіе оправдывать и Филиппа II, и инквизицію, и всѣ ужасныя злодѣянія, совершенныя королями, восхваляютъ Христіана II; современники же называли его Нерономъ. Въ сочиненіи своемъ мы предположили вкратцѣ обрисовать связь главныхъ событій новѣйшей исторіи, и цѣль эта не дозволяетъ намъ вдаваться въ разбирательство спорныхъ пунктовъ въ исторіи короля, который во всякомъ случаѣ былъ жестокъ и безчеловѣченъ, но палъ жертвою борьбы за демократическій принципъ, наслѣдованный имъ отъ отца. Мы приведемъ только факты, предоставляя мыслящему читателю самому составить по нимъ сужденіе объ этомъ королѣ.

Воспитаніе и ученіе Христіана доказываютъ, какъ патріархальны и грубы были еще нравы высшихъ классовъ Скандинавіи того времени. Исторія его дѣтства похожа на сказку. Первое воспитаніе сына король поручилъ одному канонику Гейнцу и, чтобы тотъ могъ ближе надзирать за ребенкомъ, помѣстилъ

принца у мѣщанина Ганса Бухбиндера, гдѣ маленькій Христіанъ имѣлъ квартиру и столъ. Канонику приходилось ходить на службу въ церковь, и потому принцъ большею частью проводилъ время съ уличными мальчишками, пока Гейнцъ не началъ брать его съ собою въ церковь, гдѣ заставлялъ его наравнѣ съ другими мальчиками учить наизустъ катихизисъ и пѣть въ хорѣ. Это не понравилось королю. Онъ выписалъ изъ Помераніи учителя Конрада обучать принца по-латыни. Конрадъ, повидимому, многому послѣ него не научилъ Христіана, если судить по нѣсколькимъ латинскимъ строчкамъ, которыя остались. Впослѣдствіи, когда Христіанъ жилъ въ королевскомъ дворцѣ, онъ шатался ночью по городу, пилъ и буянилъ всюду, куда его приглашали, по трактирамъ и въ частныхъ домахъ. Отецъ, узнавая про эти подвиги, обыкновенно собственноручно жестоко хлесталъ его плетью. На двадцатомъ году (1502) отецъ послалъ буйнаго юношу въ Норвегію усмирять вспыхнувшее тамъ возмущеніе. Христіанъ исполнилъ это порученіе совершенно въ духѣ жестокихъ законовъ того времени и согласно своему свирѣпому и необузданному характеру, развившемуся въ сообществѣ съ грубымъ народомъ. Онъ напалъ на мятежниковъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Герлуфа Гиддефада, и наказалъ съ неслыханною жестокостью всѣхъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи; онъ провелъ послѣ того въ Норвегіи восемь лѣтъ и поступалъ съ рыцарствомъ такъ, что дворянство, которое водворилось было и тамъ, съ тѣхъ поръ исчезло навсегда. Въ пребываніе свое въ Норвегіи, онъ шлялся по трактирамъ, какъ и въ Копенгагенѣ, и въ 1507 познакомился въ Бергенѣ съ амстердамскою торговкою, Сигбриттою, содержавшею трактиръ въ этомъ средоточіи сѣверной и ганзейской торговли. Онъ влюбился въ ея дочь, Голубку, (Düveke), сдѣлался ея любовникомъ и совершенно поддался вліянію ея и ея хитрой матери. Какъ кажется, ни та, ни другая не внушали принцу дурныхъ поступковъ, но привили ему демократическіе принципы, на которыхъ процвѣтали Нидерланды; онѣ

возстановили его противъ гнета датскаго дворянства надъ гражданами и особенно надъ крестьянами, которые въ Ютландіи и на островахъ были крѣпостными. Христіанъ скрывалъ отъ отца свои отношенія къ Голубкѣ, хотя выстроилъ для нея съ матерью каменный домъ въ своей резиденціи, Опсло (Христіанія). Неизвѣстно, взялъ ли онъ ихъ съ собою въ Данію, когда въ 1510 былъ вызванъ въ Копенгагенъ. При вступленіи его на престолъ въ 1513 онѣ были уже тамъ. Дочь умерла въ 1517; но мать и по смерти ея сохранила свое вліяніе на Христіана.

Датчане были вдвойнѣ недовольны вліяніемъ королевской любовницы и ея матери, потому что обѣ онѣ поддерживали короля въ демократическихъ идеяхъ, тогда какъ аристократія старалась упрочить олигархію своей касты. По смерти отца Христіанъ былъ принужденъ одною статьею избирательной капитуляціи или, какъ ее называли, рецеса расширить юрисдикцію аристократіи въ принадлежавшихъ ей городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ, въ ущербъ королевскому правосудію и предать въ руки дворянства жизнь и имущество крестьянина, то-есть сдѣлать его вполнѣ крѣпостнымъ. Передъ коронаціей своей въ Даніи Христіанъ долженъ былъ подписать между прочимъ слѣдующее условіе: «Король предоставляетъ дворянству полную власть надъ жизнью и смертью крестьянъ и судебныя права въ гражданскихъ дѣлахъ не свыше сорока марокъ; если же онъ этого не выполнитъ, то дворянство считается разрѣшеннымъ отъ присяги ему.» Одного этого обстоятельства довольно, чтобы объяснить, почему Христіанъ, грубый и своевольный по природѣ и воспитанію, и безъ совѣта Сигбритты долженъ былъ обходиться жестоко и грубо съ привилегированнымъ классомъ; онъ могъ защитить свой народъ, только поступая съ дворянствомъ военнодиктаторски. Онъ такъ и дѣйствовалъ, не отступая передъ самыми страшными жестокостями, особенно въ Швеціи; за это и за вражду его къ реформаціи имя его сдѣлалось ненавистно всему свѣту.

Шведы отправили на коронацію Христіана пословъ и дали ему разныя обѣщанія. Но новый правитель, Стенъ Стуре, имѣлъ въ странѣ много враговъ, а Христіанъ съ самаго начала рѣшился выполнить относительно шведовъ то, чтó не удалось его отцу; поэтому смуты въ Швеціи не прекращались. Христіанъ не торопился приводить шведовъ въ повиновеніе силою. Въ первыя семь лѣтъ своего царствованія онъ заводилъ разныя сношенія, чтобы безъ опасенія навѣрное произвести месть и расправу надъ шведами, которые отложились при его отцѣ. Онъ женился на испанской принцессѣ Изабеллѣ или Елисаветѣ, сестрѣ Карла V, которая принесла ему неслыханное по тогдашнему времени приданое въ 300,000 дукатовъ. Это было еще при жизни Голубки, которая по этому случаю удалилась на время съ матерью. Далѣе, Христіанъ завелъ дружескія сношенія со многими монархами, даже съ русскимъ великимъ княземъ. Эти сношенія съ государями, а главное вліяніе Сигбритты и анти-аристократическія нидерландскія внушенія ея въ политическихъ и политико-экономическихъ вопросахъ вооружали противъ короля дворянство и гражданъ тѣмъ болѣе, что Христіанъ выстроилъ этой хитрой женщинѣ каменный дворецъ (тогда на сѣверѣ большая часть домовъ были деревянные), гдѣ происходили совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ. Кромѣ того Сигбритта дерзко обращалась съ гордыми вельможами, да и самъ король прибѣгалъ при малѣйшемъ поводѣ къ насилію и грубой жестокости противъ государственныхъ совѣтниковъ и важнѣйшихъ аристократовъ, хотя надо признаться, что многое въ разсказахъ о немъ шведскихъ и датскихъ писателей временъ его преемника крайне преувеличено. Въ то время не существовало ни финансовой, ни пошлинной системы, и чины противились каждому новому налогу; поэтому король былъ принужденъ прибѣгать противъ дворянства и духовенства къ насильственнымъ мѣрамъ, не смѣя, однако, наложить на нихъ въ пользу государственныхъ потребностей постоянную подать; что касается до казенныхъ имуществъ, управляемыхъ дворянствомъ, то они служили не на содержаніе

крѣпостей, флота и войска, какъ слѣдовало по закону, а на мотовство и роскошь знати.

Со шведами Христіанъ поступалъ систематически. Чтобы подчинить ихъ, онъ въ первый же годъ по вступленіи своемъ на престолъ (1513) соединился съ вендскими городами, то есть съ сѣверо-восточною частью ганзеатовъ, средоточіемъ и главою которыхъ былъ Любекъ. Любекъ обязался помогать королю въ завоеваніи Швеціи или, по крайней мѣрѣ, принудить шведовъ, согласно обѣщанію, данному ими при избраніи короля, платить ему ежегодно 1,300 стокгольмскихъ марокъ. За это Христіанъ обезпечилъ всѣмъ городамъ союза всѣ прежнія привилегіи ихъ и свободное плаваніе, и обѣщалъ не обременять ихъ новыми налогами. Любекцы распространили это и на Швецію, не смотря на то, что Христіанъ велъ съ нею войну; вслѣдствіе этого потомъ возникла борьба между Христіаномъ и могущественнымъ союзомъ городовъ, изъ коихъ, когда рѣчь идетъ о Скандинавіи, всегда главную роль играетъ Любекъ. Союзъ съ Любекомъ былъ такъ же безполезенъ Христіану въ войнѣ съ шведами, которую онъ прерывалъ не разъ перемиріями, какъ и близкое родство его съ царствовавшимъ въ Германіи и въ Испаніи габсбургскимъ домомъ и договоры съ Россіею, Франціею, Англіею и Шотландіею. Гораздо полезнѣе былъ ему одинъ безпокойный шведскій попъ, архіепископъ упсальскій Густавъ Тролле, наслѣдственный врагъ дома Стуре. Онъ давно уже вступилъ въ союзъ съ врагами Стена Стуре, не смотря на то, что правитель выхлопоталъ ему архіепископство. Наконецъ, Густавъ Тролле началъ открытую войну съ Стеномъ Стуре, причемъ ему помогалъ флотъ Христіана; но правитель взялъ его въ плѣнъ, объявилъ на сеймѣ въ Арбогѣ лишеннымъ архіепископства и разрушилъ укрѣпленный замокъ его Стекетъ (1517). Въ слѣдующемъ году Христіанъ явился подъ Стокгольмомъ съ флотомъ и войскомъ; близъ церкви Бреннкирки онъ вступилъ съ правителемъ въ сраженіе и былъ разбитъ (22 іюля 1518). Послѣ пораженія онъ поступилъ коварно и подло, скорѣе какъ пиратъ, чѣмъ какъ ко-

роль. Онъ потребовалъ личнаго свиданія съ правителемъ, и въ удостовѣреніе, что его не задержатъ, просилъ въ заложники молодаго графа Густава Эриксона Вазу, который во время сраженія несъ главное знамя Швеціи, и четырехъ другихъ знатныхъ шведовъ. Получивъ ихъ, онъ внезапно прекратилъ свиданіе, поспѣшилъ на свой корабль и увезъ пятерыхъ заложниковъ плѣнниками въ Данію.

Между тѣмъ архіепископъ подалъ въ Римъ жалобу на Стена Стуре и добился отъ папы преданія его церковному суду, который отлучилъ его и его сторонниковъ отъ церкви и наложилъ интердиктъ на все государство. Этотъ церковный приговоръ не произвелъ въ Швеціи ни малѣйшаго впечатлѣнія; онъ скорѣе помогъ реформаціи проложить себѣ туда дорогу, и она была встрѣчена въ этой странѣ съ радостью. Король Христіанъ принялъ на себя выполненіе приговора, что дало ему возможность брать деньги и съ духовенства, и съ міранъ и созывать на войну все воинство, какъ на крестовый походъ. Весь 1519 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ; король собралъ многочисленную армію, куда стекались искатели приключеній и предводители наемниковъ со всей Европы. Въ началѣ 1520 эта армія отправилась въ Швецію подъ предводительствомъ Оттона Крумпе. Главнокомандующій прибилъ въ Швеціи папское проклятіе по всѣмъ церквамъ. Стенъ Стуре встрѣтилъ датчанъ въ Вестготландіи близъ Богезунда, на льду Азундскаго озера, гдѣ произошло первое сраженіе. Правитель былъ раненъ въ самомъ началѣ дѣла, и потому исходъ битвы былъ несчастливъ для шведовъ. Одинъ измѣнникъ изъ шведскихъ дворянъ показалъ датчанамъ дорогу, по которой они могли обойти позицію Стена Стуре и достигнуть Упланда. Узнавъ объ этомъ, Стенъ Стуре бросился, не смотря на рану, спасать Стокгольмъ, но умеръ въ саняхъ на льду Меларскаго озера (3 февраля 1520). Вдова его защищала Стокгольмъ девять мѣсяцевъ, пока между Христіаномъ и шведами не состоялся договоръ.

Проигравъ второе сраженіе близъ Упсалы, шведы созвали сеймъ въ Упсалу и согласились заключить договоръ съ Оттономъ Крумпе. Въ силу этого договора, Христіанъ былъ призванъ королемъ на условіяхъ кальмарской уніи и, съ своей стороны, обѣщалъ предать забвенію все прошлое. Послѣ этого Христіанъ прибылъ на кораблѣ въ Швецію, гдѣ сперва поступалъ примирительно и милостиво. Вдова Стена Стуре по уговору шведскихъ дворянъ впустила короля въ Стокгольмъ, гдѣ онъ короновался. Вслѣдъ затѣмъ, не смотря на недавнее торжественное обѣщаніе быть не только королемъ, но и отцомъ шведовъ, какъ онъ самъ выразился, онъ съ неслыханною жестокостью отмстилъ повѣрившимъ его словамъ жителямъ Стокгольма. Этотъ поступокъ возбудилъ въ то время гораздо больше негодованія и возмущенія, чѣмъ подобныя государственныя мѣры въ наше время. Магистръ Д и т р и х ъ С л а г х е к ъ, другъ Сигбритты, прозванный врагами Христіана цирюльникомъ, потому что прежде занимался хирургіей, доставилъ королю возможность облечь этотъ терроръ въ призракъ права.

При коронаціи и на празднествахъ, сопровождавшихъ ее, Христіанъ казался добродушнымъ и ласковымъ. Но на третій день двери за́мка заперлись, и архіепископъ Густавъ Тролле подалъ королю жалобу на несправедливость и насиліе правителя въ отношеніи его и архіепископства упсальскаго и требовалъ удовлетворенія. Онъ заявилъ желаніе, чтобы наказаніе соучастниковъ покойнаго правителя было предоставлено папѣ; но король объявилъ, что намѣренъ кончить все дѣло завтра же (8 ноября 1520) и приказалъ немедленно арестовать всѣхъ находившихся въ Стокгольмѣ епископовъ и священниковъ, подписавшихъ положенное сеймомъ смѣщеніе архіепископа. На слѣдующее утро было объявлено, что сопротивленіе римскому престолу есть ересь. Потомъ всему городу было запрещено выходить изъ домовъ до извѣстнаго сигнала. Затѣмъ совершились казни на площади безъ всякаго суда; казнили двухъ епископовъ, двадцать свѣтскихъ лицъ, большею частью государствен-

ныхъ совѣтниковъ, бургомистра, городскихъ судей и множество гражданъ Стокгольма. Послѣ нихъ очередь дошла и до другихъ. Ремесленниковъ отрывали отъ работъ и тащили на казнь. Никому изъ нихъ не давали религіознаго утѣшенія, въ чемъ въ то время не отказывали злѣйшимъ преступникамъ. Олай Магнусъ своими глазами видѣлъ, какъ обезглавили сорокъ девять человѣкъ. Другихъ вѣшали послѣ жестокихъ истязаній. Домы были расхищены, и городъ подвергся грабежу и всякимъ безчинствамъ, какъ послѣ взятія приступомъ. Убійства продолжались на третій и на четвертый дни, хотя еще въ первый день отъ имени короля провозгласили миръ и безопасность. Въ Финляндію послали приказъ распорядиться и тамъ такъ же; когда король поѣхалъ изъ Стокгольма въ южныя провинціи, причислявшіяся тогда къ Даніи, то въ каждомъ мѣстечкѣ по его пути воздвигались висѣлицы. Историки оставили намъ длинный списокъ важнѣйшихъ лицъ, повѣшенныхъ и обезглавленныхъ Христіаномъ. Къ 1 января 1521 число казненныхъ простиралось до 600.

Одинъ датскій историкъ приводитъ въ оправданіе Христіана тѣ же доводы, что и нынѣшніе апологисты подобныхъ событій въ Венгріи, Италіи и Франціи. Иначе, говоритъ онъ, нельзя было обуздать аристократію; всякое снисхожденіе привело бы къ новымъ смутамъ; разъ начавъ, должно быть послѣдовательнымъ и истреблять зло съ корнемъ. Христіанъ такъ и дѣлалъ. Ему хотѣлось создать неограниченную монархію, и онъ дѣйствовалъ диктаторски. Съ этою цѣлью онъ и въ Даніи ограничилъ судебныя права дворянства, учредилъ королевскіе суды и установилъ новыя пошлины. Слагхекъ и Сигбритта внушали ему мѣры полезныя для мѣщанскаго и крестьянскаго сословій; но граждане негодовали на него за то, что онъ предоставилъ Сигбриттѣ зундскую пошлину и сдѣлалъ магистра Слагхека епископомъ скарскимъ, а потомъ архіепископомъ лундскимъ. Мы не рѣшаемся защищать Христіана. Онъ хотѣлъ дѣлать все насиліемъ и террором. Такъ поступалъ онъ и съ женою и даже

казнилъ одну придворную даму ея; зять его, Карлъ V, написалъ ему по этому случаю письмо, полное рѣзкихъ упрековъ. Какъ безполезны были его звѣрства, видно изъ того, что года не прошло послѣ нихъ, какъ во всѣхъ трехъ королевствахъ вспыхнули волненія, возбужденныя его насиліями, и Данія воспользовалась всеобщимъ возстаніемъ шведской націи, чтобы также отложиться отъ Христіана.

Во главѣ возстанія шведовъ сталъ молодой человѣкъ, извѣстный своею знатностью связями, талантами и храбростью. То былъ Густавъ Эриксонъ, получившій впослѣдствіи со всѣмъ своимъ родомъ прозваніе Ваза; откуда произошло это прозваніе, не рѣшаетъ даже новѣйшій и лучшій шведскій историкъ, Гейеръ. Стенъ Стуре Младшій былъ не мало обязанъ Густаву своими первыми успѣхами. Какъ мы уже видѣли (стр. 368), въ славной битвѣ при Бреннкиркѣ онъ несъ народное знамя и вслѣдъ затѣмъ былъ коварно увезенъ королемъ Христіаномъ въ Данію. Здѣсь его сдали подъ присмотръ ютландскому дворянину Эриху Банеру; въ случаѣ побѣга Вазы Банеръ долженъ былъ уплатить пеню въ 6,000 марокъ. Густавъ цѣлый годъ содержался въ замкѣ Банера Каллё въ Ютландіи, но, наконецъ, бѣжалъ въ Любекъ. Въ Любекѣ онъ пробылъ съ осени 1519 до мая 1520. Граждане Любека, какъ всѣ торгаши, не хотѣли ни съ кѣмъ ссориться и сначала какъ бы намѣревались выдать Густава: однако, въ маѣ 1520 отправили его на наемномъ кораблѣ въ Швецію, гдѣ онъ высадился близъ Кальмара. Это случилось какъ разъ въ то время, когда, въ послѣдней войнѣ Стена Стуре съ Христіаномъ, счастье отвернулось отъ шведовъ, и по смерти Стена датчане осадили Стокгольмъ; поэтому Густавъ нигдѣ не встрѣтилъ сочувствія, когда сталъ возбуждать своихъ соотечественниковъ къ отчаянной борьбѣ противъ датчанъ; наконецъ въ Далекарліи любовь къ свободѣ оказалась сильнѣе и ненависть къ датчанамъ глубже, чѣмъ во всѣхъ прочихъ провинціяхъ Швеціи. О путешествіи его съ берега до Далекарліи шведскіе историки разсказываютъ много анекдотовъ

трудностяхъ и опасностяхъ, какимъ онъ подвергался, и о любви къ нему земляковъ, которую онъ испыталъ, странствуя въ платьѣ простаго крестьянина и служа работникомъ. Мы не будемъ распространяться о его приключеніяхъ и скажемъ только, что и въ Далекарліи онъ нашелъ приверженцевъ только тогда, когда слухъ о кровавыхъ казняхъ въ Стокгольмѣ достигъ до этихъ отдаленныхъ горъ и долинъ; тогда нашлись люди готовые возстать на датчанъ и нѣмцевъ Христіана. Густавъ велъ войну, предводительствуя неопытною толпою, вооруженною только длинными пиками, палицами, мечами, луками и стрѣлами, тогда какъ войска Христіана были снабжены огнестрѣльнымъ оружіемъ и привычны къ войнѣ. Но шведскій герой съумѣлъ въ короткое время образовать войско изъ крестьянъ, горцевъ и заводскихъ работниковъ. Читая исторію этой войны, нельзя не удивляться, подобно шведамъ, ихъ національному герою, котораго они чтятъ, какъ полубога. Счастливому исходу его предпріятія, конечно, много способствовало то обстоятельство, что съ 1521 Христіанъ сталъ обходиться сурово и жестоко даже съ датчанами; притомъ онъ не имѣлъ постоянной арміи, и для разсчета съ наемными искателями приключеній долженъ былъ всюду прибѣгать къ разнымъ насиліямъ.

Блестящее народное собраніе, созванное со всѣхъ округовъ въ Мору, назначило Густава предводителемъ войска и своимъ представителемъ, вслѣдствіе чего, какъ утверждаетъ Рюзъ, онъ принялъ титулъ правителя еще до законнаго признанія его въ этомъ санѣ сеймомъ. Вскорѣ успѣхи его стали такъ значительны, что послѣ побѣды, одержанной его помощниками, Петромъ Свенсономъ и Петромъ Углою при Брунбекѣ на Далъ-Эльфѣ надъ регулярными войсками датчанъ, онъ могъ собрать пятитысячное войско, которому платилъ изъ королевскихъ доходовъ. Еще до этого народъ составилъ ему гвардію изъ нѣсколькихъ десятковъ всадниковъ и нѣсколькихъ сотъ пѣхоты. Главнымъ врагомъ Густава былъ архіепископъ Густавъ Тролле. Положеніе его было невыгодно, потому что датчане владѣли

всѣми замками и увезли въ Данію заложницами многихъ знатныхъ дамъ, въ томъ числѣ мать и двухъ сестеръ Густава.

Уже въ іюнѣ 1521 Густавъ рѣшился осадить Стокгольмъ; но осада Стокгольма длилась цѣлые два года, потому что люди его были непривычны къ осадамъ, и притомъ онъ не могъ постоянно имѣть значительныхъ силъ, достаточныхъ, чтобы обложить городъ со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ ему удалось утвердить власть свою на законномъ основаніи, тогда какъ Христіанъ суровостью и безразсудствомъ своимъ и въ Даніи оскорблялъ духовныхъ и свѣтскихъ господъ и даже вооружилъ противъ себя могущественную Ганзу. Густавъ созвалъ сеймъ въ Вадстену; сюда явилось болѣе семидесяти дворянъ, перешедшихъ къ нему на службу отъ Христіана; 24 августа 1521 они предложили Густаву королевское достоинство. Но Густавъ былъ столь же уменъ, какъ храбръ и счелъ неблагоразумнымъ принять такой титулъ; поэтому собраніе назначило его правителемъ и присягнуло ему на повиновеніе и вѣрность.

Датскій король не могъ отстоять Стокгольмъ. Густавъ Тролле совершенно напрасно ѣздилъ въ іюлѣ въ Данію и горько упрекалъ короля, что тотъ покинулъ его безъ помощи. Датчане были изгнаны изъ Вестготландіи и Смаландіи, а частью и изъ Финляндіи и принуждены оставить большую часть занятыхъ ими замковъ. Въ концѣ 1521 Христіанъ своими поступками побудилъ шведскихъ дворянъ, до сихъ поръ храбро стоявшихъ за него, отложиться отъ него, и объявилъ враговъ государства даже архіепископа Густава Тролле.

Кромѣ того, другими мѣрами онъ еще болѣе увеличилъ затруднительность своего положенія. По разнымъ причинамъ, а главное изъ-за диплома на Гольштейнъ, полученный имъ отъ императора Карла V, онъ совершенно разсорился съ дядей своимъ, герцогомъ Фридрихомъ Гольштейнскимъ. Потомъ онъ издалъ повелѣніе, направленное противъ нѣмецкихъ городовъ, чѣмъ оскорбилъ не только ихъ, но и крестьянъ и могущественное дворянство Даніи. Вѣроятно, слѣдуя совѣту Сигбритты и

думая помочь датскому мѣщанскому сословію, онъ запретилъ продавать хлѣбъ непосредственно иностраннымъ купцамъ и предписалъ привозить его въ Копенгагенъ и продавать въ столицѣ датскимъ купцамъ. Въ то же время онъ издалъ очень разумный и справедливый законъ противъ береговаго права въ томъ видѣ, какъ пользовались имъ до сихъ поръ дворяне въ своихъ помѣстяхъ, но этимъ еще болѣе ожесточилъ ихъ. Далѣе, онъ запретилъ помѣщикамъ продавать крѣпостныхъ людей изъ своихъ помѣстій какъ рабовъ, а духовенству—покупать имѣнія, если оно не будетъ жениться, подобно предкамъ своимъ. Очевидно, что всѣ эти законы, изданные въ пользу гражданъ и крестьянъ, были полезны и мудры; но они раздражали противъ короля духовенство и дворянство. Самъ Христіанъ предавался жестокому произволу и тиранству. Такъ напримѣръ, сначала онъ осыпалъ почестями своего Дитриха Слагхека и даже самовластно возвелъ его на архіепископство лундское; но въ 1522, замѣтивъ, что послѣ кровавыхъ сценъ въ Стокгольмѣ, этотъ клевретъ его опротивѣлъ всему свѣту, Христіанъ заставилъ его искупить всѣ жестокости, главнымъ виновникомъ которыхъ онъ былъ самъ. Христіанъ осудилъ его, какъ виновника стокгольмскаго кровопролитія, и послѣ страшныхъ истязаній велѣлъ сжечь живаго. Многіе другіе датчане были казнены также произвольно.

Всѣ поступки Христіана и всѣ распоряженія его возбудили противъ него ненависть со всѣхъ сторонъ, и именно въ то самое время, когда ему нечего было и думать о сохраненіи своей власти надъ Швеціею, такъ какъ изъ двухъ главныхъ городовъ этого государства, Кальмаръ уже отложился отъ него, а Стокгольмъ былъ осажденъ. Города Любекъ, Данцигъ, Висмаръ и Ростокъ, недовольные прекращеніемъ непосредственной торговли съ Даніей, вслѣдствіе упомянутаго повелѣнія Христіана, были кромѣ того недовольны высокими пошлинами; они, правда, не начинали съ Христіаномъ открытой войны, но явно приняли сторону Густава Вазы, грабили датскіе берега и корабли, заняли Борнгольмъ и разграбили Эльзинеръ. Притомъ они заклю-

чили союзъ съ дядею Христіана, герцогомъ Фридрихомъ Гольштейнскимъ, который въ то время уже сговорился тайно съ датскою знатью противъ короля. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, Христіанъ былъ принужденъ наконецъ созвать сеймъ, т. е. искать помощи у тѣхъ, кто замышлялъ его гибель. Онъ созвалъ дворянство въ Каллундборгъ; но всѣ знали, что онъ намѣренъ собрать денегъ съ помѣщичьихъ крестьянъ и съ духовенства, и никто на призывъ его не явился. Въ началѣ 1523 онъ назначилъ другой сеймъ въ Ааргусѣ, въ Ютландіи; но дворяне опять не явились, отговариваясь, что онъ привелъ съ собою нѣсколько отрядовъ войскъ, собранныхъ противъ Швеціи, толпу полицейскихъ и палачей. Они собрались въ Выборгѣ и рѣшили отречься отъ повиновенія королю Христіану и на мѣсто его возвести дядю его, Фридриха. Судя по всему, дѣло это было давно улажено съ Фридрихомъ. Чины послали депутата къ королю и къ герцогу Фридриху. Король ласково принялъ депутата, который, уходя, оставилъ ему въ перчаткѣ постановленіе сейма о его низложеніи и, исполнивъ такимъ образомъ возложенное на него порученіе, отправился къ Фридриху предложить ему отъ имени сейма престолъ. Фридрихъ, конечно, принялъ предложеніе, и чины издали приказаніе всѣмъ ютландцамъ собраться на сеймъ вооруженными.

Двадцать шестаго марта 1523 датскіе дворяне (ибо другія сословія не принимали въ этомъ участія) заключили съ герцогомъ Фридрихомъ формальный договоръ; какъ договоръ этотъ, такъ и актъ о низложеніи Христіана ясно доказываютъ, что дворянство хлопотало не изъ-за правды и справедливости, а изъ-за своихъ привилегій и изъ-за отнятаго у нихъ Христіаномъ права тиранить и угнетать крестьянъ. Въ числѣ уступокъ, которыя новый король Фридрихъ I долженъ былъ сдѣлать дворянству, главную роль играла отмѣна ограниченій вотчиннаго суда до трехъ и четырехъ марокъ и возстановленіе его въ дѣлахъ до сорока марокъ. Кромѣ того, дворянамъ безвозмездно возвращались отобранныя у нихъ заложенныя имѣнія. Король былъ

поставленъ въ совершенную зависимость отъ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ дворянство признавало своими главами, и съ этого времени сеймы стали весьма рѣдки; государственный совѣтъ издавалъ законы и неограниченно управлялъ всѣмъ. Онъ состоялъ изъ 23 членовъ, и въ случаѣ смерти одного изъ нихъ остальные предлагали королю его преемника. Наконецъ, главное условіе состояло въ томъ, что до сихъ поръ, если умершій король оставлялъ наслѣдниковъ, то выборъ новаго короля былъ пустою формальностью; теперь же Данія стала вполнѣ избирательною монархіею, и дворянство, подобно нѣмецкимъ курфирстамъ, предписывало каждому новоизбранному въ такъ называемой избирательной капитуляціи новыя условія, которыя ограничивали его власть, защищавшую народъ, и расширяли пагубную власть аристократіи. Чтобы добиться признанія себя королемъ въ Норвегіи, Фридрихъ и тамъ долженъ былъ предоставить чинамъ безусловное избирательное право. Шведы потребовали этого права и себѣ, и распаденіе трехъ королевствъ стало неминуемо. Фридрихъ, признанный королемъ въ двухъ королевствахъ, требовалъ, чтобы и шведскіе чины на основаніи кальмарской уніи отдали ему свой престолъ. Но они отвѣчали, что рѣшились избрать королемъ Густава Эриксона. Избраніе Густава произошло 7 іюня 1523 въ Стегнесѣ, и черезъ три недѣли Стокгольмъ сдался новому королю шведскому. Распря между Швеціей и Даніею должна была неминуемо возникнуть изъ-за границъ, потому что Густавъ заявлялъ притязанія на Шонію и Галландъ, а въ войнѣ съ Христіаномъ взялъ Богуслеенъ и осаждалъ Блекингенъ. Въ слѣдующемъ году вмѣшательствомъ вендскихъ городовъ споръ этотъ былъ временно поконченъ. При свиданіи Густава съ Фридрихомъ въ Мальмё 1 сентября было рѣшено, что Блекингенъ и Роднеби будутъ возвращены датчанамъ, а Готландъ будетъ принадлежать тому изъ королей, во власти котораго окажется въ этотъ день городъ и замокъ Висби.

Низложенный Христіанъ тщетно пытался снова овладѣть властью. Онъ старался завести переговоры съ дворянствомъ

Ютландіи; предлагалъ ему подчинить свое дѣло его третейскому суду и хотѣлъ обратиться къ суду епископовъ. Все это ему не помогло, какъ не помогло и то, что крестьяне Зеландіи приняли его сторону. Онъ не осмѣлился оставаться даже въ Копенгагенѣ, куда уѣхалъ послѣ своего низложенія и въ началѣ апрѣля отплылъ изъ своего государства на флотѣ и отправился искать помощи иностранныхъ державъ, разсчитывая особенно на Нидерланды. Но характеръ его всюду создавалъ ему большія затрудненія; наконецъ черезъ семь лѣтъ онъ возвратился въ Норвегію, и здѣсь его постигло, какъ мы увидимъ ниже, еще худшее несчастіе. Онъ жилъ въ такое время, когда попытки преобразовать развратное духовенство и его ученіе, всюду вызывали политическія революціи; но такъ какъ Христіанъ неоднократно мѣнялъ религію, то ни католики, ни протестанты не могли довѣрять ему. Быть можетъ, императоръ Карлъ V и защитилъ бы его ради его дѣтей, если бы жена Христіана, сестра императора, не умерла еще въ январѣ 1525 въ Гентѣ. Вѣроятно впрочемъ, мы слышали бы о Христіанѣ больше хорошаго, чѣмъ теперь, если бы главнымъ историкомъ и біографомъ его былъ не датскій дворянинъ, а простой мѣщанинъ. Надо замѣтить однако, что онъ съ самаго начала потерялъ голову и бѣжалъ изъ государства безъ всякой надобности, имѣя еще всѣ средства бороться, какъ показываетъ исторія первыхъ годовъ царствованія его преемника.

Прибывъ въ Ютландію, Фридрихъ I былъ тотчасъ провозглашенъ, королемъ и островъ Фіонія подчинился ему; но въ Зеландіи и Шоніи перевѣсъ былъ на сторонѣ его противника. Однако, Христіанъ ничего не дѣлалъ, чтобы удержаться на престолѣ; поэтому Фридрихъ, собравъ небольшое войско, подкрѣпленное любекцами и перевезенное на ихъ флотѣ въ Зеландію, подчинилъ и этотъ островъ, за исключеніемъ городовъ Копенгагена и Каллундборга. Каллундборгъ потомъ сдался, а Копенгагенъ былъ осажденъ и съ суши, и съ моря. Тогда, наконецъ, Христіанъ выступилъ въ Гольштинію съ нѣмецкими войсками, набран-

ными на блестящія обѣщанія; при нихъ находился и курфирстъ Іоахимъ I Бранденбургскій. Узнавъ объ этомъ, Фридрихъ немедленно созвалъ народное ополченіе; но не успѣлъ онъ прибыть съ нимъ въ Голштинію, какъ войска Христіана уже разбѣжались, потому что у него не было денегъ. Фридрихъ поручилъ своему сыну, Христіану и Іоанну Ранцову продолжать осаду Копенгагена. Они были приведены въ сильное замѣшательство, когда нѣсколько военныхъ кораблей низложеннаго короля обратили въ бѣгство весь любекскій флотъ и доставили въ городъ запасъ провіанта. Гарнизонъ и граждане Копенгагена продержались поэтому еще до декабря, ожидая подкрѣпленій отъ Христіана, но, не дождавшись, сдались. Мальмё также сдался на капитуляцію, и вся Шонія была принуждена присягнуть новому королю. Сигбритта явила тогда гораздо болѣе мужества и твердости, чѣмъ самъ Христіанъ; она и бургомистръ Мальмё, Гансъ Миккельсонъ, такъ храбро защищали дѣло изгнаннаго короля, что Фридрихъ только ихъ двоихъ исключилъ изъ амнистіи, дарованной всѣмъ защитникамъ Мальмё.

Король Христіанъ не отказался, однако, отъ надежды вернуть себѣ хотя Данію и Норвегію; въ этихъ королевствахъ у него было много приверженцевъ между гражданами, крестьянами и духовенствомъ; были и тайныя связи; кромѣ того его сторону приняли многіе германскіе князья, чтобы выхлопотать ему хоть какое-нибудь вознагражденіе; нидерландское купечество, желавшее вытѣснить Ганзу, давало ему деньги. Чтобы какъ-нибудь помочь ему, друзья его три раза назначали съѣзды и переговоры съ датскими посланниками, разъ въ Любекѣ и два раза въ Гамбургѣ; но старанія ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Наконецъ Христіанъ, ежегодно распространявшій въ Даніи и Норвегіи прокламаціи, манифесты и ярые протесты, рѣшился силою возстановить свою власть. Съ этой цѣлью Карлъ V или, лучше сказать, обѣ принцессы, одна за другою управлявшія его именемъ Нидерландами (т. XII, стр. 417), дозволили Христіану навербовать въ Голландіи войско. Христіанъ собралъ

въ Голландіи 8 — 10,000 авантюристовъ разныхъ націй. Они очень обременяли жителей, потому что у Христіана не было денегъ, а Карлъ не давалъ ему средствъ, пока наконецъ въ 1531 нидерландскіе города, особенно Амстердамъ, Энкгуйзенъ и Кампенъ согласились сбыть ихъ отъ себя въ сѣверныя королевства. Войска посадили на корабли, чтобы высадить ихъ на Галландъ; но такъ какъ вѣтеръ не благопріятствовалъ этому плаванію, то высадка произошла въ Норвегіи. Счастье, казалось, покровительствовало предпріятію Христіана, хотя Фридрихъ и Густавъ соединились противъ общаго врага и выхлопотали отъ вендскихъ городовъ флотъ. По прибытіи этого флота, датскій флотъ, назначенный идти съ нимъ на соединеніе, былъ еще не снаряженъ, и потому Христіанъ безпрепятственно вошелъ съ своими кораблями въ гавань Опсло (Христіанію). Это было въ концѣ осени. Зимою корабли Христіана такъ замерзли въ гавани Опсло, что прибывшій датскій флотъ могъ подступить къ нимъ только въ самомъ концѣ весны. Поэтому вся Норвегія перешла на сторону Христіана, и только укрѣпленные замки, какъ напримѣръ замокъ Опсло и Аггергусъ, всю весну оставались въ рукахъ датчанъ. Норвежскій государственный совѣтъ послалъ датскому государственному совѣту актъ объ отдѣленіи этой страны отъ Даніи. Датчане, чтобы не допустить отдѣленія норвежскаго королевства, воспользовались этимъ документомъ точно такъ, какъ въ наше время воспользовались происшествіями въ Гольштиніи, чтобы обратить эту нѣмецкую страну въ датскую провинцію.

Весною, какъ только море вскрылось, нидерландскіе корабли отплыли отъ береговъ Норвегіи. Датскій флотъ подъ начальствомъ избраннаго епископа одензейскаго въ соединеніи съ ганзейскимъ появился передъ Опсло въ маѣ 1532 и высадилъ такое сильное войско, что Христіанъ не отважился вступить въ сраженіе въ открытомъ полѣ и заперся въ Опсло. Здѣсь положеніе его стало весьма затруднительно; большая часть его войска, не получая денегъ, разошлась, а датскій гар-

низонъ Аггергуса и Опсло, соединившись съ прибывшими войсками Фридриха, тѣснилъ его съ береговой стороны въ то время, какъ любекскій флотъ наступалъ съ моря. Вслѣдствіе этого онъ послалъ письмо къ командиру датскихъ кораблей, предлагая начать переговоры. Онъ зналъ, вѣроятно, что Фридрихъ уполномочилъ своего адмирала завести сношенія. Датскій командиръ согласился начать переговоры, но тянулъ ихъ до іюня, а тѣмъ временемъ хлопоталъ о примиреніи норвежцевъ съ королемъ Фридрихомъ. Это все болѣе и болѣе затрудняло положеніе Христіана, и, наконецъ, ему не оставалось инаго выбора, какъ отдаться въ руки дяди. Въ договорѣ, заключенномъ 11 іюня въ Аггергусѣ, онъ согласился отказаться отъ престола, отправиться къ дядѣ въ Копенгагенъ и лично переговорить съ нимъ объ удовлетвореніи. При этомъ онъ не хотѣлъ, однако, безусловно отдаваться въ руки Фридриха; одною изъ статей договора онъ выговорилъ себѣ право взять съ собою 200 человѣкъ и обѣщаніе, что онъ будетъ совершенно безопасенъ какъ на кораблѣ, такъ и въ Даніи, и гдѣ бы то ни было по пути, а за то съ своей стороны обязывался не заводить ни лично, ни черезъ другихъ никакой вредной для Фридриха переписки.

Несчастнаго короля, который, судя по состоянію его духа до стокгольмской рѣзни и послѣ нея и по поступкамъ его во время изгнанія, не всегда вполнѣ владѣлъ умственными способностями, постыдно завлекли въ западню; ему пришлось испытать отъ дяди самое жестокое и вопіющее насиліе. Неизвѣстно, кому слѣдуетъ приписать вину этого обмана, епископу ли, заключавшему аггергусскій договоръ, или самому королю. Король отобралъ отъ епископа полномочіе на заключеніе договора и послалъ двухъ сановниковъ объявить ему объ этомъ; но они не сказали объ этомъ ни королю Христіану, ни войску, и епископъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто все еще пользуется полномочіемъ. Такимъ образомъ Христіана безспорно заманили въ ловушку. Надо замѣтить, что передъ отправленіемъ на датскій флотъ онъ написалъ дядѣ длинное письмо съ очень теологическимъ всту-

плененіемъ. Онъ писалъ: «Мы ѣдемъ къ вамъ, любезный государь и братъ, подобно блудному сыну, не только какъ къ достойному Нашему дядѣ, но какъ къ нашему возродившемуся брату и сочлену о Христѣ Спасителѣ, жаждая отъ васъ совѣта, помощи и утѣшенія», и т. д., и т. д.

Король Фридрихъ былъ чрезвычайно затрудненъ прибытіемъ Христіана; онъ тотчасъ созвалъ на сеймъ дворянство, т. е. злѣйшихъ враговъ Христіана. Сеймъ совѣтовалъ Фридриху захватить его, не обращая вниманія на удостовѣреніе, данное низложенному королю въ совершенной безопасности. Посланники Густава Вазы и Ганзы также совѣтовали королю Фридриху воспользоваться этимъ случаемъ положить разъ навсегда конецъ всякимъ покушеніямъ на его спокойствіе. Епископъ одензейскій, заключавшій договоръ съ Христіаномъ, представилъ и поводъ нарушить обѣщаніе, сказавъ, что Христіанъ посылалъ за границу прокламаціи. Въ продолженіе пяти дней, пока въ Копенгагенѣ шли переговоры объ этомъ дѣлѣ, Христіана держали на кораблѣ подъ арестомъ. На шестой день подъ предлогомъ вести его въ Фленсбургъ, гдѣ находился король, его отправили въ Зондербургъ. Здѣсь его помѣстили въ замкѣ и содержали какъ узника. Заключеніе его было очень тяжко; въ комнатѣ со сводами, гдѣ онъ содержался, заложили всѣ окна, кромѣ одного, въ которое подавали ему пищу. Изъ людей онъ видѣлъ только карлика, приставленнаго къ нему для прислуги и забавы. Черезъ двѣнадцать лѣтъ заключеніе его было смягчено, и въ 1549 его перевезли въ Каллундборгъ. Фридрихъ и сынъ его вручили четыремъ дворянамъ письменное обязательство никогда не освобождать Христіана, и потому онъ оставался въ заключеніи и въ Каллундборгѣ; но заключеніе это было во всѣхъ отношеніяхъ сообразно его сану. Черезъ десять лѣтъ онъ умеръ въ Каллундборгѣ. Въ Зонденбургѣ показывали иностранцамъ комнату, служившую ему темницей.

Во время несчастныхъ попытокъ Христіана возстановить себя на датскомъ престолѣ, шведскій король Густавъ былъ оза-

боченъ множествомъ смутъ, неизбѣжныхъ послѣ такого долговременнаго и полнаго государственнаго разстройства, какимъ страдала до него Швеція. Онъ прекратилъ смуты частью страшными строгостями, частью благоразумными мѣрами кротости, точнымъ соблюденіемъ конституціи и изданіемъ разумныхъ законовъ; такимъ образомъ въ первыя же десять лѣтъ своего царствованія онъ основалъ въ Швеціи новый законный порядокъ. Густавъ, подобно своему сосѣду Фридриху, поощрялъ церковную реформу очень осторожно и благоразумно. Оба короля произвели въ своихъ государствахъ церковныя преобразованія, сохранивъ однако іерархію, устроивъ культъ совершенно на старо-лютеранскій ладъ, предоставивъ свѣтской аристократіи всѣ преимущества духовенства, какъ въ Англіи при основаніи англиканской церкви, и устранивъ вліяніе кальвинизма. Тѣмъ не менѣе совершенно вытѣснить католицизмъ было не легко, и даже въ 1527 году, когда лютеранство было формально признано государственной религіей Швеціи, нововведеніе это встрѣчало во многихъ мѣстахъ рѣшительное сопротивленіе.

c) Скандинавія отъ паденія Христіана II до смерти Густава Вазы.

Покушеніе Христіана II тѣсно сблизило Швецію съ Даніею, и Густавъ Ваза отказался даже отъ Богуслесна, принадлежавшаго къ датскимъ владѣніямъ по ту сторону Зунда. Нѣмецкіе города болѣе всего помогли въ борьбѣ съ Христіаномъ; но за это они заявляли слишкомъ большія притязанія на благодарность сѣверныхъ королей. Они просили лишить нидерландцевъ участія въ остзейской торговлѣ. Любекъ еще прежде такъ настойчиво требовалъ возвращенія 28,000 рейхсталеровъ, которыми ссудилъ Густава, что король, не имѣя возможности обойтись безъ его помощи, просилъ въ 1530 своихъ подданныхъ отдать въ каждой епархіи государства по второстепенному колоколу на монету для уплаты Любеку. Привилегированное купече-

ство и ремесленники соединенныхъ нѣмецкихъ и вендскихъ городовъ были въ Норвегіи гораздо сильнѣе датскаго короля. Въ Бергенѣ такъ называемая ганзейская контора составляла въ государствѣ государство, управлявшееся не по датскимъ и не по норвежскимъ, а по ганзейскимъ законамъ. Все чиновничество, купечество и всѣ мореплаватели цѣлаго округа подлежали суду этой конторы. Многочисленнѣйшій ремесленный классъ Норвегіи, кожевники всѣхъ родовъ, раздѣленные на пять цеховъ и извѣстные подъ общимъ названіемъ сапожной гильдіи, состояли подъ покровительствомъ этой конторы, подобно нѣмцамъ, и пользовались ганзейскими привилегіями; не платя мѣщанскихъ податей, они занимались мѣщанскими ремеслами и принимали въ свою общину, кого хотѣли, не спрашиваясь правительства. Христіанъ II оскорбилъ ганзейцевъ, поощряя цвѣтущую нидерландскую торговлю и введя пошлинную систему, придуманную Сигбриттой. За это Ганза страшно отмстила ему и въ 1532 принудила датскаго короля къ договору, по которому нидерландцамъ была совершенно запрещена торговля на Балтійскомъ морѣ; но этотъ договоръ не былъ потомъ утвержденъ. Поэтому торговые города считали себя недостаточно вознагражденными. Они стремились къ преобладанію, котораго не могли достигнуть, и хотѣли силою втѣснить въ прежнюю колею торговлю, уже принявшую другое направленіе. Вслѣдствіе этого они совершенно утратили свое прежнее значеніе въ Скандинавіи и возбудили въ Даніи по смерти Фридриха войну, погубившую Любекъ.

Въ 1533 Фридрихъ I Датскій умеръ въ Готторпѣ, гдѣ обыкновенно имѣлъ свое пребываніе. Такъ какъ Данія была государствомъ избирательнымъ, то по смерти его былъ созванъ сеймъ для избранія новаго короля. На сеймъ этотъ явились и депутаты дворянства Гольштиніи и Шлезвига, которые также имѣли притязаніе на право избирать себѣ герцога. Впрочемъ, эти выборы происходили отдѣльно на сеймѣ въ Килѣ, гдѣ съ большими затрудненіями былъ избранъ сынъ Фридриха

отъ перваго брака, Христіанъ. Онъ принялъ управленіе Шлезвигомъ и Гольштиніею и лично отъ своего имени, и какъ опекунъ братьевъ своихъ отъ втораго брака, которые были гораздо моложе его и съ которыми онъ впослѣдствіи раздѣлился. Въ Даніи выборы затянулись на цѣлый годъ; чтобы утвердить существующую олигархію, дворянство желало избрать въ короли одного изъ младшихъ принцевъ или даже кого-нибудь изъ иностранныхъ князей. Цѣлый годъ олигархія неограниченно господствовала въ государствѣ и когда, наконецъ, избрала короля, то сдѣлала и его своимъ рабомъ тяжкими условіями капитуляціи. Во время междуцарствія государственный совѣтъ завѣдывалъ управленіемъ, и три главные члена его вели всѣ королевскія дѣла; государственный гофмейстеръ, называвшійся въ то время «дростомъ», былъ главнымъ правителемъ, канцлеръ главнымъ судьей, а государственный маршалъ главнокомандующимъ.

Эта олигархія не могла тягаться съ гражданами Любека, которыхъ въ то время двое смѣлыхъ, талантливыхъ и рѣшительныхъ людей, Маркусъ Мейеръ и Георгъ Вулленвеверъ, увлекли въ попытку возвести на датскій престолъ человѣка, состоявшаго подъ покровительствомъ любекцевъ; въ то же время они старались вопреки современнымъ потребностямъ и въ ущербъ нидерландцамъ силою удержать торговлю и могущество Ганзы въ старомъ направленіи. Эта двойная цѣль находилась въ связи съ измѣненіемъ городскаго устройства, которое они успѣли преобразовать. Статутъ Генриха Льва, настоящаго основателя Любека, установлявшій, чтобы члены совѣта выбирались не болѣе какъ на два года, совершенно потерялъ силу. Члены совѣта избирались пожизненно, и кромѣ того возникло другое учрежденіе—коллегія изъ 164 гражданъ, изъ которой пополнялся совѣтъ. Мейеръ и Вулленвеверъ хотѣли учредить въ городѣ чистую демократію, причемъ сами овладѣли бы диктатурой, подобно тому, какъ въ наше время радикальные народные вожди. Оба они вышли изъ низшаго со-

словія. Мейеръ былъ сначала кузнецемъ въ Гамбургѣ, а потомъ наемнымъ солдатомъ. Служа у герцога гольштейнскаго, онъ командовалъ ротою, затѣмъ перешелъ на службу въ Любекъ и назначенъ начальникомъ отряда посланнаго городомъ на помощь императору противъ турокъ. По возвращеніи онъ сдѣлался городскимъ гауптманомъ, женился на богатѣйшей вдовѣ и, хотя не засѣдая въ совѣтѣ, пользовался въ городѣ большимъ вліяніемъ. Другъ его, Вулленвеверъ, былъ его креатурой. Онъ въ полномъ смыслѣ обладалъ качествами агитатора, былъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ, очень краснорѣчивый и потому вліятельный на народъ. Сначала Мейеръ доставилъ ему мѣсто въ коллегіи 164, потомъ въ городскомъ совѣтѣ, и черезъ три недѣли послѣ того Вулленвеверъ былъ уже бургомистромъ.

Его назначеніе въ бургомистры произошло въ тотъ самый годъ, когда умеръ Фридрихъ I, и датчане не могли согласиться въ выборѣ новаго короля (1533). Любекскіе демагоги вознамѣрились поэтому воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы обратить Данію въ провинцію Любека. Съ этою цѣлью они соединились съ двумя нѣмцами, которые пользовались въ датскихъ ганзейскихъ городахъ такимъ же вліяніемъ, какъ они въ Любекѣ. То были бургомистръ копенгагенскій, Амвросій Бухбиндеръ, и бургомистръ Мальмё, Георгъ Минтеръ. Минтеръ родился въ Вестфаліи и съ своимъ пріемнымъ сыномъ занимался сперва морскимъ разбоемъ, причемъ сынъ его погибъ казненный гамбургцами. Это занятіе обогатило его, нисколько не опозоривъ, потому что и дитмарсы считали въ то время самымъ честнымъ дѣломъ обогащаться на морѣ, подобно бедуинамъ пустыни. Минтеръ отличался храбростью и ловкостью, и король Фридрихъ, которому онъ оказалъ важныя услуги, наградилъ его леномъ и возвелъ въ рыцарство.

Достигнувъ въ Любекѣ власти, Мейеръ и Вулленвеверъ тотчасъ воспользовались ею, чтобы возстановить упомянутый статутъ Генриха Льва относительно избранія членовъ совѣта: они настояли, чтобы правительственныя дѣла рѣшались по преж-

нему въ собраніи всѣхъ гражданъ. Они добились согласія на это предложеніе, доказавъ гражданамъ, что если не преобразовать совѣтъ, то старая религія никогда не искоренится. Вслѣдъ за тѣмъ Мейеръ и Вулленвеверъ отправились посланниками въ Данію, чтобы влiять на выборы короля и выхлопотать помощь Даніи въ войнѣ противъ Нидерландовъ, которую любекцы начали и хотѣли продолжать. Этого они не достигли, равно какъ и того, чтобы склонить герцога Христіана Голштейнскаго, старшаго сына Фридриха I, принять ихъ покровительство для достиженія датскаго престола на тяжелыхъ для него условіяхъ. Тогда они возъимѣли мысль посадить на датскій престолъ демократическаго короля, освободивъ и возстановивъ Христіана II. Епископы были расположены въ пользу этого плана, потому что Христіанъ, повидимому, былъ опять склоненъ къ католицизму, а епископы всегда только склонялись къ старой религіи. Но возставленіе Христіана оказалось невозможнымъ, и тогда демагоги стали искать новаго орудія для своихъ плановъ; заодно съ бургомистрами Копенгагена и Мальмё, которые имѣли мѣсто и голосъ въ датскомъ избирательномъ собраніи, они завели обширную интригу, которая возбудила войну, извѣстную подъ именемъ графской войны, потому что бургомистры Любека, Копенгагена и Мальмё противопоставили королямъ Швеціи и Даніи двухъ графовъ, Гойа и Ольденбургскаго.

Смѣлые демагоги Любека побудили своихъ согражданъ и другіе вендскіе города снарядить флотъ, чтобы силою вытѣснить нидерландцевъ изъ Балтійскаго моря; это предпріятіе не совсѣмъ посчастливилось имъ; однако, они затѣяли вскорѣ другое—войну съ Швеціею. Желая выйти изъ-подъ зависимости отъ Ганзы, Густавъ Ваза еще въ 1526 заключилъ договоръ съ намѣстницею Нидерландовъ, Маргаритою Австрійскою и поссорился съ любекцами изъ-за денежныхъ разсчетовъ. Онъ выплатилъ въ сроки почти всю занятую имъ сумму, кромѣ послѣдняго платежа, который затянулъ, находя, что любекцы обсчитали его. Тогда любекцы забрали шведскіе корабли съ кладью.

Густавъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы избавиться отъ гнета ихъ тяжелыхъ торговыхъ привилегій. Онъ отмѣнилъ эти привилегіи и конфисковалъ всѣ любекскіе корабли, стоявшіе въ шведскихъ гаваняхъ. Въ отместку любекцы приняли сторону множества недовольныхъ шведскихъ дворянъ. Густавъ дѣйствовалъ такъ тираннически, желая основать въ Швеціи самодержавіе, что ожесточилъ противъ себя большую часть своего народа. Даже далекарлійцы, нѣкогда столь преданные ему и помогавшіе ему противъ Христіана II, возмутились противъ него, такъ что онъ два раза ходилъ усмирять ихъ и дошелъ до такой гнусности, что казнилъ того самаго крестьянина, который скрывалъ его у себя на гумнѣ въ работникахъ, когда онъ былъ бунтовщикомъ противъ Христіана II. Между шведской аристократіей было тоже много недовольныхъ, въ томъ числѣ даже зять Густава, графъ Іоаннъ Гойа, который до того разсорился съ королемъ, что бѣжалъ съ женою и дѣтьми въ Любекъ. Въ Любекѣ его приняли съ распростертыми объятіями; вокругъ него собрались всѣ недовольные шведы, между прочимъ и Густавъ Тролле, и графъ принялъ участіе въ дѣлѣ, которое замышляли противъ Швеціи любекскіе демагоги.

Въ то же время въ товарищи вождямъ любекской демократіи явился одинъ нѣмецкій графъ, желавшій заодно съ ними отстранить отъ датскаго престола герцога Христіана Голштейнскаго, сына короля Фридриха I. То былъ графъ Христофоръ Ольденбургскій, младшій внукъ брата Христіана I, Гергарда, которому тотъ уступилъ Ольденбургъ. Онъ отличился, какъ храбрый рубака въ турецкой войнѣ; хотя протестантъ, онъ былъ каноникомъ въ Бременѣ и Кёльнѣ, но не имѣлъ ничего, кромѣ угодій одного монастыря и желалъ пріобрѣсти свѣтскую власть. Съ нимъ-то вошли въ тайныя сношенія, Вулленвеверъ и Мейеръ, чтобы не допустить избранія въ короли Даніи герцога Христіана Голштейнскаго и возвести вмѣсто него на престолъ низвергнутаго короля Христіана II, а въ помощники ему опредѣлить графа Христофора. Христофоръ нанялъ на любекскія

деньги войско и письменно потребовалъ отъ герцога голштейнскаго освобожденія плѣннаго короля Христіана II. Письмо это было отослано, какъ только кончились всѣ военныя приготовленія, такъ что Христофоръ могъ грозить герцогу немедленнымъ нападеніемъ, если Христіанъ не исполнитъ требованія. Въ планъ любекскихъ демагоговъ и графа Христофора были посвящены бургомистры Копенгагена и Мальмё и датскіе епископы, которые были противъ избранія Христіана Голштейнскаго за его слишкомъ усердный лютеранизмъ. Однако, любекскій совѣтъ, хотя избранный подъ вліяніемъ Вулленвевера и Мейера, нашелъ ихъ предпріятіе слишкомъ смѣлымъ. Чтобы достигнуть своей цѣли, демагогамъ пришлось рѣшиться на новую крутую государственную мѣру. Въ апрѣлѣ 1534 они созвали общее собраніе гражданъ по обыкновенію въ церковь; здѣсь Вулленвеверъ произнесъ съ каѳедры рѣчь, которою склонилъ народъ въ пользу своего плана и вынудилъ у него согласіе на государственную мѣру, состоявшую въ томъ, что члены совѣта были частью изгнаны, частью арестованы.

Послѣ того Вулленвеверъ могъ безпрепятственно идти къ своей цѣли. Онъ призвалъ въ Любекъ графа Христофора и наемниковъ его и, чтобы прикрыть свои истинныя намѣренія, объяснилъ, будто графъ нуженъ городу для войны, которую Любекъ уже давно началъ съ герцогомъ Христіаномъ Голштейнскимъ. Девятнадцатаго іюня 1534 войска Христофора сѣли на любекскій флотъ и поплыли въ Данію, гдѣ союзники ихъ, бургомистры Копенгагена и Мальмё, уже приготовили все къ пріему ихъ. Вулленвеверъ предводительствовалъ флотомъ, а Мейеръ войскомъ. При этомъ они разсчитывали и на короля Генриха VIII англійскаго, котораго они дипломатически провели обѣщаніемъ доставить ему датскій престолъ, освободить заключеннаго Христіана II и поддержать римскую вѣру; впрочемъ, онъ скоро увидѣлъ, что его обманули. Въ Мальмё и Копенгагенѣ Христофора приняли радушно; вся Шонія и вся Зеландія подчинились ему, какъ намѣстнику заключеннаго Христіана II.

Но только что онъ собрался переѣхать на Фіонію, какъ дворянская олигархія и епископы Ютландіи перестали противиться избранію короля, и въ то же время герцогъ Христіанъ Гольштейнскій явился съ арміей передъ оставленнымъ безъ защиты Любекомъ. Перваго іюля 1534 герцогъ былъ избранъ въ ютландскомъ мѣстечкѣ Ріиѣ подъ именемъ Христіана III въ короли Даніи и Норвегіи. При этомъ онъ не обѣщалъ приверженцамъ старой религіи ничего, кромѣ сохраненія существующаго церковнаго порядка въ настоящемъ видѣ, пока съ согласія государственныхъ совѣтниковъ не будетъ постановлено на этотъ счетъ чего-нибудь опредѣленнаго. Счастіе, казалось, однако не благопріятствовало новому королю; ютландскіе крестьяне приняли сторону Христіана II и намѣстника его Христофора и даже нанесли дворянству сильное пораженіе. Но любекскіе демагоги, отъ которыхъ все зависѣло, возвратясь домой на защиту города противъ гольштинцевъ, дѣйствовали очень неискусно, и притомъ въ Любекѣ противъ нихъ была сильная партія, къ которой примкнули всѣ прежніе члены городскаго совѣта. Вдобавокъ въ дѣло вмѣшался еще шмалькальденскій союзъ изъ опасенія, что графская война можетъ сдѣлаться опасною лютеранству. Князья и города этого союза вовсе, конечно, не имѣли въ виду прекращать датскія и шведскія распри; имъ только хотѣлось возстановить согласіе въ Любекѣ. Для этой цѣли въ Любекъ собрались герцоги Мекленбургскій и Лауенбургскій, посланники Филиппа Великодушнаго и городовъ Гамбурга, Люнебурга, Висмара, Стральзунда и Ростока. Для возстановленія земскаго мира въ сѣверной Германіи они вошли въ переговоры съ Христіаномъ III и любекцами и 18 ноября 1534 устроили соглашеніе, по которому воюющія стороны обязались сохранять миръ въ предѣлахъ германской имперіи и подчиниться рѣшенію посредниковъ относительно вознагражденія за убытки. Въ самомъ Любекѣ спокойствіе возстановилось не вслѣдствіе возстановленія стараго порядка управленія, хотя и совѣтъ, и гражданская коллегія были преобразованы, а Вулленвеверъ принужденъ не только

сложить съ себя званіе бургомистра, но и удалиться на время изъ города. Тѣмъ не менѣе демагоги продолжали пользоваться такимъ вліяніемъ, что Вулленвеверъ былъ вслѣдъ затѣмъ снова выбранъ въ бургомистры, а Мейеръ отправленъ въ Зеландію съ новыми войсками. Но счастье уже покинуло предпріимчивыхъ людей, которые хотѣли силою удержать торговлю и дать ей произвольное направленіе, что было не по силамъ даже Филиппу II.

Графъ Христофоръ и любекская демократическая партія успѣшно вели дѣла свои еще до конца 1534 года. Христофоръ владѣлъ всѣми датскими провинціями по ту сторону Зунда и Зеландіею, Лаландомъ и Фальстеромъ; но въ первомъ же мѣсяцѣ 1535 счастье совершенно повернулось къ ихъ противникамъ. Густавъ Ваза вступилъ въ датскія пограничныя съ Швеціей провинціи, потому что и его государству угрожала опасность; онъ набралъ въ свое войско множество недовольныхъ датчанъ и въ январѣ 1535 далъ при Гельзингборгѣ рѣшительное сраженіе графу Христофору и Маркусу Мейеру. Побѣда его была полная, и Мейеръ былъ взятъ въ плѣнъ. При этомъ шведы поспорили съ датчанами о томъ, кому плѣнникъ долженъ принадлежать; до рѣшенія спора его перевезли въ замокъ Вардбёргъ подъ непремѣннымъ условіемъ не лишать его жизни, даже если бы ему пришлось достаться шведамъ. Въ Вардбёргѣ ему дозволялось свободно ходить внутри укрѣпленій, такъ что онъ нашелъ случай, тайно введя въ замокъ отрядъ солдатъ, овладѣть не только имъ, но и значительною добычею въ немъ.

Послѣ пораженія при Гельзингборгѣ положеніе графа Христофора въ Шоніи и на островѣ Зеландіи было очень затруднительно. Это побудило четырехъ демократовъ, которымъ онъ служилъ орудіемъ, пріискать на его мѣсто другаго князя. Они выбрали герцога, А л ь б р е х т а VI Мекленбургскаго, который былъ сильнѣе Христофора. Вулленвеверъ самъ привезъ герцога Альбрехта на любекскихъ корабляхъ въ Копенгагенъ. Альбрехтъ былъ такой же искатель приключеній, какъ и Христофоръ,

и притомъ вмѣсто войска привезъ съ собой только охотничьи принадлежности: собакъ, соколовъ и егерей. Появленіе его вызвало съ самаго начала не только раздоръ между имъ и Христофоромъ, но и между послѣднимъ и любекцами, что помогло королю Христіану III овладѣть своимъ государствомъ. Въ іюнѣ 1535 любекцы были побѣждены королевскими войсками въ кровопролитномъ сраженіи и лишились всей артиллеріи и 1,500 человѣкъ убитыми, въ томъ числѣ Густава Тролле и графовъ Гойа и Текленбурга. Вслѣдствіе этой побѣды Христіанъ овладѣлъ островами Ассенсомъ и Фіоніей. Вслѣдъ затѣмъ онъ переправился въ Зеландію и осадилъ Копенгагенъ съ моря и съ суши. У него достало даже силъ совершенно запереть въ Копенгагенѣ Христофора и Альбрехта и въ то же время осадить Никёпингъ на Фальстерѣ, Алегольмъ, Каллундборгъ, Эльзинеръ и послать отрядъ на осаду Мальмё. Этотъ отрядъ избавилъ его отъ одного изъ первыхъ зачинщиковъ графской войны. Датскія войска, достигнувъ Шоніи, осадили Вардбёргъ, все еще находившійся въ рукахъ Мейера; Мейеръ увидѣлъ вскорѣ невозможность держаться и сдался подъ условіемъ сохраненія ему жизни. За отсутствіемъ главнокомандующаго Мельхіора Ранцова, это условіе было заключено съ второстепеннымъ начальникомъ непріятельскаго войска; поэтому Ранцовъ не счелъ себя связаннымъ имъ. Не смотря на возраженія начальника, заключившаго капитуляцію, Ранцовъ и другіе потребовали преданія Мейера уголовному суду, т. е., другими словами, пыткѣ и казни. Такъ и сдѣлали и притомъ самымъ звѣрскимъ образомъ.

Въ это время и Вулленвеверъ попался въ руки враговъ. Отправившись изъ Любека въ Бременъ вербовать войска, онъ былъ арестованъ по приказанію бременскаго капитула за то, что дурно обошелся съ католическими священниками бременской епархіи. Капитулъ предалъ его герцогу Генриху Младшему Брауншвейгскому, ярому врагу Лютера (т. XII, стр. 176) и городовъ Брауншвейга и Гослара, принадлежавшихъ къ Ганзѣ. Герцогъ формальнымъ договоромъ передалъ его королю Христіану III.

Послѣдній заключилъ въ 1536 въ Гамбургѣ при нѣмецкомъ вмѣшательствѣ мирный трактатъ съ Любекомъ. Въ силу этого договора любекцы обязались не поддерживать болѣе герцога Альбрехта и графа Христофора, и за это имъ было дозволено безпрепятственно вывести войска свои изъ датскихъ владѣній. Христофору и Альбрехту, если они согласятся сдать Копенгагенъ и Мальмё, было также дозволено выйти съ своими солдатами и имуществомъ изъ этихъ городовъ. Наконецъ, любекцамъ были возобновлены ихъ привилегіи и на пятьдесятъ лѣтъ продолжены ленныя права ихъ на Борнгольмъ. Теперь оставалось только отдѣлаться отъ Вулленвевера, на котораго былъ очень сердитъ и германскій императоръ. Карлъ и прежде грозно требовалъ возстановленія въ Любекѣ совѣта въ прежнемъ видѣ и стараго порядка управленія. Бургомистръ, находившійся въ рукахъ Христіана и всѣми покинутый, былъ преданъ суду и приговòренъ къ смерти. По варварскому обычаю того времени, его четвертовали и колесовали *).

Въ слѣдующемъ году на блестящемъ союзномъ собраніи Ганзы, въ которомъ принимали участіе посланники городовъ Данцига, Дортмунда, Кёльна, Девентера, Цволя и Кампена, было рѣшено возстановить старый совѣтъ Любека и ввести прежній порядокъ управленія. По просьбѣ Христіана любекцамъ возвратили и стáрыя привилегіи ихъ въ Швеціи. Христофоръ и Альбрехтъ держались еще въ Даніи, хотя были покинуты любекцами; но когда Минтеръ сдалъ на капитуляцію Мальмё, а нѣмцы были доведены голодомъ и нуждой въ Копенгагенѣ до отчаянія, они по необходимости покорились обстоятельствамъ. Имъ предоставили капитуляцію и свободный выходъ; но пред-

---

*) Такъ какъ Крагіусъ („Historia Christiani regis" pag. 116) ошибся, то и Маллетъ въ своей датской исторіи невѣрно утверждаетъ, будто Вулленвеверъ казненъ въ Брауншвейгѣ по требованію любекцевъ. Въ хроникѣ Виллебрандта не указано мѣсто казни. Въ датской исторіи Гольберга тоже ошибка.

варительно подвергли позорному униженію. Вскорѣ послѣ того ганзейскіе города лишились однако привилегій, которыми пользовались въ ущербъ мѣстнымъ жителямъ; такъ называемая ганзейская контора, т. е. то государство въ государствѣ, которое было у нихъ въ Норвегіи (стр. 382), была закрыта.

Послѣ графской войны Христіанъ III Датскій и Густавъ Ваза Шведскій произвели наконецъ церковную реформу въ своихъ государствахъ. Они дѣйствовали при этомъ насильственно, потому что католическое духовенство и народъ, привыкшій къ церемоніямъ католицизма, упорно противились реформаціи. Короли уничтожили свѣтскую власть духовенства, чѣмъ, конечно, усилили дворянство, которое впослѣдствіи при каждой перемѣнѣ на престолѣ избирательными капитуляціями все болѣе и болѣе связывали руки королей. Въ 1536 Христіанъ въ одинъ день арестовалъ всѣхъ датскихъ епископовъ и затѣмъ приступилъ къ конфискаціи духовныхъ имуществъ. Густавъ хотѣлъ даже вначалѣ ввести вмѣсто епископальной церкви пресвитеріанскую.

Христіанъ побѣдоносно вышелъ изъ опасной борьбы, которую велъ во главѣ голштинскаго и датскаго дворянства противъ римской іерархіи своего государства и противъ сильнаго союза нѣмецкихъ городовъ. Только съ Густавомъ Вазою ссора его продолжалась, частью изъ-за острова Готланда, захваченнаго Даніей, частью изъ-за трехъ коронъ въ датскомъ гербѣ, означавшихъ притязаніе датскаго короля на всю Скандинавію. Когда въ 1540 шведы съ согласія чиновъ преобразовали избирательную монархію въ наслѣдственную, Христіану пришлось ослабить себя раздѣломъ своихъ нѣмецкихъ владѣній. По обычаю нѣмецкихъ князей, дѣлившихъ свои страны какъ частную собственность между дѣтьми, Христіану пришлось дать равныя доли изъ отцовскаго наслѣдства своимъ братьямъ, Іоанну и Адольфу, которые доселѣ состояли подъ его опекой. Адольфу достался Готторпъ, Іоанну — Гадерслебенъ, а самому Христіану Фленсбургъ. Часть Іоанна потомъ снова перешла къ его братьямъ; съ Адольфомъ же былъ заключенъ въ 1564 вторичный договоръ

касательно управленія и завѣдыванія королевскою и герцогскою частями Голштиніи; этотъ договоръ послужилъ источникомъ безчисленныхъ золъ. Христіанъ III, помня, какія затрудненія встрѣтило его собственное избраніе, постарался заблаговременно обезпечить выборъ въ наслѣдники своего сына, Фридриха. Фридрихъ былъ избранъ въ 1542, а въ 1559 наслѣдовалъ отцу подъ именемъ Фридриха II.

Во все свое долгое царствованіе Густавъ Шведскій во всѣхъ отношеніяхъ оказывалъ своему государству важныя услуги. Онъ заботился о торговлѣ и о возвышеніи горнаго производства, привлекалъ нѣмецкихъ горныхъ рабочихъ, улучшалъ искусства и ремесла, именно тѣ, предметомъ которыхъ служило металлическое производство, и наконецъ строгой полиціей охранялъ такъ долго нарушаемый порядокъ. Ссору свою съ Христіаномъ III Датскимъ онъ окончилъ полюбовно. Въ 1541 оба короля съѣхались на свиданіе въ Брёмзебрё близъ Кальмара и заключили миръ на пятьдесятъ лѣтъ, причемъ обѣ стороны удержали свои притязанія, но все осталось, какъ было.

Въ Скандинавіи, какъ и въ Германіи, участь главной части народа, т. е. рабочаго и промышленнаго классовъ, была очень незавидна. Только въ Норвегіи дворянству пришлось покориться мѣщанскому сословію. Датскій государственный совѣтъ, усилившись вслѣдствіе реформаціи Христіана III, хотѣлъ подчинить себѣ и эту страну; онъ полагалъ, что имѣетъ къ этому удобный случай, потому что норвежскіе чины приняли сторону низложеннаго короля Христіана II и послали датскому совѣту отказный актъ. Но норвежцы сумѣли разстроить этотъ планъ, хотя лишились собственнаго государственнаго совѣта. Въ Швеціи крестьяне также сохранили право представлять на сеймахъ особое, четвертое, сословіе. Но вообще мѣщанство и крестьянство были угнетены. Въ Германіи князья и дворянство пріобрѣли неограниченную власть вслѣдствіе крестьянской войны, а графская война вызвала паденіе мѣщанскаго сословія, опорою котораго была Ганза. Въ Даніи Христіанъ III совершенно подавилъ кре-

стьянъ; а наслѣдникъ его уничтожилъ и демократическую республику дитмарсовъ, которая, подобно швейцарскимъ кантонамъ, всегда колола глаза рыцарству.

Говоря о попыткѣ отца Христіана II, Іоанна, поработить дитмарсовъ, мы коснулись и отношеній этой крестьянской республики къ Гольштиніи, и ея учрежденій, и свойствъ занимаемаго ею низовья (стр. 359). Здѣсь мы напомнимъ только, что этою республикою правило сорокъ восемь старшинъ, что главнымъ мѣстечкомъ было Гейде, что три другія мѣстечка, Гаммъ, Мельдорпъ и Клеборгъ, окруженныя каналами и болотами, казались недоступными, что императоръ объявилъ землю дитмарсовъ принадлежностью Гольштиніи и что это послужило королю Іоанну предлогомъ напасть на дитмарсовъ. Дитмарсы приняли участіе и въ графской войнѣ, въ союзѣ съ городами; поэтому они были включены и въ заключенный миръ 1536, слѣдовательно, формально признаны Христіаномъ III независимыми; но въ 1548 императоръ, очень нерасположенный къ крестьянамъ и гольштинскому дворянству, подобно сосѣднимъ князьямъ далъ королю Христіану III ленную грамату, въ которой снова призналъ страну дитмарсовъ владѣніемъ Гольштиніи. Республиканцы не позаботились поддерживать свою старую связь съ городами, такъ что брату Христіана, герцогу Адольфу Гольштейнъ-Готторпскому, служившему у императора начальникомъ вспомогательнаго корпуса, пришло въ голову оружіемъ покорить дитмарсовъ. Ему не удалось однако склонить короля Христіана въ пользу своихъ плановъ. Но онъ не отказался отъ нихъ, и такъ какъ предпріятіе Іоанна противъ дитмарсовъ не удалось главнымъ образомъ по незнанію мѣстности и почвы, то герцогъ лично, переодѣтый, объѣхалъ всѣ владѣнія дитмарсовъ. Потомъ, подъ предлогомъ содѣйствія королю Филиппу II, онъ навербовалъ значительный отрядъ войска и убѣдилъ все гольштинское рыцарство соединиться съ нимъ для покоренія дитмарсовъ. Братъ его, Іоаннъ Гадерслебенскій, и племянникъ, Фридрихъ II

Датскій, сначала не хотѣли и слышать объ этомъ дѣлѣ, но въ заключеніе присоединились къ нему.

Въ 1559 трое гольштинскихъ герцоговъ предприняли на дитмарсовъ разбойничій походъ; они участвовали въ немъ лично, но руководить военными дѣйствіями поручили генералу Іоанну Ранцову, извѣстному военными способностями. Они собрали войско въ 20,000 человѣкъ и напали на страну дитмарсовъ, хотя тѣ ничѣмъ не оскорбили ихъ и вовсе не ссорились съ ними. Они застали дитмарсовъ врасплохъ, и только передъ самымъ вступленіемъ въ ихъ землю послали къ нимъ свой манифестъ о войнѣ. Нашествіе герцоговъ произошло въ маѣ, т. е. когда болота низовья высыхаютъ, дороги твердѣютъ, какъ камень, а въ канавахъ воды очень мало; поэтому въ два мѣсяца вся маленькая страна была совершенно завоевана, хотя каждый житель и каждое мѣстечко боролись съ такимъ геройствомъ, что изъ сорока восьми старшинъ въ живыхъ осталось только пять, а изъ всего народонаселенія только 4,000. Непріятельскія войска поступали, какъ всегда на войнѣ въ тѣ времена: они съ неслыханною жестокостью опустошили страну огнемъ и мечемъ и совершенно разграбили всѣ мѣста. Сначала побѣжденные были лишены всѣхъ привилегій и приговорены къ уплатѣ 600,000 гульденовъ военныхъ издержекъ; но впослѣдствіи приговоръ былъ смягченъ; новые правители ихъ прекратили взысканіе этихъ денегъ, обезпечили за ними всѣ вольности фризскихъ, кремпскихъ и вильстерскихъ низовьевъ и предоставили имъ право суда по древнимъ мѣстнымъ обычаямъ. Страна была раздѣлена между тремя владѣтелями. Значеніе, пріобрѣтенное датскимъ королемъ въ Германіи въ качествѣ герцога Гольштинскаго вслѣдствіе покоренія дитмарсовъ, придало большой блескъ царствованію его и его преемника; и только въ теченіе тридцатилѣтней войны стало ясно, что датское дворянство своими избирательными капитуляціями сломило силу народа и королей.

Царствованіе Фридриха II было вообще блистательно. Онъ много тратилъ денегъ на любовницъ и любимцевъ; но его ми-

нистръ финансовъ Петръ Оксе старался увеличить королевскіе доходы и соблюдалъ благоразумную экономію. Послѣднее касалось особенно содержанія двора, такъ какъ постоянныхъ войскъ еще не было. Фридрихъ дѣлалъ для искусства и науки гораздо больше другихъ тогдашнихъ государей, какъ доказываютъ суммы, затраченныя имъ на астрономическія заведенія его любимца Тихо де Браге въ Ураніенбургѣ (т. XII, стр. 446—48). Блескъ, распространенный имъ на свое маленькое государство въ такое время, когда немногіе государи могли блистать съ этой стороны, и славное начало царствованія его наслѣдника, Христіана IV, доставили послѣднему большое значеніе, которое, впрочемъ, въ тридцатилѣтнюю войну оказалось пагубно ему и его государству.

Швеція при Густавѣ Вазѣ достигла цвѣтущаго состоянія. Густавъ освободилъ свой народъ изъ-подъ господства и гнета нѣмецкихъ и вендскихъ торговыхъ городовъ, прекратилъ дворянскую анархію, обращалъ вниманіе на разработку мѣстныхъ продуктовъ, на горное производство и на ремесла и создалъ изъ Швеціи независимое государство. По смерти его (1560) Швеція снова впала въ прежнее варварство. По замѣчанію Іейера касательно деспотическихъ мѣръ, принятыхъ Густавомъ въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, ему нужно было имѣть желѣзную руку, чтобы держать подъ игомъ деспотизма энергическую шведскую націю. Густавъ самъ жаловался, что потерялъ въ междоусобной войнѣ, возбужденной крестьяниномъ Даке и оконченной только въ 1543, всѣ сбереженія семи лѣтъ. Эти сбереженія были очень значительны, потому что Густавъ ссорился изъ-за наслѣдствъ со всѣми родственниками и забралъ въ церквахъ, монастыряхъ и духовныхъ заведеніяхъ все серебро и всякую движимость, не оставивъ даже кружечнаго сбора; онъ оставлялъ духовныя мѣста незанятыми, чтобы пользоваться доходами, и нанималъ викаріевъ; самъ занимался горнымъ дѣломъ, земледѣліемъ и торговлей и подолгу жилъ на своихъ фермахъ въ Финляндіи, гдѣ хозяйничалъ, какъ простой землевладѣлецъ. Управляющихъ

своихъ онъ держалъ подъ строгимъ, можно сказать, жестокимъ надзоромъ. Іейеръ, котораго мы считаемъ не только хорошимъ историкомъ, но образцемъ для всякаго, желающаго писать исторію народа безпристрастно, философски и безъ модныхъ фразъ, говоритъ о Густавѣ слѣдующее: «Вообще народъ сталъ раздѣлять подъ конецъ мысли короля, и долго по смерти его говорили о второй половинѣ его царствованія, какъ о счастливѣйшемъ времени Швеціи. Не въ духѣ того времени было народу непримиримо разойтись съ правителемъ изъ-за его самовластія». Опасными врагами Густава были русскіе; они дѣлали жестокіе набѣги на Финляндію и продавали жителей этой страны по одной цѣнѣ съ курами; лифляндскіе и эстляндскіе рыцари и поляки были, напротивъ, очень ненадежные союзники. Въ апрѣлѣ 1557 онъ заключилъ въ Москвѣ съ царемъ Иваномъ IV Васильевичемъ перемиріе на сорокъ лѣтъ. Въ отношеніи русскихъ онъ дѣйствовалъ гораздо умнѣе, чѣмъ впослѣдствіи сынъ его Карлъ IX, непремѣнно хотѣвшій навязать имъ царя, но за то не такъ удачно, какъ внукъ его, Густавъ Адольфъ, оттѣснившій ихъ отъ границъ финскихъ и лифляндскихъ.

d) Скандинавія отъ смерти Густава Вазы до Христіана IV и Густава Адольфа.

Густавъ Ваза умеръ 29 сентября 1560, оставивъ четырехъ сыновей. Старшій, Эрихъ XIV, наслѣдовалъ отцу на престолѣ. Другимъ Густавъ далъ герцогства: второму, Іоанну (II)—Финляндію; третьему, Магнусу, Остерготландію; четвертому, Карлу (IX), еще очень юному, Зюдерманландію. Всѣ три герцога тотчасъ разсорились съ братомъ Эрихомъ, которому пришлось вести войну въ одно время съ ними, съ русскими и съ датчанами. Эрихъ, по всему, что мы знаемъ, еще до смерти отца не вполнѣ владѣлъ разсудкомъ; но припадки сумасшествія были вначалѣ рѣдки и только впослѣдствіи стали повторяться часто. По словамъ современныхъ историковъ и судя по сохранившимся

письмамъ и статьямъ его, онъ былъ человѣкъ способный, ученый и зналъ не мало языковъ, но не былъ созданъ для правленія. Братъ его, Магнусъ, страдалъ тою же психическою болѣзнью и впослѣдствіи совершенно сошелъ съ ума. Другіе братья, Іоаннъ и Карлъ, были отъ природы грубы и жестоки.

Эрихъ былъ изъ числа многихъ государей, которыхъ англійская королева Елисавета дурачила и вводила въ глупыя траты видами на бракъ съ нею. Эрихъ истратилъ множество денегъ на посольства въ Англію по дѣламъ сватовства и дѣлалъ для Елисаветы разныя покупки, тогда какъ она и не думала о немъ. Братъ его, Іоаннъ, съ которымъ онъ еще при жизни отца былъ въ непримиримой враждѣ, отправился во главѣ блистательнѣйшаго посольства отъ Эриха въ Англію.

Первый годъ царствованія Эриха былъ для него славенъ: обстоятельства доставили ему новое владѣніе въ Финскомъ заливѣ. Меченосцы, составлявшіе въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, подобно тевтонскимъ рыцарямъ въ Пруссіи (т. XII. стр. 30), военно-аристократическую республику, уничтожили свой орденъ и завладѣли орденскими имѣніями, какъ наслѣдіемъ своихъ фамилій, но вскорѣ увидѣли, что безъ посторонней помощи имъ не удержаться. Гермейстеръ ихъ, Готгольдъ Кеттлеръ, взялъ затѣмъ Курляндію въ ленное владѣніе отъ Польши, признавшей его герцогомъ съ условіемъ, что по прекращеніи его рода Курляндія будетъ снова соединена съ Польшею. Русскіе изъявили притязаніе на Лифляндію; а поляки, опираясь на договоръ, заключенный съ Кеттлеромъ, заняли ее; вслѣдствіе этого дикія шайки русскихъ наводнили южный берегъ Финскаго залива и распоряжались въ Лифляндіи и Эстляндіи, какъ турки и монголы. Лифляндцы обратились въ своей бѣдѣ къ брату датскаго короля Фридриха II, Магнусу. Онъ явился и принялъ даже титулъ короля лифляндскаго; но къ большой досадѣ своего брата вскорѣ отказался отъ предпріятія и возвратился въ Данію. Чтобы не пасть добычею поляковъ, лифляндцы стали просить помощи шведскаго короля. Эстляндцы сдѣлали то же

самое еще раньше ихъ, потому что русскіе, какъ хищные звѣри, опустошали не только Эстляндію, но и восточную часть Финляндіи. Въ апрѣлѣ 1561 Эрихъ послалъ въ Лифляндію войско, которое тотчасъ было принято въ Ревель; въ іюнѣ городъ Ревель все эстляндское дворянство присягнули шведскому королю. Онъ подтвердилъ депутатамъ, посланнымъ эстляндцами въ Швецію по случаю его коронаціи, всѣ ихъ привилегіи. Счастье благопріятствовало шведскому королю; русскіе нашли болѣе благоразумнымъ примириться съ нимъ и заключить съ нимъ союзъ для войны съ Польшею, чтобы не имѣть врагами въ одно и то же время и шведовъ, и поляковъ.

Между тѣмъ Эрихъ совершенно разошелся съ своимъ братомъ, Іоанномъ, изъ-за Лифляндіи. Іоаннъ просилъ руки сестры послѣдняго Ягеллона, Екатерины, совершенно управляемой іезуитами (стр. 330); бракъ съ нею открывалъ ему виды на польскій престолъ; это побудило его потомъ воспитать сына въ католической религіи, за что шведы стали подозрѣвать и возненавидѣли его. Эрихъ не противился этому браку; но у него и прежде бывали ссоры съ Іоанномъ, который противъ воли брата отправился въ Польшу, чтобы вступить въ бракъ съ Екатериною,—и уже окончательно разсорился съ нимъ изъ-за Лифляндіи. Эрихъ послалъ сказать своему брату, который былъ герцогомъ финляндскимъ, что коадьюторъ покойнаго архіепископа рижскаго, герцогъ Христофоръ Мекленбургскій, отдалъ архіепископство свое шведской коронѣ, но что поляки оспариваютъ ея права на это епископство, и потому Іоаннъ долженъ поддержать шведскую державу финляндскими деньгами и флотомъ. Іоаннъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, считая себя независимымъ государемъ Финляндіи, дворянство которой Эрихъ призывалъ на войну противъ поляковъ. Вслѣдствіе этого король призвалъ брата, который между тѣмъ возвратился съ женой въ Финляндію, въ Стокгольмъ на судъ за союзъ съ врагами отечества; но Іоаннъ арестовалъ посланныхъ короля, призвалъ финляндцевъ на свою защиту и написалъ въ Польшу и Прус-

сію, прося помощи. Эрихъ созвалъ въ Стокгольмъ сеймъ и велѣлъ ему приговорить брата, какъ бунтовщика, къ смерти. Іоаннъ былъ окруженъ и осажденъ въ крѣпости Або. Не получивъ помощи, онъ долженъ былъ 12 августа 1563 отдаться въ плѣнъ. Братъ продержалъ его четыре года въ заключеніи въ Грипсгольмѣ. Женѣ его было позволено раздѣлить съ нимъ заключеніе; съ друзьями и прислугою узника Эрихъ обошелся жестоко.

Іейеръ, разобравъ акты того времени, говоритъ, что съ этой минуты Эрихъ, подобно тиранамъ Греціи, кровожадно расправлялся со всѣми, на кого ему указывали, какъ на политическихъ враговъ его. По словамъ Іейера, въ книгѣ приговоровъ за 1563 годъ только одинъ смертный приговоръ, а за слѣдующій— пятьдесятъ, въ томъ числѣ тридцать два по дѣлу Іоанна. Всего до октября 1568 къ смерти было приговорено 230 человѣкъ, частью за государственныя преступленія, частью за такіе проступки, которые по шведскимъ законамъ не подлежали смертной казни. Не будемъ приводить отдѣльныхъ примѣровъ его жестокости и удовольствуемся только замѣчаніемъ, что когда крѣпость Эльфсборгъ была сдана датчанамъ на капитуляцію, Эрихъ велѣлъ перерѣзать весь гарнизонъ. Неисправныхъ сборщиковъ податей онъ казнилъ, какъ уголовныхъ преступниковъ. Всего болѣе пострадала отъ его жестокости фамилія Стуре и ея приверженцы. Онъ велѣлъ арестовать все семейство Стуре, самъ отправился въ припадкѣ сумасшествія въ крѣпость, собственноручно убилъ благороднаго и храбраго Нильса Стуре и приказалъ перерѣзать остальныхъ членовъ фамиліи и многихъ другихъ вельможъ.

Въ годъ осужденія Іоанна (1563) вспыхнула война съ Даніей, продолжавшаяся семь лѣтъ и сопряженная съ невѣроятными жестокостями противъ беззащитнаго народонаселенія. Фридрихъ II Датскій навербовалъ въ Германіи для этой кровавой войны, которую велъ въ союзѣ съ Любекомъ, очень сильное, по тогдашнему, войско, простиравшееся будто бы до 28,000

человѣкъ, и вторгся съ нимъ въ Швецію. Мы не будемъ входить въ подробности войны, слишкомъ незначительныя для всеобщей исторіи, хотя для исторіи Швеціи и Даніи онѣ очень важны. Бѣдствія, постигшія Швецію вслѣдствіе этой войны, союзъ, заключенной Эрихомъ съ русскими для удержанія Лифляндіи и Эстляндіи и его жестокая произвольная расправа ожесточили противъ него всѣхъ. Но никто не осмѣливался явно возставать, пока въ 1566 Эрихъ не обратилъ своей жестокости противъ дворянства. Кромѣ того, онъ раздражилъ дворянъ послѣ своего неудачнаго сватовства за Елисавету Англійскую и за дочь Филиппа Великодушнаго намѣреніемъ вступить въ бракъ съ своею любовницею, дочерью простаго капрала, впрочемъ, воспитанною его сестрою. Припадки сумасшествія дѣлались все чаще и сильнѣе. Во время припадковъ онъ покорялся только этой любовницѣ. Къ несчастью, его окружали люди, пользовавшіеся его безуміемъ для своихъ выгодъ, въ томъ числѣ очень ученый, но подлый законовѣдъ Гёранъ Персонъ. Въ свѣтлыя минуты Эриху приходилось постоянно каяться въ преступленіяхъ, совершенныхъ въ безуміи. Онъ былъ наконецъ принужденъ удалить отъ себя всѣхъ людей, сознательно исполнявшихъ его безумныя приказанія. По удаленіи этихъ старыхъ слугъ онъ почувствовалъ вдругъ такое горькое раскаяніе, что рѣшился въ припадкѣ безумія освободить брата Іоанна. Восьмаго октября 1567 онъ пріѣхалъ на свиданіе съ Іоанномъ въ Вентгольменъ, упалъ ему въ ноги, и, не помня себя, назвалъ его королемъ. Не смотря на это, онъ остался королемъ и заключилъ даже съ братомъ договоръ, которымъ Іоаннъ одобрилъ бракъ короля на дочери капрала. Въ іюлѣ 1568 бракъ совершился, и Іоаннъ призналъ будущихъ дѣтей отъ этого брака законными наслѣдниками престола. Чины также узаконили бракъ Эриха.

По вскорѣ противъ безумнаго короля возстали оба брата его, Іоаннъ и Карлъ. Карлу было тогда только девятнадцать лѣтъ. Къ несчастью, оба они и въ здравомъ разсудкѣ были хуже без-

умнаго короля. Они отказались присутствовать при свадьбѣ, собрали къ себѣ въ Вадстену всѣхъ недовольныхъ и при помощи гражданъ ворвались 18 сентября 1568 въ Стокгольмъ. Эрихъ укрылся въ зáмокъ, но въ припадкѣ сумасшествія вышелъ и добровольно отдался въ руки брата своего, Карла. Въ началѣ 1569 сеймъ, т. е. братъ короля Іоаннъ, свирѣпо буйствовавшій противъ него, и ожесточенное дворянство судили Эриха. Онъ былъ формально низложенъ и приговоренъ къ смерти; но по убѣдительнымъ просьбамъ вдовствующей королевы, его мачихи, оставленъ живымъ и осужденъ на вѣчное заключеніе. Въ то же время бракъ его объявили недѣйствительнымъ, а дѣтей — незаконными.

На мѣсто Эриха королемъ былъ избранъ Іоаннъ (24 января 1569). Самъ Іоаннъ и меньшой братъ его, Карлъ, были чудовища, лишенныя всякаго чувства и всякой нравственности. Они умышленно мучили Эриха и даже физически терзали его, чтобы онъ поскорѣе умеръ; но онъ прожилъ еще восемь лѣтъ. Участь несчастнаго безумца была невообразимо ужасна, какъ видно изъ сохранившихся писемъ и дневника его, которые онъ писалъ въ свѣтлыя минуты. Сначала его заключили въ верхнемъ этажѣ Грипсгольмскаго зáмка, въ нижнихъ комнатахъ котораго нѣкогда содержался совершенно по-царски братъ его, Іоаннъ; Эрихъ же жилъ въ страшной нуждѣ подъ надзоромъ грубой стражи, какъ простой преступникъ. Сначала женѣ и дѣтямъ его было дозволено быть при немъ; но въ іюнѣ 1571 его безчеловѣчно разлучили съ ними. Черезъ два года Іоаннъ, опасаясь, чтобы Карлъ не овладѣлъ несчастнымъ безумцемъ и не воспользовался имъ для своихъ цѣлей, перевезъ Эриха въ зáмокъ Вестересъ, а осенью 1574 года, желая замучить его до смерти, посадилъ его въ страшную башню въ Орбигусѣ, въ Упландіи. Но видя, что самыя неслыханныя мученія не могутъ разстроить здоровья Эриха, бывшаго еще въ цвѣтущемъ возрастѣ, онъ рѣшился убить его. Духовенство богословскими назидательными фразами выразило мнѣніе, что слѣдуетъ пожертвовать имъ ради

спасенія народа. Тогда Эриха ужаснѣйшимъ образомъ отравили (26 февраля 1577) на сорокъ четвертомъ году жизни. Королевскій хирургъ (фельдшеръ) съ королевскимъ каммердинеромъ приготовили ядъ, а секретарь короля былъ посланъ въ Орбигусъ отвезти ядъ и распорядиться убійствомъ Эриха.

Во время внутреннихъ смутъ въ Швеціи война съ Даніей изъ-за Лифляндіи не прекращалась и шла не въ пользу шведовъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ Іоаннъ постарался возстановить миръ; но датчане заявляли слишкомъ неумѣренныя требованія. Только на второмъ году своего царствованія Іоаннъ успѣлъ добиться примиренія при посредствѣ императора, короля французскаго и курфирста Саксонскаго. Поводомъ къ миру послужила война, которую обоимъ государствамъ предстояло вести съ русскими за обладаніе Лифляндіей. Вслѣдствіе войны между Даніей и Швеціей эта страна, управляемая нѣмецкою аристократіею, сдѣлалась жертвой дикихъ варваровъ, что̀ побудило нѣмцевъ хлопотать о примиреніи датчанъ со шведами. Переговоры происходили въ Штетинѣ и черезъ шесть мѣсяцевъ привели къ заключенію мира въ 1570, не разрѣшивъ впрочемъ главнаго спорнаго вопроса о трехъ коронахъ въ гербахъ Швеціи и Даніи. Шведамъ пришлось выкупить завоеванный датчанами Эльфсборгъ за 150,000 талеровъ, возвратить восемь датскихъ кораблей и отказаться отъ всякихъ притязаній на Готландію, Іемтландію и Геріедаленъ. Объ условіяхъ относительно Лифляндіи и уплаты значительной суммы, которую требовали любекцы въ вознагражденіе за свои расходы, не стоитъ и говорить, потому что все это осталось втунѣ. По штетинскому миру Данія удержала Шонію, Галландъ, Блекингенъ, Геріедаленъ, Іемтландъ, Богусъ и такъ называемый Викъ, слѣдовательно, пятую часть народонаселенія нынѣшней Швеціи. Король Фридрихъ II Датскій умеръ въ 1588, оставивъ наслѣдникомъ ребенка. Однако онъ предусмотрительно провозгласилъ его еще въ 1586 наслѣдникомъ престола, на который онъ вступилъ подъ именемъ Христіана IV.

Въ тотъ самый годъ, когда умеръ Фридрихъ II, Іоаннъ король шведскій и приверженцы жены его выхлопотали избраніе въ короли польскіе сына Іоанна, Сигизмунда (1588). Это навлекло на Швецію новыя бѣдствія, не потому, что Сигизмундъ былъ католикъ, а потому, что онъ покровительствовалъ іезуитамъ и вводилъ ихъ въ государство, а они всюду проповѣдывали ненависть и истребленіе протестантовъ. Король Іоаннъ принялъ, въ качествѣ императорскаго посланника, ученаго іезуита Антонія Поссевина, который за свои интриги противъ христіанъ греческаго исповѣданія до сихъ поръ ненавистенъ русскимъ. Антоній Поссевинъ, и рекомендованные имъ другіе іезуиты принялись такъ ревностно обращать въ свою вѣру, что всѣ заговорили, что и самъ король перешелъ въ 1578 въ Вадстенѣ въ католицизмъ; государственный совѣтъ былъ вынужденъ даже запретить польскому священнику короля и его сына «лаяться и ругаться на шведскомъ языкѣ». Король Іоаннъ былъ однако умнѣе своего сына Сигизмунда. Онъ не хотѣлъ лишаться изъ-за папы и іезуитовъ престола, видя, что братъ его всѣми силами старается встать во главѣ протестантовъ и пріобрѣсти сильную партію. Кромѣ того, онъ узналъ, что Поссевинъ обманулъ его. Онъ обнадежилъ его доставить ему вліяніемъ своимъ въ Польшѣ обладаніе Лифляндіею; но при мирѣ, заключенномъ самимъ Поссевиномъ въ 1582 между шведами и поляками, притязанія поляковъ на Лифляндію были вполнѣ удовлетворены, не исключая и той части провинціи, которую занимали шведы. Тогда Іоаннъ благоразумно изгналъ іезуитовъ изъ Швеціи, закрылъ ихъ стокгольмскій коллегій, отдалъ іезуитскія каѳедры ихъ противникамъ и грозилъ изгнаніемъ всѣмъ, перешедшимъ въ католицизмъ. Это было вызвано безразсуднымъ рвеніемъ іезуитовъ.

Война съ русскими, которые оспаривали у Польши и Швеціи Лифляндію, истощила всѣ средства Швеціи, а ссора Іоанна съ братомъ возбудила мятежныя движенія въ дворянствѣ. По смерти царя Ивана IV Васильевича русскіе рѣшительно отказались усту-

нить Ингерманландію, отнятую у нихъ Іоанномъ, и въ 1586 состоялось только перемиріе на четыре года; оно кончилось въ томъ самомъ году, когда братъ Іоанна, Карлъ, сталъ стремиться лишить своего племянника Сигизмунда шведскаго престола. Предлогомъ къ этому ему служило вѣроисповѣданіе Сигизмунда и его пребываніе въ Польшѣ. И шведы, и поляки требовали, чтобы онъ постоянно жилъ у нихъ; поэтому старанія Іоанна противодѣйствовать Карлу и удержать за сыномъ шведскій и польскій престолы были безплодны. Этотъ вопросъ занималъ короля Іоанна въ 1590 гораздо больше, чѣмъ возобновившаяся война съ русскими. Русскіе снова овладѣли Кексгольмомъ и Ингерманландіей, опустошили Финляндію и выступили въ поле съ 100,000 арміею, которой шведы могли противопоставить только 20,000 человѣкъ. Іоаннъ умеръ 17 ноября 1592. Но Карлъ Зюдерманландскій еще до этого уже два года правилъ Швеціею, такъ какъ Сигизмундъ постоянно жилъ въ Польшѣ и только разъ въ 1588 пробылъ съ отцомъ довольно долго въ Ревелѣ. По смерти брата Карлъ остался правителемъ, хотя правленіе было ввѣрено Іоанномъ не ему, а семи государственнымъ совѣтникамъ. Сигизмундъ прибылъ однако въ Швецію съ войскомъ, и тогда Карлъ былъ устраненъ отъ управленія, и противъ него составилась довольно сильная партія; но шведы такъ боялись іезуитовъ, которыми грозилъ имъ Сигизмундъ, что въ февралѣ 1598 Карлъ противъ воли государственнаго совѣта былъ избранъ въ правители на томъ основаніи, будто Сигизмундъ злонамѣренно покинулъ государство и не возвращался, не смотря на неоднократныя требованія. Сигизмундъ снова явился съ войскомъ, занялъ Стокгольмъ и Кальмаръ и даже выигралъ одно сраженіе; но черезъ два дня былъ разбитъ при Линкёпингѣ и затѣмъ вскорѣ совершенно вытѣсненъ изъ страны. Въ февралѣ 1599 Карлъ принялъ правленіе; но такъ какъ государственный совѣтъ продолжалъ признавать королемъ Сигизмунда, то Карлу дали только титулъ «правительствующаго наслѣдственнаго принца». Въ слѣдующихъ годахъ онъ погубилъ

подъ разными предлогами всѣхъ враждебныхъ ему государственныхъ совѣтниковъ и въ 1604 принялъ титулъ короля подъ именемъ Карла IX.

Между тѣмъ Христіанъ IV Датскій достигъ совершеннолѣтія и поссорился съ Карломъ. Христіанъ IV и великій сынъ Карла, Густавъ Адольфъ, играли важную роль въ тридцатилѣтней войнѣ, и потому дальнѣйшій ходъ скандинавской исторіи мы изложимъ ниже. Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ концу царствованія Елисаветы Англійской и къ первымъ годамъ наслѣдника ея, Іакова I; въ слѣдующихъ томахъ мы займемся главнымъ образомъ исторіею тридцатилѣтней войны и англійской революціи, для первыхъ годовъ которой эта эпоха была чрезвычайно важна.

8. Конецъ царствованія королевы Елисаветы Англійской.

Внутренняя исторія Англіи во времена Елисаветы уже разсказана нами выше (стр. 252) до казни несчастной Маріи Стюартъ. Мы упомянули и объ интригахъ и заговорахъ въ пользу послѣдней, и о хитрости и коварствѣ, съ какими министры Борлэ и Вольсингемъ старались погубить шотландскую королеву. Чтобы вѣрнѣе понять то и другое слѣдовало бы войти въ бо́льшія подробности, но это завело бы насъ слишкомъ далеко. Здѣсь мы еще разъ вкратцѣ упомянемъ о казни Маріи Стюартъ, связавъ съ этимъ событіемъ нѣсколько происшествій внутренней исторіи Англіи, находящихся въ близкомъ отношеніи къ сопротивленію парламентовъ, которые до Іакова I были пріучены къ безусловному повиновенію. Что касается Маріи Стюартъ, то надо согласиться, что не будь она хороша, умна и притомъ королева Франціи и Шотландіи, всякій нашелъ бы совершенно справедливымъ произнесенное надъ нею осужденіе; но съ другой стороны нельзя не сознаться, что Елисавета поступала съ нею возмутительно жестоко. Въ сентябрѣ 1586

было казнено четырнадцать человѣкъ, обвиненныхъ въ заговорѣ въ ея пользу; потомъ сама Марія была 25 октября 1586 приговорена къ смерти судомъ изъ 47 перовъ, судей и государственныхъ совѣтниковъ, который она имѣла полное право не признавать; парламентъ, нарочно созванный для этого, утвердилъ приговоръ. Память боготворимой народомъ королевы англійской опозорена приговоромъ надъ женщиной, ея близкой родственницей и матерью короля Шотландіи и наслѣдника Англіи; но еще болѣе порицанія заслуживаетъ лицемѣріе англійской королевы, которая свалила съ себя вину казни Маріи, совершенной въ февралѣ 1587. Елисавета говорила, что государственный секретарь ея, Девисонъ, вынудилъ у нея хитростью приказаніе исполнить смертный приговоръ и поспѣшилъ воспользоваться имъ; чтобы убѣдить свѣтъ въ справедливости этихъ увѣреній, она смѣнила Девисона, конфисковала его имѣніе и даже продержала его долго въ тюрьмѣ.

Пока жива была Марія, всякая оппозиція противъ правленія Елисаветы опиралась на нее. Убійствомъ ея и истребленіемъ всѣхъ недовольныхъ католиковъ пробудили протестантскій фанатизмъ, и тогда началась борьба съ всесильными въ Шотландіи піэтистами, принципы которыхъ распространялись и въ Англіи, находя множество приверженцевъ, особенно въ среднемъ сословіи. Эти такъ называемые пуритане. Шотландіи, распавшіеся впослѣдствіи на множество фанатическихъ сектъ, склонялись къ демократіи и потому были такъ же грозны для правительства Англіи и Шотландіи, какъ нынче соціалисты для правительствъ Франціи и Германіи. Они не терпѣли никакого церковнаго порядка и старались распространить въ своемъ отечествѣ богословіе и строгую мораль Кальвина, а съ ними и его республиканскіе принципы.

Пуританство возникло въ то время, когда шотландское дворянство вознамѣрилось обратить въ свою пользу пресвитеріанскія учрежденія церкви, но не хотѣло отречься отъ монархіи, которую шотландскій реформаторъ Джонъ Ноксъ ненавидѣлъ не

меньше папства. Джонъ Ноксъ, игравшій важную роль и въ Англіи при Эдуардѣ VI (стр. 117), по возвращеніи своемъ изъ Женевы въ 1555 пріобрѣлъ безусловное вліяніе въ Шотландіи по своей энергіи, строгой нравственности и чисто народному краснорѣчію. Подобно Кальвину въ Женевѣ, онъ сдѣлался въ Шотландіи папой (стр. 139). Сначала дворянство сильно поддерживало его, потому что онъ предоставилъ ему всѣ духовныя имущества, епископства, аббатства и т. д., имѣя въ виду учредить чистую духовную демократію, которая впослѣдствіи хотѣла обратить пуританство, т. е. церковный радикализмъ, въ демократію не только церковную, но и политическую. Учрежденіе новой церкви было совершенно предоставлено шотландскому реформатору и дало ему возможность осуществить эту мысль. По примѣру женевской церкви, Ноксъ далъ въ новой церкви высшее значеніе синодамъ и конвокаціямъ, т. е. ординарнымъ и чрезвычайнымъ собраніямъ духовенства; эти собранія получили значеніе политическихъ республиканскихъ властей, а самъ Ноксъ вполнѣ владѣлъ диктатурою, которую у него никто не оспаривалъ, какъ у Кальвина. Пуритане были дѣйствительно энтузіасты, а не лицемѣры, и вовсе не помышляли о завладѣніи мірскимъ достояніемъ церкви; они не мѣшали дворянству наложить свою лапу на имущества духовенства. Вмѣстѣ съ имѣніемъ церкви дворянство пріобрѣло и мѣста духовенства въ парламентѣ. Но зато пуритане не позволяли парламенту вмѣшиваться въ духовныя дѣла. Однако, въ 1572 парламентъ рѣшилъ оставить титулы епископовъ и архіепископовъ неприкосновенными до совершеннолѣтія короля, не давая только духовнымъ, носившимъ эти титулы, никакихъ правъ въ церкви, дѣла которой находились въ вѣденіи генеральнаго синода.

Духовенство пріобрѣло въ Шотландіи необыкновенное вліяніе на народъ, когда дворянство присвоило себѣ всѣ его богатства и свѣтскую власть; духовенство, обѣднѣвъ, сдѣлалось болѣе независимо отъ земныхъ благъ и также смѣло, какъ капуцины; рѣзкость, фанатизмъ, неутомимая дѣятельность и агитаторское

рвеніе пуританскихъ священниковъ дѣлали ихъ такою же силою, какою были іезуиты. Глава ихъ, Ноксъ, пользовался при Маріи Стюартъ почти королевскою властью. Тономъ своихъ проповѣдей и своими страшными нападками на королей и епископовъ они напоминаютъ санкюлотовъ, а Ноксъ былъ ихъ Дантономъ. Чѣмъ у санкюлотовъ былъ конвентъ, тѣмъ у нихъ было собраніе ихъ кирки. Еще въ 1565 шотландское духовенство рѣзко и грубо выговаривало королевѣ Маріѣ и дѣлало ей строгіе выговоры касательно ея религіи. Когда въ 1568 Марія уѣхала въ Англію, а Шотландія управлялась регентами отъ имени сына ея, Іакова VI, въ то время еще ребенка, Ноксъ и его фанатики демократы рѣшительно руководили всѣмъ. Духовенство совершенно овладѣло воспитаніемъ короля и образовало изъ него ученаго богослова или, другими словами, тупаго, самоувѣреннаго педанта и деспота въ родѣ Генриха VIII. Его принуждали присутствовать на всѣхъ длинныхъ пуританскихъ проповѣдяхъ, выслушивать перечень всѣхъ грѣховъ своей матери и своихъ собственныхъ и терпѣливо переносить безконечныя ругательства противъ матери.

Когда Ноксъ умеръ (1572), шотландская церковь управлялась на демократическо-республиканскихъ основаніяхъ. Генеральный синодъ имѣлъ безпрестанныя столкновенія съ молодымъ королемъ. Іаковъ хотѣлъ сохранить власть и титулъ епископовъ и запретилъ духовенству вмѣшиваться въ это дѣло, рѣшенное въ 1572 парламентомъ. Это возмутило духовенство. Оно начало проповѣдовать въ церквахъ, изливая свой гнѣвъ преимущественно противъ двухъ приближенныхъ короля, поощрявшихъ его пристрастіе къ обрядамъ и къ іерархіи. Со всѣхъ каѳедръ англиканской церкви сыпалась на нихъ брань, а Дюри, самый ярый изъ духовныхъ фанатиковъ, каждое воскресенье называлъ ихъ орудіями дьявола. Когда король приказалъ Дюри замолчать, тотъ насмѣялся надъ нимъ въ глаза, и когда наконецъ его представили въ мировой судъ, цѣлыя толпы народа провожали его, все духовенство грозило королю съ каѳедръ небесною карою, и

народъ собрался и дѣлалъ противъ двора такія демонстраціи, что ненавистные пуританамъ пріятели короля были силою удалены отъ него, а самого его держали подъ стражею плѣнникомъ. Парламентъ одобрилъ этотъ мятежъ, а генеральный синодъ объявилъ его богоугоднымъ поступкомъ, и приказалъ всему духовенству служить благодарственныя молебствія и предавать анаѳемѣ неодобряющихъ такого святаго дѣла. Въ 1584 король освободился изъ-подъ власти демократическихъ піэтистовъ. Большинство аристократіи было также недовольно смятеніемъ, возбуждаемымъ проповѣдями; поэтому король добился отъ парламента законнаго запрещенія подобныхъ демонстрацій. Но запрещеніе это не произвело никакого впечатлѣнія, и въ 1586 Іаковъ съ большимъ трудомъ добился сохраненія только епископскаго титула.

Женидьба Іакова на лютеранской принцессѣ изъ Даніи, гдѣ еще существовали іерархія и званіе епископа, снова возбудила республиканскій кальвинизмъ. Дюри открыто возсталъ противъ короля, а проповѣдникъ Блекъ проповѣдовалъ рѣшительнѣе самого Нокса. Наконецъ въ 1592 епископы были лишены всякаго значенія, и церковь получила совершенно демократическое устройство, притомъ такое, что весь народъ Шотландіи до самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ могъ быть возбужденъ въ одинъ мигъ къ всеобщему возстанію посредствомъ демократическихъ церковныхъ общинъ, какъ во Франціи во время революціи посредствомъ клубовъ. Въ шотландской церкви были генеральныя собранія, провинціальные синоды и спеціальные комитеты (kirk assamblies) — все это на совершенно законномъ основаніи, но въ крайне революціонномъ духѣ. Самъ король въ своей столицѣ былъ рабомъ бушующей толпы; настоящимъ правителемъ былъ Блекъ. Іаковъ не соглашался на фанатическія и жестокія мѣры демократической кирки противъ католиковъ; поэтому эдинбургскіе фанатики учредили постоянный церковный надзоръ (standing council of the church), которому подлежалъ и самъ король. Проповѣди Блека становились все яростнѣе и революціон-

нѣе. Онъ называлъ съ каѳедры всѣхъ королей чортовыми дѣтьми, а королеву атеисткой и говорилъ между прочимъ, что хотя ему слѣдуетъ молиться за королеву, но повода къ этому онъ не видитъ, потому что шотландцамъ нечего ждать отъ нея прока. Судей онъ называлъ невѣрными, дворянство — безбожнымъ, королевскихъ совѣтниковъ — бабами. Наконецъ король велѣлъ призвать его за возмутительныя рѣчи въ тайный совѣтъ; но Блекъ не обратилъ на это никакого вниманія, и все духовенство приняло его сторону, а народъ произвелъ мятежъ.

Въ Англіи королева Елисавета, подобно своему отцу, умѣла въ свободной странѣ искусно соединять свѣтское самодержавіе въ политическомъ отношеніи съ папскимъ произволомъ въ дѣлахъ духовныхъ. Она смертельно ненавидѣла шотландскихъ пресвитеріанъ, какъ пуританъ и враговъ монархіи. Однако это не помѣшало республиканскимъ принципамъ проникнуть и въ Англію изъ Шотландіи, гдѣ ихъ проповѣдовали со всѣхъ каѳедръ, на всѣхъ площадяхъ и на поляхъ. Но въ Шотландіи духовенство было бѣдно, фанатично и независимо; въ англійскомъ же духовенствѣ королева могла быть увѣрена, потому что оно сохранило не одни титулы, какъ въ Шотландіи, а имѣнія и доходы.

За то въ Англіи съ каждымъ годомъ все смѣлѣе и смѣлѣе во всѣхъ отношеніяхъ становилась среднее сословіе, благосостояніе котораго возрасло необыкновенно быстро, а съ развитіемъ промышлености и торговли постоянно увеличивались развитіе и сила народа. Множество нидерландскихъ переселенцевъ перенесли съ собою въ Англію свое состояніе, свои шерстяныя фабрики и свои торговыя сношенія; они, подобно шотландцамъ, были республиканцы и строгіе кальвинисты, но въ нихъ не было такого фанатизма. Понятія ихъ были усвоены и зажиточнымъ классомъ англичанъ, изъ котораго составлялся парламентъ. Поэтому нижняя палата начинала говорить все смѣлѣе и смѣлѣе, хотя Елисавета обращалась съ нею сурово и рѣзко, часто грозила ей и ограничивала ея дѣятельность скромною сферою де-

нежныхъ вопросовъ; послѣ казни Маріи Стюартъ пуритане и реформаты въ строгомъ женевскомъ духѣ доставляли королевѣ столько же хлопотъ, сколько прежде католики. Пуритане были уже потому недовольны дѣйствіями Елисаветы, что она возстановила англиканское папство, сочиненное ея отцемъ, т. е. такъ называемое главенство короля въ церкви. Елисавета передала эту власть такъ называемому вице-регенту, который съ нѣсколькими членами государственнаго совѣта составлялъ высокую коммисію, служившую послѣднею инстанціею, рѣшавшею всѣ духовныя дѣла, тогда какъ пуритане хотѣли устранить духовныя дѣла отъ свѣтскихъ властей. Еще при Елисаветѣ, а тѣмъ болѣе при преемникѣ ея, высокая коммисія была предметомъ общаго негодованія и орудіемъ произвола противъ лицъ, которыхъ нельзя было законно осудить настоящимъ судомъ. Она присвоила себѣ неслыханныя права, сдѣлалась настоящею инквизиціею и прибѣгала для открытія виновныхъ ко всевозможнымъ средствамъ, даже къ пыткѣ; о пыткѣ очень часто упоминаетъ и Шекспиръ, жившій и писавшій при Елисаветѣ. Кромѣ того, подсудимаго заставляли присягать, что онъ будетъ отвѣчать на всѣ вопросы; слѣдовательно, если онъ не желалъ навлечь на себя наказанія за клятвопреступленіе, то ему приходилось выдавать себя и своихъ друзей. Коммисія назначала наказанія совершенно произвольно, не основываясь ни на какомъ законѣ, и по усмотрѣнію сажала въ тюрьму кого хотѣла.

«Актъ Единообразія», возведенный Елисаветою черезъ парламентъ въ государственный законъ, поставилъ кальвинистовъ въ такое же тяжелое положеніе, какъ и католиковъ, потому что они не менѣе католиковъ были противъ высокоцерковной литургіи. Расколъ усилился, когда въ 1562 Елисавета опредѣлила англиканское исповѣданіе вышеупомянутыми (стр. 136) тридцатью девятью статьями; люди, которымъ было поручено это дѣло, не обратили вниманія ни на учрежденія женевской церкви, ни на національный синодъ, и по точному повелѣнію королевы взяли въ основаніе догматы и обряды первыхъ трехъ столѣтій, когда,

какъ извѣстно, ученіе Христа было только что искажено мечтателями, попами и честолюбцами. Въ 1567 строгая церковность, поддерживаемая Елисаветою, ея вице-регентомъ и высокою коммисіею, возбудила рѣшительный расколъ между англиканами и чистыми кальвинистами. Высокая коммисія строго наказывала священниковъ, не хотѣвшихъ принять предписанныхъ правительствомъ облаченія и литургіи, и вслѣдствіе этого міряне устраивали собранія въ частныхъ домахъ; но по приказанію коммисіи всѣ принимавшіе въ нихъ участіе подвергались аресту, а несознавшихся въ винѣ оставляли въ заключеніи. Это постигло, напримѣръ, семь женщинъ и двадцать мужчинъ, которые просидѣли въ тюрьмѣ цѣлый годъ.

Въ 1571 королева встрѣтила въ первый разъ настоящее сопротивленіе со стороны пуританскихъ членовъ парламента, одушевленныхъ шотландскимъ религіознымъ рвеніемъ. Депутатъ Стрикленд представилъ парламенту разомъ семь биллей противъ многихъ сохраненныхъ Елисаветою обрядовъ католицизма. За это ему было приказано отъ имени королевы, нарушавшей этимъ конституцію, не являться въ парламентъ до рѣшенія тайнаго совѣта. Парламентъ, доселѣ униженно всеподданнѣйшій, неожиданно отважился при этомъ на неслыханную смѣлость: онъ пригласилъ Стрикленда въ палату къ рѣшеткѣ и потребовалъ у него отчета, отчего онъ не является. Тогда начался такой рѣзкій споръ о нарушеніи народныхъ правъ, что министры сочли нужнымъ во избѣжаніе повторенія подобныхъ сценъ дать знать Стрикленду, чтобы на слѣдующій день онъ снова занялъ свое мѣсто въ парламентѣ. Эта смѣлость парламента, который такимъ образомъ одержалъ явную побѣду надъ правительствомъ, побудила королеву прямо выяснить народу свои неограниченно монархическіе принципы. Хранитель печати, распуская, по повелѣнію королевы, парламентъ, оффиціально объявилъ: что поведеніе парламента было совершенно несовмѣстно ни съ его обязанностями, ни съ его положеніемъ, что онъ забылся и что поэтому правительству приходится напомнить ему его

долгъ; онъ говорилъ далѣе, что королева очень недовольна вмѣшательствомъ парламента въ дѣла, ему неподлежащія и стоящія выше пониманія его членовъ *).

Тѣмъ не менѣе пуританство или шотландскій радикализмъ, бывшій не только религіознымъ вѣрованіемъ, но и политическою теоріею, распространялся съ необыкновенною быстротою. Его проводили съ тою свойственною британцамъ энергіею и стойкостью, которыми эта нація отличается во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ и которыя перешли отъ нея къ сѣверо-американцамъ. Уже въ 1576 противники правительственной церкви зашли такъ далеко, что фанатическія религіозныя сборища (prophesyings) распространились по всей Англіи, а въ парламентѣ Вентвортъ отличился своимъ безстрашіемъ. Сборища Англіи были, повидимому, подражаніемъ духовныхъ собраній шотландской церкви. Елисавета запретила ихъ, какъ разсадники непокорства и сектаторства. Архіепископъ-примасъ Гриндаль, ревностный кальвинистъ, воспротивился этому запрещенію и былъ отрѣшенъ отъ должности и только черезъ два года, подавъ униженную просьбу и заявивъ чистосердечное раскаяніе, былъ снова допущенъ къ отправленію своей должности. Высокая коммисія, деспотически судившая духовныя дѣла, подобно Звѣздной Палатѣ приговорила его на шесть мѣсяцевъ домашняго ареста. Въ то время Вентвортъ осмѣлился напасть въ парламентѣ не только на министровъ, но и на особу самой королевы, и притомъ такъ рѣзко, что навелъ смертельный ужасъ на всѣхъ своихъ сочленовъ, которые положили арестовать его за дерзкія рѣчи и предать на произволъ королевскихъ чиновниковъ. По повелѣнію королевы и отъ ея имени министръ Мильдвей объявилъ парламенту по этому случаю слѣдующее: «Королева поступаетъ весьма снисходительно, подвер-

*) „That the queen's highness did utterly disallow and condemn their folly in meddling with things not appertaining to them nor within the capacity of their understandings.“

гая дерзкаго оратора только одному мѣсяцу заключенія (черезъ Звѣздную Палату). Но парламентъ не долженъ воображать, что имѣетъ право говорить, что хочетъ и о комъ хочетъ. Парламентскіе члены обязаны помнить, что подобныя дерзости всегда наказывались. Имъ рекомендуется остерегаться и не злоупотреблять добротою королевы; иначе кротость ея скоро прекратится и обратится въ надлежащую строгость.» И дѣйствительно, въ 1583 было казнено много пуританъ, хотя еще въ 1563 германскій императоръ Фердинандъ I, вѣроятно по настоянію своего сына Максимиліана, писалъ королевѣ очень разумное письмо, въ которомъ не только принималъ сторону преслѣдуемыхъ католиковъ, но и вообще совѣтовалъ ей обходиться терпимо со всѣми нонконформистами. Страшно читать у англійскихъ историковъ, какое множество католиковъ и фанатиковъ пуританъ было казнено Елисаветою. Пуритане, правда, были безумно смѣлы, но и гоненія на нихъ нестерпимы. Впрочемъ, не смотря на всѣ казни, борьба фанатиковъ противъ престола становилась все ожесточеннѣе.

Въ началѣ послѣдняго двадцатилѣтія шестнадцатаго вѣка люди, считавшіе себя вдохновенными свыше, составили новую фанатическую секту, гораздо болѣе крайнюю, чѣмъ смирные пресвитеріане, не признававшіе только іерархіи и главенства Елисаветы въ церкви, и чѣмъ пуритане, предпочитавшіе ученіе Кальвина, его церковное устройство и благочиніе ученію, навязанному англичанамъ свѣтскою властью при Эдуардѣ VI и Елисаветѣ. Эта новая секта, изъ которой въ слѣдующемъ столѣтіи вышелъ Оливеръ Кромвель, называлась сектою индепендентовъ, а въ началѣ броунистовъ. Мысль ея состояла въ томъ, чтобы свѣтское и духовное правленіе было ввѣрено людямъ, непосредственно вдохновеннымъ свыше. Приверженцевъ этой секты называли броунистами, по имени Роберта Броуна, родственника лорда Борлэ. Броунъ писалъ памфлеты противъ свѣтской и духовной іерархіи, но, должно быть, былъ человѣкъ низкій, потому что въ то время, какъ

Эліасъ Трокеръ и Джонъ Кёппнгъ были казнены за распространеніе его сочиненій, самъ онъ со страха отрекся отъ всего, что проповѣдовалъ въ нихъ, и по ходатайству своего сановнаго родственника получилъ прощеніе. Впослѣдствіи онъ нѣсколько разъ провинялся снова и умеръ въ тюрьмѣ, куда его посадили за нападки на церковь.

Индепенденты или броунисты возставали противъ всего существовавшаго порядка, проповѣдуя равенство всѣхъ членовъ церкви и не признавая никакого духовенства. Елисавета, вознамѣрившись положить предѣлъ распространенію брошюръ, которыя расходились тогда въ Англіи въ такомъ же множествѣ, какъ во времена Лютера въ Германіи, возъимѣла мысль совершенно подавить печать вообще. Такъ какъ она утверждала, что парламенту подлежатъ только денежныя дѣла, то и не представила этого политическаго вопроса на его разсмотрѣніе, а просто объявила свою волю манифестомъ. Она приказала, чтобы никто не смѣлъ ничего печатать безъ предварительнаго одобренія епископа или архіепископа; чтобы нигдѣ, кромѣ Лондона, Оксфорда и Кембриджа, не было типографій, а въ этихъ трехъ городахъ только по одной, и чтобы книги индепендентской секты, самой ненавистной для Елисаветы, немедленно сожигались безъ дальнѣйшаго разбора. Но индепенденты устроили тайную печатню, которую перевозили съ мѣста на мѣсто, и вскорѣ изъ нея посыпались цѣлыя тучи брошюръ. Впрочемъ, имъ покровительствовалъ самъ Лейстеръ, который, не смотря на свою неудачу въ Нидерландахъ, оставался любимцемъ королевы; однако, явно онъ одобрялъ преслѣдованія англиканскаго духовенства противъ пуританъ и находилъ его правымъ въ препирательствахъ съ ними.

Уже съ 1584 противники королевской церкви составляли большинство въ нижней палатѣ, и, не смотря на ругательства королевы, всячески старались ограничить власть епископовъ. При этомъ пуритане, хотя униженно и робко, дѣлали, однако, замѣчанія и противъ тираннической власти высокой коммисіи, которая сдѣлалась рѣшительно инквизиціоннымъ судилищемъ. Парла-

ментъ особенно возражалъ противъ присяги (oath ex officio), которая обязывала подсудимыхъ или совершать клятвопреступленіе, или показывать противъ себя, что́ по-англійскому праву считается чудовищнымъ. Хотя королева и при этомъ обошлась съ парламентомъ грубо и круто, но онъ не прекращалъ своихъ жалобъ. Такимъ образомъ въ предпослѣднее десятилѣтіе шестнадцатаго вѣка въ первый разъ съ незапамятныхъ временъ образовалась постоянная оппозиція противъ короны. Хотя въ ней участвовали только пуритане и главнымъ образомъ индепенденты, но церковные вопросы, о которыхъ они спорили, были тѣсно связаны съ вопросами о правахъ народа и частныхъ гражданъ, что въ слѣдующемъ столѣтіи произвело разрывъ между королемъ и націей. Королева изъ религіознаго рвенія, не спросясь парламента, распорядилась, чтобы въ Англіи было не больше трехъ печатныхъ станковъ; переносный станокъ индепендентовъ былъ потомъ открытъ и отобранъ; поэтому имъ пришлось прибѣгнуть къ публичнымъ рѣчамъ. Они проповѣдовали на площадяхъ и на улицахъ фанатическую и апокалиптическую ерунду. Въ началѣ ихъ партія была очень незначительна; но когда королева принялась свирѣпствовать съ неумолимою строгостью противъ несчастныхъ, достойныхъ развѣ только помѣщенія въ домъ умалишенныхъ, дѣло стало серьезнѣе. Парламентъ не переставалъ требовать уничтоженія епископовъ и архіепископовъ и прекращенія тираніи высокой коммисіи; королева съ своей стороны обращалась съ парламентомъ, какъ будто въ странѣ никогда не было никакой конституціи. Въ 1588 одинъ изъ членовъ внесъ въ парламентъ предложеніе закона въ пользу пуританъ; предложеніе это было передано спикеру для прочтенія, но одинъ изъ присутствовавшихъ министровъ объявилъ, что королева давно уже сказала, что не хочетъ и слышать о такихъ предложеніяхъ. Тогда спикеръ (Дампортъ) возвратилъ предложеніе безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Тѣмъ не менѣе по поводу этого происшествія нѣсколько членовъ палаты были арестованы.

Въ 1592 и 1593 распря между королевою и парламентомъ перешла уже въ споръ о правахъ народа и короны вообще. Въ 1592 канцлеръ ланкастерскаго суда, Моррисъ, представилъ парламенту предложеніе объ улучшеніи духовныхъ судовъ, направленное преимущественно противъ присяги, отбираемой у подсудимыхъ высокою коммисіею, которая сдѣлалась настоящею инквизиціею. Въ тотъ же день королева призвала спикера и объявила ему: «что она въ правѣ созывать и распускать парламентъ, соглашаться съ нимъ или отвергать его предложенія; что спикеръ можетъ передать это парламенту; что она давно уже запретила парламенту вмѣшиваться въ дѣла, стоящія выше пониманія его членовъ, будь это дѣла политическія или духовныя; что она удивляется наглости и непокорности парламента и приказываетъ ему никогда болѣе не дѣлать такихъ предложеній, какъ предложеніе Морриса; что спикеръ, согласно своей вѣрноподданнической присягѣ, никогда не долженъ читать палатѣ подобныхъ биллей.» Самъ Моррисъ лишился мѣста канцлера ланкастерскаго суда и былъ выключенъ изъ списка адвокатовъ высшаго суда (barristers); кромѣ того, Елисавета заключила его на нѣсколько лѣтъ въ крѣпость Тотбёри. (Въ томъ же году ученики Броуна подверглись гоненію, достойному временъ Генриха VIII. Трое броунистовъ были казнены только за то, что писали противъ епископовъ, хотя о королевѣ вовсе не упоминали).

Въ послѣднее время царствованія Елисаветы фанатики были довольно спокойны въ ожиданіи болѣе благопріятнаго для себя новаго правленія, потому что при Елисаветѣ англійская морская сила, торговля, искусства и науки достигли необыкновенно цвѣтущаго состоянія, и побѣда надъ армадою Филиппа привела англичанъ въ такое же упоеніе идеей національной славы, какъ французовъ побѣды Бонапарта. Но всякій понималъ, что абсолютизмъ королевы, враждебный распространенію цивилизаціи въ Англіи, долженъ непремѣнно возбудить противодѣйствіе, и что если брошюры, рѣчи и принципы пуританъ и индепендентовъ не вызываютъ внутреннихъ смутъ теперь, то преемнику

Елисаветы прійдется сообразоваться съ конституціею, которая при ней не совершенно уничтожена, а только временно подавлена. Чтобы понять, почему въ самомъ началѣ слѣдующаго столѣтія нація силою добилась признанія своихъ правъ, стоитъ только вспомнить о страшномъ произволѣ Елисаветы, и о противозаконномъ вліяніи ея любовниковъ. Даже въ финансовыхъ дѣлахъ, относительно которыхъ Елисавета признавала право парламента высказывать свое мнѣніе, она часто дѣйствовала совершенно произвольно. Ея безпокойная политика и стремленіе всюду, особенно въ Нидерландахъ, во Франціи и въ Шотландіи, подкупомъ и поддержкою слабѣйшей партіи подавлять сильнѣйшую и выказывать свое вліяніе, стоили ей огромныхъ расходовъ; министры ея часто даже не знали, откуда получаетъ она эти средства или, по крайней мѣрѣ, не говорили объ этомъ парламенту. При томъ Елисавета бывала часто скупа до мелочности. Придворные ея, въ томъ числѣ даже такіе заслуженные люди, какъ Вольсингемъ, оказавшіе государству великія услуги, получали очень скудное содержаніе и часто жаловались въ письмахъ, что работаютъ, какъ на барщинѣ и расходуютъ еще свое собственное состояніе.

Это можно бы даже поставить въ заслугу Елисаветѣ; извѣстно, что гдѣ придворные и вельможи восхваляютъ щедрость и великодушіе государей, гдѣ хорошо живется ученымъ и художникамъ, тамъ народу приходится плохо. Но Елисавета позволяла тѣмъ изъ своихъ любимцевъ, которые не гнушались подобнымъ способомъ пріобрѣтенія, брать взятки и продавать должности. Сама она получала большіе доходы съ присвоенныхъ ею монополій на продажу нѣкоторыхъ предметовъ первой необходимости, какъ напримѣръ, вина, уксуса, масла, соли, крахмала, олова, стали, угля и тому подобныхъ товаровъ. Однако, наконецъ (1601) она вняла постояннымъ жалобамъ парламента и, чувствуя, что миновали тѣ времена, когда можно было править на восточный ладъ, ограничила свои монополіи, за что парламентъ униженно благодарилъ ее. Кромѣ этихъ проявленій про-

извола, она позволяла себѣ много другихъ распоряженій, противныхъ англійскимъ правамъ; но преемникъ ея, пожелавъ дѣйствовать подобнымъ образомъ, вскорѣ убѣдился, что времена измѣнились. Такъ напримѣръ, при Елисаветѣ при малѣйшемъ поводѣ объявлялось военное положеніе. Она запретила разводить марену по той же причинѣ, по которой потомъ король Іаковъ I запретилъ табакъ, то-есть потому, что не терпѣла запаха. Точно также ей не нравились длинныя шпаги и большіе воротники, и она велѣла, чтобы шпаги и воротники носили короче.

Если бы преемникъ Елисаветы хоть сколько-нибудь понималъ обязанности конституціоннаго правителя, то легко могъ бы расположить къ себѣ англійскій народъ, потому что въ послѣдніе годы своего царствованія, особенно по смерти Вольсингема (1590), Елисавета, по женской слабости, дѣлала вопіющія вещи. Славою своего царствованія она была обязана тому, что твердо удерживала при себѣ двухъ превосходныхъ министровъ, безкорыстнаго Вольсингема, умершаго въ бѣдности, и злаго, безсовѣстнаго Сесиля лорда Борлэ. Она присвоила себѣ честь ихъ политики, но въ дѣйствительнасти имъ постоянно приходилось бороться съ ея любимцами и развратниками, которымъ она, по женской слабости, поручала важнѣйшія дѣла. Въ исторіи Елисаветы любовныя похожденія графа Лейстера и графа Эссекса занимаютъ такое же видное мѣсто, какъ разсказы о ревности и зависти этой королевы, некрасивой и скучно-ученой, къ прекрасной и живой Маріи Стюартъ.

Мы считаемъ лишнимъ говорить о томъ, до какой степени Елисавета находилась подъ вліяніемъ графа Лейстера и какъ много позволяла она ему въ частной жизни. Намъ надо только указать на его вліяніе на дѣла, гдѣ онъ нерѣдко портилъ то, что такъ умно задумывалъ старый лордъ Борлэ. Мы уже говорили о его вмѣшательствѣ въ шотландскія дѣла и объ отношеніяхъ его къ Маріи Стюартъ (стр. 142 и 159). Въ Нидерландахъ, куда Елисавета послала его въ 1585 (стр. 253—56), онъ, разсчитывая на ея расположеніе, явно нарушилъ ея повелѣнія.

Когда, по смерти герцога анжуйскаго, Вильгельмъ I Оранскій былъ поставленъ въ неловкое положеніе между испанцами, протестантскими голландцами и католическими бельгійцами, нидерландцы обратились за помощью къ Англіи, что привело Елисавету въ недоумѣніе. Съ одной стороны, ей, по ея самодержавнымъ идеямъ, не хотѣлось поддерживать бунтовщиковъ противъ ихъ законнаго короля; но съ другой — очень хотѣлось, какимъ бы то ни было образомъ, повредить своему врагу, испанскому королю, и въ то же время доставить любимцу своему, Лейстеру, возможность отличиться. Отправляя его въ Нидерланды съ вспомогательнымъ войскомъ, она строго запретила ему приниматься за какое-нибудь предпріятіе или принимать какое-либо мѣсто или почесть, которыя можно было бы истолковать въ такомъ смыслѣ, будто Филиппъ лишенъ верховной власти въ Нидерландахъ. Но графъ думалъ иначе. Онъ надѣялся получить санъ, который принадлежалъ прежде герцогу анжуйскому. По прибытіи своемъ въ Нидерланды Лейстеръ сталъ добиваться и получилъ титулъ превосходительства, званіе генералъ-капитана Соединенныхъ Штатовъ и завѣдываніе арміей, финансами и всѣми судебными мѣстами. Елисавета, узнавъ объ этомъ, пришла въ страшное негодованіе, которое еще болѣе усилилось, когда ей сказали, что графъ выписалъ въ Голландію свою жену и хочетъ устроить себѣ тамъ настоящій дворъ. Она торжественно поклялась, что не потерпитъ въ своихъ владѣніяхъ другаго двора, кромѣ своего, и прибавила, что покажетъ счастливцу, что та же рука, которая такъ высоко вознесла его, можетъ снова низвергнуть его въ прахъ. Разумѣется, министры не вѣрили этимъ словамъ; они даже оправдывали графа, справедливо предполагая, что королева не выполнитъ своихъ угрозъ. Они были поставлены въ большое смущеніе, потому что Лейстеръ ни на что не обращалъ вниманія, какъ-будто все это его не касалось. Пока королева публично бранила его и писала ему письма, полныя упрековъ и угрозъ, онъ не измѣнялъ своего образа дѣйствій и не показывалъ тѣни раскаянія, вполнѣ полагаясь на свое вліяніе

на королеву. Какъ независимый государь, онъ разъѣзжалъ по Нидерландамъ и принималъ всѣ почести и привѣтствія. Елисавета три мѣсяца спокойно смотрѣла на его упрямство и непослушаніе и наконецъ, когда Борлэ смѣло принялъ сторону Лейстера, она уступила и не только не отозвала графа отъ его поста, но послала ему значительныя подкрѣпленія, чтобы въ 1586 онъ могъ предпринять нѣчто болѣе рѣшительное въ военномъ отношеніи.

Какъ намъ уже извѣстно, Лейстеръ своимъ нидерландскимъ походомъ доказалъ, что былъ опытнѣе въ придворномъ искусствѣ, чѣмъ въ военномъ, въ которомъ далеко отсталъ отъ принца пармскаго и Морица Нассаускаго. По прибытіи въ октябрѣ 1586 въ Гагу, гдѣ его встрѣтили съ явнымъ неудовольствіемъ, ему пришлось сложить съ себя начальство, которое онъ хотѣлъ передать на время предстоящей поѣздки въ Англію одному изъ своихъ соотечественниковъ. Елисавета, казалось, не питала къ нему ни тѣни неудовольствія за его дерзкое поведеніе; напротивъ, вслѣдъ затѣмъ она поручила ему важнѣйшія дѣла и дала ему больше власти, чѣмъ когда-либо. Вліяніе его съ каждымъ мѣсяцемъ усиливалось. Елисавета приняла даже его сторону, когда онъ глубоко оскорбился назначеніемъ принца Морица на должность, которую онъ хотѣлъ сложить съ себя только на время, и когда лютеране въ Голландіи и Фрисландіи, особенно ихъ духовенство, потребовали его возвращенія. Елисавета снова совершенно отдалась подъ вліяніе своего любовника и черезъ лорда Бокгёрста рѣшительно потребовала, чтобы нидерландцы и принцъ нассаускій оставили за Лейстеромъ должность генералъ-капитана. Правда, нидерландцы не исполнили этого, но все-таки объявили, что если Лейстеръ пріѣдетъ въ Голландію, то снова получитъ это званіе, такъ какъ Морицъ занимаетъ его только временно.

Впослѣдствіи, когда Александръ Пармскій осадилъ Слюйсъ и нидерландцы стали просить англійскую королеву помочь городу, Лейстеръ склонилъ королеву послать подкрѣпленіе англійскимъ

войскамъ, составлявшимъ вмѣстѣ съ голландцами гарнизонъ Слюйса, и назначить его начальникомъ этого вспомогательнаго корпуса. Но и на этотъ разъ онъ не имѣлъ успѣха: три раза онъ тщетно нападалъ на испанцевъ, но не могъ предупредить капитуляцію Слюйса. Тогда наконецъ Елисавета, повидимому, дѣйствительно разсердилась на него; но мы уже знаемъ (стр. 262), что когда его потребовали въ тайный совѣтъ, онъ явился туда не какъ подсудимый, а какъ обвинитель, и что вслѣдъ затѣмъ сталъ больше прежняго пользоваться милостями Елисаветы. Это было въ то время, когда Филиппъ II Испанскій готовилъ высадку въ Англію. Не смотря на общее неудовольствіе противъ Лейстера, какъ въ Нидерландахъ, такъ и въ Англіи, Елисавета дала ему и въ этой войнѣ блестящую роль. Онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ одною изъ двухъ армій, назначенныхъ Елисаветою защищать Англію противъ Александра Пармскаго, и притомъ самой главной, которая должна была защищать Лондонъ. Елисавета хотѣла сама отправиться къ этой арміи; но графъ Лейстеръ отговорилъ ее. При этомъ онъ написалъ льстивое письмо, которое лучше всего доказываетъ, какъ ловко умѣлъ онъ пользоваться женскими слабостями своей повелительницы. «Что касается вашей особы,—пишетъ онъ ей,—самой драгоцѣнной и священной въ мірѣ, о которой больше всего надо заботиться, то я никакъ не могу согласиться, драгоцѣннѣйшая королева, чтобы вы подвергали себя какой-либо опасности. Отъ жизни вашей зависитъ благосостояніе цѣлаго государства. Потому вы и сами должны особенно заботиться о ней. Но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы такое царственное и рѣдкое великодушіе не явилось міру и народу въ настоящемъ свѣтѣ. Итакъ, если вашему величеству угодно, вы можете сдѣлать вотъ что: поѣзжайте въ Гевeрингъ. Тамъ, чтобы ободрить ваше войско и графства, вы можете, если вамъ угодно, пробыть дня два, три и осмотрѣть укрѣпленія и лагерь. На столько, и никакъ не болѣе, могу я согласиться, чтобы вы подвергали вашу особу опасности.» Впослѣдствіи, какъ извѣстно,

государство было спасено не Лейстеромъ, а адмираломъ Говардомъ Эффингемомъ и его флотомъ. Хотя адмиралъ былъ награжденъ за это, но высшая награда досталась любовнику королевы. Елисавета создала для Лейстера совершенно неслыханныя достоинство и власть; онъ становился въ Англіи тѣмъ, чѣмъ во Франціи былъ Францискъ де Гизъ, т. е. намѣстникомъ королевы въ Англіи и въ Ирландіи (lord-lieutenant of England and Ireland). Уже былъ написанъ и дипломъ на эту новую должность; но министры Борлэ и Гаттонъ убѣдили королеву на время отложить назначеніе, а между тѣмъ Лейстеръ умеръ (въ сентябрѣ 1588).

Елисаветѣ было необходимо, чтобы около нея находился довѣренный и любимый человѣкъ, которому она, какъ женщина, могла бы покровительствовать не по заслугамъ. Поэтому по смерти Лейстера она избрала себѣ новаго фаворита. Къ несчастію, не смотря на свои годы, перевалившіе уже за пятьдесятъ, она обратила свой выборъ на самаго молодаго придворнаго, которому необыкновенно покровительствовала и прежде. Новому любовнику Елисаветы, графу Эссексу, пасынку Лейстера, было всего двадцать одинъ годъ. Отчимъ представилъ его ко двору, а королева съ самаго начала осыпала его незаслуженными почестями и поручала дѣла выше силъ его. Сперва она даровала ему одно изъ первыхъ коронныхъ званій—оберъ-шталмейстера. Потомъ пріѣхавъ въ лагерь къ арміи Лейстера, она назначила молодаго человѣка, никогда не служившаго въ войскѣ, генералъ-капитаномъ кавалеріи и въ виду всей арміи осыпала его ласками. Потомъ она пожаловала ему орденъ Подвязки, котораго онъ ничѣмъ не заслужилъ. По смерти Лейстера Эссексъ сдѣлался офиціальнымъ любовникомъ королевы. Вскорѣ онъ надѣлалъ громадныхъ для того времени долговъ (на двадцать двѣ тысячи фунтовъ) и говорилъ по секрету друзьямъ своимъ, что старуха (the old woman) надоѣдаетъ ему, а въ 1589 безъ вѣдома королевы отправился во флотъ, который везъ въ Кадиксъ и Португалію войско подъ начальствомъ Дрека и Норриса

(стр. 201). Этотъ флотъ, хотя предводимый двумя опытными моряками, скоро возвратился въ Англію, ничего не сдѣлавъ, и Эссексъ снова занялъ свое мѣсто при дворѣ, не смотря на то, что королева отправила къ нему посланнаго съ приказаніемъ вернуться, а когда тотъ не засталъ уже его въ Англіи, приказала Дреку выслать Эссекса домой.

Эссексъ поступалъ такъ же, какъ прежде Лейстеръ: онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся ко двору и велъ себя наглѣе прежняго. Ему даже удалось удалить на нѣкоторое время отъ Елисаветы смѣлаго и талантливаго авантюриста, искуснаго на придворную лесть и бывшаго съ друзьями своими въ неприлично короткихъ отношеніяхъ съ Елисаветою. То былъ рыцарь Вальтеръ Ралей, который потомъ при королѣ Іаковѣ I снова игралъ роль. Во время отсутствія Эссекса онъ такъ далеко подвинулъ свои дѣла, что былъ уже постояннымъ спутникомъ королевы въ ея прогулкахъ; но по возвращеніи Эссекса ему пришлось отправиться на нѣкоторое время въ Ирландію, гдѣ королева подарила ему 12,000 акровъ земли. Королева покровительствовала тогда совершенно явно еще одному молодому человѣку, Чарльсу Блоунту. Сдѣлавъ Блоунту значительный подарокъ, она возбудила этимъ завистъ графа Эссекса, и когда послѣдній позволилъ себѣ на счетъ Блоунта какое-то саркастическое замѣчаніе, дѣло между Эссексомъ и Блоунтомъ дошло до дуэли, которою тотчасъ воспользовались, чтобы польстить королевѣ, воображавшей себя очень красивою. Елисавета и въ самомъ дѣлѣ забрала себѣ въ голову, что красота ея была причиною дуэли.

Впослѣдствіи соперники сдѣлались большими друзьями. Но за то министръ Елисаветы, лордъ Борлэ, былъ и остался опаснымъ врагомъ Эссекса, такъ какъ Елисавета ни подъ какимъ видомъ не хотѣла удалить хитраго старика. По смерти Вольсингема (1590) Эссексъ поссорился съ нимъ изъ-за назначенія преемника Вольсингему. Лордъ Борлэ хотѣлъ доставить это мѣсто своему сыну, сэру Роберту Сесилю; но Эссексъ

предлагалъ сначала извѣстнаго Девисона, на котораго Елисавета свалила вину казни Маріи Стюартъ, а потомъ сэра Томаса Бодли. Чтобы не оскорбить ни своего стараго министра, ни молодаго любовника, Елисавета отложила назначеніе, и сэръ Робертъ Сесиль подъ руководствомъ своего отца шесть лѣтъ занималъ это мѣсто временно. Только въ 1596, когда Эссекса обвинили, что онъ былъ причиною несчастнаго исхода обширнаго и дорогаго предпріятія противъ Испаніи, Елисавета утвердила наконецъ сэра Роберта Сесиля министромъ. Тогда онъ соединился съ многочисленными врагами графа Эссекса для его низверженія.

Король Филиппъ II, раздраженный постояннымъ содѣйствіемъ Елисаветы нидерландцамъ и гугенотамъ, началъ снаряжать въ 1596 новый походъ противъ Англіи. Тогда Елисавета рѣшилась предупредить этотъ походъ, пославъ флотъ, который долженъ былъ уничтожить корабли Филиппа еще до отплытія ихъ и разорить испанскія гавани и приморскіе города. Елисавету уговорили къ этому предпріятію графъ Эссексъ, великій адмиралъ Чарльсъ Говардъ и сэръ Вальтеръ Ралей, тогда какъ лордъ Борлэ тщетно употреблялъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать этому плану. Собрали флотъ въ 150 кораблей, считая въ томъ числѣ и 22 голландскихъ; на немъ было 14,000 человѣкъ десанта. Такъ какъ при этомъ походѣ разсчитывали на богатую добычу, то великій адмиралъ снарядилъ на свой счетъ нѣсколько цѣнныхъ кораблей; сэръ Вальтеръ Ралей, самъ хорошій морякъ, также выставилъ свои корабли. Начальство надъ флотомъ было поручено великому адмиралу, а командованіе десантомъ графу Эссексу. Кромѣ этихъ двухъ начальниковъ, лордъ Томасъ Говардъ и Вальтеръ Ралей командовали отдѣльными эскадрами. Эти четверо начальниковъ и нѣсколько другихъ составляли военный совѣтъ, и лордъ Борлэ воспользовался опасеніями королевы, чтобы этимъ совѣтомъ до того ограничить власть Эссекса, что при такихъ условіяхъ предпріятіе никакъ не могло удаться. Горячность и запальчивость графа были бы на этотъ

разъ очень полезны; но ему запретили что-либо предпринимать безъ согласія военнаго совѣта, гдѣ предпріятія рѣшались большинствомъ голосовъ.

Англійскій флотъ отплылъ изъ Англіи въ іюнѣ 1596. Онъ вошелъ въ гавань Кадикса, гдѣ стояло 15 военныхъ кораблей и 40 торговыхъ. Суда эти были частью уничтожены, частью обращены въ поспѣшное бѣгство, а Кадиксъ взятъ. Городъ сдался 22 іюня на капитуляцію, по которой, какъ самый городъ, такъ и всѣ склады товаровъ и частные домы, предоставлялись побѣдителямъ, а жителямъ за извѣстную сумму была дарована только жизнь. Жестоко разграбивъ городъ, Эссексъ, какъ главнокомандующій дессантомъ, хотѣлъ проникнуть глубже въ Андалузію или, по крайней мѣрѣ, овладѣть островомъ, на которомъ расположенъ Кадиксъ; но военный совѣтъ не согласился ни на то, ни на другое. Флотъ сжегъ Кадиксъ, разрушилъ его укрѣпленія и въ августѣ возвратился въ Англію съ богатою добычею. Такимъ образомъ это громадное предпріятіе кончилось тѣмъ же, чѣмъ всѣ морскіе набѣги, совершаемые тогда англичанами противъ испанскихъ и португальскихъ владѣній, подобно норманамъ среднихъ вѣковъ. Они стали сильны на морѣ, смѣлы, предпріимчивы, были героями, открывали новыя земли, вели обширную торговлю, но въ то же время свирѣпо и жестоко разбойничали, убивали и жгли по берегамъ.

Англійская королева была въ высшей степени недовольна исходомъ предпріятія и очень сердилась, что начальники, изъ коихъ больше всѣхъ отличился Вальтеръ Ралей, раздѣлили несмѣтную добычу между собою, а не отдали ее въ казну. Она требовала, чтобы оба главнокомандующіе заплатили морякамъ должное имъ жалованье. Они, разумѣется, не сдѣлали этого; но съ этого времени Эссексъ очутился въ непріятномъ положеніи между милостью и немилостью королевы; надѣясь на ея слабость и потребность имѣть его при себѣ, онъ былъ смѣлъ и даже дерзокъ по-прежнему. Но его очень оскорбило, что на должность намѣстника и главнокомандующаго въ той части Нидер-

ландовъ, которая была отдана англичанамъ въ залогъ, назначили не его, а Френсиса де Вера.

Новый походъ испанскаго короля съ попыткою произвести возстаніе въ Ирландіи доставилъ въ 1597 графу Эссексу снова случай вести войну противъ Испаніи. Онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ флотомъ изъ 140 кораблей и 8,000 дессанта, предназначеннымъ снова предупредить походъ испанскаго короля. Хотя въ помощники ему были даны Томасъ Говардъ и сэръ Вальтеръ Ралей, но на этотъ разъ онъ не былъ связанъ военнымъ совѣтомъ. Вѣтеръ и погода не благопріятствовали походу. Флотъ былъ вскорѣ загнанъ обратно въ плимутскую гавань. Королева не согласилась взять на себя издержки на необходимую починку флота, который разсѣялся; корабли, поставленные по обычаю того времени на случай войны разными портами и городами, возвратились по домамъ. Самъ Эссексъ не хотѣлъ, однако, отказаться отъ предпріятія и съ немногими оставшимися при немъ кораблями снова шелъ изъ Плимута, чтобы напасть на испанскій флотъ, возвращавшійся изъ Индіи. Въ этой экспедиціи онъ завоевалъ нѣсколько Азорскихъ острововъ и взялъ нѣсколько богато нагруженныхъ кораблей, но пропустилъ индійскій флотъ и въ октябрѣ возвратился въ Плимутъ.

При дворѣ его приняли очень немилостиво; ему пришлось выслушать упреки особенно за то, что онъ не слушалъ Вальтера Ралея, который безспорно былъ искуснѣе его въ морскомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого онъ обиженный удалился отъ двора. Но королева не могла обойтись безъ него и употребила всѣ старанія, чтобы примириться съ нимъ. Въ угоду ему она оскорбила даже великаго адмирала. Во время отсутствія графа Эссекса она сдѣлала великаго адмирала графомъ Ноттингемомъ, что дало ему преимущество надъ Эссексомъ; чтобы снова привлечь оскорбленнаго графа ко двору, она дала ему должность, которая, если ее занималъ графъ, ставила его выше всѣхъ сановниковъ, а именно, санъ лорда-маршала. Новый графъ Ноттингемъ глубоко оскорбился этимъ и покинулъ дворъ.

Эссексъ жилъ нѣкоторое время въ мирѣ съ обоими Сесилями, потому что они поднесли ему богатые подарки; но онъ часто позволялъ себѣ оскорбительно относиться къ королевѣ, а они, разумѣется, не пропускали случая посплетничать Елисаветѣ на его рѣзкость и полнѣйшее отсутствіе въ немъ политическаго такта. Въ 1598 онъ поссорился въ совѣтѣ министровъ съ обоими Сесилями, а вслѣдъ затѣмъ произошла личная ссора между нимъ и королевою, погубившая его. Сесили справедливо говорили, что пора принять предлагаемый Испаніею миръ, и королева раздѣляла ихъ мнѣніе; но Эссексъ, надѣясь пожать новые лавры и добычу, съ такимъ жаромъ возсталъ противъ этого, что королева испугалась, и даже хладнокровный молодой Сесиль (сэръ Робертъ) вышелъ изъ себя. Королева, правда, промолчала и оставила на время дѣло нерѣшеннымъ; но вслѣдъ затѣмъ она была опять оскорблена имъ уже по другому случаю, и тогда между ними произошелъ положительный разрывъ. Этотъ случай имѣетъ связь съ происшествіями въ Ирландіи.

Ирландія была тогда, какъ и теперь, страною мятежей и казней, и король Филиппъ II Испанскій возбудилъ ирландцевъ къ возстанію, въ которомъ предводители мятежниковъ, особенно грозный Тейронъ, противопоставили англичанамъ правильныя войска. Вслѣдствіе этого мятежа, продолжавшагося и по смерти Филиппа (1598), должность королевскаго намѣстника Ирландіи была незавидною, и всѣ старались избѣгать ея. Когда въ 1598 мѣсто это упразднилось королева стала совѣтоваться съ Эссексомъ и великимъ адмираломъ о замѣщеніи его. Королева хотѣла назначить намѣстникомъ Ирландіи дядю графа, сэра Вилльяма Ноллиса; Эссексъ же настаивалъ на назначеніи врага своего, сэра Георга Керью, желая удалить его отъ двора и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ Елисавета постоянно сваливала вину неудачъ на начальниковъ, отстранить дядю отъ возможной отвѣтственности. Изъ-за этого между королевою и Эссексомъ произошла ссора и брань, и Эссексъ забылся до того, что повернулся къ королевѣ спиною съ оскорбительными словами. Это вывело ко-

ролеву изъ себя; она вскочила, дала ему пощечину и закричала ему, чтобы онъ убирался къ чорту. Графъ схватился за шпагу, и когда великій адмиралъ удержалъ его за руку, онъ бросился въ сильнѣйшей ярости изъ комнаты, говоря, что такого оскорбленія онъ не снесъ бы даже отъ отца королевы, не только что отъ короля въ юпкѣ (a king in petticoats). Послѣ того Елисавета два мѣсяца не видѣлась съ Эссексомъ, потому что послѣдній требовалъ отъ королевы удовлетворенія, а она отъ него извиненія. На третій мѣсяцъ, по случаю дѣйствительной или мнимой болѣзни графа, Елисавета оказала ему нѣкоторое вниманіе; но его не могли уломать сдѣлать уступку (a submission). Онъ не покорился и на четвертый мѣсяцъ (октябрь). Тѣмъ не менѣе еще въ началѣ декабря королева согласилась на возвращеніе его ко двору. Повидимому, однако, она отнюдь не простила графу и ждала только удобнаго случая отмстить ему.

Этотъ случай предоставило ей въ слѣдующемъ же году (1599) честолюбіе графа. Эссексъ добивался тогда для себя того самаго мѣста, отъ котораго хотѣлъ прежде отстранить дядю. Старый лордъ Борлэ, несходившій съ своего поста во все царствованіе Елисаветы и отлично, хотя, можетъ быть, нѣсколько скупо управлявшій финансами, умеръ въ предъидущемъ году, и мѣсто его занималъ лордъ Бокгёрстъ. Бокгёрстъ, какъ и всѣ другіе сановники, очень желалъ удалить графа Эссекса, и потому искательство его должности вице-короля Ирландіи казалось имъ удобнымъ случаемъ отдѣлаться отъ него. Королева долго противилась этому, но наконецъ согласилась, и Эссексъ былъ назначенъ намѣстникомъ ея въ Ирландіи. Ему предоставлены были разныя права и привилегіи, какими не пользовался никто изъ его предшественниковъ. Ему не только простили казенный долгъ въ 8,000 фунтовъ, но подарили еще втрое больше. Кромѣ того, ему дали армію въ 18,000 лучшихъ войскъ, большею частью служившихъ въ Нидерландахъ. Наконецъ, ему дали много и другихъ неслыханныхъ правъ: онъ могъ миловать уголовныхъ преступниковъ и государственныхъ

измѣнниковъ и даже заключать по своему усмотрѣнію миръ или продолжать войну. Всѣ посвященные въ тайны двора полагали, что королева сама хочетъ дать графу поводъ броситься въ погибель, а непосвященнымъ казалось, что онъ снова пользуется прежними милостями.

По прибытіи своемъ въ Ирландію Эссексъ, надѣясь на благоволеніе королевы, которую уже утѣшали другіе, по обыкновенію, поступалъ гордо и своевольно. Вмѣсто того, чтобы по приказанію королевы прежде всего всѣми силами аттаковать Тейрона и разбить его, онъ пропустилъ три лѣтніе мѣсяца, не думая о немъ. Не смотря на запрещеніе королевы, онъ назначилъ начальникомъ конницы друга своего графа Соутемптона, который, впрочемъ, сложилъ съ себя эту должность по приказанію королевы. Однако, Эссексъ не оставался въ это время въ бездѣйствіи и вмѣсто того, чтобы воевать съ Тейрономъ, онъ предпринялъ походъ въ другія мѣста. Онъ взялъ многія укрѣпленія, выстроенныя ирландцами, пошелъ въ Мюнстеръ и занялъ Лиммерикъ, Коркъ и Ватерфордъ; но при этомъ отъ непогодъ, климата и повальныхъ болѣзней лишился большей части своего войска и до августа жилъ въ Дублинѣ. Положительное повелѣніе королевы, отвергавшей всѣ его возраженія, принудило его выйти изъ Дублина и двинуться противъ Тейрона. При рѣкѣ Бренни онъ встрѣтился съ мятежниками, имѣя при себѣ всего три тысячи человѣкъ. Поэтому вмѣсто того, чтобы аттаковать непріятеля, онъ заключилъ въ концѣ августа перемиріе, которое должно было возобновляться зимою каждыя шесть недѣль, обезпечивало за ирландцами значительныя выгоды и налагало на королеву трудно исполнимыя обязательства относительно помѣстій возставшихъ противъ нея ирландскихъ предводителей и относительно должностей англичанъ въ Ирландіи. Тайные переговоры Эссекса съ Тейрономъ еще до заключенія перемирія возбудили подозрѣніе королевы; теперь же условія перемирія разсердили ее окончательно. Вдругъ Эссексъ безъ позволенія королевы возвратился въ Англію и утромъ

28 сентября внезапно явился въ ея спальнѣ и бросился на колѣни передъ ея постелью. Королева стала лицемѣрить. Даже при второмъ свиданіи съ нимъ въ то же утро она приняла его привѣтливо и благосклонно; но въ тотъ же вечеръ онъ былъ подвергнутъ домашнему аресту и вслѣдъ затѣмъ преданъ надзору надежнаго человѣка подъ ручательство, что Эссексъ не убѣжитъ. Елисавета хотѣла предать его суду и осудить, какъ измѣнника; но судьи объяснили ей, что ей трудно будетъ погубить его судомъ. Поэтому Эссексъ до конца года оставался подъ арестомъ. Это дѣло возбудило такое вниманіе публики, что королева должна была призвать его въ коммиссію изъ восемнадцати назначенныхъ ею лицъ; она не хотѣла, однако, чтобы коммиссія эта была чѣмъ-то въ родѣ уголовнаго суда, и назвала ее только дисциплинарнымъ судомъ (censure). Судъ этотъ обвинилъ Эссекса во многихъ служебныхъ упущеніяхъ и приговорилъ къ лишенію всѣхъ должностей, какъ-то: члена тайнаго совѣта, лорда-маршала и генералъ-фельдцейхмейстера (master of the ordinance), и къ тюремному заключенію, опредѣлить срокъ котораго было предоставлено самой королевѣ. Эссексъ покорно принялъ этотъ приговоръ. По объявленіи ему приговора онъ сталъ ханжить и, казалось, отказался отъ мірской суеты и роскоши. Королева, съ своей стороны, вскорѣ показала ему вниманіе, освободивъ изъ-подъ надзора и дозволивъ жить въ собственномъ домѣ. Но къ концу 1600 терпѣніе графа истощилось, и онъ сталъ позволять себѣ дерзкія выходки противъ Елисаветы, что́ ей немедленно передавали ея многочисленные шпіоны. Робертъ Сесиль, хитрый сынъ лукаваго и злобнаго отца, сэръ Вальтеръ Ралей, Кобгэмъ, братъ его, Брукъ, и лордъ Грей, изъ которыхъ Ралей и Кобгэмъ съ нѣкоторыми другими придворными заняли уже при Елисаветѣ мѣсто графа, были его главными врагами. Поэтому онъ старался всѣми законными и незаконными средствами удалить ихъ отъ Елисаветы и пріобрѣсти все свое прежнее вліяніе. Съ этою цѣлью онъ вошелъ въ сношенія съ королемъ Іаковомъ Шотландскимъ. Онъ старался внушить ему опасеніе, что между

Англіею и испанскимъ королемъ ведутся переговоры о лишеніи его престолонаслѣдія въ Англіи. Въ то же время онъ предложилъ ему вооружить своихъ друзей и разстроить этотъ планъ, составленный будто бы Сесилемъ, Кобгэмомъ, Ралеемъ и Ноттингемомъ. Іаковъ, кажется, поблагодарилъ графа за его доброе желаніе, но не довѣрился ему. Эссексъ произвелъ сильное движеніе въ народѣ, распространивъ въ немъ слухъ, будто онъ одинъ искренно хлопочетъ объ утвержденіи протестантскаго наслѣдника престола; домъ его каждый день окружала толпа. Многіе друзья его изъ дворянъ также являлись къ нему. Съ ними онъ составилъ нелѣпый планъ ворваться въ королевскій дворецъ и разогнать всѣхъ своихъ противниковъ. Онъ былъ увѣренъ, что стоитъ ему только сдѣлать это и потомъ броситься къ ногамъ королевы, и Елисавета тотчасъ проститъ ему все, что бы онъ ни сдѣлалъ. Какъ ни страненъ былъ этотъ планъ, но товарищи графа рѣшились на него. Между тѣмъ министры королевы узнали о перепискѣ графа съ Іаковомъ и старались предупредить его планъ. Это принудило заговорщиковъ начать дѣйствовать прежде, чѣмъ успѣли кончить свои приготовленія.

Седьмаго февраля 1601 тайный совѣтъ королевы неожиданно послалъ секретаря Герберта во дворецъ графа (Essex-house) съ приказаніемъ ему немедленно явиться въ совѣтъ. Эссексъ извинился, что нездоровье не позволяетъ ему выйти изъ дому. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ записку неизвѣстной руки съ совѣтомъ, чтобы онъ подумалъ о скорѣйшемъ спасеніи. Онъ тотчасъ послалъ во всѣ стороны гонцевъ за друзьями. Лишь только они прибыли, ему доложили, что у воротъ дворца дожидаются четыре королевскіе совѣтника и лордъ — главный судья, требуя, чтобы ихъ впустили. Онъ приказалъ отворить имъ боковую калитку, но не впускать ихъ свиту за исключеніемъ носителя большой печати (the pursebearer). Вошедшіе увидали во дворцѣ друзей графа, и между ними и Эссексомъ начался жаркій разговоръ. Эссексъ утверждалъ, частью справедливо, что враги его держатъ королеву въ нѣкотораго

рода заключеніи и силою препятствуютъ ей оказать ему правосудіе, чтó она непремѣнно сдѣлала бы по старой любви ихъ. Собравшаяся толпа кричала: «Бейте ихъ! Оставьте ихъ заложниками! Выбросьте въ окно большую печать!» Эссексъ провелъ членовъ совѣта черезъ нѣсколько залъ, гдѣ стояли мушкетеры, въ одну изъ заднихъ комнатъ. Здѣсь онъ велѣлъ запереть ихъ и поставилъ на стражѣ Джона Девиса, Френсиса Трешема и Ардена Салисбѐри. Оставивъ такимъ образомъ членовъ совѣта заложниками, онъ принялся за предпріятіе, которое могло придти въ голову только помѣшанному. Обнаживъ мечъ, онъ въ сопровожденіи графовъ Ротленда и Соутемптона, лордовъ Сендса и Монтигля и человѣкъ восьмидесяти дворянъ, къ которымъ вскорѣ пристали графъ Бедфордъ, лордъ Кромвелль и еще до двухъ сотъ человѣкъ, бросился изъ своего дома, чтобы напасть на королевскій дворецъ. Но дворецъ былъ хорошо защищенъ; на улицахъ господствовала пустота и мертвая тишина, и къ графу никто не присоединялся. Королева показала такое мужество, что хотѣла сама идти на встрѣчу мятежникамъ, которые тотчасъ увидѣли, что ошиблись, считая предпріятіе легко исполнимымъ и разсчитывая на слабость королевы къ Эссексу. Они разсѣялись, а самъ Эссексъ возвратился окольнымъ путемъ къ себѣ во дворецъ. За нимъ послѣдовало только человѣкъ около пятидесяти. Членовъ совѣта, оставленныхъ заложниками, онъ уже не нашелъ у себя: они были освобождены однимъ изъ его же сторонниковъ.

По возвращеніи Эссекса въ его дворецъ, Робертъ Сесиль и сэръ Томасъ Джерардъ въ сопровожденіи графа Комберленда и герольда поѣхали по городу, объявляя его государственнымъ измѣнникомъ и обѣщая тысячу фунтовъ тому, кто возьметъ его. Эссексъ и оставшіеся съ нимъ друзья рѣшились защищаться во дворцѣ, который, по обычаю того времени, былъ укрѣпленъ; но когда великій адмиралъ съ значительнымъ отрядомъ солдатъ окружилъ дворецъ и подвезъ орудія, Эссексъ не осмѣлился довести дѣло до послѣдней крайности. Лордъ Сендсъ совѣтовалъ

сдѣлать отчаянную вылазку, чтобы или пробиться, или умереть сражаясь; Эссексъ не послѣдовалъ его совѣту и согласился отдаться со всѣми своими сторонниками съ единственнымъ условіемъ, что его предадутъ законному суду, а не умертвятъ тотчасъ.

Вѣроятно, королева простила бы графа, какъ онъ и самъ думалъ, если бы враги его, знавшіе о сношеніяхъ его съ наслѣдникомъ престола и потому имѣвшіе поводъ опасаться его въ будущемъ, не обвинили его въ покушеніи на ея жизнь. Они вынудили у нѣкоего Томаса Ли показаніе, что Эссексъ нанималъ его убить королеву, и хотя потомъ Ли отрицалъ это, но его такъ поспѣшно казнили, что сущности дѣла нельзя было и разузнать. По обѣщанію, данному Эссексу, его и Соутемптона предали 19 февраля 1601, суду изъ 25 перовъ подъ предсѣдательствомъ лорда Бокгёрста (онъ былъ lord-steward). Эссексъ, видя въ числѣ судей много своихъ враговъ, хотѣлъ, по обыкновенію суда присяжныхъ, отвести ихъ; но главные судьи объявили, что законъ постановляетъ большую разницу между перами и присяжными; перы, какъ судьи не присяжные, признаютъ вину или невинность подсудимаго (their verdict) по чести и потому не подлежатъ отводу. Собственно обвиненіе касалось только предполагаемаго похищенія королевы и вооруженнаго возстанія; что же касается обвиненія, основаннаго на показаніи Ли, то его только сообщили тайно королевѣ, чтобы она не помиловала Эссекса. Судъ призналъ подсудимыхъ виновными и приговорилъ ихъ къ смерти. Королева поспѣшно утвердила приговоръ, и 25 февраля 1601 Эссексъ былъ казненъ. Его считали жертвою сильной, враждебной ему партіи при дворѣ. Казнь его произвела въ народѣ волненіе; это навело на противниковъ его такой страхъ, что они не осмѣлились исполнить приговора надъ Соутемптономъ и велѣли подвергнуть его только заключенію.

Король Іаковъ Шотландскій и не думалъ отрицать своихъ сношеній съ Эссексомъ и его соумышленниками, желавшими

силою утвердить права его на престолонаслѣдіе, тѣмъ болѣе, что по совѣту Эссекса онъ назначилъ для этихъ сношеній своими посланниками въ Англіи графа Марра и аббата Брюсса Кинлосскаго. Король узналъ о неудачѣ заговора еще до отъѣзда посланниковъ; но тѣмъ не менѣе поручилъ имъ, если осталась еще какая-нибудь надежда, соединиться съ заговорщиками. Посланники, видя, что все рушилось, быстро повернули въ другую сторону и поздравили королеву съ избавленіемъ отъ грозившей ей опасности. При этомъ они просили королеву не наказывать никого изъ ея подданныхъ за переписку съ Іаковомъ или за посѣщеніе его въ Шотландіи; кромѣ того они просили королеву увеличить содержаніе, которое Елисавета давала шотландскому королю. Такъ какъ Іаковъ нуждался въ связяхъ съ Англіею, а Елисавета зорко наблюдала, чтобы никто изъ ея министровъ не входилъ въ сношенія съ ея наслѣдникомъ, то хитрый Робертъ Сесиль воспользовался присутствіемъ шотландскихъ посланниковъ, чтобы упрочить за собою милость наслѣдника на случай скорой, вѣроятно, смерти Елисаветы. Онъ вступилъ съ Іаковомъ черезъ пословъ его въ тайныя сношенія, но изъ предосторожности уладилъ дѣло такъ, что переговоры шли черезъ третье лицо. Такимъ образомъ Робертъ Сесиль еще при жизни Елисаветы былъ уже тайнымъ министромъ Іакова и устроивалъ все по его желанію. Онъ и впослѣдствіи остался министромъ Іакова и умеръ въ 1612, въ то самое время, когда былъ всего необходимѣе королю. Любимцамъ Елисаветы, Грею, Ралею, Кобгэму и другимъ, выпала иная доля; по смерти королевы Іаковъ освободилъ графа Соутемптона, призвалъ его ко двору и взялъ подъ свое покровительство всѣхъ друзей и родныхъ графа Эссекса, чѣмъ поставилъ бывшихъ фаворитовъ въ очень непріятное положеніе.

Въ эпоху казни Эссекса здоровье королевы было уже очень плохо. Въ 1601 королева, лично открывая свой послѣдній парламентъ, не могла вынести тяжелаго королевскаго облаченія и упала бы, если бы одинъ изъ вельможъ не поддержалъ ея.

Этотъ парламентъ оказалъ ей сильное сопротивленіе, что было дурнымъ предзнаменованіемъ для царствованія ея наслѣдника, который такъ чрезмѣрно кичился своимъ божественнымъ правомъ и былъ болѣе склоненъ въ политикѣ и въ религіи къ испанскому деспотизму, чѣмъ къ англійскимъ конституціоннымъ формамъ. На этотъ разъ дѣло шло не о религіи: ссоры католиковъ съ пуританами на время прекратились; дѣло шло о торговой свободѣ, нарушаемой въ продолженіе всего царствованія Елисаветы. Королева, обыкновенно скупая, выдумала для обогащенія своихъ любовниковъ и придворныхъ, вообще не особенно цѣломудренныхъ, средство, очень вредное для всѣхъ гражданъ. Она раздавала имъ монополи, даруя имъ патенты за собственною подписью, по которымъ лицо, названное въ патентѣ, получало за свои заслуги или, лучше сказать, за мнимыя заслуги, исключительное право торговать какимъ-нибудь товаромъ. Такъ напримѣръ Эссексъ долго пользовался привилегіей торговать сладкими винами, и первая крупная ссора его съ Елисаветою произошла изъ-за того, что послѣ какой-то перебранки она не хотѣла возобновить этотъ монополь. 20 ноября 1601 парламентъ заговорилъ объ этомъ злоупотребленіи, и это произвело страшную бурю, потому что министры утверждали, что раздача подобныхъ монополей есть привилегія короны и что парламентъ не имѣетъ права, какъ они выражались, связывать королевѣ руки. Въ обѣихъ палатахъ произошло сильное волненіе, и тогдашнее поведеніе ихъ было первымъ образцомъ болѣе сильныхъ сценъ, разыгрывавшихся при Іаковѣ I. Парламентъ настаивалъ на своемъ правѣ и не хотѣлъ удовлетвориться, какъ прежде, подачею просьбы объ отмѣнѣ монополей. Онъ объявилъ, что это злоупотребленіе должно быть немедленно уничтожено парламентскимъ постановленіемъ. Граждане Лондона съ угрозою наполняли улицы и навели своими криками страхъ на министровъ; по совѣту министровъ, Елисавета рѣшилась уступить. Она объявила 25 ноября черезъ спикера парламента, что отказывается отъ права раздачи монополей. Такимъ образомъ Елисавета, до-

селѣ постоянно упорно стоявшая за свои королевскія права, въ концѣ своего царствованія должна была уступить волѣ народа.

Война съ мятежниками въ Ирландіи и съ испанцами все еще продолжалась. Испанцы два раза посылали войска въ Ирландію; оба раза имъ удалось только продолжить войну и опустошенія. Мятежъ можно было бы потушить скорѣе, если бы Елисавета не требовала безусловной покорности. Безпокойства въ Ирландіи утихли только передъ самою смертью королевы. Но война съ испанцами на морѣ продолжалась и по вступленіи на престолъ Іакова I.

Елисавета умерла 24 марта 1603. Еще до смерти ея люди, правившіе въ послѣднее время подъ ея именемъ, раздѣлились на двѣ партіи; такъ какъ министръ Робертъ Сесиль отдѣлился отъ своихъ товарищей и состоялъ въ сношеніяхъ съ Іаковомъ, Грей, Кобгэмъ и Ралей, къ которымъ Іаковъ не благоволилъ, должны были искать иной опоры. Имъ пришла мысль соединиться съ католиками и возвести на престолъ вмѣсто Іакова дочь его дяди, Арабеллу Стюартъ, т. е. доставить престолъ принцессѣ, которая была бы ихъ креатурой, вполнѣ зависимой притомъ отъ Испаніи. Но Робертъ Сесиль, хранитель печати, великій адмиралъ и архіепископъ кентербёрійскій убѣдили королеву за два дня до смерти объявить короля Іакова своимъ наслѣдникомъ, чего она до тѣхъ поръ никогда не соглашалась сдѣлать. Тотчасъ по смерти Елисаветы Іаковъ былъ провозглашенъ королемъ, и противникамъ его оставалось только составить заговоръ, который при тогдашнихъ обстоятельствахъ могъ погубить только самихъ заговорщиковъ, а никакъ не новаго короля.

9. Первые годы царствованія Іакова I Англійскаго.

Іаковъ I до вступленія на англійскій престолъ много терпѣлъ отъ духовенства и аристократіи Шотландіи и отъ упрямыхъ пуританъ и фанатиковъ. Онъ страстно ждалъ той минуты, когда ему можно будетъ перейти изъ своей бѣдной Шотландіи въ богатую Англію и изъ зависимости, въ которой его постоянно держали шотландцы, къ произвольной власти королевы Елисаветы. Поэтому онъ поспѣшилъ занять англійскій престолъ. Никто и не оспаривалъ его у него, потому что Арабелла Стюартъ, которую Ралей, Кобгэмъ и другіе хотѣли противопоставить ему, была арестована Робертомъ Сесилемъ и его партіей еще до проявленія намѣреній враждебной стороны.

Въ Англіи Іакова считали бѣднымъ шотландцемъ, а друзей его голышами и авантюристами, желающими обогатиться въ Англіи. Поэтому ему, какъ королю Англіи, нужно было много ума и осторожности; особенно осторожности. Что же касается до его огромной учености, дѣлавшей изъ него педанта, то она не могла имѣть въ Англіи никакого значенія. Правда, онъ пріобрѣлъ расположеніе англиканскаго духовенства своею книгою, написанною въ 1599, гдѣ онъ защищаетъ іерархическія начала; но это расположеніе не могло принести ему пользы при пробудившемся во всемъ народѣ стремленіи къ религіозной и политической свободѣ. Онъ озаглавилъ эту книгу «Королевскій даръ», и притомъ по своемъ педантству на греческомъ языкѣ (Базиликонъ Доронъ). Какъ пресвитеріане и пуритане, такъ и католики обманулись, разсчитывая на терпимость Іакова, потому что онъ, какъ архипедантъ, хотѣлъ быть одинъ мудрымъ. Вскорѣ обѣ эти противоположныя другъ другу партіи одинаково возненавидѣли его. Изъ совѣтниковъ и любимцевъ Елисаветы онъ оказалъ нѣкоторымъ благосклонность. Но еще до пріѣзда своего въ Лондонъ оскорбилъ опаснѣйшаго изъ нихъ, Ралея, выказавъ

пренебреженіе Кобгэму и Грею и удаливъ его самого отъ должности начальника гвардіи и отъ доходнаго мѣста оберъ-коммиссара оловянныхъ рудниковъ; за то онъ освободилъ изъ Тоуера и вызвалъ къ себѣ въ Іоркъ друга графа Эссекса, графа Соутемптона.

Во время проѣзда Іакова по Англіи, народъ принималъ его съ восторгомъ, какъ всякаго новаго короля, такъ что объ этомъ стоитъ упомянуть только потому, что король слишкомъ мало обращалъ вниманія на народный восторгъ. Онъ даже запрещалъ народу собираться въ мѣстахъ, гдѣ онъ проѣзжалъ, желая видѣть вокругъ себя только аристократію, къ которой особенно благоволилъ. Чтобы выказать свою державную власть еще на границѣ, Іаковъ выбралъ средство, которое доказывало его презрѣніе къ закону и должно было внушить англичанамъ опасеніе къ этой власти. Онъ велѣлъ повѣсить одного вора безъ слѣдствія и суда. Іаковъ доказалъ, что не слѣдовало вѣрить его обѣщаніямъ, устнымъ и письменнымъ. Въ апрѣлѣ 1603 онъ написалъ изъ Шотландіи своему англійскому кабинету (counsil) длинное письмо, гдѣ отзывался о королѣ Елисаветѣ съ глубокимъ уваженіемъ и поручалъ сдѣлать все для отданія ей послѣдней королевской почести. Но впослѣдствіи, какъ доказалъ Юмъ и еще болѣе Лингардъ, онъ не хотѣлъ даже слышать ея имени. Правда, Елисавета всю жизнь преслѣдовала его мать и его самого и вела себя въ высшей степени непристойно съ своими Эссексами, Вальтерами Ралеями и другими; но она пользовалась и пользуется донынѣ въ Англіи почти богопочитаніемъ и по крайней мѣрѣ тапла отъ публики свои скандалы, тогда какъ поведеніе Іакова явно претило всѣмъ. Впрочемъ, письмо это, гдѣ Іаковъ высказываетъ совершенно противное тому, что потомъ дѣлалъ, не помѣщено ни у Юма, ни у Лингарда, а напечатано только во 2-мъ томѣ изданной (1848) Голливелемъ «Переписки англійскихъ королей» (стр. 98 — 101). Конечно, такой контрастъ между словомъ и дѣломъ можно объяснить притворствомъ Іакова передъ министрами, которыхъ онъ еще не

смѣлъ оскорблять. Другое доказательство его двусмысленнаго поведенія имѣло гораздо больше значенія для судьбы его самого, его народа и дѣтей. Онъ объявилъ въ манифестѣ, что съ воцареніемъ его прекратятся всѣ монополи и вообще всѣ произвольныя дѣйствія, допущенныя Елисаветой въ пользу ея любовниковъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ самъ больше ея сталъ проявлять произволъ и осыпать милостями недостойныхъ людей.

Для краткости мы коснемся только тѣхъ событій царствованія Іакова I и тѣхъ дѣйствій его, которыя заставили англичанъ опасаться за свои права, обезпеченныя за ними граматой и печатью еще въ XIII столѣтіи, или по крайней мѣрѣ сознавать, что въ обезпеченіе этихъ правъ имъ нужны новыя гарантіи. Мы послѣдуемъ въ этомъ случаѣ шагъ за шагомъ за англійскимъ ученымъ, который написалъ введеніе къ собраннымъ Бирчемъ письмамъ извѣстнѣйшихъ лицъ царствованія Іакова I *). Авторъ этого введенія разсказываетъ вкратцѣ результаты своего изслѣдованія актовъ царствованія Іакова, доказывающихъ его шаткость въ политическомъ отношеніи.

Педантическая ученость и лицемѣрное воспитаніе дали Іакову возможность обманывать нѣкоторое время весь міръ и слыть въ глазахъ всего свѣта Соломономъ; но скоро роль эта кончилась. Царствованіе его важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, для исторіи возрожденія и утвержденія пріобрѣтенной націею въ XIII вѣкѣ независимости отъ монархическаго произвола. Побѣда, одержанная впослѣдствіи защитниками народныхъ правъ надъ деспотическими прихотями королей, была главнымъ образомъ подготовлена тѣмъ, что члены парламента не страшились денежныхъ пеней и заключенія въ Тоуеръ, на которыя Іаковъ былъ такъ щедръ. Царствованіе Іакова I было

*) „The court and the times of James the First, transscribed by Thomas Birch D. D., now first published from his Mss. bequeathed to the British Museum“, London, 1849, 2 voll.

прологомъ революціи, и въ этомъ смыслѣ на него доселѣ мало обращали вниманія, останавливаясь преимущественно на позднѣйшихъ яркихъ событіяхъ народной борьбы; несомнѣнно однако, что блестящіе результаты, добытые при сынѣ Іакова, никогда не были бы достигнуты, если бы не стойкость и энергія людей, боровшихся противъ произвола отца.

Іаковъ, какъ показываютъ его письма, сначала то ласкалъ парламентъ, то грозилъ ему, а потомъ вдругъ пришелъ въ дикую ярость, какъ громомъ поразилъ парламентъ повелѣніемъ о распущеніи его и по распущеніи заключилъ депутатовъ въ тюрьму, приказавъ конфисковать имущество всѣхъ членовъ парламента, которые осмѣливались противиться его планамъ. Не прошло, впрочемъ, и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ онъ снова созвалъ парламентъ, побуждаемый къ тому пустотой своего казначейства. Онъ постарался добыть хитростью нужныя ему деньги, прежде чѣмъ начались пренія о народныхъ жалобахъ и о постоянныхъ денежныхъ требованіяхъ короны. Съ этой цѣлью онъ дѣлалъ всевозможныя обѣщанія и увѣрялъ въ своихъ благихъ намѣреніяхъ. Члены нижней палаты скоро замѣтили однако, куда мѣтитъ онъ своими обѣщаніями, и пожелали имѣть какое-нибудь ручательство, что эти обѣщанія будутъ исполнены, прежде чѣмъ рѣшиться дать королю средства продолжать свой противозаконный произволъ. При вступленіи своемъ на престолъ Іаковъ представилъ націи въ перспективѣ идеальное блаженство, которое должно было настать для Англіи подъ его патріархальнымъ правленіемъ. Ни монополей, ни вымогательствъ, ни несправедливостей, ни потерь! Но все это оказалось мыльнымъ пузыремъ. Въ нѣсколько лѣтъ самыя вредныя монополіи увеличились сторицею; у купцовъ насильственно вымогали займы, богатыхъ приговаривали къ неоплатнымъ пенямъ, торговля шла все хуже, промышленость упала, и бѣднымъ настало плохое житье.

Громадныя суммы, которыя Іаковъ получалъ этимъ путемъ, разбрасывались королевскимъ любимцамъ съ ребяческою расточительностью и съ самымъ безпутнымъ легкомысліемъ; чтобы имѣть

право на щедрость короля, стоило обладать смазливымъ лицомъ и стройнымъ станомъ. Въ письмахъ временъ Іакова I можно найти подробное описаніе отношеній его къ его любимцамъ, Гаю, Монгомери, Рочестеру, Монсону, Бретту и Бокингему. Изъ исторіи всѣхъ этихъ фаворитовъ сохранились черты, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на царствованіе этого педанта и труса. Презрѣнная трусость Монгомери, баснословный развратъ Рочестера, ничтожество Монсона и безумное высокомѣріе Бокингема не остались безъ вліянія на ихъ повелителя. Одинъ только Гай графъ Карлейль, повидимому, стыдился своей роли и искалъ болѣе честнаго положенія. Онъ въ высшей степени обладалъ благоразуміемъ, котораго недоставало другимъ. Едва онъ замѣтилъ, что нашелся соперникъ ему въ безпутствѣ, которое одно цѣнилъ и награждалъ Іаковъ, какъ тотчасъ постарался пріобрѣсти дипломатическое положеніе за границей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣлъ и больше правъ на отличія и награды, чѣмъ могъ имѣть отъ личнаго благоволенія короля, подобнаго Іакову.

До своей коронаціи Іаковъ возбудилъ большія надежды во всѣхъ, кто не довѣрялъ скрытной политикѣ Елисаветы и ея коварнаго Сесиля. И пуритане, и католики ждали отъ него терпимости. Папа отнесся къ нему дружелюбно. Короли Генрихъ IV французскій и Филиппъ III испанскій заискивали его пріязни; Филиппъ началъ попытки заключить миръ съ Англіей. Эрцгерцогъ Альбрехтъ (стр. 289 и 292), разрѣшенный папою отъ духовныхъ узъ, женившійся на дочери Филиппа II, Изабеллѣ и назначенный намѣстникомъ испанскихъ Нидерландовъ, отправилъ посольство въ Англію. Лишь небольшая горсть интригантовъ и распутниковъ, бывшихъ въ милости у Елисаветы и удаленныхъ Іаковомъ, затѣяла заговоръ, ничтожный самъ по себѣ, но надѣлавшій много шума. Эти люди составили безумный планъ, съ помощью англійскихъ католиковъ, намѣстника Нидерландовъ, короля испанскаго и Арабеллы Стюартъ, овладѣть особою короля и вынудить у него разныя уступки. Они не спросили даже

согласія лицъ, на содѣйствіе которыхъ расчитывали. Ни король испанскій, ни эрцгерцогъ Альбрехтъ не допустили ихъ до себя, а Арабелла Стюартъ не хотѣла даже и выслушать человѣка, которому было поручено сдѣлать ей предложеніе освободить ее. Главными заговорщиками были лорды Грей и Кобгэмъ, Вальтеръ Ралей, Гриффинъ, Маркгэмъ, Антонъ Коплей, Джорджъ Брукъ, братъ Кобгэма, и два католическіе священника. Эти лица даже не придумали хорошенько плана дѣйствій и только мѣшали другъ другу. Вальтеръ Ралей, авантюристъ, мечтатель, кутила и мотъ, слѣдовалъ иному плану, чѣмъ Брукъ и католическіе попы. Онъ больше разсчитывалъ на Арабеллу Стюартъ, а они на католиковъ и на поддержку изъ Нидерландовъ и изъ Испаніи. И тѣ, и другіе совались въ воду, не спросясь броду. Вдобавокъ они скоро разболтали о своемъ намѣреніи. Ихъ арестовали прежде чѣмъ они успѣли приступить къ исполненію своихъ замысловъ, такъ что ихъ можно было обвинять только въ безумной болтовнѣ да въ злыхъ умыслахъ.

При допросѣ ихъ, помѣщенномъ цѣликомъ въ сборникѣ государственныхъ процессовъ (State trials), великій англійскій юристъ Кокъ въ качествѣ главнаго судьи выказалъ изумительную грубость и неприличіе; Вальтеръ Ралей, напротивъ, отвѣчалъ ему удивительно хладнокровно и спокойно. Іаковъ былъ благоразумнѣе и честнѣе своего лорда верховнаго судьи. Заговорщиковъ приговорили къ смертной казни и всѣхъ сразу взвели на эшафотъ; этимъ добились, по крайней мѣрѣ, признанія, потому что Кобгэмъ разсказалъ при этомъ все. Однако, казнили только Брука и двухъ поповъ. Другихъ не то чтобы помиловали, но отсрочили казнь, такъ что король могъ каждую минуту дать повелѣніе, и имъ былъ бы конецъ. Но такое повелѣніе постигло только Вальтера Ралея, который просидѣлъ 13 лѣтъ въ тюрьмѣ, потомъ былъ выпущенъ и снова попалъ въ тюрьму. Во время своего долгаго заключенія Ралей написалъ Всемірную Исторію, въ своемъ родѣ очень замѣчательную, особенно для англійской литературы; когда его выпустили, онъ

сумѣлъ увлечь короля предложеніемъ открыть ему Золотой Рай (el Dorado), такъ что Іаковъ поручилъ ему начальство надъ экспедиціей. Безразсудный Ралей имѣлъ неосторожность принять начальство, хотя могъ заранѣе предвидѣть, что ему не сносить головы, уже обреченной на смерть, если онъ не отыщетъ обѣщаннаго Эльдорадо.

По прибытіи въ Англію и до коронаціи, Іаковъ нашелъ, что англиканская церковь съ своими епископами и верховною властью короля всего болѣе соотвѣтствуетъ его теоріи абсолютизма въ государствѣ и въ церкви. Пуританъ онъ ненавидѣлъ; онъ не могъ терпѣть системы, которая, какъ онъ выражался, позволяла всякому Ванькѣ, Петькѣ и Егоркѣ мѣшаться въ государственныя и въ церковныя дѣла. Католики были не по немъ, потому что онъ самъ хотѣлъ быть папой и не желалъ формально нарушать существующаго порядка. Обѣ крайнія партіи нѣсколько разъ горячо осаждали его требованіями терпимости; но онъ не могъ и на это рѣшиться, а хотѣлъ играть роль примирителя, уповая на свою богословскую ученость и на пріобрѣтенное имъ въ Шотландіи искусство въ диспутахъ. Католиковъ, которые не менѣе его противились всякой свободѣ, онъ думалъ привлечь на свою сторону, смягчивъ относящіеся къ нимъ законы. Превосходно зная богословіе Кальвина, онъ надѣялся побѣдить пуританъ аргументами и доказать имъ ихъ заблужденіе. Съ этою цѣлью онъ назначилъ конференцію англиканскихъ епископовъ и духовныхъ съ пресвитеріанами и пуританами въ своемъ присутствіи въ Гамптонкуртѣ.

Конференція эта открылась 14 января 1604. Король взялъ на себя главную роль, забравъ себѣ въ голову несчастную мысль быть презусомъ (mederator) въ предстоящемъ богословскомъ диспутѣ. Въ первый день пуританъ не приняли, и король разсуждалъ только съ своими англиканскими епископами и богословами, склоняя ихъ на нѣкоторыя маловажныя уступки, въ чемъ и успѣлъ. На другой день явились пуритане. Они требовали, чтобы закономъ было постановлено проповѣдовать только

чистое евангеліе, чтобы всѣ духовные были научно-образованы, духовные суды преобразованы и литургія (the prayerbook) измѣнена. Жаркій споръ, возгорѣвшійся тутъ, касался только послѣдняго пункта. Король выказалъ свою основательную богословскую ученость и оказался бойкимъ спорщикомъ и хорошимъ духовнымъ витіей. При этомъ онъ представлялъ изъ себя то короля, то шута, что́, конечно, было совсѣмъ некстати со стороны посредника въ религіозномъ спорѣ. Онъ позволялъ себѣ рѣзко упрекать своихъ противниковъ въ слабости ихъ доводовъ и въ то же время порицать своихъ товарищей по диспуту, епископовъ, за ихъ грубую брань. Правда, онъ оживлялъ сухой диспутъ прибаутками, и его остроты, о которыхъ съ похвалой отзывается Лингардъ, возбуждали въ почтенномъ обществѣ богослововъ лошадиное ржаніе; но онѣ были самаго низкаго разбора, какъ показываетъ приведенная нами жалкая острота о Ванькахъ, Петрушкахъ и Егоркахъ, которою Іаковъ желалъ выразить свою ненависть ко всякому противорѣчію. На второй день конференціи онъ истомилъ бѣдныхъ людей, обязанныхъ выслушивать его, длиннѣйшею проповѣдью, а наканунѣ три часа разсуждалъ о формѣ крещенія. Епископамъ, разумѣется, рѣчи его должны были очень нравиться, и, когда онъ провозгласилъ свой принципъ: «безъ епископа нѣтъ короля!» (no bishop! no king!), они привѣтствовали его такимъ комплиментомъ: «Устами вашего величества очевидно глаголетъ Святый Духъ!» На разумныя и скромныя возраженія доктора Рейнольда король отвѣчалъ: «Я хочу, чтобы было только одно ученіе, одинъ церковный строй, одна религія по существу (substance) и по обрядамъ». Диспутъ втораго дня поневолѣ долженъ былъ кончиться пустяками. «Ну, докторъ, — спросилъ въ заключеніе король: — что же вы еще скажете?» (Well, doctor, have you any thing else to say?) — «Ничего болѣе, если угодно вашему величеству.» (No more, if it please your majesty.) На третій день пуританъ еще разъ призывали и утѣшили ихъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что обѣщали не настан-

вать пока на единообразіи вѣроученія и культа и дать отсрочку. Но пуритане были очень недовольны уступчивостью своихъ богослововъ; епископы Іакова также не спѣшили измѣнять литургію, какъ обѣщали королю въ первый день конференціи. Дѣло, стало быть, не подвинулось ни на шагъ. Когда данная пуританамъ отсрочка истекла, Іаковъ началъ всячески мучить и преслѣдовать тѣхъ, кто немедленно не переходилъ къ его церкви.

Нѣсколько смѣльчаковъ изъ родни и кліентовъ герцога Нортомберленда, видя, что Іаковъ при всемъ своемъ пристрастіи къ принципу римской религіи едва ли рѣшится отказаться отъ своего церковнаго главенства, составили въ 1604 г. заговоръ, съ цѣлью помочь католикамъ въ предпріятіи, которое они надѣялись привести въ исполненіе въ слѣдующемъ году. Это предпріятіе былъ такъ называемый пороховой заговоръ, открытіе и подавленіе котораго матросы, чернь и уличные мальчишки до сихъ поръ по своему празднуютъ въ Англіи 5 ноября. Юмъ смѣло приписываетъ этотъ заговоръ іезуитамъ Термонду, Джону Джерарду и Гарнету; ихъ дѣйствительно заподозрили и предали уголовному суду: но изъ актовъ и изъ того, что мы знаемъ о дѣлѣ по изложенію его во второмъ томѣ «Государственныхъ процессовъ» (State Trials), нельзя извлечь доказательствъ ихъ виновности. Поэтому мы думаемъ, слѣдуя Лингарду, что на этотъ разъ іезуиты были невинны и пали жертвою ненависти, которую возбуждали и возбуждаютъ къ себѣ всюду своею нетерпимостью, страстью къ преслѣдованіямъ, лукавствомъ и интригами противъ людей не ихъ вѣры. Планъ заговорщиковъ, на нашъ взглядъ, былъ очень страненъ; однако, они строго хранили его втайнѣ, пока наконецъ одинъ изъ нихъ, Трешемъ, поступившій въ ихъ число уже позже, вмѣстѣ съ баронетомъ Дигби, не написалъ письма, о которомъ мы скажемъ ниже.

Ближайшимъ поводомъ къ заговору былъ фанатизмъ короля. Католиковъ преслѣдовали также, какъ и пуританъ. Іаковъ издалъ прокламацію противъ католиковъ, особенно противъ ихъ миссіонеровъ, большею частью іезуитовъ, повелѣвая, согласно ста-

рымъ законамъ, налагать денежныя пени на тѣхъ, кто не слѣдуетъ англиканской церкви. Эти пени по временамъ дѣйствительно взыскивались и служили доходной статьей королю и окружавшимъ его шотландцамъ, вѣчно нуждавшимся въ деньгахъ; не одинъ католикъ остался такимъ образомъ безъ кола и двора. Въ числѣ лицъ, постигнутыхъ этими тяжкими пенями, былъ полковникъ Робертъ Кетсби; онъ-то изъ ненависти и мщенія составилъ планъ пороховаго заговора. По всему, что мы о немъ знаемъ, видно, что Кетсби былъ не новичекъ въ такого рода предпріятіяхъ; между прочимъ онъ участвовалъ въ покушеніи Эссекса штурмовать королевскій дворецъ и захватить королеву Елисавету. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы въ ту минуту, когда верхняя и нижняя палата, король, министры и публика соберутся въ залѣ парламента, взорвать это зданіе на воздухъ. Кетсби привлекъ въ свой заговоръ сначала пять человѣкъ, а подъ конецъ всѣхъ заговорщиковъ было около двѣнадцати. Между ними было двое людей съ состояніемъ, въ томъ числѣ вышеупомянутый Трешемъ. Къ числу первыхъ пяти заговорщиковъ принадлежалъ офицеръ Гей Фоксъ, взявшій на себя исполненіе дѣла; этотъ Фоксъ и донынѣ служитъ англійскимъ ребятишкамъ такою же потѣхой, какъ Аманъ жидамъ, съ тою разницею, что одного сжигаютъ in effigie, а другаго колотятъ. Первые пять участниковъ поклялись другъ другу хранить тайну и причастились у іезуита Джерарда, что впослѣдствіи запутало его въ процессъ, хотя онъ утверждалъ, что ничего не зналъ о замыслѣ. Заговорщики разсчитывали въ то же время и на общее возстаніе, такъ-какъ въ концѣ 1604 и въ теченіе слѣдующаго года мѣры противъ католиковъ становились все жесточе и невыносимѣе. Кромѣ того Фоксъ не разъ ѣздилъ въ Нидерланды, просить помощи эрцгерцога Альбрехта. Онъ привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ изъ его англійскихъ офицеровъ. Король Іаковъ самъ разсказываетъ, по своему обыкновенію, чрезвычайно многорѣчиво, весь ходъ заговора въ отчетѣ

о немъ, который напечатанъ во второй части сборника «Государственныхъ процессовъ».

Заговорщики нѣсколько времени откладывали исполненіе своего умысла, надѣясь, что съ предстоящимъ заключеніемъ мира между Англіей и Испаніей прекратятся и налагаемыя на католиковъ денежныя пени. Но когда въ августѣ 1605 Филиппъ III и Іаковъ I заключили миръ, а католики все-таки не получили терпимости, заговорщики рѣшились приступить къ дѣлу. Одинъ изъ нихъ, Перси, нанялъ небольшой домъ около стараго вестминстерскаго дворца, гдѣ была зала, назначенная для открытія парламента. Изъ этого дома рѣшили подвести мину подъ дворецъ. Но заговорщики нашли, что нельзя ни пробить толстую стѣну фундамента, ни подкопать ее, потому что въ такомъ случаѣ въ проломъ хлынетъ вода. Тогда они придумали другой планъ. Узнавъ, что въ зданіи парламента отдается въ наемъ подвалъ со сводами, они наняли его, будто бы для склада дровъ и каменнаго угля. Ночью они перевезли въ него нѣсколько бочекъ пороху и спрятали ихъ за дровами и каменнымъ углемъ. Такъ какъ парламентъ долженъ былъ собраться не раньше октября 1605, то они успѣли помѣстить въ подвалѣ 36 бочекъ съ порохомъ и много камня и дровъ. Но предпріятіе ихъ, безъ вѣдома ихъ, дошло до свѣдѣнія министровъ. По поводу открытія заговора льстецы короля придумали впослѣдствіи басню, будто онъ самъ вывелъ наружу это дѣло, узнавъ о немъ изъ предостерегательнаго письма, полученнаго лордомъ Монтиглемъ. Въ письмѣ этомъ, писанномъ будто бы Трешемомъ, говорилось, что парламенту грозитъ страшный ударъ, который продлится не долѣе того времени, сколько будетъ горѣть это письмо (the danger is as soon past, as you have burnt this letter); король одинъ нашелъ будто бы ключъ загадки и сразу смекнулъ, что рѣчь идетъ о пороховомъ взрывѣ, — послѣ чего подвалъ обыскали, и дѣло обнаружилось. Извѣстно однако, что поѣздки Фокса въ Нидерланды, его сношенія съ эрцгерцогомъ Альбрехтомъ и его офицерами, хлопоты и волненіе заговорщиковъ давно

были замѣчены, и Робертъ Сесиль получалъ изъ-за границы предостереженія. Сесиль долго не мѣшалъ безумному предпріятію заговорщиковъ, чтобы потомъ въ гласномъ судѣ запутать въ него іезуитовъ и вообще католиковъ и обратить противъ нихъ слѣпую ненависть народа. Лордъ Монтигль получилъ упомянутое письмо всего за 10 дней до приведенія заговора въ исполненіе; но весьма вѣроятно, что король французскій Генрихъ IV еще задолго до того предупредилъ министровъ, Сесиля и графа Соффолька.

Заговорщики узнали о полученномъ Монтиглемъ письмѣ и о томъ, что оно было предметомъ продолжительныхъ кабинетныхъ преній. Однако они не отступили отъ своего намѣренія и, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе, оставили двери подвала отворенными. Поэтому когда оберъ-камергеръ (lord chamberlain) и лордъ Монтигль наканунѣ открытія парламента прибыли для приготовленій къ этому дню, имъ можно было какъ бы невзначай войти и въ подвалъ. Они застали тамъ неизвѣстнаго имъ офицера, Фокса, который взялся въ назначенное время поджечь порохъ, и взлетѣть на воздухъ вмѣстѣ съ парламентомъ. При появленіи этихъ сановниковъ Фоксъ выдалъ себя за слугу Перси. Замѣчаніе ихъ, что у его господина должно быть много сгораетъ дровъ, не внушило ему осторожности; вечеромъ онъ безстрашно возвратился въ подвалъ, чтобы ночевать въ немъ и на слѣдующее утро (5 ноября 1605) исполнить свое намѣреніе Въ два часа ночи внезапно явился сэръ Томасъ Неветъ съ пикетомъ солдатъ обыскивать подвалъ. Онъ арестовалъ Фокса, который былъ въ дорожномъ платьѣ и ботфортахъ. Въ карманѣ у него нашли три фитиля; за дверью подвала стоялъ потаенный фонарь со свѣчей, а когда выбрали угли и дрова, нашли и пороховыя бочки. Уже въ четыре часа утра Фоксъ былъ опрошенъ предъ королемъ и совѣтниками. Ни на этомъ допросѣ, ни потомъ, когда его предавали страшнѣйшимъ пыткамъ въ Тоуерѣ, онъ не назвалъ ни одного изъ своихъ соучастниковъ. Онъ былъ смѣлъ въ отвѣтахъ, но не дерзокъ и не грубъ; только когда въ присутствіи его спросили: съ какою цѣлью было поставлено въ под-

валъ столько бочекъ съ порохомъ, онъ отвѣчалъ: «чтобы выкинуть шотландскихъ нищихъ въ тѣ горы, съ которыхъ они пришли.»

Другіе участники бѣжали; они старались возбудить возстаніе, но никто не хотѣлъ не только пристать къ нимъ, но и пустить ихъ къ себѣ въ домъ. Ихъ вскорѣ перехватали, причемъ нѣкоторые лишились жизни. Допросы продолжались два мѣсяца, потому что король въ глубинѣ души былъ расположенъ къ католикамъ и ихъ ученію, а министры по этому самому очень желали запутать въ дѣло всѣхъ католиковъ, особенно іезуитовъ. Хотя это имъ не удалось, но они очень ловко воспользовались сдѣланными показаніями, чтобы получить согласіе народа на жестокія мѣры, которыя были потомъ приняты противъ католиковъ. Подробности слѣдствія и суда помѣщены въ собраніи англійскихъ «Государственныхъ процессовъ», гдѣ упоминается и о странной сценѣ, которую разыгралъ Дигби въ судѣ, когда ему прочли приговоръ *).

Кромѣ Дигби были казнены Гей Фоксъ, Робертъ и Томасъ Винтеры, Джонъ Грантъ, Томасъ Бетсъ, Амброзій Руквудъ и Робертъ Кейсъ. Въ началѣ февраля 1606 все было покончено. Но самое дѣло затянулось далѣе. Упомянутые выше (стр. 448) іезуиты и еще нѣсколько другихъ подвергались такому обращенію, какъ будто они были настоящіе преступники, и совершенно невинная масса католиковъ вообще преслѣдовалась съ такою яростью, что даже французскій король Генрихъ IV счелъ нужнымъ обратить вниманіе англійскаго правительства на неполитичность такого образа дѣйствій. Король Іаковъ не только оставилъ въ прежней силѣ всѣ жестокіе законы, изданные противъ католи-

---

*) State Trials, v. II, 194: „Upon the rising of the court sir Everard Digby bowing himself towards the lords said: If I may but hear one of you forgive me, I shall go more chearfully to the gallows. Whereunto the lords said: God forgive you, and we do.“ (На порогѣ палаты сэръ Эверардъ Дигби поклонился лордамъ и сказалъ: Если бы я услышалъ, что вы прощаете мнѣ, я весело пошелъ бы на висѣлицу, и лорды сказали: Богъ проститъ васъ и мы тоже.

ковъ при Елисаветѣ, но и усилилъ ихъ, не разбирая, согласно ли это съ конституціей. Мы приведемъ лишь нѣсколько изъ тогдашнихъ распоряженій его. Во-первыхъ, католикамъ было запрещено являться ко двору; они должны были жить никакъ не ближе 10 англійскихъ миль отъ резиденціи короля или отъ Лондона; они не могли удаляться отъ своего мѣста жительства ни въ какомъ случаѣ далѣе пяти миль безъ паспорта, подписаннаго четырьмя мировыми судьями. Во-вторыхъ, они не могли служить ни хирургами, ни врачами, ни адвокатами, ни судьями и судейскими писцами, ни вообще брать на себя какую-либо иную должность, административное или судебное занятіе. Въ-третьихъ, мужъ и жена, обвѣнчанные по-католически, не могли наслѣдовать другъ другу, если не повѣнчаются протестантскимъ священникомъ; за каждаго ребенка, некрещеннаго по-протестантски по крайней мѣрѣ черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія, полагалось сто фунтовъ штрафа; если католика погребали не на протестанскомъ кладбищѣ, семейство его подлежало двадцати фунтамъ штрафа. Въ-четвертыхъ, ребенокъ, воспитанный внѣ Англіи, терялъ черезъ это право на полученіе въ Англіи наслѣдства, которое переходитъ тогда къ ближайшимъ родственникамъ. Въ-пятыхъ, всякій рекузантъ, т. е. всякій, кто не принадлежитъ къ англійской церкви, считается какъ бы отлученнымъ; книги его, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ богослуженію или къ религіи, должны быть сожжены; лошадей и оружіе онъ долженъ немедленно выдавать по требованію сосѣднихъ мировыхъ судей. Въ-шестыхъ, было объявлено, что всѣ штрафы, наложенные за непосѣщеніе церкви, не только остаются въ силѣ, но и усиливаются. Мы ужъ не говоримъ о другихъ постановленіяхъ въ этомъ родѣ, напримѣръ, объ установленіи различія между католиками, признающими свѣтскія притязанія папы и не признающими ихъ, и о спорѣ по поводу присяги на подданство (oath of allegiance).

Эти жестокія и варварскія преслѣдованія, которыя Іаковъ затѣялъ противъ католиковъ съ согласія парламента, чтобы собирать съ нихъ неслыханныя денежныя пени, сдѣлали то, что Іа-

ковъ съ каждымъ днемъ становился упорнѣе въ своемъ самодержавіи и неспособнѣе управлять англичанами по законамъ, а не по произволу. Поэтому споръ, возникшій тотчасъ по вступленіи его на престолъ между нимъ и парламентомъ, съ 1606, а особенно по смерти Роберта Сесиля (1612), принималъ все болѣе и болѣе характеръ революціоннаго движенія. Этотъ споръ касался нарушенія конституціи и составлялъ прологъ революціи. Іаковъ, какъ извѣстно, въ первомъ же парламентѣ своемъ встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе. Второй парламентъ такъ грозно потребовалъ отмѣны вопіющихъ злоупотребленій, что министрамъ пришлось обманывать его ложными обѣщаніями, чтобы получить денежную помощь. Чтобы не спорить больше съ парламентомъ изъ-за денегъ, король вслѣдъ затѣмъ прибѣгнулъ къ произвольному грабежу католиковъ наложеніемъ на нихъ незаконныхъ и вопіющихъ пеней. Преслѣдованіе католиковъ съ 1604 по 1606 занимало фанатизмъ англичанъ и отвлекало ихъ вниманіе отъ правленія короля, которое становилось все болѣе и болѣе произвольнымъ. Не имѣя возможности добиться денегъ отъ парламента, Іаковъ уже началъ прибѣгать къ тиранической мѣрѣ наложенія набавочной (additional) пошлины почти на всѣ ввозные товары. Съ 1608 по 1610 онъ пробовалъ управлять государствомъ безъ парламента; но недостатокъ въ деньгахъ, слѣдствіе его безумнаго мотовства, заставилъ его уже въ февралѣ 1610 созвать парламентъ и наружно подчиниться его волѣ. Тѣмъ не менѣе, и этотъ парламентъ былъ распущенъ безъ всякихъ результатовъ.

XIV. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ

ОБЪ ОБРАЗОВАННОСТИ И ЛИТЕРАТУРѢ XVI СТОЛѢТІЯ.

---

1. Вступительныя замѣчанія.

Въ двухъ предшествующихъ томахъ (т. XI, стр. 410 и слѣд., и XII, стр. 427 и слѣд.) мы сказали о литературѣ и образованности XVI столѣтія все, что казалось намъ необходимымъ для нашей цѣли. Намъ остается только сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о Монтанѣ и о «Satyre Menippée», которая представляетъ важное явленіе въ политической и религіозной исторіи Франціи во времена Генриха IV. Но прежде чѣмъ мы остановимся на нихъ, мы должны бросить бѣглый взглядъ на испанскую и англійскую литературу XVI столѣтія. Еще разъ повторяемъ, что мы вовсе не имѣемъ въ виду писать исторію литературы, поэзіи и исторіографіи въ собственномъ смыслѣ Если бы таково было наше намѣреніе, намъ слѣдовало бы говорить такъ же объ испанскихъ и англійскихъ народныхъ писателяхъ, какъ мы говорили объ итальянскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ. Мы должны были бы поступить такъ въ отношеніи XVI вѣка, потому что тогда англійскіе и испанскіе драматическіе поэты создали новый родъ

драмы, совершенно неизвѣстный древнимъ, а, стало быть, и школѣ Аристотеля. Этихъ родоначальниковъ новой драмы нельзя, по нашему мнѣнію, пройти молчаніемъ, какъ позднѣйшихъ итальянскихъ поэтовъ, слѣдовавшихъ за Тассо, Гварини и Марино, которыхъ читали только ихъ современники-земляки. Напротивъ, драматическимъ поэтамъ Англіи и Испаніи удивлялась вся Европа. Въ Германіи Шекспира ставятъ на ряду съ Дантомъ, а нѣмецкіе романтики равняютъ Лопе де Вегу и Кальдерона съ величайшими трагиками грековъ. Не имѣя сказать здѣсь о нѣмецкой литературѣ ничего такого, что не нашлось бы въ любомъ руководствѣ, мы считаемъ умѣстнымъ посвятить нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній этимъ англійскимъ и испанскимъ драматическимъ писателямъ. Это кажется намъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ слѣдующемъ томѣ мы почти исключительно будемъ говорить о французской литературѣ XVII столѣтія, сдѣлавшейся общимъ достояніемъ Европы.

2. Испанская поэзія въ XVI вѣкѣ.

Время правленія испанскаго короля Карла I (V), и трехъ ближайшихъ преемниковъ его, Филиппа II, Филиппа III и Филиппа IV было богато замѣчательными оригинальными писателями, которые имѣли большое вліяніе на французскихъ и на англійскихъ авторовъ. Указывать на это вліяніе въ частностяхъ мы не можемъ; это завело бы насъ слишкомъ далеко, да притомъ намъ нельзя было бы привести необходимыхъ подробностей объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, которыя могутъ принести пользу читателю, если бы даже наши общіе выводы были несовсѣмъ вѣрны. Намъ приходится, значитъ, ограничиться общими указаніями на ходъ и направленіе вполнѣ оригинальной испанской литературы послѣдней половины XVI столѣтія.

Оставаясь при изложеніи общаго, мы можемъ пройти молчаніемъ поэтическій и романтическій періодъ Испаніи, когда мавры

соперничали съ испанцами, и у поэзіи было Испаніи три языка. Напротивъ, намъ нельзя не упомянуть, что испанцы еще въ XIII и XIV вѣкахъ достигли той степени развитія, на которую французы стали только въ XVI, а нѣмцы только въ XVII столѣтіи. Уже въ царствованіе кастильскаго короля Фердинанда III или Святаго, умершаго въ 1252 г., все законодательство, судопроизводство и все веденіе дѣлъ были очищены отъ латинскаго элемента, и всѣ государственныя дѣла и отношенія частныхъ лицъ обсуждались и излагались на кастильскомъ языкѣ. Такимъ образомъ въ Испаніи съ раннихъ поръ образованіе было одно для всѣхъ, а не распадалось, какъ по сю сторону Пиренеевъ, на ученое и частно-гражданское.

Торговля, промышленость, мореплаваніе и ревностное соперничество, съ какимъ испанцы и португальцы открывали и покоряли неизвѣстныя древнимъ земли и моря, все это возбудило всеобщее одушевленіе въ обоихъ народахъ въ царствованіе Карла I и Филиппа II. Величіе предпріятій Филиппа II, какъ ни несчастны были ихъ послѣдствія, развило въ испанцахъ и португальцахъ особенную гордость и самонадѣянность, которыя сдѣлали эти народы непріятными для другихъ націй, но за то ихъ самихъ подвигали на великія дѣла. Національное одушевленіе и удивленіе, возбужденное подвигами испанцевъ и португальцевъ въ теченіе XVI столѣтія, выразились въ двухъ эпическихъ поэмахъ временъ Филиппа II — «Лузіадѣ» Камоэнса и «Арауканѣ» Эрсильи.

Эпическая поэма португальца Камоэнса нашла, вѣроятно, много поклонниковъ между нѣмцами нашего времени, потому что въ теченіе нынѣшняго столѣтія «Лузіада» явилась въ трехъ поэтическихъ нѣмецкихъ переводахъ. Поэма Камоэнса имѣетъ, какъ «Фарсалія» Лукана, важный историческій интересъ, но именно отъ этого много теряетъ въ поэтическомъ отношеніи. Это было бы вполнѣ понятно, если бы мы показали, какъ неловокъ былъ Камоэнсъ въ томъ, что́ называютъ эпическимъ построеніемъ. Всѣмъ понятны живые боги Гомера; дьяволъ, являю-

щійся у Мильтона и Клопштока, существовалъ, по крайней мѣрѣ, въ христіанской догматикѣ; но Камоэнсъ не могъ воскресить языческія божества къ жизни въ предѣлахъ страны, дарованной португальцамъ папою. Фактическая правда придаетъ, впрочемъ, жизнь португальской поэмѣ, и у автора ея мы находимъ взгляды и понятія, которыхъ напрасно стали бы искать въ Португаліи теперь. Разумѣется, «Лузіада» принадлежитъ къ декламаторскому и искусственному роду поэзіи; но, не смотря на всѣ ея недостатки, у ней два неоспоримыя достоинства: она является результатомъ собственныхъ и непосредственныхъ наблюденій поэта и даетъ намъ все, что авторъ обѣщалъ дать въ ней. Какъ извѣстно, поэтъ самъ видѣлъ всѣ страны, которыя описываетъ, какъ сцену подвиговъ своихъ соотечественниковъ, и въ Макао до сихъ поръ показываютъ мѣсто, гдѣ онъ любилъ сидѣть и обдумывать свои стихи. Что касается втораго достоинства португальской поэмы, то она считается по крайней мѣрѣ поэтическимъ произведеніемъ, чего нельзя сказать про испанскую поэму. Въ особенности французы, по своему обыкновенію смѣшивать риторику и поэзію, превознесли «Лузіаду» съ голоса Вольтера до небесъ, и многіе изъ умнѣйшихъ писателей ихъ старались превзойти другъ друга въ переводѣ ея. Конечно, перевести «Лузіаду» на французскій языкъ легче, чѣмъ Гомера. Оттого-то Камоэнсъ и оказалъ своимъ соотечественникамъ безсмертную услугу въ распространеніи и сохраненіи для потомства славы ихъ подвиговъ, и такимъ образомъ вполнѣ достигъ своей главной цѣли.

Этого нельзя въ равной степени сказать объ испанцѣ А л о н з о д е Э р с и л ь я и С у н ь и г а, который въ то же время хотѣлъ увѣковѣчить своею поэмою подвиги испанцевъ въ Америкѣ. Самый выборъ сюжета былъ неудаченъ. Въ то время, какъ Камоэнсъ прославлялъ борьбу горсти португальцевъ съ опасностями невѣдомаго имъ моря, съ бурями и съ народами цѣлой части свѣта, Эрсилья воспѣвалъ битву испанцевъ съ храбрыми араукапами въ долинахъ Перу. И самый образецъ

подражанія былъ выбранъ Эрсильею не такъ удачно, какъ Камоэнсомъ; образцомъ послѣдняго былъ Виргилій и римская поэзія, болѣе риторическая и декламаторская, чѣмъ геніальная, а образцомъ Эрсильи былъ, напротивъ, оригинальный Аріосто. Чтобы видѣть, до какой степени Эрсилья старался приблизиться къ оригинальности Аріоста, стоитъ только сличить начало и заключеніе отдѣльныхъ строфъ его поэмы съ октавами «Неистоваго Роланда». Эрсилья сдѣлалъ двойную ошибку, такъ какъ описанная имъ война происходила въ его время, и онъ самъ былъ въ ней дѣйствующимъ лицомъ. Онъ не прославилъ свою націю этою поэмою, какъ Камоэнсъ; но испанцы гордятся «Арауканой» по другой причинѣ. Какъ извѣстно, всѣ европейскія поэзіи воображали, что имъ необходимо имѣть образцовыя произведенія во всѣхъ родахъ поэзіи древнихъ, что у каждой долженъ быть свой Гомеръ, Эсхилъ, Пиндаръ, Анакреонъ и т. д. Испанцы видѣли въ Эрсильѣ своего Гомера. Онъ создалъ для Испаніи героическую эпопею, которая была обработана по чужестраннымъ образцамъ и вполнѣ правильна, хотя убійственно растянута.

У соотечественниковъ Эрсильи давно уже былъ народный эпосъ въ безчисленныхъ пѣсняхъ о Сидѣ; эти пѣсни не представляютъ одного стройнаго и законченнаго цѣлаго, но онѣ созданы въ національной формѣ и проникнуты духомъ народа и страны. Эрсилья явился, стало быть, не слишкомъ поздно. Это для насъ, впрочемъ, неважно, и мы хотѣли только замѣтить, что даже Испанія и Португалія въ періодъ своего процвѣтанія подчинялись почерпнутой у древнихъ и возрожденной въ Италіи цивилизаціи, можетъ быть, во вредъ своей собственной. Впрочемъ, «Араукана» Эрсильи, какъ и «Лузіада» Камоэнса, представляетъ нѣкоторый интересъ тѣмъ, что авторъ ея былъ участникомъ въ описываемыхъ имъ событіяхъ. Само по себѣ война испанскаго войска въ долинахъ и горахъ Перу, покореніе Арауканской страны, побѣда надъ народомъ, сражающимся за свою свободу, и вплетенныя мѣстами въ поэму поэтическіе

комплименты Филиппу II — все это не можетъ имѣть для насъ ничего привлекательнаго; все это тѣмъ менѣе поэтично, что поэма страшно растянута.

Очевидно, что испанцы всего сильнѣе въ романтическомъ, лирическомъ и драматическомъ родахъ поэзіи. О двухъ первыхъ мы совершенно умалчиваемъ; напротивъ, драму испанцевъ мы не можемъ пройти молчаніемъ, потому что испанскій театръ XVI и XVII столѣтій имѣлъ большое вліяніе на театръ французовъ и англичанъ. Подобно итальянцамъ XVI столѣтія, когда вся древняя литература пересаживалась въ новую жизнь, испанцы пытались сначала привить у себя античную драму. Но эти попытки не могли удаться. Поэты упускали изъ виду, что театръ грековъ былъ тѣсно связанъ съ ихъ древнею исторіею, генеалогіею и миѳологіею, съ демократіею, праздниками и торжествами греческой націи, и что даже римляне, у которыхъ было гораздо болѣе общаго съ греками, чѣмъ у новыхъ народовъ, не могли произвести ничего оригинальнаго. Послѣ напрасныхъ попытокъ Фернандо Переса де Оливы въ XVI вѣкѣ усвоить испанцамъ трагедію древнихъ, испанцы въ концѣ этого столѣтія бросили античную форму трагедіи, и только когда стали соображаться съ суевѣріемъ и предразсудками своей націи, у нихъ возникла оригинальная драматическая поэзія. Впрочемъ Пересъ де Олива написалъ обѣ трагедіи свои, «Месть Агамемнона» и «Жалобы Гекубы», въ прозѣ; тѣмъ не менѣе въ нихъ больше буквально переведенныхъ мѣстъ изъ Софокла и Еврипида, чѣмъ собственнаго творчества. Поэтому Олива могъ имѣть только временное значеніе. Будучи мало знакомы съ испанскимъ театромъ, мы противъ своего обыкновенія послѣдуемъ Андресу и другимъ испанскимъ писателямъ. Они говорятъ, что Молара, Куэва и Бермудесъ, шедшіе по стопамъ Оливы, болѣе приблизились къ древнимъ, потому что писали стихами, но что и въ стихахъ имъ посчастливилось немногимъ больше, чѣмъ Оливѣ въ прозѣ.

Удачнѣе названныхъ поэтовъ въ трагедіи, дѣйствовалъ Лопе ди Руэда въ области комедіи. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ Сервантесъ, свидѣтельство котораго, кажется намъ стоитъ довѣрія. Если Сервантесъ и могъ быть національно пристрастенъ, за то зналъ толкъ въ истинно комическомъ. Лопе ди Руэда былъ, впрочемъ, только предшественникомъ настоящаго творца испанскаго театра. То былъ Лопе Феликсъ де Вега Карпіо, который, не обращая вниманія на правила и образцы древнихъ, создалъ для испанцевъ всѣхъ сословій національно-христіанскій родъ сценическихъ представленій, гдѣ трагическій элементъ смѣшанъ съ комическимъ. Онъ не думалъ о единствѣ, о внутренней связи, о строгомъ изображеніи характеровъ. Его пьесы, въ которыхъ сходятся самые разнообразные роды поэзіи, похожи скорѣе на импровизированныя безъ связи сцены то комическаго, то трагическаго характера. Оттого главными его достоинствами считаютъ легкость изобрѣтенія и версификаціи. Такимъ образомъ испанская нація уже въ XVI, а еще болѣе въ XVII столѣтіи стала такъ же богата драмами, какъ и боями быковъ. Испанцы хвалятся, что у нихъ не менѣе 24,000 комедій. Это и понятно, потому что здѣсь разумѣются не правильныя произведенія; со времени Лопе де Веги драматическія представленія испанцевъ раздѣлялись на духовныя и свѣтскія комедіи, на небольшіе прологи и рекомендаціи (Loas), на интермедіи (Entremeses), одинъ родъ которыхъ (Sagnetes) сопровождался музыкой и танцами. Духовная комедія состояла изъ драматизованныхъ житій святыхъ и изъ церковныхъ мистерій (Autos sacramentales), которыя касались преимущественно католическаго ученія о вещественномъ присутствіи тѣла Христова въ причастіи. Послѣдній родъ пьесъ особенно придалъ Лопе де Вегѣ значеніе въ этомъ столѣтіи въ глазахъ испанцевъ и ихъ духовенства. Онъ умѣлъ, не впадая въ пошлость, пользоваться чудесами и легендами, какъ древніе пользовались своею миѳологіею. По смерти жены своей онъ вступилъ въ монастырь, принялъ посвященіе и превосходно

соединялъ лукавый сарказмъ съ религіознымъ энтузіазмомъ; это такъ же мало смущало его земляковъ, какъ нѣмцевъ проповѣди ихъ Абрагама а Санта Клара. Испанскіе гранды боготворили Лопе, и даже Сервантесъ называетъ его чудомъ міра. Духовная коллегія въ Мадридѣ, куда онъ вступилъ, избрала его своимъ предсѣдателемъ; папа Урбанъ VIII прислалъ ему мальтійскій крестъ, произвелъ его въ доктора богословія и назначилъ апостолическимъ папскимъ фискаломъ; инквизиція въ уваженіе его рвенія къ католической вѣрѣ приняла его въ свои члены; народъ благоговѣлъ передъ нимъ всюду, куда онъ являлся.

Изъ самой сущности этихъ духовныхъ представленій, приноровленныхъ къ испанскому вкусу, видно, что въ нихъ нѣтъ никакой завязки, никакой внутренней связи. И въ свѣтскихъ пьесахъ испанцы искали не содержанія, а ума и остроумія, въ которыхъ, конечно, не было недостатка; о правдоподобіи же не спрашивали. Эти свѣтскія пьесы, не говоря о другихъ родахъ, приближались или къ высоко-трагическому, и тогда назывались героическими комедіями (comedias heroicas), или же были такъ называемыя пьесы «Съ плащемъ и шпагою». Вдаваться въ подробности здѣсь неумѣстно. Мы говорили нѣсколько обстоятельнѣе единственно съ тѣмъ, чтобы читателю было ясно, почему испанцы называютъ Лопе творцомъ всей ихъ пестрой, разнообразной и изумительно богатой драматической литературы.

Сервантесъ де Сааведра, принадлежащій, подобно Лопе де Вегѣ, къ XVI и XVII столѣтіямъ и обезсмертившій себя своимъ сатирическимъ романомъ «Донъ-Кихотъ де ла-Манча», тоже писалъ комедіи во вкусѣ Лопе, но не составилъ эпохи, подобно ему. Переводы и похвалы нѣмецкихъ романтическихъ критиковъ наиболѣе прославили въ Германіи одного драматическаго поэта XVII столѣтія, о которомъ мы должны упомянуть, какъ о писателѣ, подвинувшемъ испанскій театръ послѣ Лопе и его современниковъ. То былъ умершій въ 1687 г. поэтъ Кальде-

ронъ де ла-Барка. Пьесы его составляютъ много томовъ, и въ романтическій періодъ Шлегелей, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, очень читались нѣмцами, которые и въ литературѣ, какъ въ жизни, стараются не отставать отъ моды. Кальдеронъ вновь возвратился къ правильности, на сколько это было возможно для испанской натуры; говоря иначе, онъ руководился не одними случайными прихотями и настроеніемъ минуты. Онъ пытался также удовлетворить потребности тѣхъ, кто ищетъ въ театрѣ не одного развлеченія и препровожденія времени, а художественнаго изображенія жизни и человѣческихъ характеровъ. Кальдеронъ завязываетъ и развязываетъ узелъ происшествій; онъ беретъ въ основу интригу и старается выдерживать характеры лицъ. Какъ онъ, такъ и послѣдователи его, все еще далеки отъ той правильности, отъ того порядка, которыхъ требуетъ французская и нѣмецкая публика; но все-таки онъ по праву считается идеаломъ драматическаго вкуса и исправителемъ испанскаго театра, основаннаго Лопе.

3. Англійская литература въ XVI столѣтіи.

Мы можемъ ограничиться и объ англійской литературѣ лишь такими же общими замѣчаніями, какъ объ испанской, такъ какъ до половины XVIII вѣка вліяніе ихъ на образованность жителей континента было одинаково незначительно. Обойти полнымъ молчаніемъ англійскую литературу елисаветинскаго времени мы не можемъ уже потому, что это время обыкновенно восхваляется выше мѣры и считается англичанами ихъ золотымъ или перикловымъ вѣкомъ. Это мнѣніе совершенно неосновательно; но справедливо, что въ это время англичане пытались создать совершенно новую литературу, основанную на изученіи древнихъ и итальянцевъ. Это признаетъ и Генри Галламъ въ своей «Исторіи литературы XV, XVI и XVII столѣтій». Періодъ съ 1550 по 1600 г. онъ называетъ временемъ возникновенія по-

вѣйшей англійской литературы и связываетъ ее съ литературою провенсаловъ, итальянцевъ и испанцевъ. Чтобы указать начатки національной англійской поэзіи или, лучше сказать, поэзіи на англійскомъ языкѣ, мы должны упомянуть о Джефри Чосерѣ, который умеръ въ 1405 г. въ Оксфордѣ. Этотъ поэтъ первый пошелъ по направленію, которое было потомъ оставлено и вновь возникло лишь въ вѣкъ Елисаветы.

По мнѣнію англичанъ, Чосеръ далъ господство множеству латинскихъ и французскихъ словъ для обозначенія понятій и ощущеній, для которыхъ въ англійскомъ языкѣ не было до него соотвѣтствующаго выраженія. Это было, впрочемъ, очень легко при той системѣ, по которой образовался англійскій языкъ. Чосеръ получилъ въ Англіи основательное философское и математическое образованіе, и Эдуардъ III причислилъ его къ посольству, отправлявшемуся въ Генуя. Это было какъ разъ въ то время, когда по слѣдамъ Данте Боккачіо, Петрарка и ихъ друзья озаряли мракъ среднихъ вѣковъ изученіемъ древнихъ и возбуждали въ Европѣ общее удивленіе, какъ творцы новой литературы. Свѣдѣнія Берингтона (Berington's «Literary History of the middle-ages», Lond., 1844, pag. 447) о пребываніи Чосера въ Италіи очень неполны. Онъ не знаетъ повода къ его поѣздкѣ въ Генуу и оставляетъ нерѣшеннымъ, встрѣчался ли Чосеръ съ Боккачіо. Вѣрно то, что Чосеръ въ Генуѣ лично познакомился съ Петраркой и сопровождалъ его въ дальнѣйшемъ путешествіи. Воодушевленный Петраркою, Чосеръ поѣхалъ во Францію, изучалъ провенсальскихъ поэтовъ, труверовъ и трубадуровъ и содѣйствовалъ при англійскомъ дворѣ развитію стихотворства въ сочиненіи сонетовъ, особенно же той погонѣ за аллегоріями и за образами языческой миѳологіи, которая еще при Елисаветѣ препятствовала успѣхамъ истинной образованности. Переводы его изъ итальянскихъ писателей, съ которыми онъ познакомился, были, собственно говоря, передѣлки. Къ нимъ принадлежала между прочимъ «Тезеида» Боккачіо, которой онъ далъ другое заглавіе («The Knights Tale»).

«Троилъ и Крениада» его есть продолженіе «Филострата» Боккачіо. Чосеръ трудился также надъ романтическими стихотвореніями французовъ: онъ перевелъ «Романъ Розы» Гильйома Лорриса («The Romaunt of the Rose»). Въ прочихъ его произведеніяхъ мы видимъ основу, взятую у другихъ поэтовъ. Для своего столь восхваляемаго «Храма Славы» («The House of Fame») онъ пользовался различными провенсальскими стихотвореніями.

Берингтонъ, читавшій Чосера — чего мы не можемъ сказать про себя — очень ограничиваетъ чрезмѣрныя похвалы ему своихъ земляковъ. Впрочемъ, судя по его, мимоходомъ выраженному, мнѣнію о Данте, онъ едва ли способенъ къ безпристрастному сужденію о романтической поэзіи. «Сказать правду, — говоритъ онъ, — мы, англичане, читаемъ Чосера не столько ради его поэзіи, сколько потому, что онъ представляетъ въ своихъ стихахъ вѣрную картину своего времени и наглядно знакомитъ насъ съ обычаями, нравами и обстоятельствами своихъ современниковъ.» Джонсонъ, напротивъ, восхваляетъ Чосера, какъ образецъ версификаціи, какъ искуснаго стихотворца и заключаетъ свое сужденіе словами: «Чосеръ можетъ по праву быть названъ первымъ изъ англичанъ, писавшихъ дѣйствительно поэтически (poetically)». Но Чосеръ ничего самъ не создалъ. Самыя повѣсти его въ стихахъ, пользующіяся такою славою («Canterbury tales»), не что иное, какъ подражаніе «Декамерону» Боккачіо. Какъ итальянскій новеллистъ, Чосеръ позволяетъ себѣ шутки, при которыхъ не мѣшаетъ вспомнить, что не дальше какъ предшествовавшее намъ поколѣніе нѣмцевъ при обрученіяхъ, свадьбахъ, крестинахъ, вечеринкахъ и тому подобныхъ случаяхъ допускало шутки, которыхъ теперь посовѣстится всякій порядочный человѣкъ.

Еще Берингтонъ замѣтилъ, что Чосеръ при всемъ своемъ желаніи и большомъ талантѣ не могъ сдѣлать для Англіи того, что сдѣлали друзья его, Боккачіо и Петрарка, для Италіи. Галламъ думаетъ, что мечтательность во вкусѣ Петрарки и страсть

къ сонетамъ, какъ впослѣдствіи кальвинистская строгость и рефлективная философія первыхъ реформаторовъ, еще въ первой половинѣ XVI столѣтія сдерживали у англичанъ въ поэзіи и въ прозѣ всякое свободное движеніе и всякій свободный взглядъ на жизнь. Мы присовокупимъ къ этому, что при такихъ государяхъ, какъ Генрихъ VII и Генрихъ VIII, правительство не могло ни на волосъ содѣйствовать свободной умственной дѣятельности, что царствованіе Эдуарда VI было слишкомъ кратко, а при Маріи жестоко преслѣдовалось всякое образованіе. Старанія Елисаветы объ умственномъ образованіи мы не ставимъ такъ высоко, какъ большинство историковъ; ея ученость была педантична, а ея игра въ аллегоріи и миѳологію нелѣпа. Но при ней частныя лица съ состояніемъ и желаніемъ дѣятельности почувствовали себя мало-по-малу свободными и стали искать образованія и всякаго рода познаній частью по внутренней потребности, частью же для того, чтобы съ толкомъ вести борьбу съ правительствомъ за политическую и религіозную свободу. Тогда многіе англійскіе поэты пошли наконецъ по стопамъ Чосера. Къ числу ихъ принадлежитъ и извѣстный уже намъ подъ именемъ лорда Бокгёрста — Томасъ Секвиль, котораго Елисавета заключила въ тюрьму за то, что онъ, возвратясь изъ Голландіи, куда былъ посланъ для наблюденія за графомъ Лейстеромъ, прочелъ ей въ тайномъ совѣтѣ жалобы на него голландскихъ чиновъ (стр. 256). Онъ былъ впослѣдствіи сдѣланъ графомъ Дорсетомъ и государственнымъ казначеемъ (lord high-treasurer) Англіи. Онъ писалъ стихи, только пока именовался просто Томасомъ Секвилемъ, и, вѣроятно, ему не трудно было отказаться отъ того ученаго рода стихотворства, какимъ онъ занимался. Галламъ другаго мнѣнія; поэтому мы прибавимъ нѣсколько замѣчаній для объясненія, какимъ образомъ Томасъ Секвиль старался возвысить и улучшить англійскую поэзію подражаніемъ поэзіи юга по примѣру Чосера.

Секвиль писалъ въ аллегорическомъ родѣ, какъ и преемникъ его Спенсеръ, почитаемый въ Англіи творцемъ художественной поэзіи. Въ главномъ произведеніи своемъ подъ заглавіемъ: «Зеркало людей въ общественныхъ должностяхъ» («Mirroir for magistrates»), онъ взялъ въ образецъ книгу Боккачіо «De casibus virorum illustrium». Въ этомъ сочиненіи Печаль (въ томъ и состоитъ аллегорія) ведетъ его ко вратамъ ада, и тамъ каждый несчастный разсказываетъ ему свою исторію, большею частью очень сухо. Сухость отдѣльныхъ частей происходитъ, вѣроятно, отъ того, что самъ Секвиль написалъ собственно только планъ, введеніе (introduction) и одну біографію; все остальное принадлежитъ другимъ, которые умѣли только подбирать стихъ къ стиху. Впрочемъ, и самому автору плана поэмы было бы невозможно обработать его поэтически, потому что въ нее должны были войти всѣ знаменитые несчастные люди Англіи со времени норманскаго завоеванія до конца XIV столѣтія. При оцѣнкѣ этого произведенія Секвиля все зависитъ отъ того, какую цѣну придаетъ критикъ аллегоріямъ, на которыхъ построена и держится вся поэма. Галламъ хвалитъ ту часть труда, которая исполнена самимъ Секвилемъ, т. е. введеніе, или прологъ аллегорическихъ монологовъ и жизнь перваго лорда Бокингема. Мы приведемъ буквально его слова, чтобы показать, что и Галламъ видитъ начатки новой англійской поэзіи только въ Чосерѣ и затѣмъ, послѣ долгаго промежутка, въ Секвилѣ и Спенсерѣ. «Введеніе, говоритъ Галламъ, всего лучше доказываетъ поэтическое дарованіе Секвиля. Оно оживлено, какъ большая часть нашихъ прежнихъ стихотвореній, рядомъ аллегорическихъ лицъ; но онъ рисуетъ ихъ съ такимъ богатствомъ воображенія, съ такою жизненною полнотою и такимъ энергическимъ языкомъ, что никто изъ предшественниковъ Секвиля не можетъ въ этомъ сравниться съ нимъ, и это введеніе можно поставить на ряду только съ самыми удачными поэтическими мѣстами Спенсера. В в е д е н і е С е к в и л я п р е д с т а в л я е т ъ с в я-

зующее звено цѣпи, соединяющей школу Чосера и Лейдгета съ Царицею Фей Спенсера.» Впрочемъ, и Галламъ справедливо признается, что никому и въ голову не можетъ придти предпочесть даже удачнѣйшія мѣста Секвиля тѣмъ мѣстамъ въ Чосерѣ, гдѣ онъ дѣйствительно оригиналенъ. Къ тому же, по словамъ Галлама, было бы въ высшей степени несправедливо сравнивать немногіе стихи «Введенія» Секвиля съ большими поэмами Чосера, полными движенія и разнообразія. «Введеніе» состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ сотъ стиховъ, но и въ нихъ выражается столько монотонной грусти и мрачнаго унынія, что ни въ какомъ случаѣ нельзя желать, чтобы оно было объемистѣе.

Эдмондъ Спенсеръ, начавшій писать, когда Секвиль сталъ уже важнымъ лордомъ и бросилъ стихотворство, нашелъ тонъ и манеру, пришедшіеся по вкусу его націи, и признается всѣми и высоко цѣнится, какъ творецъ истинно-англійской поэзіи. Онъ сначала обратилъ на себя вниманіе своими сонетами. Въ нихъ, какъ и въ позднѣйшихъ пастушескихъ своихъ стихотвореніяхъ, онъ подражалъ итальянцамъ и испанцамъ, которые и тогда уже доходили почти до смѣшнаго и нелѣпаго въ этихъ родахъ поэзіи. Правда, Спенсеръ умѣлъ избѣгнуть въ своихъ пастушескихъ стихотвореніяхъ той пересоленной утонченности, въ какую впали уже Тассо въ своемъ «Аминтѣ», а потомъ Гварини въ своемъ «Pastor Fido» (т. XII, стр. 430 и 431); но за то его упрекаютъ, что онъ впалъ въ другую крайность — слишкомъ простонародную тривіальность. Тѣмъ не менѣе въ 1579 г. Спенсеръ имѣлъ въ Англіи огромный успѣхъ, когда издалъ свой «Пастушескій Календарь» («The Shepherd's Calendar»), въ которомъ всѣхъ поразила особенно оригинальная постройка стихотворенія. По нашему мнѣнію, въ этой постройкѣ больше причудливости, чѣмъ таланта; поэтому мы согласны съ мнѣніемъ англичанъ, которые въ «Пастушескомъ Календарѣ» и въ позднѣйшей «Царицѣ Фей» находятъ, за исключеніемъ развѣ языка, мастерскими и истинно-поэтиче-

скими только частности, а въ цѣломъ лишь много педантства и подражанія аллегоріямъ и изысканности южныхъ поэтовъ, которыхъ Спенсеръ предпочиталъ древнимъ, особенно грекамъ. «Пастушескій Календарь» толкуетъ о несчастной любви Спенсера къ какой-то Розалиндѣ, которую поэтъ воспѣвалъ и раньше, какъ Петрарка свою Лауру, во множествѣ платоническихъ и меланхолическихъ сонетовъ. Онъ хотѣлъ, какъ видно изъ самаго заглавія «Пастушескаго Календаря», поэтически выразить отъ лица пастуха свои чувства къ Розалиндѣ и жалобы свои на ея непреклонность, во вкусѣ провенсальскихъ поэтовъ, въ 12 идилліяхъ, по числу мѣсяцевъ въ году. Но кромѣ того, онъ помѣстилъ въ своемъ «Пастушескомъ Календарѣ» разныя сентенціи и аллегорическія сатиры на тупоумное, распущенное и бранчливое духовенство своего времени. Кромѣ того, онъ украсилъ и распространилъ романтическое содержаніе поэмы изображеніями природы, расположенными по мѣсяцамъ и временамъ года. Именно въ этихъ-то частностяхъ Спенсеръ, какъ утверждаютъ (мы тутъ не судьи), проявилъ силу и разнообразіе своего таланта, которыя англичане такъ восхваляютъ въ немъ и за которыя пользуются имъ какъ источникомъ. Послѣднее происходитъ отъ того, что изъ англичанъ лишь немногіе могутъ пользоваться поэтами романтическаго времени и ихъ первыми учениками, потому что языкъ, на которомъ они писали, совершенно измѣнился. Спенсеръ счастливо миновалъ подводный камень, о который такъ печально разбились Тассо, Гварини, Марино и ихъ безчисленные подражатели въ Германіи, идеализовавшіе пастуховъ, ихъ бытъ и языкъ. То, что̀ теперь часто кажется грубымъ въ его языкѣ и тонѣ, зависитъ отъ разницы между такимъ твердымъ и сильнымъ временемъ, какимъ было время Спенсера, и нашимъ изнѣженнымъ и избалованнымъ вѣкомъ. Галламъ чрезвычайно восхваляетъ также написанное Спенсеромъ свадебное стихотвореніе, хотя самый сюжетъ его, по нашему мнѣнію, слишкомъ уже избитъ и опошленъ, ибо извѣстно, что до самаго XVIII столѣтія каждое бракосочетаніе вызывало оду или, лучше

сказать, цѣлый потокъ одъ и эпиталамъ. «Царица Фей» Спенсера причисляется донынѣ всѣми къ классическимъ произведеніямъ англійской поэзіи.

Три первыя книги поэмы «Царица Фей» вышли въ 1596 г., и онѣ уже отличались растянутостью: каждая состояла изъ 12 пѣсней. Но потомъ поэтъ прибавилъ къ нимъ еще три такія же длинныя книги. Разсказываютъ, что онъ сочинилъ и еще шесть книгъ, которыя потерялись по небрежности его слуги во время его путешествія изъ Ирландіи въ Англію; но это совершенно несправедливо. Эту поэму обыкновенно называютъ аллегорическою рыцарскою эпопеею, потому что Спенсеръ аллегорически изобразилъ, въ лицѣ ряда рыцарей, рядъ разныхъ добродѣтелей. На сколько можно вѣрить чужимъ сужденіямъ, достоинство этой странной эпопеи должно состоять въ обработкѣ частностей и въ поэтической силѣ изображенія, превосходящей всѣхъ поэтовъ кромѣ Шекспира; самый же планъ поэмы тривіаленъ и уже давно исчерпанъ южно-французскими поэтами. Волшебная царица Спенсера дѣлаетъ ежегодно пиръ, который длится двѣнадцать дней; въ каждый изъ этихъ дней царицѣ приносится по двѣнадцати жалобъ, и она посылаетъ двѣнадцать рыцарей для разбора этихъ жалобъ. Эти рыцари олицетворяютъ собою святость, умѣренность, цѣломудріе, правосудіе и т. д.; они испытываютъ разныя приключенія, доказываютъ въ нихъ свои добродѣтели и потомъ повѣствуютъ сами о своихъ побѣдахъ. Артуръ, главный герой поэмы, есть образецъ всѣхъ добродѣтелей, и другіе рыцари оказываютъ ему услуги, чтобы склонить къ нему царицу фей или принцессу Глоріану (честь и славу).

Войдя въ подробности, мы легко могли бы доказать, какъ эта поэма нелѣпа и педантична, хотя въ то же время отличается удивительно неистощимою силою воображенія и геніальностью. Но чтобы дать настоящее понятіе о поэмѣ, слѣдуетъ привести не остовъ ея, какъ мы сдѣлали, а отрывки, замѣчательныя по своей художественности, чего мы не можемъ да и не хотимъ сдѣлать. Мы сдѣлали это за-

мѣчаніе только для того, чтобы показать, почему мы обвиняемъ поэму Спенсера въ натянутости и въ то же время соглашаемся, что англичане могутъ быть правы, превознося Спенсера похвалами, которыя намъ, какъ врагамъ аллегорій и любителямъ ясности, кажутся слишкомъ преувеличенными. Надо притомъ быть, подобно англичанамъ, привычнымъ къ скучной формальности жизни, чтобы находить сносными это множество добродѣтельно-скучныхъ лицъ и эту кучу аллегорическихъ хитросплетеній. Это можно бы доказать, приведя изложеніе Галлама содержанія первой книги поэмы, которую онъ называетъ самостоятельнымъ и законченнымъ цѣлымъ; но мы не имѣемъ въ виду произносить приговоръ и не можемъ представить собственнаго разбора. Англичане не только сравниваютъ своего Спенсера съ Аріостомъ, но во многихъ отношеніяхъ предпочитаютъ его итальянскому поэту, приписываютъ ему болѣе богатства воображенія и творческой силы и ставятъ его вялые и медленные стансы на ряду съ легкими, быстрыми и пестро-мѣняющимися октавами Аріоста *). Въ длинномъ панегирикѣ Галлама намъ достаточно было бы одного замѣчанія, чтобы потерять охоту читать Спенсера. Галламъ говоритъ, что въ принцессѣ Глоріанѣ, которая является цѣпою всѣхъ добродѣтелей, аллегорически представленныхъ поэтомъ, онъ хотѣлъ изобразить далеко не прекрасную, далеко не добродѣтельную и далеко не цѣломудренную королеву Елисавету. Галламъ говоритъ: «Поэтъ самъ даетъ понять, что въ Глоріанѣ пред-

---

*) Чтобы показать національное пристрастіе англичанъ, мы приведемъ въ подлинникѣ восхваленія Галлама: „Spenser,—говоритъ онъ,—may be justly said to excel Ariosto in originality of invention (у Спенсера богословскіе, а у Аріосто естественные образы), in force and variety of character, in strength, fertility and vividness of conception and above all in that exclusively poetical cast of feeling, which discerns in every thing what common minds do not perceive“. Какіе фиміамы!! (Спенсеръ по справедливости превосходитъ Аріоста оригинальностью и воображеніемъ, силой и разнообразіемъ характеровъ, строгостью, плодовитостью и живостью замысла и особенно тѣмъ исключительнымъ поэтическимъ чувствомъ, которое подмѣчаетъ недоступное обыкновенному уму)

ставлена королева Елисавета, которая является въ его поэмѣ еще въ лицѣ прекрасной охотницы Бельфебеи. Льстивыя похвалы Спенсера красотѣ королевы, которой было уже за 50 или 60 лѣтъ, можно, конечно, извинить тѣмъ, что многіе великіе и мудрые люди смѣшными восхваленіями поддерживаютъ хорошее расположеніе духа въ короляхъ и князьяхъ, и что Спенсеръ былъ отъ природы склоненъ облекать въ фантастическія краски предметы своего поклоненія.» Какъ все это глупо! Панегиристъ Спенсера и самъ, впрочемъ, прибавляетъ: «Но его преувеличенная лесть далеко превосходитъ лесть итальянцевъ.» Впрочемъ, всякій англичанинъ долженъ согласиться, что эта мораль и эти рыцари и дамы, какихъ не существуетъ въ дѣйствительности, и страшная растянутость Спенсера способны утомить наконецъ и такого человѣка, который привыкъ и чувствуетъ потребность переносить вѣчныя повторенія англійской литургіи. Вѣдь и самъ Галламъ признается, что уже на второй книгѣ поэмы Спенсера видно, что онъ слишкомъ много полагается на свой творческій даръ и становится все слабѣе и слабѣе, пока подъ конецъ не падаетъ окончательно.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ англичанъ относительно всѣхъ другихъ родовъ англійской поэзіи XVI столѣтія, мы должны, однако, согласиться съ ними, что въ половинѣ XVII столѣтія они достигли высшей степени совершенства въ драматической поэзіи. Геній первой величины, Шекспиръ, можетъ быть, превзойденъ многими въ комизмѣ, но въ трагизмѣ остался донынѣ въ Англіи тѣмъ, чѣмъ былъ Гомеръ у Грековъ, Данте у итальянцевъ, Гёте у нѣмцевъ — идеаломъ геніальнаго поэта. Мы не рѣшаемся ни хвалить его достоинства, ни порицать его недостатковъ, потому что ни въ томъ, ни въ другомъ мы не судьи, и потому, что пьесы его читаются всѣми въ Германіи, какъ и въ Англіи. Систематикамъ нѣмцамъ, которые и Шекспира возводятъ въ систематическіе поэты, равно какъ и всѣмъ, кто впадаетъ у насъ въ слѣпое поклоненіе ему, мы думаемъ оказать услугу, приведя въ предостереженіе цитату изъ одной французской книги, попавшейся намъ въ руки, хотя и не безусловно

одобряемъ выраженія француза *). Въ трагическомъ родѣ Шекспиръ всегда останется единственнымъ; современники его, стоящіе на ряду съ нимъ въ комическомъ родѣ, въ трагическомъ не выдерживаютъ сравненія. Впрочемъ, ни Шекспиръ и ни одинъ изъ четырехъ современныхъ ему комиковъ, ни Бьюмонтъ, ни Флетчеръ, ни Джонсонъ, ни Мессинджеръ, не принадлежатъ къ эпохѣ царствованія Елисаветы. Шекспиръ умеръ въ 1616, Бьюмонтъ въ 1615, Флетчеръ, писавшій въ товариществѣ съ Бьюмонтомъ и постоянно упоминаемый нераздѣльно съ нимъ, въ 1625, Джонсонъ въ 1637, Мессинджеръ въ 1639 г.

На ряду съ великими драматическими поэтами донынѣ пользуется у англичанъ почетомъ еще одинъ человѣкъ, блиставшій при дворѣ Елисаветы. Онъ славится какъ писатель и образецъ своихъ современниковъ, какъ образователь языка и реформаторъ англійскаго стиля. Слава эта всегда удивляла насъ, и, насколько мы знакомы съ его произведеніями, мы не только не можемъ оправдать, но и понять ея. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ англичанъ, какъ соглашаемся относительно Шекспира, и преклоняться съ ними передъ вторымъ геніемъ ихъ; это было бы уже идолопоклонство, — и мы приведемъ только сначала мнѣніе англичанъ, а потомъ рѣзкое сужденіе одного нѣмецкаго литератора. Человѣкъ, о которомъ мы говоримъ, Филиппъ Сидней, одно изъ тѣхъ чудесъ міра, которыя еще въ дѣтствѣ возбуждаютъ удивленіе своею ученостью. Подобно Пико де Мирандолѣ онъ еще ребенкомъ публично состязался о разныхъ ученыхъ предметахъ съ ученѣйшими мужами въ Оксфордѣ, путешествовалъ потомъ по многимъ стра-

*) „Le culte de Shakespeare est vraiment une idolâtrie chez les Anglais, et comme toutes les idolâtries il a ses superstitions ridicules; mais les mystiques allemands ont encore renchéri sur ses concitoyens“. (Англичане, право, доходятъ до идолопоклонства въ поклоненіи Шекспиру, и, какъ всякое идолопоклонство, это поклоненіе—смѣшное суевѣріе; но нѣмецкіе мистики перещеголяли и согражданъ его)

намъ, долго жилъ въ Римѣ, во Франціи, въ Гейдельбергѣ и во Франкфуртѣ, двадцати одного года зналъ всѣ языки, былъ потомъ при дворѣ и занималъ важныя должности. Отъ главнаго произведенія такого человѣка слѣдовало бы ожидать многаго. Произведеніе это, на которое онъ употребилъ всѣ свои старанія, есть нѣчто въ родѣ романа и называется «Аркадіей». Галламъ, едва ли читавшій ее, говоритъ: «Сэръ Филиппъ Сидней былъ безспорно первый хорошій прозаическій писатель Англіи.» Чтобы доказать это, онъ цитируетъ другаго англійскаго критика, который рѣшается высказывать такія фразы: «Мы можемъ признать, что весь литературный характеръ этого времени сводится нѣкоторымъ образомъ на Сиднея и можетъ быть выведенъ изъ него. «Аркадія» дѣйствительно первая показала современникамъ стройный порядокъ и теченіе словъ и смѣлое ихъ употребленіе, искусное обращеніе съ языкомъ, даже когда дѣло идетъ о самыхъ обыкновенныхъ и тривіальныхъ предметахъ. Языкъ у Сиднея достигаетъ неизвѣстной до него высоты, и благородный, самъ по себѣ возвышенный слогъ пріобрѣтаетъ у него еще новое художественное достоинство, силу облагораживать мысль выраженіемъ и выраженіе мыслью, силу, которая такъ часто изумляетъ читателя въ англійскихъ писателяхъ елисаветинскаго времени.» Даже Галламъ находитъ нелѣпою эту ерунду, которую мы значительно сократили въ нашей цитатѣ; онъ говоритъ, что это преувеличеніе, и что Гукъ и Беконъ писали бы хорошею прозою и безъ Сиднея. Мы приведемъ сужденіе одного почтеннаго нѣмецкаго историка литературы и посовѣтуемъ читателямъ, заинтересованнымъ этимъ вопросомъ, самимъ прочесть «Аркадію», которая вовсе не рѣдкость въ библіотекахъ *); довольно бѣглаго взгляда на эту книгу, чтобы рѣшить, кто правъ, англичанинъ или нѣмецъ. Послѣдній говоритъ: «Аркадія Филиппа Сиднея есть неудачная па-

*) Тѣмъ не менѣе, ни самъ Шлоссеръ, ни цитируемый имъ ученый историкъ, кажется, не видали этой книги. Она написана прозой, а не стихами, какъ говоритъ послѣдній, и если новѣйшіе историки англій-

стушеская эпопея, написанная шероховатыми гекзаметрами (?), совершенно аллегорическаго склада, которая сплетаетъ итальянскую пастушескую поэзію съ рыцарскими и феодальными нравами и пользуется всѣми происшествіями для высказыванія нравственныхъ и политическихъ истинъ.»

4. Продолженіе исторіи отношеній французской литературы XVI вѣка къ исторіи самой націи.

Отъ предшествующихъ замѣчаній о литературѣ двухъ націй, писатели XVI вѣка которыхъ извѣстны намъ менѣе, чѣмъ писатели XVII и XVIII столѣтій, мы обращаемся къ пополненію того, что сказано въ (т. XII, стр. 448—64 и слѣд.) о французской литературѣ XVI столѣтія. Мы съ намѣреніемъ умолчали о двухъ важнѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ французовъ въ этомъ вѣкѣ — о «Мениппейской Сатирѣ» и объ «Опытахъ» Монтаня (т. XII, стр. 463 и слѣд.), чтобы поговорить о нихъ здѣсь.

М е н и п п е й с к а я С а т и р а *) принадлежитъ перу лучшихъ умовъ Франціи, знаменитыхъ также своимъ знаніемъ древнихъ языковъ и наукъ. Это шутливый разсказъ о преніяхъ созваннаго въ Парижъ въ іюлѣ 1593 г. собранія штатовъ (стр. 274), которое хотѣло избрать королемъ вмѣсто Генриха IV племянника генеральнаго намѣстника Майена, гер-

---

ской литературы упоминаютъ о ней, то именно потому, что эта ничтожная сама по себѣ книга была однимъ изъ немногихъ произведеній въ п р о з ѣ того времени. *Прим. М. А. М.*

*) „Satyre Menippée de la Vertu du Chatolicon d'Espagne et de la tenue des Etats de Paris“. Лучшее изданіе вышло въ 1726 г. въ Регенсбургѣ. Здѣсь помѣщены всѣ важныя для царствованій Генриховъ III и IV акты съ полнымъ коментаріемъ того же Дюшателя, который написалъ извѣстный коментарій на Рабле. „Satyre Menippée“ помѣщена также въ „Memoires de la Ligue“ (Амстердамъ, 1758, 5 большихъ томовъ in — 4°); см. т. V, стр. 469 и слѣд.

цога де Гиза. Остроумнѣйшія головы Франціи соединились, чтобы осмѣять и опозорить продѣлки монаховъ и поповъ, испанцевъ, Гизовъ, фанатиковъ и одураченныхъ ими парижанъ. Насмѣшка удалась имъ до такой степени, что «Мениппейская Сатира» была черезъ нѣсколько недѣль у всѣхъ въ рукахъ и помогла Генриху IV больше, чѣмъ выигрышъ сраженія. Сочиненіе это, написанное сообща соединившимися друзьями, содержитъ сатирическое описаніе процессіи священной лиги (стр. 274), ироническое описаніе обой въ залѣ собранія штатовъ и наконецъ рѣчи и аллегорическія фразы, которыя вложены въ уста ораторовъ собранія, чтобы разоблачить тайныя побужденія и характеръ лицемѣровъ. Книга эта до сихъ поръ считается образцовымъ произведеніемъ, и при нѣкоторомъ знакомствѣ съ исторіей ее легко понимать. Слогъ и языкъ ея ничего не потеряли и черезъ триста лѣтъ, а остроуміе ея такъ же мѣтко въ отношеніи къ лицемѣрному духовенству нынѣшней Франціи, какъ и къ духовенству XVI вѣка.

Дѣйствіе «Мениппейской Сатиры» на французскій народъ было подобно электрическому удару. Классически-ученые авторы назвали ее «мениппейскою» по имени циническаго философа Мениппа, который внушалъ всѣмъ страхъ своею язвительною насмѣшкою. Они могли бы назвать ее и «аристофановскою», потому что она нападаетъ на ханжей такъ же, какъ Аристофанъ нападалъ въ своихъ комедіяхъ на демагоговъ. Планъ сочиненія составленъ собственно руанскимъ каноникомъ и раздавателемъ милостыни кардинала де Бурбона, Пьеромъ ле-Руа, и имъ же написаны три первыя статьи: «Католиконъ» или насмѣшка надъ испанскими деньгами, поддерживающими все движеніе противъ Генриха IV, обои лиги и ея процессія. Это слабѣйшія мѣста во всей сатирѣ. Въ «Католиконѣ» иронически и аллегорически изображается, какъ подъ предлогомъ религіи разные классы французовъ приводятся въ движеніе и сводятся въ общее собраніе деньгами. Въ «Процессіи» выведены въ смѣшномъ видѣ всѣ представители лиги, особенно монахи и духов-

ныя лица, которыя пользуются суевѣріемъ толпы для своихъ политическихъ цѣлей. «Таписсерія» описываетъ будто бы украшающія залу засѣданій картины, съ цѣлью представить въ смѣшномъ и превратномъ свѣтѣ все, что предпринимали лигисты и исполняли съ помощью призванныхъ ими испанцевъ.

Упомянутыя, довольно посредственныя статьи, впрочемъ не болѣе, какъ предисловіе, или введеніе къ самому сочиненію, которое явилось, когда Пьеръ Питу и его друзья увлеклись мыслью каноника ле-Руа и рѣшились сообща привести ее въ исполненіе. Знаменитый знатокъ и изслѣдователь древней и новой исторіи, отличный юристъ, дѣлецъ и историкъ, Петръ Питу (т. XII, стр. 453 и слѣд.) былъ уважаемъ протестантами и католиками и потому, какъ нельзя лучше, могъ привлечь всѣхъ благомыслящихъ французовъ на сторону Генриха IV, осмѣивая іезуитовъ, монаховъ и испанцевъ. Онъ былъ протестантъ, и какъ протестанта его преслѣдовали; онъ былъ нѣсколько времени въ Базелѣ, но возвратившись во Францію, снова перешелъ въ католицизмъ и все-таки пользовался уваженіемъ протестантовъ. Онъ велъ за Генриха IV корреспонденцію съ папой и написалъ введеніе къ его отпущенію. Съ нимъ соединились Гильо, Пассера́, Рапенъ и Флоранъ Кретьенъ, люди съ замѣчательнымъ поэтическимъ дарованіемъ и извѣстные во всей Европѣ знаніемъ древности и классической литературы. Эти тѣсно-соединенные друзья зимою 1593 г., обработали сочиненіе, въ которомъ по-аристофановски осмѣяли пренія собранія штатовъ, приписавъ комическія рѣчи важнѣйшимъ лигистамъ. Большая часть стиховъ въ «Мениппейской сатирѣ» принадлежитъ Пассера́. Онъ же написалъ и четверостишіе (quatrain), которое саркастически объясняетъ значеніе герба лиги, состоявшаго изъ двухъ крестовъ, и до сихъ поръ считается превосходною эпиграммою *).

*) „Dites moi donc, que signifie,
Que les ligueurs ont double croix?

Въ этой сатирѣ, мастерски осмѣивающей продѣлки лигистовъ и соединяющей съ насмѣшкой указаніе на истинную пользу націи и на необходимость примкнуть исключительно къ Генриху IV, лучшимъ мѣстомъ слѣдуетъ назвать написанную Пьеромъ Питу рѣчь гражданскаго намѣстника (lieutenant civil) д'Обре́. Чтобы доказать необходимость соединяться съ Генрихомъ IV, она изображаетъ яркими красками бѣдствія междоусобій. Въ наружномъ безпорядкѣ отдѣльныхъ статей проявляется удивительное искусство и умѣнье пользоваться фарсомъ, обращая его во введеніе въ серьезное дѣло. Такъ составленныя друзьями Питу комическія рѣчи руководителей лиги служатъ контрастомъ рѣчи, вложенной въ уста д'Обре́. Николай Раненъ, одинъ изъ лучшихъ латинскихъ поэтовъ тогдашняго времени, въ рѣчи бывшаго ректора парижскаго университета и потомъ епископа санлисскаго, Роза, превосходно осмѣялъ глупость и педантизмъ фанатиковъ, бывшихъ оракулами лигистовъ. То же можно сказать и о рѣчи, вложенной въ уста архіепископа ліонскаго. Парламентскій совѣтникъ Гильо самымъ желчнымъ образомъ отдѣлалъ легата кардинала Филиппа де ла-Сегу (стр. 276 и 284); онъ описываетъ его ораторствующимъ во французскомъ собраніи на половину по-итальянски, на половину монашеской латынью. Эта тарабарщина, какъ и слѣдовало, коротка, но выказываетъ съ достаточнымъ комизмомъ все невѣжество и злость попа. Кардиналомъ Пельве́ (стр. 285) занялся Флоранъ Кретьенъ, авторъ очень извѣстныхъ въ то время христіанскихъ трагедій, искусственно составленныхъ на греческомъ языкѣ изъ стиховъ Еврипида; трагедіи эти, повидимому, съ удовольствіемъ ввели бы и теперь во многихъ школахъ взамѣнъ языческихъ. Кретьенъ заставляетъ кардинала ораторствовать въ

C'est qu'en la ligue on crucifie
Jésus-Christ encore une fois."

(Скажите, почему у лигистовъ двойной крестъ? Оттого, что въ лигѣ распинаютъ Христа вторично.)

перемежку то по-французски, то извѣстною монашескою латынью темныхъ людей (virorum obscurorum).

Первая рѣчь приписывается герцогу де Майену, генеральному намѣстнику королевства (lieutenant du roi), въ которой онъ хвастливо разсказываетъ цѣлый рядъ дрянныхъ своихъ продѣлокъ и хвалится, что привелъ королевство изъ цвѣтущаго въ бѣдственное положеніе. Чтобы показать, какъ авторы сатиры изображали и обличали ораторовъ ихъ собственными рѣчами, мы приведемъ въ выноскѣ мѣсто, гдѣ герцогъ вкратцѣ излагаетъ результатъ своей ультрамонтанской дѣятельности *). Рѣчь его содержитъ въ себѣ всю исторію его и его фамиліи, Гизовъ; всѣ ханжескія фразы лигистовъ и всѣ выраженія ихъ духовныхъ поджигателей, особенно слова «католическій» и «святой», подобраны въ рѣчи такъ, что даже самой ограниченной головѣ становится ясно, какъ націю сбиваютъ съ толку религіозными криками. Герцогъ де Майенъ, серьезно назвавшій смерть Генриха III отъ руки фанатическаго монаха спасительнымъ дѣломъ неба (un coup de ciel), говоритъ въ рѣчи своей въ «Мениппейской сатирѣ»: «По теплыми и усердными молитвами отцевъ іезуитовъ, стараніями милостивой государыни, сестры моей, и содѣйствіемъ нѣкоторыхъ святыхъ иноковъ и пресвитеровъ, обрѣли мы святаго мученика, который направилъ этотъ спасительный, присужденный небомъ ударъ кинжала и искупилъ насъ отъ бѣдствій и плѣненія, въ которыя мы были бы вскорѣ неминуемо повергнуты.» Въ числѣ подвиговъ своихъ герцогъ де Майенъ въ особенности указываетъ на то, какъ онъ поражалъ своихъ политическихъ про-

*) „Et par notre bonne diligence nous avons fait, que ce royaume, qui n'étoit qu'un voluptueux jardin de tout plaisir et abondance, est devenu un grand et ample cimetière universel, plein de force belles croix peintes, biéres, potences et gibets. (И благодаря нашимъ стараніямъ, это государство, бывшее прежде роскошнымъ садомъ, гдѣ господствовали веселіе и изобиліе, обратилось въ большое, обширное кладбище, полное прекрасныхъ крашенныхъ крестовъ, гробовъ и висѣлицъ.)

тивниковъ направо и налѣво молніями отлученія. «Мы вѣдь заставляли, — восклицаетъ онъ, — отлучать нашихъ враговъ отъ церкви и дѣлать ихъ чернѣе дьявола! Мы возобновили присягу братства веревки и имени Іисусова!» Чтобы понять послѣднее, надо знать напечатанныя въ 1590 статьи собраннаго въ церкви Св. Жерте братства имени Іисусова. Въ нихъ говорится: «Братья клятвенно присягаютъ жить и умереть въ католической, апостольской римской вѣрѣ, въ послушаніи его христіаннѣйшему величеству Карлу X и намѣстнику его, герцогу де Майену.» Они клянутся далѣе добиться освобожденія кардинала де Бурбона и никогда не признавать королемъ еретическаго принца, Генриха Бурбона, мнимаго короля наваррскаго: ибо Генрихъ дважды еретически отступалъ отъ церкви, отлученъ папою и еще до убійства Гизовъ въ Блуа былъ объявленъ собравшимися въ Блуа тремя сословіями неспособнымъ наслѣдовать престолъ. Братія обязалась также ни въ какомъ случаѣ не вступать ни въ какіе мировые договоры, или перемирія между католиками и еретиками. Далѣе въ уста герцога Майена влагаются слѣдующія слова: «Мы учреждали процессіи, которымъ не было подобныхъ, потому что онѣ украшались блескомъ пышнѣйшихъ маскарадовъ. Потомъ мы распространяли подъ рукой въ нашей Франціи испанскій католиконъ, то есть нѣкоторое количество дублоновъ, которые произвели чудесное дѣйствіе на важнѣйшихъ лигистовъ (cordon-bleus politiques).»

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ «Мениппейской сатиры», котораго нѣтъ въ вышеупомянутыхъ «Запискахъ о лигѣ», принадлежитъ перу одного изъ даровитѣйшихъ лирическихъ поэтовъ Франціи XVI столѣтія, Жилю Дюрану де ла-Бержери. Это элегія осла на смерть другаго лигистскаго осла *). Эту сатирическую пьесу, которая находится не во всѣхъ изданіяхъ «Мениппейской сатиры», Сентъ-Бёвъ перепечаталъ въ приложеніи къ своей

*) Она озаглавлена такъ. „A Mademoiselle ma Cousine sur le Trespas de son Asne, Regret funeraire.“

«Исторіи французской поэзіи XVI столѣтія» (т. I, стр. 378—382). Оселъ сдѣлался парижскимъ гражданиномъ и палъ жертвою своего долготерпѣнія къ лигѣ. Онъ, какъ всѣ парижане, былъ взбалмошенъ, упрямъ и непокоренъ *). Онъ наконецъ сдѣлалъ для лиги болѣе, чѣмъ на что посмѣли бы рѣшиться многіе изъ ея главъ (tel seize); онъ умеръ славною смертью за священный союзъ и угостилъ своимъ тѣломъ отощавшихъ богомольныхъ ревнителей вѣры и ихъ кардинала своимъ **). Тотъ же Жиль Дюронъ написалъ, впрочемъ, еще нѣсколько пѣсенъ въ меланхолическомъ тонѣ, которыя кажутся намъ очень удачными. Сентъ-Бёвъ въ первой части своей «Исторіи французской поэзіи» приводитъ двѣ изъ нихъ. Въ особенности одну изъ этихъ пѣсенъ, обращенную къ цвѣтку жимолости, мы го-

---

*) „Votre asne fut d'autre nature
Et courut plus belle adventure;
Car à ce que j'en ay appris.
Il estoit bourgeois de Paris,
Et de fait par un long usage
Il retenoit du badaudage,
Et faisoit un peu le mutin,
Quand on le sangloit trop matin“.

(Вашъ оселъ былъ не таковъ, и похожденія его были лучше; сколько я знаю, онъ былъ парижскій буржуа и отъ долгой привычки еще сохранилъ отчасти ослиный нравъ, такъ что брыкался немного, если его слишкомъ рано запрягали).

**) „Plus belle fin lui estoit due.
Sa mort fut assez cher vendue;
Car un boucher qui l'acheta
Trente écus d'or sol il cousta.
La chair par membres despecée
Tout soudain en fut dispersée
Au legat, et le vendit-on
Pour veau peut-être ou pour mouton“.

(Ему была суждена лучшая доля (чѣмъ умереть отъ старости); его смерть стоила дорого, потому что мясникъ далъ за него 30 червонцевъ. Мясо разрѣзали на куски и все быстро распродали, продавъ, говорятъ, легату за телятину или баранину).

товы предпочесть всему, что писали въ этомъ родѣ Пассера и Ронсаръ *).

Прежде чѣмъ перейти отъ «Мениппейской сатиры» къ сочиненіямъ Монтаня, мы сдѣлаемъ въ дополненіе къ тому, что́ было нами сказано выше (т. XII, стр. 458 и 460), нѣсколько замѣчаній объ упомянутыхъ уже намъ поэтѣ и поэтесѣ XVI столѣтія. Мы говоримъ о Клеманѣ Маро и о Маргаритѣ Валуа. Клеманъ Маро, какъ извѣстно, шелъ по стопамъ Вильона, и наивный языкъ его (marotisme) былъ вновь введенъ въ употребленіе въ XVII столѣтіи Ла-Фонтеномъ. Маро былъ въ теченіе XVI, XVII и большей части XVIII вѣка любимцемъ французской націи, не смотря на то, что языкъ его устарѣлъ, а может быть именно вслѣдствіе этого. Никому не казалось страннымъ въ то время, что этотъ человѣкъ, проповѣдывавшій въ стихахъ своихъ распутство, вмѣстѣ съ тѣмъ переводилъ псалмы. Во Франціи даже донынѣ осталась мода прежде всего слушать самыхъ легкомысленныхъ людей, когда они сочиняютъ благочестивыя пѣсни. Это доказываетъ успѣхъ одъ Руссо въ богомольной Бельгіи. Жизнь Маро немногимъ отличалась отъ жизни Вильона, хотя то́, что разсказываютъ о его интригахъ съ знатными дамами, ничѣмъ не подтверждается. Какъ Вильонъ, онъ два раза си-

---

*) Вотъ для примѣра два куплета:

„Belle fleur jadis amoureuse
Du dieu, qui nous donne le jour,
Te dois-je nommer malheureuse
Ou trop constante dans ton amour?

„Ce dieu, qui en fleur t'a changée,
N'a point changé ta volonté.
Encore belle fleur orangée
Sens-tu l'effort de sa beauté?“

(Прекрасный цвѣтокъ, нѣкогда влюбленный въ бога, дающаго намъ свѣтъ, назвать ли тебя несчастнымъ или слишкомъ постояннымъ въ любви? Богъ, обратившій тебя въ цвѣтокъ, не измѣнилъ твоей природы. Прекрасный оранжевый цвѣтокъ, ты и теперь чувствуешь вліяніе его красоты).

дѣлъ въ уголовной тюрьмѣ (въ Шатле́), впрочемъ, за дѣла, болѣе достойныя какъ тотъ. Въ первый разъ онъ былъ заключенъ по подозрѣнію въ ереси, а во второй за то, что освободилъ одного человѣка, захваченнаго патрулемъ. Его чисто французская натура и отвращеніе отъ искусственности и педантизма, за которыми гонялись его современники, поддержали его славу, составленную въ XVI вѣкѣ. Онъ остался естественнымъ, не смотря на свое ученое образованіе и знакомство съ классиками, какимъ отличались также поэты, мудрившіе надъ языкомъ и версификаціей. Онъ писалъ посланія, пѣсни, баллады, chants royaux, рондо и даже элегіи. Главная сила его таланта въ ироніи, и потому въ отношеніи его вліянія на жизнь и литературу всего замѣчательнѣе его двусмысленныя эпиграммы и шуточно-комическія посланія. Въ особенности два посланія, написанныя имъ въ Шатле́, до сихъ поръ считаются французами образцовыми произведеніями. Кромѣ этихъ двухъ уже извѣстныхъ намъ посланій, французы очень хвалятъ еще третье, обращенное къ другу его, Ліону Жанѐ. Оно тоже касается его освобожденія изъ Шатлѐ и замѣчательно по оригинальной манерѣ, съ какою Маро пересказываетъ въ ней басню о львѣ и мыши. Сентъ-Бёвъ приводитъ наконецъ еще четвертое посланіе, какъ примѣръ безискуственнаго остроумія и беззаботной веселости наивнаго поэта. Въ этомъ посланіи къ королю Франциску I Маро ходатуйствуетъ о другѣ своемъ, поэтѣ Пюпильйонѣ.

Королева Маргарита Валуа еще лучше Маро умѣла соединять высшее благочестіе и созерцательность въ стихахъ съ непристойностью и грязью въ прозѣ. При жизни ее боготворили за ея аскетическія и духовныя драматическія стихотворенія; но она пріобрѣла безсмертіе у французовъ, забывшихъ ея стихи, прозаическими повѣстями или новеллами во вкусѣ Боккачіо. Вмѣстѣ съ Монтанемъ, который тоже полонъ неприличій, она считается одною изъ классическихъ писательницъ французской націи, и ея непристойныя произведенія, напрасно называемыя въ извиненіе наивными, считаются необходимою принадлежностью каждой

французской библіотеки. Въ этихъ повѣстяхъ, озаглавленныхъ «Гептамерономъ» (по примѣру «Декамерона» Боккачіо) все фривольное взято изъ нравовъ Гаскони, все веселое изъ нравовъ французской націи; оттого онѣ остались до сихъ поръ классическими во Франціи. Впрочемъ, замѣняя мало-по-малу устарѣвшія выраженія болѣе новыми, убавили много прелести у новеллъ Маргариты, которыя, какъ и стихотворенія Маро, отличались наивнымъ языкомъ, вызвавшимъ потомъ подражаніе Ла-Фонтена.

Какъ Маргарита соединяла фривольность и остроуміе съ аскетизмомъ, такъ прозаикъ Мишель Монтань, жившій во второй половинѣ XVI столѣтія, старался соединить и то, и другое съ философіей. Онъ сдѣлалъ это въ своей практической философіи, изданной подъ заглавіемъ Опытовъ (Essays). Монтань былъ тоже оригинальный французъ съ юга. Онъ былъ далекъ отъ всякой объективности, и все, что лично встрѣчалось ему въ жизни или въ чтеніи, или что онъ чувствовалъ, онъ записывалъ, и эти замѣтки выдавались потомъ французами за объективную философію. Сомнѣніе и насмѣшка (скептицизмъ и скоптицизмъ) «Опытовъ» Монтаня и даже его отрывочный, испещренный анекдотами и разными циническими исторіями образъ изложенія были совершенно въ характерѣ французовъ и перешли въ ихъ жизнь, какъ перешелъ богатый анекдотами Плутархъ въ переводѣ Аміо въ ихъ исторію. Во всѣхъ такъ называемыхъ философскихъ произведеніяхъ, охотно читаемыхъ донынѣ массою французской публики (здѣсь рѣчь не о школьной философіи), замѣтно вліяніе Монтаня, и еще недавно парижская академія назначила задачею на премію похвальное слово этому писателю. Не только всеотрицающая философія Беля и Вольтера, но и доктрина Руссо объ идеальномъ воспитаніи и идиллической жизни вполнѣ основываются на мысляхъ и мнимыхъ наблюденіяхъ Монтаня. Монтань хотѣлъ основать свою эмпирическую философію на собственныхъ наблюденіяхъ и случайно попадавшихся ему подъ руку разсказахъ путешественниковъ; какъ мало онъ былъ способенъ къ наблюденію, мы мо-

жемъ судить лучше, чѣмъ его современники, ибо только въ наше время напечатано составленное имъ описаніе путешествія. То же видимъ мы и у Руссо, который тоже хотѣлъ непремѣнно основываться на опытѣ и черпалъ самыя неосновательныя свѣдѣнія о готтентотахъ и ладронахъ изъ случайно попавшаго ему въ руки описанія путешествія и изъ баснословнаго «Путешествія Вокругъ Свѣта» Ансона. Но какъ мало зналъ Руссо самого себя, видно изъ его автобіографіи, гдѣ каждому читателю ясно, что онъ, если вѣрить его словамъ, никогда не могъ научиться познавать себя. И Монтескьё, тоже очень щедрый на анекдоты, слишкомъ часто основываетъ на отдѣльныхъ мѣстахъ и на поверхностномъ наблюденіи общія положенія и риторически увлекаетъ читателя, какъ Руссо, чего не дѣлалъ Монтань, не имѣвшій никакой системы и никакой вѣры. Бель, постоянно стоящій на плечахъ Монтаня, остался поэтому вѣрнѣе всѣхъ другихъ источнику французской свѣтской и народной философіи XVI вѣка, которая умѣетъ всюду найтись и все извинить.

Нѣмцы назвали бы Монтаня не философомъ, а разсудительнымъ, веселымъ, добродушнымъ французомъ, который разсуждаетъ сплошь и рядомъ обо всемъ, что придетъ ему въ голову и, не обращая вниманія на существующую религію, жестоко нападаетъ на суевѣрія своего времени. Онъ въ то же время нѣсколько грубъ; но собственно безнравственнаго мы въ немъ не находимъ, потому что онъ и его друзья дворянчики слишкомъ хорошо знали приличіе. Монтань распространяется съ искреннею болтливостью о всевозможныхъ отношеніяхъ жизни, о самомъ себѣ и о своихъ современникахъ, о судоустройствѣ и правительствѣ, о школахъ и церквахъ, и при этомъ приводитъ самыя разнообразныя мѣста, анекдоты и примѣры изъ безчисленныхъ книгъ, прочитанныхъ имъ. Неудивительно поэтому, что произведеніе его осталось донынѣ популярною книгою и лучшимъ источникомъ французской житейской философіи. Впрочемъ, «Опыты» Монтаня по грустнымъ временнымъ обстоятельствамъ съ самаго начала появились съ урѣзками. Первое изданіе, за

которымъ послѣдовало нѣсколько другихъ, вышло въ Бордо въ 1580 г. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ много измѣненъ слогъ. Во время Монтаня естественность рѣчи, нестѣсняемой правилами, начала уже уступать аффектаціи придворныхъ сочинителей, и вскорѣ Бальзакъ и Вуатюръ ввели въ моду совершенно изысканную манеру въ разговорѣ и письмѣ. Монтань оставался любимымъ чтеніемъ всѣхъ, и потому слогъ его скоро стали подновлять. Лучшимъ и новѣйшимъ изданіемъ «Опытовъ» слѣдуетъ назвать напечатанное Анжелье по рукописи автора въ 1595 г. въ Парижѣ. Во всѣхъ позднѣйшихъ орѳографія и стиль измѣнены. Это сдѣлано впервые женщиною-писательницею, г-жею Гурнѐ, которая редактировала изданіе 1635 г. и съ самыми хорошими побужденіями измѣнила старинный характеръ языка, столь существенный въ произведеніяхъ такого рода. Дальнѣйшія изданія были перепечаткою этого, пока въ 1724 г. Ла-Костъ не напечаталъ текста по изданію Анжелье въ Лондонѣ въ трехъ томахъ съ примѣчаніями. Другое изданіе по этому тексту вышло въ 1725 въ Парижѣ, а третье въ 1727 въ Гагѣ.

КОНЕЦЪ XIII ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ XIII ТОМА.

